

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ:

ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 18, № 6, 2025

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES:

FACTS, TRENDS, FORECAST

Vol. 18, no. 6, 2025

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. В каком государстве хотят жить россияне? Какое государство построено?	9

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Румянцев Н.М., Лукин Е.В. Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России: структурный подход к мониторингу	46
Кайсина П.А., Шаклеина М.В., Светличная С.В. Проблема повышения качества жизни населения: роль социально-экономического генотипа в формировании стратегии развития регионов	71
Ситковский А.М., Райсих А.Э., Гладкий А.С., Безвербная Н.А. Влияние агломерационного эффекта на демографическую политику территорий	90

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Петров С.П., Печенская-Полищук М.А. Адаптация цепей поставок черной металлургии России к геополитическим вызовам: от переориентации потоков к изменению финансовых результатов	110
Пьянкова С.Г., Макаренко Б.В. Предпосылки создания агробиотехнопарка как элемента инновационной инфраструктуры	132
Тахумова О.В., Бурса И.А. Проблемы устойчивого развития молочного скотоводства в российских регионах в условиях санкций	156

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Коленникова Н.Д. Субъективный социальный статус россиян: взаимосвязь с имущественными характеристиками	175
Черных Е.С., Коровкина Н.В., Леонидова Г.В. Неформальная занятость: проблемы баланса «работа — личная жизнь»	194
Тонких Н.В., Бегичева С.В., Камарова Т.А. Влияние цифровизации занятости на родительские стратегии	211
Акин Ф., Озгюн Ф. Гипотеза экологической кривой Филлипса для России: взаимосвязь между уровнями загрязнения окружающей среды и безработицы	227

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Шабунова А.А., Гань Гэньхуа, Калачикова О.Н. Культура и традиции как драйверы развития территорий: опыт России и Китая	248

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Косыгина К.Е., Гужавина Т.А. Логика развития направления исследований по проблематике гражданского общества в ВолНЦ РАН.....	264
Башева О.А., Черникова Е.Ф., Ведунова М.В. Междисциплинарные пересечения исследований детерминант старения	279

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	296
Список статей, опубликованных в 2025 году	311
Правила приёма статей	315
Информация о подписке	316

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. What Kind of State Do Russians Want to Live In? What Kind of State Has Been Built?.....	9

REGIONAL ECONOMICS

Rumyantsev N.M., Lukin E.V. Trends in the Economic Development of Russia's Northwest Regions: A Structural Approach to Monitoring.....	46
Kaisina P.A., Shakleina M.V., Svetlichnaya S.V. Improving the Population's Quality of Life: The Role of the Socio-Economic Genotype in Shaping the Regions' Development Strategy.....	71
Sitkovskiy A.M., Raisikh A.E., Gladky A.S., Bezverbnaya N.A. The Influence of the Agglomeration Effect on the Demographic Policy of Territories.....	90

BRANCH-WISE ECONOMICS

Petrov S.P., Pechenskaya-Polishchuk M.A. Adaptation of Russian Ferrous Metallurgy Supply Chains to Geopolitical Challenges: From Reorientation of Flows to Changes in Financial Results	110
Pyankova S.G., Makarenko B.V. Prerequisites for the Creation of an Agrobiotechnology Park as an Element of Innovation Infrastructure.....	132
Takhumova O.V., Bursa I.A. Problems of Sustainable Development of Dairy Cattle Farming in Russian Regions under Sanctions	156

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Kolennikova N.D. Subjective Social Status of Russians: Relationship with Property Characteristics.....	175
Chernykh E.S., Korovkina N.V., Leonidova G.V. Informal Employment: Problems of Work-Life Balance.....	194
Tonkikh N.V., Begicheva S.V., Kamarova T.A. The Impact of Employment Digitalization on Parenting Strategies	211
Akin F., Özgün F. The Environmental Phillips Curve hypothesis for Russia: The Relationship between the Levels of Environmental Pollution and Unemployment	227

GLOBAL EXPERIENCE

Shabunova A.A., Gan Genhua, Kalachikova O.N. Culture and Traditions as Drivers of Territorial Development: The Experience of Russia and China	248

SCIENTIFIC REVIEWS

Kosygina K.E., Guzhavina T.A. The Logic of Development of Civil Society Studies at VolRC RAS.....	264
Basheva O.A., Chernikova E.F., Vedunova M.V. Interdisciplinary Intersections of Research on the Determinants of Aging	279

MONITORING STUDIES

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	296
Index of Articles Published in 2025	311
Manuscript Submission Guidelines	315
Subscription Information.....	316

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

В каком государстве хотят жить россияне? Какое государство построено?

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. В статье рассматривается проблема практической реализации желаемого для большинства граждан образа будущего России. Показана ее актуальность до и после начала специальной военной операции на Украине. На основе российских и региональных социологических исследований, а также экспертных оценок сделан вывод о том, что для большинства людей желаемый образ будущего России – сильная, суверенная страна, опирающаяся прежде всего на традиционные ценности (среди которых ключевое значение имеет социальная справедливость) и ценности социального государства, что в целом соответствует курсу национального развития, реализуемого Президентом РФ В.В. Путиным на протяжении последних 25 лет. Вместе с тем авторы обращают внимание на скептическое отношение экспертов и широких слоев населения

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2025). В каком государстве хотят жить россияне? Какое государство построено? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 9–45. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2025). What kind of state do Russians want to live in? What kind of state has been built? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 9–45. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.1

к возможности практической реализации желаемого образа будущего страны. Эта проблема существовала как до, так и после начала специальной военной операции, и ее главная причина состоит в неспособности или нежелании значительной части правящих элит реализовывать целевые установки главы государства, направленные на укрепление национального суверенитета. Как следствие, для многих россиян будущее России по-прежнему остается туманным. Борьба России за возможность дальнейшего суверенного развития становится борьбой не только с «коллективным Западом», но и с собственными затянувшимися внутренними проблемами. А непосредственно для Президента ключевое значение приобретает подготовка фундамента для приведения системы государственного управления в соответствие с представлениями людей о желаемом образе будущего страны, что включает в себя прежде всего окончание специальной военной операции на выгодных для России условиях и выбор преемника, способного продолжить и усилить курс национального развития, которым страна идет уже четверть века. Эмпирическая часть исследования базируется на авторских и общероссийских мониторинговых социологических измерениях, а также оценках широкого круга экспертов. Авторский капитал состоит в развитии теоретической и методологической базы научных исследований, посвященных поиску и определению контуров образа будущего России, а также факторов, препятствующих его практической реализации.

Ключевые слова: образ будущего, социализм, социальная справедливость, общественное мнение, преемственность курса национального развития.

Специальная военная операция продолжается уже почти четыре года. И почти четыре года Россия находится на том этапе своей истории, когда для неё меняется решительно всё. Как пишет А. Дугин, *«СВО — это ритуал перехода из одного состояния в другое. Когда этот переход закончится, мы окажемся в новом мире. Это будет другое общество, другие люди, другие границы, другие принципы, другие идеи, другие институты, другие политические установки»*¹. А какими именно будут эти другие «люди», «границы», «принципы» и «идеи» — решается, что называется, в режиме реального времени, и поэтому неслучайно В.В. Путин говорит о том, что мы «живём в такое время, когда всё меняется — и меняется очень быстро; кардинально меняется. **Никому из нас не дано в полной мере предвидеть будущее. Однако это не освобождает от обязанности быть готовыми ко всему, что может произойти»**²...

В начале 2025 года мы писали о том, что за 25 лет своих президентских сроков Президент РФ В.В. Путин прошел путь от «Воина» (начи-

ная с урегулирования чеченского конфликта) до «Творца», и «эта трансформация являет собой результат сложного переплетения внешних и внутренних факторов, анализировать которые можно только в едином историческом контексте»³.

«Свое президентство Путин начал в архетипическом образе «Воина», с годами став полноправным «Правителем», который в реальном времени вносит правки в мироустройство, создавая новый мировой порядок в роли «Творца».

«Воин» — это целеустремленный и деятельный боец, стремящийся, с одной стороны, побеждать врагов, с другой — защищать друзей/народ/избирателей. «Правитель» — создает порядок из хаоса и поддерживает его, организует процессы, выстраивает иерархию. «Творец» — человек, который творит новое мироустройство, в котором у России будет совершенно новая роль, и создает новые правила игры внутри страны и новую элиту»⁴.

¹ Дугин А. Ключ к Победе в СВО лежит в 1990-х // Завтра. 29.11.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/klyuch_k_pobede_v_svo_lezhit_v_1990-h_kapitulyatsii_ukraini_budet_nedostatocno

² Выступление В. Путина на Валдайском форуме 2 октября 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78134>

³ Ильин В.А., Морев М.В. (2025). 25 лет президентских сроков В. Путина: «Воин», «Правитель», «Творец» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 11.

⁴ Динамика образа Владимира Путина: от Воина к Правителю-Творцу: доклад // Минченко консалтинг. Октябрь 2024. 23 с. 07.10.2024. URL: https://minchenko.ru/news/news_235.html

Этот «единый исторический контекст» означает, что все три роли Президенту приходилось выполнять одновременно, периодически, в зависимости от ситуации на внутренней и внешней политической арене, «выводя» на

первый план то «Воина»⁵, то «Правителя»⁶, то «Творца»⁷, однако всегда при этом думая о будущем России, ставя задачи и определяя стратегию национального развития на десятилетия вперед.

2008 г.: «Сегодня мы уже формулируем для себя цели и задачи не на месяц, не на два вперёд, а на 20–30 лет вперёд»⁸.

2012 г.: «Необходим именно долгосрочный государственный подход, учитывающий интересы и регионов, и практически всех отраслей экономики, геополитические и социальные факторы. Нужно смотреть на 10, 20, 30 лет вперёд»⁹.

2022 г.: «Всегда – при принятии любых решений – нужно вычленять главное. Что для нас главное? Быть независимыми, самостоятельными, суверенными и обеспечить развитие на будущее и сейчас, и будущим поколениям...»¹⁰

2023 г.: «Страна всегда думала о будущем. И мы с вами, конечно же, должны поступать именно таким образом. Всегда, при любых обстоятельствах думать о будущем народа и нашего государства. Мы так и делаем»¹¹.

2025 г.: «... сама идея [о строительстве Транссибирской магистрали через всю страну до Тихого океана] служит для нас примером стратегического видения будущего, когда в расчёт принимаются не только текущие потребности и обстоятельства, но и интересы страны на столетия вперёд...»¹²

⁵ Например, в начале своей президентской деятельности при урегулировании чеченского конфликта, во время «пятидневной войны» в Грузии 2008 г., в период (особенно в самом начале) проведения СВО.

⁶ Например, в 2000 г., когда В. Путин объявил принцип «равноудаления всех субъектов рынка от власти», по сути, начав борьбу с олигархами в системе государственного управления; при урегулировании ситуации внутри страны во время «протестов на Болотной» 2011–2012 гг.; а также во время мирового финансового кризиса 2008 г., пандемии Covid-19 и во время СВО, когда потребовалось интенсивно и быстро принимать управленческие решения, направленные на организацию жизни в стране в кризисных, быстро меняющихся условиях.

⁷ Например, во время «мюнхенской речи» 2007 г., когда Президент РФ очертить контуры будущего мироустройства и четко определил место и роль России в нем, определил стратегию развития страны на десятилетия вперед. А также в период обсуждения и принятия поправок к Конституции 2020 г., и в настоящее время, когда во время проведения СВО закладывается фундамент будущего России – определяются ее ценности, вектор воспитательно-образовательного процесса для подрастающих поколений, расставляются акценты национальной политики в экономике и других сферах жизни, пробуются механизмы обновления кадров в системе государственного управления.

⁸ Выступление В. Путина на церемонии вступления Д. Медведева в должность Президента РФ 7 мая 2008 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/2>

⁹ Вступительное слово В. Путина на совещании по развитию железнодорожной инфраструктуры и скоростного движения 26 апреля 2012 г. // Архив сайта Председателя Правительства РФ В.В. Путина. URL: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/18783/>

¹⁰ Выступление В. Путина на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/68669>

¹¹ Выступление В. Путина на Пленарном заседании Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/72863>

¹² Выступление В. Путина на Пленарном заседании VI Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» 27 марта 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/76554>

Умение Президента эффективно сочетать все три роли до сих пор обеспечивало (и по-прежнему обеспечивает) стране преемственность курса национального развития на протяжении последних 25 лет, что со временем привело (как отмечают эксперты) к важным геополитическим и, пожалуй, даже цивилизационным последствиям — 5 декабря 2025 года была опубликована новая Стратегия национальной безопасности США, в которой Россия впервые не была названа врагом. Некоторые эксперты назвали это событие «революционным»¹³; «черным по белому сказано то, что немыслимо было себе представить еще недавно: „НАТО не должна быть организацией для бесконечного расширения“»¹⁴.

В период проведения специальной военной операции (СВО) Президент также поставлен перед фактом необходимости прохождения такой же трансформации трех ролей (от «Воина» через «Правителя» к «Творцу»), что и на протяжении всех своих президентских сроков, **но только в «ускоренном» режиме, в форс-мажорных условиях и с резко возросшей ценой управленческих ошибок.**

Так, в первые месяцы проведения СВО главная задача Президента состояла в том, чтобы защитить российскую государственность перед консолидированной угрозой со стороны блока

НАТО и «киевского режима» (боевые действия в зоне проведения СВО, санкционный «блицкриг», международные и внутрироссийские террористические акты).

«Белый дом опубликовал обновленную Стратегию национальной безопасности США. Появления этого документа ждали уже несколько месяцев, но администрация Трампа все медлила – вносила правки. И вот результат: стратегия выглядит революционной в том, что касается России, Украины и Европы. РФ не враг Америке, о поддержке независимой «до победного конца» речь больше не идет. Руководство Евросоюза «подрывает политическую свободу» и вообще способно завести Старый Свет в пропасть. А НАТО не должно «бесконечно расширяться»¹⁵.

«Если отбросить дипломатические формулировки, мы видим **радикальный, революционный поворот** во взглядах на нацбезопасность в США... Фактическое снятие статуса «главной угрозы» и призыв к стратегической стабильности – это признание силы российской позиции»¹⁶.

«Новая Стратегия национальной безопасности США знаменует поворот на 180 градусов в американской политике»¹⁷.

¹³ Федорова О. «Окно возможностей для Кремля»: вскрылось, что сулит нам новая стратегия нацбезопасности США (мнение политолога Е. Уварова) // Московский комсомолец. 08.12.2025. URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/12/08/okno-vozmozhnostey-dlya-kremlya-vskrylos-cto-sulit-nam-novaya-strategiya-nacbezopasnosti-ssha.html?ysclid=mj6wgofmdl721169539>

¹⁴ Мнение директора по научной работе Международного дискуссионного клуба «Валдай» Ф. Лукьянова (источник: «Немыслимые изменения». Трамп готовит революцию в американской политике // РИА-новости. 06.12.2025. URL: <https://ria.ru/20251206/strategiya-2060230804.html?ysclid=mj9lfb2hed78565126>)

¹⁵ Ринаева И. Россия больше не враг: Стратегия нацбезопасности США революционно поменялась // Комсомольская правда. 05.12.2025. URL: <https://www.kp.ru/daily/27752.5/5180672/?ysclid=mj6vlr37vb44912633>

¹⁶ Федорова О. «Окно возможностей для Кремля»: вскрылось, что сулит нам новая стратегия нацбезопасности США (мнение политолога Е. Уварова) // Московский комсомолец. 08.12.2025. URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/12/08/okno-vozmozhnostey-dlya-kremlya-vskrylos-cto-sulit-nam-novaya-strategiya-nacbezopasnosti-ssha.html?ysclid=mj6wgofmdl721169539>

¹⁷ «Немыслимые изменения». Трамп готовит революцию в американской политике // РИА-новости. 06.12.2025. URL: <https://ria.ru/20251206/strategiya-2060230804.html?ysclid=mj9lfb2hed78565126>

9 декабря 2025 г., выступая на пленарном заседании Государственной Думы РФ, Председатель Государственной Думы В. Володин отметил, что **«начиная с 2022 года принято 152 федеральных закона о мерах поддержки участников специальной военной операции и их семей»**. 9 декабря было принято **еще 4 федеральных закона**, предусматривающих:

- ✓ бесплатный проезд военнослужащего и двух его близких родственников к месту прохождения военно-врачебной комиссии и обратно;
- ✓ продление льгот для совершеннолетних детей участников СВО после окончания школы до 1 сентября;
- ✓ предоставление регионам полномочий устанавливать дополнительные меры жилищного обеспечения семей военнослужащих, погибших в период прохождения службы;
- ✓ преимущественное право на обеспечение жилыми помещениями бойцов СВО, имеющих статус детей-сирот и выполнявших задачи по отражению вторжения на территорию Российской Федерации;
- ✓ право на получение жилья или субсидии вне очереди военнослужащими: воспитывающими детей-инвалидов старше 18 лет; решившими продолжить военную службу по контракту после определенных ранений и травм»¹⁸.

По мере того как система государственного управления (общество, экономика, военно-промышленный комплекс) адаптировалась к этим вызовам, всё больше возрастала роль Президента как «Правителя», и с этим связана интенсивная, проводимая фактически в ежедневном режиме законотворческая деятельность всей системы государственного управления, подчиненная цели организации жизни в стране в условиях СВО, включая социально-экономическую поддержку участников СВО, членов их

семей и других категорий граждан; переориентацию экономики на взаимодействие с партнерами из дружественных стран, ужесточение ответственности за нарушение дисциплины в сфере ВПК, в армии, на системообразующих объектах; борьбу с иноагентами, изменение системы образования и воспитания подрастающих поколений и т. д.

Как отмечает генеральный директор ВЦИОМ¹⁹ В. Федоров, «СВО в каком-то смысле уже вошла в привычку». Об этом, в частности, свидетельствуют данные ФОМ²⁰, согласно которым снижается интерес людей к информации о положении дел в зоне проведения специальной военной операции (за 4 года — на 20 п. п., с 35 до 15%).

В. Федоров: **«СВО идет уже четвертый год, и в каком-то смысле она уже вошла в привычку. Напрашивается вопрос, как мы привыкнем жить без СВО? Серьезный вопрос, между прочим. Потому что за это время перестроились и экономика, и рынок, и мышление людей, и их поведение, и международные связи. И что будет на следующий день после завершения СВО? Явно грянут новые изменения, и тоже достаточно глубокие»**²¹.

По данным ФОМ²²:

- ✓ в декабре 2022 г. среди событий, которые освещаются в СМИ и вызывают наибольший интерес, **35% россиян** назвали события, связанные с СВО (а именно ситуация на поле боя, продвижение российских войск, атаки беспилотников и т. д.);
- ✓ в декабре 2023 г. их доля составила **26%**,
- ✓ в декабре 2024 г. — **28%**,
- ✓ в декабре 2025 г. — **15%**.

То есть почти за 4 года интерес к теме СВО снизился в 2 раза (с 35 до 15%), хотя, безусловно, она была и остается «темой № 1» в оценках населения.

¹⁸ Расширены меры поддержки участников СВО и их семей // Официальный сайт Государственной Думы РФ. 09.12.2025. URL: <http://duma.gov.ru/news/62611/>

¹⁹ Всероссийский центр общественного мнения.

²⁰ Фонд «Общественное мнение».

²¹ Яковлева Е. Мы входим в острую фазу конкуренции за новый облик страны и мира (интервью с В. Федоровым) // Российская газета. 01.12.2025. URL: <https://rg.ru/2025/12/01/dorogoe-vremia.html?ysclid=mj1cioyl9m924994387>

²² Доминанты. Поле мнений: социологический бюллетень // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Dominanty#page=13>

Для справки: с 2022 по 2025 год возрос интерес людей к деятельности Президента РФ (встречи, поездки, выступления и т. д.; с 1 до 8%); к вопросам геополитических отношений с Западом (с 1 до 10%).

Это «привыкание» граждан к жизни в условиях СВО свидетельствует о том, что **людей вновь начинают волновать вопросы о будущем; «что будет на следующий день после СВО?»**, а это означает, что **наступает время для актуализации третьего «публичного образа»²³ Президента — образа «Творца» будущего.**

Таким образом, в настоящее время для России в одной кульминационной временной точке сошлись два исторических процесса: глобальный — эпоха почти 25-летнего развития страны в условиях «либерального тумана», и по историческим меркам относительно конкретный — период проведения СВО. Как отметил В. Федоров, в этот период **«россияне снова начинают говорить о будущем... Какое именно — главный вопрос»²⁴.**

Каким в представлении людей является Образ желаемого будущего России? Насколько этот образ реально реализуем в условиях существующих внешних и внутренних проблем, которые имеет Российская Федерация? И, пожалуй, главное — насколько государство, которым на протяжении последних 25 лет руководит В.В. Путин, соответствует представлениям о желаемом будущем России, имеющимся у большинства населения?

Прежде всего отметим, что образ будущего — одна из тем, актуальность которой в нашей стране нарастает. Напомним, что еще в 2015 году (задолго до начала специальной военной операции на Украине) Институтом социологии РАН (ИС РАН) было проведено экспертное исследование²⁵, результаты которого показали, что **«желаемое будущее России и реально прогнозируемая ситуация в стране в среднесрочной перспективе (на ближайшие 5 лет) не просто различаются, а во многом являются против-**

положными, и, к сожалению, то, какой видят эксперты ситуацию в стране в ближайшем будущем, носит очевидный пессимистический характер»²⁶.

Как отметили эксперты в 2015 году, в ближайшие 5 лет России нужны прежде всего «ротация политической элиты в центре и на местах», «проведение прозрачных и легитимных выборов на всех уровнях власти», «стабильность законодательства», «изменение отношения государства к сфере культуры, образования и науки, отказ от коммерциализации этой сферы» и т. д. А реально (по мнению экспертов) в стране будет происходить совсем другое: «сокращение доходов населения, рост цен и падение уровня жизни», «продлонгация санкций западных стран в отношении России», «резкое падение цен на нефть и газ», «разрушение инфраструктуры „социалки”» (здравоохранение, образование, культура)» и т. д. (включая «масштабную войну на Украине с прямым или косвенным участием России и стран НАТО»; вкладка 1).

Следует отметить, что многие из этих прогнозов экспертов действительно состоялись: Россия оказалась втянутой в масштабную войну на Украине, санкции Запада продолжились и усилились, в отношении государства к сфере культуры по-прежнему превалирует бизнес-подход, а «ротации политической элиты в центре и на местах», по большому счету, как не было так и нет (за исключением ряда «точечных», хотя и очень важных кадровых назначений, инициированных лично Президентом — появление в системе государственного управления таких людей, как М.В. Мишустин, А.Р. Белоусов, И.В. Краснов и др.).

²³ Динамика образа Владимира Путина: от Воина к Правителю-Творцу: доклад // Минченко консалтинг. Октябрь 2024. 23 с. 07.10.2024. URL: https://minchenko.ru/news/news_235.html

²⁴ Интервью В. Федорова 19.09.2025. URL: <https://mash.ru/longread/208400/?ysclid=mj0zupqr7k735339624>

²⁵ Экспертный опрос проводился Институтом социологии РАН при участии Исследовательской группы ЦИРКОН в июле — октябре 2015 г. В опросе приняли участие 154 эксперта: 94 — из Москвы, 60 — из различных регионов страны. К анкетированию были привлечены пять типов специалистов: государственные и муниципальные служащие, чиновники, управленцы высокого уровня, руководители государственных вузов; представители (руководители) бизнес-структур и бизнес-ассоциаций, коммерческих консалтинговых центров; представители (руководители) общественных объединений, НКО, независимых интеллектуальных организаций, клубов и т. п.; журналисты, публицисты, активно выступающие в СМИ с материалами по тематике исследования; исследователи, ученые, специалисты аналитических центров, профессионально занимающиеся изучением проблем и перспектив развития страны (источник: Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. Москва: Весь Мир, 2016. 400 с.).

²⁶ Ильин В.А., Морев М.В. (2018). И снова к вопросу о будущем российской государственности... // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 5. С. 9—29.

Вкладка 1

Данные общероссийского опроса (ИС РАН, 2015 г.)

Распределение оценок необходимости различных факторов (условий) для достижения к 2020 г. желательной ситуации в российском обществе (средняя оценка по шкале от 1 (нет необходимости) до 10 (совершенно необходимо) баллов)*	Распределение оценок вероятности факторов (условий), в контексте которых будет проходить развитие российского общества в ближайшие пять лет (средняя оценка степени вероятности по шкале от 1 (маловероятно) до 10 (наиболее вероятно) баллов)*	
1. Ротация политической элиты в центре и на местах	8,5	1. Сокращение доходов населения, рост цен и падение уровня жизни, безработица
2. Проведение прозрачных (с общественным контролем) и легитимных выборов на всех уровнях власти	8,1	2. Пролонгация санкций западных стран в отношении России; потеря возможности импорта критически важных товаров, ресурсов, технологий, идей
3. Стабильность законодательства, «правил игры»	8,0	3. Резкое падение цен на нефть и газ, кризис российской нефтегазовой отрасли, сокращение поступлений в бюджет
4. Изменение отношения государства к сфере культуры, образования и науки, отказ от коммерциализации этой сферы	7,7	4. Разрушение инфраструктуры «социалки» (здравоохранение, образование, культура), уход профессионалов, сокращение персонала и учреждений, развал внутриотраслевых коммуникаций
5. Усиление роли представительных органов власти, развитие многопартийности	7,2	5. Ужесточение внутренней политики, сокращение прав и свобод граждан, введение формальной и/или неформальной цензуры в СМИ и т. п.
6. Отмена санкций со стороны стран Запада, восстановление диалога и отношений с Западом	6,7	6. Массовое распространение технологий слежения за поведением граждан, тотальная потеря приватности
7. Сохранение внешнеполитического курса на восстановление сильной роли России в мировой политике и самостоятельность, активная защита национальных интересов	6,4	7. Техногенные и иные катастрофы, крупные аварии, в т. ч. вызванные человеческим фактором
8. Усиление влияния Русской православной церкви, расширение сети ее приходов	3,6	8. Усиление террористического давления на Россию (теракты, диверсии, запугивание)
9. Продолжение приоритетного развития сырьевого сектора экономики с учетом конкурентных преимуществ России в мировом разделении труда; поддержание относительно низких цен на труд и сырье	3,0	9. Резкое повышение востребованности инженерно-технических профессий и специальностей, спроса на ИТР, переориентация рынка труда со сферы услуг на сферу производства
		10. Масштабная война на Украине с прямым или косвенным участием России и стран НАТО
		11. Уменьшение притока в страну мигрантов из стран Азии, рост миграции (рабочие, специалисты) из стран Европы
		12. Успешное импортозамещение, развитие несырьевых отраслей экономики, улучшение инвестиционного климата
* Зеленой заливкой выделены те факторы, которые, по шкале от 1 до 10 набрали более 5 баллов, то есть, по мнению экспертов, являются наиболее необходимыми.		* Зеленой заливкой выделены те факторы, которые, по шкале от 1 до 10 набрали более 5 баллов, то есть, по мнению экспертов, являются наиболее вероятными.

Источник: Российское общество и вызовы времени. (2016). Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. Москва: Весь Мир. 400 с.

«С одной стороны, государство провозглашает необходимость сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а с другой – своими директивными установками **выдавливает сферу культуры в рыночные условия хозяйствования с требованием в адрес некоммерческих организаций культуры «больше зарабатывать»...**

В экономике культуры по-прежнему превалирует бизнес-подход к оценке культурной деятельности и продолжают использоваться такие понятия, как «экономическая эффективность», «инвестиции», «производительность труда», «прибыль», «конкуренция» и т. п. Между тем механический перенос стандартных экономических категорий на сферу культуры чреват недооценкой ее социальной значимости, а также порождает ложные ожидания в отношении коммерческого потенциала культурных благ... Рынок как система экономических отношений – величайшее достижение человечества, **однако не все сферы общественной жизни вписываются в рыночный механизм хозяйствования. И сфера культуры одна из них**²⁷.

В 2018 году, спустя три года после экспертного опроса ИС РАН и после того, как Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию объявил курс на «решительный прорыв... в сбережении народа России и благополучии наших граждан»²⁸, похожие исследования проводили ВЦИОМ и ФНИСЦ РАН²⁹. Эти исследования также показали, что желаемый образ будущего России и реально достижимый (в оценках теперь уже широких слоев населения, а не экспертов) не соответствуют друг другу.

Так, по данным ВЦИОМ³⁰ (табл. 1):

- ✓ **53% россиян** выразили мнение о том, что обещания президента не будут выполнены; **из них 47%** отметили, что этого не произойдет по причине «коррупции и бюрократии во власти»; **еще 6%** посчитали, что «предложения президента слишком общие, неконкретные, поэтому их невозможно реализовать»;
- ✓ уверенность в том, что «Президент озвучил конкретные, реальные задачи и, скорее всего, они будут выполнены в кратчайшие сроки», продемонстрировали **34% граждан**.

Таблица 1. Как Вы считаете, насколько реалистичны задачи, которые президент озвучил в своем Послании Федеральному Собранию России, и будут ли они выполнены или нет? (закрытый вопрос, один ответ), % от числа тех, кто следил за посланием или узнал его содержание из новостей

Вариант ответа	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2018 г.
Президент озвучил конкретные, реальные задачи и, скорее всего, они будут выполнены в кратчайшие сроки	28	31	31	36	29	49	34
Президент озвучил конкретные, реальные задачи, но они не будут выполнены из-за коррупции и бюрократии во власти	49	47	40	42	46	31	47
Предложения президента слишком общие, неконкретные, их невозможно реализовать	11	12	17	16	20	8	6
Затрудняюсь ответить	12	10	12	6	5	12	13

Вопрос задавался с 2009 по 2018 год. Затем формулировка была изменена («Как Вы считаете, большинство задач, которые поставил Владимир Путин в своем выступлении, будут реализованы в полной мере, будут реализованы частично или большинство задач не будут реализованы?»). Варианты ответа: «Будут реализованы в полной мере», «Будут реализованы только частично», «Большинство задач не будут реализованы», «Затрудняюсь ответить». Источник: Послание Президента Федеральному собранию: первые впечатления // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 3602. 2018. 13 марта. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116743>

²⁷ Муzychuk B.Ю. (2025). Культура в логике рынка: факты VS мифы : монография. Санкт-Петербург: Алетейя. С. 13.

²⁸ Точная цитата В. Путина: «...в основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв» (источник: Послание Президента Федеральному собранию РФ 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902>).

²⁹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН.

³⁰ Послание Президента Федеральному собранию: первые впечатления // Пресс-выпуск ВЦИОМ №3602. 2018. 13 марта. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116743>

По данным ФНИСЦ РАН, наиболее важными задачами, которые были озвучены Президентом в Послании Федеральному Собранию РФ 2018 года, являются «рост реальных доходов», «создание доступной и качественной медицинской помощи», «приведение в порядок региональных и местных дорог», «увеличение размеров пенсий и их индексация выше темпов инфляции» и т. д. Однако 8 из 10 перечисленных выше задач, по мнению россиян, скорее всего не будут выполнены. Все они (кроме «закрепления России в пятерке крупнейших экономик мира» и «появления доступной ипотеки») вошли в «десятку» целевых установок главы государства, которые, по мнению граждан, не будут реализованы (вкладка 2).

Таким образом, вопрос об образе будущего России существовал и до февраля 2022 года,

а после начала СВО, которая стала кульминацией почти 20-летнего периода нарастания геополитической напряженности между Россией и блоком НАТО³¹, вопрос об образе будущего и новом Общественном договоре в России стал еще острее. Как отмечают эксперты, «в результате глобальной трансформации геополитической системы в 2022 году возникла проблема *кардинального пересмотра общественного договора...*»³². В экспертной среде возник вопрос — «если мы больше не хотим стать частью Запада — то кем мы хотим стать?»³³. Именно об этом свидетельствуют многочисленные попытки после начала СВО создать желаемый образ будущего, очертить его контуры, сформулировать ориентиры развития на ближайшие 20, 30, 40 лет³⁴.

³¹ Кратко напомним основную хронологию нарастания напряженности в геополитических отношениях между Россией и блоком НАТО:

10 февраля 2007 г. — «мюнхенская речь» В. Путина, где он впервые обратился к западному политическому сообществу, открыто заявив о том, что Россия — суверенная страна и будет осуществлять суверенную, независимую внутреннюю и внешнюю политику.

22 февраля 2014 г. — государственный переворот на Украине,

21 марта 2014 г. — Федеральные конституционные законы о вхождении Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации («крымская весна»). Далее были фактически 8 лет обстрелов Донбасса.

17 декабря 2021 г. — Россия представила официальные требования к блоку НАТО по обеспечению ей гарантий безопасности. Однако ключевые из них были отклонены.

22 февраля 2022 г. — Договоры о сотрудничестве и взаимопомощи между Россией и ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областями.

И только после всех этих событий — 24 февраля 2022 г. было объявлено о начале СВО, которая стала вынужденной мерой по защите населения Донбасса и фактически — по обеспечению национальной безопасности самой России.

5 октября 2022 г. (уже в ходе СВО) — законы о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации.

³² Балацкий Е.В., Екимов Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. № 14 (3). С. 74–90.

³³ Интервью Валерия Федорова «Российской газете» 20 июня 2025 г. URL: <https://wciom.ru/sobytie/intervju-valerija-fedorova-rossiiskoi-gazete-na-poljakh-pmehf-2025?ysclid=mj1035zs58343855852>

³⁴ См., например:

1. «Горизонт 2040» — проект, запущенный Агентством стратегических инициатив (АСИ) и Российским экспортным центром в ноябре 2022 года. Цель проекта — определить позицию России на международной арене 2040 года, а также предложить сценарии долгосрочного внутреннего развития по ключевым направлениям. Высшим коллегиальным органом управления АСИ является Наблюдательный совет, возглавляемый Президентом РФ В.В. Путиным. Фактически создал и от администрации президента курировал государственное Агентство стратегических инициатив А.Р. Белоусов.

2. Проект «Мировоззрение русской цивилизации» (авторы — А. Проханов, В. Аверьянов, М. Маслин и др. (впервые был представлен 9 декабря 2023 г. на конференции Изборского клуба в Санкт-Петербургском государственном университете).

3. Харичев А.Д. (2025). Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. № 7. Март-апрель.

Вкладка 2

Оценка респондентами важности и реализуемости задач, поставленных в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 3 марта 2018 г. (данные ФНИСЦ РАН³⁵), %

«Десятка» самых важных задач, озвученных Президентом		«Десятка» задач, которые вряд ли будут реализованы	
Рост реальных доходов работающего населения	98%	Увеличение средней продолжительности жизни россиян до 80 лет	46%
Создание доступной и качественной медицинской помощи	98%	Приведение в порядок региональных и местных дорог	41%
Приведение в порядок региональных и местных дорог	98%	Создание современной инфраструктуры в сельской местности	39%
Увеличение размеров пенсий, их индексация выше темпов инфляции	96%	Увеличение размеров пенсий, их индексация выше темпов инфляции	38%
Создание современной инфраструктуры в сельской местности	95%	Рост реальных доходов работающего населения	37%
Формирование равных образовательных возможностей	94%	Создание доступной и качественной медицинской помощи	37%
Обновление и развитие российских городов с учетом мнения их жителей	93%	Формирование равных образовательных возможностей	36%
Увеличение средней продолжительности жизни россиян до 80 лет	91%	Обновление и развитие российских городов с учетом мнения их жителей	34%
Закрепление России в «пятерке» крупнейших экономик мира	91%	Формирование в стране массового среднего класса	31%
Появление доступной (со средней ставкой 7%) для большинства российских граждан и их семей ипотеки	90%	Снижение доли государства в экономике	27%
Ранжировано по убыванию в «десятке» самых важных задач.		Ранжировано по убыванию в «десятке» задач, которые вряд ли будут реализованы.	

³⁵ Без иллюзий // Коммерсант. 28.05.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3638493?ysclid=mjib36kyd39147525926>

«Мы не можем идти вперед, все время оглядываясь назад. И решая, кто был прав – красные или белые ... 100 лет назад? Или – как же мы же дошли до распада СССР 35 лет назад?!... **Надо спорить не о прошлом, а о будущем. И намечать ориентиры – где мы должны оказаться через 5–10–20 лет? Что для этого надо сделать?**

В позднем Советском Союзе была своя довольно сильная футурологическая школа и традиция, своя яркая научная фантастика. Увы, с распадом СССР все исчезло. Нам объяснили: не нужно ничего своего придумывать, все уже придумано – на Западе! А если и мечтать, то только о том, чтобы построить у нас в России общество западного типа. Ну и зачем тут футурология?! **Вот её и не стало, нашим будущим стал сегодняшний Запад.**

И так продолжалось несколько десятилетий, пока не стало ясно, что эта цель и недостижима, и не вдохновляет нас... Возник вакуум целеполагания: если мы больше не хотим стать частью Запада – то кем мы хотим стать? На этот вопрос пока не нашлось хорошего, содержательного ответа, вместо него – лишь псевдоисторические фантазии...

Нам нужен собственный яркий образ будущего, не сводимый ни к нашему собственному прежнему опыту, ни к опыту западных или восточных стран. **Такой образ можно только придумать, создать, воплотить в жизнь. Это и есть наша самая актуальная задача на сегодня. Решим её – и многие проблемы, которые сегодня кажутся нерешаемыми, либо решатся, либо вообще уйдут с повестки дня»³⁶.**

В этот период (после начала СВО) исследования ФНИСЦ РАН показали, что резко увеличилась доля россиян, которые хотели бы жить именно в социалистическом, а не в капиталистическом обществе.

Так, в 2020 году (до начала СВО) доля россиян, которые хотели бы жить при социализме, составляла 26%, а в 2022 году (в первый год СВО) она увеличилась до 48% (рост на

22 п. п.; табл. 2). Для сравнения, удельный вес тех, кто хотел бы жить в капиталистическом обществе, за этот же период снизился с 21 до 12% (на 9 п. п.).

В целом же за период президентских сроков В.В. Путина (с 2000 по 2025 год) доля тех, кто хотел бы жить при социализме, увеличилась с 31 до 44% (на 13 п. п.); а при капитализме – снизилась с 21 до 14% (на 7 п. п.).

Таблица 2. В каком обществе хотели бы жить россияне? (данные ФНИСЦ РАН), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Годы											Изменение (+/-)		
	1998	2000	2004	2008	2012	2018	2020	2022	2023	2024	2025	2025 к 2000	2022 к 2020	2025 к 2022
												Период президентских сроков В. Путина	Первый год СВО к последнему* году до СВО	Период проведения СВО
В социалистическом	38	31	34	33	39	29	26	48	48	43	44	+13	+22	-4
В капиталистическом	22	21	22	18	18	24	21	12	5	15	14	-7	-9	+2
В каком-то другом	10	12	8	10	7	6	4	6	10	7	6	-6	+2	0
Затрудняюсь ответить	30	36	36	39	36	41	49	34	37	35	36	0	-15	+2

* Отсутствуют данные за 2021 г.

Рассчитано по: Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. [и др.] (2025). «Как живешь, Россия?» Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: [бюллетень] / ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. С. 56.

³⁶ Интервью Валерия Федорова «Российской газете» 20 июня 2025 г. URL: <https://wciom.ru/sobytie/intervju-valerija-fedorova-rossiiskoi-gazete-na-poljakh-pmehf-2025?ysclid=mj1035zs58343855852>

Причина роста общественного запроса именно на социализм в образе будущего России во многом связана с острым дефицитом социальной справедливости, который уже давно отмечается в российском обществе. Еще в 2013 году академик РАН М.К. Горшков писал: *«Несправедливого общества Россия в массе своей не приемлет... люди успешные рассуждают сегодня так: «Хорошо, я стою на ногах. Но у меня дети, внуки. Найдётся ли им место в несправедливом обществе? Где гарантия, что завтра они не окажутся там же, где и мои малоимущие соседи? Сегодня я откупаюсь от проблем. Но я же не вечен...». Общество повзросло. Люди стали взвешеннее в оценках, они не против нововведений, но при условии: опорой общества должны оставаться традиционные ценности, в которых сила России»*³⁷.

По данным ВолНЦ РАН, большинство людей (50–60%) отмечают, что «российское общество устроено в целом несправедливо» (рис. 1). Во многом, как отмечают эксперты, вследствие

«радикально либеральных реформ, направляемых далеко не лучшими образцами западной экономической мысли».

«Упорное продолжение радикально либеральных реформ, направляемое далеко не лучшими образцами западной экономической мысли. Обвальная ломка отношений собственности и никем не регулируемая, бесконтрольная приватизация государственного имущества и общенациональных природных ресурсов, по сути дела, открыли шлюзы для неограниченного и неоправданного роста социальных неравенств.

В результате всего за 10–15 лет страна получила огромную дифференциацию в социальном положении различных групп российского населения, а социальные неравенства приобрели как никогда ранее резкие формы»³⁸.

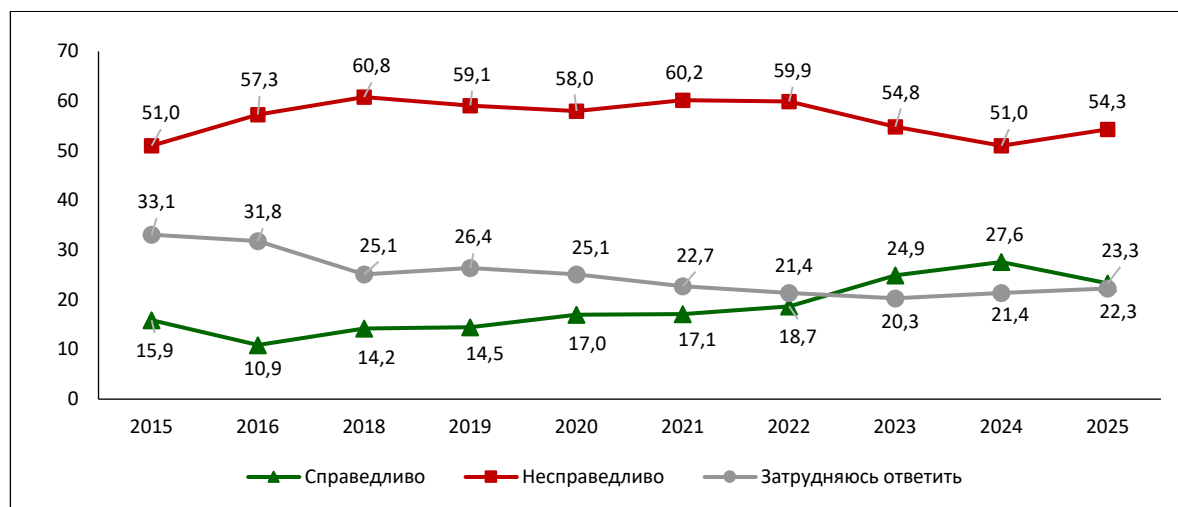

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, современное российское общество устроено в целом справедливо или несправедливо?»*, % от числа опрошенных

* Вопрос задается с декабря 2015 г.

Источник: данные ВолНЦ РАН.

³⁷ Горшков М.К. Справедливость — это как? // Аргументы и факты. № 15. 10.04.2013. URL: <https://aif.ru/society/42337?ysclid=mj9mbkg3f3757810455>

³⁸ Горшков М.К. (2021). Проблема равенства и справедливости в России и Китае: [монография] / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, М.Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. Москва: Новый Хронограф. С. 10. (Источник: <https://www.isras.ru/publ.html?id=10458&ysclid=mj9mphich256843524>).

С началом СВО доля тех, кто отмечает несправедливость устройства современного российского общества, стала постепенно снижаться (на 9 п. п., с 60% в 2021–2022 гг. до 51% в 2024 году), что, скорее всего, было связано с эффектом «объединения людей вокруг флага» в условиях резкого обострения угроз национальной безопасности и консолидации общества вокруг Президента РФ, декларирующего стратегический курс на укрепление национального суверенитета, основанного на традиционных российских ценностях³⁹.

Однако по последним данным (на 2025 год) удельный вес людей, считающих российское общество несправедливым, снова возрос (с 51 до 54%).

«Чего ждут от государства? Прежде всего, социальной справедливости»⁴⁰, — отметил директор Института социологии ФНИСЦ РАН М.К. Горшков в одном из своих интервью 2025 года. Социальная справедливость является основой социального государства и входит в перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁴¹, которые провозглашены «**основой российского общества, позволяющей защищать и укреплять суверенитет России**»⁴².

«Государство обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу **всех своих граждан**, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве... **Функцией государства** является поддержание **абсолютного равенства в правах для всех различных общественных классов**, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти»⁴³ (Лоренц фон Штейн – автор термина «социальное государство», немецкий историк, философ и экономист).

Но, как отмечают эксперты, среди граждан «доминирует мнение, что создание в России справедливого общества **маловероятно даже в среднесрочной перспективе**»⁴⁴. И это вынуждает еще раз вспомнить слова директора ВЦИОМ В. Федорова: «**Россияне начинают говорить о будущем... Какое именно — главный вопрос**»⁴⁵.

О значимой роли социальной справедливости в желаемом образе будущего России свидетельствует также тот факт, что социальная «справедливость» (44%) и «коллективизм» (48%), по мнению людей, являются ключевыми характеристиками социализма (причем с большим отрывом от любых других вариантов ответа; табл. 3).

³⁹ См., например: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

⁴⁰ Четверикова А. Для граждан России справедливость и закон дороже денег (интервью с М.К. Горшковым) // Российская газета. 21.05.2025. URL: <https://rg.ru/2025/05/21/kak-reshit-neravenstva.html>

⁴¹ См. пункт 1.5. Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

⁴² См. пункт 1.7. Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

⁴³ Роик В.Д. Концептуальные основы формирования социального государства в России: вопросы доходов населения и социального бюджетирования. URL: <http://viperson.ru/>

⁴⁴ Горшков М.К. (2021). Проблема равенства и справедливости в России // Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае: [монография] / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, М.Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. Москва: Новый Хронограф. С. 30.

⁴⁵ Интервью В. Федорова 19.09.2025. URL: <https://mash.ru/longread/208400/?ysclid=mj0zupqr7k735339624>

Однако если «коллективизм» за период с 1998 по 2025 год стал менее значим как критерий, отражающий сущность социализма (на 10 п. п., с 58 до 48%), то «социальная справедливость», наоборот, стала значительно чаще оцениваться россиянами как главная характеристика социалистического общества (на 15 п. п., с 29 до 44%; табл. 3). В конечном итоге это указывает на то, что «дефицит» социальной справедливости — одна из системообразующих, сущностных характеристик государства под руководством В.В. Путина на протяжении последних 25 лет.

Таким образом, на сегодняшний день представление россиян об образе будущего России

вполне очевидно — **сильное, суверенное государство, ориентирующееся прежде всего на ценности социализма (социального государства), наиболее значимой из которых является социальная справедливость.** Необходимо отметить, что такое представление возникло не только на фоне угроз национальной безопасности в период проведения СВО, а во многом было сформировано **целенаправленной, методичной многолетней политикой главы государства (конкретные шаги и управленческие решения Президента, Правительства, Государственной Думы РФ в этом направлении представлены на вкладке 3 (за 25 лет) и вкладке 4 (за период с октября по декабрь 2025 г.)).**

Таблица 3. Динамика мнений респондентов о том, что означает для них понятие «социализм», % от числа опрошенных

Вариант ответа*	Год											Изменение (+/-)		
	1998	2000	2004	2008	2012	2018	2020	2022	2023	2024	2025	2025 к 1998	2022 к 2020	2025 к 2022
												Весь период измерений	Первый год СВО к последнему** году до СВО	Период проведения СВО
Коллективизм	58	55	53	44	45	39	38	39	43	49	48	-10	+1	+9
Справедливость	29	25	25	34	34	30	29	44	44	46	44	+15	+15	0
Патриотизм	40	40	38	36	36	41	48	39	38	38	33	-7	-9	-6
Порядок	43	39	41	38	40	38	44	35	35	38	31	-12	-9	-4
Нравственность	23	20	21	25	21	17	25	24	25	27	24	+1	-1	0
* В таблице представлена первая «пятерка» наиболее распространенных вариантов ответа (из 23). ** В 2021 г. вопрос не задавался. Рассчитано по: Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. [и др.] (2025). «Как живешь, Россия?» Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: [бюллетень] / ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. С. 56.														

Ключевые шаги и управленческие решения Президента, повлиявшие на представление россиян о желаемом образе будущего страны

- ✓ 28 февраля 2000 г. — принцип «равноудаления всех субъектов рынка от власти» (на встрече с олигархами В. Путин объявил им о том, что работу следует вести вокруг национальной идеи, а не вокруг какой-то конкретной политической фигуры. Это положило начало активной политике по снижению влияния олигархов на принятие политических решений в государстве).
- ✓ 4 апреля 2005 г. — Федеральный закон № 32 «Об Общественной палате Российской Федерации».
- ✓ 6 мая 2011 г. — на межрегиональной конференции партии «Единая Россия» в Волгограде В. Путин выступил с инициативой по учреждению Общероссийского общественного движения «Народный фронт „За Россию“» (Народный фронт) или Общероссийский народный фронт (ОНФ).
- ✓ 12 декабря 2012 г. — в перечень критериев эффективности деятельности органов власти введена субъективная оценка общественного мнения⁴⁶.
- ✓ 21 марта 2014 г. — Федеральный конституционный закон № 6 «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя».
- ✓ 3 марта 2018 г. — Послание Президента Федеральному собранию РФ (где был объявлен курс на «прорывное развитие в народосбережении наших граждан»).
- ✓ 1 июля 2020 г. — общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ.
- ✓ 24 февраля 2022 г. — начало СВО.
- ✓ 5 октября 2022 г. — Федеральные конституционные законы № 5–8 «О принятии в состав Российской Федерации Донецкой, Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей».
- ✓ 9 ноября 2022 г. — Указ Президента № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
- ✓ 31 марта 2023 г. — Указ № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» (где Россия впервые была провозглашена «самобытным государством-цивилизацией»).
- ✓ 8 мая 2024 г. — Указ № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения».
- ✓ 25 ноября 2025 г. — Указ Президента Российской Федерации № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года».

⁴⁶ Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления государственных услуг, руководителей многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей: Постановление Правительства РФ № 1284.

Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ в период с 25 октября по 18 декабря 2025 г.⁴⁷**МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЮ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ**

27 октября – ФЗ № 387 «О внесении изменений в Федеральный закон „О ветеранах“». К ветеранам боевых действий и инвалидам войны решено отнести в т. ч. лиц, заключавших в период с 1 октября 2022 г. до 1 сентября 2023 г. соглашения (имевших иные правоотношения) с Минобороны и выполнявших задачи в составе специальных подразделений воинских частей в ходе СВО.

27 октября – ФЗ № 392 «О внесении изменений в статьи 458 и 459 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Пересмотрен порядок направления материалов уголовного дела за рубеж и исполнения иностранных запросов. При невозможности проведения в ходе досудебного или судебного производства процессуальных действий с участием подозреваемого или обвиняемого в связи с его нахождением за рубежом материалы уголовного дела передаются в Генпрокуратуру РФ, которая при наличии оснований направляет материалы уголовного дела для уголовного преследования за рубежом просом об уголовном преследовании. Таким образом, возможность направления материалов уголовного дела для уголовного преследования за рубежом не будет зависеть от гражданства подозреваемых и обвиняемых, от стадии уголовного судопроизводства, а также от места совершения подпадающего под юрисдикцию России преступления. Аналогичным образом изменен механизм исполнения запросов об осуществлении уголовного преследования или о возбуждении уголовного дела в России.

4 ноября – ФЗ № 404 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Вводится административная ответственность за неисполнение решения межведомственного органа, обеспечивающего координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию экстремистской деятельности и реализацию государственной политики в области противодействия экстремизму.

5 ноября – Указ Президента РФ № 818 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 28 июня 2024 г. № 554 „О ежемесячной компенсационной выплате отдельным категориям военнослужащих, проходящих военную службу по контракту“». Военным-контрактам, которые участвуют в СВО и ранее получали пенсию за выслугу лет, полагается дополнительная выплата в размере 100% пенсии. Теперь эта компенсация распространяется и на военнослужащих, которые отражают вторжение на государственной границе, а также в регионах, прилегающих к зонам проведения специальной военной операции.

17 ноября – ФЗ № 420 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Решено с 14 лет привлекать к уголовной ответственности в т. ч. за содействие террористической деятельности, за организацию террористического сообщества и участие в нем, за диверсию, содействие диверсионной деятельности, прохождение обучения в целях диверсионной деятельности, организацию диверсионного сообщества и участие в нем. Расширен перечень случаев, когда условное осуждение невозможно. Отменены сроки давности по всем преступлениям диверсионной направленности.

28 ноября – ФЗ № 439 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Предусматривается предоставление государственных социальной помощи на основании социального контракта ветеранам боевых действий, принимавшим участие в СВО, и некоторым другим категориям ветеранов боевых действий в целях стимулирования их активных действий по осуществлению индивидуальной предпринимательской деятельности.

15 декабря – ФЗ № 490 «О внесении изменений в статью 68 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“». Участники СВО после получения среднего профессионального образования вправе повторно получить среднее профессиональное образование по другой профессии или специальности за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

⁴⁷ Вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который ведется с июня 2022 г. (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубликона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

27 октября – ФЗ № 385 «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона „О противодействии экстремистской деятельности“». Решения Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму становятся обязательными для исполнения федеральными, региональными и муниципальными органами.

4 ноября – Указ Президента РФ № 798 «О Дне языков народов Российской Федерации». В целях сохранения и поддержки языков народов Российской Федерации установлен День языков народов Российской Федерации (8 сентября).

4 ноября – Указ Президента РФ № 799 «О Дне коренных малочисленных народов Российской Федерации». В целях сохранения традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности, промыслов и самобытной культуры коренных малочисленных народов Российской Федерации установлен День коренных малочисленных народов Российской Федерации (30 апреля).

17 ноября – ФЗ № 422 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации“». Внесены поправки по вопросам сохранения и вовлечения в хозяйственный оборот объектов культурного наследия. Информация о последних будет включаться в единую информационную систему жилищного строительства (вид объекта культурного наследия, предмет его охраны, местонахождение, регистрационный и кадастровый номера, категория историко-культурного значения, сведения об охранном обязательстве владельца, о состоянии объекта и др.). Определен порядок размещения этих данных в системе. Они будут раскрываться на сайте, установленном Правительством.

25 ноября – Указ Президента РФ № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». Впервые в Стратегии введены конкретные показатели эффективности. К 2036 г. уровень общероссийской гражданской идентичности должен составить не менее 95%, доля россиян, положительно оценивающих отношения между представителями различных национальностей, – не менее 85%, отмечающих отсутствие в отношении себя дискриминации по национальному или языковому признаку – не менее 90%. Результаты реализации Стратегии должны стать сплоченностью народа, укрепление статуса русского языка и снижение количества конфликтов.

28 ноября – ФЗ № 441 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“». С 1 января 2026 г. не прошедшие ГИА девятиклассники смогут параллельно с подготовкой к пересдаче бесплатно обучаться по программам профессиональной подготовки рабочих, служащих. Перечень соответствующих профессий и организаций, в которых можно пройти обучение, определят регионы.

8 декабря – Указ Президента РФ № 901 «О создании Международного фонда „Международные проекты Фонда президентских грантов“». Целями деятельности Фонда являются разработка программ и проектов в области социального развития (включая оказание помощи нуждающимся лицам), охраны здоровья, культуры, искусства, науки, образования, просвещения, сохранения исторической памяти, физической культуры, спорта, туризма, экологии, развития некоммерческих организаций, благотворительности и добровольчества и их реализация на территориях иностранных государств, а также всесторонняя поддержка, мониторинг и оценка результатов таких программ и проектов; участие в разработке и реализации международных программ и проектов, в международном сотрудничестве в гуманитарной, экологической, культурной и иных областях на основании решений Президента РФ.

15 декабря – ФЗ № 462 «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“ и статьи 41 и 51 Федерального закона „О специальных экономических мерах и принудительных мерах“». Физлица, в отношении которых имеются сведения о причастности к экстремизму, терроризму или диверсиям, должны будут согласовывать с Росфинмониторингом финансовые операции. Под контроль попадет не только зарплата указанных лиц, но и другие доходы, которые определит Правительство. Банки должны будут блокировать операции лиц, которые находятся в розыске и включены в перечень террористов и экстремистов.

МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

28 ноября — ФЗ № 429 «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона „О минимальном размере оплаты труда“». С 1 января 2026 г. МРОТ увеличится на 20,7% и составит 27 093 руб.

28 ноября — ФЗ № 432 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». С 1 января 2026 г. 100% поступлений от налога на игорный бизнес будут зачисляться не в региональные, а в федеральный бюджет. Базовая цена на нефть будет поэтапно снижаться с 2026 г. на 1 доллар в год до 55 долларов за баррель к 2030 г. с последующей ежегодной индексацией на 2% с 2031 г. Поступления от технологического сбора будут направлять на поддержку и финансирование мероприятий в сфере электронной и радиоэлектронной промышленности.

28 ноября — ФЗ № 435 «О предоставлении социальных гарантий женщинам, удостоенным звания „Мать-героиня“». Женщинам, удостоенным звания «Мать-героиня» (после 2022 года), предоставляются права и льготы, установленные для Героев Социалистического Труда и Героев Труда Российской Федерации.

28 ноября — ФЗ № 443 «О внесении изменений в статьи 1 и 2 Федерального закона „О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией“ и Федеральный закон „О страховых пенсиях“». Женщинам, удостоенным звания «Мать-героиня» (после 2022 года), предоставляется право на получение дополнительного материального обеспечения, предусмотренного Федеральным законом «О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией» для Героев Социалистического Труда и Героев Труда Российской Федерации. Кроме того, вносятся изменения в Федеральный закон «О страховых пенсиях», согласно которым снимаются ограничения при исчислении периодов ухода за ребенком до достижения им возраста полутора лет при включении таких периодов в страховой стаж для назначения пенсий.

8 декабря — Указ Президента РФ № 896 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года». Предусмотрены развитие медицинской реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья, в том числе участников СВО, обеспечение независимости производства отечественных высокотехнологичных лекарств, полная интеграция систем оказания медпомощи в новых регионах с системой здравоохранения страны и разработка систем с поддержкой принятия врачебных решений с использованием искусственного интеллекта.

Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, должна увеличиться до 13,6%.

Потребление алкоголя должно сократиться до 7,8 л этанола на душу населения в год.

Доля лекарств, произведенных в России, в общем объеме жизненно необходимых и важнейших препаратов увеличится до 90%.

Уровень технологической независимости в сфере здравоохранения должен достигнуть 80%.

Обеспеченность врачами медучреждений в сфере бесплатной медицины составит 43,46 человека на 10 тыс. человек населения.

Тем не менее, в 2025 году (как и 10 лет назад, в экспертном опросе ИС РАН, проведенном в 2015 году), возникает вопрос о том, **насколько реалистичным является этот желаемый образ будущего?** Необходимо отметить, что выводы, к которым пришли эксперты ИС РАН в 2015 году, являются вполне состоятельными и для сегодняшнего дня:

- ✓ «единственными акторами в России являются Президент и его окружение»;
- ✓ «других серьезных субъектов, способных повлиять на будущее, нет»;
- ✓ существует «высокая вероятность» продолжения процессов, которые эксперты оценивают как «нежелательные для страны»;
- ✓ «наиболее вероятный сценарий развития российского общества — пессимистический (негативный), но — с сохранением доминирующей роли государства»⁴⁸.

Дугин А.: «По сути, именно он [В. Путин] является главной несущей конструкцией всего нашего государства-цивилизации. Значительная же часть элит явно отстаёт от Президента, его воли и указаний. Даже полностью лояльные Путину и ориентированные на Победу представители власти зачастую оказываются некомпетентными и непригодными к этой деятельности. И потому глава государства обратился к необходимости набрать новую элиту из участников СВО... То есть **неспешные, не пробудившиеся, внутренне не мобилизовавшиеся старые элиты сегодня подводят нашего Президента**»⁴⁹.

«Летом 2022 года, после начала СВО, мы обозначили новые развилки:

1) Продолжение инерционной модели приспособления России к мировой экономике в качестве сырьевой полупериферии... Результат — стагнация и скатывание в затяжной кризис на многие годы.

2) Поддержка затратных мегаинфраструктурных проектов, усиление огосударствления экономики, ликвидация частной инициативы, регулирование цен, все большее закрытие от внешнего мира. Результат — скатывание в псевдо-СССР со всеми «прелестями» плановой негибкой экономики.

3) Модель стимулирования роста экономики за счет реализации потенциала как внутренних, так и внешних драйверов развития. Основная особенность — ориентация на быстрые темпы экономического роста.

Сегодня можно констатировать, что была избрана комбинация первого и второго варианта — инерционный сценарий развития экономики с параллельным усилением тренда на огосударствление и оукливание экономики»⁵⁰.

Почему эти выводы социологов по-прежнему актуальны? Потому что **ответа на вопрос «Какое государство мы строим и построили к настоящему моменту времени?» пока что по-прежнему нет — причем ни у самого государства, ни, соответственно, у широких слоев населения.**

Многие эксперты указывают на то, что в стране образовался **«опасный вакуум»**. Как отмечает С.А. Караганов, «в руководящем слое государства преобладают экономисты-технократы», которые **«неспособны вести страну и народ к новым горизонтам»**. И поэтому неслучайно (как подчеркивает член-корр. РАН Ж.Т. Тощенко) многим россиянам **«до сих пор не ясно, какое государство, какое общество они создают»**.

⁴⁸ Российское общество и вызовы времени (2016). Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. Москва: Весь Мир. С. 346.

⁴⁹ Дугин А.Г. Куда элиты тянут Путина // Царьград. 20.09.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/dugin-molchat-nestal-i-raskryl-karty-kuda-jelity-tjanut-putina_1057108?ysclid=mjbbpe421361535526

⁵⁰ Доклад Политбюро 2.0. Осажденная крепость. Аналитический обзор состояния российских элит // Официальный сайт «Минченко консалтинг». 25.11.2025. URL: https://minchenko.ru/analitika/analitika_139.html

С.А. Караганов: «Сейчас образовался опасный вакуум... сегодня, находясь перед лицом нового большого вызова, мы ощущаем необходимость осмысления своего места в мире и, что самое главное, осмысления того, кто мы есть и что для нас ценно».

В речах Президента, в выступлениях министра иностранных дел, в последней Концепции внешней политики России всё чаще начали звучать многие идеи, которые, как представляется, могут составить основу идеологической платформы России, её общества и истинной элиты, возвращающей страну к своим корням, но и мощно устремляющей в триумфальное будущее. **Но более или менее четкого абриса, тем более утверждённого на государственном уровне и целеустремлённо, но, естественно, творчески (через дискуссии и вероятные коррективы) предлагаемого широким кругам элиты и внедряемого в общественное сознание, пока нет...**

В руководящем слое государства всё ещё преобладают экономисты-технократы, «политтехнологи». Они полезны для текущего управления, делают много нужного, **но они не способны вести страну и народ к новым горизонтам, обеспечивать глубинное, идейное единение народа и власти в трудной судьбоносной борьбе, в которую вступили страна и мир»⁵¹.**

Ж.Т. Тощенко: «До сих пор многим россиянам не ясно, какое государство, какое общество они создают. Провозглашённое в Конституции РФ социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7.1), обозначает некую общую установку, которая в должной мере не конкретизирована до понимания и воплощения её в текущей социально-экономической, социально-политической и повседневной жизни»⁵².

Кроме того, данные мониторинговых социологических исследований Вологодского научного центра РАН (ВолНЦ РАН) показывают, что даже при очевидном «перевесе» социализма (34%) над капитализмом (19%) в представлениях людей о желаемом образе будущего России наиболее распространенный ответ на вопрос «В каком обществе Вы хотели бы жить?» — «**в каком-то другом, затрудняюсь ответить**» (46%; табл. 4).

Этот вариант ответа преобладает во всех основных социально-демографических категориях населения — среди мужчин и женщин (46—47%), среди представителей разных возрастных категорий (от 43 до 53%, особенно среди лиц в возрасте до 30 лет), среди людей с разным уровнем дохода (40—48%) и уровня

образования (44—48%), проживающих как в городах (37—49%), так и в сельской местности (50%; табл. 4).

Приведенные экспертные оценки и данные социологических опросов прямо указывают на то, что желаемое (социалистическое и суверенное) будущее России представляется гражданам слабо достижимым; как и 10 лет назад, оно остается «в тумане». Напомним, что доля людей, неуверенных в будущем, хотя и снижается в последние годы (с 56% в 2023 году до 51% в 2025 году), **однако по-прежнему более половины граждан** (согласно данным социологических опросов) **говорят о том, что «сталкиваются с проблемой неуверенности в завтрашнем дне»** (с 2021 года их доля составляет 51—57%, в 2015 году — 55%; рис. 2).

⁵¹ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025. С. 17.

⁵² Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. Москва: ФНИСЦ РАН.

Таблица 4. В каком обществе Вы хотели бы жить?, 2025 г., % от числа опрошенных

Показатель	В социалистическом	В капиталистическом	В каком-то другом; затрудняюсь ответить
Пол			
Мужской	34,4	19,5	46,1
Женский	34,2	19,2	46,6
Возраст			
до 30 лет	29,2	17,7	53,1
30-55 лет	33,8	18,9	47,4
старше 55 лет	36,7	20,5	42,8
Образование			
Среднее и н/среднее	33,1	20,1	46,8
Среднее специальное	34,8	17,4	47,9
Высшее и н/высшее	34,9	20,8	44,2
Доходные группы			
20% наименее обеспеченных	33,0	18,7	48,3
60% среднеобеспеченных	34,9	19,0	46,1
20% наиболее обеспеченных	38,5	22,0	39,6
Территории			
Вологда	34,1	17,4	48,6
Череповец	40,2	22,7	37,1
Районы	31,0	18,5	50,4
Область	34,3	19,3	46,4

Источник: данные ВолНЦ РАН.

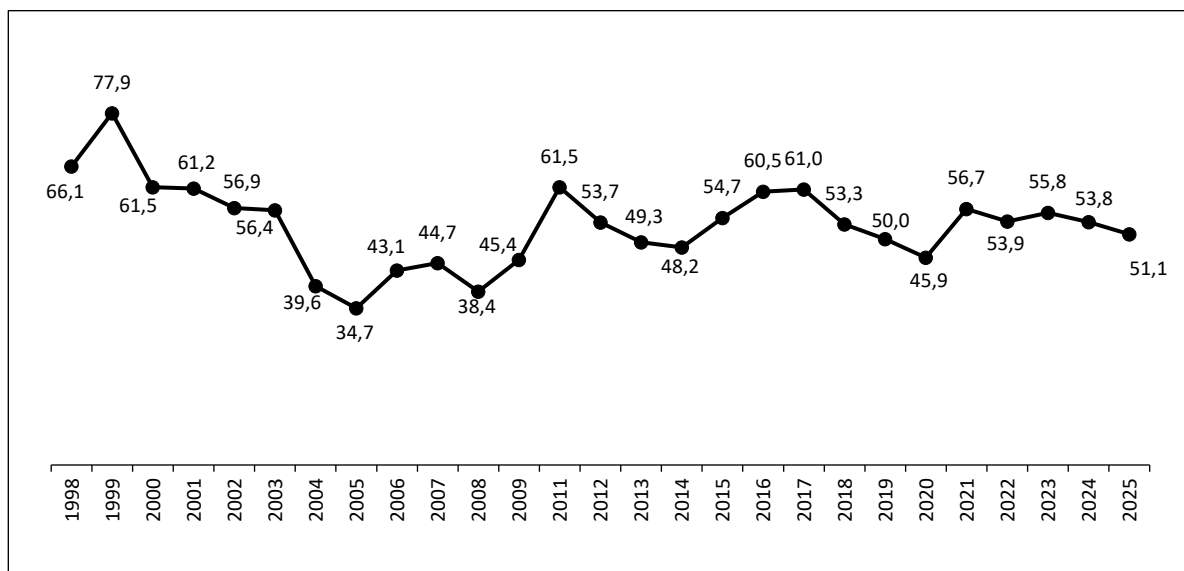

Рис. 2. Доля людей, сталкивающихся с проблемой отсутствия уверенности в завтрашнем дне*, % от числа опрошенных

* Вопрос задается 1 раз в год, в феврале. Формулировка вопроса: «С какими из перечисленных проблем Вы лично столкнулись в прошлом году?». Вариант ответа: «Отсутствие уверенности в завтрашнем дне». Представлена динамика данных за весь период измерений. В феврале 2010 г. вопрос не задавался.

Источник: данные ВолНЦ РАН.

А причина заключается как раз в том, о чем мы говорили в начале статьи: сегодня в роли Президента как «Творца» одновременно сходятся две временные линии — линия всего исторического пути развития России в XXI веке и линия последних четырех лет нового пути, который Россия начала в феврале 2022 года. **И поэтому реалистичность достижения желаемого образа будущего России на «выходе» из СВО (или шире — из цивилизационного конфликта с Западом) напрямую зависит от исторической оценки и признания собственных ошибок, накопившихся за весь постсоветский период истории страны.** Как пишет А. Дугин, *«мы не сможем победить на Украине, если не победим 1990-е в самих себе, если не подвергнем суду ту историческую действительность, те ошибки и те преступления, которые мы сами совершили, разрушив великую державу»*⁵³.

И в первую очередь это должно сделать само государство. Потому что (как отмечал сам В.В. Путин еще в своей первой программной статье «Россия на рубеже тысячелетий») «у нас государство, его институты и структуры *всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа.* Крепкое государство для россиянина не аномалия, не нечто такое, с чем следует бороться, а, напротив, *источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен»*⁵⁴.

Тем не менее необходимой исторической оценки прошлого (которая включает в себя не только публичное признание ошибок, но и «работу над ошибками», принятие соответствующих управленческих решений) пока так и не было сделано. И, по-видимому, не будет

осуществлено, как минимум, до тех пор, пока не будет закончена СВО, пока не достигнуто соглашение между Россией и блоком НАТО, обеспечивающее нашей стране возможность мирного, долгосрочного, суверенного развития.

За прошедшие 25 лет (с момента начала первого президентского срока В.В. Путина) в России так и не было принято официальной государственной идеологии, что по факту означало одно — *«запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма; установление латентной идеологии, игнорирующей российские традиционные ценности и мораль и основанной на признании идеи потребительства и денег как ведущих ценностей в жизни людей..., понимании выгоды как единственной движущей силы общественного развития»*⁵⁵.

«Наша национальная идея не должна быть направлена против кого-то, чаще всего этот «кто-то» — запад. Антизападничество — признак зависимости от него, ограниченного интеллектуального суверенитета. Она, как и вся общественная мысль, социальные науки, должна быть подчеркнута суверенной. Не отрицающей, а инкорпорирующей интеллектуальные достижения всех цивилизаций. Ведь Россия — это подлинная цивилизация цивилизаций»⁵⁶.

И одной из причин этого (как, например, отмечает С.А. Караганов) является «неготовность пока лидера страны (а в России очень многое зависит от него) отказаться от иллюзий прошлого — 1980—1990-х гг.»⁵⁷.

⁵³ Дугин А. Ключ к Победе в СВО лежит в 1990-х // Завтра. 29.11.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/klyuch_k_pobede_v_svo_lezhit_v_1990-h_kapitulyatsii_ukraini_budet_nedostatochno

⁵⁴ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html?ysclid=mj70po83ih132547491

⁵⁵ Радиков И.В. (2019). Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (834). С. 54–75.

⁵⁶ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: Доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025. С. 14.

⁵⁷ Там же. С. 16.

При этом в предыдущих статьях⁵⁸ мы приводили экспертные мнения, подтверждающие точку зрения о том, что «большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперёд идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом»⁵⁹. И не только приводили оценки экспертов, но и подтверждали их реальными «цифрами» — данными социологических исследований, демонстрирующими снижение креативного, творческого и морально-нравственного потенциала российского общества в условиях отсутствия в стране официальной государственной идеологии, а точнее — действия «латентной» идеологии либерализма (на вкладке 5 представлены некоторые конкретные эмпирические данные⁶⁰).

Пожалуй, здесь же уместно будет сказать об одном важном наблюдении, которое недавно озвучил Н. Михалков в своей авторской программе «Бесогон ТВ». Регулярно вводимые Государственной Думой меры «запретительно-охранительного» характера (призванные отрегулировать работоспособность государственного механизма в сфере миграции, в культуре и т. д.) свидетельствуют не только о том, что органы власти обеспокоены этим вопросом.

Реакция Н. Михалкова на законопроект «О внесении изменения в Закон о государственном гербе Российской Федерации» от 20.11.2025 (законопроект направлен на то, чтобы предотвратить искажение государственного герба РФ):

«Как странно, неужели нужно законодательно закреплять такую простую вещь – уважение, сохранение образов государственных символов страны. Неужели это не является абсолютно естественной вещью, которая не должна требовать ничего, кроме реального, трезвого понимания этого?!

Ну хорошо, по каким-то причинам есть необходимость вносить такой закон... **а кто может быть против? И вот как раз тут возникает самое интересное.** Вместо того, чтобы этот закон был просто сразу в 1, 2 и 3 чтении принят, стали раздаваться эти известные нам причитания о «деликатности», о «чувствительности», о «возможном ущемлении религиозных чувств»... Это кто говорит? **И непонятно ли нам, что символы государства меняются только тогда, когда это государство поработается другим государством, с другими символами. И поражение другими странами, это необязательно военные действия, бомбежки, танковые атаки... нет, это может происходить изнутри, подспудно, как бы незаметно»⁶¹.**

⁵⁸ См., например:

Ильин В.А., Морев М.В. (2025). К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Враг не только по другую линию фронта» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 9–38.

Ильин В.А., Морев М.В. (2025). «Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма»: к чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 9–39.

Ильин В.А., Морев М.В. (2025). К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперёд идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 9–45.

⁵⁹ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: Доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025.

⁶⁰ Более подробные сведения см. в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2025). «Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма»: к чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 9–39.

⁶¹ БесогонТВ «Кто хочет быть святее Папы?». Выпуск от 05.12.2025. URL: <https://besogontv.ru/?ysclid=miy77xuei9523577182>

Для справки: 9 декабря 2025 г. законопроект о закреплении в описании государственного герба РФ обязательного наличия крестов над скипетром и державой был принят Государственной Думой в первом чтении. Авторами законопроекта стали 412 депутатов во главе с председателем парламента В. Володиным, который выразил уверенность в необходимости «сделать все, чтобы не допустить искажения символов нашей государственности» (источник: Кондратьев А. Депутаты остановили «крестопад»: Госдума уточнила изображение герба России // Российская газета. 09.12.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2025/12/09/22155571.shtml?ysclid=mj4e1ebp2z885796718>

Вкладка 5
Некоторые тенденции общественного мнения, отражающие динамику развития общества в условиях отсутствия
в стране официальной государственной идеологии⁶²

Категория населения	%		Чел.	
	Среднегодовые данные	Изменение, 2018–2024 гг. к 1996–1999 гг.	Среднегодовые данные	Изменение, 2018–2024 гг. к 1996–1999 гг.
	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.
1. Динамика самооценок, отражающих отношение людей к Знанию, Образованию				
доля людей, считающих, что важно «иметь хорошее образование»	86,7	64,4	1301	966
доля людей, согласных с тем, что «надо полностью использовать свои способности к обучению»	86,7	67,0	1301	1005
доля людей, которые интересуются темой «воспитания и образования детей»	71,5	59,0	1073	885
доля людей, которые интересуются темой «нравственности, морали, правилами поведения человека в обществе»	67,8	55,5	1017	833
доля людей, которые интересуются «жизнью общества, государства; историей»	74,5	62,8	1118	942
доля людей, считающих, что «знания украшают жизнь человека, делают его счастливей»	77,1	67,6	1157	1014
2. Динамика самооценок, отражающих отношение людей к Творчеству				
доля людей, считающих, что процесс создания нового доставляет радость в будничной жизни	63,2	38,2	948	573
доля людей, считающих, что «творческие способности надо реализовать полностью»	80,9	63,2	1214	948
доля людей, позитивно относящихся к тому, чтобы быть автором результатов творческого труда	63,8	49,5	957	743
доля людей, которые считают, что «творчество украшает жизнь человека, делают его счастливее»	75,0	63,0	1125	945
доля людей, считающих, что творческий человек вызывает недоверие окружающих	14,7	20,3	221	305
доля людей, считающих, что «творческий человек ограничивает свою жизнь, многое теряет»	20,5	23,1	308	347
3. Динамика самооценок, отражающих отношение людей к нормам морали и нравственности				
доля людей, испытывающих угрызения совести в случае «невыполненного обещания»	73,9	58,2	1109	873
доля людей, испытывающих угрызения совести в случае «нанесенной кому-либо обиды, грубости»	81,6	65,8	1224	987
доля людей, испытывающих угрызения совести в случае совершения «несправедливого поступка»	72,8	60,5	1092	908
доля людей, для которых важны «взаимопомощь и взаимовыручка»	86,2	78,0	1293	1170
доля людей, для которых важна «отзывчивость к другим людям»	84,0	76,0	1260	1140
доля людей, для которых важна «порядочность»	90,6	84,6	1359	1269

⁶² Источник: данные ВолНЦ РАН. Приведены изменения за период с 1996–1999 гг. (последний президентский срок Б. Ельцина) по 2018–2024 гг. (IV президентский срок В. Путина). Более подробные данные представлены в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2025). «Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма»: к чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 9–39.

Раз требуются жесткие ограничения «сверху», для того чтобы свести к минимуму возможности иноагентов, представителей системы государственного управления, паразитирующих на мигрантском вопросе, представителей шоу-бизнеса, транслирующих на широкие слои населения духовно-нравственные ценности и образ жизни, противоречащие курсу национального развития и т. д., **значит в российском обществе всё ещё существуют и «сопротивляются те слои, которые хотели бы продолжить сладкие для них, но губительные для страны и народа 1990-е**, когда «бабло побеждало зло», личное обогащение считалось главной целью в жизни и царила идеология массового воровства и разграбления страны вместо идеологии служения народу и Державе⁶³, и поэтому общество остро нуждается в том, **«чтобы мы все, от Президента до фермера, рабочего, инженера, офицера, учёного, предпринимателя, госслужащего, поняли, какими мы хотим быть и какой мы хотим видеть нашу страну»**⁶⁴.

Другими словами, российское общество (фактически целое поколение, выросшее в условиях отсутствия в стране собственной, суверенной национальной идеологии) находится в таком состоянии, при котором государству «сверху» нужно законодательно закреплять самые простые, абсолютно естественные вещи, которые (как говорит Н. Михалков) на самом деле **«не должны требовать ничего, кроме реального, трезвого понимания»...**

По большому счету, за прошедшие 25 лет никуда не делся и принцип олигархического капитализма, о чем свидетельствует **вся выстроенная в стране финансовая система: от национальных счетов и деятельности Центробанка (вкладка б) до капиталов, циркулирующих в системе маркетплейсов, с которыми практически каждый день сталкиваются граждане России в своей повседневной жизни: суммы**

огромные, но циркулируют они по финансовым каналам настолько скрытым, что даже эксперты могут проводить лишь приблизительные расчеты.

«То, что сегодня в России установился олигархический капитализм, никто не спорит. Олигархический капитализм – это социально-экономическая модель развития общества и государства, основанная на тотальном контроле производства товаров и услуг частными собственниками средств производства, на узаконенной эксплуатации, то есть несправедливом присвоении практически всех результатов наемного труда. Политика во всех сферах жизнедеятельности направлена на получение сверхприбыли в кратчайший период даже в ущерб национальной безопасности. Контроль за финансовой и денежной системами осуществляется узким кругом лиц. Происходит сращивание, в том числе посредством развития родственных отношений, финансово-промышленной элиты (олигархии) с представителями государственной власти. Государство начинает преимущественно обслуживать не общество, а олигархов-миллиардеров...

Можно лишь добавить, что капитализм в России не просто олигархический. Таковым сегодня является капитализм и в США, Европе, Канаде и других так называемых «развитых странах». В России это олигархический капитализм зависимого, или компраторского, типа. **Т. е. российские олигархи находятся под внешним управлением. А если это так, под внешним управлением оказывается и вся Российская Федерация. Никаких признаков национального суверенитета, несмотря на громогласные заявления чиновников о его восстановлении после 24 февраля прошлого года, не просматривается»**⁶⁵.

⁶³ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025. С. 13.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Катасонов В. Олигархический коллективизм» из романа «1984» и сегодняшний мир // Библиотека Русского экономического общества имени С.Ф. Шарапова. 12.09.2023. URL: <https://reosh.ru/valentin-katasonov-oligarxicheskij-kollektivizm-iz-romana-1984-i-segodnyashnij-mir.html?ysclid=mjl4kbi85w899643298>

И даже при таком приблизительном рассмотрении финансовой системы некоторые эксперты приходят к выводу о том, что **политика Центробанка, например, «противоречит тому, что записано в Конституции»** (вкладка б), а маркетплейсы **работают в ущерб государству, «не доплачивая налогов на 1,5 трлн руб.»**, и не оформляют законодательно своих сотрудников, способствуя развитию «теневой» занятости и увеличению прекариата — слоя людей, которые «отчуждены от труда и от общества», то есть **«не имеют уверенности в своей необходимости своей стране, своему государству,**

своему обществу; не только ограничены, но и нередко лишены права претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищенность, на надежду в гарантированном будущем своей семьи и близких им людей»⁶⁶.

Отметим также, что приведенные на вкладке б критические оценки экспертов в адрес Банка России и в целом управления экономикой страны появились не в последние годы и не в связи с началом специальной военной операции, а гораздо раньше. **Фактически они звучали еще в начале 2000-х гг.**

1. В. Катасонов: «Взять, например, нынешнюю политику Центрального банка. Она называется таргетирование инфляции. Ребята уже совсем обнаглели! **Они даже не желают переводить на русский язык то, что получают из Вашингтона, из Международного валютного фонда. Я уж не говорю, что таргетирование инфляции противоречит тому, что записано в Конституции России»**⁶⁷.

«Если бы накануне СВО всю ту валюту, которая была украдена в конце февраля 2022 г. [речь о заморозке валютных резервов России Евросоюзом и странами G7], направили на закупку драгоценного металла, **то золотой резерв России прирос бы почти на 5 тыс. тонн золота.** А если бы при этом еще Банк России закупал в течение последних лет все добываемое в стране золото, **то суммарная величина золотого резерва Российской Федерации приблизилась бы к 8000 тонн. Мы могли быть стать золотой державой мира № 1»**⁶⁸.

2. 18 ноября 2025 г. на конференции Банка России «Фокус на клиента» Г. Греф заявил о том, что «маркетплейсы в этом году **недоплатили налогов на 1,5 трлн рублей.** То есть вот скидки все, которые дают, они за наш с вами счет. И мне нисколько не жалко физическую сеть, но мне неприятно, когда маркетплейсы забирают неправомерно долю на рынке у физических сетей **за счет нерыночных условий конкуренции, созданных со стороны государства»**⁶⁹.

3. С. Ануреев: «Пункты выдачи заказов [маркетплейсов] в основном принадлежат индивидуальным предпринимателям, работающим по упрощённой системе налогообложения. **В 90% пунктов выдачи заказов сотрудники не оформлены, потому что если официально оформить людей и платить за них все 47% налогов [НДФЛ 13%, соцвзносы 30%], то деятельность 80% пунктов выдачи заказов станет нерентабельной, и они закроются...** Деловые СМИ называют число ПВЗ у «Озона» до 75 тыс., у «Диких ягод» — до 87 тыс. Общая численность работающих в ПВЗ составит 326 тыс. чел., а совокупная оплата их труда — 258 млрд руб. в год. **ИП-владельцы просто снимают наличные под видом своего дохода с уплатой 6% налога вместо указанных выше 47%, недоплачивая налогов на зарплату 106 млрд руб. в год»**⁷⁰.

⁶⁶ Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от протокласса к новому классу: монография / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. Москва: Наука. С. 253.

⁶⁷ Валентин Катасонов о действиях ЦБ: «Ребята совсем уже обнаглели»: интервью изданию «Царьград». 30.11.2025. URL: <https://reosh.ru/valentin-katsonov-o-dejstviyah-cb-rebyata-sovsem-uzhe-obnagleli.html?ysclid=mj0005afk5541099434>

⁶⁸ Катасонов В. Ещё раз о международных резервах России // Завтра. 09.12.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/eshe_raz_o_mezhdunarodnih_rezervah_rossii_kommentarij_k_tcifram_ria_novosti_kak_informatciya_dlya_razmishleniya

⁶⁹ Маркетплейсы из-за скидок не доплатили налогов на 1,5 трлн рублей // Новости ТАСС. 18.11.2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25653461>

⁷⁰ Ануреев С. Греф прав насчёт маркетплейсов и 1,5 трлн руб. налогов // Завтра. 21.11.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/gref_prav_naschyot_marketplejsov_i_15_trln_rub_nalogov

Например:

Делягин М.Г. Сможет ли новый российский авторитаризм стать эффективным? // Мир России. 2000. № 1. С. 114–138.

Полтерович В.М. Корень проблем – неэффективность государства // Экономическая наука современной России. 2000. № 1 (5). С. 41–44.

Глазьев С.Ю. Выбор за Президентом страны // Независимая газета. 28.04.2001. URL: https://nvo.ng.ru/economics/2001-04-28/4_glazhev.html?ysclid=mj8krvc5x4487860748

Глазьев С.Ю. Не надо ждать милостей от власти // Завтра. 13.05.2002. URL: <https://zavtra.ru/blogs/2002-05-1421>

Львов Д.С. Какая экономика нужна России? // Экономические и социальные перемены в регионе. 2003. Вып. 20. С. 3–15.

Делягин М.Г. Репетиция катастрофы // Завтра. 21.07.2004. URL: <https://zavtra.ru/blogs/2004-07-2132>

Глазьев С.Ю. У нас никогда не было такого разрушительного правительства (интервью газете «Известия») // Известия. 14.12.2004. URL: <https://iz.ru/news/297574>

В этих условиях становятся вполне объяснимыми неожиданные (казалось бы) факты, вскрываемые Счетной палатой РФ и тревожные прогнозы экспертов относительно настоящего и будущего российской экономики: **«российские власти одной рукой повышают налог на прибыль, а другой — подавляют экономическую активность в стране. И эти противоречивые действия, естественно, не обеспечивают пропорционального роста доходов федерального бюджета. Общее ухудшение экономических перспектив на 2026 год позволяет предположить, что поступления доходов федерального бюджета по налогу на прибыль скорее может сократиться»**⁷¹.

Кроме того, представители органов власти всех уровней (федеральной, региональной, муниципальной) продолжают в ежедневном режиме становиться фигурантами уголовных дел. За 2024–2025 гг. (на протяжении которых мы ведем мониторинг арестов и задержаний представителей правящих элит) можно говорить о **более 90 подобных случаях**. И это — только по открытым источникам информации (последние данные, за 25 октября — 18 декабря 2025 г., представлены на вкладке 7).

«Счетная палата представила **сенсационные** результаты по сбору налогов на прибыль, ставка которого для федерального бюджета была повышена в этом году с 3 до 8%. **С учетом инфляции поступления налогов на прибыль в казну при прочих равных условиях должны были бы увеличиться почти в 3 раза. А по факту номинальный прирост доходов федерального бюджета оказался на уровне 75%.** Такой условный недобор объясняется ростом числа убыточных компаний и общим сокращением суммарной прибыли предприятий...

Кроме сюрпризов по налогу на прибыль аудиторы СП обнаружили **быстрый рост государственного долга, который увеличился за один год почти на 10%.** Столь быстрый рост госдолга тревожит многих экономистов... Расходы на обслуживание государственного долга РФ составили 2,3 трлн руб.

Быстрое увеличение расходов бюджета на обслуживание госдолга объясняется высокой ключевой ставкой ЦБ, но возможность проверки экономической обоснованности ключевой ставки Центробанка со стороны Счетной палаты напрямую не закреплена в российском законодательстве»⁷².

⁷¹ Сергеев М. Счетная палата показала обратную сторону бюджета-2025 // Независимая газета. 09.12.2025. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-12-09/4_9397_budget.html?ysclid=mj1793snmz601548006

⁷² Там же.

Эксперты о деятельности Банка России

С.Ю. Глазьев (учёный, экономист, политик, с 17 апреля 2025 г. — государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси)	«Современная денежно-кредитная политика России, основываясь на высокой ключевой ставке, фактически блокирует развитие экономики, создавая замкнутый круг стагнации. Коммерческие банки вместо выдачи кредитов реальному сектору предпочитают вкладывать средства на депозиты Центрального банка, получая стабильный доход без риска. Однако корень проблемы лежит глубже: Центральный банк, вопреки своей миссии создавать и распределять деньги для стимулирования экономики, фактически высасывает ликвидность, накапливая убытки. Это парадокс: институт, создающий деньги, сам становится убыточным... Такая модель банковской системы не просто тормозит экономическое развитие, она способствует концентрации богатства, снижению конкурентоспособности и постепенной деградации производственного сектора. Решением могло бы стать ужесточение контроля за деятельностью банков: они должны отчитываться о доле инвестиций в реальный сектор экономики, а не гоняться за спекулятивными доходами. Однако пока модель остается неизменной, банки из кредиторов превращаются в главных игроков на поле перераспределения собственности, обостряя социально-экономические диспропорции»⁷³.
А.М. Бабаков (политический деятель, предприниматель, зам. председателя Государственной думы VIII созыва)	«Я считаю, что на сегодняшний момент все-таки мы должны сделать так, чтобы государство осуществило реальное управление финансовым сектором. Либо финансовая система управляет государством, либо государство управляет финансовой системой. Банки не должны быть просто аналогом коммерческого предприятия, они должны быть институтами развития и оптимизации по результатам повышения, в том числе и качества жизни, и других критериев, а не количеством прибыли, которое они получают»⁷⁴.
М.Г. Делягин (экономист, политик, публицист, депутат Государственной Думы РФ)	«Российская банковская система — сегодня крупнейший, институционально признанный спекулянт. Фактически вся либеральная часть государственной работы на их интересы, сознательно или бессознательно способствуя перекачке ресурсов из реальной экономики в банковскую среду. В результате, несмотря на санкции, депрессию и войны, прибыль крупнейших банков только растёт: согласно прогнозам Олега Дерипаски, к концу 2025 года банковский сектор получит до 4, 5 трлн рублей прибыли⁷⁵ — феноменальный результат, превышающий показатели 2022 года в 22 раза!... Глава Банка России Эльвира Набиуллина продвигает идею структурной перестройки, акцентируя необходимость избавиться от «неэффективных» предприятий. На первый взгляд, ход рассуждений кажется здравым — зачем поддерживать убыточных? Но если проанализировать саму структуру рентабельности, становится ясно: под этим лозунгом скрывается стремление вытеснить весь реальный сектор. Ведь большая часть «неэффективных» — это как раз наукоемкие, производственные, технологические компании, обеспечивающие стратегическую безопасность страны...

⁷³ Сергей Глазьев про ставку ЦБ и недвижимость // Интервью. 17.01.2025. URL: <https://smarent.com/tpost/jzvjelrka1-sergei-glazev-pro-stavku-tsb-i-nedvizhimost?ysclid=mj025ng015809690879>

⁷⁴ «Воскресный вечер с В. Соловьевым». 25.05.2025. URL: <https://smotrim.ru/article/4517705?ysclid=mj01zv9heg609035726>

⁷⁵ Для справки: к концу 2025 г. прогноз изменился: 2 декабря 2025 г., выступая на заседании форума ВТБ «Россия зовет!», Президент РФ В. Путин отметил, что «по прогнозу Банка России, по итогам 2025 года банковский сектор отработает с прибылью где-то 3,2–3,5 триллиона рублей» (источник: официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78631>). 10 декабря 2025 г. некоторые эксперты указали на то, что «чистая прибыль сектора в 2025 году составит 3,5–3,6 трлн руб.» (источник: Беликов Ю. Смягчение будет плавным и осторожным // Коммерсант. 10.12.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8270555?ysclid=mjb6kkaso0715062417>).

	Всё это подчёркивает фундаментальную проблему: реальная экономика и национальные интересы оказываются заложниками банковской логики, ориентированной преимущественно на быстрые финансовые результаты. Вместо поддержки стратегического производства банковская политика зачастую стимулирует переток ресурсов в спекулятивную сферу, а либеральный административный аппарат облегчает этот транзит, закрывая глаза на долгосрочные последствия»⁷⁶.
В.Ю. Катасонов (Председатель Русского экономического общества им. С.Ф. Ша-рапова, д.э.н., член-корр. Академии экономических наук и предприниматель-ства)	«После начала спецоперации Евросоюз и страны G7 заблокировали около половины российских валютных резервов... Если бы накануне СВО всю ту валюту, которая была украдена в конце февраля 2022 г., направили на закупку драгоценного ме-талла, то золотой резерв России прирос бы почти на 5 тыс. тонн золота. А если бы при этом еще Банк России закупал в течение последних лет все добываемое в стране золото, то суммарная величина золотого резерва Российской Федерации приблизилась бы к 8000 тонн. Мы могли быть стать золотой державой мира № 1...»⁷⁷. «Банк России, мягко выражаясь, искажает статистику международных резервов РФ. Скоро уже будет четыре года, как коллективный Запад «заморозил» значительную часть валютных резервов России..., четыре года, как Банк России не имеет доступа к украденным валютным резервам. Более чем сомнительно включать такие валютные резервы в состав международных резервов Российской Федерации. А Банк России включает, причем без каких-либо оговорок... В настоящее время уже известна точная величина сворованных в конце февраля российских валютных резервов – 311 млрд долларов... Если бы российские денежные власти действовали с опережением, то мы сегодня могли бы иметь совсем другой объем международных резервов... Если бы накануне СВО денежные власти России конвертировали «токсичные» валюты в разmere 311 млрд долларов в золото, то сегодня бы это золото уже оценивалось примерно в 718 млрд долларов... Эту цифру можно считать реальной ценой ущерба, который понесла Россия в результате того, что денежные власти игнорировали золото. Нынешние рекорды золота в составе международных резервов денежных власти России склонны приписывать себе. Между тем, нынешние стоимостные рекорды золота лишь прикрывают бездействие денежных властей... На 1 января 2022 года золота в резервах было 74,0 миллиона унций, или 2301,66 тонны... на 1 октября 2025 года физи-ческий объем золота составил 74,9 миллиона унций (2329,65 тонны). За весь период времени золота в резервах России при-бавилось лишь на 28 тонн! Золотой резерв России оказался почти замороженным. В расчете на год прирост золота в резервах составил в среднем лишь 7 тонн! При том, что добыча золота в России в последние годы составляла примерно по 330 тонн в год»⁷⁸.

⁷⁶ Делягин М. Банковская «диагностика» уничтожает экономику России // Аргументы недели. № 37. URL: <https://argumenti.ru/economics/2025/09/966797>

⁷⁷ Катасонов В. Ещё раз о международных резервах России // Завтра. 09.12.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/eshe_raz_o_mezhdunarodnih_rezervah_rossii_kommentarij_k_tcifram_gia_novosti_kak_informatsiya_dlya_gazmishleniya

⁷⁸ Катасонов В. Новый рекорд золота в международных резервах РФ, но Банк России, мягко выражаясь, искажает статистику // Завтра. 25.11.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/novij_rekord_zolota_v_mezhdunarodnih_rezervah_rf

Факты задержания и арестов представителей правящих элит (25 октября – 18 декабря 2025 г.)⁷⁹

9 декабря — по подозрению в превышении должностных полномочий задержан бывший глава Иваново. По версии следствия, задержанный, занимая в период с 2020 по 2024 год должность заместителя председателя правительства Ивановской области, используя свои должностные полномочия, создавал коммерческим компаниям благоприятные условия и оказывал им покровительство. Всего в рамках схемы заключено свыше 30 контрактов на общую сумму более 500 млн рублей.

3 декабря — сотрудники управления ФСБ России по Татарстану задержали начальника военного представительства Минобороны, которого подозревают в получении взятки в особо крупном размере. Фигурант получал денежные вознаграждения за содействие при согласовании актов сдачи-приёмки работ и за неприменение мер ответственности при выявлении нарушений условий госконтракта по техническому надзору автомобилей общевоинского назначения в Крыму и зоне проведения СВО. На основании собранных материалов возбуждено уголовное дело по статьям о получении взятки и злоупотреблении должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа.

3 декабря — первый вице-мэр Нижнего Новгорода С. Егоров задержан по подозрению в получении взятки за способствование незаконной коммерческой деятельности. Подозреваемый в период с февраля по август 2025 года получил через посредника взятку в значительном размере за способствование в организации незаконной коммерческой деятельности на территории Нижнего Новгорода.

1 декабря — задержан руководитель отдела по расследованию особо важных дел СУ СК по Кемеровской области Л. Харитонов. Отмечается, что Харитонов занимался рядом крупных уголовных дел в регионе.

28 ноября — в Дагестане 17 сотрудников отделения Социального фонда России привлечены к уголовной ответственности по делу о коррупции. В том числе руководитель управления регионального подразделения. Ущерб от их деятельности превышает 1,4 млрд рублей.

14 ноября — первый замглавы ГУФСИН по Челябинской области, начальник ведомственной службы безопасности и главный бухгалтер задержаны по подозрению в коррупции. Уточняется, что фигуранты в том числе использовали производственные мощности и осуждённых пенитенциарных учреждений для личного обогащения.

12 ноября — в Санкт-Петербурге задержали сотрудника МВД за взятку от представителя СМИ. Уточняется, что «с 2022 года администратор новостного канала «Конкретно.ру» на систематической основе передавал взятки начальнику управления информации и общественных связей ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области за предоставление ежедневных сводок происшествий ведомства».

12 ноября — в Ялте задержана заммэра города И. Беломестнова. Она курировала вопросы строительства и благоустройства. По данным пресс-службы УФСБ России по Республике Крым и городу Севастополю, в 2022 г. чиновница получил взятку в 2,5 млн руб. от директора коммерческой фирмы.

10 ноября — в Москве задержан экс-советник премьера Дагестана, бывший депутат парламента Дагестана Д. Абуев. Его подозревают в государственной измене и сотрудничестве с украинскими спецслужбами, включая подготовку диверсий и намерение сражаться против РФ.

7 ноября — в Москве по подозрению в коррупции задержан директор департамента машиностроения ТЭК Минпромторга России М. Кузнецов.

6 ноября — в Удмуртии задержан глава Завьяловского района по подозрению в получении взятки в крупном размере.

30 октября — задержан бывший депутат законодательного собрания Пермского края К. Окунев. Его подозревают в совершении преступления по ст. 205.2 УК России, то есть в призывах к терроризму.

29 октября — глава Аскизского района Хакасии задержан по подозрению в превышении должностных полномочий при исполнении контракта на строительство школы в более 1,1 млрд рублей.

⁷⁹ Источник: RT на русском. Последние новости о задержаниях. URL: <https://russian.rt.com/tag/zaderzhanie?ysclid=mdzkzlhmsn147444962>

В мае 2025 года по поручению врио губернатора Курской области А. Хинштейна был подготовлен список «из более чем 70 чиновников, которые ранее были освобождены от уголовной ответственности или погасили судимость»⁸⁰. А в ноябре 2025 года А. Хинштейн отметил, что «результатами проведенной работы крайне недоволен: *всего 9 человек прекратили служебную деятельность*, при том что список лиц, например, привлекавшихся к ответственности за получение либо дачу взятки или за грабеж, достаточно внушительный»⁸¹.

На наш взгляд, сложно не согласиться с руководителем Курской области, когда он говорит о том, что «лицам, привлекавшимся к уголовной ответственности за получение или дачу взятки (даже не осужденным впоследствии)..., с таким прошлым делать в органах власти нечего»⁸². Сам факт их наличия в системе государственного управления вызывает, как минимум, недоумение. И поэтому, безусловно, такая работа должна интенсивно проводиться по всей стране, в каждом регионе, в каждом муниципалитете; через Общероссийский народный фронт, политические партии, Государственную Думу или любой другой механизм, способный максимально эффективно и в сжатые сроки «вычистить» систему государственного управления от людей с «тёмным» прошлым.

Оценка экспертов:

«Хинштейн озвучил проблему открыто – значит, хотел её решить, а не скрыть. Это добавляет достоверности: если бы речь шла о показной кампании, никто бы не выносил на публику формулировку „во власти есть бывшие грабители“. Сам факт их присутствия говорит о том, что система подбора кадров фактически не работает. Проверки проходят формально, служебные рекомендации подменяют реальные фильтры. На должностях, где распределяются бюджетные средства и заключаются контракты, оказываются люди, чья биография сама по себе исключает доверие. И если они дошли до руководящих постов – значит, кто-то их туда провёл, и не один раз.

Это уже не отдельная ошибка, а сбой механизма. Значит, внутри самой системы есть те, кто покрывает, закрывает глаза, подписывает нужные бумаги. Кадровая вертикаль перестала быть фильтром и превратилась в трубу: что в неё попало, то и вылетает наверх. Поэтому случай Курской области – не локальная история, а симптом того, что система в принципе не умеет распознавать риски и не хочет видеть собственные изъяны»⁸³.

⁸⁰ Курским чиновникам помянут старое // Коммерсант. 12.05.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7713366?ysclid=miy9ts272521996872>

⁸¹ Хинштейн потребовал уволить из органов всех ранее судимых сотрудников // Независимая газета. 05.11.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-11-05/2_9373_news2.html?ysclid=miy9jc1w1u743954955

⁸² Хинштейн потребовал уволить всех чиновников с криминальным прошлым // Life. 05.11.2025. URL: <https://life.ru/p/1806740?ysclid=mj5u2cy7gd862838518>

⁸³ Прохоров И. Грабители во власти: Хинштейн вскрыл «авгиевы конюшни» чиновников. Масштабы поражают // Царьград. 07.11.2025. URL: https://spb.tsargrad.tv/articles/grabiteli-vo-vlasti-hinshtejn-vskryl-avgievy-konjushni-chinovnikov-mashtaby-porazhajut_1431154?ysclid=miy9ti4opy301345892

И, к слову, об этом — в ноябре 2025 года Высшая квалификационная коллегия судей России (ВККС России) удовлетворила ходатайства председателя СК РФ А. Бастрыкина, дав согласие на **привлечение к уголовной ответственности и/или арест шестерых судей**⁸⁴... Во всех случаях речь шла о преступлениях коррупционной направленности... «Наиболее принципиальный и скользкий вопрос — о прекращении статуса судьи в отставке экс-председателя Краснодарского краевого суда А. Чернова — был рассмотрен 27 ноября. Как отметили эксперты, это не равнозначно согласию ВККС на возбуждение против Чернова уголовного дела, **но вместе со статусом судья лишается и гарантий неприкосновенности**»⁸⁵.

Оценка экспертов:

«Ситуация, которую затронул председатель Верховного суда РФ, на самом деле **давно сложилась неправильно**... Теперь судьи получают ориентир: важны именно реальные усилия, а не символические жесты ради галочки. **Но почему за столько лет практика так и не стала единообразной? А потому, что сама система устроена так, что каждое решение делается вручную, без общих методик и с огромным объемом дел на одного судью.** Разные регионы живут в разных правовых традициях, кадры приходят из разных ведомств, а нормативные формулировки оставляют слишком много воздуха для трактовок»⁸⁶.

2 декабря 2025 года на заседании Совета судей РФ председатель Верховного суда РФ И. Краснов отметил, что судебные решения «не

должны содержать намеков, ничем не подкрепленных оценочных суждений, порождать двойственность толкования, **а тем более являться катализатором мошеннических и иных незаконных схем. К сожалению, такие факты имеются. Принятие решений в угоду региональным и местным властям, обслуживание интересов корпораций и коммерческих структур недопустимы. На любые действия коррупционного характера — вне зависимости от уровня их совершения — реакция будет бескомпромиссной**»⁸⁷.

Приведенные факты из реальной деятельности системы государственного управления, финансовой, судебной системы отвечают на вопрос о том, **почему желаемый образ будущего страны как 10 лет назад, так и сегодня, в 2025 году, представляется россиянам крайне трудно достижимым: потому что за 25 лет государство, по большому счету, так и не изменилось.** И, судя по прогнозам экспертов, не нацелено на то, чтобы меняться в ближайшей перспективе. Именно об этом свидетельствуют «косметические» изменения в «Политбюро 2.0», а по сути — сохранение данной системы в том состоянии, в котором она находилась и до начала СВО.

Конечно, следует отметить, что глубокие, системные изменения в государственном управлении сопряжены с рисками, поэтому они нежелательны и не должны происходить в условиях продолжающейся СВО. **Но проблема в том, что эксперты «Минченко консалтинг» никак не связывают пролонгацию модели «Политбюро 2.0» (которую они характеризуют как «конгломерат кланов и групп, которые конкурируют друг с другом за ресурсы...»⁸⁸) со сроками урегулирования «украинского конфликта»** (отметим, что как

⁸⁴ «Двое судей из Санкт-Петербурга — бывший председатель Смольнинского районного суда В. Тарасов и судья того же суда К. Голикова. Всего в повестке разрешения на привлечение шести судей из разных регионов России. Помимо петербургских коллег, речь идет о представителях судов Адыгеи, Курска, Кабардино-Балкарии и Мордовии. Также коллегия рассмотрит вопрос о даче согласия на заключение под стражу бывшего председателя Юргомыжского районного суда Курганской области В. Козлова» (источник: Чулков А. Двух судей из Петербурга могут привлечь к уголовной ответственности // Коммерсант. 19.11.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8213028?ysclid=mj5t2ry99y635207201>).

⁸⁵ Никитский Л. Соло новой метлы // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2025/11/28/solo-novoi-metly>

⁸⁶ Трифонова Е. Краснов достроит вертикаль руководства третьей властью // Независимая газета. 02.12.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-12-02/1_9392_krasnov.html?ysclid=miyblmaycw681886806 (мнение адвоката А. Гавришева).

⁸⁷ Трифонова Е. Краснов достроит вертикаль руководства третьей властью // Независимая газета. 02.12.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-12-02/1_9392_krasnov.html?ysclid=miyblmaycw681886806

⁸⁸ Минченко Е.Н. Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0»: доклад «Минченко консалтинг». Август 2012 // Официальный сайт «Минченко консалтинг». URL: <https://minchenko.ru/analitika/?curPos=65>

минимум 7 членов «Политбюро 2.0» по данным на 2025 год входят в рейтинг крупнейших российских миллиардеров Forbes⁸⁹).

Другими словами, **нет никаких признаков того, что продолжающиеся боевые действия — это единственное препятствие, мешающее Президенту и близким ему людям из патриотического (силового) блока вносить какие-либо существенные коррективы в функционирование системы государственного управления...** А это значит, что в ближайшей перспективе сложно рассчитывать на появление в российской системе

государственного управления такого **механизма сдержек и противовесов**, какой, например, есть в Китае и который «определяет успех страны на протяжении последних нескольких десятилетий»⁹⁰.

Как справедливо пишет Е.В. Балацкий, к элементам китайского механизма самоорганизации элит «России, равно как и большинству других стран, имеет смысл самым пристальным образом присмотреться... и **начать работу по их адаптации к собственной политической и экономической системе**»⁹¹.

Некоторые ключевые элементы (институты, принципы) самоорганизации элит в китайской модели управления⁹²

1. «Иерархичность кадров КПК [Коммунистическая партия Китая] базируется на системе рангов, которые присуждаются **по результатам работы** и служат основанием для дальнейшего карьерного роста», а также **«принцип меритократии**, согласно которому любое повышение должности и ранга **следует заслужить успехами на предыдущем месте работы**. И опять-таки в российской практике управления имеется множество примеров назначений на высокие должности людей, за которыми не значится никаких положительных достижений. **Тем самым строгая регламентация карьеры в органах власти и КПК выступает гарантией от кадровой вакханалии и будущих управленческих ошибок**».

2. **«Система самоконтроля КПК**, в качестве институционального элемента которой выступает Государственная надзорная комиссия. В основе указанной системы самоконтроля лежат два взаимосвязанных принципа – **тотальное отсутствие иммунитета от уголовного преследования и наличие смертной казни**. **Китайская система управления категорически отрицает принцип безответственности**».

3. «Главная сложность [в экономике] состоит в координации всех звеньев огромного и чрезвычайно разнородного хозяйства для придания им единого вектора движения и развития. Для этого в Китае создано специальное координирующее экономическое ведомство – Государственный комитет по развитию и реформам (ГКРР; The National Development and Reform Commission – NDRC), который входит в структуру Правительства КНР и изначально назывался Госпланом КНР... Особенность работы ГКРР состоит **в разнородности выполняемых им функций**, что и позволяет выйти на новый уровень координации экономической жизни огромной страны... Деятельность ГКРР подчиняется двум неформальным положениям – **примату социальной стабильности и экономического развития и принципу деликатности и осмотрительности**».

⁸⁹ Среди них: А. Ротенберг, Г. Тимченко, Р. Абрамович, В. Вексельберг, Ю. Ковальчук, В. Алекперов, А. Мордашов (источник: 146 миллиардеров России. Рейтинг Forbes – 2025. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/535280-146-milliardеров-rossii-rejting-forbes-2025?ysclid=mj9y71i97k216827885>).

⁹⁰ Балацкий Е.В. (2025). Институты самоорганизации элит в китайской модели управления // Проблемы развития территории. Т. 29. № 6. С. 26.

⁹¹ Там же.

⁹² Более подробные сведения представлены в статье: Балацкий Е.В. (2025). Институты самоорганизации элит в китайской модели управления // Проблемы развития территории. Т. 29. № 6. С. 10–29.

Выдержки из доклада «Минченко консалтинг»⁹³, свидетельствующие о сохранении в системе государственного управления «Политбюро 2.0»:

1. Недружественное окружение и риски военного столкновения с НАТО **делают инерционный сценарий во внутренней политике наиболее понятным для элиты, а в качестве ключевого параметра на первый план выходит устойчивость системы.**

2. **Состав «Политбюро 2.0» остается неизменным** (Ю. Ковальчук, С. Кириенко, Н. Патрушев, М. Мишустин, С. Чемезов, И. Сечин, Д. Медведев, С. Собянин, Г. Тимченко, А. Ротенберг, С. Шойгу), даже несмотря на неблагоприятный социально-экономический контекст и как следствие – сужение ресурсной базы: в условиях нарастания бюджетного дефицита, роста налогового бремени и усиления санкционного давления, **высший эшелон элиты сохраняет свои позиции.**

3. Поддержание текущего состава «Политбюро 2.0» и их конфидентов во многом достигается за счет перераспределения активов в рамках масштабной кампании по конфискации собственности, **которая в наибольшей степени затрагивает ресурсных представителей региональной элиты.**

4. **Ключевой стратегией для ресурсных элит оказываются не проактивные действия, а стратегическое выжидание и поддержка сложившегося в последние годы статус-кво.**

5. В 2021 году [то есть еще до начала СВО] мы описывали сценарии динамики самого Политбюро, из которых наиболее вероятным была названа **«стабилизация состава Политбюро 2.0 на несколько ближайших лет**, возможная за счет применения административного ресурса к перераспределению ренты в новых секторах экономики и за счет создания укрупненных элитных коалиций». **В данный момент этот сценарий и реализуется**, с той оговоркой, что в процесс передела включены и старые сектора экономики.

Напомним при этом, что существование самой системы «Политбюро 2.0» эксперты «Минченко консалтинг» начали отмечать еще в 2012 году, задолго до проведения специальной военной операции.

Таким образом, в настоящее время Россия уже почти 4 года ведет войну за свое будущее, и как долго эта война продлится – пока не из-

вестно. По крайней мере, на последней Коллегии Министерства обороны РФ 17 декабря 2025 года А.Р. Белоусов поставил задачи не только на 2026 год, но и «изложил параметры более долгосрочного планирования с учетом хода специальной военной операции и развития военно-политической ситуации вокруг России»⁹⁴.

Выдержка из выступления А.Р. Белоусова на расширенном заседании коллегии Минобороны 17 декабря 2025 г.:

«... приоритетное направление работы Министерства обороны – **модернизация Вооружённых Сил в долгосрочной перспективе** с учётом внешних угроз и развития инновационных технологий.

Анализ военно-политической обстановки показывает, что **угрозы военной безопасности за последние три года существенно изменились**. Североатлантический альянс продолжает наращивать коалиционные силы, ведётся активная подготовка к развёртыванию ракет средней дальности, обновлена номенклатура ядерных боеприпасов, модернизируется противовоздушная и противоракетная оборона, меняется система мобилизационного развёртывания. Повышается оперативность переброски войск альянса к восточному флангу... Существенно увеличиваются военные расходы...

Всё это свидетельствует о подготовке НАТО к военному столкновению с Россией. Планами альянса предусмотрено достижение готовности к таким действиям на рубеже 2030-х годов. Об этом неоднократно открыто заявляли официальные представители блока НАТО»⁹⁵.

⁹³ Доклад Политбюро 2.0. Осажденная крепость. Аналитический обзор состояния российских элит // Официальный сайт «Минченко консалтинг». 25.11.2025. URL: https://minchenko.ru/analitika/analitika_139.html

⁹⁴ Сотак Д. Армия выходит на длинную дистанцию // Коммерсант. 18.12.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8294543?ysclid=mjb7k76fup74499157>

⁹⁵ Выступление Министра обороны РФ А.Р. Белоусова на расширенном заседании коллегии Минобороны 17 декабря 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. 17.12.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78801>

Однако следует подчеркнуть, что война России за будущее — это не только военный конфликт с «киевским режимом» (что было понятно с самого начала специальной военной операции). И даже не только цивилизационный конфликт с западной цивилизацией (блоком НАТО, «коллективным Западом») за достойное место в формирующемся многополярном мире...

Это, прежде всего, война России с самой собой образца 90-х гг.: с «либеральным туманом», который на десятилетия окутал практически все сферы нашей жизни; с глубокой социальной и ментальной «травмой», которую нанес нашей стране распад Советского Союза.

Все три аспекта (а точнее — ипостаси) конфликта, в который вовлечена Россия, неразрывно связаны друг с другом, и, как справедливо отмечает А. Дугин, *«ключ к Победе в СВО лежит в 1990-х... Упразднение Украины подразумевает одновременное упразднение Российской Федерации 1990-х годов. Эти две ненастоящие, карикатурные действительности, которые являются результатом распада органичной державы, Империи [Советского Союза]»*⁹⁶.

*«...любое абсурдное действие, которое мы можем себе придумать, обязательно будет выполнено Евросоюзом. Мы имеем дело с наглядной работой храпового механизма дегенерации. И если мы сами не будем оживлять наше государство, нашу политическую систему высшими смыслами, высшими целями, сакральностью, духом, то мы тоже к этому придём»*⁹⁷.

При этом следует отметить, что в этой борьбе России с самой собой образца 90-х гг. российское общество по-прежнему рассчитывает на Президента. Об этом свидетельствует поддержка россиянами деятельности главы государства, которая отмечается как по официальным результатам выборов федерального, регионального и муниципального уровней⁹⁸, так и по данным мониторинговых социологических измерений⁹⁹.

Вероятно, осознавая или чувствуя этот груз исторической ответственности перед страной и перед людьми, Президент всё чаще (а точнее «постоянно», по его собственным словам) думает о выборе преемника, и в качестве ключ-

⁹⁶ Дугин А. Ключ к Победе в СВО лежит в 1990-х. URL: https://zavtra.ru/blogs/klyuch_k_pobede_v_svo_lezhit_v_1990-h_kapitulyatsii_ukraini_budet_nedostatochno

⁹⁷ Дугин А. Россия получила наглядный урок — вот куда приведёт миграционная вольница // Завтра. 25.11.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/vsyo_ruhnulo_rossiya_poluchila_naglyadnij_urok_vot_kuda_privedyot_migratsionnaya_volnitca?ysclid=miyajaxwp50260698

⁹⁸ По официальным данным Центральной избирательной комиссии РФ (ЦИК РФ), на выборах Президента РФ 17 марта 2024 г. В.В. Путина поддержали более 76 млн избирателей (87% от числа принявших участие в выборах).

Анализ данных ЦИК за все президентские выборы, прошедшие в России в период с 2000 по 2024 год, показывает, что за 24 года, прошедших с того момента, как В.В. Путин впервые был выбран главой государства, уровень его поддержки в целом по стране увеличился фактически в два раза (почти на 37 млн чел.): с 39,74 до 76,28 млн избирателей (подробнее см. в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2024). Убедительный «мандат доверия»: за V президентский срок В.В. Путина проголосовали 76 миллионов избирателей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 9–42).

По итогам Единого дня голосования, проходившего в России 14 сентября 2025 г., «на выборах руководителей 20 регионов Российской Федерации победили 19 выдвиженцев «Единой России» и один самовыдвиженец — действующий глава Чувашской Республики О. Николаев. Никто из победителей не набрал меньше 60% голосов. У восьми новоизбранных глав регионов, включая нового губернатора Курской области Александра Хинштейна, более 80% голосов» (источник: О выборах глав регионов и об издержках вертикализации // Независимая газета. 16.09.2025. URL: https://www.ng.ru/editorial/2025-09-16/2_9339_red.html). Как отметили эксперты, «оказав доверие всем поддержанным им [Президентом] кандидатам на должности глав регионов и представителям партии «Единая Россия», граждане фактически, словно на референдуме, одобрили политику Владимира Путина» (оценка председателя правления Фонда развития гражданского общества К. Костина. Источник: Костин К. Право и выбор // Известия. 14.09.2025. URL: <https://iz.ru/1954805/konstantin-kostin/pravo-i-vybor>).

⁹⁹ По данным ВЦИОМ, на протяжении всего периода проведения СВО (2022–2025 гг.) уровень одобрения деятельности Президента РФ стабильно составлял 75–77%. Это значительно выше, чем уровень поддержки В.В. Путина до начала СВО (в 2021 г. — 60%) и «на порядок» выше, чем уровень поддержки предыдущего главы государства Б. Ельцина (в 1999 г. — 9%). Источник: Рейтинги ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/>

чевой задачи национального развития ставит **«обеспечение надёжной преемственности в развитии страны на десятилетия вперёд»**¹⁰⁰.

«Когда я думаю об этом [о выборе преемника], **а я думаю об этом постоянно**, конечно, я думаю о том, что должен появиться человек, а лучше несколько человек, чтобы у людей выбор был, который смог бы добиться этого **доверия со стороны граждан страны**»¹⁰¹.

Однако выстраивание желаемого образа будущего — того самого сильного, суверенного и социального государства, в котором хотели бы жить россияне — это вопрос стратегической перспективы на 30–40 лет вперед. А «здесь и сейчас» в руках именно Президента (и только его) находится возможность для создания фундамента этого Будущего — закончить СВО, достичь договоренностей с «коллективным Западом», которые бы обеспечивали России

возможность сосредоточиться на решении внутренних проблем, и выбрать преемника, который был бы настоящим (а не «квасным») патриотом, «который смог бы добиться доверия со стороны граждан страны»¹⁰² и который имел бы достаточную политическую волю, чтобы продолжать и усиливать курс национального развития, которым страна идет вот уже четверть века (в том числе проводить своевременную и эффективную «работу над ошибками»).

В. Путин: «{Национальная идея страны} в патриотизме. Я думаю, что ничего другого не может быть. Патриотизм не должен быть квасным, затхлым и кислым... Это совсем не значит, что нужно все время хвататься только за наше героическое прошлое, нужно смотреть в наше не менее героическое и успешное будущее. В этом залог успеха»¹⁰³.

Литература

- Балацкий Е.В. (2025). Институты самоорганизации элит в китайской модели управления // Проблемы развития территории. Т. 29. № 6. С. 10–29.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. № 14 (3). С. 74–90.
- Горшков М.К. (2021). Проблема равенства и справедливости в России // Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае: [монография] / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, М.Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. Москва: Новый Хронограф. С. 7–31.
- Музычук В.Ю. (2025). Культура в логике рынка: факты VS мифы: монография. Санкт-Петербург: Алетей. 424 с.
- Радиков И.В. (2019). Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (834). С. 54–75.
- Российское общество и вызовы времени (2016). Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. Москва: Весь Мир. 400 с.
- Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от протокласса к новому классу: монография / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. Москва: Наука. 350 с.
- Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. Москва: ФНИСЦ РАН. 844 с.

¹⁰⁰ Выступление В. Путина на церемонии вступления в должность Президента РФ 07.05.2024 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73981>

¹⁰¹ Прямая цитата В. Путина из интервью с П. Зарубиным 4 мая 2025 г. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2025541413-VuPoL.html?ysclid=mj72qe20nb300469656>

¹⁰² Прямая цитата В. Путина из интервью с П. Зарубиным 4 мая 2025 г. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2025541413-VuPoL.html?ysclid=mj72qe20nb300469656>

¹⁰³ Интервью В. Путина П. Зарубину // Программа «Москва. Кремль. Путин». 10.05.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4341435?ysclid=mj9rtn5mdu22293906>

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

What Kind of State Do Russians Want to Live In? What Kind of State Has Been Built?

Abstract. This article examines the challenge of translating the desired vision for Russia's future, shared by a majority of its citizens, into practical reality. The issue's relevance is analyzed both before and after the commencement of the special military operation in Ukraine. Drawing on nationwide and regional sociological studies, as well as expert evaluations, the authors conclude that for most citizens, the desired future for Russia is that of a strong, sovereign nation grounded primarily in traditional values — with social justice being paramount — and the principles of a social welfare state. This vision broadly aligns with the course of national development pursued by Russian President Vladimir Putin over the past 25 years. However, the authors also note a persistent skepticism among experts and the broader public regarding the feasibility of actually achieving this desired future. This problem existed both prior to and following the start of the special military operation. Its root cause is identified as the inability or unwillingness of a significant portion of the ruling elites to implement the head of state's strategic objectives aimed at strengthening national sovereignty. As a result, the future of Russia remains uncertain in the eyes of many of its citizens. Consequently, Russia's struggle for continued sovereign development is framed not only as a conflict with the Collective West but also as an internal battle against the nation's own protracted domestic issues. For the President, a key imperative thus becomes laying the groundwork to bring the system of state governance into alignment with the public's vision for the country's future. This entails, above all, concluding the special military operation on terms favorable to Russia and selecting a successor capable of continuing and reinforcing the quarter-century-long course of national development. The empirical foundation of the research is based on the authors' own sociological monitoring data, nationwide surveys, and assessments from a broad spectrum of experts. The authors' contribution lies in developing the theoretical and methodological framework for scholarly inquiry into defining the contours of Russia's future vision and identifying the obstacles to its practical implementation.

Key words: vision of the future, socialism, social justice, public opinion, continuity of national development policy.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin — RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev — Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России: структурный подход к мониторингу

**Никита Михайлович
РУМЯНЦЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: rumyanik.95@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5660-8443; ResearcherID: AAC-2818-2019

**Евгений Владимирович
ЛУКИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: lukin_ev@list.ru
ORCID: 0000-0002-1159-281X; ResearcherID: I-8183-2016

Аннотация. Исследование посвящено системному мониторингу и анализу ключевых тенденций экономического развития Северо-Западного федерального округа в условиях беспрецедентного санкционного давления, начавшегося в 2022 году. На основе анализа оперативной статистики Росстата за период 2022–2024 гг. выявлены ключевые тенденции развития региональной экономики субъектов Северо-Запада России в условиях внешнего давления. Для достижения цели исследования потребовалось решить такие задачи, как агрегирование и критический обзор опыта мониторинга экономического роста территорий, формирование системы показателей мониторинга краткосрочного экономического развития на региональном уровне, а также апробация предложенной системы индикаторов. Анализ экономики осуществляется на ключевых стадиях экономического процесса (производства, образования доходов и их использования). Выявлено, что в производстве валового продукта в регионах Северо-Западного федерального округа

Для цитирования: Румянцев Н.М., Лукин Е.В. (2025). Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России: структурный подход к мониторингу // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 46–70. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.2

For citation: Rumyantsev N.M., Lukin E.V. (2025). Trends in the economic development of Russia's northwest regions: A structural approach to monitoring. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 46–70. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.2

усиливаются тренды региональной специализации — локомотивами положительной динамики в промышленности и сельском хозяйстве являются регионы-лидеры по данным видам деятельности, в то время как в прочих регионах динамика либо незначительная, либо негативная. Наблюдается трансформация структуры распределения доходов в экономике Северо-Западного федерального округа: доходы бизнеса и государства перемещаются в пользу доходов населения на фоне дефицита на рынке труда и незавершенной адаптации к внешнему давлению. В силу роста доходов населения потребительский спрос демонстрирует резкую положительную динамику и становится ключевым фактором экономического роста. Для устранения выявленных проблем предложены направления экономической политики, которые могут способствовать ускорению и повышению качества роста экономики регионов Северо-Запада России.

Ключевые слова: экономическое развитие, регион, мониторинг, система национального счетоводства, Северо-Запад России, тенденции.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0012 «Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз».

Введение

Усиление санкционного давления на российскую экономику актуализирует проблематику исследования направлений по нивелированию его негативного влияния (Ильин, Морев, 2022). Одним из наиболее экономически пострадавших макрорегионов страны в силу его географического положения и значительной ориентации хозяйства на рынки недружественных стран стал Северо-Запад России (Бабич, 2024). С начала 2022 года при изменении геополитической ситуации экономики субъектов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) подверглись трансформации внешне-торговых связей, изменению поведения предприятий и сложившихся производственно-сбытовых цепочек (Kuvalin et al., 2023).

Необходимость реагирования органов власти на стоящие перед страной внешние и внутренние вызовы (демография, ухудшение качества жизни людей и усиление неравенства, усложнение и структурные изменения экономики, необходимость технологического развития и др.) требует современной, гибкой и эффективной системы управления. Представляется, что формированию и реализации результативной экономической политики будет способствовать научно-методологическое и информационно-аналитическое сопровождение деятельности органов государственной власти научными организациями.

Проводимый на федеральном уровне анализ экономической динамики лишь частично отражает реальное положение дел, поскольку во многом представляет экономику страны как сумму региональных экономик. Внимание исследователей в сфере разработки систем мониторинга качества экономического роста также преимущественно замыкается на макроуровне, тогда как сущность социально-экономических явлений отражается в процессах, происходящих в регионах страны.

Цель исследования — мониторинг состояния и ключевых тенденций экономического развития регионов Северо-Западного федерального округа на современном этапе. Для ее достижения требуется решить такие задачи, как агрегирование и критический обзор опыта мониторинга экономического развития территорий, формирование системы показателей мониторинга краткосрочного экономического развития на региональном уровне, а также апробация предложенной системы индикаторов¹.

¹ В Вологодском научном центре РАН под руководством члена-корреспондента РАН, доктора экономических наук, профессора В.А. Ильина в настоящее время формируется система мониторинга различных аспектов развития регионов СЗФО (демография, экономика, пространство, научно-технологическое развитие и др.). Представленная работа посвящена мониторингу экономического развития Северо-Запада России.

Теоретико-методологические основы исследования

В России мониторинг социально-экономического развития регионов ведется как органами государственной власти, так и широким кругом научных институтов, а также рядом рейтинговых агентств. К таким работам можно отнести мониторинг социально-экономического развития РФ в разрезе федеральных округов и субъектов, осуществляемый Росстатом², мониторинги региональных органов исполнительной власти³, автоматизированную систему мониторинга «Регион», разработанную в рамках государственной автоматизированной информационной системы «Управление»⁴. Регулярно публикуется доклад Банка России по состоянию региональной экономики. В рамках научных организаций постоянный мониторинг социально-экономического развития субъектов РФ ведут эксперты ИНП РАН (Mikheeva, 2024), РЭУ им. Г.В. Плеханова⁵, Центра пространственной экономики ИПЭИ РАНХиГС (Зубаревич, 2021), Института экономики УрО РАН⁶ и ряда других.

Однако следует отметить, что упомянутые работы не всегда полностью охватывают региональную проблематику: во многих исследованиях раскрыты лишь отдельные аспекты социально-экономического развития территорий страны. Кроме того, отдельного мониторинга экономического развития Северо-Запада России на постоянной основе не проводится. Анализ работ по осуществлению мониторинга социально-экономического развития регионов РФ позволяет отметить, что такие исследования должны быть комплексными, системными и оперативными.

² Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации: статистический бюллетень // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259>

³ Показатели социально-экономического развития Вологодской области в сравнении с Российской Федерацией // Аналитический центр Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/o_regione/ekonomika/sotsialno_ekonomicheskoe_razvitie/soc2024_2.pdf

⁴ Автоматизированная система «Мониторинг». URL: <https://gasu.gov.ru/opendata>

⁵ Ситуационный центр социально-экономического развития регионов Российской Федерации. URL: <https://regstat2.rea.ru/>

⁶ Мониторинг развития федеральных округов // ИЭ УрО РАН. URL: <https://uiesc.ru/мониторинг-развития-фо-рф>

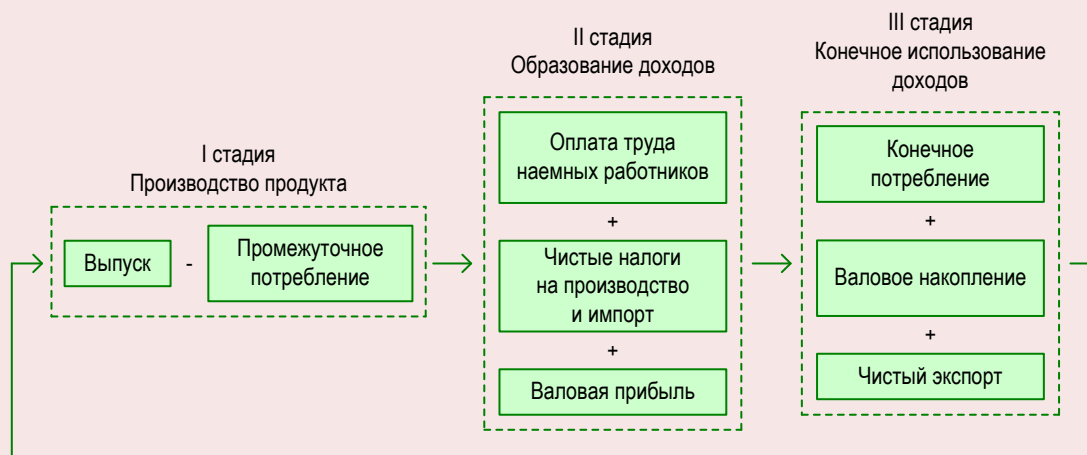
В связи с этим нами разрабатывается система мониторинга тенденций развития экономики регионов Северо-Запада России, включающая оценку макроэкономической ситуации внутри субъектов, представленную в рамках данного исследования, систему индикаторов качественного развития народного хозяйства, анализ и прогнозирование перспективных видов экономической деятельности⁷, ежегодный опрос руководителей предприятий производственного сектора экономики СЗФО (Ширкова, Лукин, 2024). Данная система предполагает проведение ежегодных мониторинговых исследований для оценки развития территорий за прошедший календарный год, что относится к краткосрочному периоду аналитики. Показатели за предшествующие анализируемому годы приводятся с целью оценки происходящих тенденций. Перспективным направлением исследований по анализу экономической ситуации в интересах развития системы мониторинга является разработка модельного инструментария для краткосрочного прогнозирования.

В данном исследовании применяется структурный подход к мониторингу развития регионов Северо-Запада России, который заключается в анализе экономических процессов через призму трёх последовательных стадий воспроизводственного цикла⁸. Концептуальной основой проводимого мониторинга выступает теория национального счетоводства. Согласно ей, фундаментом формирования ресурсов экономики является производство (I стадия, *рис. 1*). В процессе производства, с одной стороны, выпускаются товары и услуги в их натуральном виде, с другой — создается их стоимость и добавленная стоимость, которой соответствуют образовавшиеся в производстве первичные доходы (II стадия). Первичные доходы после их распределения и перераспределения образуют располагаемые доходы субъектов хозяйствования и расходуются на конечный спрос —

⁷ Северо-Запад России: перспективы структурной трансформации экономики: аналитический атлас (2024) / под ред. В.А. Ильина, Т.В. Усковой, Е.В. Лукина; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 96 с.

⁸ Отраслевой разрез структурных изменений на производственном этапе воспроизводственного процесса более подробно представлен в расширенной версии мониторинга. URL: <http://www.volnc.ru/activity/view?id=10187>

Рис. 1. Схема формирования и использования валовой добавленной стоимости в экономике

Источник: (Погосов, 2014).

конечное потребление и валовое накопление (III стадия). Соотношения между этими показателями постоянно изменяются вследствие сложных воспроизводственных процессов. Они отражают результаты экономического развития, складывающиеся на основе экономических закономерностей, проводимой экономической политики и экономической конъюнктуры как внутри страны, так и за ее пределами.

Выбор показателей для мониторинга осуществлялся с учётом принципов их доступности (отобранные индикаторы присутствуют в основных изданиях, опубликованных Росстатом), оперативности (публикация индикаторов происходит в максимально короткие сроки), соответствия концепции исследования (пока-

затели позволяют охарактеризовать стадии воспроизводственного процесса, *табл. 1*).

В дополнение к этому приведен обзор изменения рангов по среднедушевым индикаторам экономического развития регионов СЗФО среди субъектов РФ. Его целью является демонстрация экономического положения регионов округа в общероссийском контексте. Использование душевых показателей позволяет устранить вызванные неравномерным распределением населения территориальные диспропорции и приводить значения индикаторов в сопоставимый вид.

Информационную базу исследования составляют статистические данные Росстата, Федерального казначейства, а также материалы специализированных сайтов и периодической

Таблица 1. Показатели для ведения мониторинга социально-экономического развития регионов

Стадия воспроизводственного процесса	Показатель	Пояснение
Производство продукта	Динамика промышленного производства Динамика сельскохозяйственного производства	Характеризуют динамику большей части выпуска в экономике. Промежуточное потребление по оперативным данным оценить затруднительно
Образование доходов	Динамика денежных доходов населения Динамика доходов консолидированных бюджетов Прибыль прибыльных организаций	Позволяют дать оценку динамики доходов всех трех групп экономических агентов
Конечное использование доходов	Динамика объемов розничной торговли Динамика жилищного строительства Динамика инвестиций в основной капитал	Дают характеристику ключевым направлениям использования доходов (конечное потребление и валовое накопление). Статистика по внешней торговле временно недоступна

Источник: составлено авторами.

печати. В анализе используются данные за последние три года (2022–2024 гг.). В таблицах демонстрируются ранги регионов и федерального округа среди 85 субъектов Федерации (без учета информации по ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям) и 8 федеральных округов по динамике показателей в 2024 году и по их среднему значению в 2022–2024 гг. Стоимостные показатели пересчитаны в ценах 2024 года. Статистика приводится по состоянию на июль 2025 года. В приложениях 1, 2 к статье представлены ранги регионов СЗФО среди 85 субъектов РФ по значениям ключевых индикаторов

экономического развития в 2024 году и по их среднему значению за 2022–2023 гг.

Результаты исследования⁹

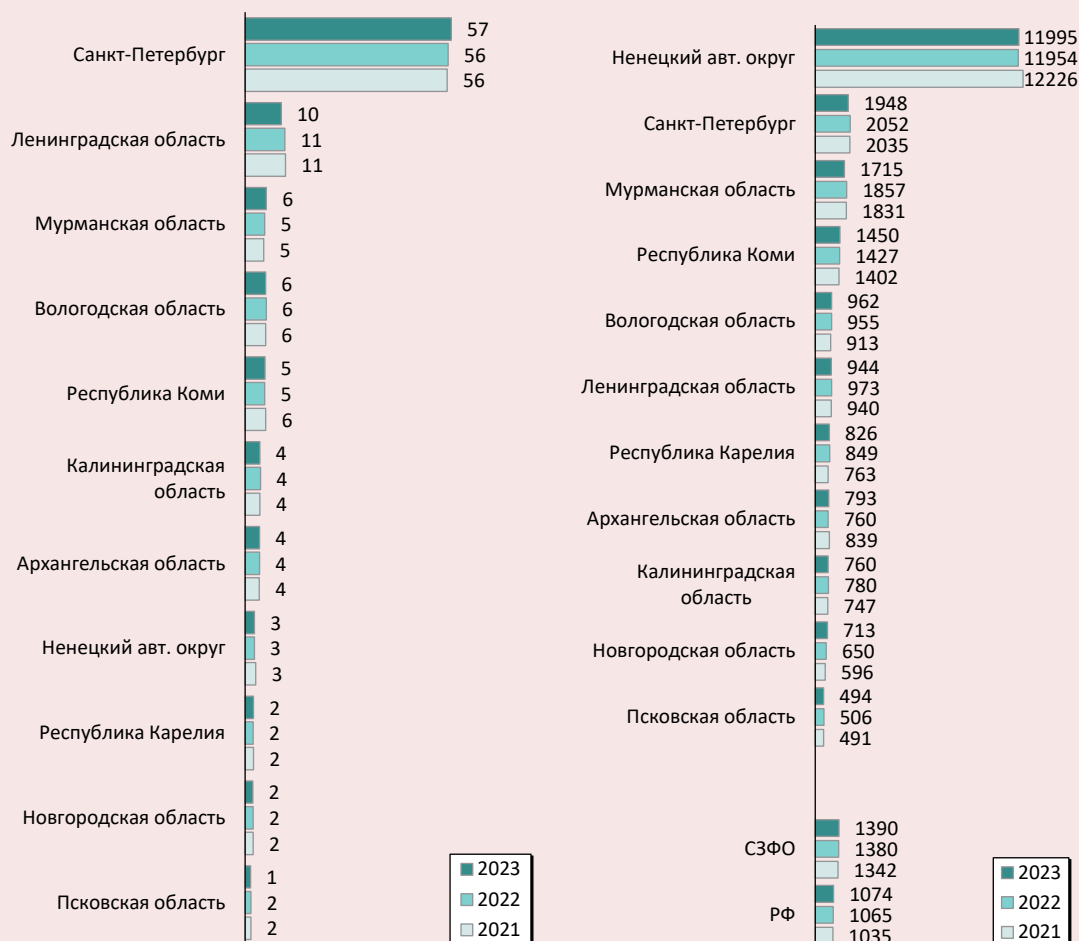
Производство валового продукта в экономике

СЗФО — один из лидеров экономического развития среди федеральных округов. Темпы роста ВРП в нем на протяжении исследуемого периода опережают среднероссийские показатели. По объемам душевого ВРП в 2023 году округ занял второе место по РФ с показателем 1390 тыс. руб. (на 29,5% выше среднероссийского уровня), уступив лишь Уральскому федеральному округу (рис. 2).

Рис. 2. Структура макрорегионального ВРП (слева) и среднеедушевое производство ВРП по регионам СЗФО (справа) в 2021–2023 гг. (в ценах 2023 г.)

Территориальная структура, % к итогу

На душу населения, тыс. руб.

Составлено по: данные Росстата.

⁹ Более подробный анализ представлен в аналитическом бюллетене: Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России. Вып. 5. URL: http://www.volnc.ru/publishing/trends_in_economic

Территориальная структура формирования ВРП в макрорегионе на протяжении исследуемого периода остается неизменной. Концентрация производимого ВРП наблюдается в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (~2/3 от общего объема ВРП), доли остальных регионов также сохраняются, колеблясь в пределах 1 п. п. Во многом это обусловлено сложившейся отраслевой структурой экономики и распределением населения на территории Северо-Запада России. Регионы-лидеры по среднему душевому ВРП – Ненецкий автономный округ, Санкт-Петербург, Мурманская область, Республика Коми, ядром которых является развитый добывающий сектор (за исключением Санкт-Петербурга, экономика которого в значительной мере диверсифицирована).

В промышленном производстве СЗФО после замедления в 2022 году, вызванного внешнеторговыми ограничениями, наблюдается ускоряющийся рост, темпы которого значительно опережают среднероссийские (табл. 2). Основной вклад в развитие промышленности округа вносят Санкт-Петербург и Ленинградская область, являющиеся как крупнейшими региональными экономиками на Северо-Западе, так и промышленными центрами макрорегиона. При этом тенденции их развития

отличаются: так, 2022 год слабо повлиял на темпы роста объемов производимой промышленной продукции Санкт-Петербурга, который сделал мощный рывок (+33,1% за 2022–2024 гг.), а в Ленинградской области тренд совпал с общерегиональным – спад в 2022 году и взрывной рост в 2023–2024 гг.

Остальные регионы развивались разнонаправленно. Так, за счет резкого увеличения спроса на энергоресурсы в 2022 году высокие темпы роста зафиксированы в добывающих регионах, а в 2023–2024 гг. из-за введения санкций на российские нефть и газ их рост стагнировал. В Псковской и Архангельской областях наблюдалась тенденция к ускорению роста промышленности после спада в 2022 году в основном за счет повышения объемов выпуска обрабатывающих производств. В Новгородской, Вологодской областях, Республике Карелии наблюдается стагнация промпроизводства на уровне 2021 года.

Регионами-аутсайдерами стали Мурманская и Калининградская области, где общий спад в промышленности на протяжении исследуемого периода составил 9 и 22,6% соответственно. Основным негативным фактором в развитии промышленности Северо-Запада России являлась неблагоприятная внешнеэкономическая

Таблица 2. Динамика промышленного производства регионов СЗФО в 2022–2024 гг.

Территория	% к предыдущему году			Ранг*, 2024 г.	Территория	Объем на 1 жителя, 2024 г., тыс. руб.	Ранг**		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.				2022 г.	2023 г.	2024 г.
РФ	100,7	104,3	104,6	-	РФ	851	-	-	-
СЗФО	100,5	105,3	105,3	4	СЗФО	1022	2	2	2
1. Санкт-Петербург	106,1	113,1	110,9	11	1. Ненецкий авт. округ	15871	1	1	1
2. Ленинградская обл.	96,8	107,7	108,2	20	2. Мурманская обл.	1588	8	8	8
3. Псковская обл.	99,4	112,6	107,7	22	3. Республика Коми	1461	9	9	9
4. Архангельская обл.	95,5	98,8	107,2	23	4. Вологодская обл.	1223	12	13	14
5. Калининградская обл.	77,3	96,7	103,5	44	5. Ленинградская обл.	1170	15	17	16
6. Новгородская обл.	92,5	102,7	101,2	58	6. Санкт-Петербург	998	27	26	23
7. Вологодская обл.	96,6	106,2	100,0	64	7. Новгородская обл.	712	34	34	34
8. Республика Коми	104,6	100,3	99,5	68	8. Республика Карелия	635	37	40	42
9. Республика Карелия	93,1	100,2	99,3	70	9. Калининградская обл.	620	38	45	46
10. Ненецкий авт. округ	112,1	93,7	97,4	74	10. Архангельская обл.	441	54	62	60
11. Мурманская обл.	95,9	97,5	97,3	75	11. Псковская обл.	400	68	67	67

* Здесь и далее: ранг соответствующего региона и федерального округа по динамике показателя в 2024 г. среди 85 субъектов Федерации (без учета Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей) и 8 федеральных округов.

** Здесь и далее: ранг соответствующего региона и федерального округа по объему производства на 1 жителя среди 85 субъектов Федерации и 8 федеральных округов.

Составлено по: данные Росстата.

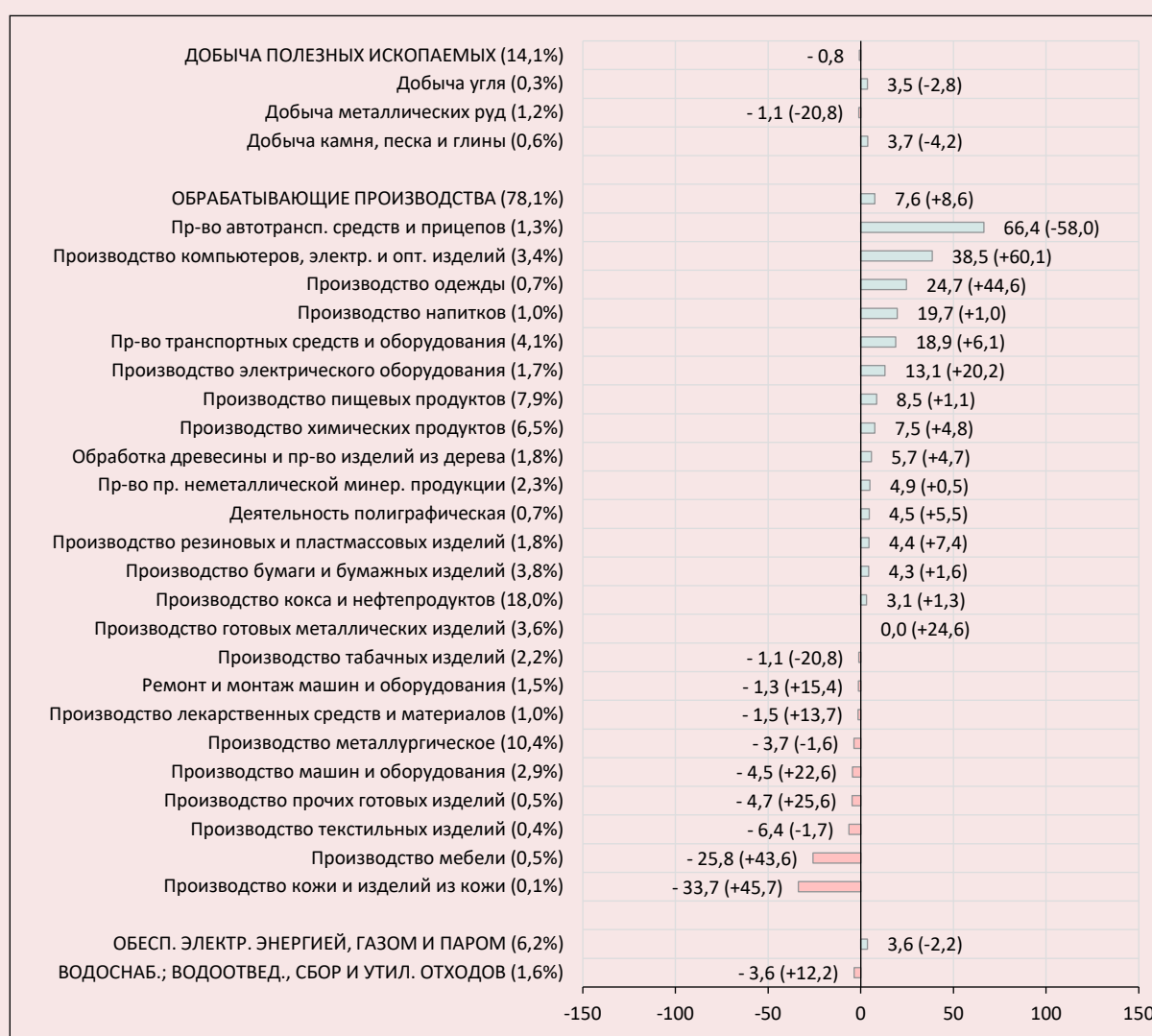
обстановка, способствующая резкому сокращению внешнего спроса на фоне недостаточного внутреннего потребления.

Рост выпуска промышленности СЗФО во многом объясняется увеличением объемов продукции ряда ключевых отраслей обрабатывающих производств (рис. 3). Наиболее высокие темпы роста выпуска показали отрасли машиностроения (производство автотранспорт-

ных средств, прицепов и полуприцепов, а также компьютеров, электронных и оптических изделий). Зафиксировано увеличение выпуска в производстве одежды, пищевых продуктов и напитков.

Также была позитивной динамика производства продукции ряда отраслей промышленности промежуточного спроса (химическая, деревообрабатывающая промышленность).

Рис. 3. Прирост объемов промышленного производства СЗФО в 2024 г., % к предыдущему году

Примечание: в скобках после наименования отрасли указан ее удельный вес в структуре отгрузки продукции промышленного производства СЗФО в 2024 г.; в скобках после значения указан прирост (убыль) производства отрасли в 2023 г.

Составлено по: данные Росстата.

При этом зафиксирован спад в производстве продукции ряда отраслей легкой промышленности (производство мебели, кожи и изделий из кожи, текстильных изделий), металлургии, прочих готовых изделий. По суммарному индексу добычи топливных полезных ископаемых (доля нефти и газа в общем объеме добычи СЗФО составляет порядка 60%) можно предположить, что их производство незначительно сократилось. Добыча угля увеличилась на 3,5% после спада на 2,8% годом ранее. Замедлилась негативная динамика добычи металлических руд (-1,1% против -20,8% в предыдущем году).

В сельском хозяйстве СЗФО в 2024 году имеет место перелом стагнационного тренда предшествующих лет: после околонулевого роста в 2022–2023 гг. зафиксировано увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции на 7,5%, что превышает среднероссийский уровень более чем на 10 п. п. и является самым высоким значением среди всех федеральных округов (табл. 3).

Данная тенденция во многом определена ситуацией, сложившейся у регионов-лидеров Северо-Запада России в сельском хозяйстве: Псковской области, занимающей 7 место по подушевому объему произведенной сельскохозяйственной продукции (выпуск продукции сельского хозяйства в этом регионе увеличился

на 32,8%, что также стало лучшим результатом в стране), а также Калининградской области, показавшей прирост выпуска на 7,4% (7 место по стране).

Это создает определенного рода угрозы, т. к., если исключить эти регионы из расчета показателя по всему СЗФО в целом, сельское хозяйство Северо-Запада России стагнирует. Других точек роста в сельскохозяйственном производстве не наблюдается: в остальных регионах фиксируются разнонаправленные тренды, в большей степени негативные. Положительная динамика за исследуемый период наблюдается в Вологодской области и Республике Карелии, однако, несмотря на общий прирост за последние три года в 6,7 и 2,6%, темпы роста замедлились до околонулевых или даже отрицательных.

Резюмируя, стоит отметить, что в производстве валового продукта в регионах СЗФО усиливаются тренды региональной специализации — локомотивами положительной динамики в промышленности и сельском хозяйстве являются регионы-лидеры по данным видам деятельности, в то время как в прочих регионах динамика либо незначительная, либо негативная. Снижение межрегиональной диверсификации может привести к росту уязвимости к отраслевым угрозам и снижению темпов роста ВРП СЗФО в целом.

Таблица 3. Динамика сельскохозяйственного производства регионов СЗФО в 2022–2024 гг.

Территория	% к предыдущему году			Ранг, 2024 г.	Территория	Объем на 1 жителя, 2024 г., тыс. руб.	Ранг		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.				2022 г.	2023 г.	2024 г.
РФ	111,3	100,2	96,8	-	РФ	35	-	-	-
СЗФО	100,8	100,8	107,5	1	СЗФО	23	7	7	6
1. Псковская обл.	93,3	98,7	132,8	1	1. Псковская обл.	124	10	10	7
2. Калининградская обл.	101,9	103,2	107,4	7	2. Ленинградская обл.	55	20	18	18
3. Республика Коми	97,5	94,6	102,8	17	3. Калининградская обл.	47	25	23	22
4. Ненецкий авт. округ	95,9	102,8	102,8	17	4. Новгородская обл.	37	29	28	29
5. Ленинградская обл.	103,4	101,1	102,4	21	5. Вологодская обл.	32	35	33	32
6. Новгородская обл.	100,4	99,6	100,6	30	6. Ненецкий авт. округ	15	59	59	58
7. Вологодская обл.	104,4	101,7	100,5	32	7. Республика Коми	13	60	62	60
8. Архангельская обл.	98,9	101,5	99,4	37	8. Архангельская обл.	6	67	67	67
9. Республика Карелия	104,7	99,9	98,1	41	9. Республика Карелия	5	72	72	71
10. Мурманская обл.	89,6	106,1	93,4	63	10. Мурманская обл.	2	80	80	80
Составлено по: данные Росстата.									

Формирование доходов в экономике**Доходы населения**

На протяжении исследуемого периода наблюдается устойчивая тенденция к повышению реальных доходов населения. Совокупное увеличение по СЗФО составило 18,2% за три года, наибольший прирост зафиксирован в 2024 году — 8,7%, что незначительно превысило общестрановой результат (табл. 4).

В целом большая часть регионов соответствует этому тренду. Самый слабый прирост реальных денежных доходов населения отмечен в Мурманской области, Республике Коми, Архангельской области, занимающих нижние позиции рейтинга регионов страны по этому показателю.

Подушевые доходы населения в СЗФО в 2024 году были выше, чем в среднем по России. По данному показателю округ занял второе место в стране после Центрального федерального округа. В то же время в восьми субъектах округа среднедушевые доходы населения оказались ниже среднестрановых, что свидетельствует о замедлении роста качества жизни проживающего там населения. За исключением Ленинградской и Архангельской областей, Республики Коми, позиции этих субъектов в рейтинге регионов по пока-

зателю подушевых доходов населения за последние три года ухудшились.

Доходы организаций

Динамика прибыли прибыльных организаций Северо-Запада России в 2024 году значительно превосходит результаты 2023 года. Общий тренд можно обозначить как позитивный: наблюдаются адаптация и восстановление финансовых результатов после введения внешне-торговых ограничений. Зафиксирован заметный прирост доходов (в более чем половине регионов — двукратный, а в Калининградской области — двукратный), однако не во всех субъектах увеличение обусловлено низкой базой прошлых лет: например, Калининградская область демонстрирует активный рост финансовых результатов на протяжении всех трех лет исследуемого периода (95%, табл. 5).

В ряде регионов тенденция прямо противоположная: Вологодская, Новгородская и Мурманская области, а также Ненецкий автономный округ характеризуются негативным изменением прибыли прибыльных организаций (от 3,4 до 77,2% за весь исследуемый период), что объясняется сокращением экспортных доходов при недостаточном внутреннем спросе и неполной переориентации на дружественные рынки.

Таблица 4. Динамика реальных денежных доходов населения регионов СЗФО в 2022–2024 гг.

Территория	% к предыдущему году			Ранг, 2024 г.	Территория	Объем на 1 жителя, 2024 г., тыс. руб.	Ранг		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.				2022 г.	2023 г.	2024 г.
РФ	104,0	106,5	108,4	-	РФ	63	-	-	-
СЗФО	103,2	105,4	108,7	4	СЗФО	69	3	2	2
1. Санкт-Петербург	103,6	104,2	111,7	6	1. Ненецкий авт. округ	143	3	3	3
2. Калининградская обл.	105,6	106,9	109,1	21	2. Санкт-Петербург	86	9	9	8
3. Новгородская обл.	102,1	106,5	109,1	21	3. Мурманская обл.	85	8	8	9
4. Республика Карелия	99,2	107,9	108,4	30	4. Республика Карелия	63	20	20	18
5. Ленинградская обл.	104,5	107,3	108,4	30	5. Республика Коми	62	15	15	19
6. Псковская обл.	100,9	106,8	107,9	40	6. Архангельская обл.	61	17	14	21
7. Вологодская обл.	100,5	107,4	107,0	50	7. Ленинградская обл.	53	34	31	30
8. Ненецкий авт. округ	110,2	105,0	106,2	57	8. Калининградская обл.	52	37	37	36
9. Республика Коми	103,7	103,4	102,0	81	9. Вологодская обл.	50	43	40	45
10. Мурманская обл.	101,6	107,3	101,9	82	10. Псковская обл.	47	59	54	54
11. Архангельская обл.	102,1	105,9	100,3	84	11. Новгородская обл.	46	63	62	59

Составлено по: данные ЕМИСС.

Таблица 5. Динамика прибыли прибыльных организаций регионов СЗФО в 2022–2024 гг.

Территория	% к предыдущему году			Ранг, 2024 г.	Территория	Объем на 1 жителя, 2024 г., тыс. руб.	Ранг		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.				2022 г.	2023 г.	2024 г.
РФ	96,4	124,1	99,2	-	РФ	257	-	-	-
СЗФО	78,2	106,9	103,4	3	СЗФО	422	2	2	2
1. Калининградская обл.	119,0	143,3	195,0	6	1. Калининградская обл.	1118	11	8	6
2. Республика Коми	75,6	104,5	176,7	8	2. Санкт-Петербург	524	8	7	9
3. Архангельская обл.	73,9	100,5	136,4	12	3. Вологодская обл.	454	4	9	10
4. Республика Карелия	42,2	75,4	134,5	13	4. Ленинградская обл.	357	18	17	11
5. Ленинградская обл.	131,2	107,0	131,4	16	5. Мурманская обл.	207	6	11	22
6. Псковская обл.	149,3	153,2	115,7	33	6. Ненецкий авт. округ	192	3	10	23
7. Санкт-Петербург	62,0	121,3	90,9	62	7. Республика Коми	154	46	47	29
8. Вологодская обл.	145,3	75,2	82,2	75	8. Республика Карелия	125	30	41	35
9. Новгородская обл.	91,0	36,2	69,0	80	9. Новгородская обл.	106	10	28	42
10. Мурманская обл.	85,0	92,1	41,8	83	10. Архангельская обл.	91	53	54	46
11. Ненецкий авт. округ	в 4,7 р.	57,9	35,5	84	11. Псковская обл.	66	64	60	57

Составлено по: данные Росстата.

Доходы государственного бюджета

Государственные доходы в СЗФО росли более быстрыми темпами, нежели в среднем по стране (2,2% против 0,7%, табл. 6). Общий тренд скорее позитивный, но с провалом в 2023 году, вызванным снижением поступлений в ключевых регионах-донорах — Ненецком автономном округе (-21,8%) и г. Санкт-Петербурге (-7,6%).

В территориальном разрезе динамика показателя неоднородная: существенное увеличение значения показателя отмечено в Ненецком автономном округе, Калининградской области и

Санкт-Петербурге (на 17,3; 10,4 и 7,2% соответственно), в то же время в большинстве регионов Северо-Запада России бюджетные доходы снизились, особенно в Новгородской области (на 13,8%). Негативный тренд наблюдается в Республике Карелии, где падение доходов было непрерывным и составило 15% за три года.

В качестве вывода можно обозначить трансформацию структуры распределения доходов в экономике СЗФО: доходы бизнеса и государства перемещаются в пользу доходов населения на фоне дефицита на рынке труда и незавершенной адаптации к внешнему давлению.

Таблица 6. Динамика доходов консолидированных бюджетов регионов СЗФО в 2022–2024 гг.

Территория	% к предыдущему году			Ранг, 2024 г.	Территория	Объем на 1 жителя, 2024 г., тыс. руб.	Ранг		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.				2022 г.	2023 г.	2024 г.
РФ	100,2	105,6	100,7	-	РФ	168	-	-	-
СЗФО	107,2	96,4	102,2	3	СЗФО	165	2	2	2
1. Ненецкий авт. округ	99,3	78,2	117,3	3	1. Ненецкий авт. округ	699	1	2	1
2. Калининградская обл.	86,2	89,2	110,4	8	2. Санкт-Петербург	182	10	11	9
3. Санкт-Петербург	123,5	92,4	107,2	14	3. Мурманская обл.	179	11	9	10
4. Ленинградская обл.	103,8	120,7	101,5	33	4. Республика Коми	159	9	12	12
5. Республика Коми	109,7	84,4	97,3	47	5. Республика Карелия	143	12	13	15
6. Архангельская обл.	104,5	88,7	97,1	49	6. Архангельская обл.	134	13	17	17
7. Республика Карелия	92,7	96,9	94,6	64	7. Ленинградская обл.	130	28	19	18
8. Псковская обл.	99,4	107,9	93,6	68	8. Калининградская обл.	123	17	28	20
9. Вологодская обл.	83,7	101,3	92,6	73	9. Вологодская область	119	19	20	24
10. Мурманская обл.	78,7	108,9	92,0	75	10. Новгородская обл.	99	26	25	38
11. Новгородская обл.	101,8	102,4	86,2	82	11. Псковская обл.	94	43	39	41

Составлено по: данные Росстата.

Конечное использование доходов в экономике Потребительский спрос

На фоне роста реальных доходов населения восстанавливается потребительская активность населения: в 2023–2024 гг. в СЗФО и по России в целом наблюдается прирост оборота розничной торговли (13,1 и 4% против 8 и 7,2% соответственно, *табл. 7*). При этом округ в 2024 году занял последнее место по темпам роста объемов розничной торговли.

Региональные тенденции в силу постоянно-го увеличения дохода во всех анализируемых субъектах полностью соответствуют общему тренду, однако некоторое замедление роста тор-

говли отмечено в Архангельской области и Ненецком автономном округе (в 2024 году динамика равна 100 и 99,2% соответственно).

Объем розничной торговли на душу населения в СЗФО в целом в 2024 году превзошел общероссийский уровень за счет значений показателя в Санкт-Петербурге, Ленинградской, Мурманской и Архангельской областях, Республике Карелии. Однако Мурманская область за последние три года ухудшила свои позиции, переместившись с 7-го на 20-е место в стране.

Объем оказанных населению страны платных услуг в 2024 году в СЗФО увеличился всего на 0,2%, при этом в России – на 3,3%, (*табл. 8*).

Таблица 7. Динамика оборота розничной торговли регионов СЗФО в 2022–2024 гг.

Территория	% к предыдущему году			Ранг, 2024 г.	Территория	Объем на 1 жителя, 2024 г., тыс. руб.	Ранг		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.				2022 г.	2023 г.	2024 г.
РФ	93,5	108,0	107,2	-	РФ	380	-	-	-
СЗФО	93,7	113,1	104,0	8	СЗФО	415	2	2	2
1. Калининградская обл.	96,7	107,5	110,7	16	1. Санкт-Петербург	499	5	3	5
2. Псковская обл.	97,6	102,3	109,8	20	2. Ленинградская обл.	398	19	12	19
3. Новгородская обл.	98,8	102,9	106,0	54	3. Мурманская обл.	395	7	13	20
4. Республика Карелия	90,2	112,2	104,1	65	4. Архангельская обл.	394	8	8	21
5. Вологодская обл.	91,5	102,6	104,1	65	5. Республика Карелия	394	22	18	22
6. Республика Коми	91,6	105,8	103,6	69	6. Псковская обл.	352	33	36	32
7. Ленинградская обл.	96,5	114,4	103,6	69	7. Калининградская обл.	330	47	45	38
8. Санкт-Петербург	92,0	119,2	103,5	73	8. Новгородская обл.	328	40	41	39
9. Мурманская обл.	99,4	101,1	101,9	80	9. Республика Коми	323	41	39	41
10. Архангельская обл.	92,9	102,8	100,0	83	10. Ненецкий авт. округ	319	27	31	47
11. Ненецкий авт. округ	99,7	103,7	99,2	84	11. Вологодская обл.	276	58	67	69

Составлено по: данные Росстата.

Таблица 8. Динамика объема платных услуг, оказанных населению СЗФО (2022–2024 гг.)

Территория	% к предыдущему году			Ранг, 2024 г.	Территория	Объем на 1 жителя, 2024 г., тыс. руб.	Ранг		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.				2022 г.	2023 г.	2024 г.
РФ	105,0	104,4	103,3	-	РФ	118	-	-	-
СЗФО	104,8	103,0	100,2	7	СЗФО	125	3	2	2
1. Калининградская обл.	103,9	103,9	107,2	6	1. Санкт-Петербург	170	3	3	3
2. Ленинградская обл.	107,5	105,7	106,0	11	2. Мурманская обл.	140	4	5	5
3. Республика Карелия	101,8	102,9	102,7	35	3. Республика Карелия	120	13	13	12
4. Ненецкий авт. округ	108,9	89,5	102,5	40	4. Калининградская обл.	113	24	19	17
5. Архангельская обл.	98,5	100,7	102,4	43	5. Архангельская обл.	105	25	23	23
6. Псковская обл.	101,4	101,7	101,7	57	6. Ненецкий авт. округ	95	21	28	27
7. Новгородская обл.	102,0	99,8	100,3	68	7. Республика Коми	92	26	26	28
8. Вологодская обл.	103,4	100,3	99,6	74	8. Вологодская обл.	84	35	36	42
9. Мурманская обл.	100,6	99,3	99,6	74	9. Новгородская обл.	80	42	46	46
10. Санкт-Петербург	106,4	104,1	98,4	80	10. Ленинградская обл.	77	65	55	53
11. Республика Коми	104,0	97,7	97,0	84	11. Псковская обл.	70	66	67	67

Составлено по: данные Росстата.

Макрорегиональная динамика демонстрирует тенденцию к замедлению, приближаясь к околонулевым значениям, что частично объясняется заметным ростом цен на услуги, опережающим и повышением стоимости товарной продукции, и увеличение реальных доходов населения.

При этом в большинстве субъектов СЗФО по итогам года динамика платных услуг населению оказалась в положительной зоне, а общий тренд — восходящим, что подтверждает озвученный ранее тезис о восстановлении потребительского спроса и повышении его влияния на экономику как фактора ее роста. Наиболее существенным стало увеличение объема оказанных населению платных услуг в Калининградской и Ленинградской областях (на 7,2 и 6% соответственно). В Вологодской и Мурманской областях, Санкт-Петербурге, Республике Коми зафиксировано снижение объема платных услуг, в результате чего указанные регионы заняли худшие позиции в стране по этому показателю.

Начиная с 2023 года темпы ввода жилья сокращаются как в РФ в целом, так и в СЗФО и большинстве его регионов (табл. 9), что обусловлено насыщением рынка жилья и снижением доступа к ипотечному кредитованию.

На изменение обобщающего значения по макрорегиону оказало влияние замедление ввода жилых домов в большинстве регионов. В частности, в Санкт-Петербурге этот индикатор

сократился на 23,4% при околонулевой динамике прошлых лет. В ряде северных регионов (Мурманская область и Ненецкий автономный округ) в 2023 году зафиксировано резкое снижение объемов ввода жилья (на 40–65%).

Изменение реальных доходов населения, вызвавшее резкое увеличение спроса, вызвало инфляционный скачок, который наблюдался практически во всех категориях цен, кроме цен на сельскохозяйственную продукцию (табл. 10).

Потребительская инфляция в СЗФО ускорилась и составила 9,3% (годом ранее потребительские цены в макрорегионе выросли на 7,4 и 7,1% соответственно). Цены на продовольственные товары по федеральному округу увеличились на 10,6%. В целом по России цены производителей промышленных товаров росли немного медленнее, чем в СЗФО (на 7,9 и 8,0% соответственно). Наиболее существенным стало подорожание продукции промышленности Мурманской и Ленинградской областей (на 12,8 и 12,6% соответственно). В то же время цены на продукцию промышленности Ненецкого автономного округа снизились на 2%.

Ситуация с ценами на рынке первичного жилья в регионах СЗФО практически везде негативная (за исключением Ненецкого автономного округа) — зафиксирован рост от 3 до 22,6%. Такие же процессы происходили в ценообразовании на продукцию инвестиционного назначения — из-за усложнения доступа к инвестиционным ресурсам, как материальным, так и

Таблица 9. Динамика ввода в действие жилых домов в регионах СЗФО в 2022–2024 гг.

Территория	% к предыдущему году			Ранг, 2024 г.	Территория	Объем на 1000 чел., 2024 г., кв. м	Ранг		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.				2022 г.	2023 г.	2024 г.
РФ	111,0	107,5	97,6	-	РФ	737	-	-	-
СЗФО	108,4	101,7	91,3	8	СЗФО	754	3	2	3
1. Мурманская обл.	355,2	33,7	118,7	5	1. Ленинградская обл.	1985	1	1	1
2. Ненецкий авт. округ	200,8	60,8	116,2	9	2. Калининградская обл.	1181	5	5	4
3. Республика Карелия	95,5	100,8	106,9	20	3. Республика Карелия	640	32	39	28
4. Республика Коми	113,0	107,1	104,6	28	4. Псковская обл.	626	34	31	31
5. Архангельская обл.	100,9	103,3	102,9	32	5. Вологодская обл.	610	35	29	33
6. Калининградская обл.	103,7	92,3	100,3	46	6. Ненецкий авт. округ	599	9	45	35
7. Ленинградская обл.	117,2	105,5	97,1	52	7. Новгородская обл.	594	30	30	36
8. Псковская обл.	108,0	111,6	95,4	54	8. Архангельская обл.	476	46	50	48
9. Вологодская обл.	101,4	115,1	91,5	63	9. Санкт-Петербург	474	25	35	49
10. Новгородская обл.	111,9	109,6	89,6	72	10. Республика Коми	316	59	62	60
11. Санкт-Петербург	100,3	100,2	76,6	83	11. Мурманская обл.	110	60	82	81

Составлено по: данные Росстата.

Таблица 10. Динамика цен на различные категории товаров в СЗФО в 2024 г., % к декабрю 2023 г.

Территория	Потребительские товары	Первичный рынок жилья	Промышленные товары	Продукция инвест. назначения	С/х продукция	Грузовые перевозки
РФ	109,5	112,6	107,9	108,2	-	113,7
СЗФО	109,3	108,4	108	108,8	100,5	108
1. Калининградская обл.	110,3	112,2	108,4	109,8	103,7	119,2
2. Вологодская обл.	110	105,2	102,8	107,7	108,4	106,6
3. Санкт-Петербург	109,5	108,4	105,4	108,3	-	116,4
4. Ленинградская обл.	109,3	103	112,6	108,7	99,5	100,5
5. Республика Коми	109,3	122,6	108	106,6	97,2	87,2
6. Новгородская обл.	109,2	118,3	105,4	110	86	110,6
7. Республика Карелия	108,6	111,2	109,1	110,7	113,2	106,6
8. Псковская обл.	108,5	108,7	109,7	108	100,8	101,4
9. Мурманская обл.	108,2	122,1	112,8	111,8	102,6	105,4
10. Архангельская обл.	108,1	107,4	109,5	108,5	119,3	105,3
11. Ненецкий авт. округ	106,3	99	98	107,7	98,2	105,5
Составлено по: данные Росстата.						

Таблица 11. Динамика инвестиций в основной капитал в СЗФО в 2022–2024 гг.

Территория	% к предыдущему году			Ранг, 2024 г.	Территория	Объем на 1 жителя, 2024 г., тыс. руб.	Ранг		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.				2022 г.	2023 г.	2024 г.
РФ	106,7	109,8	107,4	-	РФ	271	-	-	-
СЗФО	97,8	108,7	115,6	1	СЗФО	290	4	4	4
1. Ленинградская обл.	116,0	122,0	138,4	2	1. Ненецкий авт. округ	2607	2	2	2
2. Вологодская обл.	73,5	87,3	137,0	4	2. Ленинградская обл.	542	13	13	10
3. Псковская обл.	76,8	101,1	132,3	7	3. Мурманская обл.	482	10	11	12
4. Ненецкий авт. округ	105,0	94,6	118,0	16	4. Санкт-Петербург	272	21	19	18
5. Республика Коми	83,6	98,4	112,5	25	5. Вологодская обл.	224	27	43	27
6. Санкт-Петербург	99,9	110,7	110,5	28	6. Республика Коми	215	25	30	28
7. Мурманская обл.	86,9	92,4	105,1	44	7. Республика Карелия	199	18	25	32
8. Новгородская обл.	103,0	117,6	102,6	56	8. Калининградская обл.	176	45	29	40
9. Республика Карелия	104,7	92,5	92,9	71	9. Новгородская обл.	150	52	48	50
10. Калининградская обл.	104,7	135,1	89,3	75	10. Псковская обл.	119	74	77	67
11. Архангельская обл.	88,1	100,8	85,3	79	11. Архангельская обл.	116	48	50	68
Составлено по: данные Росстата.									

финансовым, наблюдается повышение цен от 6,6 до 11,8%. Рост цен на топливо, повышение нагрузки на железнодорожный транспорт из-за освоения Северного морского пути привели к увеличению тарифов на грузоперевозки в большинстве регионов, однако по СЗФО темпы роста цен ниже, чем среднероссийские.

Наиболее благоприятной является динамика цен на сельскохозяйственную продукцию. Так, в среднем по СЗФО показатель вырос всего лишь на 0,5%, при этом больше половины регионов-сельхозпроизводителей продемонстрировали снижение цен на величину от 0,5 до 14%. В Архангельской и Вологодской областях, Республи-

ке Коми зафиксирован рост на величину от 8,4 до 19,3% по отношению к предыдущему году.

Инвестиции

В 2022 году в СЗФО наблюдалось незначительное снижение динамики объемов капиталовложений в силу негативного влияния внешнеэкономических процессов, сменившееся с 2023 года активно ускоряющимся ростом, вызванным адаптационными процессами. Так, совокупный прирост показателя за 2022–2024 гг. составил 22,9% (для сравнения, в целом по РФ зафиксирован прирост 25,8%). В 2024 году СЗФО занял 1 место среди федеральных округов по объему капиталовложений (табл. 11).

Наиболее позитивной ситуация видится в регионах-лидерах по вкладу в ВРП (стабильный рост в Ленинградской области, чуть менее быстрый — в Санкт-Петербурге), высокие результаты также демонстрирует Новгородская область. Ряд регионов имеет ярко выраженные негативные тренды динамики (Архангельская, Мурманская и Вологодская области, республики Коми и Карелия). Неоднозначная, но все же позитивная динамика объемов инвестиций наблюдается в Ненецком автономном округе: несмотря на уменьшение показателя в 2023 году, общая динамика за исследуемый период равна 17,2%. Восстановление инвестиционной активности происходит также в Псковской области (после снижения на 23,2% в 2022 году общий прирост за 2022–2024 гг. составил 2,7% с резким ускорением капиталовложений).

В 2024 году наибольший подушевой объем инвестиций в основной капитал зафиксирован в Ненецком автономном округе (2607 тыс. руб. на жителя), что превышает среднероссийский показатель более чем в 9 раз. Это обусловлено сочетанием низкой численности населения и концентрацией капиталовложений в нефтегазовый сектор, включая проекты по добыче и транспортировке углеводородов. Ленинградская область, Мурманская область и Санкт-Петербург также демонстрируют подушевые показатели выше среднероссийского уровня, что объясняется развитой промышленностью и активным освоением Северного морского пути, которому сопутствуют значительные инвестиции в инфраструктуру.

По результатам анализа экономических процессов в регионах Северо-Запада России на третьей стадии воспроизводственного процесса можно сделать вывод о том, что ключевым трендом структурной перестройки становится перераспределение роли факторов экономической динамики. На фоне снижения экспортной активности основными драйверами экономики становятся потребительский спрос, который формируется за счет повышения реальных доходов населения, и наращивание капиталовложений через бюджетные инвестиции. Однако полученный в результате этого импульс, согласно данным за 2024 год, теряет силу.

Заключение

Экономика Северо-Запада России на современном этапе функционирует в условиях жестких внешних и внутренних ограничений (системные экономические санкции, мобилизационное напряжение, избыточно жесткая денежно-кредитная политика Банка России) на фоне общего замедления роста мировой экономики. Несмотря на все ограничения, в экономике СЗФО наблюдается тенденция к активной перестройке экономических и логистических связей.

К основным положительным тенденциям развития экономики Северо-Запада России в 2022–2024 гг. можно отнести следующие:

- заметное ускорение роста объемов промышленного производства (11,4% прироста за три года), темпы которого опережают среднероссийские (9,8% соответственно); наиболее значительный прирост зафиксирован в Санкт-Петербурге (33,1%), Ленинградской и Псковской областях (12,8 и 20,5% соответственно);

- увеличение выпуска сельского хозяйства, обусловленное рывком ключевых аграрных регионов: Псковская и Калининградская области за 2022–2024 гг. нарастили объемы продукции сельскохозяйственного производства на 22,3 и 12,9% соответственно;

- повышение реальных денежных доходов населения (18,2% за три года), наблюдающееся во всех регионах СЗФО, лишь в 2024 году некоторая стагнация наблюдалась в Республике Коми (+2%), Мурманской (+1,9%) и Архангельской (+0,3%) областях;

- рост объемов потребительского спроса в целом по СЗФО: +10% в розничной торговле и +8,1% объема платных услуг; однако в 2024 году произошло некоторое замедление динамики, темпы роста составили +4 и +0,2% соответственно;

- положительная динамика инвестиций: темпы роста стали опережать среднероссийские, что говорит о восстановлении после спада 2022 года (в 2024 году 115,6% в СЗФО против 107,4% в среднем по РФ); в некоторых регионах были зафиксированы значения прироста инвестиций более чем на 30% (Ленинградская, Вологодская и Псковская области).

В качестве негативных тенденций можно отметить следующие:

- отрицательная динамика доходов региональных бюджетов, особенно ярко выразившаяся в 2023–2024 гг.; снижение наблюдалось в большинстве регионов и в 2024 году составляло от 2,7 до 13,8%; в регионах, где в 2024 году темпы роста доходов были положительными, рост носил скорее восстановительный характер, при этом уровень 2022 года нигде достигнут не был; исключение составила Ленинградская область, где каждый год наблюдался прирост, итоговым результатом которого стало увеличение доходов бюджета на 27,2% за 2022–2024 гг.;

- спад жилищного строительства, темпы роста объемов ввода жилья значительно уступают общестрановым (совокупный прирост за 2022–2024 гг. в СЗФО составил 0,7%, в то время как по стране в целом — 16,5%);

- высокие темпы роста инфляции практически во всех товарных группах, приближающиеся к двузначным значениям, за исключением сельскохозяйственной продукции в некоторых регионах (Ленинградская и Новгородская области, а также Республика Коми).

Локомотивами позитивной динамики экономики СЗФО стали Санкт-Петербург и Ленинградская область, показавшие высокий

прирост промышленного производства, а также Псковская и Калининградская области, которые продемонстрировали одни из лучших по стране результатов в сельскохозяйственном производстве. Ключевым позитивным трендом в распределении доходов является рост реальных доходов населения, наблюдающийся уже не первый год. В потребительском секторе фиксируется продолжающийся рост за счет увеличения покупательной способности доходов населения. Однако на экономику оказывается сильнейшее давление со стороны инфляционных рисков. Инвестиционные процессы в макрорегионе в целом можно охарактеризовать как положительные, основным аргументом этому являются высокие темпы роста капиталовложений, несмотря на все существующие ограничения.

Анализ ключевых тенденций экономического развития регионов Северо-Запада России позволяет сделать вывод о продолжении адаптационного периода и процесса активной структурной перестройки. Исходя из выявленных тенденций и обозначенных проблем, предлагаем следующие направления экономической политики, направленные на изменение негативных и поддержание положительных тенденций развития регионов Северо-Запада (табл. 12).

Таблица 12. Направления экономической политики для ускорения развития регионов Северо-Запада России в краткосрочной перспективе

Решение проблем экономического развития	Меры поддержки экономического развития
1. Поддержка сектора жилищного строительства через субсидирование жилищными сертификатами либо возврат механизма льготной ипотеки, но на региональном уровне, стимулирование модульно-каркасного строительства. 2. Повышение уровня доходов бюджета на основе пересмотра существующего перечня региональных налоговых льгот, локализация налоговых поступлений от экономических агентов (фирм с «пропиской» в другом регионе), повышения эффективности использования бюджетного имущества. 3. Повышение финансовых результатов организаций (создание региональных кластеров, локализация цепочек создания стоимости, субсидирование инвестиционных кредитов).	1. Поддержка развития промышленного и сельскохозяйственного производства (создание региональных «кадровых паспортов», устранение узких мест в существующих цепочках создания стоимости, поддержка инноваций для повышения способности экономики к генерации доходов и более эффективного использования первичных ресурсов). 2. Стимулирование роста доходов населения путем повышения производительности труда через поиск и развитие актуальных рыночных ниш перспективной экономической специализации, поддержку инвестиций в автоматизацию и роботизацию производства. 3. Структурная перестройка потребительского и инвестиционного спроса (оценка состояния и сценарное моделирование производственного и экспортного потенциала развития отраслей экономики; определение емкости внешнего и межрегионального спроса, географии сбыта; оценка потенциала импортозамещения в отраслях экономики; оценка потребности в мерах господдержки; формирование дорожной карты реализации мер поддержки и устранения барьеров для создания новых производств по приоритетным инвестиционным направлениям).
Составлено по: (Погосов, Соколовская, 2014; Замятина, Пилясов, 2017; Широкова, 2025; Невьянцева, Акбердина, 2025; Глазьев и др., 2025; Uzuakov, 2011; Sidorov, 2022; Cheplinskite, Lukin, 2024; Lukin, 2025; Lazhentsev, 2025); Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз: научный доклад (2022) / под ред. А.А. Широкова. Москва: Арт-Принт. 296 с. DOI: 10.47711/sr2-2022.	

Литература

- Бабич Л.В. (2024). Устойчивость экономики регионов Северо-Западного федерального округа к внешним шокам 2020–2022 гг. // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 100–200. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.5
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. (2017). Региональный консалтинг: приглашение к творчеству: Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня. Санкт-Петербург: ООО «Маматов». 196 с.
- Зубаревич Н.В. (2021). Региональные экономики в 2020 г.: пандемия создала проблемы в ресурсодобывающих регионах и крупных городах // Экономическое развитие России. Т. 28. № 4. С. 81–85.
- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 9–30. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.1
- Лукин Е.В. (2018). Структурные сдвиги в региональной экономике (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. № 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.2
- Невьянцева Л.С., Акбердина В.В. (2025). Методический подход к оценке эффективности реализации региональной инвестиционной политики в контексте обеспечения технологического суверенитета экономики // Проблемы развития территории. Т. 29. № 3. С. 38–58. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.3
- Погосов И.А. (2014). Баланс ресурсов и использования продукции в России в начале XXI века // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 16–30.
- Погосов И.А., Соколовская Е.А. (2014). Баланс ресурсов и использования продукции в России в начале XXI века. Москва: Институт экономики РАН. 36 с.
- Глазьев С.Ю., Ильин В.А., Шабунова А.А. [и др.] (2025). Структурно-технологические драйверы стратегического развития региона: монография / под ред. С.Ю. Глазьева, В.А. Ильина, А.А. Шабуновой; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 332 с.
- Широкова Е.Ю. (2024). Производственный сектор экономики Северо-Запада России: продолжение трансформации? // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 10–29. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.2
- Широкова Е.Ю. (2025). Ретроспективная оценка эффективности импортозамещения продукции отраслей обрабатывающей промышленности Северо-Запада России // Экономическая наука современной России. Т. 28. № 2. С. 59–69. DOI: 10.33293/1609-1442-2025-28(2)-59-69
- Cheplinskite I.R., Lukin E.V. (2024). Characterizing export specialization of Northwestern Federal District regions within the framework of the economic complexity concept. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 81–95. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.4
- Kuvalin D.B., Zinchenko Yu.V., Lavrinenko P.A., Ibragimov Sh.Sh. (2023). Russian enterprises at the end of 2022: Countering sanctions, relations with banks and reaction to the climate agenda. *Studies on Russian Economic Development*, 34(3), 419–432. DOI: 10.1134/S1075700723030073
- Lukin E.V. (2025). Structural restructuring of the regional economy in the context of the development of national value chains. *Studies on Russian Economic Development*, 36(4), 484–496. DOI: 10.1134/S1075700725700212
- Lazhentsev V.N. (2025). Engineering and siting of new industries in the Komi Republic (experimental approach). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 101–113. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.5
- Mikheeva N.N. (2024). Regional projection of Russia's economic development in 2022–2023. *Studies on Russian Economic Development*, 35(6), 845–853. DOI: 10.1134/S1075700724700382
- Sidorov M.A. (2022). Sales markets for the goods of the regions of the Northwest of Russia: Quantitative assessment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 91–112. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.5
- Uzyakov M. N. (2011). Usage efficiency of primary resources as an indicator of technological development: A retrospective analysis and forecast. *Studies on Russian Economic Development*, 22(2), 111–121. DOI: 10.1134/S1075700711020109

Приложение 1

Региональные тенденции в 2022–2024 гг.

В зависимости от среднедушевых значений ключевых показателей (промышленного и сельскохозяйственного производства, доходов населения, организаций и государственного бюджета, розничной торговли, жилищного строительства и инвестиций) регионы СЗФО расположились на разных позициях в рейтинге экономического развития субъектов РФ.

В 2024 году лидером макрорегиона по среднему рангу по данным показателям стала Ленинградская область (15 место среди 85 субъектов РФ). Ненецкий автономный округ, Санкт-Петербург, Мурманская и Калининградская области вошли в 3-ю десятку рейтинга. Остальные шесть регионов СЗФО заняли позиции в 4–5-й десятке.

По сравнению со средним за 2022–2023 гг. улучшить ранг в 2024 году удалось лишь четырем регионам округа – Республике Коми (на 2 п.), Ленинградской (на 2 п.), Калининградской (на 1 п.) и Псковской (на 2 п.) областям. Прочие регионы, несмотря на в целом позитивные тенденции развития их экономики, в 2024 году опустились в общероссийском рейтинге. Республика Карелия утратила одну позицию, Санкт-Петербург и Вологодская область – 2, Мурманская область – 4, Ненецкий автономный округ, Новгородская и Архангельская области утратили 5 позиций.

Представленные в приложениях 1 и 2 сводные ранги регионов СЗФО в 2022–2024 гг. рассчитаны как среднее арифметическое мест этих регионов среди 85 регионов РФ¹⁰ по показателям, характеризующим тенденции экономического развития. Подробная информация о значительных изменениях¹¹ позиций субъектов Северо-Запада России представлена в *таблице П1.1*.

Таблица П1.1. Изменение позиций регионов СЗФО по среднедушевым показателям среди 85 субъектов РФ за 2024 г. по сравнению со средним за 2022–2023 гг.

Показатель	Значительное улучшение позиций	Значительное ухудшение позиций
Промышленное производство	Санкт-Петербург (-4 п.; 27→23)	Республика Карелия (+3 п.; 39→42) Калининградская область (+5 п.; 41→46)
Сельское хозяйство	Псковская область (-3 п.; 10→7)	–
Доходы населения	Новгородская область (-4 п.; 63→59) Ленинградская область (-3 п.; 33→30) Псковская область (-3 п.; 57→54)	Республика Коми (+4 п.; 15→19) Вологодская область (+4 п.; 41→45) Архангельская область (+5 п.; 16→21)
Доходы организаций	Республика Коми (-18 п.; 47→29) Архангельская область (-8 п.; 54→46) Ленинградская область (-7 п.; 18→11) Псковская область (-5 п.; 62→57) Калининградская область (-4 п.; 10→6)	Вологодская область (+4 п.; 6→10) Мурманская область (+14 п.; 8→22) Ненецкий автономный округ (+17 п.; 6→23) Новгородская область (+23 п.; 19→42)
Доходы бюджета	Ленинградская область (-6 п.; 26→18) Калининградская область (-3 п.; 23→20)	Вологодская область (+5 п.; 19→24) Новгородская область (+12 п.; 26→38)
Розничная торговля	Калининградская область (-8 п.; 46→38) Псковская область (-3 п.; 35→32)	Ленинградская область (+4 п.; 15→19) Вологодская область (+7 п.; 62→69) Мурманская область (+10 п.; 10→20) Архангельская область (+13 п.; 8→21) Ненецкий автономный округ (+18 п.; 29→47)
Жилищное строительство	Республика Карелия (-8 п.; 36→28)	Новгородская область (+6 п.; 30→26) Ненецкий автономный округ (+8 п.; 27→35) Мурманская область (+10 п.; 71→81) Санкт-Петербург (+19 п.; 30→49)
Инвестиции	Вологодская область (-8 п.; 35→27) Псковская область (-8 п.; 75→67) Ленинградская область (-3 п.; 13→10)	Калининградская область (+3 п.; 37→40) Республика Карелия (+10 п.; 22→32) Архангельская область (+19 п.; 49→68)
Общее изменение сводного ранга региона	–	Мурманская область (+4 п.; 26→30) Новгородская область (+4 п.; 37→41) Ненецкий автономный округ (+5 п.; 16→21) Архангельская область (+5 п.; 39→44)

¹⁰ Без учета Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей ввиду отсутствия статистических данных.

¹¹ Значительными названы изменения рангов региона в 2024 году на три и более позиций по сравнению со средним рангом 2022–2023 гг.

Общее изменение рангов регионов Северо-Запада России по среднестатистическим показателям выглядит следующим образом: совокупный ранг по округу остался практически на том же уровне, среди регионов СЗФО улучшение позиций произошло в Ленинградской, и Калининградской областях, а также в Республике Коми (табл. П1.2). Средний ранг регионов СЗФО по среднестатистическим показателям экономического развития в 2022–2024 гг. приведён в таблице П1.3.

Таблица П1.2. Изменение рангов регионов СЗФО по среднестатистическому значению важнейших показателей экономического развития за 2024 г.

Регион	Пром. производство	Сельское хозяйство	Доходы населения	Доходы организаций	Доходы бюджета	Розничная торговля	Жил. строительство	Инвестиции	Суммарное улучшение рангов	Суммарное ухудшение рангов	Суммарное изменение рангов
СЗФО	0	-1	-1	0	0	0	1	0	-2	1	-1
Псковская область	0	-3	-3	-5	0	-3	-1	-8	-23	0	-23
Ленинградская область	0	-1	-3	-7	-6	4	0	-3	-20	4	-16
Республика Коми	0	-1	4	-18	1	1	-1	0	-20	6	-14
Калининградская область	5	-2	-1	-4	-3	-8	-1	3	-19	8	-11
Республика Карелия	3	-1	-2	-1	2	2	-8	10	-10	17	7
Санкт-Петербург	-4	0	-1	1	-2	1	19	-2	-9	21	12
Вологодская область	1	-2	4	4	5	7	1	-8	-10	22	12
Архангельская область	2	0	5	-8	2	13	0	19	-8	41	33
Новгородская область	0	0	-4	23	12	-2	6	0	-6	41	35
Мурманская область	0	0	1	14	0	10	10	1	0	36	36
Ненецкий автономный округ	0	-1	0	17	-1	18	8	0	-2	43	41

Таблица П1.3. Средний ранг регионов СЗФО по значению важнейших показателей экономического развития на душу населения за 2022–2024 г.

Регион	Пром. производство	Сельское хозяйство	Доходы населения	Доходы организаций	Доходы бюджета	Розничная торговля	Жил. строительство	Инвестиции	Средний ранг		
									2022 г.	2023 г.	2024 г.
СЗФО	2	7	2	2	2	2	3	4	3	3	3
Ленинградская область	16	19	32	15	22	17	1	12	19	16	15
Ненецкий автономный округ	1	59	3	12	1	35	30	2	13	19	21
Санкт-Петербург	25	84	9	8	10	4	36	19	24	24	25
Мурманская область	8	80	8	13	10	13	74	11	24	28	30
Калининградская область	43	23	37	8	22	43	5	38	28	28	27
Вологодская область	13	33	43	8	21	65	32	32	29	32	32
Республика Коми	9	61	16	41	11	40	60	28	33	35	32
Республика Карелия	40	72	19	35	13	21	33	25	30	34	33
Новгородская область	34	29	61	27	30	40	32	50	36	37	41
Архангельская область	59	67	17	51	16	12	48	55	38	40	44
Псковская область	67	9	56	60	41	34	32	73	48	47	45

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КЕЙСЫ

1. Ленинградская область

Средний ранг региона в 2024 году составил 15, улучшившись на 2 п. (в среднем 2022–2023 гг. – 17).

Регион стабильно занимает высокие позиции по объему промышленного и сельскохозяйственного производства, розничной торговли, жилищного строительства, инвестиций в основной капитал, доходам бюджета и финансовому результату организаций. В 2023–2024 гг. регион являлся лидером по объемам жилищного строительства.

В 2024 году регион улучшил свои позиции по уровню доходов населения (–3 п.; с 33 на 30 место по РФ), бюджета (–6 п.; с 24 на 18 место) и организаций (–7 п.; с 18 на 11 место), а также инвестиций в основной капитал (–3 п.; с 13 на 10 место). Ухудшение позиций зафиксировано в розничной торговле (+4 п.; с 15 на 19 место)

2. Ненецкий автономный округ

Средний ранг региона в 2024 году составил 21, ухудшившись на 5 п. (в среднем 2022–2023 гг. – 16).

Регион занимает высокие позиции по таким параметрам, как промышленное производство (1 место по стране), доходы населения (3 место), доходы бюджета (1 место) и инвестиции (2 место).

В 2024 году регион ухудшил позиции в отношении подушевых объемов розничной торговли (на +18 п.; с 29 на 47 место), финансовых результатов предприятий (+17 п.; с 6 на 23 место) и в жилищном строительстве (+8 п.; с 27 на 35 место).

3. г. Санкт-Петербург

Средний ранг региона в 2024 году составил 26, ухудшившись на 2 п. (в среднем 2022–2023 гг. – 24).

Санкт-Петербург демонстрирует сильные позиции по таким показателям, как доходы населения (8 место), доходы организаций (9 место), доходы бюджета (9 место), розничная торговля (5 место) и инвестиции (18 место).

В 2024 году произошло улучшение позиций по промышленному производству (-4 п.; с 27 на 23 место).

Ухудшение зафиксировано по жилищно-му строительству (+19 п.; с 30 на 49 место).

4. Калининградская область

Средний ранг региона в 2024 году составил 27, улучшившись на 1 п. (в среднем 2022–2023 гг. – 28).

Сильные позиции в экономике Калининградской области отмечены по таким показателям, как доходы организаций (6 место), доходы бюджета (20 место) и жилищное строительство (4 место).

Наибольшее улучшение позиций за 2024 год отмечено по доходам организаций (-4 п.; с 10 на 6 место), доходам бюджета (+3 п.; с 23 на 20 место), в розничной торговле (+8 п.; с 46 на 38 место).

Наибольшее ухудшение позиций произошло по промышленному производству (+5 п., с 41 на 46 место) и инвестициям (+3 п., с 37 на 40 место).

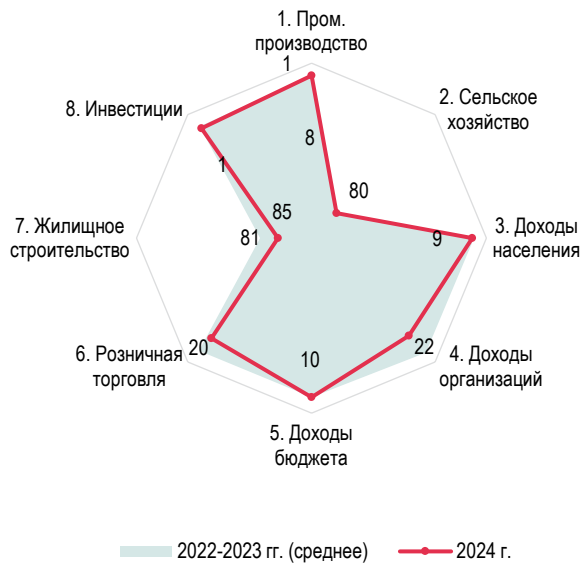

5. Мурманская область

Средний ранг региона в 2024 году составил 30, ухудшившись на 4 п. (в среднем 2022–2023 гг. – 26).

Мурманская область демонстрирует сильные позиции по таким показателям, как промышленное производство (8 место), доходы населения (9 место), доходы бюджета (10 место), розничная торговля (20 место) и инвестиции (12 место).

По анализируемым показателям улучшений не зафиксировано. Ухудшение позиций за 2024 год отмечено по доходам организаций (+14 п.; с 8 до 22 места), в розничной торговле (+10 п.; с 10 до 20 места), жилищном строительстве (+10 п.; с 71 до 81 места).

6. Вологодская область

Средний ранг региона в 2024 году составил 32, ухудшившись на 2 п. (в среднем 2022–2023 гг. – 30).

Вологодская область демонстрирует сильные позиции по таким показателям, как промышленное производство (14 место) и доходы организаций (10 место). Регион имеет слабую позицию по розничной торговле (69 место).

Наибольшее улучшение позиций за 2024 год отмечено в сфере инвестиций (-8 п.; с 35 до 27 места). Наибольшее ухудшение произошло по таким показателям, как доходы населения (+4 п.; с 41 до 45 места), доходы организаций (+4 п.; с 6 до 10 места), доходы бюджета (+5 п.; с 19 до 24 места), розничная торговля (+7 п.; с 62 до 69 места).

7. Республика Коми

Средний ранг региона в 2024 году составил 32, улучшившись на 2 п. (в среднем 2022–2023 гг. — 34).

Республика Коми демонстрирует сильные позиции по таким показателям, как промышленное производство (9 место), доходы населения (19 место) и доходы бюджета (12 место).

Наибольшее улучшение позиций за 2024 год отмечено по доходам организаций (–18 п.; с 47 до 29 места). Наибольшее ухудшение произошло в отношении доходов населения (+4 п.; с 15 до 19 места).

8. Республика Карелия

Средний ранг региона в 2024 году составил 33, ухудшившись на 1 п. (в среднем 2022–2023 гг. — 32).

Республика Карелия демонстрирует сильные позиции по таким показателям, как доходы населения (18 место) и доходы бюджета (15 место). Слабой позицией остаётся сельское хозяйство — 71-е место.

Наибольшее улучшение позиций за 2024 год отмечено по жилищному строительству (–8 п.; с 36 до 28 места) и инвестициям (+14 п.; с 46 до 32 места).

Наибольшее ухудшение произошло в сфере промышленного производства (+3 п., с 39 до 42 места) и по инвестициям (+10 п., с 22 до 32 места).

9. Новгородская область

Средний ранг региона в 2024 году составил 41, ухудшившись на 5 п. (в среднем 2022–2023 гг. — 36).

Регион не имеет явно выраженных сильных и слабых позиций по анализируемым показателям.

Улучшение позиций за 2024 год отмечено по доходам населения: (–4 п. п., с 63 до 59 места). Ухудшение произошло по доходам организаций (+23 п.; с 19 до 42 места), доходам бюджета (+12 п.; с 26 до 38 места) и жилищному строительству (+6 п.; с 30 до 36 места).

10. Архангельская область

Средний ранг региона в 2024 году составил 44, ухудшившись на 5 п. (в среднем 2022–2023 гг. — 39).

Архангельская область демонстрирует слабые позиции по сельскому хозяйству (67 место) и инвестициям (68 место).

Улучшение позиций за 2024 год отмечено по доходам организаций (–8 п.; с 54 до 46 места). Ухудшение произошло по таким показателям, как доходы населения (+5 п.; с 16 до 21 места), розничная торговля (+13 п.; с 8 до 21 места) и инвестиции (+19 п.; с 49 до 68 места).

11. Псковская область

Средний ранг региона в 2024 году составил 45, улучшившись на 2 п. (в среднем 2022–2023 гг. — 47).

Псковская область демонстрирует сильную позицию по сельскому хозяйству — 7-е место в стране. Регион имеет слабые позиции по промышленному производству (67 место) и инвестициям (67 место).

Улучшение позиций за 2024 год отмечено по сельскому хозяйству (–3 п.; с 10 до 7 места), доходам населения (–3 п.; с 57 до 54 места), доходам организаций (–5 п.; с 62 до 57 места), в розничной торговле (–3 п.; с 35 до 32 места), инвестициям (–8 п.; с 75 до 67 места). По анализируемым показателям ухудшений не зафиксировано.

Сведения об авторах

Никита Михайлович Румянцев — научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Евгений Владимирович Лукин — кандидат экономических наук, доцент, заведующий центром, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Rumyantsev N.M., Lukin E.V.

Trends in the Economic Development of Russia's Northwest Regions: A Structural Approach to Monitoring

Abstract. The study is devoted to the systematic monitoring and analysis of key trends in the economic development of the Northwestern Federal District under the conditions of unprecedented sanctions pressure that began in 2022. Based on an analysis of operational statistics from Rosstat for the period 2022–2024, key trends in the development of the regional economies of the constituent entities in Northwestern Russia under external pressure are identified. Achieving the study's objective required solving such tasks as aggregating and critically reviewing the experience of monitoring economic growth in territories, forming a system of indicators for monitoring short-term economic development at the regional level, and testing the proposed indicator system. The analysis of the economy is conducted at the key stages of the economic process (production, generation of income, and its use). It is revealed that in the production of gross product in the regions of the Northwestern Federal District, trends of regional specialization are intensifying — the locomotives of positive dynamics in industry and agriculture are the leading regions in these types of activities, while in other regions the dynamics are either insignificant or

negative. A transformation in the structure of income distribution in the economy of the Northwestern Federal District is observed: business and state incomes are shifting in favor of household incomes against the backdrop of a labor market shortage and an incomplete adaptation to external pressure. Due to rising household incomes, consumer demand shows sharp positive dynamics and becomes a key factor for economic growth. To address the identified problems, directions for economic policy are proposed, which could contribute to accelerating and improving the quality of economic growth in the regions of Northwestern Russia.

Key words: economic development, region, monitoring, system of national accounts, Northwestern Russia, trends.

Information about the Authors

Nikita M. Rumyantsev – Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Evgenii V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of center, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

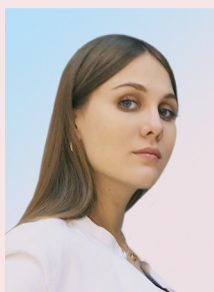
Статья поступила 24.09.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.3

УДК 332.12, ББК 65.049

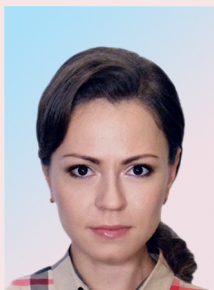
© Кайсина П.А., Шаклеина М.В., Светличная С.В.

Проблема повышения качества жизни населения: роль социально-экономического генотипа в формировании стратегии развития регионов

**Полина Александровна
КАЙСИНА**

Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: polinaveresh@gmail.com
ORCID: 0009-0005-6044-0950

**Марина Владиславовна
ШАКЛЕИНА**

Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: shakleinamv@my.msu.ru
ORCID: 0000-0002-1947-8640; ResearcherID: AAS-5460-2020

**Светлана Викторовна
СВЕТЛИЧНАЯ**

ПАО «Банк ПСБ»
Москва, Российская Федерация
e-mail: Svetlichnayasv@PSBank.ru
ORCID: 0009-0009-0544-9409

Для цитирования: Кайсина П.А., Шаклеина М.В., Светличная С.В. (2025). Проблема повышения качества жизни населения: роль социально-экономического генотипа в формировании стратегии развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 71–89. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.3

For citation: Kaisina P.A., Shakleina M.V., Svetlichnaya S.V. (2025). Improving the population's quality of life: The role of the socio-economic genotype in shaping the regions' development strategy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 71–89. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.3

Аннотация. В статье рассматриваются методологические подходы к изучению социально-экономического генотипа, а также прикладные аспекты его использования в контексте регионального развития. Полученные результаты впервые демонстрируют наличие устойчивой и статистически значимой взаимосвязи между качеством жизни населения и социально-экономическим генотипом в региональной системе координат. В исследовании выделены три базовых гена социально-экономического генотипа: производственный, инновационный, институционально-социальный, а также раскрыта их экономическая природа. Уточнено понятие «ядро генотипа», под которым понимается минимальный набор показателей, достаточный для идентификации типа региона. В результате исследования сформированы группы регионов в соответствии с доминирующим геном, что позволило выявить устойчивые экономические закономерности, сильные и слабые стороны разных групп, «скрытые» региональные паттерны, особенности регионального развития, что оказывает влияние на качество жизни населения. Предложенная классификация регионов основывается не на традиционной отраслевой специализации, а на выявленном генетическом портрете, который анализируется в контексте четырех квартильных групп качества жизни населения, что эмпирически ранее не фиксировалось. Проведенный статистический анализ с использованием критерия Хи-квадрат подтвердил наличие статистически значимой связи между ядром генотипа и интегральным индексом качества жизни населения. На основе сопоставления генетической карты и индекса качества жизни установлено, что институционально-социальный ген вносит наибольший вклад в высокое качество жизни, тогда как производственный ген без инновационного и институционально-социального усиления не приводит к росту благополучия. В заключении работы представлено обоснование интеграции социально-экономического генотипа в региональные стратегии и системы мониторинга социально-экономических программ, что расширяет инструментарий управления. Научная новизна заключается в применении нового подхода к исследованию вопросов регионального развития, включающего анализ одновременного взаимодействия социально-экономического генотипа и качества жизни населения. Теоретическая значимость работы определяется развитием концептуальной модели социально-экономического генотипа, основанной на триаде социально-экономических генов (производственного, инновационного и институционально-социального) с последующим построением ядра генотипа на основе норм Фробениуса к матрицам индикаторов как количественной оценки внутреннего потенциала территорий. Практическая значимость работы обусловлена созданием методологического инструментария, который позволяет точнее и эффективнее разрабатывать региональные стратегии, направленные на повышение качества жизни населения.

Ключевые слова: социально-экономический генотип, качество жизни, норма Фробениуса, производственный ген, инновационный ген, институционально-социальный ген, ядро генотипа, стратегирование.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00319 «Экономико-демографический анализ качества жизни населения России».

Введение

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития регионов сопровождается не только проводимыми программами, управленческими экономическими решениями, но и заложенными региональными особенностями институционально-социального, исторического, культурного прошлого. В последние годы интерес к определению латентных, инвариантных во времени (как ДНК человека)

региональных особенностей, которые в научной литературе раскрываются через определение «социально-экономический генотип», повышается. Устойчивые и наследуемые характеристики региона позволяют точнее формировать стратегические приоритеты и разрабатывать эффективные меры по повышению качества жизни населения, что является ключевым в разработке стратегии развития региона.

Использование рассматриваемой научной коннотации расширяет возможности для анализа и управления качеством жизни, что является важным аспектом в условиях сильной дифференциации регионов при определении стратегических векторов регионального развития. Синтез экономических и генетических подходов формирует новый инструмент для более глубокого анализа региональных различий, который повышает эффективность всего процесса стратегирования (Квинт, Окрепилов, 2013, 2014).

В настоящее время универсальные методологические подходы к определению, составу и структуре генома региона отсутствуют на фоне возрастающего интереса к генетической модели регионального развития. В этой связи представляется актуальным развитие положений теории о социально-экономическом генотипе регионов в части его структурного анализа, позволяющего выявлять устойчивые региональные паттерны, анализ которых расширяет механизмы формирования стратегических решений и повышения качества жизни (Шаклеина, Шаклеин, 2017). Новизна предлагаемых методологических подходов к анализу социально-экономического генотипа заключается в рассмотрении регионального развития в системе координат генотип – качество жизни. Социально-экономический генотип создаст своеобразный фильтр восприятия факторов качества жизни. Так, например, соразмерные инвестиции в медицину сопряжены с разной маржинальностью качества жизни в регионах с «инновационным» и «производственным» генотипами. Интеграция социально-экономического генотипа и качества жизни способна продемонстрировать, насколько «родовой» потенциал региона трансформирован в качество жизни.

Целью исследования является разработка методологических аспектов структурного анализа социально-экономического генотипа регионов России в контексте развития качества жизни населения.

Для достижения данной цели определены следующие задачи:

1) разработать и описать основные методологические аспекты выделения ключевых социально-экономических генов, которые отражают уникальные черты региона, особенно-сти развития;

2) осуществить апробацию данной методологии и провести кластеризацию регионов на основе выявленного генотипа;

3) оценить зависимость между социально-экономическим генотипом и качеством жизни населения;

4) определить перспективы использования генетического подхода для анализа качества жизни населения.

Практическая значимость социально-экономического генотипа в практике регионального управления и повышения качества жизни заключается в создании инструментария, который может быть использован органами исполнительной власти для повышения эффективности управленческих решений в части повышения качества жизни населения, реализуемых через призму стратегических приоритетов.

Материалы и методы

Междисциплинарный характер генетического подхода в социально-экономических исследованиях

Генное направление в экономике — это относительно новая область научного познания, которая сформировалась на стыке генетики и экономики (Benjamin, 2007; Benjamin et al., 2012). Основная идея направления заключается в использовании биологических моделей в процессах хозяйствования. Практика такой интеграции, особенности и возможности использования биологической идеи для лучшего понимания экономических проблем впервые сформулирована советским и российским экономистом Е.З. Майминасом.

В своей научной работе (Майминас, 1989) ученый дает следующее определение социально-экономического генотипа: «Социально-экономический генотип (СЭГ) — это информационный механизм, обеспечивающий воспроизведение структуры, принципов функционирования, процессов регламентации и обучения (отбора, запоминания и передачи позитивного опыта) в данной общественно-экономической системе». В разные периоды времени эту проблематику рассматривали В. Маевский, Н. Кондратьев, Г. Клейнер, В. Полтерович (Маевский, 1994; Кондратьев, 1989; Клейнер, 2004; Полтерович, 1998).

Междисциплинарный характер проводимого исследования — применение биологических

механизмов и процессов в экономической науке, психологии, социологии в зарубежной практике. Междисциплинарный подход, сочетающий генетические и экономические исследования для оценки качества жизни представлен в исследовании американского ученого В. Диего (Diego et al., 2023). Авторы анализируют на основе взаимодействия генетики и факторов среды влияние уровня образования и социально-экономического статуса на риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний. На основе проведенного анализа делается вывод, что при более высоком уровне образования генетическое влияние усиливается, гены начинают «работать ярче». Социальная среда определяет степень проявления генетического потенциала. В работе других зарубежных коллег (Biroli et al., 2025) установлено, что гены – это еще один вид «исходного капитала», который, вступая во взаимодействие с внешней средой, влияет на поведение и жизненные результаты (доход, уровень образования, здоровье).

Междисциплинарные связи генетического подхода в социально-экономических процессах представлены в *таблице 1*.

Несмотря на обширный характер междисциплинарных связей исследуемого явления в экономической практике наиболее известными являются два основных подхода А. Аузана (Аузан, 2022) и Е. Майминаса, Ю. Мысляковой (Майминас, 1989; Мыслякова, 2020, 2022) к пониманию социально-экономического генотипа.

Сравнение основных подходов к пониманию социально-экономического генотипа

Подход А.А. Аузана (Аузан, 2022; Almond, 1963; Weiner, 1989), который мы назовем «социокультурные коды», ориентирован на поведенческие и ценностные аспекты общества, определяющие, как и что индивид делает в экономике, политике, повседневной жизни. А. Аузан показывает, что у России нет одного культурного кода, но есть набор ценностных установок, сочетающихся в разных пропорциях. «Генетика» по А. Аузану позволяет проектировать институты, которые будут согласованы с доминирующим кодом, превращать сильные стороны в долгосрочные конкурентные преимущества. В части проблематики повышения качества жизни, комфортных условий проживания особенно необходим учет культурного кода

Таблица 1. Междисциплинарный характер генетического подхода в социально-экономических исследованиях

Взаимосвязи дисциплин	Тема взаимосвязи	Литература	Содержание
Экономика и генетика	Как наследуемые параметры отражаются на экономическом развитии	Ashraf, Galor, 2013; Benjamin et al., 2007; Clark, 2007; Abdellaoui, 2022; Biroli et al., 2025	Проверяется идея о том, что экономические результаты связаны с генетическими предпосылками
Социология и генетика	Роль генов в формировании поведенческих установок, политической активности, социальных стратификаций	Mills et al., 2020; Fowler, 2008; Аузан, 2013; Hodgson, 2003; Ostrovitianov, 1977	В данных статьях обсуждается, как социальная среда может включать или, напротив, приглушать генетическую предрасположенность. Культурные коды рассматриваются как дополнение к биологической уникальности
Психология, социология (поведенческие науки) и генетика	Индивидуальное экономическое поведение, благосостояние и «гены личности»	Fletcher, 2011; Fletcher, 2012; Fletcher, 2014; Benjamin, 2010	Выводы о том, как генетические различия влияют на склонность к риску, накоплению капитала, выбору профессии – через призму психологии и благополучия. Так, Флетчер на основе генетического подхода развил и обосновал идею о том, что различия в уровне финансового благополучия, развития себя как личности обусловлены генетикой

Источник: составлено авторами на основе анализа литературы.

населения, так как эффективность любой экономической политики направлена на повышение качества жизни и без принятия во внимание «вшитых» установок населения, взглядов на проблему повышения качества жизни, условий проживания, ценностных ориентиров, меры по его повышению будут иметь кратковременный и ограниченный характер.

Генетический подход, определяемый другими учеными (Майминас, 1989; Мыслякова, 2020), рассматривает концепцию генотипа региона не только как сумму культурных традиций и норм поведения, но и как систему, которая включает институциональные практики, экономические стратегии и модели социально-экономического взаимодействия.

Развивая концепцию Майминаса (1989), Ю.Г. Мыслякова (2021) акцентирует внимание на институционально-культурных факторах, которые играют основополагающую роль в экономическом поведении и региональном развитии. Авторы данного подхода считают, что поскольку регион — это сложный организм, который сочетает в себе разные субъекты хозяйствования, каждому субъекту необходимо адаптироваться к существующим социально-экономическим отношениям, то в изучении данной проблематики следует концентрироваться не только на социально-культурных и ценностных установках, которые унаследовали территории, но и на производственных, институциональных параметрах региона, приводящих к его экономическому росту.

Сравнивая основные концепции в рамках генетического подхода к региональному развитию, можно выделить несколько ключевых различий и сходств.

1. Подход А. Аузана сводит развитие идей социально-экономического генотипа к разработке понятия «социокультурный код». Акцент делается на культурных установках и нормах, которые влияют на экономическое поведение, формируют траектории регионального развития. Данная концепция более гибкая и менее формализованная, что вызывает определенные сложности для практического использования.

2. Концепция социально-экономического генотипа Е. Майминаса, Ю. Мысляковой предлагает достаточно четкие рамки понимания и

отнесения социально-экономических характеристик к генотипу региона. Данный подход лучше поддается количественной оценке для создания инструментов мониторинга и управления региональным развитием.

Несмотря на существующие различия в представленных концепциях, все авторы показывают, что генотип формирует долговременные паттерны поведения и развития регионов, отсюда непринятие во внимание данного аспекта делает затруднительным эффективное региональное управление.

Невозможно оставить без внимания работы отечественных ученых (Айвазян, 2012; Квинт, 2009), которые хотя и напрямую не использовали понятие социально-экономического генотипа, но внесли значительный вклад в понимание устойчивых компонент институционального и культурного факторов развития территорий. В работе (Айвазян, 2012) в рамках моделирования и интегральной оценки качества жизни населения предлагается использовать в модели институциональную и культурную компоненту. В.Л. Квинт (Квинт, Окрепилов, 2014) в решении вопросов стратегирования территорий, разработке стратегических приоритетов доказывает важность данных компонент.

В рамках данного исследования будем использовать концепцию Майминаса, Мысляковой, так как, во-первых, данный подход является более методологически проработанным, позволяет строить количественные оценки элементов социально-экономического генотипа; во-вторых, имеет непосредственное практическое применение — позволяет выявлять доминирующие гены, анализировать типичные региональные профили.

Сходство рассматриваемого в настоящем исследовании ядра социально-экономического генотипа с подходом Ю.Г. Мысляковой заключается в признании наследуемости и минимальной достаточности структуры ядра, в то же время различие — в акценте на институционально-социальном измерении, что необходимо для проверки связи генотипа и качества жизни, а также строгой количественной процедуре интеграции показателей, обеспечивающей межрегиональную сопоставимость.

Таблица 2. Анализ подходов к определению и структурной спецификации ядра социально-экономического генотипа

Источник	Содержание ядра	Структурные составляющие
«Теоретические аспекты моделирования социально-экономического генотипа промышленных регионов РФ» (Мыслякова и др., 2019)	Ядро рассматривается как совокупность определяющих и динамических кодов, обеспечивающих наследственную память территории	Производственный, социальный и инновационный коды, взаимосвязанные между собой
«Социально-экономический генотип территорий опережающего развития (на примере Уральского региона)» (Мыслякова и др., 2020)	Ядро определяется как наследственная морфологическая основа региона	Производственный, социальный и институциональный коды. Каждый из них имеет набор индикаторов, а совокупность кодов формирует морфологию ядра
«Генетический подход в исследованиях устойчивого экономического развития регионов» (Мыслякова, 2020)	Понятие ядра обобщается. Оно трактуется как ядро социального иммунитета территории, включающее защитные механизмы и наследуемые параметры состояния общества	Три блока: показатели самочувствия населения, трудового потенциала и его активизации (индикаторы социальной устойчивости)
Источник: составлено авторами на основе работ (Мыслякова, Неклюдова, 2021; Мыслякова, Шамова, 2020).		

Анализ научных работ по проблематике социально-экономического генотипа свидетельствует о том, что у каждой территории есть информационное ядро, содержащее уникальные устойчивые коды, которые являются практически неизменными на всем этапе экономического развития и именно они определяют реакцию региона на внешние вызовы и стимулы.

В ходе обзора научной литературы установлено, что дифференцированный набор кодов зависит от специфики задач территориального развития. Например, для территорий опережающего развития очень важным является привлечение инвестиций и формирование новых производственных кластеров, поэтому в качестве специфичных, кодовых характеристик следует рассматривать производственный и инновационный коды (Мыслякова, Неклюдова, 2021; Мыслякова, Шамова, 2020). Коды включают показатели ресурсного обеспечения, отраслевой специализации, уровня технологического развития, развития НИОКР.

Исследование проблематики развития моногородов, для которых характерна высокая зависимость от конкретной отрасли или предприятия, подразумевает выделение и более подробное изучение институциональных и производственных кодов. Институциональные коды, характеризующие зрелость институтов и качество управления, играют определяющую роль в устойчивом развитии территорий и опре-

деляют возможности гибкости/адаптации к изменению внешней среды (Мыслякова, 2020).

При анализе качества жизни и социальной комфортности (Шаклеина и др., 2021; Медяник и др., 2024) возникает необходимость включения социокультурного кода, охватывающего ценностные и поведенческие установки населения региона, что позволяет определить влияние социокультурного контекста на субъективное восприятие проводимой социальной политики, а также оценить эффективность инвестиций в здравоохранение, образование.

В соответствии с подходом Е.З. Майминаса и Ю.Г. Мысляковой, устойчивые «наследуемые» черты регионов целесообразно группировать в рамках настоящего исследования в триаду производственного, инновационного, институционально-социального кодов. Каждый код отражает определенную плоскость пространственного развития региона.

Триада кодов формирует **комплексный** региональный генотип, который можно интерпретировать как структурный след региональной динамики. В дальнейших исследованиях предусмотрена расширяемость конструкции за счет включения социокультурных параметров при выполнении требований репрезентативности и сопоставимости временных рядов в целях определения влияния ценностных установок на восприятие качества жизни, социальной комфортности.

Производственный код отражает наследуемую экономическую специализацию, включая в себя инфраструктурную составляющую, технологический уклад и структуру занятости населения. Данный код задает основу экономической системы и формирует устойчивость к экономическим шокам и рецессиям. Отражается в таких аспектах, как изменение темпов экономического роста, устойчивость занятости, структура специализации.

Инновационный код, в свою очередь, представляет собой способность к технологическому обновлению и переходу к новым экономическим укладам. Важно отметить, что инновационный код «виден» в производительности труда и генерации высокотехнологического сектора, включает в себя размер НИОКР и коррелирует с развитием человеческого капитала.

Институционально-социальный код региона представляет собой совокупность устойчивых правил и взаимодействия между ключевыми субъектами региона, отражается в эффективности реализации стратегий и качестве управления территорией. Код объединяет показатели качества институтов и социальной среды, включая прирост коэффициента Джини, как распределительного индикатора в составе комплексной структуры институционально-социального кода. Таким образом, социальные характеристики населения не исключаются, а интегрируются в ядро генотипа через институционально-социальный код, который включает не только набор формальных норм и институтов, но и способы их межпоколенческой передачи. Таким образом, подтверждается гипотеза о наследуемой форме взаимодействия власти, бизнеса и общества, что придает коду генетическую устойчивость.

Триада кодов (производственного, инновационного и институционально-социального) в рамках концепции социально-экономического генотипа обладает синергетическим потенциалом. Таким образом, в настоящем исследовании ядро генотипа будет определяться как функционально-интегральная структура, отражающая взаимодействие трех кодов. Сам генотип рассматривается в качестве индикатора функциональной результативности социально-экономического региона, сохраняя преемственность в применении генетического подхода и методов кодового моделирования.

Результаты

Для определения социально-экономических генотипов регионов отобраны 9 показателей. Они разделены на 3 компоненты — производственную, инновационную, институционально-социальную. Показатели, относящиеся к социально-экономическому генотипу, должны удовлетворять следующим методологическим требованиям:

- относительная стабильность во времени;
- слабая чувствительность к краткосрочным политическим, экономическим шокам;
- историческая глубина (наличие ряда данных за предшествующие 20–30 лет).

Все показатели информационного ядра социально-экономического генотипа представлены в таблице (*приложение*).

Выбор представленной в *таблице 3* триады кодов обосновывается тем, что именно такая композиция обеспечивает замкнутую причинно-следственную связь, где происходит преобразование ресурсно-отраслевой базы в социальные результаты. Состав предлагаемого кода является минимально достаточным и робастным для подтверждения или опровержения

Таблица 3. Показатели социально-экономического генотипа, %

Производственный код	Инновационный код	Институционально-социальный код
Прирост доли промышленности в ВРП	Прирост расходов на НИОКР	Прирост коэффициента долговой нагрузки региона
Прирост индекса промышленного производства	Прирост количества патентов на 10 тыс. человек	Прирост количества малых и средних предприятий
Прирост числа всех организаций	Прирост численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками	Прирост коэффициента Джини
Источник: составлено авторами на основе работ (Мыслякова, Неклюдова, 2021; Мыслякова, Шамова, 2020).		

статистической связи с качеством жизни, что в том числе обусловлено избежанием избыточной мультиколлинеарности между схожими по своей природе индикаторами.

Показатели производственного кода фиксируют устойчивую специализацию и динамику выпуска, характеризуют несущие силы экономики региона. В работе (Мыслякова и др., 2020) применяются приростные показатели по отгрузке, доле обрабатывающих отраслей и инвестициям как стандартные элементы производственного блока. В нашем случае использование параметра прироста числа всех организаций характеризует укрепление и расширение производственно-отраслевой основы региональной экономики.

Показатели инновационного кода представляют способность региона к технологическому обновлению, созданию новаций, развитию научных исследований. В типологии Ю.Г. Мысляковой (Мыслякова и др., 2019) инновационный код формируется через логическую последовательность «потенциал – результат». Триада показателей отражает данную логику, при этом переход к нормированной патентной активности и динамике НИОКР усиливает межрегиональную сопоставимость.

Показатели институционально-социального кода учитывают финансовую устойчивость управления, предпринимательскую среду, распределительные результаты через которые экономические успехи региона конвертируются в высокое качество жизни. В институциональном блоке в работе (Мыслякова и др., 2020) широко применяются переменные для характеристики предпринимательской среды (наличие объектов инновационного малого и среднего бизнеса, индекс прироста доли занятых в МСП и др.). Добавление долговой нагрузки корректно описывает финансовую устойчивость управления, а включение коэффициента Джини используется в работе (Мыслякова, 2021) как социальный индикатор, связанный с предрасположенностью к технологическим трансформациям, что позволяет расширить рассматриваемый код до институционально-социального. Интеграция коэффициента Джини в институционально-социальный код обоснована как элемент «наследуемых» правил взаимодействия общества,

бизнеса, власти. Таким образом, методологические требования заданы каркасом генетического подхода Ю.Г. Мысляковой, а также расширены авторами исследования в контексте оценки влияния генотипа региона на качество жизни населения.

В рамках исследования идентифицированы генотипы регионов на основе анализа показателей их прироста за период с 2022 по 2023 гг. по 83 субъектам Российской Федерации. Из исследовательской выборки исключены Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ в связи с отсутствием опубликованных статистических данных по инновационному генотипу, обусловленным необходимостью соблюдения конфиденциальности первичной информации, предоставляемой организациями¹. Кроме того, в выборку не были включены Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область по причине отсутствия соответствующих статистических данных.

Для расчета ядра социально-экономического генотипа используется норма Фробениуса, поскольку данный метод обеспечивает объективность и математическую строгость интегральной оценки матрицы показателей. Норма Фробениуса позволяет учитывать вклад каждого элемента матрицы, при этом сохраняя внутреннюю структуру взаимосвязей показателей. При расчете данным способом мы можем не только определить состояние региона по его генотипу, но и проводить сопоставление положительной и отрицательной полярности развития, формируя индикатор генетической напряженности. По сути, норма Фробениуса выполняет функцию интегратора, который отражает латентное состояние социально-экономической системы и обеспечивает сопоставимость регионов с различной структурой показателей.

На следующем этапе после сбора данных смоделировано ядро социально-экономического генотипа регионов, которое представлено в матричном формате: состоит из производственного (Р), инновационного (І), институ-

¹ Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2007 г. № 282-ФЗ (п. 5 ст. 4, ч. 1 ст. 9).

ционально-социального (IS) кодов. В матрице представлены приростные значения показателей из таблицы (приложение).

$$A = \begin{bmatrix} P_1 & P_2 & P_3 \\ I_1 & I_2 & I_3 \\ IS_1 & IS_2 & IS_3 \end{bmatrix} \quad (1)$$

После формирования «информационной матрицы» определен размер ядра территориального генотипа с применением норм Фробениуса. Для этого рассчитана мера обобщенной матрицы в положительной и отрицательной полярности развития.

$$\|A^+\| = \sqrt{\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n a_{ij}^2} \text{ при } a_{ij} > 0, \quad (2)$$

где:

a_{ij} — элементы матрицы A .

Положительная трансформация фиксирует продуктивную и прогрессивную динамику по каждому гену.

$$\|A^-\| = \sqrt{\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n a_{ij}^2} \text{ при } a_{ij} < 0 \quad (3)$$

Отрицательная трансформация фиксирует регрессивные и тормозящие факторы развития.

На заключительном этапе определена матрица между положительным и отрицательным ядром, позволяющая идентифицировать индикатор генетической напряженности или потенциала развития региона.

$$SEG = \|A^+\| - \|A^-\| \quad (4)$$

При значении $SEG > 0$ региональное ядро ориентировано на развитие, а если $SEG < 0$, то наблюдается стагнация, структурный упадок или институциональная деградация.

Таким образом, применение нормы Фробениуса обеспечивает объективность и формирует основу для распределения регионов по доминантному гену.

Из таблицы 4 видно, что Сахалинская область и Республика Ингушетия продемонстрировали четко выраженное доминирование инновационного гена за счет преобладания положительной полярности ($I^+ = 1,38$ и $I^+ = 1,00$ соответственно). Инновационные процессы в регионах являются одним из ключевых факторов повышения качества жизни — регионы включены в комплексные госпрограммы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока», «Стратегия СКФО-2025», где приоритетом является развитие цифровых сервисов и человеческого капитала. Доминирование инновационного гена не означает, что регионы данной группы являются технологическими лидерами или лидерами в социально-экономическом развитии. Раскрытие имеющегося потенциала определяется уровнем экономического развития, наличием ресурсной и производственной базы, качеством институтов.

Кемеровская область и Новосибирская область характеризуются доминированием производственного генотипа. Стоит отметить, что Кемеровская область отличается интенсивностью положительной производственной активности $P^+ = 0,23$, в то время как Новосибирская область ($P^+ = 0,03$) сохраняет лишь инерционные элементы производственного профиля, значение инновационной компоненты сохраняется на низком уровне.

Пермский край и г. Санкт-Петербург демонстрируют доминирование институционально-социального гена. В Пермском крае наблюдается стабильность институционального контура,

Таблица 4. Результаты социально-экономического генотипа на примере регионов с разными доминирующими генами

	P^+	P^-	I^+	I^-	IS^+	IS^-	Ген	Ядро
Сахалинская область	0,12	0,01	1,38	0,04	0,02	0,44	I	1,51
Республика Ингушетия	0,00	0,11	1,00	0,00	0,00	0,56	I	-0,16
Кемеровская область	0,23	0,03	0,13	0,21	0,16	0,01	P	0,51
Новосибирская область	0,03	0,02	0,00	0,02	0,02	0,03	P	-0,02
Пермский край	0,02	0,09	0,02	0,10	0,12	0,04	IS	0,15
г. Санкт-Петербург	0,04	0,09	0,00	0,20	0,66	0,03	IS	0,25

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

в то время как в г. Санкт-Петербург ($IS^+ = 0,66$) институциональный и социальный потенциал выражен ярко, подтверждается ведущая роль городской среды в формировании инфраструктуры.

Итоговый показатель ядра генотипа отражает общий вектор развития региона. Положительные значения указывают на активное развитие региона, а отрицательные — на наличие структурных ограничений. Наиболее выраженный инновационный тип ядра характерен для Сахалинской области, что подтверждает инновационную направленность региона. Отрицательное значение ядра зафиксировано в Республике Ингушетия, что свидетельствует о неустойчивости институционального фундамента. Пермский край и г. Санкт-Петербург обладают наиболее сбалансированными ядрами. В данных регионах положительные эффекты институтов и социальной среды компенсируют слабость других кодов. В рамках данного исследования особое внимание уделяется доминирующим генам, так как выделение доминирующего гена позволяет перейти к функци-

ональному анализу, что позволяет понять какие именно внутренние механизмы определяют качество жизни и экономическую динамику региона (рис. 1).

Институционально-социальный код доминирует в 34 субъектах Российской Федерации, включая как крупнейшие мегаполисы (Москва, Санкт-Петербург), так и регионы с высоким уровнем урбанизации и развитой инфраструктурой (Самарская, Тюменская, Свердловская области, Республика Татарстан и др.). Для регионов данной группы характерно наличие развитых цифровых сервисов, устойчивой правовой среды, а также значительные инвестиции в социальную и транспортную инфраструктуру. Наличие сильных университетов способствует воспроизводству институциональной культуры. Преобладание социального гена отражается в концентрации человеческого капитала — высокий уровень образования, наличие развитой медицинской и культурной инфраструктуры. В таких регионах институты эффективно трансформируют социальный потенциал в рост качества жизни.

Рис. 1. Карта субъектов Российской Федерации по доминирующим генам

Источник: составлено авторами на основе проведенных расчетов.

Два других гена (производственный и инновационный) играют поддерживающую, но не определяющую роль.

Инновационный код зафиксирован в 19 регионах России. Инновационный ген в данной группе регионов выполняет компенсирующую функцию: в отсутствие сильного производственного ядра и стабильного институционально-социального контура, освобождается место для быстрых и легких инноваций (чаще всего создание цифровых сервисов, повышение доступности услуг и др.), способных обеспечить базовые потребности населения, улучшить цифровую инфраструктуру жизнедеятельности. Также запускаются процессы развития малого и среднего предпринимательства. Доминирование инновационного гена не тождественно технологическому лидерству, наличие инновационного контура в регионе является инструментом повышения качества жизни. Географическая отдаленность и периферийное положение ряда регионов с доминированием инновационного гена выступает фактором, стимулирующим спрос на высококвалифицированных специалистов, посредством реализации дистанционных решений через развитие цифровой инфраструктуры региона, что характерно для регионов, обладающих статусом внешней или островной границы (Калининградская область, Псковская область, Сахалинская область), а также для субъектов с аграрным укладом хозяйствования и горным рельефом (Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Ингушетия).

Одна из наиболее многочисленных групп — регионы, обладающие доминирующим производственным кодом, всего в выборке 30 субъектов, в социально-экономической структуре которых ключевая роль отводится отраслям промышленного и ресурсного профиля. Формирование генотипа произошло под влиянием индустриализации советского периода. Типичными примерами выступают Кемеровская область, Мурманская область, Приморский и Хабаровский края, Республика Саха, Забайкальский край и др. Для данных регионов характерна высокая занятость в горнодобывающей, энергетической, лесной, металлургической промышленности. Несмотря на большую роль в экономике страны, домини-

рование производственного гена сочетается с низким или ниже среднего показателями качества жизни. Это объясняется слабой институциональной зрелостью региональной среды и инновационного контура. Инновационный ген в этих регионах выражен слабо и обслуживает преимущественно запросы по модернизации базовых отраслей.

Перспективы развития теории социально-экономического генотипа в контексте улучшения качества жизни населения

В проведенном исследовании для каждого российского региона определен доминирующий ген относительно двух других генов. В целом анализировалась триада генов: производственный, инновационный и институционально-социальный. Если в подходе Ю.Г. Мысляковой (2020, 2021, 2022) ядро генотипа служит инструментом типологизации территорий, то в настоящем исследовании доминантный ген рассматривается как функциональная основа для анализа взаимосвязи генотипа и качества жизни населения. Предложенные гены не являются взаимоисключающими, а наоборот, дополняют друг друга в процессе поступательного регионального развития. Накопленный опыт формирует базис для будущего развития региона. На основе полученных результатов сформулированы следующие гипотезы о связи социально-экономического генотипа и качества жизни региона.

Гипотеза 1. Производственный ген является вспомогательным геном для формирования стратегической ресурсной базы как основы дальнейшего развития региона, при этом самостоятельно производственный ген не обеспечивает высокое качество жизни.

Гипотеза 2. Инновационный ген является своеобразным драйвером для качественного перевода экономики на следующий уровень развития, создавая предпосылки для формирования качественных институтов развития.

Гипотеза 3. Институционально-социальный ген обеспечивает высокое качество жизни населения в регионе после накопления необходимого ресурсного и инновационного потенциала.

В качестве источника информации о качестве жизни использован «Рейтинг регионов России по качеству жизни-2023», методология которого разработана и утверждена Центром

экономических исследований «РИА Рейтинг»². Рейтинг сформирован на «показателях, фиксирующих фактическое состояние тех или иных аспектов условий жизни и ситуации в социальной сфере, позволяет оценить межрегиональные различия в данной сфере»³. Оценка осуществляется в баллах по шкале от 0 (наименьшее качество жизни) до 100 (наивысшее качество жизни). На следующем этапе регионы разделены на четыре квартильные группы по значению рейтингового балла качества жизни. Первая квартильная группа с самым низким качеством жизни, четвертая – с самым высоким качеством жизни). Связь доминирующего гена и качества жизни населения представлена на *рисунке 2*.

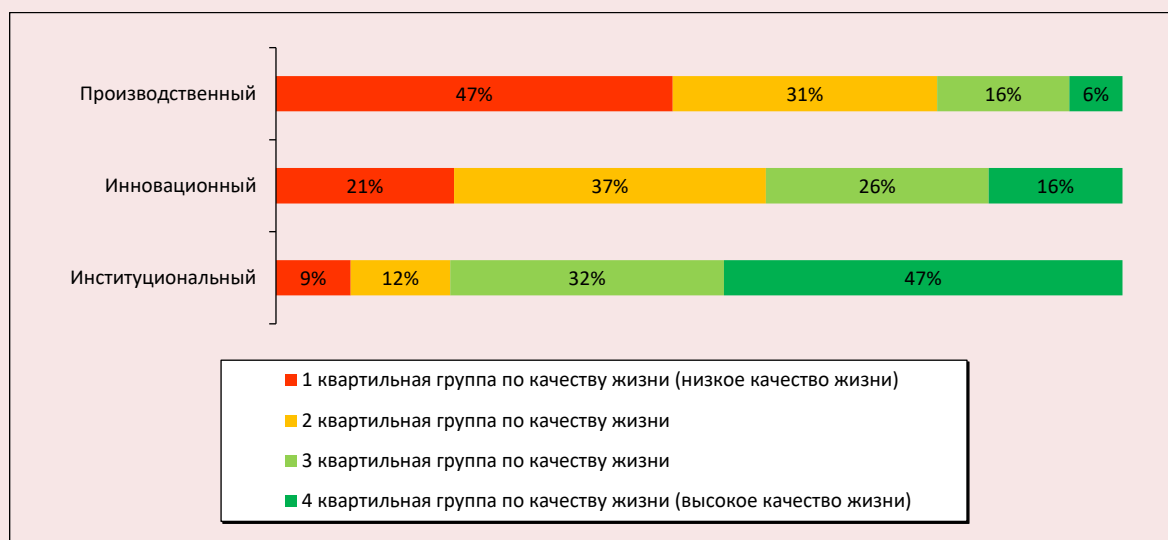
Для проверки гипотезы о независимости социально-экономического генотипа и качества жизни воспользуемся критерием Хи-квадрат. Расчетное значение $\chi^2 = 27,23$, $p = 0,00013$, что меньше 0,05, можем сделать вывод о том, что нулевая гипотеза о независимости социально-экономического генотипа и качества жизни

отвергается. Зависимость между генотипом и качеством жизни является статистически значимой, и умеренно сильной (Коэффициент Пирсона и Чупрова около 0,4 и статистически значимы).

Производственный ген. Рассмотрим группу регионов с доминирующим производственным кодом, в которую вошли 6% регионов четвертой квартильной группы качества жизни и 47% регионов из первой квартильной группы качества жизни. Регионы данной группы опираются прежде всего на производство, добычу природных ресурсов, формируют ресурсную основу для дальнейшего экономического роста. Однако наличие ресурсного потенциала не гарантирует высокие стандарты жизни. Промышленные регионы ограничены проблемами экологии и моноспециализации экономики, что сдерживает развитие и снижает качество жизни населения (Майминас, 2020).

Рейтинг качества жизни регионов подтверждает, что преобладание производственного гена характерно, главным образом, для

Рис. 2. Взаимосвязь качества жизни и социально-экономического генотипа

Источник: составлено авторами на основе расчетов, данных Росстата и Центра экономических исследований «РИА Рейтинг» – «Рейтинг регионов России по качеству жизни-2023».

² Рейтинг регионов РФ по качеству жизни-2023 / Центр экономических исследований «РИА Рейтинг». URL: <https://riarating.ru/images/63025/75/630257548.pdf> (дата обращения 01.07.2025).

³ РИА Рейтинг российских регионов по качеству жизни. URL: <https://riarating.ru/images/63027/69/630276945.pdf> (дата обращения 01.07.2025).

регионов-аутсайдеров по качеству жизни. Так, например, производственный генотип имеют Республика Тыва, Чукотский АО, Курганская область и др., но по качеству жизни эти регионы в аутсайдерах (первой квартильной группе). Регионы данной группы богаты сырьевыми и промышленными ресурсами, но в то же время сталкиваются с проблемами социального характера, слаборазвитой инфраструктурой, низкими доходами населения. Наличие производственного гена дает возможность роста экономики региона, но без последующего перехода региона к инновациям и развитым институтам регион остается на низких позициях по качеству жизни.

Инновационный ген практически соразмерно присутствует во всех квартильных группах по качеству жизни (см. рис. 2). В анализируемой выборке регионов доля регионов с сильным инновационным геном максимальна во второй квартильной группе по качеству жизни (37%) — Республика Мордовия, Вологодская, Тверская область и др. Качество жизни в данной группе выше, чем в производственной группе, но из-за невысокого качества институтов оно отстает от регионов-лидеров.

Наличие в отдельных регионах развитых НИОКР-центров, стартап-экосистем без «длинных» институтов приводит к незначительному прогрессу в части повышения качества жизни (Мыслякова и др., 2020).

К четвертой квартильной группе (самой высокой) по качеству жизни принадлежат Калининградская, Воронежская, Липецкая области, они являются удачным примером, когда инновационный ген работает не «вхолостую», а идет совместно с институциональным развитием: особые экономические зоны, сотрудничество вузов с бизнесом, наличие экспортно-ориентированных высокотехнологичных отраслей позволяет улучшать городскую инфраструктуру, делать ее более комфортной для проживания (Аузан, 2022).

В первой группе регионов-аутсайдеров по качеству жизни встречаются регионы с доминированием инновационного гена — Алтайский край, Республика Алтай, Республика Ингушетия, Северная Осетия-Алания. Для регионов данной группы характерными чертами являют-

ся туризм, инновационные проекты в области сельского хозяйства, однако географическая удаленность и дефицит инфраструктуры снижают потенциал инновационного гена.

Институционально-социальный ген отражает этап регионального развития, на котором сформированы ресурсный потенциал развития региона и современные институты развития — эффективное государственное управление, сильный кадровый и человеческий потенциал, развитая инфраструктура. Регион, который достиг институциональной и социальной зрелости, способен обеспечить высокий уровень доходов, образования, медицинских услуг, безопасности. Полученный результат подтверждает тезис Ю.Г. Мысляковой о решающей роли качества институтов при конвертации экономических ресурсов в благосостояние (Мыслякова, 2020). В четвертую квартильную группу регионов-лидеров по качеству жизни попали 47% регионов с доминированием институционального гена. Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Татарстан являются лидерами в рамках институционального развития.

В первую и вторую квартильную группу по качеству жизни входят такие регионы, как Кировская область, Коми, Ненецкий АО, в которых исторически сформированные институты устарели, а новые управленческие практики внедряются медленно.

Проведенное исследование показало, что доминирующий ген региона во многом определяет в нем качество жизни населения и вектор его повышения в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Для регионов с преобладанием производственного гена начальным стратегическим приоритетом должно стать повышение инновационной активности экономики, для регионов с сильным инновационным геном — актуальна институциональная модернизация с улучшением правовой среды, развитие социальной сферы. Развивая инновационный потенциал на имеющейся ресурсной и промышленной базе, и поступательно формируя и улучшая институты развития, можно вывести отстающие по качеству жизни регионы на более высокую ступень развития. Все гипотезы, поставленные в исследовании, подтвердились.

Генетический подход позволяет выявить скрытые взаимосвязи между исторически сложившейся структурой экономики и текущими показателями развития и как отстающим регионам следует планомерно развиваться, чтобы преодолеть генетическую предрасположенность к экономической уязвимости. Высокое качество жизни — это генетически обусловленная квинтэссенция экономического развития и конечная цель каждой стратегии развития, которой предшествует долгое, а главное поступательное развитие.

Заключение

В статье рассматривается новый подход к вопросу регионального развития, который заключается в анализе социально-экономического генотипа через триаду генов (производственный, инновационный, институционально-социальный) в неразрывной связи с качеством жизни населения. Генетический подход позволяет выявить скрытые взаимосвязи между сложившейся структурой экономики и текущими показателями развития качества жизни населения.

Производственный ген участвует в создании необходимой ресурсной базы, инновационный ген способствует усложнению, диверсификации, наращиванию базы, а институционально-социальный ген модифицирует экономические успехи в плоскость устойчивого повышения качества жизни населения. В действительности все три гена существуют, однако главным остается вопрос, какой ген доминирует. Самые успешные регионы с высоким качеством жизни (Москва, Санкт-Петербург, Казань) демонстрируют баланс, но с доминированием институционально-социального гена. В то же время регионы-аутсайдеры по качеству жизни представляют уклон в сторону производственного гена. Преобладание индустриального начала без инновационных процессов ограничивает потенциал роста, а, следовательно, и качество жизни. С другой стороны, формально преобладание институционально-социального гена без ресурсной базы (Кировская область) приводит к тому, что население не ощущает улучшения качества жизни. Доминирование инновационного гена без опоры на ресурсную базу и сильные институты также не дает повышения качества жизни. Анализ показал, что инноваци-

онный ген присутствует и в низкой квартильной группе качества жизни, и в высокой квартильной группе, однако существенный прирост качества жизни происходит в тех регионах, где инновации сочетаются с сильными институтами (Татарстан). Самарская, Свердловская области и другие индустриальные регионы смогли интегрировать инновации, улучшить институты, что привело их в наивысшую квартильную группу по качеству жизни.

Определение социально-экономического генотипа представляет прогностическую ценность в разрезе стратегического планирования социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Полученные кодовые значения и ядро генотипа позволяют определить устойчивые и уязвимые зоны регионального развития и определить более адресные стратегические управленческие решения.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является увеличение ядра генотипа в части расширения социокультурных кодов территорий и возможности исследования других латентных категорий, таких как социальная комфортность, в неразрывной связи с социально-экономическим генотипом. В их интеграции видится развитие теории и методологии оценки качества жизни. Социально-экономический генотип создает фильтр восприятия условий жизни, факторов социальной комфортности. Использование больших данных в контексте решения данной научной задачи (панели статистических обследований условий жизни населения, поисковые запросы в сети Интернет) способно существенно обогатить результаты в полученных ранее исследованиях (Шаклеина и др., 2021). Важно развивать методы моделирования и прогнозирования динамики социально-экономического генотипа с использованием современных информационных технологий и больших данных, что позволит, во-первых, существенно расширить возможности практического применения разработанных в статье подходов, а, во-вторых, исследовать его во всех регионах России. В их интеграции видится развитие теории и методологии оценки качества жизни, в частности, предложенной Айвазяном и его учениками в работах (Фантаццини и др., 2018; Мироненков и др. 2024).

Литература

- Айвазян С.А. (2012). Анализ качества и образа жизни населения: монография. М.: ЦЭМИ РАН. 432 с.
- Аузан А.А. (2022). Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: Издательство АСТ. 160 с.
- Квинт В.Л., Окрепилов В.В. (2014). Качество жизни и ценности в национальных стратегиях // Вестник Российской академии наук. Т. 84. № 5. С. 412–425. DOI: 10.7868/S0869587314050107
- Квинт В.Л., Окрепилов В.В. (2013). Теория и практика взаимосвязи категорий «хорошая жизнь» и «качество жизни» // Экономика качества. № 4. С. 1–16.
- Клейнер Г.Б. (2004). Эволюция институциональных систем. М.: Наука. 240 с.
- Кондратьев Н.Д. (1989). Проблемы экономической динамики. М.: Экономика. 523 с.
- Маевский В.И. (1994). Экономическая эволюция и экономическая генетика // Вопросы экономики. № 5. С. 4–21.
- Майминас Е. (1989). Социально-экономический генотип общества // Постигание. М.: Прогресс. С. 93–113.
- Медяник В.В., Курбацкий А.Н., Нагорный П.И., Горяшин Д.В. (2024). Методологические подходы к построению индекса человеческого капитала: региональный аспект // Вопросы статистики. Т. 31. № 2. С. 61–72. DOI: 10.34023/2313-6383-2024-31-2-61-72
- Мироненков А.А., Курбацкий А.Н., Мироненкова М.В. (2024). Измерение качества жизни населения при стохастическом выборе весов взвешенной главной компоненты // Journal of Applied Economic Research. Т. 23. № 1. С. 82–109. DOI: 10.15826/vestnik.2024.23.1.004
- Мыслякова Ю.Г. (2020). Генетический подход в исследованиях устойчивого экономического развития регионов // Журнал экономической теории. Т. 17. № 4. С. 837–848. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-5
- Мыслякова Ю.Г. (2021). Основы экономической генетики в моделях эволюции и ревитализации старо-промышленных регионов // Journal of Applied Economic Research. Т. 20. № 3. С. 489–523. DOI: 10.15826/vestnik.2021.20.3.020
- Мыслякова Ю.Г. (2021). Разработка типологии регионов по их предрасположенности к научно-технологическому развитию // Экономика и управление. Т. 27. № 10(192). С. 775–785.
- Мыслякова Ю.Г. (2022). Региональный потенциал научно-технологического развития национальной экономики: формализация и оценка результативности // Экономика и управление. Т. 28. № 5. С. 419–429. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-5-419-429
- Мыслякова Ю.Г., Неклюдова Н.П. (2021). Теоретический подход к региональному развитию с учетом социально-экономического генотипа территории // Журнал экономической теории. Т. 18. № 1. С. 103–115. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-1.7
- Мыслякова Ю.Г., Шамова Е.А., Неклюдова Н.П. (2020). Социально-экономический генотип территорий опережающего развития (на примере Уральского региона) // Journal of Applied Economic Research. Т. 19. № 3. С. 310–328. DOI: 10.15826/vestnik.2020.19.3.015
- Мыслякова Ю.Г., Шамова Е.А., Ежова М.Г., Кириллова В.В. (2019). Теоретические аспекты моделирования социально-экономического генотипа промышленных регионов РФ // Журнал экономической теории. Т. 16. № 1. С. 37–45.
- Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. № 1. С. 46–66.
- Фантацини Д., Шаклеина М.В., Юрас Н.А. (2018). Big data в определении социального самочувствия населения России // Прикладная эконометрика. Т. 50. № 2. С. 43–66.
- Шаклеина М.В., Шаклеин К.И. (2017). Стратегическая типологизация субъектов Российской Федерации по экономическому и социальному развитию // Экономика и управление. Т. 137. № 3. С. 26–33.
- Шаклеина М.В., Волкова М.И., Шаклеин К.И., Якиро С.Р. (2021). Возможности интеграции Google Trends и официальной статистики при оценке социальной комфортности и прогнозировании финансового положения населения. Финансы: теория и практика. № 25(5). С. 215–234. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-5-215-234
- Abdellaoui A., Dolan C.V., Verweij K.J.H., Nivard M.G. (2022). Gene-environment correlations across geographic regions affect genome-wide association studies. *Nat Genet*, 54(9), 1345–1354. DOI: 10.1038/s41588-022-01158-0

- Almond G.A., Verba S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies*. Princeton: Princeton University Press.
- Ashraf Q., Galor O. (2013). The “Out of Africa” hypothesis, human genetic diversity, and comparative economic development. *American Economic Review*, 103(1), 1–46.
- Benjamin D.J. (2010). *White Paper for NSF Workshop on Genes, Cognition, and Social Behavior*. Available at: <https://cesr.usc.edu/documents/White%20Paper%202010-07-09.pdf>
- Benjamin D.C., Chabris E., Glaeser V. et al. (2007). Genoeconomics. In: *Biosocial Surveys*. Washington, DC: National Academy.
- Benjamin D., Cesarini D., Chabris C. et al. (2012). The promises and pitfalls of genoeconomics. *Annual Review of Economics*, 4, 627–662. DOI: 10.2307/42949951
- Biroli P., Galama T., Hinke S. et al. (2025). The economics and econometrics of gene–environment interplay. *Review of Economic Studies*. DOI: 10.1093/restud/rdaf034
- Clark G. (2007). *Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*. NJ: Princeton University Press.
- Diego V.P. (2023). Genotype-by-socioeconomic status interaction influences heart disease risk scores and carotid artery thickness in Mexican Americans: the predominant role of education in comparison to household income and socioeconomic index. *Frontiers in Genetics*, 14. DOI: 10.3389/fgene.2023.1132110
- Fletcher J.M. (2011). The promise and pitfalls of combining genetic and economic research. *Health Economics*, 20(8), 889–892. DOI: 10.1002/hec.1745
- Fletcher J.M. (2012). Why have tobacco control policies stalled? Using genetic moderation to examine policy impacts. *PloSOne*, 7(12). DOI: 10.1371/journal.pone.0050576
- Fletcher J.M. (2014). The effects of childhood ADHD on adult labor market outcomes. *Health Economics*, 23(20), 159–181. DOI: 10.1002/hec.2907
- Fowler J.H., Dawes C.T. (2008). Two genes predict voter turnout. *The Journal of Politics*, 70(3), 579–594.
- Hodgson G.M. (2003). The mystery of the routine: The Darwinian destiny of an evolutionary theory of economic change. *Revue économique*, 54(2), 355–384. DOI: 10.3917/reco.542.0355
- Kvint V. (2009). *The Global Emerging Market. Strategic Management and Economics*. New York: Routledge.
- Mills M.C., Tropf F.C. (2020). Sociology, genetics, and the coming of age of sociogenomics. *Annual Review of Sociology*, 46(1), 553–581.
- Ostrovitianov I., Sterbalova A. (1977). The social “genotype” of the east and the prospects of national states. *Soviet Anthropology and Archeology*, 16(1), 27–48. DOI: 10.2753/AAE1061-1959160127
- Weiner M. (1989). The indian Paradox: Violent social conflict and democratic politics. *Journal of Democracy*, 3(2), 114–126.

Приложение

Социально-экономический генотип регионов России и рейтинговый балл качества жизни «РИА Рейтинг-2023»

	P^+	P^-	I^+	I^-	IS^+	IS^-	Ген	Ядро	Рейтинговый балл в Рейтинге-2023
Белгородская область	0,00	0,00	0,01	0,08	0,13	0,00	IS	0,18	64,625
Брянская область	0,00	0,01	0,02	0,03	0,00	0,01	I	-0,23	53,634
Владимирская область	0,05	0,00	0,00	0,14	0,07	0,00	IS	0,11	54,792
Воронежская область	0,01	0,01	0,01	0,01	0,00	0,00	I	0,03	64,061
Ивановская область	0,02	0,01	0,00	0,18	0,00	0,06	P	-0,63	52,159
Калужская область	0,02	0,06	0,01	0,08	0,22	0,00	IS	0,18	64,622
Костромская область	0,00	0,02	0,06	0,01	0,00	0,00	I	0,00	47,781
Курская область	0,01	0,02	0,05	0,04	0,00	0,01	I	-0,12	59,704
Липецкая область	0,02	0,01	0,76	0,00	0,01	0,00	I	1,01	61,932
Московская область	0,00	0,02	0,00	0,02	0,33	0,00	IS	1,02	79,999
Орловская область	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,07	I	-0,26	53,666

Продолжение приложения

	P^+	P^-	I^+	I^-	IS^+	IS^-	Ген	Ядро	Рейтинговый балл в Рейтинге-2023
Рязанская область	0,00	0,00	0,00	0,07	0,59	0,00	IS	0,50	59,010
Смоленская область	0,00	0,01	0,02	0,08	0,08	0,00	IS	0,04	51,167
Тамбовская область	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,06	I	-0,24	52,410
Тверская область	0,00	0,02	0,05	0,00	0,00	0,02	I	-0,06	49,859
Тульская область	0,00	0,02	0,00	0,05	0,30	0,00	IS	0,18	62,602
Ярославская область	0,00	0,00	0,00	0,04	0,55	0,00	IS	0,54	57,439
г. Москва	0,00	0,00	0,00	0,02	0,29	0,00	IS	2,42	83,640
Республика Карелия	0,05	0,00	0,00	0,04	0,00	0,06	P	-0,22	41,937
Республика Коми	0,00	0,00	0,01	0,11	5,66	0,00	IS	0,85	43,921
Архангельская область	0,01	0,00	0,00	0,02	0,00	0,15	P	-0,43	40,100
Ненецкий автономный округ	0,04	0,00	0,00	0,00	4,93	0,00	IS	2,42	42,237
Вологодская область	0,00	0,18	0,88	0,14	0,15	0,00	I	0,53	48,802
Калининградская область	0,00	0,03	0,06	0,07	0,00	0,01	I	-0,29	66,175
Ленинградская область	0,00	0,01	0,00	0,02	1,24	0,01	IS	0,77	67,970
Мурманская область	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	P	-0,10	54,253
Новгородская область	0,04	0,01	0,00	0,06	0,00	0,13	P	-0,51	49,682
Псковская область	0,00	0,03	0,16	0,04	0,00	0,20	I	-0,42	46,753
г. Санкт-Петербург	0,04	0,09	0,00	0,20	0,66	0,03	IS	0,25	82,310
Республика Адыгея (Адыгея)	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	0,18	I	-0,18	60,137
Республика Калмыкия	0,07	0,03	0,03	0,00	0,00	0,41	P	-0,38	41,711
Краснодарский край	0,02	0,00	0,02	0,00	0,00	0,45	P	-0,39	74,355
Астраханская область	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	P	0,10	48,385
Волгоградская область	0,00	0,00	0,00	0,44	2,60	0,00	IS	0,95	54,039
Ростовская область	0,00	0,00	0,00	0,04	0,24	0,00	IS	0,29	64,844
Республика Крым	0,02	0,00	0,00	0,07	0,00	0,00	P	-0,12	52,743
г. Севастополь	0,13	0,02	0,00	0,21	0,00	0,45	P	-0,31	58,927
Республика Дагестан	0,01	0,02	0,01	0,41	0,00	0,52	P	-0,08	45,680
Республика Ингушетия	0,00	0,11	1,00	0,00	0,00	0,56	I	-0,16	33,261
Кабардино-Балкарская Республика	0,03	0,00	0,00	0,30	0,00	0,02	P	-0,52	46,081
Карачаево-Черкесская Республика	0,16	0,01	0,00	0,33	0,00	0,37	P	-0,88	38,080
Республика Северная Осетия – Алания	0,00	0,02	0,05	0,01	0,00	0,32	I	-0,58	46,078
Чеченская Республика	0,03	0,00	0,02	0,00	0,00	0,74	P	-0,55	45,318
Ставропольский край	0,01	0,00	0,00	0,01	0,00	0,04	P	-0,20	58,868
Республика Башкортостан	0,00	0,00	0,00	0,05	0,10	0,00	IS	0,09	61,553
Республика Марий Эл	0,01	0,03	0,00	0,01	0,00	0,10	P	-0,49	49,580
Республика Мордовия	0,01	0,01	0,13	0,00	0,00	0,08	I	0,08	52,117
Республика Татарстан (Татарстан)	0,00	0,00	0,00	0,03	1,60	0,00	IS	1,09	73,757
Удмуртская Республика	0,00	0,01	0,00	0,07	4,54	0,00	IS	0,77	54,310
Чувашская Республика – Чувашия	0,00	0,05	0,13	0,00	0,00	0,01	I	0,04	58,025
Кировская область	0,00	0,00	0,00	0,06	5,21	0,00	IS	0,94	45,724
Нижегородская область	0,03	0,00	0,01	0,08	0,00	0,03	P	-0,18	63,955
Оренбургская область	0,00	0,01	0,00	0,07	0,47	0,00	IS	0,32	55,906
Пензенская область	0,00	0,00	0,00	0,27	9,52	0,00	IS	0,84	56,132

Окончание приложения

	P^+	P^-	I^+	I^-	IS^+	IS^-	Ген	Ядро	Рейтинговый балл в Рейтинге-2023
Пермский край	0,02	0,09	0,02	0,10	0,12	0,04	IS	0,15	54,154
Самарская область	0,01	0,02	0,00	0,02	5,10	0,00	IS	1,08	64,836
Саратовская область	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	IS	0,10	54,104
Ульяновская область	0,01	0,03	0,01	0,03	0,04	0,00	IS	0,05	56,785
Курганская область	0,03	0,01	0,00	0,14	0,00	0,07	P	-0,57	40,590
Свердловская область	0,00	0,01	0,01	0,00	0,32	0,00	IS	0,57	63,198
Тюменская область	0,00	0,00	0,00	0,02	0,51	0,00	IS	0,57	62,699
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	0,00	0,00	0,15	0,12	59,07	0,00	IS	3,43	66,114
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,00	0,00	0,00	0,03	17,57	0,00	IS	4,02	60,494
Челябинская область	0,00	0,01	0,00	0,02	0,39	0,00	IS	0,38	61,232
Республика Алтай	0,00	0,08	0,22	0,00	0,00	0,54	I	-0,55	37,254
Республика Тыва	0,17	0,05	0,00	0,15	0,00	0,15	P	-0,59	26,506
Республика Хакасия	0,01	0,02	0,00	0,10	0,00	0,12	P	-0,70	46,808
Алтайский край	0,00	0,00	0,02	0,00	0,00	0,03	I	-0,03	45,139
Красноярский край	0,01	0,00	0,03	0,02	0,53	0,00	IS	0,86	54,042
Иркутская область	0,00	0,00	0,00	0,06	0,74	0,00	IS	0,62	48,222
Кемеровская область	0,23	0,03	0,13	0,21	0,16	0,01	P	0,51	49,260
Новосибирская область	0,03	0,02	0,00	0,02	0,02	0,03	P	-0,02	59,761
Омская область	0,00	0,00	0,00	0,04	0,58	0,00	IS	0,56	48,427
Томская область	0,00	0,00	0,00	0,09	3,18	0,00	IS	1,48	52,118
Республика Бурятия	0,03	0,01	0,00	0,03	0,00	0,36	P	-0,35	35,511
Республика Саха (Якутия)	0,01	0,00	0,00	0,01	0,01	0,00	P	0,10	44,382
Приморский край	0,40	0,00	0,01	0,01	0,00	0,24	P	0,14	52,642
Хабаровский край	0,52	0,12	0,00	0,45	0,00	0,37	P	-0,53	56,428
Амурская область	0,03	0,00	0,00	0,02	0,00	0,00	P	0,03	43,376
Камчатский край	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	0,00	P	-0,14	53,456
Магаданская область	0,09	0,00	0,00	0,09	0,00	0,23	P	-0,48	47,861
Сахалинская область	0,12	0,01	1,38	0,04	0,02	0,44	I	1,51	54,238
Забайкальский край	0,09	0,12	0,06	0,02	0,02	0,01	P	0,10	33,584
Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.									

Сведения об авторах

Полина Александровна Кайсина – ассистент кафедры экономической и финансовой стратегии, Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, корп. 61; e-mail: polinaveresh@gmail.com)

Марина Владиславовна Шаклеина – кандидат экономических наук, доцент кафедры эконометрики и математических методов экономики, Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, корп. 61; e-mail: shakleina_mv@my.msu.ru)

Светлана Викторовна Светличная – кандидат педагогических наук, начальник управления социального благополучия, ПАО «Банк ПСБ» (Российская Федерация, 119415, г. Москва, Славянская площадь, д. 2/5; e-mail: SvetlichnayaSV@PSBank.ru)

Kaisina P.A., Shakleina M.V., Svetlichnaya S.V.

Improving the Population's Quality of Life: The Role of the Socio-Economic Genotype in Shaping the Regions' Development Strategy

Abstract. This article examines methodological approaches to studying the socio-economic genotype, as well as practical aspects of its application in the context of regional development. The obtained results demonstrate, for the first time, a stable and statistically significant relationship between the quality of life of the population and the socio-economic genotype within a regional framework. The study identifies three fundamental genes of the socio-economic genotype: production, innovation, and institutional-social, and elucidates their economic nature. The concept of the "genotype core" is refined, defined as the minimal set of indicators sufficient for identifying a region's type. As a result of the research, regions were grouped according to the dominant gene, which revealed stable economic patterns, strengths and weaknesses of different groups, "hidden" regional patterns, and specifics of regional development that impact the population's quality of life. The proposed regional classification is based not on traditional sectoral specialization, but on the identified genetic profile, which is analyzed within the context of four quartile groups of quality of life – an approach not previously documented empirically. Statistical analysis using the Chi-square criterion confirmed a statistically significant relationship between the genotype core and the integral quality of life index. By comparing the genetic map and the quality of life index, it was established that the institutional-social gene contributes the most to a high quality of life, whereas the production gene, without reinforcement from innovation and institutional-social factors, does not lead to increased well-being. The paper concludes by justifying the integration of the socio-economic genotype into regional strategies and monitoring systems for socio-economic programs, thereby expanding the toolkit for governance. The scientific novelty lies in applying a new approach to studying regional development issues, involving the analysis of the simultaneous interaction between the socio-economic genotype and quality of life. The theoretical significance of the work is defined by the development of a conceptual model of the socio-economic genotype, based on a triad of socio-economic genes (production, innovation, and institutional-social) and the subsequent construction of the genotype core using the Frobenius norm applied to indicator matrices as a quantitative assessment of territories' internal potential. The practical significance stems from the creation of a methodological toolkit that enables more precise and effective development of regional strategies aimed at improving the population's quality of life.

Key words: socio-economic genotype, quality of life, Frobenius norm, production gene, innovation gene, institutional-social gene, genotype core, strategizing

Information about the Authors

Polina A. Kaisina – assistant professor, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, building 61, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: polinaveresh@gmail.com)

Marina V. Shakleina – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, building 61, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: shakleinamv@my.msu.ru)

Svetlana V. Svetlichnaya – Candidate of Sciences (Pedagogy), head of division, Promsvyazbank PJSC (2/5, Slavyanskaya Square, office 1018, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: SvetlichnayaSV@PSBank.ru)

Статья поступила 16.07.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.4

УДК 314.1; 332.1, ББК 60.7

© Ситковский А.М., Райсих А.Э., Гладкий А.С., Безвербная Н.А.

Влияние агломерационного эффекта на демографическую политику территорий

Арсений Михайлович СИТКОВСКИЙ

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: omnistat@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8725-6580; ResearcherID: AAG-1530-2021

Александр Эдуардович РАЙСИХ

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Институт географии РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: ruisig@mail.ru
ORCID: 0009-0001-8412-8604; ResearcherID: PDW-6963-2025

Антон Сергеевич ГЛАДКИЙ

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: antony.gladky@mail.com
ORCID: 0000-0001-8021-0486; ResearcherID: AAE-1604-2022

Наталья Александровна БЕЗВЕРБНАЯ

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: bezvad@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6617-8723; ResearcherID: AAT-5201-2020

Для цитирования: Ситковский А.М., Райсих А.Э., Гладкий А.С., Безвербная Н.А. (2025). Влияние агломерационного эффекта на демографическую политику территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 90–109. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.4

For citation: Sitkovskiy A.M., Raisikh A.E., Gladky A.S., Bezverbnaya N.A. (2025). The influence of the agglomeration effect on the demographic policy of territories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 90–109. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.4

Аннотация. В условиях усиливающейся пространственной поляризации и неравномерной урбанизации центральным становится вопрос эмпирической оценки влияния агломерационного эффекта на демографическую динамику периферийных поселений. Работа посвящена количественному анализу связи между удаленностью населенных пунктов периферии от ядра городской агломерации и изменением численности их населения в межпереписной период 2010–2021 гг. Теоретико-методологической основой выступили концепции центр-периферийных систем и пространственной поляризации. Исследование охватывает 40 городских агломераций России и базируется на изучении демографической динамики около 25 тысяч населенных пунктов. Методика исследования включала определение геодезических расстояний от каждого периферийного населенного пункта до соответствующего ядра; вычисление четырех метрик демографической динамики: абсолютного, относительного, логарифмического прироста и среднегодового темпа роста; оценивание парных коэффициентов корреляции Пирсона и Спирмена между расстоянием и демографическими показателями. Эмпирическая база сформирована по итогам Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. В целом по совокупности периферийных поселений зафиксирована слабая, но устойчиво отрицательная монотонная зависимость. По результатам анализа агломерации разделены на три группы: с сильным отрицательным градиентом (18 агломераций, преимущественно в Сибири и на Урале), умеренным градиентом (15 агломераций, включая крупнейшие – Московскую и Санкт-Петербургскую); без значимого градиента (7 агломераций). Положительных корреляций не выявлено ни в одном случае. Практическая значимость результатов состоит в обосновании приоритетов демографической политики: необходимости адресной поддержки удаленных зон, развития субцентров и учета транспортной доступности.

Ключевые слова: агломерационный эффект, демографическая динамика, пространственная поляризация, геодезическое расстояние, корреляционный анализ, центр-периферийный градиент.

Благодарность

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 25-78-30004 «Цифровая демографическая обсерватория: разработка системы мониторинга демографических процессов в регионах России с использованием ГИС-технологий и больших данных», <https://rscf.ru/project/25-78-30004/>.

Введение

Городские агломерации представляют собой сложные центр-периферийные системы, в которых демографические процессы протекают неравномерно. Крупные города-ядра, как правило, аккумулируют население за счет миграционного притока и естественного прироста, тогда как периферийные поселения нередко испытывают отток жителей. Концепция пространственной поляризации прямо указывает на тенденцию концентрации населения в городских центрах при одновременном сжатии периферии (Ситковский, 2022). Иными словами, агломерационный эффект может выражаться в отрицательной зависимости между удаленностью поселения от ядра агломерации и динамикой его населения: чем дальше от центра, тем слабее рост или сильнее сокращение численности населения.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью опытного определения зоны действия агломерационного эффекта в российских условиях в рамках решения задач сбалансированного пространственного развития, закрепленных в стратегических документах Российской Федерации. Несмотря на существующие работы, посвященные отдельным агломерациям, сохраняется пробел в научном знании, связанный с отсутствием системного межагломерационного анализа, который позволил бы не только подтвердить наличие градиента, но и выявить типичные закономерности его проявления для разных типов агломераций России.

Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела и предполагает количественную оценку агломерационного эф-

фекта на примере 40 городских агломераций, состав которых указан в проекте¹ Стратегии пространственного развития на период до 2025 года². Центры всех этих агломераций входят в перечень опорных населенных пунктов, утвержденных действующей Стратегией пространственного развития на период до 2030 года³, однако в ней, в отличие от проекта предыдущей, не определен состав агломераций. Основное внимание уделено населенным пунктам периферии агломераций, т. е. поселениям, административно или функционально относимым к агломерации, но не являющимся городами-ядрами. Научная новизна исследования заключается в разработке и апробации типологии агломераций по характеру демографического градиента. Гипотеза исследования состоит в том, что в российских городских агломерациях существует устойчивый отрицательный демографический градиент «центр — периферия», проявляющийся в систематическом снижении темпов роста (или усилении убыли) населения периферийных поселений по мере увеличения их удаленности от ядра агломерации. Цель исследования — комплексная проверка данной гипотезы через выявление, количественную оценку и типологизацию закономерностей проявления агломерационного эффекта в демографической динамике периферийных территорий.

¹ Проект Стратегии пространственного развития на период до 2025 года. URL: https://www.spsss.ru/assets/files/2018/v-nts_strategiya-prostranstvennogo-razvitiya.pdf (дата обращения 14.09.2025).

Примечание: в принятой Стратегии пространственного развития на период до 2025 года, как и в сменившей ее Стратегии пространственного развития на период до 2030 года, состава агломераций нет.

² Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р. URL: <https://www.vktid.ru/files/upk/2.pdf> (дата обращения 14.09.2025).

³ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovaniye_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognomom_do_2036_goda/ (дата обращения 14.09.2025).

Для достижения поставленной цели и проверки гипотезы в работе последовательно решаются следующие задачи: 1) формирование и анализ обширной базы данных, включающей координаты населенных пунктов, их статусы в агломерации (ядро или периферия), а также численность населения по итогам двух предыдущих Всероссийских переписей населения за 2010 и за 2020 гг.; 2) расчет для каждого периферийного населенного пункта геодезического расстояния до ядра соответствующей агломерации и несколько метрик демографической динамики (абсолютный, относительный, логарифмический прирост и среднегодовой темп роста — CAGR); 3) оценка силы и направления связи между расстоянием и демографической динамикой с помощью парных корреляционных коэффициентов Пирсона и Спирмена; 4) осуществление типологизации агломераций на основе полученных корреляционных зависимостей; 5) интерпретация выраженности центр-периферийных градиентов в различных агломерациях на основе полученных результатов и типологизации агломераций.

Обзор литературы

Наблюдаемая во многих странах зависимость темпов изменения численности населения от расстояния до ядра агломерации — классическая градиентная задача пространственной демографии. Ее теоретическое основание восходит к экспоненциальным убывающим плотностям К. Кларка и работам по субурбанизации и изменению городских контуров: именно радиально-дистанционные профили выступают естественной шкалой для анализа прироста/убыли населения в ядре, ближнем пригороде и более далекой периферии (Clark, 1951).

Несмотря на обширную изученность общих тенденций урбанизации и субурбанизации в России, системных количественных оценок, позволяющих сравнивать силу и характер центр-периферийного демографического градиента для репрезентативной выборки агломераций, до сих пор не проводилось. Существующие работы, как правило, фокусируются либо на миграционной составляющей, либо на углубленном анализе отдельных, наиболее крупных агломераций. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, предложив формализованный межагломерационный анализ, основанный на единой методике для 40 агломераций.

Эмпирические исследования для России последнего десятилетия системно фиксируют выраженный центр-периферийный градиент внутриагломерационной динамики. Исследования на детальном уровне о миграции за 2011–2020 гг. подтверждают, что максимальные положительные миграционные эффекты наблюдаются в «ближнем поясе» пригородов крупных и региональных центров на расстоянии порядка 20–40 км от центра, тогда как более удаленные зоны демонстрируют ослабление прироста, а зачастую и убыль, причем величина «пика» зависит от масштаба ядра и морфологии агломерации (Карачурина и др., 2021; Мкртчян, Гильманов, 2023b). Это перераспределение населения является частью более общего процесса вертикальной миграции — движения вверх по поселенческой иерархии от малых населенных пунктов к крупным, при этом в 2010-е гг. в России практически отсутствовало движение сверху вниз, а бенефициарами миграции выступали города с населением свыше 250 тыс. жителей, особенно агломерации Москвы и Санкт-Петербурга (Мкртчян, Гильманов, 2023a). Эти исследования убедительно подтверждают преобладающий рост населения пригородов за счет миграционного перетока, однако итоговый демографический результат, складывающийся из совместного влияния миграции и естественного движения населения, а также его вариативность в стране изучены недостаточно.

В российской действительности субурбанизационная прибавка почти всегда миграционно-детерминирована и выражено возрастнo-селективна: преобладают прежде всего группы людей молодого и среднего трудоспособного возраста, в то время как демографическое старение и повышенная смертность могут нивелировать прирост на дальних радиусах (Karachurina, Mkrtchyan, 2016; Mkrtchyan, 2019). Тем самым итоговая динамика жителей населенных пунктов складывается из взаимодействия миграции и естественного движения населения (Halfacree, 2012; Stockdale, 2016; Johnson, Lichter, 2020).

Ключевой методологический риск при оценке связи динамики численности населения и расстояния до ядра агломерации обусловлен эффектами переклассификации (изменением границ, статуса населенных пунктов и пр.). Л.Л. Рыбаковский предлагает имено-

вать такой прирост «механическим», наряду с естественным и миграционным⁴. Игнорирование переклассификации способно систематически завышать истинный прирост ядра и/или ближайших поясов и занижать показатели периферийных территорий; поэтому подходы, разделяющие прирост на связанный с миграцией, естественным и механическим движением, считаются более точными (Jiang et al., 2022). В рамках работы мы осознанно принимаем это ограничение, фокусируясь на итоговой динамике численности по данным переписей, что, с одной стороны, не позволяет разделить компоненты прироста, но с другой — дает репрезентативную картину конечного результата пространственного перераспределения населения для всех типов поселений.

Линия разграничения «ядро — пригород — периферия» также чувствительна к способу делимитации агломераций. Классическими методами, позволяющими оценить реальное взаимодействие внутри агломерации, считаются функциональные подходы на основе маятниковой миграции (Райсих, 2020a) и данных сотовых операторов, что в российских исследованиях применялось для Московской агломерации (Махрова, Бабкин, 2019). К сожалению, в России не собираются данные о ежедневных перемещениях для большого числа агломераций, и в таких условиях предпочтение должно отдаваться замещающим методам, позволяющим выявлять фактические радиусы тяготения по автодорогам и другим линиям перемещений и, следовательно, корректные расстояния. Оценка реальных радиусов тяготения большого числа российских агломераций на основе сопоставления с ареалами зарубежных агломераций, рассчитанных исходя из данных о маятниковой трудовой миграции, и перерасчетом агломерационных ареалов на основе реальных расстояний была осуществлена в работе (Райсих, 2020b). Это напрямую относится к вычислению расстояний: для корреляционного анализа целесообразно сопоставлять как прямые геодезические расстояния, так и транспортно-временную доступность до ядра по дорогам общего пользования.

⁴ Демографический понятийный словарь (2003) / под ред. Л.Л. Рыбаковского. Москва: ЦСП. С. 169. URL: https://studylib.ru/doc/2234370/demograficheskij-ponyatijnyj-slovar_ (дата обращения 14.09.2025).

В зарубежных источниках подтверждается динамическая природа градиента: фазы субурбанизации и деурбанизации сменяются новыми циклами реурбанизации, что меняет знак и форму зависимости «прирост — радиус» в отдельных временных интервалах (радиусах) и классах городов (Haase et al., 2013). Масштаб и морфологию кольцевого роста дополнительно объясняют размеры агломерации и ее полицентричность (Angel, 2023), а также распределение освещенности/урбанизированных площадей по расстоянию (Rubiera-Morollón, Garrido-Yserte, 2020).

Ряд международных исследований больших данных показывает, что интенсивность перемещений и их радиальная структура масштабируются с размером города: крупные ядра имеют протяженные пояса притяжения, а профиль прироста с расстоянием приобретает нелинейную форму с локальным максимумом в ближней периферии (Kabisch, Haase, 2011; Kroll, Kabisch, 2012). Для постсоциалистических метрополий (например, Прага) вклад миграции и естественного движения в субурбанизационный прирост варьируется по радиусам, что дополнительно подчеркивает необходимость моделировать не просто корреляцию с расстоянием, а градиент (Vobecká, Piguet, 2012).

Для российской эмпирики устойчиво фиксируются две закономерности: во-первых, центростремительная миграция по иерархии поселок → малый город → региональный центр/субурбия крупных городов; во-вторых, «перелив» между ядром и ближайшими пригородами, где рост последних часто интенсивнее, чем в центре, особенно при расширении дорог и дефицитных сегментов жилья и рабочих мест (Карачурина, 2022). Эти выводы согласуются с дистанционно-радиальными паттернами жилищного строительства и доступности центра, влияющими на итоговую демографическую динамику периферийных населенных пунктов.

Обзор литературы показал, что при оценке связи динамики населенных пунктов периферии с расстоянием до ядра предпочтительна нелинейная спецификация с поясовой аппроксимацией радиуса и фиксированными эффектами агломераций, а также разложением прироста на миграционную и естественную компоненты (если доступны). Такой дизайн позволяет отделить истинный дистанционный отклик от арте-

фактов переклассификации и различий между агломерациями (Aguilera, Mignot, 2004; Lambert, 2016; Sultana, Weber, 2013).

Проведенный обзор позволяет заключить, что, несмотря на глубокую проработку темы миграционных потоков и пригородного роста, в существующем научном знании сохраняются следующие лакуны, на устранение которых направлено настоящее исследование:

1) отсутствие формализованной сравнительной типологии агломераций России по силе и характеру центр-периферийного демографического градиента;

2) ограниченность анализа итоговой демографической динамики (совокупного результата миграции и естественного движения) на уровне всех населенных пунктов периферии, а не только пригородной зоны;

3) недостаток строгих количественных сопоставлений, выполненных на единой методической основе для репрезентативной выборки из 40 агломераций, что не позволяет выявить общероссийские закономерности и региональную специфику.

Именно на преодоление этих ограничений и получение сопоставимых количественных оценок агломерационного эффекта для всей страны нацелена методология настоящего исследования.

Методология и методы

Объектами исследования выступают 40 городских агломераций Российской Федерации, указанные в проекте Стратегии пространственного развития на период до 2025 года⁵. В качестве основы для исследования был выбран именно проект Стратегии, поскольку он содержал в себе полный перечень муниципалитетов, составляющих ядро и периферию агломераций. Ядром агломерации выступает крупнейший населенный пункт, периферией признаются все населенные пункты, входящие в муниципальные образования агломераций в соответствии с упомянутым проектом Стратегии. Данные о численности населения в населенных пунктах были получены по итогам двух Всероссийских переписей населения за 2010 и за 2020 гг., поскольку только в них содержится инфор-

⁵ Проект Стратегии пространственного развития на период до 2025 года. URL: https://www.spsss.ru/assets/files/2018/v-nts_strategiya-prostranstvennogo-razvitiya.pdf (дата обращения 14.09.2025).

мация именно в разрезе каждого населенного пункта. Данные получены путем обращений в Росстат и размещены на платформе EverGis⁶. В сформированной базе данных для каждого населенного пункта указаны географические координаты (широта φ и долгота λ), административная принадлежность, статус в составе агломерации (ядро либо периферия агломерации первого или второго порядка), а также численность постоянного населения на 2010 и 2021 гг. (поскольку Всероссийская перепись населения 2020 года фактически проводилась в 2021 году).

У выбранного источника информации есть два ограничения: во-первых, численность населения в разрезе населенных пунктов в межпереписной период не оценивается, из-за чего этот показатель доступен только на дату проведения переписи; во-вторых, также нет возможности разделить прирост (убыль) населения на естественный и миграционный. Механический прирост не оценивался, так как населенными пунктами периферии городских агломераций признавались все те, которые являлись таковыми на момент проведения исследования, вне зависимости от их принадлежности к муниципалитетам в 2010 году.

В *таблице 1* представлена численность населения агломераций, которая рассчитана как сумма численности населения во всех населенных пунктах ядра и периферии. В совокупности 40 агломераций охватывают население порядка 73,3 млн человек по состоянию на 2021 год, что составляет около половины населения России. Из них суммарно около 47,7 млн человек ($\approx 65\%$) проживали в ядрах агломераций (крупнейших городах), а $\approx 25,6$ млн человек ($\approx 35\%$) — в периферийных населенных пунктах. В среднем на одно городское ядро приходилось около 1,17 млн жителей, тогда как средняя совокупная численность населения периферии одной агломерации составляла $\approx 0,63$ млн человек (соотношение ядра и периферии примерно 2 к 1 по населению). Общее число периферийных населенных пунктов в 40 агломерациях около 24,7 тыс. (из 155,5 тыс.); таким образом, средняя численность населения в отдельном пери-

ферийном поселении невелика (около 1 тыс. жителей, многие поселения — сельские). Тем не менее, динамика населения периферии в 2010–2021 гг. была в целом слабopоложительной: суммарно численность жителей периферийных территорий выросла примерно на 4,2% (с 24,6 до 25,6 млн человек), тогда как суммарный рост населения городов-ядер составил около 6,6% (с 44,7 до 47,7 млн человек). Это указывает на ведущую роль ядер в общем приросте населения агломераций, хотя и периферия в целом не отставала слишком сильно благодаря росту части пригородных поселений.

Для каждого населенного пункта периферии вычислялось расстояние до ядра. Расстояние D от каждого периферийного населенного пункта до центра агломерации рассчитывалось как геодезическое (ближней дуге сфероиды) расстояние по координатам. Для этого применялась формула гаверсинусов на сфере радиусом $R \approx 6371$ км:

$$D = 2R \arcsin \left(\sqrt{\sin^2 \left(\frac{\Delta\varphi}{2} \right) + \cos \varphi_i \cos \varphi_c \sin^2 \left(\frac{\Delta\lambda}{2} \right)} \right), \quad (1)$$

где $\Delta\varphi = \varphi_i - \varphi_c$ и $\Delta\lambda = \lambda_i - \lambda_c$ — разности широты и долготы между периферийным поселением i и городом-ядром c . Все расстояния рассчитаны в километрах по прямой (без учета дорожной сети, так как в рамках данной работы не применялись методы графов дорог и другие сетевые метрики — анализ ограничен географическими расстояниями). Для агломераций, исходя из их состава, определенного в проекте Стратегии пространственного развития на период до 2025 года, расстояния до периферийных точек лежат в диапазоне от нескольких километров (для пригородов) до ≈ 100 км (самый удаленный населенный пункт муниципалитета, считающегося периферией агломерации: например деревня Любицы Жуковского муниципального района Калужской области, входящая в Московскую агломерацию). В случае агломераций полицентрического типа (например Кавказские Минеральные Воды) для расчета расстояний выбирался главный город (наиболее крупное ядро, например Пятигорск) в качестве условного центра агломерации.

⁶ Ситковский А.М. (2025). Система расселения России // Геоинформационная платформа EverGis. URL: <https://clck.ru/32gGeT> (дата обращения 14.09.2025).

Таблица 1. Численность и динамика численности населения городских агломераций России, 2010–2021 гг.

Наименование агломерации	Численность населения									Число населенных пунктов, ед.
	Ядро			Периферия			Всего			
	2010 г., чел.	2021 г., чел.	Прирост, %	2010 г., чел.	2021 г., чел.	Прирост, %	2010 г., чел.	2021 г., чел.	Прирост, %	
Московская агломерация	11503501	12380664	+7,63	7467735	7629273	+2,16	18971236	20009937	+5,48	6834
Санкт- Петербургская агломерация	4879566	5225690	+7,09	1192500	1311299	+9,96	6072066	6536989	+7,66	1532
Екатеринбургская агломерация	1349772	1515832	+12,30	1062818	1106312	+4,09	2412590	2622144	+8,69	319
Самарская агломерация	1164685	1156608	-0,69	1348951	1399565	+3,75	2513636	2556173	+1,69	386
Ростовская агломерация	1089261	1125299	+3,31	1393681	1400933	+0,52	2482942	2526232	+1,74	399
Нижегородская агломерация	1250619	1276560	+2,07	949266	912857	-3,84	2199885	2189417	-0,48	1442
Новосибирская агломерация	1473754	1618039	+9,79	474352	517363	+9,07	1948106	2135402	+9,61	325
Казанская агломерация	1143535	1205651	+5,43	424100	592443	+39,69	1567635	1798094	+14,70	805
Челябинская агломерация	1130132	1134643	+0,40	571917	647584	+13,23	1702049	1782227	+4,71	424
Волгоградская агломерация	1021215	1030400	+0,90	561545	578544	+3,03	1582760	1608944	+1,65	239
Краснодарская агломерация	744995	987828	+32,60	425690	618088	+45,20	1170685	1605916	+37,18	187
Уфимская агломерация	1062319	1096702	+3,24	366564	393335	+7,30	1428883	1490037	+4,28	876
Омская агломерация	1154116	1178391	+2,10	241118	246146	+2,09	1395234	1424537	+2,10	326
Воронежская агломерация	889680	1054111	+18,48	257488	270243	+4,95	1147168	1324354	+15,45	271
Пермская агломерация	991162	1048011	+5,74	181137	191281	+5,60	1172299	1239292	+5,71	300
Красноярская агломерация	973826	1066934	+9,56	150223	150385	+0,11	1124049	1217319	+8,30	107
Иркутская агломерация	587891	623479	+6,05	392200	438487	+11,80	980091	1061966	+8,35	126
Камская агломерация	513193	524444	+2,19	573513	523263	-8,76	1086706	1047707	-3,59	598
Тюменская агломерация	581907	744554	+27,95	142582	157454	+10,43	724489	902008	+24,50	76
Владивостокская агломерация	592034	633102	+6,94	160047	145247	-9,25	752081	778349	+3,49	67
Махачкалинская агломерация	572076	597316	+4,41	612250	679127	+10,92	1184326	1276443	+7,78	101
Саратовская агломерация	837900	840785	+0,34	369660	401047	+8,49	1207560	1241832	+2,84	197
Тульская агломерация	501169	546953	+9,14	659463	667919	+1,28	1160632	1214872	+4,67	1423
Новокузнецкая агломерация	547904	551919	+0,73	521769	482277	-7,57	1069673	1034196	-3,32	239
Ижевская агломерация	627734	648944	+3,38	344804	349768	+1,44	972538	998712	+2,69	357

Окончание таблицы 1

Наименование агломерации	Численность населения									Число населенных пунктов, ед.
	Ядро			Периферия			Всего			
	2010 г., чел.	2021 г., чел.	Прирост, %	2010 г., чел.	2021 г., чел.	Прирост, %	2010 г., чел.	2021 г., чел.	Прирост, %	
Кавказские Минеральные Воды	142511	145971	+2,43	802989	808301	+0,66	945500	954272	+0,93	202
Барнаульская агломерация	612401	633432	+3,43	285218	294957	+3,41	897619	928389	+3,43	149
Ярославская агломерация	591486	603961	+2,11	254351	263777	+3,71	845837	867738	+2,59	2589
Ставропольская агломерация	398539	425853	+6,85	414394	424185	+2,36	812933	850038	+4,56	191
Астраханская агломерация	520339	532699	+2,38	264512	277725	+5,00	784851	810424	+3,26	294
Чебоксарская агломерация	453721	492331	+8,51	326063	317855	-2,52	779784	810186	+3,90	774
Ульяновская агломерация	614786	627870	+2,13	170862	165582	-3,09	785648	793452	+0,99	245
Томская агломерация	524669	575352	+9,66	205026	211279	+3,05	729695	786631	+7,80	142
Оренбургская агломерация	548331	561686	+2,44	145464	175032	+20,33	693795	736718	+6,19	175
Кировская агломерация	473695	501247	+5,82	254485	219752	-13,65	728180	720999	-0,99	1137
Хабаровская агломерация	577441	617473	+6,93	85313	91382	+7,11	662754	708855	+6,96	71
Кемеровская агломерация	532981	558973	+4,88	139799	142659	+2,05	672780	701632	+4,29	133
Пензенская агломерация	517311	522317	+0,97	160353	174914	+9,08	677664	697231	+2,89	152
Липецкая агломерация	508887	509420	+0,10	148645	154871	+4,19	657532	664291	+1,03	193
Рязанская агломерация	524927	537622	+2,42	91430	93124	+1,85	616357	630746	+2,33	294
Итого	44725971	47659066	+6,56	24594277	25625635	+4,19	69320248	73284701	+5,72	24697
Составлено по: данные о численности населения во всех населенных пунктах агломераций по итогам Всероссийских переписей населения за 2010 и за 2021 гг.										

Для каждого населенного пункта рассчитаны показатели динамики населения за десятилетие 2010–2021 гг. При этом несколько появившихся новых поселков исключены из анализа относительных изменений. Используются четыре взаимодополняющие метрики:

- *абсолютный прирост* ΔP : разность численности населения 2021 и 2010 гг.;
- *относительный прирост* R : отношение абсолютного прироста ΔP к численности населения за 2010 год;
- *логарифмический прирост* L : натуральный логарифм отношения численности населения в 2021 году к 2010 году;

– *среднегодовой темп роста CAGR*: вычисляется как среднегодовая геометрическая скорость изменения численности населения исходя из исследуемого периода в 11 лет.

$$CAGR = \left(\frac{P_{2021}}{P_{2010}} \right)^{1/11} - 1, \quad (2)$$

где P_{2021} – численность населения в 2021 году, P_{2010} – численность населения в 2010 году.

Каждый из перечисленных показателей имеет свои преимущества. Абсолютный прирост более информативен для крупных городов (где даже небольшой относительный рост дает большой приток людей), тогда как относитель-

ные и среднегодовые темпы позволяют сравнивать динамику поселений разных размеров. В дальнейшем анализе мы рассматриваем все четыре метрики, однако особое внимание уделим относительному приросту и *CAGR* как наиболее наглядным характеристикам.

Для оценки связи между расстоянием *D* от центра и показателями динамики населения (*Y*) использованы парные коэффициенты корреляции Пирсона (*r*) и Спирмена (*ρ*). Коэффициент Пирсона характеризует степень линейной зависимости между значениями двух переменных и принимает значения от -1 до $+1$. Отрицатель-

ное значение *r* указывало бы, что при увеличении расстояния *D* наблюдается систематическое снижение *Y* (что соответствует гипотезе о деградации дальней периферии). Коэффициент Спирмена оценивает монотонную связь и вычисляется как коэффициент Пирсона, только с использованием ранговых переменных. Он менее чувствителен к выбросам и нелинейностям, показывая, сохраняется ли вообще тенденция к убыванию (или росту) *Y* при увеличении *D*. С полными результатами расчетов коэффициентов корреляции можно ознакомиться в *таблице 2*.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции Пирсона (*r*) и Спирмена (*ρ*) между расстоянием от ядра до периферии (*D*) и показателями динамики численности населения городских агломераций России за 2010–2021 гг.

Название агломерации	Коэффициент корреляции							
	Пирсона (<i>r</i>)				Спирмена (<i>ρ</i>)			
	ΔP	<i>R</i>	<i>L</i>	<i>CAGR</i>	ΔP	<i>R</i>	<i>L</i>	<i>CAGR</i>
<i>Группа I. Сильный отрицательный градиент</i>								
Астраханская агломерация	-0,32	-0,45	-0,52	-0,52	-0,52	-0,56	-0,56	-0,56
Барнаульская агломерация	-0,28	-0,15	-0,32	-0,31	-0,54	-0,52	-0,53	-0,53
Волгоградская агломерация	-0,14	0,02	-0,13	-0,12	-0,29	-0,33	-0,32	-0,32
Ижевская агломерация	-0,22	-0,31	-0,32	-0,32	-0,4	-0,39	-0,39	-0,39
Иркутская агломерация	-0,26	-0,45	-0,52	-0,52	-0,68	-0,64	-0,64	-0,64
Кировская агломерация	0,02	-0,26	-0,32	-0,32	-0,26	-0,45	-0,38	-0,38
Краснодарская агломерация	-0,34	-0,17	-0,16	-0,18	-0,44	-0,35	-0,35	-0,35
Липецкая агломерация	-0,37	-0,16	-0,25	-0,24	-0,42	-0,36	-0,37	-0,37
Новокузнецкая агломерация	0,01	-0,3	-0,37	-0,37	-0,3	-0,42	-0,44	-0,44
Новосибирская агломерация	-0,25	-0,36	-0,38	-0,39	-0,52	-0,54	-0,54	-0,54
Оренбургская агломерация	-0,38	-0,44	-0,43	-0,44	-0,48	-0,48	-0,48	-0,48
Пензенская агломерация	-0,15	-0,31	-0,3	-0,3	-0,4	-0,47	-0,46	-0,46
Пермская агломерация	-0,14	-0,42	-0,43	-0,43	-0,46	-0,54	-0,54	-0,54
Томская агломерация	-0,16	-0,27	-0,37	-0,36	-0,51	-0,52	-0,51	-0,51
Тюменская агломерация	0,16	-0,47	-0,46	-0,47	-0,51	-0,61	-0,6	-0,6
Ульяновская агломерация	-0,15	-0,22	-0,26	-0,26	-0,39	-0,45	-0,46	-0,46
Хабаровская агломерация	-0,24	-0,45	-0,35	-0,36	-0,54	-0,57	-0,56	-0,56
Челябинская агломерация	-0,12	-0,03	-0,21	-0,2	-0,26	-0,38	-0,38	-0,38
<i>Группа II. Умеренный отрицательный градиент</i>								
Владивостокская агломерация	-0,03	-0,36	-0,25	-0,26	-0,33	-0,2	-0,2	-0,2
Воронежская агломерация	-0,25	-0,21	-0,21	-0,21	-0,24	-0,28	-0,27	-0,27
Екатеринбургская агломерация	-0,17	-0,12	-0,08	-0,09	-0,18	-0,19	-0,19	-0,19
Кавказские Минеральные Воды	-0,06	-0,22	-0,22	-0,22	-0,15	-0,26	-0,26	-0,26
Казанская агломерация	-0,06	-0,11	-0,11	-0,12	-0,3	-0,23	-0,24	-0,24
Кемеровская агломерация	-0,22	-0,17	-0,19	-0,2	-0,33	-0,33	-0,35	-0,35
Московская агломерация	-0,02	0,01	-0,07	-0,06	-0,1	-0,13	-0,1	-0,1
Нижегородская агломерация	0	-0,16	-0,22	-0,22	-0,25	-0,25	-0,26	-0,26
Омская агломерация	-0,21	-0,26	-0,21	-0,22	-0,2	-0,28	-0,28	-0,28
Самарская агломерация	-0,02	-0,12	-0,13	-0,13	-0,21	-0,21	-0,2	-0,2
Санкт-Петербургская агломерация	-0,06	-0,07	-0,24	-0,24	-0,3	-0,33	-0,32	-0,32

Окончание таблицы 2

Название агломерации	Коэффициент корреляции							
	Пирсона (r)				Спирмена (ρ)			
	ΔP	R	L	$CAGR$	ΔP	R	L	$CAGR$
Саратовская агломерация	-0,13	-0,13	-0,06	-0,05	-0,16	-0,14	-0,07	-0,07
Ставропольская агломерация	-0,06	-0,1	-0,04	-0,05	-0,18	-0,24	-0,24	-0,24
Уфимская агломерация	-0,1	-0,06	-0,16	-0,16	-0,14	-0,15	-0,16	-0,16
Челябинская агломерация	-0,18	-0,22	-0,19	-0,19	-0,29	-0,26	-0,26	-0,26
<i>Группа III. Отсутствует значимый градиент</i>								
Камская агломерация	0,02	-0,04	-0,02	-0,02	0,07	0	0,02	0,02
Красноярская агломерация	-0,11	-0,11	-0,1	-0,1	-0,05	-0,03	-0,03	-0,03
Махачкалинская агломерация	-0,09	0,1	0,19	0,19	-0,05	0,12	0,14	0,14
Ростовская агломерация	-0,14	0,08	0,07	0,07	-0,04	0,05	0,05	0,05
Рязанская агломерация	-0,02	0,05	0,05	0,05	0	0,03	0,03	0,03
Тульская агломерация	0,05	-0,02	-0,02	-0,02	0,02	0,01	0,01	0,02
Ярославская агломерация	-0,04	-0,05	-0,09	-0,1	-0,13	-0,1	-0,1	-0,1
Примечание: ΔP – абсолютный прирост численности населения, R – относительный прирост численности населения, L – логарифмический прирост численности населения, $CAGR$ – среднегодовой темп роста численности населения.								
Источник: составлено авторами.								

Корреляции вычислялись сначала для всей совокупности периферийных населенных пунктов по России, а затем отдельно для каждой агломерации (т. е. в разрезе групп поселений, принадлежащих одной агломерации). Проверялась статистическая значимость коэффициентов (нулевая гипотеза $\rho = 0$) на уровне $p < 0,05$. Для этого учитывались объемы выборки: так, во всей выборке (около 25 тыс. наблюдений) даже очень слабые корреляции могут оказаться значимыми, тогда как в разрезе отдельной агломерации (сотни наблюдений) порог чувствительности ниже. В связи с негауссовским характером распределений (особенно относительных темпов роста) основное внимание уделяется интерпретации коэффициента Спирмена как более надежного индикатора тенденции.

Результаты

Для совокупности всех периферийных населенных пунктов 40 агломераций выявлена слабая, но статистически значимая отрицательная корреляция между удаленностью от центра и демографической динамикой. Иными словами, в среднем отдаленные поселения демонстрировали чуть худшие показатели роста населения за десятилетие, чем близкие к ядрам. Так, коэффициент Спирмена ρ между расстоянием D и относительным приростом R составил около $-0,12$ (при $p \approx 10^{-72}$, т. е. значим при любом разумном уровне). Для $CAGR$ получено аналогичное значение $\rho \approx -0,129$ (также высоко значимо), а для абсолютного прироста $\rho \approx -0,127$.

Коэффициенты Пирсона оказались по модулю еще меньше (порядка $-0,03 \dots -0,09$), следовательно, линейная зависимость весьма слабая и общий тренд формируется главным образом за счет ранговой (монотонной) составляющей. Иначе говоря, в общероссийском масштабе эффект расстояния проявился незначительно: на фоне множества других факторов, определяющих рост или спад населения конкретных поселений, сама по себе удаленность от города-ядра объясняет лишь малую долю вариации. Тем не менее знак коэффициента отрицательный, что соответствует первоначальной гипотезе «центр развивается быстрее периферии».

Следует подчеркнуть, что отрицательная связь наблюдается при усреднении по всем агломерациям, но отнюдь не в каждой агломерации она выражена одинаково. Некоторые агломерации демонстрируют четкий центр-периферийный демографический градиент, тогда как в других зависимость слабая или вообще статистически неразличимая. Рассмотрим дифференцированные результаты по агломерациям.

На рисунках 1, 2 приведена картограмма, отражающая общую численность населения в 2021 году (относительный размер окружности) и динамику численности населения за 2010–2021 гг. (цвет: красный -10% за 10 лет, желтый 0% , зеленый $+10\%$) во всех населенных пунктах, входящих в 40 городских агломераций России.

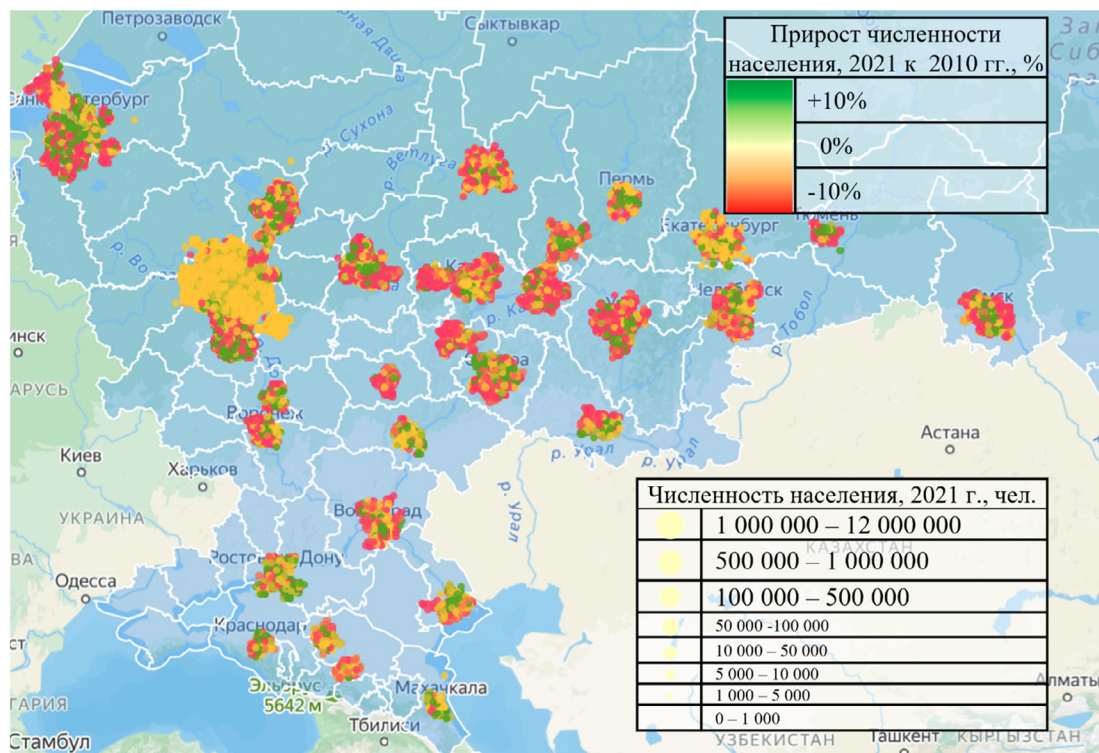

Рис. 1. Численность населения и ее динамика в населенных пунктах городских агломераций западной части России за 2010–2021 гг.

Составлено по: Ситковский А.М. (2025). Система расселения России // Геоинформационная платформа EverGis. 2025. URL: <https://clck.ru/32gGeT> (дата обращения 14.09.2025).

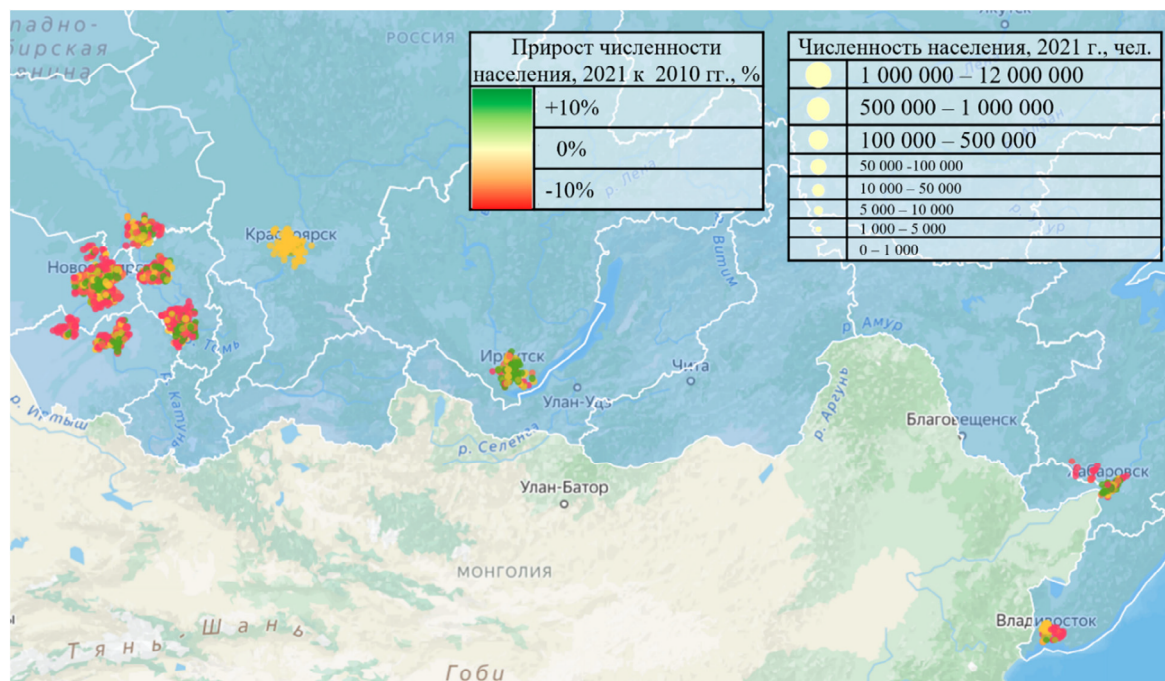

Рис. 2. Численность населения и ее динамика в населенных пунктах городских агломераций восточной части России за 2010–2021 гг.

Составлено по: Ситковский А.М. (2025). Система расселения России // Геоинформационная платформа EverGis. 2025. URL: <https://clck.ru/32gGeT> (дата обращения 14.09.2025).

Из картограммы на рисунках 1, 2 и статистических данных видно, что наибольший по величине отрицательный эффект расстояния присущ ряду агломераций в разных регионах. Так, Новосибирская агломерация демонстрирует одну из самых сильных зависимостей: коэффициент Спирмена $\rho \approx -0,543$ (для относительного прироста, $p \approx 5,9 \times 10^{-24}$). Это означает, что более отдаленные сельские районы и малые города вокруг Новосибирска значительно быстрее теряли население, тогда как численность населения ближайших пригородов ядра росла или сокращалась слабее. Схожие коэффициенты получены для логарифмического прироста и *CAGR* (около $-0,54$), а также для абсолютного прироста ($\rho \approx -0,52$). Последний факт вызывает интерес в связи с тем, что абсолютные изменения обычно сглажены в сельской местности, но даже они ранжируются по расстоянию довольно строго. Аналогично сильный градиент наблюдается в Иркутской агломерации ($\rho \approx -0,64$) по относительному приросту) и в Барнаульской агломерации ($\rho \approx -0,52$), а также в ряде средних агломераций Европейской части, например в Кировской ($\rho \approx -0,45$), Ульяновской ($\rho \approx -0,45$), Пензенской ($\rho \approx -0,47$). Во всех этих случаях коэффициенты статистически значимы на уровне $p < 0,001$, что свидетельствует о ярко выраженном демографическом централизме: периферия фактически стягивается к ядру, удаленные поселки обезлюдывают гораздо быстрее пригородных зон.

Наряду с вышеупомянутыми умеренно сильные отрицательные корреляции (ρ порядка $-0,3 \dots -0,4$) выявлены примерно для половины агломераций. В их число входят, например, Пермская ($\rho \approx -0,54$), Оренбургская ($\rho \approx -0,48$), Челябинская ($\rho \approx -0,259$), Омская ($\rho \approx -0,277$), Новокузнецкая ($\rho \approx -0,417$), Липецкая ($\rho \approx -0,357$), Краснодарская ($\rho \approx -0,350$), Камская ($\rho \approx -0,327$, хотя $p > 0,1$) и другие агломерации. Московская агломерация — крупнейшая в стране — показала сравнительно слабую отрицательную связь: ($\rho \approx -0,128$) (но при огромном $n > 6000$, так что $p \approx 10^{-24}$). Иными словами, влияние расстояния в Подмоскovie статистически значимо, но невелико: заметно, что дальние части Московской области в среднем чуть сильнее теряли население, чем ближние пригороды, однако разброс случаев весьма велик. Скорее это объ-

ясняется тем, что реальное влияние Московской агломерации, выраженное в положительной динамике населения, распространяется далеко за пределы формальных границ агломерации. Санкт-Петербургская агломерация продемонстрировала более явный градиент: $\rho \approx -0,327$ ($p \approx 10^{-36}$) для относительного прироста, что указывает на выраженную концентрацию роста вокруг Санкт-Петербурга (фактически, рост ядра и ближайших пригородов при депопуляции многих удаленных территорий Ленинградской области). В то же время коэффициент Пирсона для Санкт-Петербурга был близок к нулю (около $-0,07$), что говорит о некоторой нелинейности: вероятно, основная убыль населения сконцентрировалась в самых дальних частях (> 100 км от города), тогда как средняя зона ($50-100$ км) не сильно отличалась от пригородов, образуя двуступенчатую структуру «пригородная зона» и «дальняя периферия».

Важно отметить, что ни в одной из рассмотренных агломераций не выявлено значимой положительной корреляции показателей расстояния и прироста населения. Иными словами, нет примеров, где более отдаленные поселения росли бы систематически быстрее ближних. Максимально близкой к нулю (и единственной положительной по знаку) оказалась связь в Махачкалинской агломерации ($\rho \approx +0,14$, $p = 0,21$ незначимо) — по сути, отсутствие эффекта. В Ростовской агломерации корреляция оказалась близкой к нулю ($\rho \approx +0,054$, $p = 0,28$), т. е. прирост/убыль численности жителей населенных пунктов слабо зависит от расстояния до Ростова-на-Дону. Похожая картина наблюдается в Тульской агломерации ($\rho \approx +0,014$, $p = 0,64$) и ряде других: отсутствие значимого градиента (при ρ от $-0,1$ до $+0,1$) зафиксировано в 8 агломерациях. Помимо вышеупомянутых, сюда также относятся Саратовская ($\rho \approx -0,14$, $p \approx 0,07$ — на грани значимости), Красноярская ($\rho \approx +0,032$, $p = 0,76$), Владивостокская (небольшой $\rho \approx +0,20$, но выборка мала, $p > 0,3$), Камская (полицентрическая агломерация Татарстана с центрами в Набережных Челнах и Нижнекамске, $\rho \approx +0,003$, $p \approx 0,95$) агломерации и Кавказские Минеральные Воды ($\rho \approx -0,257$, $p < 0,01$) — значима, но относительно небольшая по модулю). Отсутствие выраженного расстоянием градиента в

этих системах может быть обусловлено разными причинами — от полицентричности или линейности планировки (как, например, города-курорты Кавказских Минеральных Вод, где несколько сопоставимых центров и поселения привязаны к ним, а не к единому ядру) до общемаловариативной динамики (в ряде агломераций во всех поселениях, и ближних, и дальних, население уменьшается под воздействием общего регионального тренда).

Для иллюстрации сказанного рассмотрим несколько показательных случаев.

Новосибирская агломерация. В ядре — г. Новосибирске — за 2010-е гг. численность населения увеличилась с 1,47 до 1,62 млн человек (+10,2%). Численность населения ближней периферии (пригороды в радиусе ≈ 30 км, в том числе города-спутники Бердск, Обь и ряд поселков) также в целом выросла или сохранилась. Однако отдаленные районы Новосибирской области (в 70–100 км и более от города) сильно потеряли население — во многих селах оно сократилось на 20–30% и более. В результате на расстоянии ≈ 10 –20 км от Новосибирска большинство поселений имели R , близкий к нулю или положительный, на ≈ 50 км — вокруг нуля или слегка отрицательный, а далее 70+ км — почти сплошь существенно отрицательный прирост. Статистически это отразилось в $\rho \approx -0,54$. Таким образом, Новосибирская агломерация представляет классический пример, когда крупный город вытягивает население из периферии: ближние населенные пункты выигрывают за счет интеграции в городскую экономику (часть сельских жителей переезжает ближе к городу, в пригороды), тогда как дальние деревни обезлюдывают.

Московская агломерация. Москва как мегаполис уникальна по масштабам (более 12,5 млн жителей в 2021 году). С 2010 года численность ее населения выросла почти на 2 млн человек в основном за счет миграционного притока. Численность населения Московской области (периферия агломерации) тоже увеличилась (+4%, с 7,1 до 7,4 млн), но рост распределен крайне неравномерно: города-спутники и поселки ближнего пояса (особенно на расстояниях 5–30 км от МКАД) пережили строительный бум и приток населения (например, г. Красногорск, г. Домодедово, десятки поселков Новой

Москвы), а удаленные районы области (70–100 км от столицы) стагнировали или сокращались. Поскольку ближняя периферия Москвы очень обширна и включает тысячи населенных пунктов, а дальняя периферия представлена относительно меньшим числом поселений, общий корреляционный эффект сглаживается. Вычисленный $\rho \approx -0,13$ хотя и значим, но гораздо слабее, чем в Новосибирске. Тем не менее качественно тенденция та же: пригородное кольцо Москвы — зона притяжения населения, тогда как окраинные районы Подмосковья и прилегающих областей (частично включенных в агломерацию) испытывают его отток. Для Московской агломерации статистика подтверждает классический центр-периферийный уклон.

Ростовская агломерация. Противоположный пример — практически отсутствие центр-периферийной градиентности. Ростов-на-Дону — крупный город (небольшой рост численности населения, +2,5%, до 1,13 млн человек в 2010–2021 гг.), однако окружающие территории имеют свою специфику. Во-первых, рядом расположены другие города (спутники Таганрог, Батайск, Новочеркасск), которые сами привлекают часть миграции. Во-вторых, численность населения сельской местности в Ростовской области в целом убывает не слишком интенсивно благодаря сравнительно развитому сельскому хозяйству юга России. В результате разброс темпов на периферии велик и не упорядочен по расстоянию: есть и удаленные станицы с приростом населения (например, районы с притоком трудящихся мигрантов), и близкие села с убылью, и наоборот. Спирменовская корреляция статистически нулевая, т. е. агломерационный эффект не прослеживается. Схожая ситуация отмечена для ряда других агломераций юга и центра России, где демографические различия больше определяются историко-экономическими факторами, чем географией.

Кавказские Минеральные Воды. Это агломерация полицентрического типа: ряд городов-курортов (Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, Минеральные Воды, Георгиевск, Железноводск) сравнительно равны по размеру и роли. В периферию включаются поселки вокруг них. Здесь не один столичный центр, а несколько, и расстояние до одного условного ядра (в рас-

четах мы брали Пятигорск) лишь частично отражает реальную связанность поселения с центрами. В итоге коэффициент ρ равен $-0,257$: слабая отрицательная зависимость, но значительно менее выраженная, чем в моноцентричных агломерациях. Фактически, данная агломерация структурирована по иной логике: каждое периферийное село привязано не столько к Пятигорску, сколько к ближайшему городу, поэтому суммарный градиент размыт.

В 18 агломерациях из 40 наблюдается заметный отрицательный градиент ($\rho < -0,3$) между расстоянием и приростом населения периферии. В их числе большинство агломераций Сибири и Урала (Новосибирская, Омская, Кемеровская, Красноярская и др.), ряд агломераций Поволжья (Пермская, Казанская, Ульяновская) и Центра (Кировская, Липецкая и др.). Почти во всех этих случаях $p < 0,001$, т. е. эффект статистически высокозначим.

15 агломераций имеют умеренно отрицательную связь ($-0,3 < \rho < -0,1$). Сюда относятся, например, Московская, Петербургская, Екатеринбургская, Самарская, Волгоградская, Воронежская, Нижегородская и др. агломерации. Значимость эффекта различна: в мегаполисах за счет огромного n даже $\rho \sim -0,1$ достоверен, а в некоторых средних городах $\rho \sim -0,2$ уже на грани значимости.

Оставшиеся 7 агломераций не проявили существенного тренда ($|\rho| < 0,1$, $p > 0,05$): Ростовская, Тульская, Красноярская, Махачкалинская, Камская и некоторые другие агломерации. Здесь либо демографическая динамика повсеместно однородно отрицательная (все периферийные поселения теряют население примерно одинаково, как в Тульской агломерации), либо присутствуют различные локальные факторы, нивелирующие расстояние (как в Ростовской агломерации или Кавказских Минеральных Водах).

Таким образом, знак корреляции «расстояние — прирост населения» повсеместно отрицательный или нулевой, нигде не обнаружено противоположной тенденции. Отсюда следует важный вывод: ни в одном крупном городском регионе периферия в целом не растет быстрее, чем ближние окрестности города. Агломерационный эффект в том или ином виде проявляется везде, хотя его масштаб существенно варьируется.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают наличие агломерационного (центр-периферийного) эффекта в демографической динамике российских городских агломераций, однако степень его выраженности зависит от множества обстоятельств. В большинстве агломераций четко прослеживается принцип пространственной поляризации: крупнейшие города выступают центрами притяжения населения, тогда как удаленная периферия стагнирует или деградирует. Этот вывод соответствует ранее отмеченным общим тенденциям урбанизации постсоветского пространства, когда рост городов сопровождается оттоком населения из сельских периферийных территорий. Количественный анализ показал, что данная тенденция статистически значима на агрегированном уровне и особенно сильно проявляется в ряде региональных агломераций (Сибири, Урала и Поволжья).

В то же время неоднородность влияния расстояния между агломерациями указывает на наличие иных важных факторов. Например, слабо выраженный градиент в некоторых агломерациях означает, что пространственное распределение растущих и сокращающихся поселений может определяться специфическими локальными условиями, а не просто удаленностью от центра.

Полицентричность и субцентры. В агломерациях, где имеется несколько крупных городов (пример — Кавказские Минеральные Воды, а также Казанско-Набережночелнинская связка в Татарстане — две агломерации в регионе), жители периферийных территорий могут мигрировать в ближайший субцентр, не обязательно самый крупный. Это сглаживает единый радиальный градиент. Вероятно, более точные результаты для таких агломераций дал бы расчет расстояний до ближайшего города-ядра, а не до одного фиксированного центра.

Особенности экономики и расселения. В агломерациях с развитой сельскохозяйственной или дачной периферией (например, Ростовская, Краснодарская) отток населения может быть менее выраженным на больших расстояниях, так как сельское население там более устойчиво. Наоборот, в сырьевых регионах (Кемерово, Пермский край) малые монопоселки в периферии могут стремительно обезлюдеть неза-

висимо от расстояния (влияет закрытие предприятий). Такие процессы накладываются на географический фактор.

Транспортная планировка. Наличие скоростных транспортных артерий и пригородного железнодорожного сообщения может расширять зону притяжения города. Для Москвы и Санкт-Петербурга, к примеру, дальняя периферия, но хорошо связанная (электрички, автобаны), может оставаться более жилой, чем предполагается фактическим расстоянием. Это усложняет зависимость: ключевым параметром может быть не геодезическое расстояние, а время транспортной доступности. В нашем исследовании не использовался граф дорог, поэтому для агломераций с неоднородной транспортной доступностью (скажем, речные преграды, горы, отсутствие дорог в некоторых направлениях) результаты могут быть искажены.

Общие региональные тенденции. Если регион в целом депопулирует (например, некоторые области Центральной России), то все поселения вокруг города могут терять людей — и ближние, и дальние. В таких условиях корреляция будет низкой, хотя город все равно может несколько выигрывать (население в нем сокращается медленнее). Результаты для Тульской, Саратовской агломераций, полученные нами, близки к этой картине: небольшая убыль населения, различия невелики и случайны.

Интересно практически полное отсутствие случаев положительной корреляции. Это означает, что не обнаружено агломераций с обратным эффектом, где удаленная периферия росла бы быстрее ближней. Теоретически такое могло бы иметь место, если бы ядро агломерации стагнировало или теряло население, а периферийные поселения по каким-то причинам росли (например, из-за переселения жителей на окраины или развития внешнего пояса). Однако даже в устойчиво депопулирующих городских агломерациях (Кировской, Омской) мы видим обратную картину: численность населения ядра сокращается, однако на периферии она уменьшается еще быстрее. Это указывает на радиальное распространение депопуляции — когда экономические проблемы центра мультиплицируются на периферию. В успешных же агломерациях рост ядра дополняется

ростом ближней периферии, но не доходит до дальних рубежей. В целом градиент «лучше в центре, хуже на периферии» прослеживается повсеместно, что согласуется с изначальной гипотезой исследования. Наши выводы о демографическом градиенте хорошо согласуются с закономерностями миграционной привлекательности, выявленными для пригородов России (Мкртчян, Гильманов, 2023b).

Стоит также отметить различия между коэффициентами Пирсона и Спирмена, наблюдавшиеся в ряде случаев. Коэффициент Спирмена показал монотонные тенденции, тогда как коэффициент Пирсона иногда был ближе к нулю (или даже отличался по знаку для отдельных метрик). Это говорит о нелинейности зависимости. Чаще всего подобная ситуация возникала, когда ближняя периферия агломерации росла почти так же активно, как ядро, а дальняя периферия сокращалась. В этом случае линейная регрессия может давать малый наклон (или двоякий наклон в зависимости от веса групп), тогда как ранговая корреляция фиксирует общее убывание тренда. Пример — Краснодарская агломерация: численность населения в Краснодаре бурно росла ($\approx +32\%$ за десятилетие), пригороды также показывали высокий рост, но районы за 60–80 км стагнировали или численность населения в них снижалась. В итоге коэффициент Пирсона для относительного прироста вышел незначимым ($r \approx +0,17$, $p = 0,04$), а коэффициент Спирмена значимо отрицательным ($\rho \approx -0,35$, $p = 1,9 \times 10^{-5}$). Следовательно, зависимость была явно немонотонной: сначала приросты увеличиваются с расстоянием (от центра к пригородам), а затем, после ≈ 20 – 30 км, начинают падать с увеличением расстояния (переход к отдаленной периферии). Подобные двухзонные модели требуют более сложного анализа (например, сегментации по дистанции или полиномиальной регрессии), что выходит за рамки настоящей работы. Однако важно подчеркнуть, что даже в таких случаях периферия в целом не обгоняла ядро: просто ближняя периферия разделяет успех ядра, тогда как дальняя — нет. Такой двухступенчатый профиль характерен для крупнейших агломераций, где образуется широкий «пояс прироста» вокруг города.

Следует упомянуть несколько ограничений исследования. Во-первых, использование геодезического расстояния как единственной пространственной метрики упрощает реальность. Будущие исследования могли бы задействовать расстояние по транспортной сети или время доезда, что, вероятно, улучшит объясняющую способность модели (особенно для агломераций со сложной географией). Однако подобные вычисления весьма трудоемки и требуют не только специального программного обеспечения, но и собственно графа дорог для всей России. Во-вторых, корреляционный анализ выявляет связь, но не доказывает прямой причинно-следственной зависимости. Отрицательная корреляция показателей расстояния и прироста населения согласуется с гипотезой о том, что близость к городу способствует росту (благодаря наличию рабочих мест, инфраструктуры и т. д.). Однако возможны и обратные влияния: например, быстрорастущие пригородные поселки могут приближаться к городу административно (включаться в его черту), т. е. сама агломерация может расширяться, поглощая развивающиеся населенные пункты. В наших данных подобные случаи учтены (статус «периферия» сохранялся, даже если поселок формально стал городской чертой). Тем не менее в исследовании мы не отождествляем корреляцию с каузацией. В-третьих, не учитывались факторы размера поселения и исходной численности населения. Возможно, крупные подцентры (райцентры) на периферии имеют собственные драйверы роста или сопротивления спаду, не зависящие от главного города. Более сложная регрессионная модель могла бы включить переменные начальной численности населения, экономического профиля и пр. Здесь же мы сфокусировали внимание именно на парной зависимости от географии, что, конечно, упрощает многомерную природу социо-эколого-экономического пространства.

Результаты исследования имеют значение для государственной политики и планирования развития территорий. Выявленный агломерационный эффект означает, что при прочих равных условиях наиболее отдаленные населенные пункты агломераций находятся в зоне риска демографического угасания. Это следует учитывать при разработке мер поддержки сельской

периферии — возможно, требуется стимулировать экономическую активность не только в главном городе, но и в узловых точках периферии (субцентрах), чтобы растянуть положительное влияние центра в пространстве. Стратегия пространственного развития РФ декларирует необходимость сбалансированного развития агломераций, однако наши данные показывают, что баланс пока зачастую не достигается: ядра уверенно опережают окраины по демографической динамике. Особенно остро это проявляется в восточных регионах, где расстояния велики, а плотность населения низкая: там без целенаправленных усилий может произойти дальнейшая концентрация населения в нескольких точках с обширными обезлюженными периферийными территориями.

С другой стороны, наличие пригородных зон роста вокруг мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Краснодар и др.) указывает на расползание урбанизации — явление субурбанизации, когда часть населения предпочитает селиться вне города, но вблизи от него. Это положительный момент с точки зрения разгрузки городов, однако он усиливает нагрузку на транспортную систему и требует формирования полицентричных агломерационных каркасов. Планировочные решения, такие как создание новых точек притяжения (технопарков, социальных объектов) на периферии — могли бы сгладить слишком резкий градиент, но, как показывает опыт, полностью устранить его нельзя: крупный город все равно останется более привлекательным. Тем не менее размывание агломерационного эффекта (например, в Ростовской или Краснодарской агломерациях, где периферия относительно растет) можно расценивать как признак более равномерного развития территории агломерации. Госполитика должна стремиться именно к такому выравниванию, поддерживая периферийные поселения, чтобы те не отставали слишком сильно от ядра.

Заключение

В работе проведен всесторонний анализ влияния агломерационного эффекта — фактора расстояния до городского центра — на динамику численности населения периферийных населенных пунктов, находящихся в границах агломераций. Объектом исследования стали 40 городских агломераций России в период

2010–2021 гг., а инструментом — статистическое сопоставление расстояний и демографических показателей по десяткам тысяч населенных пунктов. В ходе исследования получены следующие выводы.

Практически во всех агломерациях наблюдается негативная связь между удаленностью поселения от города-ядра и темпом роста его населения. В среднем по РФ коэффициент Спирмена $\rho \approx -0,12$ для относительного прироста, что, хотя и невысоко по абсолютной величине, статистически значимо и указывает на укорененный центр-периферийный градиент: дальняя периферия вносит меньший вклад в рост населения агломерации, нередко демонстрируя убыль, в то время как города-ядра и их ближайшие окрестности растут.

Сила агломерационного эффекта существенно варьируется. Примерно в половине агломераций градиент выражен сильно ($\rho < -0,3$), достигая рекордных значений в Новосибирской, Иркутской, Барнаульской агломерациях ($\rho \approx -0,5$). В другой трети случаев связь умеренная ($\rho \approx -0,2$), и лишь $\approx 20\%$ агломераций не показывают значимого влияния расстояния (в пределах статистической погрешности). Положительных корреляций не выявлено ни в одном случае, т. е. нигде периферия не обгоняет ядро по демографическим темпам.

В ряде агломераций обнаружен нелинейный характер зависимости: близкие пригороды могут расти почти так же быстро или быстрее самого города (эффект субурбанизации), что на малых расстояниях дает локально положительную зависимость, однако после определенного радиуса тенденция меняется на отрицательную (дальние села резко отстают). В целом можно говорить о наличии двух зон: внутренняя периферия (условно 0–30 км), тяготеющая к ядру и

часто выигрывающая от его роста, и внешняя периферия (50 км и далее), постепенно теряющая население. Граница между ними размыта и зависит от конкретного города (для мегаполисов радиус больше). Подобная двухзонность приводит к тому, что коэффициент Пирсона может быть близок к нулю, тогда как коэффициент Спирмена фиксирует общий спад показателей с ростом D . В работе использованы оба коэффициента, что позволило раскрыть эти нюансы.

Результаты свидетельствуют о необходимости уделять повышенное внимание развитию удаленных периферий агломераций. Без поддержки эти территории рискуют продолжить демографическое угасание, усиливая дисбаланс между центром и периферией. Одновременно рост пригородных зон требует интеграционного планирования — создания инфраструктуры, транспортных связей, рабочих мест в зонах новой застройки, чтобы агломерация развивалась гармонично. Методология, примененная в исследовании (пространственный анализ слияния статистических и географических данных), может быть использована для оценки последующих периодов или проверки влияния иных факторов (доступности дорог, промышленного развития, миграционных потоков).

В заключение подчеркнем, что агломерационный (центр-периферийный) эффект четко присутствует в демографии российских городских агломераций, хотя его масштаб разнится. Работа дополняет качественные представления количественными измерениями. Полученные данные могут послужить основой для дальнейших исследований урбанизации и для принятия обоснованных решений в рамках реализации стратегии сбалансированного пространственного развития страны и регионов России.

Литература

- Карачурина Л.Б. (2022). Урбанизация или субурбанизация: определяет миграцию населения Московской области? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. № 67(2). С. 360–381. DOI: 10.21638/spbu07.2022.208
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Петросян А.Н. (2021). Пространственные особенности миграционного прироста пригородов региональных столиц России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 6. С. 123–134. URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/942/669> (дата обращения 14.09.2025).
- Махрова А.Г., Бабкин Р.А. (2019). Методические подходы к делимитации границ Московской агломерации на основе данных сотовых операторов // Региональные исследования. № 2(64). С. 48–57. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-5

- Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. (2023а). Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. Т. 87. № 1. С. 29–41. DOI: 10.31857/S2587556623010132
- Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. (2023б). Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. Т. 68. Вып. 1. С. 44–63. DOI: 10.21638/spbu07.2023.103
- Райсих А.Э. (2020а). Определение границ городских агломераций России: создание модели и результаты // *Демографическое обозрение*. № 7(2). С. 54–96. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11139
- Райсих А.Э. (2020б). К вопросу об определении границ городских агломераций: мировой опыт и формулировка проблемы // *Демографическое обозрение*. № 7 (1). С. 27–53. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10819
- Ситковский А.М. (2022). Система расселения Чувашской Республики: Чебоксарская агломерация // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки*. Т. 15. № 6. С. 189–203. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-6-189-203
- Aguilera A., Mignot D. (2004). Urban sprawl, polycentrism and commuting. A comparison of seven French urban areas. *Cybergeo: European Journal of Geography*. Available at: <https://www.redalyc.org/pdf/504/50400104.pdf> (accessed: 14.09.2025).
- Angel S. (2023). Urban expansion: theory, evidence and practice. *Buildings and Cities*, 4(1), 124–138. DOI: 10.5334/bc.348
- Clark C. (1951). Urban population densities. *Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General)*, 114(4), 490–496. DOI: 10.2307/2981088
- Haase A., Bernt M., Großmann K., Mykhnenko V., Rink D. (2013). Varieties of shrinkage in European cities. *European Urban and Regional Studies*, 20(2), 137–152. DOI: 10.1177/0969776413481985
- Halfacree K. (2012). Heterolocal identities? Counter – urbanisation, second homes, and rural consumption in the era of mobilities. *Population, Space and Place*, 18(2), 209–224. DOI: 10.1002/psp.665
- Jiang L., Jones B., Balk D., O'Neill B.C. (2022). The importance of reclassification to understanding urban growth: A demographic decomposition of the United States, 1990–2010. *Population, Space and Place*, 28(2), 1–16. DOI: 10.1002/psp.2529
- Johnson K.M., Lichter D.T. (2020). Rural Depopulation: Growth and Decline Processes over the Past Century. *Demography*, 57, 725–748. Available at: https://www.researchgate.net/publication/330519740_Rural_Depopulation_Growth_and_Decline_Processes_over_the_Past_Century (accessed: 14.09.2025).
- Kabisch N., Haase D. (2011). Diversifying European agglomerations: Evidence of urban–rural migration. *Population, Space and Place*, 17(3), 236–253. DOI: 10.1002/psp.606
- Karachurina L.B., Mkrтчян N.V. (2016). The role of migration in enhancing settlement pattern contrasts at the municipal level in Russia. *Regional Research of Russia*, 6, 55–67. DOI: 10.1134/S2079970516010072
- Kroll F., Kabisch N. (2012). The relation of diverging urban growth processes and demographic change along an urban – rural gradient. *Population, Space and Place*, 18(3), 260–276. Available at: <https://pismn.com/10.1002/psp.653> (accessed: 14.09.2025).
- Lambert T.E. (2016). The impact of urban sprawl on journey-to-work times for mass transit riders and other commuters. *Journal of Transport and Land Use*, 9(2), 113–125. Available at: <https://digitalcommons.wayne.edu/jotm/vol26/iss2/6/> (accessed: 14.09.2025).
- Mkrтчян N.V. (2019). Migration and suburbanization in the Russian regional capitals and their suburb. “*Suburban revolution*” and peripheral urban territories in the post-soviet space, 14–21. DOI: 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-14-21
- Rubiera-Morollón F., Garrido-Yserte R. (2020). Recent literature about urban sprawl: A renewed interest. *Sustainability*, 12(16), 6551. DOI: 10.3390/su12166551
- Stockdale A. (2016). Contemporary and ‘messy’ rural in-migration processes: Comparing counterurban and lateral rural migration. *Population, Space and Place*, 22(6), 599–616. DOI: 10.1002/psp.1947
- Sultana S., Weber J. (2013). The Nature of Urban Growth and the Commuting Transition: Endless Sprawl or a Growth Wave? *Environment and Planning A*, 45(4), 904–918. DOI: 10.1177/0042098013498284
- Vobecká J., Piguet V. (2012). Fertility, natural growth and migration in the Czech Republic: An urban – suburban – rural gradient analysis of long-term trends and recent reversals. *Population, Space and Place*, 18(3), 225–240. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1664669 (accessed: 14.09.2025).

Сведения об авторах

Арсений Михайлович Ситковский — научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: omnistat@yandex.ru)

Александр Эдуардович Райсик — младший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6); аспирант, Институт географии РАН (Российская Федерация, 119017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 29; e-mail: reisig@mail.ru)

Антон Сергеевич Гладкий — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: antony.gladky@gmail.com)

Наталья Александровна Безвербная — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: bezvad@mail.ru)

Sitkovskiy A.M., Raisikh A.E., Gladky A.S., Bezverbnaya N.A.

The Influence of the Agglomeration Effect on the Demographic Policy of Territories

Abstract. In the context of increasing spatial polarization and uneven urbanization, the central question becomes the empirical assessment of the agglomeration effect's influence on the demographic dynamics of peripheral settlements. This study is devoted to a quantitative analysis of the relationship between the distance of peripheral settlements from the core of an urban agglomeration and changes in their population during the 2010–2021 intercensal period. The theoretical and methodological basis is formed by the concepts of center-periphery systems and spatial polarization. The research covers 40 urban agglomerations in Russia and is based on studying the demographic dynamics of about 25,000 settlements. The methodology included: determining the geodesic distances from each peripheral settlement to the corresponding core; calculating four metrics of demographic dynamics: absolute, relative, logarithmic growth, and average annual growth rate; estimating paired Pearson and Spearman correlation coefficients between distance and demographic indicators. The empirical data is based on the results of the 2010 and 2020 All-Russian Population Censuses. Overall, for the entire set of peripheral settlements, a weak but stable negative monotonic dependence was recorded. Based on the analysis results, agglomerations were divided into three groups: those with a strong negative gradient (18 agglomerations, predominantly in Siberia and the Urals), a moderate gradient (15 agglomerations, including the largest ones — Moscow and Saint Petersburg), and no significant gradient (7 agglomerations). No positive correlations were found in any case. The practical significance of the results lies in substantiating the priorities of demographic policy: the need for targeted support of remote zones, the development of sub-centers, and the consideration of transport accessibility.

Key words: agglomeration effect, demographic dynamics, spatial polarization, geodesic distance, correlation analysis, center-periphery gradient.

Information about the Authors

Arseniy M. Sitkovskiy – Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: omnistat@yandex.ru)

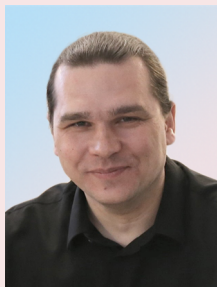
Alexander E. Raisikh – Junior Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: reisig@mail.ru); postgraduate student, Institute of Geography RAS (29, Staromonetny Lane, Moscow, 119017, Russian Federation)

Anton S. Gladky – Candidate of Sciences (Geography), Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: antony.gladky@gmail.com)

Natalya A. Bezverbnaya – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: bezvad@mail.ru)

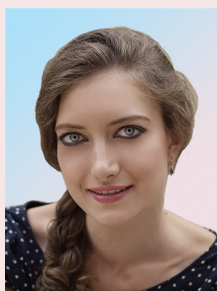
Статья поступила 16.09.2025.

Адаптация цепей поставок черной металлургии России к геополитическим вызовам: от переориентации потоков к изменению финансовых результатов

**Сергей Павлович
ПЕТРОВ**

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: petrov.s.p@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6330-3602; ResearcherID: U-1953-2018

**Мария Александровна
ПЕЧЕНСКАЯ-ПОЛИЩУК**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: 5164088@bk.ru
ORCID: 0000-0002-6067-2103; ResearcherID: I-6618-2016

Аннотация. Для Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук и Вологодского научного центра Российской академии наук изучение отраслевого и корпоративного развития черной металлургии и ее влияния на экономический рост играет особо важную роль ввиду территориального базирования производственных мощностей. Многолетние исследования сформировали серьезную методологическую и практическую базу, позволяющую понять закономерности пространственного распределения потоков внутри цепей поставок черной металлургии России. При этом трансформация внешних и внутренних условий смещает фокус внимания на новые аспекты исследования, расширяя и углубляя его. В рамках данной статьи рассматривается пространственная реконфигурация по-

Для цитирования: Петров С.П., Печенская-Полищук М.А. (2025). Адаптация цепей поставок черной металлургии России к геополитическим вызовам: от переориентации потоков к изменению финансовых результатов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 110–131. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.5

For citation: Petrov S.P., Pechenskaya-Polishchuk M.A. (2025). Adaptation of Russian ferrous metallurgy supply chains to geopolitical challenges: From reorientation of flows to changes in financial results. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 110–131. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.5

токов внутри цепей поставок российской отрасли черной металлургии под воздействием новых геополитических шоков и вызовов. В фокусе анализа — три ключевых региона: Сибирь, Урал и Северо-Запад, представляющие собой важные центры производства и потребления металлургической продукции. На их примере проанализировано изменение логистических связей, направлений поставок сырья и готовой продукции в условиях усиления геополитической нестабильности, а также выявлены факторы, определившие эффективность пространственного перераспределения потоков в цепях поставок в одной из ключевых для страны отраслей. В работе анализируется, каким образом геополитические шоки стимулируют переориентацию потоков. Особое внимание уделено анализу влияния этих изменений на итоговый финансовый результат деятельности промышленных предприятий. Исследование основано на анализе статистики и данных публичной отчетности компаний. Статья представляет интерес для специалистов в области экономики, логистики, регионального развития и для представителей металлургической отрасли.

Ключевые слова: черная металлургия, цепи поставок, материальные потоки, финансовые потоки, пространственное распределение, фокусная фирма, геополитические шоки, внешние шоки, санкции.

Благодарность

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.3.2 (FWZF-2024-0001) «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов» и в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности» (FMGZ-2025-0011).

Введение

В конце XX и начале XXI века в мировой экономике в результате доминирования концепции глобализации была достигнута высокая степень пространственного распределения цепей поставок и их зависимости от мировых рынков. Вместе с тем, при всех преимуществах формирование глобальных цепей стало причиной снижения экономической безопасности отдельных стран, их уязвимости к геополитическим событиям, общемировым трендам и другим вызовам. Для сохранения возможности противостояния им возросла потребность понимания как дестабилизирующих отраслевые рынки факторов и внешних шоков, так и состава цепей поставок, поскольку их участники связаны между собой технологически и экономически, следовательно, распространение эффектов от воздействия шоков в одном из звеньев поставок определяет результативность всей цепи.

Геополитические события 2022 года привели к введению рядом стран санкций против конкретных лиц, предприятий и отраслей России.

В результате сложилась необходимость перестройки некоторых параметров российской экономики, интегрированной в мировые рынки. Серьезным вызовам подвергся целый спектр отраслей, среди которых черная металлургия, машиностроение, энергетика, столкнувшихся с различными ограничениями на мировых рынках еще с 2014 года. Адаптация экономики к новым условиям, в частности, приняла форму перестроения цепей поставок, что в первую очередь выразилось в переформатировании межотраслевых связей, включая изменение состава их участников и пространственной направленности функционирования этих цепей. Особенно ярко проявилась переориентация на новые рынки сбыта, вызванная введенными ограничениями на экспорт в западные страны. Вследствие изменений на различных звеньях цепей произошло перераспределение материальных и финансовых потоков. Кроме того, обострились проблемы, которые ранее решались за счет импортных поставок, и в первую очередь это касалось обо-

рудования, материалов для производственной деятельности и сервисного сопровождения. При этом, несмотря на схожесть эффектов от вводимых санкций, глубина изменений у разных хозяйствующих субъектов и в цепях поставок их участия имела существенные различия.

В описанных выше условиях актуализировался вопрос выявления факторов, определяющих изменения потоков внутри цепей поставок в черной металлургии России под воздействием введенных санкций, послуживших внешними (геополитическими) шоками для отрасли, что и стало целью настоящего исследования.

Теоретические основы и степень изученности темы

Возникающая в отраслевых комплексах цепь поставок представляет собой систему экономических агентов, видов деятельности, информации и ресурсов, задействованных в продвижении продукта или услуги от поставщика к потребителю (Dametew et al., 2016). По своей сути это упорядоченные последовательности поставщиков и потребителей, причем каждый потребитель также является поставщиком, и так до тех пор, пока готовый продукт не поступает к конечному пользователю. Кроме того, современные цепи поставок могут не заканчиваться процессом конечного потребления, а включать в себя послепродажное сопровождение и услуги по утилизации продукта.

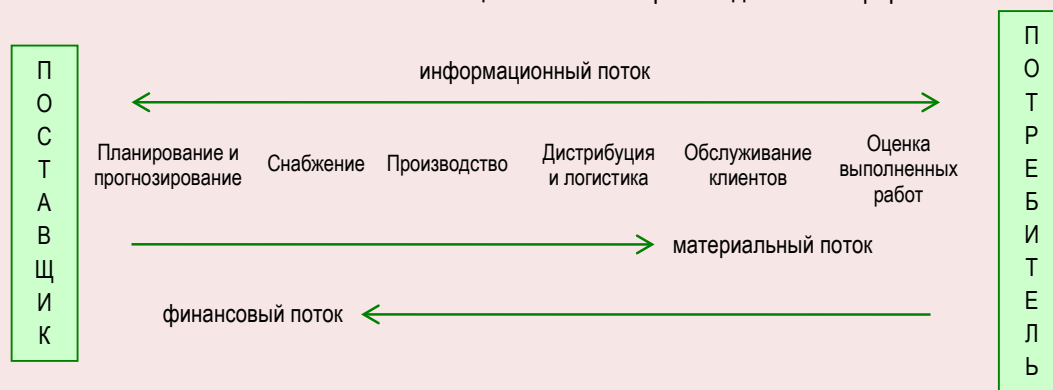
Цепи поставок состоят из субъектов, обеспечивающих движение товаров от поставщиков до конечных потребителей. Среди основных участников цепей можно выделить поставщиков сырья и материалов, поставщиков оборудования, производителей продукта или услуги, сбытовые фирмы, финансовые организации и т. д. При этом потребители также становятся важными участниками выстраиваемых вокруг рассматриваемых предприятий цепей, являясь источником необходимой для повышения конкурентоспособности фирм информации (Prigulniy, 2021), что свидетельствует о сильной связи между организацией цепей поставок и удовлетворенностью конечных потребителей (Abd et al., 2016). Особенное место в цепи поставок занимает такой субъект, как фокусная фирма, вокруг которой и выстраивается вся цепь. По сути, это фирма, которая определяет конфигурацию цепи и от ее целей зависят

структура, форма взаимодействий между субъектами, организация цепи (Любященко, 2023). Как правило, в качестве фокусной фирмы выступает производитель, который концентрирует на себе потоки сырья, материалов, компонентов, оборудования, необходимых услуг и т. д. и является начальным звеном движения продукта, создаваемого в цепи поставок.

В свою очередь взаимосвязи между субъектами цепей поставок выражаются в существующих в них материальных, финансовых и информационных потоках (рис. 1). Исследование потоков лежит в основе понимания того, как формируются цепи поставок, как формы их организации влияют на субъектов цепей и отраслевые рынки их функционирования, а также зависят от них, какие существуют проблемы и провалы функционирования цепей, что определяет их результативность и т. п. При этом учет роли различных субъектов в форме многоуровневой организации цепей поставок определяет в них пространственное распределение потоков (Тяпухин, 2021). Из рисунка 1 видно, что цепи поставок можно описать как поток материалов, информации, платежей и услуг от поставщиков сырья через производителей и дистрибьюторов к конечным потребителям (Dametew et al., 2016). Отметим, что акцентирование внимания на субъектах цепей поставок или потоках между ними приводит к выделению двух подходов к определению, построению и анализу цепей поставок — объектного и процессного (Киреева, 2012).

Основной инструментарий исследования цепей поставок заложен в развиваемой в рамках менеджмента дисциплине «Управление цепями поставок» (Supply chain management). В широком ряде работ по управлению цепями поставок представлены исследования, направленные на формирование концепции управления цепями поставок, объекта и методов исследования, выявление общих направлений развития дисциплины и т. п. При этом, как правило, они носят прикладной характер и связаны с изучением опыта организации и функционирования конкретных цепей, опыта отдельных фирм либо фирм в конкретной отрасли, формирования инструментов для эффективного осуществления транзакций с поставщиками и клиентами (Donohue, Croson, 2002; Cheng, Grimm, 2006; Киреева, 2012; Chopra, Meindl, 2013).

Рис. 1. Компоненты и потоки цепи поставок производственной фирмы

Источник: (Spekman et al., 1998).

Направленность дисциплины управления цепями поставок на исследования и выработку инструментов управления конкретными цепями стало основой ее критики как научной дисциплины со слабо сформированной парадигмой со стороны представителей экономической теории (см., например, Williamson, 2008; Сторчевой, 2014). При этом анализ цепей поставок с применением инструментария экономической теории является менее распространенным. Однако проведены и проводятся как теоретические исследования, так и исследования прикладного характера. В рамках экономических работ можно выделить применение инструментария теории отраслевых рынков (Ralston et al., 2015; Delgado, Mills, 2020), теории игр (Um et al., 2010; Зиновьева, Савин, 2020), модели «затраты — выпуск» (Thekdi, Santos, 2016), сетевого моделирования (Pazoki et al., 2011). Отметим, что в представленных работах рассматривается либо отдельный аспект функционирования цепей поставок и его влияние, например, на прибыльность фирм, либо конкретные отраслевые рынки и фирмы. На наш взгляд, это связано, во-первых, с отсутствием разработанного в рамках экономической теории инструментария, предназначенного для анализа цепей поставок, во-вторых, существенным отличием в прикладных аспектах структуры отраслевых рынков и поведения фирм на них. Поэтому применение концепции цепей поставок пока возможно именно на уровне отдельных отраслевых рынков. Например, можно выделить работы, посвященные исследованию

строительной отрасли с применением инструментария теории отраслевых рынков (London, 2008), нефтяной отрасли (Chima, 2007; Li et al., 2021), автомобилестроения (Ambe, Badenhorst-Weiss, 2011). Среди отечественных трудов имеются исследования, посвященные моделированию функционирования цепей поставок в производстве продовольствия (Фетюхина, 2007), машиностроении (Ковалев, 2014), угольной отрасли (Солодовников, 2018).

Работы, нацеленные на исследование цепей поставок в черной металлургии в основном связаны с управлением цепями поставок. Так, В.В. Солодовниковым представлен обзор развития цепей поставок в черной металлургии, построена обобщенная модель цепи для металлургических предприятий, определены инструменты интегрированного планирования цепей поставок (Солодовников, 2017а; Солодовников 2017б). Ряд работ посвящен вопросу интеграции цепей поставок в сталелитейной отрасли, в том числе на глобальных рынках (Плещенко, 2013; Dametew, Ebinger, 2017; Fregoso, 2019). Однако в них, на наш взгляд, не уделено достаточного внимания пространственным аспектам и влиянию различных факторов, например геополитических событий, на функционирование цепей поставок в черной металлургии.

Методологические аспекты исследования

Данное исследование носит прикладной характер с применением категорий теории отраслевых рынков в рамках процессного подхода анализа цепей поставок. В методологическую основу настоящей работы заложен экспертно-

аналитический подход к оценке изменений потоков и их пространственного распределения в цепях поставок черной металлургии России. Информационной базой выступили публикации отечественных и зарубежных авторов по вопросам развития цепей поставок и черной металлургии России. Кроме того, в работе использовалась годовая, финансовая публичная отчетность металлургических предприятий России, данные Росстата, а также информация и данные сайтов официальных СМИ (Коммерсантъ, Интерфакс, РБК, Ведомости и др.).

Результаты исследования

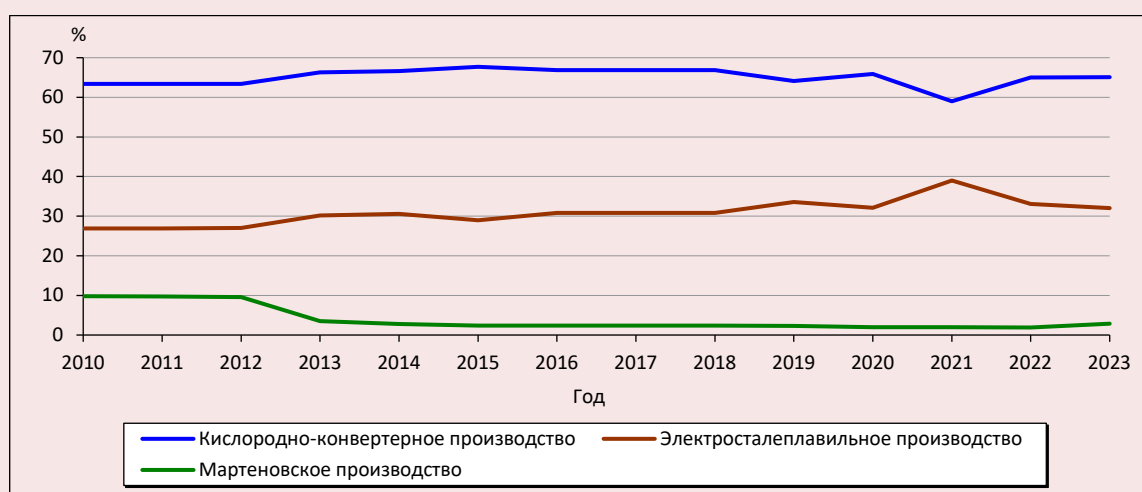
Организация потоков в цепях поставок черной металлургии России

Черная металлургия в свете технологических и экономических факторов стала отраслью с высокой степенью интеграции различных стадий цепей поставок. В связи с этим наибольшее распространение в России получила организационная форма производителей черных металлов на основе крупных комбинатов, с 2000-х гг. объединенных с поставщиками основных типов сырья в форме холдинговых структур. Так, в 2020 году на 8 крупнейших комбинатов страны пришлось 94% выплавки чугуна, 77% стали и 80% проката (Катунин и др., 2021). Однако прослеживается долгосрочная тенденция увеличения доли выплавки стали с применением

электросталеплавильных мощностей (рис. 2), что, в частности, выразилось в увеличении производства стали небольшими неинтегрированными заводами, в том числе за счет запуска новых предприятий (например, «Электросталь Тюмени», Абинский ЭМЗ). В результате в российской черной металлургии выделились две основные схемы организации цепей поставок, имеющие разный уровень пространственного охвата формируемых в цепях потоков.

Основной схемой организации цепей поставок в черной металлургии России выступает цепь поставок интегрированного металлургического предприятия с металлургическим комбинатом в качестве фокусной фирмы (рис. 3). Он, с одной стороны, замыкает на себе потоки от поставщиков сырья, материалов, энергии, услуг и т. п., с другой стороны, формирует потоки в сторону конечных потребителей. При этом важная особенность заключается в том, что продукция металлургического предприятия является промежуточной, и это в направлении потоков к потребителям приводит к преимущественному взаимодействию с производителями продукции более высокого передела. Масштабы деятельности металлургических комбинатов (сортамент продукции, объемы производства) объясняют широкое пространственное распределение выстраиваемых вокруг них цепей поставок.

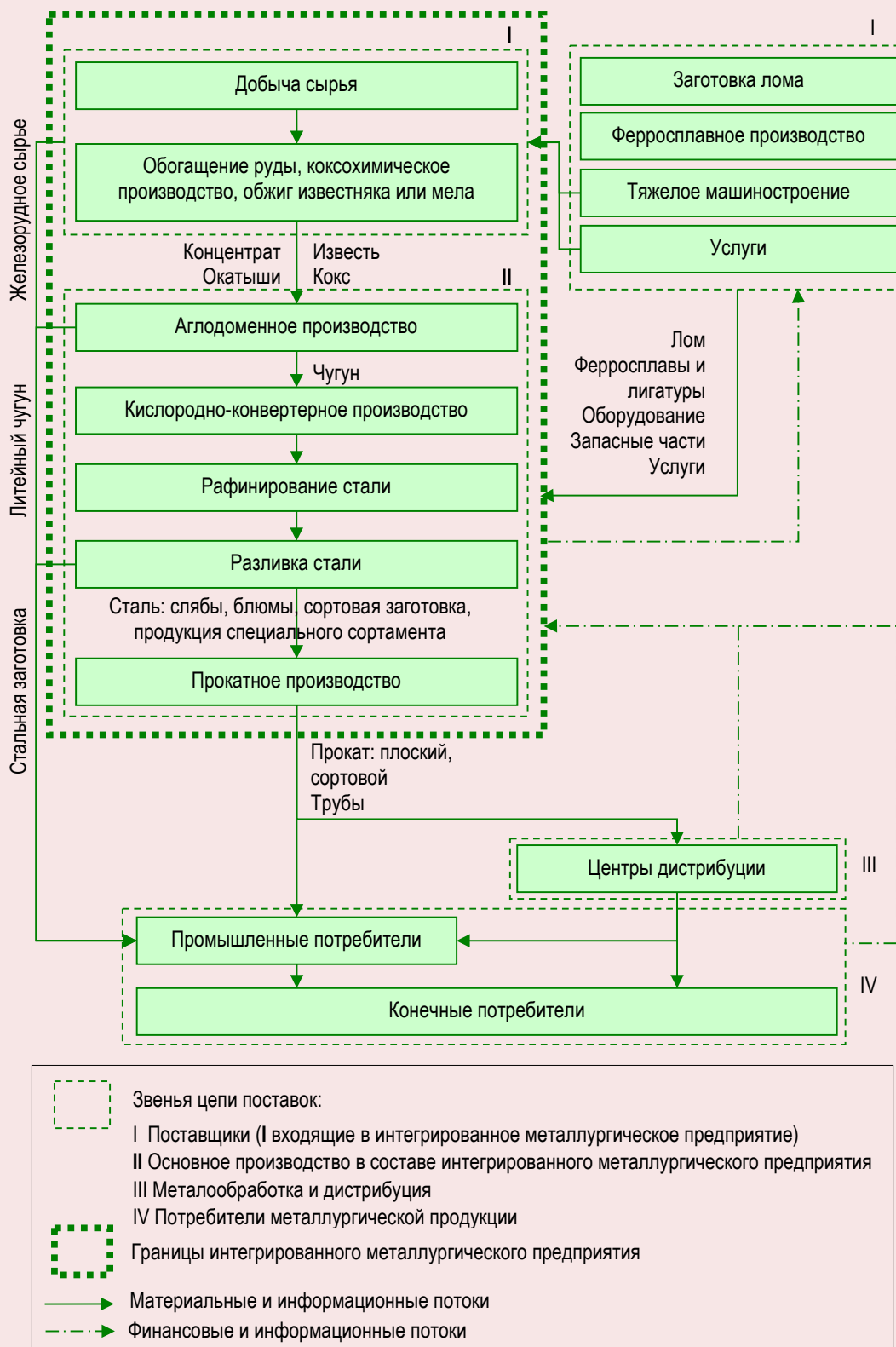
Рис. 2. Технологическая структура производства стали в России в 2010–2023 гг.

Примечание: Для 2023 года приведена оценочная структура.

Составлено по: World Steel in Figures / World Steel Association. URL: <https://worldsteel.org/data/world-steel-in-figures/> (accessed: 17.08.2025).

Рис. 3. Преимущественная схема организации цепи поставок интегрированного металлургического предприятия в России

Источник: (Петров, 2023).

Как в Сибири, так и на Северо-Западе России находится по одному интегрированному металлургическому предприятию: АО «ЕВРАЗ Объединенный Западно-Сибирский металлургический комбинат» (ЕВРАЗ ЗСМК) в составе ЕВРАЗ и Череповецкий металлургический комбинат (ЧерМК) в составе ПАО «Северсталь» соответственно. При этом они имеют схожую организацию потоков сырья, материалов и энергии в цепях поставок. Основным центром поставок сырья для ЕВРАЗ ЗСМК являются внутренние поставщики на базе Кузбасского бассейна, интегрированные в предприятие. Однако, если коксующимися углями ЕВРАЗ ЗСМК обеспечен полностью, то самообеспеченность железорудным сырьем неполная и поэтому дополнительные потоки сырья идут из Иркутской области, Республики Хакасии, Урала и Северо-Запада страны. ЧерМК находится на пересечении потоков руды, угля и готовой продукции. Потоки руды идут из Республики Карелии, Мурманской и Белгородской областей, потоки угля — с Урала на базе Печорского угольного бассейна, формируемые горно-обогатительными мощностями в составе ПАО «Северсталь». Также руда поступает от внешних поставщиков в Мурманской и Кемеровской областях (Ильин и др., 2021; Лукин, 2021; Печенская-Полищук, Малышев, 2022). В отличие от указанных предприятий комбинаты Урала имеют достаточно низкую самообеспеченность сырьем, что приводит к большему пространственному охвату потоков из других регионов, включая Сибирь и Северо-Запад страны, а также импортные поставки. Например, на Челябинский металлургический комбинат (ЧМК), входящий в состав ПАО «Мечел», основная часть железорудного сырья поставляется из Иркутской области с Коршуновского ГОКа, который также входит в состав Мечела¹, а Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) до 2022 года основную часть руды получал с Северо-Запада страны и из Казахстана.

Потоки в сторону потребителей при достаточно близких организационных формах у разных производителей черных металлов имеют ряд

особенностей. В целом основными потребителями продукции интегрированных металлургических предприятий выступают строительные организации, предприятия машиностроения, производители металлопродукции, энергетическая отрасль. Это задает широкий пространственный охват потоков металлургической продукции. Продукция комбинатов полного цикла вывозится практически во все регионы России. Здесь важна специализация конкретного предприятия. Например, ЕВРАЗ ЗСМК специализируется на полуфабрикатах, строительном и железнодорожном прокате (данные сегменты составили 37,1, 31,2 и 10,6% выручки от продаж в 2021 году соответственно²). И если строительный прокат в первую очередь идет на удовлетворение потребностей Азиатской части страны (оценочно на основе данных Росстата в 2017–2019 гг. доля поставок проката из Кемеровской области в Азиатскую Россию составляла в среднем 55,6%), то железнодорожный широко поставляется на экспорт и по всей России, т. к. комбинат является основным поставщиком РЖД, трамвайных рельсов и рельсов метро. К примеру, ПАО «Северсталь», специализируясь на листовом и сортовом прокате, до 2022 года поставляла около 45% своей продукции на экспорт, в основном в Европу (в 2021 году 31% от общего объема продаж организации)³. ММК, специализируясь на листовом и сортовом прокате, в основном ориентируется на внутренний спрос, отправляя на экспорт менее 20% своей продукции, при этом основными zahraniчными покупателями группы, как и у ЕВРАЗа, являются восточные страны⁴.

Вторая схема организации цепей поставок в черной металлургии связана с деятельностью небольших металлургических заводов, которые выступают фокусными фирмами (рис. 4). Как правило, такие заводы являются электроста-

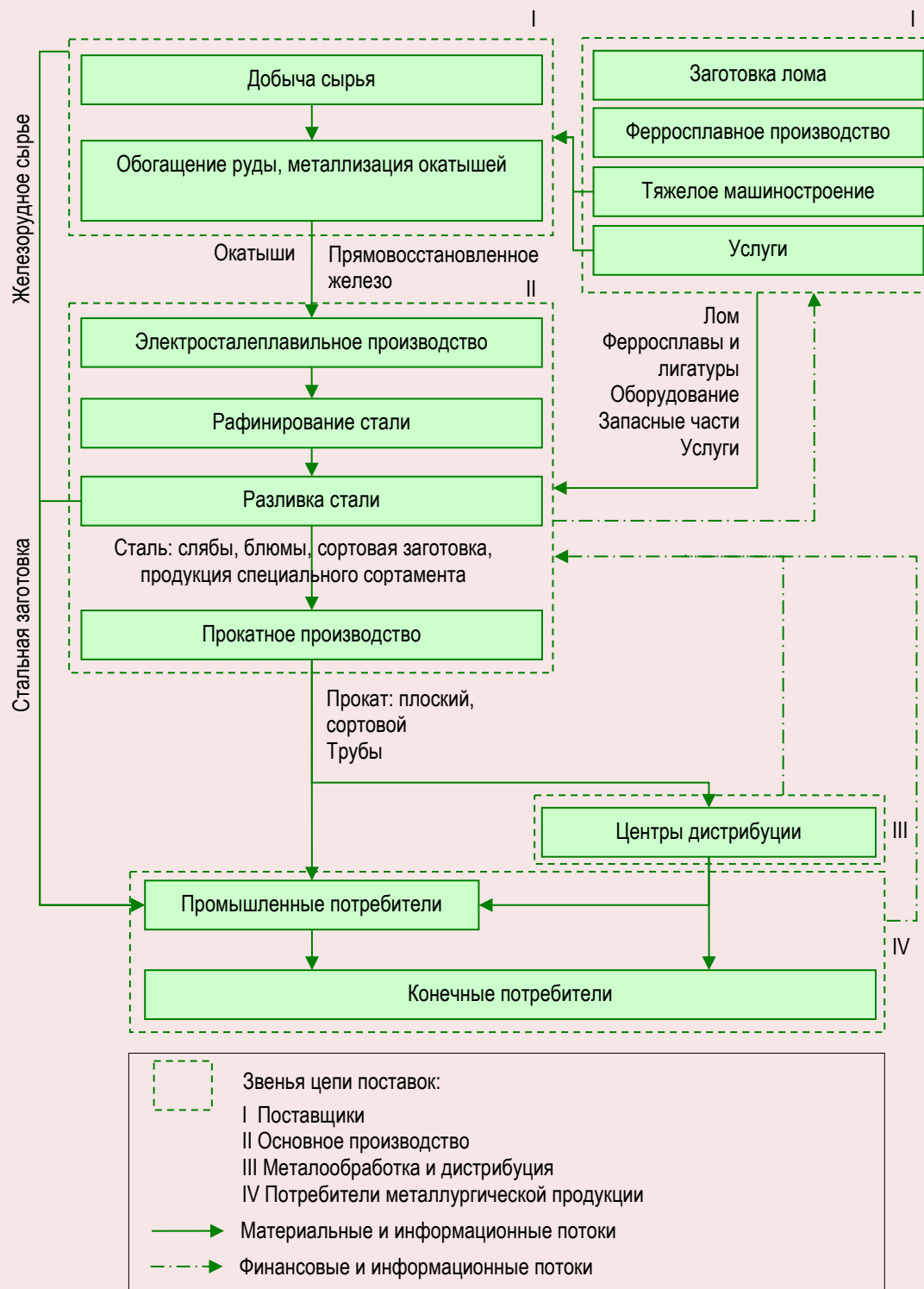
¹ Железные руды России // Бизнес-портал NEDRADV. URL: <https://nedradv.ru/nedradv/ru/ratings?rubric=b8ce6228fc2b2c8bdf8b61cdf5d9dd97> (дата обращения 10.08.2025).

² Годовой отчет 2021 г. ЕВРАЗ // Годовые отчеты — ЕВРАЗ. URL: https://www.evraz.com/upload/iblock/5c5/EVRAZ_Annual_Report_2021.pdf (дата обращения 10.08.2025).

³ Годовой отчет 2021 г. ПАО «Северсталь» // Центр раскрытия корпоративной информации Интерфакс. URL: <https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=30&type=2> (дата обращения 10.08.2025).

⁴ Годовой отчет 2020 г. ПАО «ММК» // Центр раскрытия корпоративной информации Интерфакс. URL: <https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=9&type=2> (дата обращения 10.08.2025).

Рис. 4. Преимущественная схема организации цепи поставок вокруг электросталеплавильного завода в России

Источник: (Петров, 2023).

леплавильными и, в отличие от цепей поставок интегрированного металлургического предприятия их потоки имеют более ограниченный пространственный охват. Как потоки со стороны поставщиков сырья и материалов, так и потоки в сторону потребителей в основном сосредоточены в регионе размещения фокусной фирмы. Базовым сырьем для их деятельности выступает лом черных металлов, который поступает из субъектов федерального округа размещения сталеплавильного завода. Основными продуктами, поставляемыми потребителям в рамках такой цепи поставок, являются сортовой прокат для строительной отрасли и металлопродукция, ориентированная на потребности машиностроительных предприятий. Например, по такой схеме работает ООО «УМК Электро-сталь Тюмени» в Тюменской области. Некоторые заводы ориентированы на поставки продукции на экспорт, как, например, ООО «Амур-сталь» в Хабаровском крае, осуществляющий не только поставки проката в регионы Дальнего Востока, но и стальной заготовки в Китай и страны Юго-Восточной Азии.

Санкционные ограничения стран Запада в отношении российской отрасли черной металлургии

Черная металлургия является одной из наиболее пострадавших отраслей экономики России в результате ввода санкций против страны с 2022 года. Ряд принятых странами Запада пакетов санкций содержит ограничения свободной деятельности на мировом рынке для российской металлургии. Стоит подчеркнуть, что различные формы ограничений на деятельность российских металлургов начали вводиться еще с 2014 года, но до 2022 года они принимали преимущественно форму пошлин, квот и т. п., и не приводили к существенным последствиям для выстроенных цепей поставок в черной металлургии России. С принятием санкций 2022 года сложилась ситуация проверки возможностей и способностей фокусных фирм перестраивать свои цепи под кардинальные изменения условий функционирования. Такое перестроение цепей поставок выразилось в первую очередь в изменении пространственной направленности основных потоков.

В марте 2022 года в рамках четвертого пакета Европейский союз ввел санкции против российских сталеваров, ограничив импорт некоторых видов стальной продукции из России.

В октябре 2022 года странами ЕС был принят восьмой пакет санкций против России, который включал, в том числе, ограничение поставок заготовок из черных металлов. При этом санкции, направленные на ограничение поставок слябов, были устроены таким образом, что до 30 сентября 2024 года России было разрешено экспортировать 3,75 млн тонн в год, поскольку иначе был бы нанесен сильный удар по европейским металлургическим предприятиям, зависящим от поставок из России⁵. 16 декабря 2022 года был принят девятый пакет санкций, который затронул горнодобывающую отрасль. Был введен запрет на новые вложения в горнодобывающую отрасль России, включая выделение кредитов на данные цели. Однако указан ряд исключений, связанных с критически важными для Европы видами сырья, в том числе железной рудой⁶. В декабре 2023 года в 12-м пакете санкций были запрещены поставки из России передельного и зеркального чугуна, а также ферросплавов и железа прямого восстановления⁷. Примечательно, что в рамках 12-го пакета санкций до 2028 года продлен срок, разрешающий импорт в ЕС слябов и стальной заготовки из России⁸.

Исходя из объектов ограничений по воздействию на цепи поставок в черной металлургии санкции можно разделить на два типа (рис. 5).

Первый тип включил санкции, которые связаны с отраслями, потребляющими черные металлы, и, по сути, косвенно влияют на внутренний спрос. Они выражаются как в запрете поставок продукции российских металлопотребляющих отраслей на внешние рынки, так и в ограничении поставок комплектующих, технологий, оборудования, что снижает производственные возможности данных отраслей.

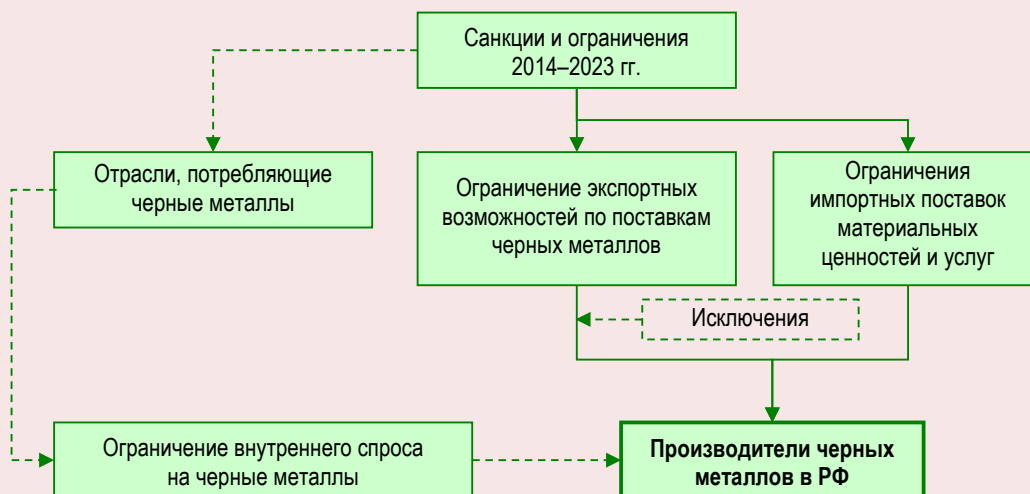
⁵ Европа сжалась над своей сталью // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5606244> (дата обращения 12.09.2025).

⁶ Девятый пакет санкций Евросоюза. Что важно знать // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/12/2022/639e21ba9a79472670331892> (дата обращения 30.09.2025).

⁷ 12-й пакет санкций ЕС против России. Что важно знать // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/12/2023/65807aff9a794779f386ace3> (дата обращения 22.08.2025).

⁸ Отсрочка запрета на поставки в ЕС слябов дает структуре НЛМК время на трансформацию // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/936940> (дата обращения 27.08.2025).

Рис. 5. Внешние шоки ограничений и регулирования черной металлургии России

Составлено по: (Дранев, 2021; Петров, 2023).

Это в свою очередь привело к сокращению спроса на металлопродукцию. Во-первых, произошла дестабилизация уже выстроенных связей в цепях поставок. Во-вторых, возникли ограничения возможностей по построению новых связей производителей металлов с внутренними потребителями для замещения выбывших потоков. Как результат, изменение цепей поставок от данного типа санкций выразилось в сужении материальных потоков в направлении от основного производства к потребителям и финансовых потоков в обратном направлении по связям внутри цепей. Например, в 2022 году произошло существенное падение потребления металла машиностроительным комплексом в результате сокращения производства автомобилей (на 67% по сравнению с 2021 годом⁹) вследствие прекращения поставок ряда иностранных комплектующих и ухода иностранных производителей из России.

Важным следствием данного типа санкций является то, что при неинтегрированной форме взаимодействия повысился риск разрушения цепей поставок в целом вследствие увеличения вероятности банкротства фокусной фирмы.

⁹ Динамика промышленного производства в 2022 году // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/196621> (дата обращения 19.09.2025).

Поскольку рентабельность таких предприятий в несколько раз ниже интегрированных предприятий черной металлургии, то падение доходов как следствие введенных санкций сильнее сказывается на финансовой устойчивости неинтегрированных предприятий.

Второй тип включает санкции, которые связаны непосредственно с черной металлургией и в первую очередь повлияли на экспортные возможности. В данном случае в цепях поставок произошло разрушение материальных потоков по направлению от основного производства в сторону потребителей. В качестве ответных мер металлургические холдинги начали формировать новые потоки по двум направлениям. Первое направление состоит в формировании или расширении связей с потребителями из дружественных стран. Однако необходимость предоставления дисконта на поставки продукции черной металлургии на новые рынки, которые являются менее маржинальными по сравнению с закрытыми европейскими, привело к значительному снижению объемов финансовых потоков в цепях поставок.

Вторым направлением ответных мер на введенные санкции стало формирование потоков, позволяющих не напрямую поставлять продукцию на мировой рынок. Например, ранее осуществлявшийся непосредственно в ЕС экспорт

сырья и полуфабрикатов стал частично проходить через Турцию, где эта продукция перерабатывается и экспортируется в страны Европы¹⁰. Кроме того, были сформированы новые или расширены существующие потоки на внутреннем рынке взамен некоторых выбывших экспортных поставок.

Российские сталелитейные корпорации остро нуждаются в устойчивой и бесперебойной системе финансовых расчетов, для того чтобы беспрепятственно осуществлять любые международные торговые и финансовые операции. Под персональные санкции попал акционер ПАО «Северсталь» А. Мордашов, совладелец Evraz Р. Абрамович, владелец Магнитогорского металлургического комбината В. Рашников, владелец «Металлоинвеста» А. Усманов¹¹. В то же время владелец НЛМК В. Лисин избежал санкций, вследствие того что холдинг имеет предприятия в Бельгии, Дании, Италии и Франции с совокупным объемом ежегодного выпуска 4,4 млн тонн и среднесписочной численностью по-

рядка 1,8 тыс. человек¹². Среди корпораций металлургической отрасли России именно ПАО «Северсталь» пострадало серьезнее всех. Из-за введенных санкций поставки в Европу (34% экспорта компании) были прекращены уже в марте 2022 года, только за февраль – ноябрь 2022 года корпорация потеряла 400 млн долларов из-за арестов западных складов и счетов¹³. В свою очередь одной из первых реакций на западные санкции стала редомициляция уставного капитала ПАО «ММК» в российскую юрисдикцию – с кипрской Mintha Holding Limited на российскую компанию «Альтаир» в г. Магнитогорске в связи с рисками управления российскими инвестициями¹⁴.

Как следствие введенных санкций и формирования новых потоков, в 2022 году произошло снижение металлургического производства и загрузки производственных мощностей. В 2023 году производство начало восстанавливаться, но не во всех регионах присутствия металлургических предприятий (табл. 1).

Таблица 1. Уровень использования среднегодовой мощности организаций по выпуску отдельных видов продукции, %

Регион	2021	2022	2023
Сталь нелегированная в слитках или в прочих первичных формах и полуфабрикаты из нелегированной стали			
Кемеровская область	69,5	59,6	54,9
Вологодская область	93,7	85,5	90,4
Челябинская область	95,9	83,7	-
Прокат готовый			
Кемеровская область	80,2	71	65,6
Вологодская область	72,5	63,1	65,4
Челябинская область	81,2	70,8	-

Составлено по: Промышленное производство // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу. URL: <https://42.rosstat.gov.ru/folder/38696> (дата обращения 29.08.2025); Промышленное производство // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <https://35.rosstat.gov.ru/proizvodstvo> (дата обращения 29.08.2025); Промышленное производство // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: https://74.rosstat.gov.ru/industrial_production (дата обращения 29.08.2025).

¹⁰ Кобиц Е. (2022). Металлурги открывают новые горизонты // Эксперт. URL: <https://expert.ru/2022/10/14/metallurgi-otkryvayut-novyye-gorizonty/> (дата обращения 12.09.2025).

¹¹ Путин счел санкции против металлургов несоответствующими нормам ВТО. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/04/2022/62601c189a79472a3b0649da> (дата обращения 15.07.2025).

¹² Аналитики назвали компании, которые больше других страдают от санкций ЕС. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/459489-analitiki-nazvali-kompanii-kotorye-bol-se-drugih-postradaut-ot-sankcij-es> (дата обращения 25.07.2025).

¹³ «Северсталь» потеряла \$400 млн из-за санкций. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5694827> (дата обращения 29.07.2025).

¹⁴ Металлургический комбинат сменил юрисдикцию. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/268255358> (дата обращения 25.09.2025).

В результате сужения основного производства произошло изменение объемов потоков и по связям между поставщиками и производителями. Однако в данном случае изменения в основном связаны с потоками от зарубежных поставщиков, что послужило стимулом их перестроения фокусными фирмами на внутренние поставки. Например, данная проблема проявила себя в форме отказа в 2022 году Соколовско-Сарбайским горно-обогатительным производственным объединением из Казахстана поставлять железорудное сырье на Магнитогорский металлургический комбинат. На поставки из Казахстана приходилось около 70% потребностей комбината. ПАО «ММК» перешел на закупку дополнительных объемов сырья у российских производителей, включая «Металлоинвест», которому выгодно переориентировать свои поставки на внутренний рынок из-за нехватки сухогрузов для вывоза сырья из российских портов¹⁵.

Однозначный негативный эффект во взаимодействии поставщиков и производителей черных металлов имели последствия запрета поставок металлургического оборудования в Россию. В 2021 году доля импортной продукции на рынке металлургического оборудования составила 70%, а горно-обогатительного — по большинству позиций 80–90%¹⁶. При этом основными поставщиками являлись предприятия Европы. Похожая ситуация наблюдалась и с сервисным обслуживанием. Если потоки сырья и материалов, а также металлургической продукции могут быть восстановлены в краткосрочном периоде, то потоки, связанные с оборудованием и сервисным обслуживанием, требуют долгосрочных вложений.

В результате представленные направления влияния санкций позволяют нам выделить ряд ключевых факторов, определивших степень изменения потоков в цепях поставок черной металлургии России:

- тип продукции: низкий передел, общего назначения, специфическая продукция;
- тип потребителей продукции: крупные или мелкие потребители;
- ориентация продаж: на внутренний рынок, экспорт на Запад, экспорт в Азию и страны Глобального Юга;
- наличие активов за рубежом, ключевых для стран размещения данных активов;
- зависимость от внешних поставок: металлургическое оборудование, сервисное обслуживание, сырье и материалы и т. д.

Влияние санкций на финансовые результаты деятельности российских корпораций черной металлургии

Исходя из выявленных ключевых факторов, оказавших влияние на степень изменения потоков в цепях поставок металлургических комбинатов, возникает закономерный вопрос — как воздействие этих факторов в санкционный период отразилось на производственно-финансовых результатах деятельности предприятий? Для ответа на данный вопрос целесообразно использовать официальную публичную отчетность самих компаний в сравнении с досанкционным периодом. С учетом имеющихся в доступе данных такой анализ будет проведен за полугодия четырех лет, начиная с 2021 года, по крупным компаниям ПАО «Северсталь», ПАО «ММК», ПАО «ЕВРАЗ», также в сравнительный анализ добавлена крупная российская компания из центрального федерального округа России — ПАО «НЛМК».

ПАО «Северсталь» (Северо-Западный федеральный округ, Вологодская область)

Ключевым фактором изменений для ПАО «Северсталь» стало прекращение работы с европейским рынком (34% выручки), что негативно сказалось практически на всех производственно-финансовых показателях деятельности компании (табл. 2). Так, за первое полугодие 2024 года в сравнении с 6 месяцами 2021 года консолидированная выручка выросла только на 7% — с 383 до 409 млрд рублей, при этом себестоимость продукции увеличилась в гораздо большей степени — на 56%, что по итогу сократило валовую прибыль практически на треть (-28%). В свою очередь рост производственных затрат, опережающий доходы компании, привёл к увеличению удельного веса себестоимости

¹⁵ После отказа Казахстана от поставок в Россию ММК перешел на руду «Металлоинвеста» // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/05/17/922281-posle-otkaza-kazahstana-metallinvesta> (дата обращения 31.08.2025).

¹⁶ Ульянов Н. (2023). Тяжелому машиностроению легче не стало // Эксперт. URL: <https://expert.ru/expert/2023/12/tyazhelomu-mashinostroyeniye-legche-ne-stalo/> (дата обращения 20.09.2025).

Таблица 2. Динамика финансовых результатов ПАО «Северсталь» за первое полугодие, млн руб.

Показатель	1 полугодие 2021	1 полугодие 2022	1 полугодие 2023	1 полугодие 2024	6 мес. 2024 к 6 мес. 2021
Выручка	383064	376893	339429	409138	1,1 раза
Себестоимость	158868	199472	193010	247591	1,6 раза
Доля себестоимости в выручке, %	41,5	52,9	56,9	60,5	+19 п. п.
Валовая прибыль	224196	177421	256419	161547	0,7 раза
Общехозяйственные и административные	12330	13823	12246	15323	1,2 раза
Общехозяйственная и административная нагрузка по выручке, %	3,2	3,7	3,6	3,7	+0,5 п. п.
Затраты на сбыт	24327	30714	23141	28703	1,2 раза
Сбытовая нагрузка по выручке, %	6,4	8,1	6,8	7,0	+0,6 п. п.
Прибыль от операционной деятельности	187153	115329	100434	107007	0,6 раза
Финансовые доходы	247	2581	3738	14393	58,3 раза
Финансовые расходы	5793	4990	5606	13689	2,4 раза
Чистый результат по курсовым разницам	-909	37214	29695	-13437	14,8 раза
Прибыль до налога на прибыль	171217	145423	122548	98764	0,6 раза
Расход по налогу на прибыль	33343	27743	17545	15446	0,5 раза
Налоговая нагрузка по налоговой базе, %	19,5	19,1	14,3	15,6	-3,9 п. п.
Прибыль за период	137836	117680	105003	83318	0,6 раза
Рентабельность чистой прибыли, %	36,0	31,2	30,9	20,4	-15,6 п. п.
Составлено по: данные МСФО ПАО «Северсталь».					

в выручке с 41,5 до 60,5%. В то же время санкции против ПАО «Северсталь» и ее владельца привели к увеличенным сбытовым расходам компании как в первой половине 2022 года (+26,3%, до 30,7 млрд рублей), так и в последующие периоды. Для сохранения корпоративного управления головная компания «Рутгерс Севертар» А. Мордашова сменила юрисдикцию с кипрской на российскую. Череповецкое ООО «Рутгерс Севертар» сменило владельца с кипрской Severtar Holding LTD на российское МК ООО «Севертар Холдинг» и зарегистрировалось в особой экономической зоне в Калининградской области¹⁷.

¹⁷ Головная компания «Рутгерс Севертар» А. Мордашова сменила юрисдикцию с кипрской на российскую. URL: https://www.akm.ru/news/golovnaya_kompaniya_rutgers_severtar_a_mordasheva_smenila_yurisdiksiyu_s_kiprskoy_na_rossiyskuyu (дата обращения 20.08.2025).

На фоне всех трендов сократились объем чистой прибыли (на 40%), ее рентабельность (с 36 до 20,4%), а также налоговая нагрузка. Так, прибыль до налогообложения компании в конце периода показала стремительное падение на 42% к 6 месяцам 2021 года (до 98,8 млрд рублей), а налога на прибыль — на 54% (до 15,4 млрд рублей). Это отразилось на падении ставки текущего налога на прибыль, которая в сравнении с нормативными 20% снизилась с 19,5 до 15,6%.

После санкций 2022 года ПАО «Северсталь» перераспределила свои потоки с внешнего на внутренний рынок. Если до ограничений компания реализовывала до 45% своей продукции на экспортных рынках, то после эта доля сократилась до 10–15%¹⁸.

¹⁸ «Северсталь» на ближайшие пять лет намерена сконцентрироваться на российском рынке. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20985641> (дата обращения 20.08.2025).

ПАО «ММК» (Уральский федеральный округ, Челябинская область)

Введенные санкции вызвали падение рентабельности (табл. 3). Если в 2021 году рентабельность прибыли достигала 20–25%, то к маю – июню 2022 года она сократилась до 1–4%. Общехозяйственные и административные, а также коммерческие расходы выросли на 37 и 27% соответственно. На фоне высокого роста производственных затрат (+34%) удельный вес себестоимости в выручке увеличился с 57,6 до 74,6%. В свою очередь налоговая база компании сократилась на 53%, а сам налог на прибыль – на 44% при сохранении достаточно высокой текущей ставки (23,4%). Сокращению подверглись и консолидированная чистая прибыль компании (на 55%), и ее рентабельность (с 27,6 до 12%).

Важно отметить, что ПАО «ММК» одним из первых после 24 февраля 2022 года осуществило редомициляцию (переход из кипрской юрисдикции в российскую). В результате сделки 79,76% акций ПАО «ММК», находившихся во владении компании Mintha Holding Limited (Кипр), перешли во владение ООО «Альтаир» (Российская Федерация, г. Магнитогорск)¹⁹. Решение о реструктуризации было принято с учетом снижения привлекательности Кипра с точки зрения владения и управления российскими инвестициями, а также в целях использования созданных в России преимуществ в сфере корпоративного регулирования и существующих в РФ юридических и инвестиционных норм²⁰.

Таблица 3. Динамика финансовых результатов ПАО «ММК» за 1-е полугодие 2021–2024 гг., млн руб.

Показатель	1 полугодие 2021	1 полугодие 2022	1 полугодие 2023	1 полугодие 2024	6 мес. 2024 к 6 мес. 2021
Выручка	403851	403039	352708	417829	1,03 раза
Себестоимость	232801	288514	251816	311500	1,3 раза
Доля себестоимости в выручке	57,6	71,6	71,4	74,6	+17 п. п.
Валовая прибыль	171050	114525	100892	106329	0,6 раза
Общехозяйственные и административные	7774	8487	8827	10647	1,4 раза
Общехозяйственная и административная нагрузка по выручке	1,9	2,1	2,5	2,5	+0,6 п. п.
Коммерческие расходы	22995	24569	25701	29228	1,3 раза
Коммерческая нагрузка по выручке	5,7	6,1	7,3	7,0	+1,3 п. п.
Прибыль от операционной деятельности	141235	79740	65996	67364	0,5 раза
Финансовые доходы	843	3041	5099	9353	11,1 раза
Финансовые расходы	1195	2471	3383	2713	2,3 раза
Чистый результат по курсовым разницам	292	-1814	1899	-5992	-20,5 раза
Прибыль до налога на прибыль	139097	72668	66892	65701	0,5 раза
Расход по налогу на прибыль	27495	15880	15274	15392	0,6 раза
Налоговая нагрузка по налоговой базе	19,8	21,9	22,8	23,4	+3,6 п. п.
Прибыль за период	111602	56788	51618	50309	0,5 раза
Рентабельность чистой прибыли	27,6	14,1	14,6	12	-15,6 п. п.
Составлено по: данные МСФО ПАО «ММК».					

¹⁹ Металлургический комбинат сменил юрисдикцию. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/268255358> (дата обращения 20.09.2025).

²⁰ Основной акционер ММК Рашников перевел свою долю в компании из юрисдикции Кипра в РФ. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13946665> (дата обращения 20.08.2025).

ПАО «ЕВРАЗ» (Сибирский федеральный округ, Кемеровская область; Уральский федеральный округ, Свердловская область)

Вследствие невозможности ПАО «ЕВРАЗ» найти аудитора в связи с санкциями против компании последняя отчётность для реализации аналитических целей по МСФО доступна лишь за первое полугодие 2022 года²¹.

Несмотря на санкционное давление против России, выручка компании выросла на 28%, практически до 593 млрд рублей. Рост себестоимости в отличие от других компаний был схожим (+31%), что не привело к значительному увеличению её доли в выручке (+1,1 п. п., до 59,9%). Логистические проблемы отразились на сбытовых расходах компании, которые увеличились на 61%, а их нагрузка по выручке — с 6,7 до 8,4%. Ключевым фактором снижения налогооблагаемой базы стал рост чистого убытка по курсовым разницам в 58,4 раза. В итоге

прибыль до налогообложения снизилась на 79%, однако расходы по налогу на прибыль показали меньшее снижение (-19%). Чистая прибыль компании ввиду больших расходов по налогу на прибыль сократилась в 206 раз, до 439 млн рублей, а ее рентабельность по итогам 6 месяцев 2022 года составила всего 0,1% (табл. 4).

В марте 2023 года кипрская компания Streamcore, 50% которой принадлежало ПАО «ЕВРАЗ», была перерегистрирована в российскую юрисдикцию специального административного района на острове Русский в г. Владивостоке под названием МКООО «Стримкор». По данным ЕГРЮЛ, 50% Streamcore принадлежит люксембургской компании Evraz Group SA, 50% — ООО «Инвест-ВК», основным владельцем которой является А. Рыбкин (бенефициар АО «Сибирская горно-металлургическая компания», Кемеровская область)²².

Таблица 4. Динамика финансовых результатов ПАО «ЕВРАЗ» за 1-е полугодие 2021–2022 гг., млн руб.

Показатель	1 полугодие 2021	1 полугодие 2022	6 мес. 2022 к 6 мес. 2021
Выручка	461136	592552	1,3 раза
Себестоимость	271173	354785	1,3 раза
Доля себестоимости в выручке	58,8	59,9	+1,1 п. п.
Валовая прибыль	189963	237767	1,3 раза
Общехозяйственные и административные	21497	25833	1,2 раза
Общехозяйственная и административная нагрузка по выручке	4,7	4,4	-0,3 п. п.
Затраты на сбыт	30902	49764	1,6 раза
Сбытовая нагрузка по выручке	6,7	8,4	+1,7 п. п.
Прибыль от операционной деятельности	130548	28029	0,2 раза
Финансовые доходы	224	878	3,9 раза
Финансовые расходы	9256	7830	0,9 раза
Чистый результат по курсовым разницам	-2239	-130702	58,4 раза
Прибыль до налога на прибыль	121741	25833	0,2 раза
Расход по налогу на прибыль	31275	25394	0,8 раза
Налоговая нагрузка по налоговой базе	25,7	98,3	+72,6 п. п.
Прибыль за период	90466	439	0,005 раза
Рентабельность чистой прибыли	19,6	0,1	-19,5 п. п.
Составлено по: данные МСФО ПАО «ЕВРАЗ».			

²¹ Evraz не будет публиковать годовой отчет и отчетность по МСФО из-за отсутствия аудитора. URL: <https://www.interfax.ru/business/887815> (дата обращения 26.08.2025); Evraz не сможет раскрыть отчет по МСФО за 2023 год. URL: <https://www.metalinfo.ru/ru/news/160642> (дата обращения 26.08.2025); ЕВРАЗ не будет публиковать годовой отчет и финансовую отчетность по МСФО за 2024 г. ввиду отсутствия аудитора. URL: <https://mcc-analytics.ru/media/news/evraz-ne-budet-publikovat-opublikovat-godovoy-otchet-i-finansovuyu-otchetnost-po-msfo-za-2024> (дата обращения 26.08.2025).

²² СП Evraz и владельца СГМК редемицировалось с Кипра в РФ. URL: <https://www.interfax.ru/business/893517> (дата обращения 20.08.2025).

ПАО «НЛМК» (Центральный федеральный округ, Липецкая область)

Консолидированная выручка Новолипецкого комбината практически не изменилась (-0,4%), и увеличение себестоимости в сравнении с другими анализируемыми компаниями не было столь большим – 17% (с 49 до 57,6% в доходах). Значительное влияние на величину налоговой базы оказал рост коммерческих расходов в 1,5 раза и увеличение убытка по курсовым разницам в 3,6 раза. Это привело к снижению прибыли до налогообложения компании на 47% и уменьшению налоговых поступлений по налогу на прибыль на 40% даже на фоне некоторого роста ставки налога (с 18,6 до 21,2%).

При этом чистая консолидированная прибыль компании сократилась в 2 раза, а уровень ее рентабельности – с 30,6 до 15,8% (табл. 5).

В июне 2023 года ключевой акционер ПАО «НЛМК» В. Лисин перевел свои доли в НЛМК и «Первой грузовой компании» из юрисдикции Кипра в структуры Serenity II Holdings и Nebula II Holdings, зарегистрированные в г. Абу-Даби (ОАЭ). По состоянию на конец 2022 года контроль над 79,3% акций ПАО «НЛМК» осуществлялся через кипрскую компанию Fletcher Group Holdings²³.

Отметим, что в отношении ПАО «НЛМК» санкции ЕС и США введены не были. Так, Бельгия не проголосовала за восьмой пакет

Таблица 5. Динамика финансовых результатов ПАО «НЛМК» за 1-е полугодие 2021–2024 гг., млн руб.

Показатель	1 полугодие 2021	1 полугодие 2022	1 полугодие 2023	1 полугодие 2024	6 мес. 2024 к 6 мес. 2021
Выручка	520017	н/д	444162	517789	0,99 раза
Себестоимость	255127	н/д	253396	298106	1,2 раза
Доля себестоимости в выручке	49,1	н/д	57,1	57,6	+8,5 п. п.
Валовая прибыль	264890	н/д	190766	219683	0,8 раза
Общехозяйственные и административные	15804	н/д	13509	16388	1,0 раза
Общехозяйственная и административная нагрузка по выручке	3,0	н/д	3,0	3,2	+0,1 п. п.
Коммерческие расходы	29828	н/д	41326	44993	1,5 раза
Коммерческая нагрузка по выручке	5,7	н/д	9,3	8,7	+3 п. п.
Прибыль от операционной деятельности	216106	н/д	121808	132769	0,6 раза
Финансовые доходы	203	н/д	5048	8342	41,1 раза
Финансовые расходы	5703	н/д	2981	547	0,1 раза
Чистый результат по курсовым разницам	-3425	н/д	8244	-12463	3,6 раза
Прибыль до налога на прибыль	195276	н/д	114651	103614	0,5 раза
Расход по налогу на прибыль	36390	н/д	27423	21967	0,6 раза
Налоговая нагрузка по налоговой базе	18,6	н/д	23,9	21,2	+2,6 п. п.
Прибыль за период	158886	н/д	91752	81647	0,5 раза
Рентабельность чистой прибыли	30,6	н/д	20,7	15,8	-14,8 п. п.

Составлено по: данные МСФО ПАО «НЛМК».

²³ Миллиардер Лисин перевел долю в НЛМК с Кипра в Абу-Даби. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/492001-milliardер-lisin-perevel-dolu-v-nlmk-s-kipra-v-abu-dabi> (дата обращения 20.08.2025).

санкций против России, поскольку на ее территории находятся предприятия группы НЛМК с численностью 1200 человек²⁴. Кроме того, Группа НЛМК владеет и оперирует предприятиями в Италии и США²⁵ с ежегодным объемом продукции более 4 млн тонн²⁶.

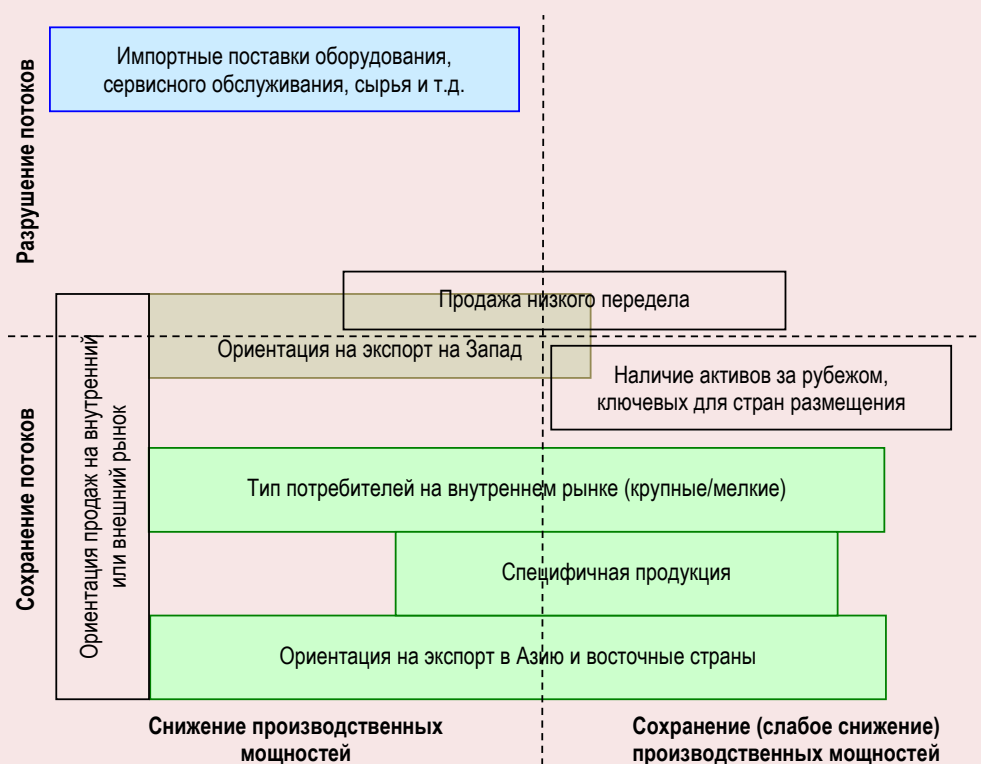
Выводы и обсуждение

Таким образом, представленные в исследовании факторы влияния санкций на потоки в цепях поставок черной металлургии России имеют два основных направления влияния, пересечение которых образует четыре формы последствий (четыре квадранта на *рисунке 6*). Первое связано с самим фактом наличия потоков и под воздействием санкций определя-

ет либо разрушение потоков, либо их сохранение. Второе направление связано с влиянием на объемы потоков, поскольку часть потоков уменьшилась, а часть либо сохранилась в прежних объемах, либо уменьшилась незначительно.

Как видно из схемы на рисунке 6, основным квадрантом влияния выступает квадрант «Сохранение потоков — Снижение производственных мощностей». Содержащиеся в нем факторы определяют влияние преимущественно санкций первого типа (см. рис. 5), которые связаны с сокращением спроса со стороны основных потребителей металлоизделий, в результате чего материальные потоки сохранились, но сузились. Поэтому более устойчивыми к внеш-

Рис. 6. Схема совместного влияния факторов на материальные потоки в цепях поставок черной металлургии России в координатах Наличие потока/Объем потока

Источник: составлено авторами.

²⁴ Европа освободила из-под ограничений экспорт стальной продукции НЛМК: есть ли чему радоваться? URL: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/evropa-osvobodila-iz-pod-ogranichenij-eksport-stal-noj-produkcii-nlmc-est-li-chemu-radovat-sya--10919.html> (дата обращения 20.08.2025).

²⁵ НЛМК сохранила режим поставок в Европу и США. URL: https://quote.rbc.ru/news/short_article/6244248d9a79474d63f980ed (дата обращения 20.08.2025).

²⁶ Аналитики назвали компании, которые больше других страдают от санкций ЕС. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/459489-analitiki-nazvali-kompanii-kotorye-bol-se-drugih-postradaut-ot-sankcij-es> (дата обращения 20.08.2025).

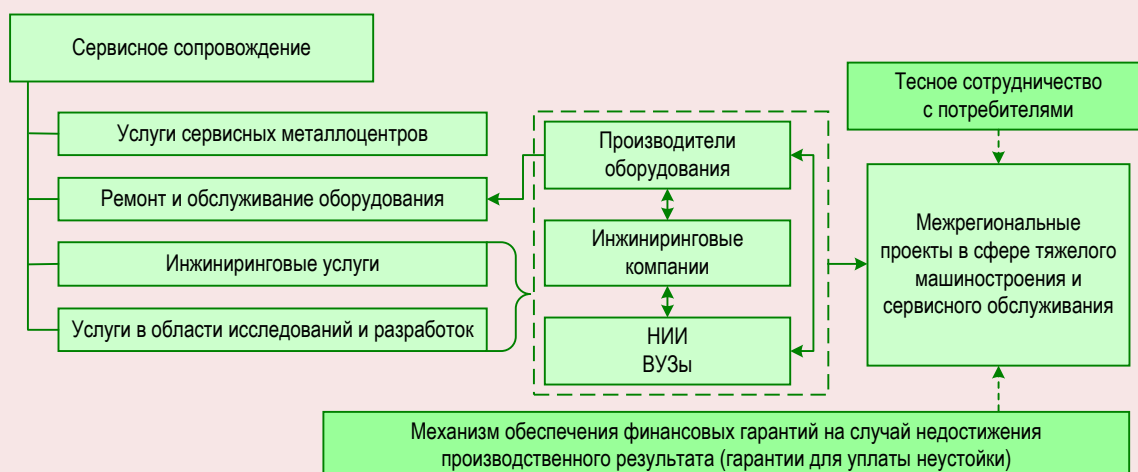
ним шокам оказались цепи поставок, которые ориентированы больше либо на продажи на внутреннем рынке, либо на экспорт в Азию и восточные страны. В ряде случаев соответствие обозначенным факторам позволило сохранить и объем потоков, что особенно проявляется в случае продаж нерядовых (специфических) типов продукции. Большее влияние такие шоки оказали на финансовые потоки, что выразилось в снижении маржинальности продаж производителей черных металлов.

Более неоднозначно влияние санкций, относящихся ко второму типу, и проявляется оно при ориентации экспорта на Запад. Важная особенность состоит в том, что неоднородность влияния обусловлена взаимной связанностью данного фактора с другими. Так, в большей степени произошло разрушение материальных потоков. При этом влияние оказало и то, что экспортировалась в Европу в основном продукция низкого передела. Однако некоторые потоки, связанные, например, с нерядовой продукцией, сохранились. В список запрещенных товаров не попала ванадийсодержащая продукция. Также сохранилась часть экспортных поставок полуфабрикатов (слябы и квадратная заготовка) на европейские заводы, являющиеся ключевыми производственными металлургическими мощностями соответствующих регионов. Особым случаем выступает разрушение

потоков при сохранении их объемов. Это может быть объяснено путем перестроения данных потоков от прямых поставок к косвенным через третьи страны, которые из получаемого ранее экспортируемого сырья производят готовую продукцию и отправляют ее в принявшие санкции страны.

Важнейшим фактором, негативно влияющим и на наличие потоков, и на их объем, выступила зависимость российских металлургических предприятий от импортных поставок металлургического оборудования и сервисного сопровождения. Особенностью данного фактора является то, что, несмотря на разрушение материальных потоков, снижения производственных мощностей можно ожидать в долгосрочном периоде по мере износа ранее полученного иностранного оборудования. В краткосрочном и среднесрочном периоде проблемой может стать обслуживание данного оборудования, поскольку зарубежные поставщики, кроме прочего, прекратили деятельность по ремонту и обслуживанию оборудования в России. Поэтому важным инструментом исправления такой ситуации является формирование проектов развития тяжелого машиностроения и системы сервисного сопровождения, которая будет включать в себя инжиниринговые услуги, услуги в области исследований и разработок, ремонта оборудования и т. д. (рис. 7).

Рис. 7. Общая схема комплексного сервисного сопровождения в черной металлургии России

Составлено по: (Николаев, 2010; Хайруллина, 2016; Романова, Сиротин, 2022); Металлурги хотят фингарантий при заказе отечественного оборудования // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/02/10/962441-metallurgi-hotyat-fingarantii-pri-zakaze> (дата обращения 10.09.2025).

При этом требуется не только развитие деятельности предприятий, которые могут заменить ушедших заграничных субъектов сервисного рынка (как, например, производство отдельных комплектующих и запасных частей²⁷), но и формирование комплексной системы на основе взаимосвязей научных учреждений, инжиниринговых компаний и производителей оборудования при ее ориентации на запросы потребителей и создании стимулирующей институциональной среды.

Данное исследование вносит вклад в развитие прикладных аспектов процессного подхода отраслевого анализа цепей поставок в условиях новых вызовов, в нем наглядно демонстрируется влия-

ние геополитических шоков на процесс распределения материальных и финансовых потоков внутри цепей поставок корпораций черной металлургии России. В рамках развития данного направления исследований планируем получение количественных оценок влияния геополитических шоков на указанные потоки как отдельных компаний, так и отрасли черной металлургии в целом. Также важным перспективным направлением станет обоснование рекомендаций по обеспечению адаптивности черной металлургии России к геополитическим вызовам, оптимизации логистических цепочек, снижению рисков и обеспечению стабильности поставок в условиях неопределенности.

Литература

- Дранев С.Я. (2021). Сравнение институциональных признаков и тенденций развития крупнейших металлургических компаний России и мира // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. С. 250–251. DOI: 10.47711/2076-318-2021-240-263
- Зиновьева О.Г., Савин А.Г. (2020). Использование теории игр в управлении цепочкой поставок // Московский экономический журнал. № 2. С. 499–508. DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10099
- Ильин В.А., Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021). Государство и крупные корпорации черной металлургии: тенденции и особенности 20-летнего взаимодействия. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 186 с.
- Катунин В.В., Зиновьева Н.Г., Иванова И.М., Петракова Т.М. (2021). Основные показатели работы черной металлургии России в 2020 г. // Черная металлургия. Бюллетень научно-технической и экономической информации. Т. 77. № 4. С. 367–392. DOI: 10.32339/0135-5910-2021-4-367-392
- Киреева Н.С. (2012). Развитие концепций логистики и управления цепями поставок. Цепи поставок как цепочки создания добавленной стоимости // Вестник РЭУ. № 11. С. 75–82.
- Ковалев М.Н. (2014). Моделирование цепей поставок в промышленности // Вестник ГГТУ им. П.О. Сухого. № 1. С. 117–124.
- Лукин Е.В. (2021). Черная металлургия Северо-Запада России: тенденции и проблемы развития // ЭКО. № 1. С. 110–132. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-10-110-132
- Любященко С.Н. (2023). Стратегия взаимодействия фокусной фирмы с поставщиком и потребителем в цепи поставок // Современная конкуренция. Т. 17. № 3. С. 44–58. DOI: 10.37791/2687-0649-2023-17-3-44-58
- Николаев Н.В. (2010). Формирование металлосервисной инфраструктуры металлургического комплекса России // Экономический анализ: теория и практика. № 19 (184). С. 32–37.
- Петров С.П. (2023). Черная металлургия Азиатской России во втором и третьем десятилетиях XXI века. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. С. 69–71. DOI: 10.36264/978-5-89665-373-8-2023-009-240
- Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2022). Особенности развития черной металлургии в России и мире в 2000–2019 гг. // Проблемы прогнозирования. № 1 (190). С. 125–135. DOI: 10.47711/0868-6351-190-125-135
- Плещенко В.И. (2013). Институциональные факторы формирования и развития интегрированных цепей поставок в черной металлургии России // Экономика в промышленности. № 1. С. 27–32.

²⁷ Группа ММК продолжает строительство крупного импортозамещающего производства // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6877341?erid=F7NfYUJCUnLtWKv5jds> (дата обращения 09.09.2025); Северсталь освоила производство кузовов для карьерных самосвалов // Металлоснабжение и сбыт. URL: <https://www.metalinfo.ru/ru/news/137922> (дата обращения 17.09.2025).

- Романова О.А., Сиротин Д.В. (2022). Стратегический вектор развития металлургии России в условиях новой реальности // Известия Уральского государственного горного университета. № 3. С. 133–145. DOI: 10.21440/2307-2091-2022-3-133-145
- Солодовников В.В. (2017a). Методология интегрированного планирования цепей поставок промышленных предприятий (на примере комплексов черной металлургии). Москва: ОАО «ИТКОР». 334 с.
- Солодовников В.В. (2017b). Эволюция цепей поставок предприятий черной металлургии // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. № 2. С. 59–64.
- Солодовников В.В. (2018). Тактическое планирование цепей поставок промышленных предприятий (на примере угольного холдинга). Москва: ОАО «ИТКОР». 196 с.
- Сторчевой М.А. (2014). Теория фирмы, управление цепочками поставок и маркетинг взаимоотношений // Вопросы экономики. № 1. С. 40–60. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-1-40-60
- Тяпухин А.П. (2021). Теоретические аспекты территориального подхода к управлению регионом и цепями поставок // Управленческое консультирование. № 11. С. 40–60. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-11-40-60
- Фетюхина О.Н. (2007). Концепция и маркетинг глобальной цепи поставок продукции // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. № 3. С. 306–312.
- Хайруллина М.В. (2016). Роль инжиниринговых компаний в модернизации металлургии и машиностроения региона (на примере Новосибирской области) // Российское предпринимательство. Т. 17. № 10. С. 1197–1212. DOI: 10.18334/rp.17.10.35286
- Abd Razak A., Rowling M., White G., Mason-Jones R. (2016). Public sector supply chain management: A triple helix approach to aligning innovative environmental initiatives. *Foresight and STI Governance*, 10(1), 43–52. DOI: 10.17323/1995-459x.2016.1.43.52
- Ambe I.M., Badenhorst-Weiss J.A. (2011). An automotive supply chain model for a demand-driven environment. *Journal of Transport and Supply Chain Management*, 5(1). DOI: 10.4102/jtscm.v5i1.18
- Cheng L., Grimm C.M. (2006). The application of empirical strategic management research to supply chain management. *Journal of Business Logistics*, 27(1), 1–55. DOI: 10.1002/j.2158-1592.2006.tb00240.x
- Chima C.M. (2007). Supply-chain management issues in the oil and gas industry. *Journal of Business and Economic Research*, 5(6), 27–36.
- Chopra S., Meindl P. (2013). *Supply Chain Management. Strategy, Planning and Operation*. Pearson Education, Inc.
- Dametew A.W., Abebe B.B., Ebinger F. (2016). Study supply chain integration to basic metal industry. *Global Journal of Researches in Engineering (G)*, 16(1), 5–17.
- Dametew A.W., Ebinger F. (2017). Technological innovations as a potential vehicle for supply chain integration on basic metal industries. *International Journal of Swarm Intelligence and Evolutionary Computation*, 6(2). DOI: 10.4172/2090-4908.1000159
- Delgado M., Mills K.G. (2020). The supply chain economy: A new industry categorization for understanding innovation in services. *Research Policy*, 49(8), 1–20. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104039
- Donohue K., Croson R. (2002). Experimental economics and supply-chain management. *Experimental Economics in Practice*, 32(5), 74–82.
- Fregoso P.V. (2019). Research and improvement of supply chain in the metallurgical industry. *Science – Future of Lithuania*, 11, 1–6. DOI: 10.3846/mla.2019.6984
- Li Y., Chen B., Chen G., Wu X. (2021). The global oil supply chain: The essential role of non-oil product as revealed by a comparison between physical and virtual oil trade patterns. *Resources, Conservation and Recycling*, 175. DOI: 10.1016/j.resconrec.2021.105836
- London K. (2008). *Construction Supply Chain Economics*. London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group.
- Pazoki M., Ghomi S., Jolai F. (2011). A new approach in supply chain modelling. *Proceedings of the 2011 IEEE IEEM*, 955–958.
- Prigulniy A.G. (2021). The use of big data in business to strengthen the competitiveness of an organization. *Components of Scientific and Technologies Progress*, 7(61), 23–28.
- Ralston P.M., Blackhurst J., Cantor D.E., Crum M.R. (2015). A structure–conduct–performance perspective of how strategic supply chain integration affects firm performance. *Journal of Supply Chain Management*, 51(2), 47–64. DOI: 10.1111/jscm.12064

- Spekman R.E., Kamauff Jr.J.W., Myhr N. (1998). An empirical investigation into supply chain management. A perspective on partnerships. *International Journal of Physical Distribution & Logistics Management*, 28(8), 630–650. DOI: 10.1108/13598549810215379
- Thekdi S.A., Santos J.R. (2016). Supply chain vulnerability analysis using scenario-based input-output modeling: Application to port operations. *Risk Analysis*, 36(5), 1025–1039. DOI: 10.1111/risa.12473
- Um W., Lu H., Hall T.J.K. (2010). A study of multi-agent based supply chain modeling and management. *iBusiness*, 2, 333–341. DOI: 10.4236/ib.2010.24043
- Williamson O.E. (2008). Outsourcing: Transaction cost economics and supply chain management. *Journal of Supply Chain Management*, 44(2), 5–16. DOI: 10.1111/j.1745-493X.2008.00051.x

Сведения об авторах

Сергей Павлович Петров — кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: petrov.s.p@mail.ru)

Мария Александровна Печенская-Полищук — доктор экономических наук, доцент, заведующий центром, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 5164088@bk.ru)

Petrov S.P., Pechenskaya-Polishchuk M.A.

Adaptation of Russian Ferrous Metallurgy Supply Chains to Geopolitical Challenges: From Reorientation of Flows to Changes in Financial Results

Abstract. For the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, the study of sectoral and corporate development in ferrous metallurgy and its impact on economic growth is of particular importance due to the territorial location of production facilities. Years of research have established a robust methodological and practical foundation for understanding the patterns of spatial distribution of flows within Russia's ferrous metallurgy supply chains. Concurrently, the transformation of external and internal conditions shifts the research focus to new aspects, broadening and deepening the inquiry. The paper examines the spatial reconfiguration of flows within the supply chains of the Russian ferrous metallurgy industry under the influence of recent geopolitical shocks and challenges. The analysis focuses on three key regions: Siberia, the Urals, and the Northwest, which represent major centers for the production and consumption of metallurgical products. Using these regions as case studies, the article analyzes changes in logistics linkages and in the directions of raw material and finished product supplies amid heightened geopolitical instability. It also identifies the factors that determined the effectiveness of the spatial redistribution of flows within the supply chains of one of the country's key industries. The work analyzes how geopolitical shocks stimulate the reorientation of flows. Particular attention is paid to assessing the impact of these changes on the final financial performance of industrial enterprises. The research is based on the analysis of statistics and corporate public reporting data. The article is of interest to specialists in economics, logistics, regional development, and representatives of the metallurgical industry.

Key words: ferrous metallurgy, supply chains, material flows, financial flows, spatial distribution, focal firm, geopolitical shocks, external shocks, sanctions.

Information about the Authors

Sergey P. Petrov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: petrov.s.p@mail.ru)

Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of center, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 5164088@bk.ru)

Статья поступила 07.10.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.6

УДК 338.43, ББК 65.9(2Рос)-5

© Пьянкова С.Г., Макаренко Б.В.

Предпосылки создания агробиотехнопарка как элемента инновационной инфраструктуры

Светлана Григорьевна

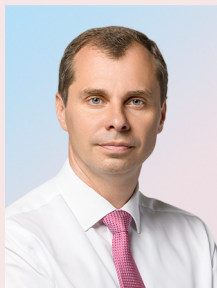
ПЬЯНКОВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: silen_06@list.ru

ORCID: 0000-0002-7072-9871; ResearcherID: H-5682-2018

Борис Владимирович

МАКАРЕНКО

ООО «РФА»

АО ГК «Талант»

Сочи, Российская Федерация

e-mail: b_makarenko23@mail.ru

ORCID: 0009-0007-4191-2988

Аннотация. В условиях технологической трансформации агропромышленного комплекса агробиотехнопарки становятся ключевым инструментом интеграции науки и производства. Высокая импортозависимость, ограниченное внедрение биотехнологий и недостаточная перерабатывающая инфраструктура сдерживают развитие отрасли, что обуславливает необходимость формирования инновационных агропромышленных кластеров для повышения конкурентоспособности и технологической независимости сельского хозяйства. В исследовании обоснована целесообразность создания агробиотехнопарка «Субтропики России» в г. Сочи Краснодарского края как ключевого элемента технологической модернизации агропромышленного комплекса и формирования экспортно ориентированной модели субтропического растениеводства. Методо-

Для цитирования: Пьянкова С.Г., Макаренко Б.В. (2025). Предпосылки создания агробиотехнопарка как элемента инновационной инфраструктуры // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 132–155. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.6

For citation: Pyankova S.G., Makarenko B.V. (2025). Prerequisites for the creation of an agrobiotechnology park as an element of innovation infrastructure. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 132–155. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.6

логическая основа исследования включает теории кластерного и пространственного развития, концепцию тройной спирали, положения ноономики, а также инструменты статистического, сравнительного и пространственно-экономического анализа, позволяющие интегрировать природно-климатические, агроэкологические, логистические и институциональные параметры в единый комплекс оценки регионального потенциала. Исследование опирается на диалектический подход, обеспечивающий выявление взаимосвязей между агроклиматическими характеристиками, динамикой аграрного производства, институциональными ограничениями и задачами технологической модернизации. Полученные результаты демонстрируют, что регион обладает уникальным сочетанием агроклиматических, почвенно-экологических и логистических преимуществ для концентрации высокотехнологичных производств субтропического растениеводства. Разработанная концептуальная модель агробиотехнопарка отражает его потенциал по снижению импортозависимости, формированию системы воспроизводства безвирусного посадочного материала, развитию селекционно-генетических материалов, внедрению цифровых агротехнологий и повышению конкурентоспособности аграрного сектора. Научная новизна исследования заключается в разработке пространственно-экономического обоснования размещения объекта с учётом природно-ресурсных, институциональных и логистических факторов, а также в создании территориально адаптированной модели высокотехнологичного агропромышленного кластера, ориентированного на развитие субтропического растениеводства, а практическая значимость — в научно-методическом обосновании создания агробиотехнопарков как инструмента достижения технологического суверенитета и повышения продовольственной безопасности. Перспективы дальнейших исследований связаны с оценкой экономической эффективности подобных технопарковых структур и формированием моделей институциональной поддержки их развития.

Ключевые слова: агробиотехнопарк, агропромышленный комплекс, региональный потенциал, субтропические культуры, биотехнологии, селекция, научно-образовательный комплекс, инвестиционный потенциал.

Введение

В современных условиях развитие агропромышленного комплекса (АПК) обусловлено необходимостью повышения технологической конкурентоспособности, сокращения ресурсных потерь и перехода на инновационные модели хозяйствования, что требует стратегической реструктуризации механизмов государственного регулирования, инвестиционной поддержки и трансфера научных разработок в реальный сектор. Одним из основных стратегических направлений развития АПК является достижение ключевых показателей в рамках реализации Доктрины продовольственной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20¹ (далее — Доктрина).

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

Реализация положений Доктрины в 2024 году продемонстрировала устойчивость АПК к макроэкономическим вызовам, что выразилось в увеличении объемов внутреннего производства, снижении импортозависимости и укреплении экспортного потенциала. Однако обеспечение долгосрочной продовольственной независимости требует не только увеличения производственных мощностей, но и активного внедрения инновационных технологий. Необходимость инновационного развития АПК и интенсификации процессов его технологической модернизации отмечается многими исследователями (Аль-Байдани, 2021; Ahmetshin, 2021; Ушачев и др., 2022; Глазунова, Сухарев, 2024). В работах (Нечаев, Семёнов, 2022; Нечаев, 2023; Нечаев и др., 2023) подчёркивается, что инновационное развитие и технологическая модернизация АПК являются ключевыми условиями достижения его технологического суверенитета. В целом изменения 2022–2024 гг.:

сокращение импорта семян основных сельскохозяйственных культур, увеличение себестоимости производства вследствие разрывов логистических цепочек, рост технологических рисков и структурное обновление агропродовольственного рынка – усилили роль пространственно-интегрированных инновационных структур как механизма преодоления технологического разрыва.

Также с 2025 года в рамках Стратегии продовольственной безопасности планируется реализация национального проекта «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности»², направленного на достижение 75%-й самообеспеченности семенами ключевых сельскохозяйственных культур к 2030 году³ посредством внедрения биотехнологий, ускоряющих селекционные процессы и повышающих адаптивный потенциал агроэкосистем. В данном аспекте в коллективном труде (Тимакова и др., 2021) авторы акцентируют внимание на необходимости интеграции биотехнологических методов на всех этапах агропроизводственного цикла начиная с выращивания сырья до его переработки и хранения.

Современные тенденции научно-технологического развития в сельском хозяйстве определяют необходимость интеграции инновационных решений в агропроизводственные процессы, что обуславливает возрастающую роль агробиотехнопарков как структурных платформ трансформации аграрного сектора. Их функционирование направлено на формирование высокотехнологичной инфраструктуры, обеспечивающей внедрение передовых биоинженерных разработок, цифровизацию производственных процессов, повышение эффективности использования природных и техногенных ресурсов и реализацию стратегий устойчивого развития АПК. Эти структурные образования, выстраивающие сквозную цепочку «исследование – разработка – производство –

коммерциализация», призваны обеспечить устойчивость аграрного сектора к нарастающим внешним и внутренним факторам риска. В действующих условиях традиционные модели воспроизводства аграрной системы демонстрируют ограниченную адаптивность, особенно в сегментах, требующих высокой концентрации научных компетенций, биотехнологических решений и специализированной экспериментальной базы.

Согласно исследованию (Урасова и др., 2023), агробиотехнопарки являются основным инструментом реализации задач технологической независимости и обеспечения продовольственной безопасности России. В.В. Будюкин отводит им значение инструмента повышения региональной инновационной активности, интеграции науки, образования и производства. Однако он также подчёркивает, что эффективность данных технопарковых структур обусловлена включённостью в систему комплексных мер по трансформации аграрной инфраструктуры (Будюкин, 2025). Аналогичный подход разделяют А.Т. Стадник и В.В. Васильев: анализируя опыт Новосибирской области, они рассматривают агробиотехнопарк как инфраструктурную платформу ускоренного внедрения разработок, эффективность которой зависит от межуровневой координации науки, образования, бизнес-структур и органов власти (Стадник, Васильев, 2024).

Несмотря на интенсивное развитие концепции агробиотехнопарков в современной научной мысли, следует указать, что существующие подходы преимущественно ограничиваются инфраструктурными моделями без территориального обоснования формирования данных технопарковых структур и не учитывают отраслевые, агроклиматические и логистические особенности конкретных регионов. Работы В.В. Будюкина, А.Т. Стадника, А.А. Урасовой, Ю.Л. Блохина, В.В. Маслакова, Л.В. Глезман, С.С. Федосеевой, В.В. Васильева, А.С. Слепурова и других ученых посвящены исследованию сущностных аспектов и роли технопарков как платформ для трансфера инноваций, при этом пространственно-экономический анализ их формирования и функционирования в данных научных трудах не проводится. В настоящий момент отсутствуют научно мотивирован-

² Технологическое обеспечение продовольственной безопасности. URL: <http://government.ru/info/54316/>

³ Реализация нацпроекта по технологическому обеспечению продовольственной безопасности РФ потребует не менее 1 трлн рублей. URL: <https://agroexpert.press/products/realizacziya-naczproekta-po-tehnologicheskomu-obespecheniyu-prodovolstvennoj-bezopasnosti-rf-potrebuete-menee-1-trln-rublej>

ные пространственно-экономические подходы к размещению агробиотехнопарков, а также достаточное методическое обоснование критериев выбора регионов для размещения высокотехнологичных агропромышленных структур. Доминирующие в научной литературе модели представляют собой универсализированные инфраструктурные схемы, не учитывающие агроэкологическую дифференциацию, институциональную фрагментарность регионального пространства, климатические ограничения и логистическую специфику размещения биотехнологических кластеров. Полагаем, что отсутствие пространственного анализа при создании агробиотехнопарков может способствовать снижению их экономической результативности. Подобный анализ также позволяет выявить и учесть совокупность региональных факторов, что особенно актуально в области, например, развития субтропического растениеводства. Без анализа региональных аспектов не представляется возможным обеспечить эффективность функционирования, специализации и воспроизводства технопарковой модели в аграрной экономике.

Таким образом, при определении роли агробиотехнопарков в трансформации АПК территориальная дифференциация с учётом агроклиматических, почвенно-экологических, логистических и научно-образовательных факторов остаётся наименее исследованной.

Краснодарский край, обладая уникальной агроклиматической спецификой, развитой транспортной системой и высокой концентрацией научных институтов, представляет собой обоснованно перспективную территорию для размещения агропромышленного технопарка субтропической специализации. Однако перечисленные преимущества требуют точной интеграции в аналитическую модель, разработанную на методах пространственной экономики, кластерного анализа и концепции «тройной спирали». Исходя из выявленных противоречий формируется гипотеза о том, что г. Сочи обладает высокой степенью соответствия требованиям к размещению агробиотехнопарка, а совокупность природно-климатических, логистических и научно-инновационных факторов формирует устойчивую базу для создания экспортно ориентированной аграрной экосистемы.

Цель исследования заключается в научном обосновании территориальной целесообразности размещения агробиотехнопарка «Субтропики России» и разработке модели его институционального функционирования как элемента региональной инновационной инфраструктуры.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить следующие задачи:

- проанализировать научные подходы к формированию агробиотехнопарков, их концептуальных моделей и роли в развитии АПК;
- разработать методическую основу пространственного анализа;
- оценить конкурентные преимущества Краснодарского края для формирования агропромышленного технопарка и развития субтропического растениеводства; определить роль агробиотехнопарка в развитии регионального АПК, в том числе на основании анализа зарубежного опыта.

Методика исследования

Методическая основа исследования строится на интеграции теоретических подходов, позволяющих рассматривать агробиотехнопарк как территориально закреплённую высокотехнологичную систему, функционирование которой определяется сочетанием агроклиматических условий, почвенно-экологических характеристик, инфраструктурной доступностью и наличием развитого научно-образовательного потенциала.

Исследование опирается на аналитические инструменты, выявляющие пространственную обусловленность технопарковых структур и механизмы их воспроизводства в региональной экономике. Теоретическая база включает кластерную теорию, концепции пространственного развития и институционального анализа, позволяющие определять агропромышленные технопарки как интегрированный высокотехнологичный кластер, эффективность которого определяется плотностью горизонтальных связей, интенсивностью обмена знаниями и степенью включённости научного ядра в производственный процесс. В условиях усиливающегося внешнего давления, в том числе в сфере технологий, особое значение приобретает укрепление научно-технологического суверенитета, который выступает методической

основой для определения технопарковой модели как инструмента формирования устойчивости и трансформационного потенциала регионального АПК.

Эмпирической основой исследования выступают систематизированные данные Федеральной службы государственной статистики, материалы региональных органов управления АПК и информация профильных научно-исследовательских учреждений. Для выявления территориальной специфики использован механизм пространственной диагностики, включающий сопоставление агроклиматических параметров, индексов почвенного обеспечения колебаний гидротермического режима, что позволяет оценить устойчивость региона к возделыванию субтропических специализированных культур. Применённый аналитический подход дополняет климатические характеристики оценкой почвенно-ресурсного потенциала и ландшафтно-экологических ограничений, влияющих на производственную специализацию.

Для оценки логистического потенциала региона используется система показателей, отражающая доступность мультимодальных узлов, плотность инфраструктуры, частоту грузоперевозок морским и железнодорожным транспортом, стабильность транспортных маршрутов и сезонную вариативность их пропускной способности. Такой подход позволяет определить степень готовности региона к формированию экспортно-ориентированного агрокластера, нацеленного на продукцию субтропического земледелия, требующую строгого соблюдения сроков доставки и температурного режима при транспортировке и хранении. Внутренняя логика исследования для установления связей между динамикой агропроизводства, институциональной средой, инвестиционной активностью и природно-климатическими особенностями опирается на диалектический метод. Статистический метод применяется для определения производственных трендов и структурных сдвигов, связанных с изменением спроса, технологии и логистики. Теоретический анализ также основывается на абстрактно-логическом подходе, позволяющем выделить структурные характеристики технопарков и раскрыть роль научной составляющей в обеспечении их функциональной целостности.

Теоретические основы исследования

Формирование агробиотехнопарков представляет собой стратегический механизм технологической трансформации АПК, обеспечивающий комплексную интеграцию научных достижений, инноваций и производственных мощностей в единую экосистему. В научной среде агробиотехнопарки рассматриваются в рамках различных концептуальных моделей. Так, в работе (Kotvyts'ka, 2022) автор характеризует их как фундаментальные катализаторы инновационной трансформации агропродовольственной системы, акцентируя роль данных структур в ускорении технологического обмена и внедрении прогрессивных методов сельскохозяйственного производства. О.Ю. Анциферова, В.В. Будюкин, О.В. Николаев, Н.В. Кочкин, L. Ling, X. Chen, Y. Wu, S. Li, J. Wei, Q. Zhou определяют агробиотехнопарки как инновационный объект развития аграрного сектора экономики (Николаев, Кочкин, 2006; Анциферова, Будюкин, 2024; Ling et al., 2023). Некоторые исследователи выделяют в качестве ключевого направления деятельности агробиотехнопарков производственный аспект, но подчеркивают, что они выступают стратегическим инструментом интеграции науки и производства, ускоряя цикл «исследование — разработка — внедрение» и способствуя коммерциализации научных достижений (Krygiel, Niec, 2008; Zianko, Nechyporenko, 2023; Popova, Strikh, 2023).

Также в научной литературе высказывается мнение, что такие технопарковые структуры являются институционально оформленными научно-производственными кластерами, ориентированными на диверсификацию агропромышленного производства, цифровую трансформацию сельского хозяйства и коммерциализацию научных разработок (Hasanov, Akbulaev, 2020). Некоторые ученые рассматривают агробиотехнопарки как инструмент устранения структурных диспропорций АПК, вызванных сниженной технологической модернизацией, низкой рентабельностью и недостаточной адаптивностью научных разработок (Андрющенко, 2019; Melikhov et al., 2021), другие в свою очередь интерпретируют их через концепцию «тройной спирали», в рамках которой инновации рождаются на стыке взаимо-

действия университетов, бизнеса и государства (Etzkowitz, Leydesdorff, 2000). Е.Н. Тазин разделяет подобный подход и определяет агробиотехнопарки как территориально интегрированные системы, включающие исследовательские, конструкторские, технологические и производственные предприятия, ориентированные на использование интеллектуального, производственного и венчурного потенциала резидентов (Тазин, 2017).

Выдвигается и идея о том, что структурная организация технопарков ориентирована на формирование вертикально интегрированных цепочек добавленной стоимости, включающих растениеводство, животноводство, агропереработку и сбыт, что позволяет минимизировать транзакционные издержки и повысить операционную эффективность аграрного бизнеса (Prasetyo, 2023). Отмечается двойная функция технопарков: они способствуют развитию малого инновационного бизнеса и обеспечивают институциональные условия для инновационного роста на макроуровне (Rashedi, 2020).

Агропромышленные технопарки выполняют культурно-исторические, природоохранные и социальные функции, обеспечивая сохранение традиционных форм землепользования в условиях урбанизированных территорий. Это значение в социуме дополняется нюансировкой особой роли данных структур в качестве механизма территориального управления, направленного на защиту сельскохозяйственного производства от вытеснения вследствие урбанизационного давления, что обеспечивает стабильность землепользования через интеграцию агропромышленного сектора в системы пространственного планирования (Tóth, Supuka, 2013).

Важным аспектом развития агробиотехнопарков является их экологическая составляющая. В этом контексте важно сфокусировать внимание на таких вопросах, как рациональное использование биоклиматических ресурсов, внедрение водосберегающих технологий, повышение экологической безопасности аграрных территорий. Формирование экологически устойчивых аграрных технологий становится одной из приоритетных задач, определяющих необходимость разработки специализированных стратегий в функционировании агробиотехнопарков.

П.М. Першукевич отмечает, что ускоренное технологическое развитие АПК сопровождается не только ростом производственного потенциала, но и значительными экологическими рисками. По его мнению, обеспечение устойчивости отрасли требует переосмысления существующих моделей производства с акцентом на ресурсосберегающие технологии, способствующие снижению антропогенной нагрузки, восстановлению агроландшафтов и повышению биопродуктивности почв. Внедрение замкнутых производственных циклов, биотехнологических платформ и адаптивных механизмов регулирования агроэкосистем в рамках агропромышленных технопарков позволит сбалансировать технологический прогресс с принципами экологической устойчивости (Першукевич, 2017). P. La Panga, K. Ekasari, A. Kasirang, A.L. Dewi, F. Sasmita также отмечают важность экологического аспекта развития агропромышленных технопарковых структур (La Panga et al., 2024).

В.В. Маслаков и соавторы рассматривают агробиотехнопарки через призму их инфраструктурного потенциала, выделяя специализированные научные центры, лаборатории и инжиниринговые компании как фундаментальные элементы их успешного функционирования. Согласно этому подходу, именно научные разработки, трансформируемые в производственные технологии, формируют основу конкурентных преимуществ данных структур (Маслаков и др., 2017).

Нами подчеркивается многоаспектность агробиотехнопарков, их роль не только в инновационном развитии аграрного сектора, но и в формировании новых организационно-экономических механизмов управления сельским хозяйством (Пьянкова, Макаренко, 2024). При этом в рамках анализа зарубежного опыта в направлении функционирования агробиотехнопарков определен их значительный потенциал (Макаренко, 2023). Однако он должен сопровождаться глубокой аналитической работой, учитывающей специфику отечественного АПК.

Таким образом, агропромышленные технопарковые структуры представляют собой пространственно-организованные инновационные центры, где в единой системе сосредоточены научно-исследовательские организации, экспериментальные производственные площадки,

инжиниринговые центры, образовательные структуры и высокотехнологичные аграрные предприятия, обеспечивающие оперативно «на местах» эффективное внедрение научных достижений в практику. Такой формат организации инновационной деятельности позволяет минимизировать разрыв между разработкой передовых технологий и их непосредственным внедрением в аграрное производство, что особенно важно для преодоления технологического отставания сельского хозяйства России и повышения его устойчивости в условиях растущей конкуренции на мировых продовольственных рынках. С учетом высокой степени пространственной неоднородности аграрных территорий проведение пространственного анализа становится необходимым условием для обоснования формирования и функциональной специализации таких технопарков.

Модель агропромышленной структуры «Субтропики России»

Формирование агробиотехнопарка «Субтропики России» направлено на создание высокотехнологичной научно-производственной платформы, обеспечивающей комплексное развитие субтропического растениеводства, селекционно-генетических технологий и глубокой переработки продукции, и представляет собой многофункциональный научно-производственный комплекс, ориентированный на разработку и внедрение передовых технологий в области сельского хозяйства, биотехнологий, генетики, цифровых агросистем и агропромышленного производства. Основной целью его функционирования является технологическая модернизация отрасли путем внедрения передовых методов молекулярной генетики, биоинженерии и цифрового мониторинга агроэкосистем, что позволит повысить продуктивность субтропического сельского хозяйства, минимизировать импортную зависимость и укрепить продовольственный суверенитет. Создание инновационной инфраструктуры: биотехнологических лабораторий, экспериментальных агроучастков и перерабатывающих предприятий — позволит не только повысить уровень внутреннего производства сельскохозяйственной продукции, но и сформировать экспортно-ориентированные

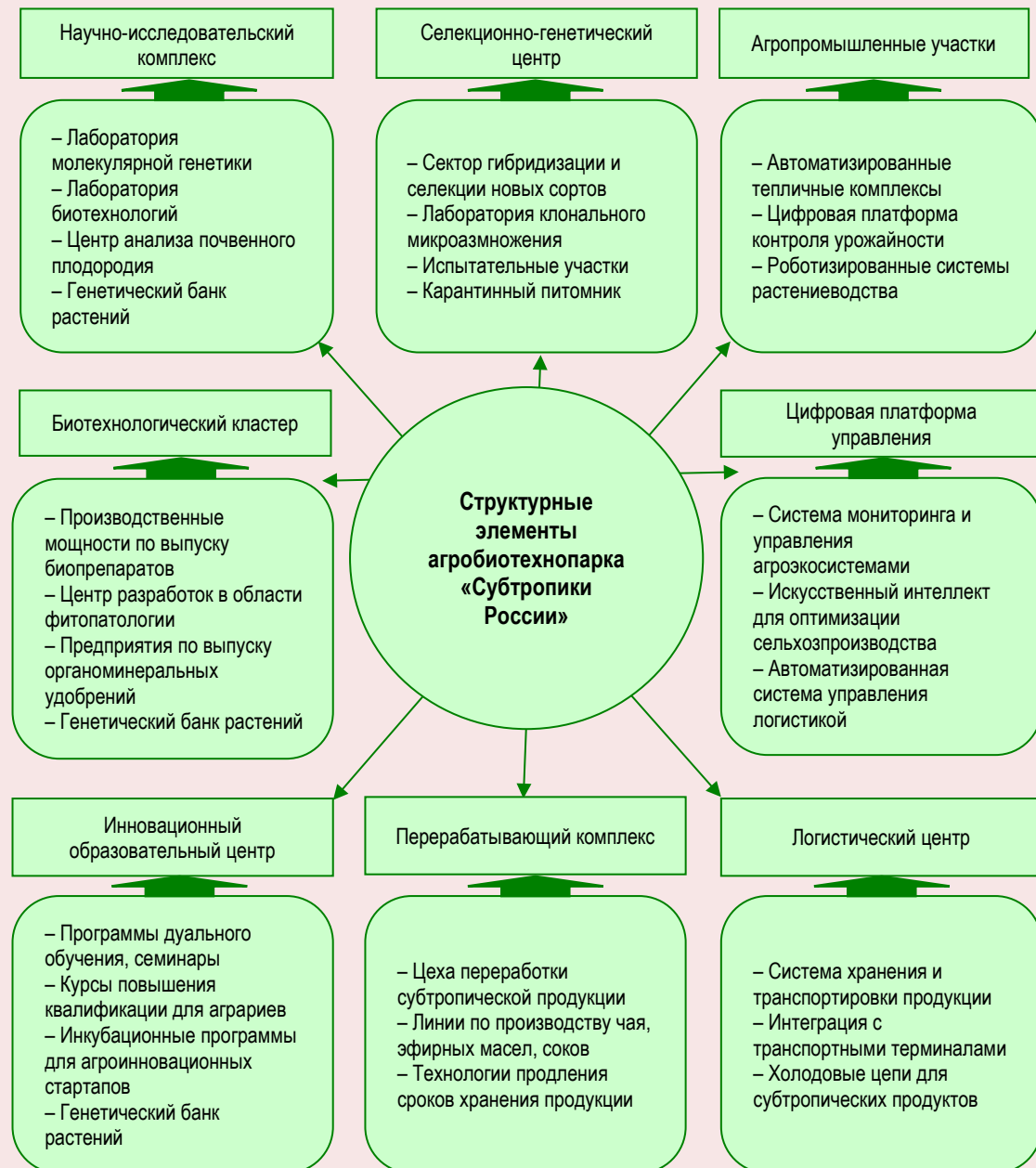
кластеры с высокой добавленной стоимостью, обеспечивающие диверсификацию аграрного сектора и его долгосрочную конкурентоспособность в глобальной продовольственной системе.

Исследуя направления функционирования агропромышленного технопарка «Субтропики России», следует указать на многопрофильность деятельности данной структуры, которая условно представлена на *рисунке 1*.

Следует указать, что функционирование агробиотехнопарка субтропической направленности должно рассматриваться как деятельность комплексной пространственно-институциональной системы, в рамках которой научные, производственные, технологические и управленческие элементы связаны устойчивыми потоками знаний, трансфером технологий, эффективным распределением ресурсов и скоординированной работой регулирующих институтов. В отличие от упрощённых моделей, представляющих технопарк как формальное объединение резидентов, предлагаемая модель направлена на выявление механизмов внутреннего взаимодействия, установление функциональной иерархии, уплотнение горизонтальных связей и структуры ядра, обеспечивающего непрерывность и устойчивость инновационного воспроизводства в региональной экономике.

Структурное ядро агробиотехнопарка формируется научно-исследовательским блоком, включающим селекционно-генетические центры, лаборатории биоинженерии, подразделения синтеза и специализированные научные институты, обеспечивающие разработку и первичную апробацию технологических систем. Данная составляющая выступает источником инновационной активности, формируя новые генотипы, селекционные разработки, биоматериалы и протоколы воспроизводства безвирусного посадочного материала и определяя тем самым параметры будущих производственных циклов. Научное ядро выполняет системообразующую функцию, задает направление трансферу знаний и технологий к производственным звеньям, создавая замкнутую цепь устойчивого инновационного воспроизводства в рамках технопарковой модели.

Рис. 1. Структурные элементы агробиотехнопарка «Субтропики России»

Источник: составлено авторами.

Второй функциональный уровень агробиотехнопарка представляет производственно-технологический блок, включающий хозяйствующие субъекты, обладающие потенциалом интеграции научных разработок в прикладные аграрные процессы. В данный блок входят высокотехнологичные фермерские структуры, семеноводческие комплексы, питомники, специализированные хозяйства по выращиванию субтропических культур, а также предприятия первичной переработки сельскохозяйственного сырья. Взаимодействие производственно-технологического блока с научным ядром обеспечивает непрерывность технологического цикла, в рамках которого результаты научных разработок проходят этапы масштабной апробации, адаптации к специфике региональных агроэкологических условий и наконец включения в аграрный процесс. На данном уровне осуществляется оценка эффективности разработанных инновационных решений, подтверждающая производственную эффективность и экономическую целесообразность их применения в системе аграрного воспроизводства.

Системообразующим элементом модели агробиотехнопарка выступает управляющая структура, обеспечивающая интеграцию всех уровней взаимодействия — от научных и производственных до институционально-государственных. В её функции входит координация технологического трансфера, институциональное сопровождение резидентов, документальное утверждение правовых условий деятельности, реализация инвестиционной политики и контроль соблюдения стандартов биологической безопасности. Управляющая структура обеспечивает целостность модели, координируя взаимодействие между научным ядром, производственным блоком и государственными институтами. Данным структурным элементом устраняется внутренняя разрозненность, минимизируются транзакционные издержки и обеспечивается согласованность всех элементов технопарковой системы.

При этом агробиотехнопарк, по нашему мнению, должен быть реализован в виде кластерной модели. Она формируется на основе взаимодействия предприятий глубокой переработки субтропического сырья, логистиче-

ских операторов с экспортной специализацией, профильных сервисных структур и цифровой платформы, обеспечивающей управление биотехнологическими процессами. В отличие от традиционных моделей, где цифровая среда рассматривается как самостоятельный элемент, в данной концепции она функционирует как сквозной инструмент, обеспечивающий синхронизацию данных, контроль производственных параметров, управление рисками и формирование цифровых двойников.

Институциональные условия функционирования агробиотехнопарка определяются участием государственных органов, образовательных организаций, органов управления агропромышленным комплексом, финансовых институтов и инфраструктурных операторов. Эти субъекты обеспечивают доступ к инструментам государственной поддержки, формируют кадровый и инвестиционный потенциал, а также создают материально-логистическую основу своего предприятия. Их согласованное взаимодействие задаёт макроэкономические контуры функционирования агробиотехнопарка и обеспечивает его интеграцию в региональные и национальные системы аграрного развития.

Таким образом, концептуальная модель агробиотехнопарка формируется как многоуровневая, институционально и технологически связанная система, в которой научные, производственные, управленческие и инфраструктурные элементы функционируют в едином механизме сквозного обмена знаниями, технологиями и ресурсами. Формирование в субтропической зоне представляет собой не совокупность изолированных конкурентных преимуществ, а результат целенаправленного системного проектирования, обеспечивающего полноту инновационного цикла — от разработки и апробирования научных решений до их промышленной реализации, в частности в контексте пространственной и агроэкологической специфики южных территорий России. Учитывая высокую зависимость субтропического сельскохозяйственного производства от агроклиматических, почвенных и логистических условий, территориальный аспект реализации агробиотехнопарка приобретает приоритетное значение.

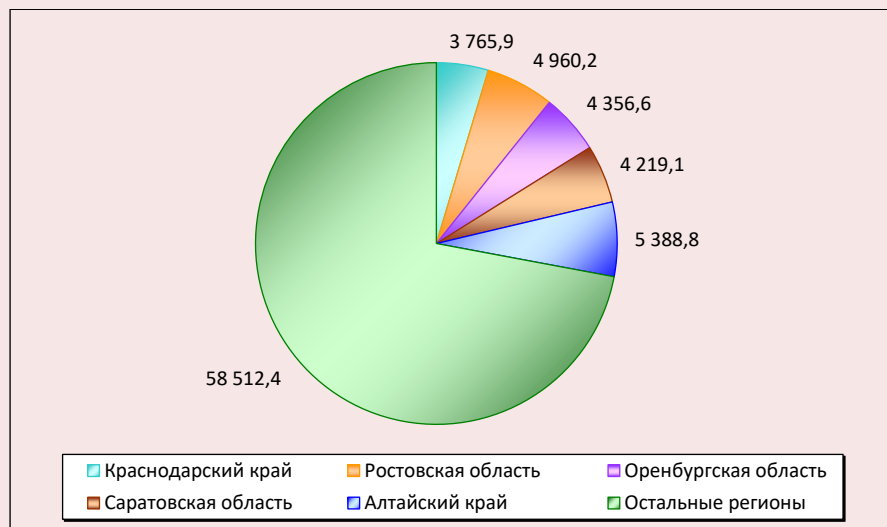
Агропромышленный потенциал Краснодарского края

Краснодарский край является одним из ключевых регионов России в сфере агропромышленного производства, формируя 7% общего объема сельскохозяйственной продукции страны и занимая 39,8% в структуре АПК Южного федерального округа. В условиях макроэкономической нестабильности, повышения издержек производства, изменения структуры экспорта и адаптации к новым климатическим условиям регион демонстрирует устойчивость производственного потенциала, обеспечивая прирост ряда ключевых показате-

лей. С учетом этих факторов данный регион является одним из перспективных территориальных объектов для развития АПК, в том числе формирования агропромышленных технопарковых структур.

Так, Краснодарский край занимает лидирующее место в стране по валовому сбору зерновых культур и по производству сахара. Второе место регион занимает по производству молока, третье место — по выращиванию масличных культур. По итогам 2023 года общая посевная площадь края занимает 5 место среди всех регионов (рис. 2), а ее доля составляет 4,64% всей посевной площади страны (табл. 1).

Рис. 2. Структура посевной площади России по регионам, 2023 г., тыс. га

Источник: Посевные площади Российской Федерации в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/posev-4%25D1%2581%25D1%2585_2023.xlsx&ved=2ahUKEwj6xdfM4OWLAxWoCBAIHdNMKjgQFnoECBMQAQ&usg=AOvVaw14Uhd9y9-sN7nXbN_MoUFQ

Таблица 1. Ранжирование регионов по размерам посевных площадей

Регион	Хозяйства всех категорий в 2023 г., тыс. га	Доля в общей площади, %
<i>Всего по России</i>	<i>81 202,8</i>	<i>100,00</i>
Алтайский край	5 388,8	6,64
Ростовская область	4 960,2	6,11
Оренбургская область	4 356,6	5,37
Саратовская область	4 219,1	5,20
Краснодарский край	3 765,9	4,64
Остальные регионы	58 512,4	72,06

Составлено по: данные Росстата.

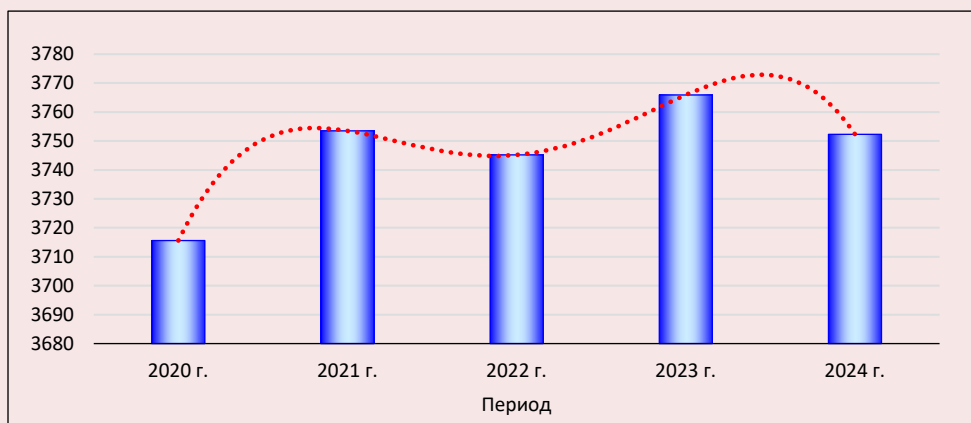
В целом динамика общей посевной площади Краснодарского края в хозяйствах всех категорий за период 2020–2024 гг. представлена на рисунке 3.

Кроме того, по итогам 2023 года общий объем сельскохозяйственного производства края составил 584,8 млрд рублей, что на 4,2% ниже уровня 2022 года. Доля данного показателя по итогам 2023 года составила 6,9% от общего объема сельскохозяйственного производства России. В Южном федеральном округе его доля равна 39,0%. Однако за январь – июль 2024 года производство достигло объемов 299,8 млрд рублей⁴, что соответствует 104,9% к аналогичному периоду 2023 года. Кроме того, в 2024 году в

целом по АПК оборот в действующих ценах вырос на 16,5%, в том числе в сельском хозяйстве – на 21,2% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года⁵. Динамика ключевых показателей АПК Краснодарского края за 2021–2024 гг. представлена в таблице 2.

Объем экспортной выручки региона по итогам 2023 года составил 3,0 млрд долларов США, что эквивалентно 7% от совокупного экспорта продукции АПК России. Экспортные поставки охватывают 107 стран, что обеспечивает диверсификацию внешнеторговых потоков и снижает зависимость от отдельных региональных рынков. Динамика экспортного потенциала демонстрирует среднегодовой темп роста 5% за

Рис. 3. Динамика общей посевной площади Краснодарского края, 2020–2024 гг., тыс. га

Источник: данные Росстата.

Таблица 2. Динамика ключевых показателей АПК Краснодарского края, 2021–2024 гг.

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г. (на 01.08.2024)
Общий объем производства сельскохозяйственной продукции, млрд руб.	590,2	610,4	584,8	299,8
Оборот крупных и средних организаций АПК, млрд руб.	480,5	500,2	530,1	518,4
Производство зерновых, млн т	10,50	10,82	10,32	11,88
Производство масличных культур, млн т	1,40	1,45	1,41	1,50
Производство молока, млн т	1,18	1,22	1,23	1,03
Производство скота и птицы на убой, тыс. т	415,0	420,1	440,0	308,2
Валовый сбор и урожайность плодов и ягод, млн т	0,57	0,60	0,61	0,64*
* Предварительные данные по итогам 2024 года. Составлено по: данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю.				

⁴ URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Val_03.pdf

⁵ URL: https://msh.krasnodar.ru/upload/iblock/3fc/dh9ssj9authbf2c0063w15jztjr0ptdo/Tekushchaya-situatsiya-na-01.08.2024-_na-sayt_.docx

2019–2023 гг., подтверждая устойчивость внешнеэкономической активности агропромышленного сектора региона, при этом по итогам 2023 года регион входит в тройку лидеров по объемам экспорта продукции АПК.

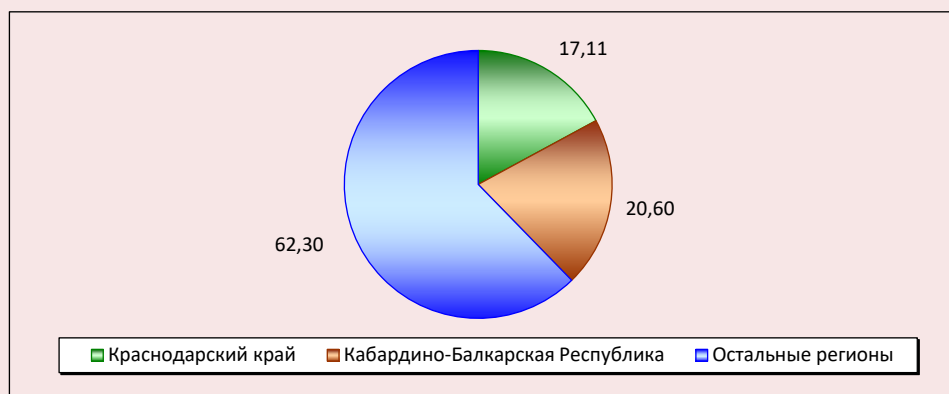
Кроме того, Краснодарский край является одним из лидеров по сбору плодов и ягод. В частности, по итогам 2024 года он занял второе место среди регионов по этому показателю (рис. 4).

При этом наблюдается рост данного показателя по сравнению с аналогичным периодом 2023 года на 5,71%. Динамика сбора плодов и ягод за период 2023–2024 гг. представлена в таблице 3.

Климатические условия Краснодарского края формируют один из наиболее продуктивных агроландшафтов России, что обуславливает его стратегическую роль в национальном агропромышленном комплексе. Географическое расположение региона в переходной зоне от умеренно-континентального на большей территории региона, полусухого средиземноморского

от Анапы до Туапсе к субтропическому климату южнее Туапсе, наличие благоприятного баланса тепла и влаги, а также высокая естественная плодородность почв создают условия для ведения круглогодичного сельского хозяйства с высокой рентабельностью и низким уровнем издержек. Среднегодовая температура в пределах 12–14 °С, с зимними значениями от 0 до +4 °С и летними от +20 до +24 °С, обеспечивает продолжительный вегетационный период, что позволяет осуществлять несколько циклов выращивания культур в течение года, увеличивая совокупную продуктивность аграрного сектора. Продолжительный безморозный период (8–10 месяцев), позволяет выращивать теплолюбивые культуры, включая виноград, инжир, цитрусовые и чай, а также получать два урожая в год, что существенно увеличивает экономическую эффективность аграрного производства. Таким образом, в отличие от центральных регионов страны, где резкие температурные перепады ограничивают ассортимент возделываемых

Рис. 4. Структура объемов сбора плодов и ягод по регионам, 2024 г., %

Источник: данные Росстата.

Таблица 3. Динамика сбора плодов и ягод за 2023-2024 гг.

Регион	2023 г., тыс. ц	Доля региона в общем объеме по итогам 2023 г., %	2024 г., тыс. ц	Доля региона в общем объеме по итогам 2024 г., %	2024 г. к 2023 г., %
Всего в стране	41 997,40	100,00	37 569,20	100,00	89,46
Краснодарский край	6 079,80	14,48	6 426,90	17,11	105,71
Кабардино-Балкарская Республика	7 859,00	18,71	7 737,40	20,60	98,45
Остальные регионы	28 058,60	66,81	23 404,90	62,30	83,41

Составлено по: данные Росстата.

культур, в Краснодарском крае возможно производство озимой пшеницы, риса, кукурузы, сои, подсолнечника и плодово-ягодной продукции с высокой товарной ценностью.

Агроклиматический потенциал региона усиливается высокой солнечной активностью, способствующей интенсивным фотосинтетическим процессам и формированию устойчивых урожайных показателей. Однако следует указать, что среднегодовая сумма осадков в Краснодарском крае варьируется от 400–500 мм в северных районах до 2000 мм в горных и прибрежных зонах, что приводит к существенной разнице в агротехнологических подходах в зависимости от территории. Дефицит влаги в летний период, характерный для центральных и западных районов, требует активного внедрения ирригационных систем и влагосберегающих технологий. В южных и прибрежных районах среднегодовая сумма осадков варьируется от 700 до 2000 мм, при этом коэффициент увлажнения почвы находится в диапазоне 1,0–1,5, что обеспечивает стабильное водоснабжение и благоприятные условия для роста сельскохозяйственных культур. Несмотря на неоднородность гидротермического режима Краснодарского края, в особенности прибрежные районы отличаются высокой устойчивостью к засухе. Данный аспект позволяет осуществлять веде-

ние сельского хозяйства с минимальными затратами на искусственное орошение.

В целом Краснодарский край можно разделить на четыре природно-экономические зоны по категориям производимых сельскохозяйственных культур (рис. 5).

Почвенно-экологические условия Краснодарского края представляют собой ключевой фактор, определяющий стратегическую агропромышленную специализацию региона и формирование устойчивого сельскохозяйственного потенциала. Высокая агроэкологическая дифференциация почвенного покрова обусловлена сложной морфологией территории, гидротермическими особенностями и природно-климатическими градиентами, что создаёт условия для пространственной вариативности аграрных систем и адаптивного земледелия. Так, карбонатные и выщелоченные чернозёмы занимают основную площадь степных и лесостепных зон Краснодарского края, формируя фундаментальную почвенную основу для интенсивного растениеводства. Чернозёмный почвенный комплекс региона позволяет стабильно выращивать зерновые (пшеница, ячмень, кукуруза), масличные (подсолнечник, рапс), технические (сахарная свёкла) и кормовые культуры без значительных затрат на корректирующие агрохимические мероприятия.

Рис. 5. Природно-экономические зоны Краснодарского края

Северный и Центральный районы	• Зерновое производство • Выращивание масличных культур • Свекловодство • Овощеводство
Западный район	• Выращивание бахчевых культур • Выращивание технических растений • Плодоовощное производство
Южное предгорье	• Садоводство • Виноградарство • Выращивание эфиромасличных культур
Анапо-Черноморье	• Специализированное виноградарство • Субтропическое плодоводство

Источник: составлено авторами.

Бурые горно-лесные почвы формируются в предгорных районах региона и характеризуются дерново-карбонатным или серым гумусированным горизонтом. Их агроэкологический потенциал обусловлен высокой структурностью и достаточной обеспеченностью макро- и микроэлементами, однако ограниченная глубина профиля и повышенная каменистость лимитируют их использование в интенсивном сельскохозяйственном обороте. В данных зонах широко распространены многолетние насаждения, включая виноградники и плодовые сады, требующие адаптивных агротехнологий.

Желтозёмы, локализованные на древних морских террасах в прибрежных районах Черного моря, в том числе на территории Сочи, обладают специфическим гранулометрическим составом и высокой минерализацией гумусового горизонта, что позволяет осуществлять специализированное земледелие, ориентированное на выращивание субтропических культур и виноградников. Субтропические плодовые насаждения, включая цитрусовые, хурму, гранат, инжир, айву и некоторые сорта маслин, хорошо адаптированы к условиям почвы благодаря их высокой водоудерживающей способности, слабощелочной или кислой реакции среды и специфическому минеральному составу. Кроме того, особую ценность данные категории почв представляют для виноградарства, так как состав почвы влияет на метаболизм лозы, что, в свою очередь, формирует уникальный химический профиль винограда.

Таким образом, совокупность почвенных условий Краснодарского края формирует основу для интенсивного и диверсифицированного сельского хозяйства, при этом ключевыми аспектами устойчивого развития агропромышленного сектора выступают адаптивное управление почвенными ресурсами, дифференцированная агрохимическая политика, почвозащитные технологии и интеграция инновационных методов ведения сельского хозяйства.

Обсуждение результатов

Пространственно-экономический анализ условий размещения агропромышленного технопарка «Субтропики России» формирует выраженную территориальную дифференциацию параметров природно-климатического, логистического и институционального характера, что делает анализ территории ключевым фак-

тором устойчивости развития данного агробиотехнопарка.

Так, в отличие от умеренных зон, где технологические циклы подвержены сезонным ограничениям, субтропики Краснодарского края обеспечивают режим круглогодичного вегетационного периода, что подтверждается высокой суммой активных температур, превышающей порог в 4000–4500 °С, и равномерным распределением осадков, создающим благоприятные условия для выращивания многолетних культур. Территориальный анализ свидетельствует о том, что влажные субтропики представляют собой единственную в России агроклиматическую зону, где возможно промышленное выращивание чая, цитрусовых, киви, фейхоа, хурмы и других субтропических культур.

Кроме того, почвенно-климатические условия территории Сочи формируют устойчивую агроэкологическую основу для размещения биотехнологического технопарка субтропической специализации. Преобладание бурозёмов и краснозёмов с высокой влагоёмкостью и нейтральной кислотностью обеспечивает оптимальный режим питания и водообеспечения корневых систем, что является важным условием для стабильного выращивания субтропических культур. Это, в свою очередь, снижает экономическую нагрузку на предприятие, т. к. не требуется система орошения. Климатическая устойчивость территории, без критических температурных колебаний, с высокой относительной влажностью, стабильностью гидротермического режима, формирует природную адаптационную среду, которая нивелирует необходимость в капиталоемкой инженерной инфраструктуре, связанной с климатическим регулированием и защитой посевов. Это позволяет существенно сократить совокупные издержки на организацию агробиотехнологического производства, обеспечивая ресурсосберегающий формат функционирования без потери технологической эффективности. Природно-климатические преимущества региона трансформируются в фактор пространственной концентрации научно-исследовательской активности, что объективно обосновывает выбор данной территории в качестве объекта для размещения селекционно-генетических центров, лабораторий микроразмножения и биотехно-

логических комплексов, ориентированных на культивирование и сохранение субтропических видов культур.

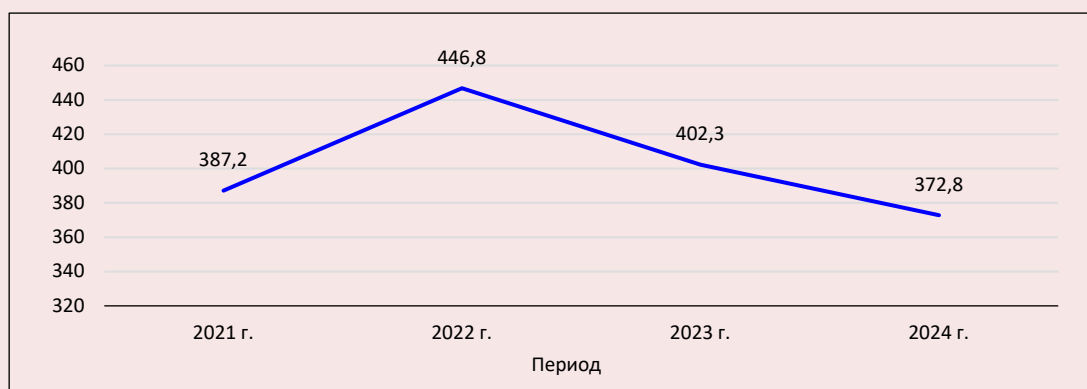
В целом сельскохозяйственное производство на территории г. Сочи представляет собой многогранный процесс, обусловленный адаптацией к изменяющимся климатическим, экономическим и технологическим условиям. По результатам анализа статистических данных за 2021–2024 гг. наблюдаются колебания в объемах производства ключевых видов сельскохозяйственной продукции.

Основную долю сельскохозяйственной продукции растениеводства производят малые формы хозяйствования — личные подсобные хозяйства, крестьянские фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели (табл. 4). Так, в 2024 году доля производимых плодов и ягод в общем объеме сельскохозяйственных растительных культур составила 94%. При этом общее количество данных субъектов по итогам 2024 года составило 23651 единицу, или 99,93% от числа сельскохозяйственных производителей и 60,51% — зарегистрированных субъектов

малого и среднего бизнеса. Соответственно, значительную роль в развитии сельского хозяйства г. Сочи играет малый бизнес. Однако отсутствие изменений в показателях за период 2022–2024 гг. указывает на институциональную стагнацию аграрного сектора региона. Стабильность при отсутствии роста отражает слабую динамику предпринимательской активности и ограниченность стимулирующих механизмов на муниципальном уровне.

Анализ сельскохозяйственного производства в регионе демонстрирует нарастающий дисбаланс между потенциалом территории и фактическим объемом выпускаемой продукции. Производство чая, которое является традиционно одним из ключевых сегментов аграрного сектора, по данным 2024 года составило 372,8 тонны, что на 7% ниже объемов производства по итогам 2023 года. Тенденция снижения объемов производства зеленого листового чая наблюдается и в 2023 году по сравнению с аналогичным периодом 2022 года. Соответствующая динамика за период 2021–2024 гг. представлена на рисунке 6. Причинами данного явления

Рис. 6. Динамика производства чайного листа в регионе, 2021–2024 гг., т

Составлено по: Краснодарский край в 2023 году снизил сбор чайного листа на 10%. URL: <https://www.interfax.ru/business/938155>; В Сочи собрали в 2024 году 373 тонны чая, что на 7% меньше, чем годом ранее. URL: <https://regioniz.ru/news/?n=n20250219224632>; Объем производства чая в Краснодарском крае увеличился на 15%. URL: <https://kuban24.tv/item/obem-proizvodstva-chaya-v-krasnodarskom-krae-uvelichilsya-na-15>

Таблица 4. Структура субъектов, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность, 2022–2024 гг.

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Число действующих сельскохозяйственных предприятий, ед.	16	16	16
Число действующих крестьянских (фермерских) хозяйств, ед.	60	60	60
Число личных подсобных хозяйств, ед.	23 591	23 591	23 591
Составлено по: данные Администрации г. Сочи.			

выступают деградация существующих плантаций, нехватка адаптированного посадочного материала, а также сокращение сельскохозяйственных площадей в результате урбанизации и перевода земель в категорию несельскохозяйственного назначения. В то же время тенденции в потребительском секторе показывают рост спроса на продукцию субтропического растениеводства, что требует активизации политики импортозамещения и воспроизводства утраченных аграрных мощностей региона.

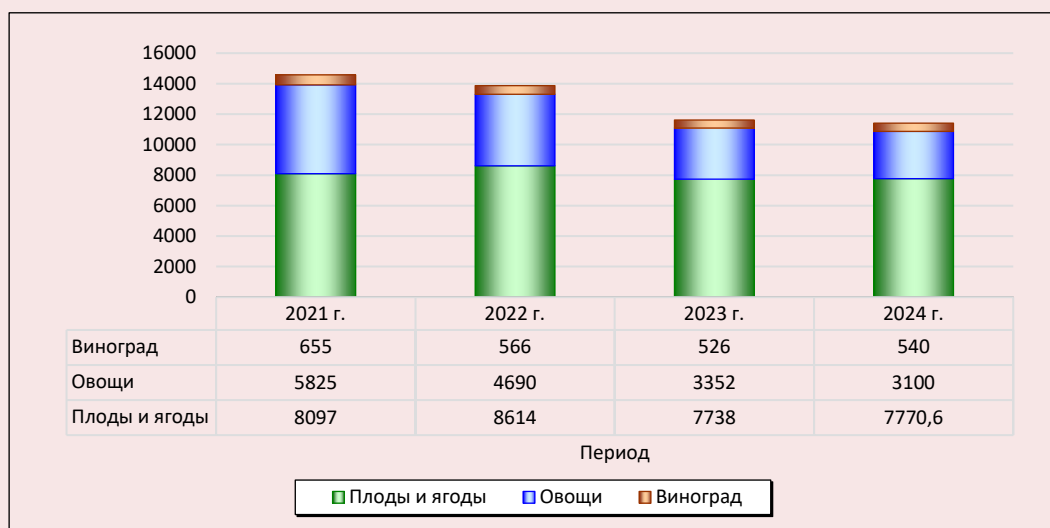
Основной категорией выращиваемых сельскохозяйственных культур являются плоды и ягоды, в том числе субтропические фрукты. Кроме того, как уже отмечалось ранее, агроклиматический потенциал г. Сочи предопределяет его стратегическую значимость для развития субтропического сельского хозяйства в России. По предварительным данным 2024 года объем сбора субтропических фруктов составит 197,9 тонны, что на 1% больше по сравнению с аналогичным периодом 2023 года. Площадь сельскохозяйственных земель с экзотическими садами в 2024 году составила 92 га. Также, по данным сельскохозяйственных предприятий, в 2023 году произведено 94,2 т косточковых культур (слива, алыча, персик) с площади 62,1 га, 141,1 тонны орехоплодных (фундук) с площади

12,41 га, 185,2 тонны субтропических (инжир, хурма, фейхоа, киви) с площади 112,3 га. Кроме этого, было собрано 5,83 тонны ягодных культур (малина, ежевика, голубика) с площади 6,3 га и 3,6 тонны цитрусовых (мандарины, лимоны) с площади 1,85 га. Динамика производимой сельскохозяйственной растительной продукции за период 2021–2022 гг. представлена на *рисунке 7*.

Анализируя посевные площади, следует также указать, что основную их долю составляют плантации для выращивания плодов и ягод. Структура посевных площадей г. Сочи в 2024 году представлена на *рисунке 8*.

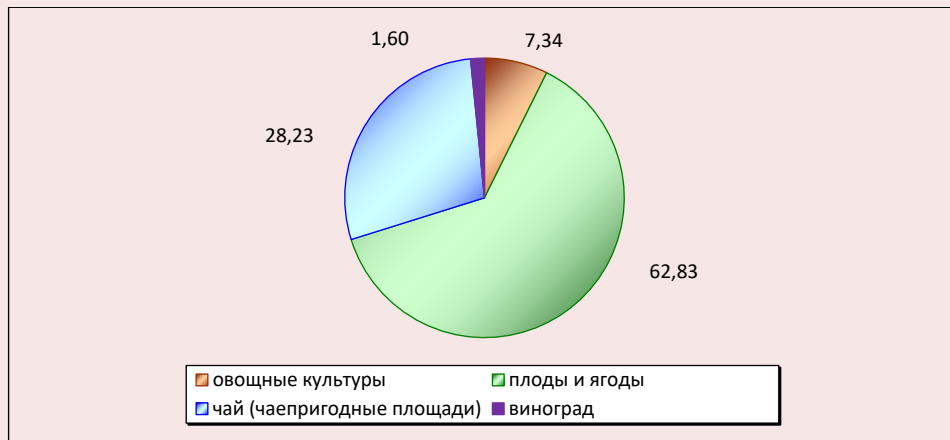
Таким образом, субтропическое сельское хозяйство традиционно сосредоточено в Краснодарском крае, однако его доля в структуре АПК региона остается незначительной. Потенциальный ареал для выращивания субтропических культур в Краснодарском крае превышает 12 тыс. га, что создает возможности для расширения производства и формирования специализированного агропромышленного кластера. В свою очередь прибрежные территории региона, в частности г. Сочи, приспособлены для успешного выращивания субтропических культур и чайного листа, при правильном управлении агрофизическими параметрами — очень

Рис. 7. Динамика производства сельскохозяйственной продукции растительного происхождения, 2021–2024 гг., т

Источник: Паспорт социально-экономического развития за 2023 год. URL: <https://sochi.ru/gorod/obshchaya-informatsiya/pasport-goroda-sochi/Паспорт%20города%202023.pdf>

Рис. 8. Структура посевных площадей г. Сочи, 2024 г., %

Источник: Паспорт социально-экономического развития за 2023 год. URL: <https://sochi.ru/gorod/obshchaya-informatsiya/pasport-goroda-sochi/Паспорт%20города%202023.pdf>

высокого качества. Соответственно, создание агробиотехнопарка в г. Сочи обеспечит возможность значительного увеличения производства субтропических культур, включая цитрусовые, чай, гранат, киви, инжир, фейхоа, лавровый лист, хурму и маслины, что снизит зависимость от импорта данной номенклатуры продукции.

Логистический аспект размещения агробиотехнопарка в Сочи, по нашему мнению, является одним из ключевых элементов территориального обоснования реализации проекта. Город представляет собой мультимодальный транспортный узел федерального значения, способствующий интеграции морского, железнодорожного и авиационного сообщения в единую инфраструктурную систему, способную обеспечить стабильные поставки аграрного сырья, бесперебойную работу перерабатывающего комплекса и диверсификацию экспортных потоков. Наличие современной портовой инфраструктуры с терминальными мощностями для хранения и транспортировки охлажденной продукции минимизирует риски потерь при логистических операциях, что особенно важно для скоропортящихся товаров. Применение мультимодальных логистических решений и современных систем управления поставками позволяет минимизировать временные и финансовые издержки, что увеличивает экономическую рентабельность про-

изводства и повышает конкурентоспособность отечественной аграрной продукции на международном рынке.

Формирование перерабатывающего кластера в структуре агробиотехнопарка позволит оптимизировать логистические потоки за счет концентрации производства вблизи экспортных коридоров, что сократит временные и финансовые издержки на транспортировку продукции с высокой добавленной стоимостью. Использование мультимодальных транспортных решений, включая морские, железнодорожные и авиационные перевозки, обеспечит устойчивость модели экспортно-ориентированного АПК и снизит зависимость от колебаний в транспортно-логистической сфере.

Комплексная логистическая доступность региона делает Сочи оптимальной площадкой для создания высокотехнологичного агробиотехнопарка, способного эффективно интегрироваться в международные торговые сети, минимизировать издержки и обеспечивать долгосрочную конкурентоспособность отечественного агропромышленного производства. Его реализация позволит сформировать кластерную модель хозяйствования, предполагающую не только производство сырьевых продуктов, но и их переработку, упаковку, хранение и дистрибуцию на внешние рынки, что обеспечит увеличение добавленной стоимости продукции.

Немаловажное значение при формировании агропромышленной технопарковой структуры имеет научный и образовательный потенциал, который формирует основу для инновационного развития агропромышленного комплекса и является одним из ключевых элементов для обеспечения технологического суверенитета в сфере субтропического сельского хозяйства.

Соответственно, важна концентрация в регионе профильных исследовательских институтов, способных обеспечить научное сопровождение процесса модернизации отрасли и внедрение селекционно-генетических технологий, направленных на создание адаптивных сортов сельскохозяйственных культур. Системообразующим научным институтом в г. Сочи, обеспечивающим методологическое и технологическое сопровождение проекта, выступает АНО «Академия развития субтропического сельского хозяйства», а также Субтропический научный центр Российской академии наук, специализирующийся на разработке новых сортов субтропических растений, молекулярной селекции, биоинженерии и адаптивного растениеводства. Реализовать научно-производственный проект технопарковой структуры планируется с участием Научно-производственного центра «Агропищепром» и Института сельского хозяйства Абхазии, что формирует основу для масштабного научно-технологического преобразования субтропического растениеводства в России. Таким образом, данная технопарковая структура будет иметь международный уровень ввиду участия научных центров Республики Абхазия.

В составе резидентов будут представлены высокотехнологичные предприятия, специализирующиеся на внедрении передовых методов молекулярной генетики, биотехнологий, микробиологии, агрохимии, селекции и индустриального производства посадочного материала, нацеленных на повышение продуктивности сельскохозяйственного комплекса, снижение импортозависимости и интеграцию в глобальные продовольственные цепочки. Комплексная модель деятельности резидентов обеспечит разработку генетически улучшенных сортов сельскохозяйственных культур, производство биологических средств защиты растений, инновационных агрохимикатов, а также создание обогащенных питательных комплексов и

кормовых добавок, что будет способствовать повышению эффективности агропромышленного производства и формированию экспортно-ориентированной модели субтропического сельского хозяйства.

Так, планируется реализация научно-производственным центром «Агропищепром» программы по формированию генетического банка субтропических культур, включающей разработку новых сортов и гибридов на основе молекулярной селекции, редактирование генома и клеточных технологий, что обеспечит ускоренное воспроизводство высокопродуктивных и устойчивых к абиотическим стрессам растений. Инновационная платформа будет интегрирована с системой разработки новых видов продуктов функционального питания, включая специализированное детское и спортивное питание, обогащенное витаминами и микроэлементами. Внедрение технологий целенаправленного редактирования растительных геномов позволит адаптировать субтропические культуры к изменяющимся климатическим условиям, повысить их урожайность и создать промышленную базу для глубокой переработки сельскохозяйственного сырья.

Развитая система высшего аграрного образования, наличие специализированных исследовательских институтов и научных центров в Краснодарском крае формируют кадровый фундамент для технологической модернизации субтропического сельского хозяйства, обеспечивая подготовку специалистов в области молекулярной генетики, биотехнологий, селекции, автоматизированных систем управления агропромышленными процессами и цифрового земледелия. Развитие агробиотехнопарка «Субтропики России» требует комплексной подготовки кадров с компетенциями в области молекулярной генетики, агробиотехнологий и автоматизированного управления агропромышленными процессами. Например, важное значение в данном направлении имеют образовательные программы центра «Сириус», ориентированные на генно-инженерные методы селекции, клеточную биологию и биоинженерию растений. Указанные направления формируют основу для воспроизводства научных и инженерных кадров, способных к интеграции передовых биотехнологий в сельскохозяйственное производство.

Кроме того, включение образовательных программ, разработанных в партнерстве с ведущими аграрными университетами региона и страны (в частности КубГАУ), в структуру агробиотехнопарка создаст институциональную базу для подготовки кадров, обладающих компетенциями в области редактирования генома, разработки биологических средств защиты растений, роботизированного контроля тепличных комплексов и аналитики агроэкосистем, для чего 7 февраля 2023 года между ФИЦ СЦ РАН и МУСХП «Россия» (пгт. Сириус) подписано соглашение о подготовке научных и научно-педагогических кадров в указанной области. Дополнительно в рамках сотрудничества предусмотрены семинары, мастер-классы, тренинги и круглые столы, организуемые ФИЦ СЦ РАН совместно с образовательными учреждениями, что будет способствовать практической подготовке специалистов, повышению квалификации аграриев и обмену опытом в области инновационного аграрного производства.

Взаимодействие с профильными образовательными учреждениями простимулирует организацию магистерских и аспирантских программ, курсов повышения квалификации, стажировок, а также привлечение студентов к научно-исследовательским проектам и программам дуального обучения, что ускорит внедрение научных разработок в производственные процессы и минимизирует временной разрыв между исследовательской деятельностью и коммерциализацией инноваций. Развитие кадрового потенциала в сочетании с концентрацией научных компетенций на базе агробиотехнопарка станет основой для формирования экспортно-ориентированного кластера субтропического сельского хозяйства, обеспечивающего долгосрочную устойчивость национальной продовольственной системы и снижающего импортозависимость по стратегически значимым продовольственным товарам.

Учитывая, что текущая структура занятости в субтропическом сельском хозяйстве характеризуется высокой долей неквалифицированного труда и низким уровнем цифровизации аграрных процессов, формирование образовательного кластера в структуре технопарка, на наш взгляд, обеспечит качественную перестройку трудового рынка в данном сегменте.

Экономические показатели проекта свидетельствуют о способности региона обеспечить воспроизводство и масштабирование технопарковой модели в соответствии с параметрами и требованиями, установленными действующими нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность данных технопарков. Так, структура агробиотехнопарка «Субтропики России» предполагает привлечение до 50 резидентов и создание от 850 до 1500 рабочих мест, что соответствует установленным требованиям к уровню занятости данной технопарковой структуры. Дополнительное экономическое обоснование проекта формируется за счёт включения в муниципальное стратегическое развитие г. Сочи целевых ориентиров, предусматривающих достижение к 2030 году объёмов производства овощной продукции на уровне 3 тыс. тонн и плодовой — 8 тыс. тонн, что предполагает структурное расширение агропромышленной основы и внедрение высокотехнологичных мощностей, сопряжённых с биотехнологическим воспроизводственным контуром. Данные контрольные показатели могут быть достигнуты, по нашему мнению, исключительно при условии функционирования интегрированной системы, включающей научно-исследовательские, производственные и инфраструктурные элементы.

Экономическая привлекательность территории г. Сочи как объекта для размещения агробиотехнопарка «Субтропики России» также обоснована параметрами внутреннего спроса и выраженной зависимостью российского продовольственного рынка от импорта субтропической продукции. Согласно аналитическим данным, представленным 23 января 2025 года на заседании круглого стола, совокупный объём рынка субтропических культур, подлежащих импортозамещению, превышает 1 трлн рублей. Данные оценки подтверждаются материалами проекта «Экономические предпосылки», в которых указано, что совокупный ежегодный импорт субтропической продукции стабильно превышает 1 трлн рублей, а объём ввоза мандаринов в 2024 году составил 738,3 тыс. тонн. Сформировавшаяся структурная зависимость внутреннего рынка от внешних поставок при одновременном отсутствии национальной производственной базы в данном сегменте доказывает объективную необходимость фор-

мирования специализированной высокотехнологичной инфраструктуры, способной обеспечить воспроизводство конкурентоспособного ассортимента субтропических культур в пределах национального АПК.

Данный проект создания технопарковой структуры обеспечит воспроизводство безвирусного посадочного материала путем внедрения технологий клонального микроразмножения, что позволит создать до 100 млн растений в год, включая инжир, орехоплодные культуры, маслины, хурму, цитрусовые и чай. Селекционные разработки, проводимые на базе генетических лабораторий, позволят вывести новые сорта, адаптированные к изменяющимся климатическим условиям и обладающие высокой продуктивностью. Использование биотехнологических методов микроразмножения обеспечит ускоренный ввод новых сортов в коммерческое производство, сокращение цикла адаптации к климатическим условиям региона и снижение зависимости от зарубежных поставок. Планируемая интеграция научных разработок в производственный процесс позволит минимизировать влияние генетической эрозии, повысить устойчивость растений к биотическим и абиотическим стрессовым факторам и сформировать замкнутый цикл селекционного воспроизводства.

Кроме того, агроклиматическая характеристика региона позволяет осуществлять круглогодичное сельскохозяйственное производство с минимальными затратами на дополнительное орошение, что повышает рентабельность агропромышленных проектов и снижает издержки на поддержание сельхозугодий. Наблюдается поступательная динамика роста среднегодовых температурных показателей в регионе. Это создает предпосылки для расширения площади субтропических агроландшафтов и интенсификации производства. Согласно прогнозам до 2035 года объем производства субтропических культур в регионе увеличится на 910%, а чаеводства — на 250%, что позволит частично заменить импорт аналогичной продукции.

Инвестиционная модель проекта предполагает вложение 4 млрд рублей, из которых 500 млн рублей направлены на создание управляющей инфраструктуры, а 3,5 млрд рублей привлекаются в качестве частных вложений резидентов технопарка. В рамках реализации

проекта планируется создание 1500 новых рабочих мест в сельском хозяйстве, биотехнологиях и переработке аграрной продукции, что будет способствовать снижению уровня безработицы и увеличению налоговых поступлений в бюджеты различных уровней. Дополнительно проект интегрируется в программу развития сельских территорий и аграрного туризма, что позволит повысить инвестиционную привлекательность региона и увеличить доходы малых форм хозяйствования.

Международный опыт функционирования агропромышленных технопарковых структур свидетельствует о высокой эффективности данных парков, которая обеспечивается за счет институционально закреплённой, научно обоснованной и пространственно-интегрированной системы, где исследования, реализация и апробация, а также промышленное производство взаимосвязаны и функционируют как единый процесс. В качестве примера следует привести китайскую модель, формирующую положительные результаты в сфере создания агробиотехнопарков. Современная стратегия развития сельских территорий в КНР ориентирована на глубокую технологическую модернизацию аграрного сектора, усиление научно-инновационной базы и трансформацию сельских регионов в центры устойчивого роста. В этой стратегии центральное место занимают национальные сельскохозяйственные научно-технологические парки (далее — НАСТП), которые служат важнейшими платформами и катализаторами для стимулирования высококачественного развития сельского хозяйства посредством интеграции инновационных научных и технологических элементов. Данная система включает более трёхсот объектов, из них 269 сертифицированы Министерством науки и технологий КНР, что отражает уровень государственной поддержки и устойчивость институциональной среды.

По своей институциональной природе китайские НАСТП представляют собой аналог российских агробиотехнопарков, поскольку их ядро формируется научно-исследовательскими центрами, лабораториями прикладной биотехнологии и научными институтами и структурами, обеспечивающими процесс непрерывных исследований и инноваций. Стратегическое взаимодействие научных инсти-

тутов, университетов и производственных структур формирует устойчивую модель воспроизводства инноваций, устраняющую разрыв между исследованиями и апробированием полученных результатов. Кроме того, эффективное развитие сельскохозяйственных научно-технологических парков оказывает стимулирующее влияние на динамику роста валового внутреннего продукта страны. Так, согласно статистическим данным за период с 2000 по 2020 год, строительство НАСТП значительно улучшило экономическое развитие тех уездов, в которых были сформированы указанные технологические парки: реальный ВВП увеличился на 3,8 %, а реальный ВВП на душу населения – на 4,5%.

Таким образом, формирование агропромышленного технопарка «Субтропики России» в Сочи является экономически оправданным и стратегически необходимым решением, обеспечивающим восстановление субтропического сельского хозяйства, развитие высокотехнологичных производств в АПК, реализацию политики импортозамещения и формирование конкурентоспособного аграрного кластера. Уникальные климатические условия региона, его транспортно-логистический потенциал, наличие научной базы и прогнозируемый экономический эффект делают этот проект ключевым элементом долгосрочной стратегии развития продовольственной безопасности Российской Федерации.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что природно-ресурсные и институциональные характеристики влажных субтропиков г. Сочи формируют совокупность условий, обеспечивающих возможность эффективного функционирования агробиотехнопарка. Стабильность термического и гидротермического режимов в сочетании с почвенно-экологическими особенностями и естественной к ним приспособленностью многолетних субтропических культур формирует среду, способную поддерживать круглогодичное их воспроизводство. Оценка производственного и инновационного потенциала подтверждает, что г. Сочи обладает не только биоклиматической пригодностью, но и институциональной и технологической структурой, позволяющей обеспечивать полный цикл разработки, испытания и дальней-

шего внедрения инновационных подходов к агропроизводственным процессам, что существенно отличает его от большинства российских регионов и обосновывает выбор данной территории для формирования специализированного агропромышленного технологического комплекса.

Стратегическая значимость региона определяется высокой степенью логистической интеграции, обеспечиваемой наличием глубоководного морского порта, круглогодичного воздушного сообщения и железнодорожной инфраструктуры, что формирует стабильные экспортоориентированные каналы и снижает транзакционные издержки при транспортировке продукции, чувствительной к временным ограничениям (скоропортящейся продукции). Институциональная насыщенность региона, проявляющаяся в концентрации специализированных научных учреждений, лабораторий клеточной селекции, генетических банков и профильных образовательных организаций, формирует устойчивую исследовательскую среду, которая способна поддерживать непрерывный процесс формирования инноваций и обеспечивать реализацию и внедрение биотехнологических разработок в АПК.

Кроме того, при структурной потребности внутреннего рынка в импортозамещении субтропической продукции необходимо формирование и развитие агропромышленного технопарка субтропической направленности. Формирование агробиотехнопарка в г. Сочи в данном аспекте рассматривается как инструмент повышения технологического суверенитета, расширения воспроизводственного потенциала селекционно-генетической базы и укрепления системы продовольственной безопасности на национальном уровне в области субтропического сельского хозяйства.

Функционирование агробиотехнопарка будет способствовать трансформации региональной агроэкономики, формированию экспортно-ориентированной модели хозяйствования и включению отечественных агропредприятий в глобальные продовольственные цепочки.

Проведённое исследование подтверждает необходимость учёта пространственно-экономических факторов при формировании агробиотехнопарков и доказывает, что эффективность таких структур напрямую зависит от

региональной специфики, агроклиматических условий, уровня научно-образовательного потенциала и логистической составляющей. Прикладной вклад исследования состоит в формировании системы критериев для размещения агробиотехнопарка с учётом региональных особенностей, что может быть использовано в практике территориального планирования и программно-целевого управления развитием АПК. Выявленные закономерности формиру-

ют научную основу для дальнейшего исследования методики оценки экономической эффективности технопарковых структур, анализа устойчивости их институциональной системы и разработки инструментов государственной поддержки, которые обеспечат разработку и внедрение инноваций, укрепление экспортного потенциала и повышение конкурентоспособности регионального агропромышленного комплекса.

Литература

- Аль-Байдани И.Д.А. (2021). Инновационные технологии в стратегическом развитии агропромышленного комплекса // Региональная экономика: теория и практика. Т. 19. № 5 (488). С. 943–953.
- Анциферова О.Ю., Будюкин В.В. (2024). Агропромышленный технопарк как инновационная структура // Наука и образование. Т. 7. № 2. URL: <https://www.opusmgau.ru/index.php/see/article/view/6724/6786>
- Андрющенко С.А. (2019). Национальные и региональные механизмы реализации приоритетов развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. № 2 (368). С. 34–38. DOI: 10.24411/2587-6740-2019-12024
- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика: монография. Москва – Санкт-Петербург – Лондон: Культурная революция. 432 с.
- Будюкин В.В. (2025). Оценка формирования и развития инновационных интегрированных структур – агропромышленных технопарков в регионе // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. № 1 (80). С. 244–248.
- Будюкин В.В. (2025). Перспективы формирования агропромышленных технопарков в регионе // Международный научно-исследовательский журнал. № 4 (154). DOI: 10.60797/IRJ.2025.154.66
- Глазунова В.В., Сухарев О.С. (2024). Модели технологического развития: влияние структуры инвестиций // Journal of New Economy. Т. 25. № 4. С. 6–23. DOI: 10.29141/2658-5081-2024-25-4-1. EDN BZWYAU
- Макаренко Б.В. (2023). Агробиотехнопарки как новый вектор развития агропромышленного комплекса страны: опыт Китая // Прогрессивная экономика. № 11. С. 157–177.
- Маслаков В.В., Сёмин А.Е., Курдюмов А.В., Ляшенко А. (2017). Особенности функционирования и развития технопарковых структур в Российской Федерации: монография / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Уральский государственный аграрный университет, Министерство образования и науки Российской Федерации, УрГЭУ. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ. 445 с.
- Нечаев В.И. (2023). Предпосылки к технологическому суверенитету в агропромышленном комплексе России в новых геополитических условиях // Конкурентоспособность и эффективность АПК в контексте оптимизации материально-технического и финансового обеспечения: материалы XV Международной научно-практической конференции. С. 184–189.
- Нечаев В.И., Санду И.С., Михайлушкин П.В., Бондаренко Т.Г. (2023). Научные подходы к обеспечению технологического суверенитета в аграрном секторе экономики России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 3 (97). С. 91–101. DOI: 10.33938/233-91
- Нечаев В.И., Семенов А.В. (2022). Актуальные организационно-экономические подходы к развитию отечественной селекции и семеноводства в условиях санкционного давления // Экономика сельского хозяйства России. № 6. С. 63–71. DOI: 10.32651/226-63
- Николаев О.В., Кочкина Н.В. (2006). Новые формы кооперации труда в условиях инновационной экономики // Экономический журнал. № 12. С. 127–142.
- Першукевич П.М. (2017). Инновационный прогресс в системе производственных сил и производственных отношений агропромышленного производства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 9. С. 2–8.
- Пьянкова С.Г., Макаренко Б.В. (2024). Роль агробиотехнопарков в трансформации АПК и стимулировании региональной экономики (на примере агробиотехнопарка «Гиагинский») // Экономический анализ: теория и практика. Т. 23. № 11 (554). С. 2042–2056. DOI: 10.24891/ea.23.11.2042

- Стадник А.Т., Васильев В.В. (2024). Место и роль агробиотехнопарка в системе государственной поддержки инновационного развития АПК Новосибирской области // Московский экономический журнал. Т. 9. № 11. С. 158–176.
- Тазин Е.Н. (2017). О необходимости создания агротехнопарков // Агропродовольственная политика России. № 11 (71). С. 85.
- Урасова А.А., Глезман Л.В., Федосеева С.С. (2023). Создание агробиотехнопарков как условие достижения технологического суверенитета и продовольственной безопасности России // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 242. № 4. С. 138–158.
- Ушачев И.Г., Колесников А.В., Здоровец Ю.И. (2022). Состояние и стратегические направления развития агропродовольственной и экспортной политики России // АПК: Экономика, управление. № 10. С. 3–21.
- Ahmetshin D. (2021). The necessity of introducing innovations in the agricultural sector. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennoy mire*, 2-7(70), 6–11.
- Etzkowit H., Leydesdorff L. (2000). The dynamics of innovation: From national systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university-industry-government relations. *Research Policy*, 29. Available at: https://www.researchgate.net/publication/222547985_The_Dynamics_of_Innovation_From_National_Systems_and_Mode_2_to_a_Triple_Helix_of_University-Industry-Government_Relations
- Hasanov N., Akbulaev N. (2020). Innovative development of key sectors of economy based on the creation of technological parks in the Republic of Azerbaijan. *New Trends and Issues Proceedings on Advances in Pure and Applied Sciences*, 12, 44–56. DOI: 10.18844/gjpaas.v0i12.4986
- Kotvyts'ka N. (2022). Theoretical foundations of innovations in the agro-food sector. *Naukovy visnyk Polissia*, 2(25), 59–76. DOI: 10.25140/2410-9576-2022-2(25)-59-76
- Krygiel E., Niec B. (2008). *Green BIM: Successful Sustainable Design with Building Information Modeling*. NJ: Wiley.
- La Panga P., Ekasari K., Kasirang A., Dewi A.L., Sasmita F. (2024). The development of agrotechnopark model based on modern villages. *International Journal of Religion*, 5(8), 317–329. DOI: 10.61707/qc318e83
- Ling L., Chen X., Wu Y. et al. (2023). National modern agricultural industrial parks: Development characteristics, regional differences, and experience inspiration – case study of 200 NMAIPs in China. *Agronomy*, 13, 653. DOI: 10.3390/agronomy13030653
- Melikhov V.V., Novikov A.A., Kozenko K.Yu., Komarova O.P. (2021). Institutional peculiarities of agricultural technoparks formation in Russia. *Earth and Environmental Science*, 624, 012163. DOI: 10.1088/1755-1315/624/1/012163
- Popova E.V., Strikh N.I. (2023). Investigation of ESG spillovers for external stakeholders in Russian regions. *The Manager*, 14(2), 20–34. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-2-2. EDN SHRXQY
- Prasetyo A. (2023). Integrating urban farming concepts in agricultural technology parks for improved urban prosperity. *Transactions of the Chinese Society of Agricultural Machinery*, 54(9), 91–102.
- Rashedi H. (2020). Techno park structure as the economic institution of developing innovative economy. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.3572077
- Timakova R., Akulich A., Samuylenko T. (2021). The role of biotechnology in ensuring the preservation of dry composite mixtures. *E3S Web of Conferences*, 254, 10018. DOI: 10.1051/e3sconf/202125410018
- Tóth A., Supuka J. (2013). Agricultural parks: Historic agrarian structures in urban environments (Barcelona Metropolitan Area, Spain). *Acta Environmentalica Universitatis Comenianae (Bratislava)*, 21(2), 60–66.

Сведения об авторах

Светлана Григорьевна Пьянкова — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: silen_06@list.ru)

Борис Владимирович Макаренко — заместитель генерального директора, ООО «РФА» (Российская Федерация, 354000, г. Сочи, ул. Орджоникидзе, д. 5, помещ. 125); заместитель генерального директора, АО ГК «Талант» (Российская Федерация, 354000, г. Сочи, ул. Навагинская, д. 9д, помещ. 416; e-mail: b_makarenko23@mail.ru)

Pyankova S.G., Makarenko B.V.

Prerequisites for the Creation of an Agrobiotechnology Park as an Element of Innovation Infrastructure

Abstract. In the context of the technological transformation of the agro-industrial complex, agrobiotechnology parks are becoming a key tool for integrating science and production. High import dependence, limited adoption of biotechnologies, and insufficient processing infrastructure hinder the industry's development, necessitating the formation of innovative agro-industrial clusters to enhance the competitiveness and technological independence of agriculture. This study substantiates the feasibility of establishing the "Subtropics of Russia" agrobiotechnology park in Sochi, Krasnodar Territory, as a key element for the technological modernization of the agro-industrial complex and the formation of an export-oriented model of subtropical crop cultivation. The methodological framework of the research includes theories of cluster and spatial development, the triple helix concept, principles of noonomy, as well as tools of statistical, comparative, and spatial-economic analysis. These tools allow for the integration of natural-climatic, agroecological, logistical, and institutional parameters into a unified assessment of regional potential. The study relies on a dialectical approach, which facilitates the identification of interrelationships between agroclimatic characteristics, the dynamics of agricultural production, institutional constraints, and the tasks of technological modernization. The obtained results demonstrate that the region possesses a unique combination of agroclimatic, soil-ecological, and logistical advantages, providing a sustainable foundation for the concentration of high-tech production in subtropical crop cultivation. The developed conceptual model of the agrobiotechnology park reflects its potential to reduce import dependence, establish a system for the reproduction of virus-free planting material, develop breeding and genetic materials, implement digital agrotechnologies, and enhance the competitiveness of the agricultural sector. The scientific novelty of the research lies in the formation of a spatial-economic rationale for the location of an agrobiotechnology park, taking into account natural-resource, institutional, and logistical factors, as well as in the development of a territorially adapted model of a high-tech agro-industrial cluster focused on the development of subtropical crop cultivation. Its practical significance lies in the scientific and methodological substantiation for the creation of agrobiotechnology parks as a tool for achieving technological sovereignty and enhancing food security. Prospects for further research are associated with assessing the economic efficiency of such technopark structures and developing models of institutional support for their development.

Key words: agrobiotechnology park, agro-industrial complex, regional potential, subtropical crops, biotechnologies, breeding, scientific-educational complex, investment potential.

Information about the Authors

Svetlana G. Pyankova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: silen_06@list.ru)

Boris V. Makarenko – deputy general director, LLC RFA (5, Ordzhonikidze Street, office 125, Sochi, 354000, Russian Federation); deputy general director, AO GK Talent (9D, Navaginskaya Street, office 416, Sochi, 354000, Russian Federation; e-mail: b_makarenko23@mail.ru)

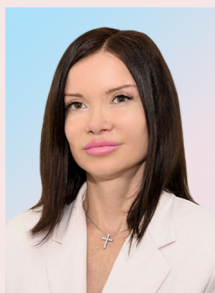
Статья поступила 09.09.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.7

УДК 338.43:636.2(470+571), ББК 65.32-55:46.0

© Тахумова О.В., Бурса И.А.

Проблемы устойчивого развития молочного скотоводства в российских регионах в условиях санкций

Оксана Викторовна**ТАХУМОВА**Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
Краснодар, Российская Федерация

e-mail: takhumova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7002-7100; ResearcherID: I-1537-2018

Игорь Александрович**БУРСА**Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
Краснодар, Российская Федерация

e-mail: bursaia@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8622-9089; ResearcherID: NSU-5295-2025

Аннотация. Целью исследования является оценка дифференцированного влияния санкций на социально-экономическое развитие молочного скотоводства с учетом адаптационного механизма в регионе. Проведена систематизация факторов, позволившая выделить семь уровней устойчивости, с выявлением критических пороговых значений условий, матрицей адаптационных стратегий и обоснованием методологических основ на основе факторного анализа с верификацией через панельные данные Росстата за 2019–2024 гг. и с помощью экспертных оценок. В условиях разноразмерности входных параметров и с учётом временной динамики исследуемых процессов была использована система интегральной оценки, базирующаяся на применении трех дополняющих друг друга методик. Метод линейной свёртки позволил выявить стабильные

Для цитирования: Тахумова О.В., Бурса И.А. (2025). Проблемы устойчивого развития молочного скотоводства в российских регионах в условиях санкций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 156–174. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.7

For citation: Takhumova O.V., Bursa I.A. (2025). Problems of sustainable development of dairy cattle farming in Russian regions under sanctions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6). 156–174. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.7

долгосрочные тренды развития отрасли на основе усреднённых значений нормализованных показателей. Более чувствительная к резким изменениям структуры и темпов развития отрасли геометрическая свёртка подчеркнула особенности влияния трансформаций в политико-экономической сфере после 2020 года. Использование функции желательности Харрингтона дало возможность интерпретировать итоги оценки состояния отрасли с точки зрения её функциональной устойчивости. Результаты моделирования показали, что, несмотря на санкционные экономические, технико-технологические и логистические удары, наблюдается устойчивый рост ключевых показателей отрасли, уже к 2024 году появились признаки системной устойчивости и экономической зрелости. С помощью разработанной методики оценки устойчивости отрасли молочного скотоводства представлен рейтинговый результат на основе экономического, производственного, рыночного и социально-экологического компонентов с обоснованием весов, что позволило учесть отраслевую региональную специфику, обеспечить сопоставимость результатов между территориями и отразить значимость каждого фактора для оценки устойчивости развития. Результаты могут быть использованы в качестве инструмента для принятия решений в аграрном производстве и разработки региональных программ поддержки. Предложены дифференцированные рекомендации по преодолению последствий санкций для регионов с разным уровнем устойчивости молочного скотоводства: лидеры — индекс $> 0,7$; среднее значение — интервал $0,5-0,7$; низкий уровень $\leq 0,5$. Исследование представляет интерес не только для специалистов в сфере агропромышленного комплекса, но и для широкой аудитории, интересующейся процессами адаптации российской экономики к внешним вызовам.

Ключевые слова: молочное скотоводство, экономическая эффективность, санкции, индекс устойчивости, региональная дифференциация, моделирование, прогноз.

Введение

Одной из ключевых отраслей агропромышленного комплекса (АПК) является молочное скотоводство, эффективное функционирование которого позволяет формировать социальную стабильность в сельских регионах и поддерживать продовольственную безопасность на оптимальном уровне. Введенные в 2022 году санкции со стороны стран Запада оказали существенное влияние на функционирование сектора. Изменились рынки сбыта; ограничения на поставки племенного скота повлекли за собой разрыв логистических цепочек; возникли технологические вызовы, проявившиеся в зависимости от зарубежных решений в области генетики и автоматизации. В сложившихся условиях оценка последствий влияния санкций на АПК становится критически важной для государства с целью своевременной корректировки мер поддержки; дает возможность разработки прогнозных моделей развития отрасли.

Для уточнения влияния ограничительных инструментов на молочное скотоводство целесообразно проводить своевременный ана-

лиз факторов, определяющих устойчивость отрасли (*табл. 1*).

Преимущество представленной классификации состоит в выделении ключевых условий, отражающих логистические связи, рыночную конъюнктуру и учитывающих биологические параметры.

В условиях продолжающегося геополитического напряжения и роста санкционного давления со стороны США и ряда западных стран особенно остро встаёт вопрос продовольственной безопасности государства и устойчивого развития его агропромышленного комплекса. Ввиду высокой зависимости от импорта молочное скотоводство, как один из жизненно значимых продовольственных сегментов экономики страны, оказался в довольно трудном положении. Анализ влияния санкционных ограничений на молочное скотоводство сможет помочь не только выявить проблемы, возникшие в отрасли, но и обосновать комплекс общегосударственных и отраслевых мероприятий, направленных на обеспечение ее устойчивого функционирования в существенно изменившихся экономических условиях.

Таблица 1. Ключевые факторы развития молочного скотоводства в регионах

Группа факторов	Ключевые факторы	Влияние на отрасль	Методика исследования
Экономические	Санкционные ограничения	Снижение импорта племенного скота, кормов, оборудования; рост логистических издержек	Анализ эластичности спроса на импортозамещение с помощью эконометрических моделей
	Государственная поддержка	Субсидии, льготные кредиты, компенсации затрат на корма	Оценка эффективности госпрограмм через ROI (возврат на инвестиции) в разных регионах
	Инфляция и ценообразование	Рост себестоимости → снижение рентабельности	Корреляционный анализ динамики цен на корма и молоко
Технологические	Импортозамещение техники	Зависимость от иностранных доильных установок, кормораздатчиков	Сравнение эффективности отечественных и импортных технологий
	Автоматизация ферм	Повышение продуктивности, но требует инвестиций	Кейс-стадии внедрения роботизированных ферм в условиях санкций
Биологические	Генетика и селекция	Зависимость от импорта семени и племенного скота	Анализ динамики роста местных племенных хозяйств
	Кормовая база	Дефицит белковых кормов из-за санкций	Оценка перехода на альтернативные корма (насекомые, силосные культуры)
Логистические	Цепочки поставок	Удорожание транспорта, поиск новых маршрутов	GIS-анализ изменения логистических потоков
Рыночные	Внутренний спрос	Стабильность потребления молочных продуктов	Исследование изменения потребительских предпочтений (например, рост спроса на сыры)
	Экспортные возможности	Переориентация с Европейского союза на Азию и СНГ	Анализ новых рынков сбыта через гравитационные модели торговли
Экологические	Климатические изменения	Влияние засух на кормовую базу	Прогнозирование рисков с использованием климатических индексов
Социальные	Кадровый дефицит	Нехватка ветеринаров, зоотехников	Оценка миграции специалистов из отрасли
Составлено по: EU-Russia Agricultural Trade After 2022: Sectoral Analysis (2022). European Commission. Brussels: EC Directorate-General for Agriculture; Кузнецов П.И. (2023). Цифровизация молочных ферм: российский опыт. Казань: Изд-во Казанского ГАУ; Сидоренко В.В. (2021). Экономическая устойчивость АПК в условиях санкций. Санкт-Петербург: Профи-Информ; Resilience of Agricultural Systems to Geopolitical Shocks (2023). World Bank. Washington, DC.			

Весь санкционный период можно условно разделить на несколько этапов¹.

Первый этап: 2014 г. Начало санкционного давления.

Страны Евросоюза и США ограничили поставки оборудования и ряда препаратов для молочного скотоводства, а также практически запретили сотрудничество с международными организациями в области селекции и генетики КРС (Viking Genetics, ALTA Genetics, ABS и др.)².

¹ Рентабельность и инвестиции в АПК: аналитика и обзоры. Москва: ООО «Агроинвестор», 2022–2024. URL: <https://agroinvestor.ru>

² Доклады и программы по развитию АПК / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru>

Россия ввела ответные ограничительные меры на ввоз продукции из «недружественных стран». Под импортный запрет попали племенной скот, доильные залы, системы кормления и охлаждения молока, комбикорма, кормовые добавки, аминокислоты, протеиновые концентраты и премиксы, вакцины и гормоны для репродуктивного контроля. Были нарушены логистические и генетические цепочки, выросла зависимость от альтернативных поставщиков. Кроме того, ряд российских банков, участвующих в финансировании молочного скотоводства, был отключен от западных рынков капитала, что усложнило приобретение импортного оборудования и технологий в кредит. В связи с этим появилась острая необходимость в разработке государственных программ импортозамещения.

Второй этап: 2015–2017 гг. Сохранение и расширение санкционного давления.

На этом этапе молочное скотоводство России находилось под серьёзным давлением в условиях сохраняющегося и расширяющегося санкционного режима и ответных мер со стороны РФ.

Возникли существенные проблемы в комплектовании дойного стада, т. к. до 70% высокопродуктивного племенного скота закупалось в Евросоюзе и Канаде, племенной скот, ввозимый из Бразилии и Беларуси, не мог компенсировать потери в генетическом качестве³.

Доильные установки DeLaval, GEA и Westfalia стали недоступны, возникли проблемы с их техобслуживанием, что вынуждало производителей массово переходить на уступающие им по качеству китайские и российские аналоги.

Запрет на ввоз кормовых добавок и премиксов привёл к дефициту и удорожанию рационов. Стал остро ощущаться дефицит импортных препаратов, что привело к трудностям с вакцинацией и лечением болезней животных.

Возникли сложности с привлечением иностранного капитала и кредитованием отрасли, выросла себестоимость производства молока и, несмотря на частичную компенсацию за счёт государственных субсидий и субвенций, снизилась доходность.

В качестве ответных мер в России была запущена госпрограмма «Развитие АПК» 2013–2020 гг., включающая раздел «Развитие отечественного племенного животноводства», выделены субсидии на покупку российского оборудования для молочного скотоводства, предусмотрена поддержка селекционно-генетических центров в Краснодарском крае и Республике Татарстан, а также разработаны первые национальные аналоги кормовых добавок и вакцин⁴.

Третий этап: 2018–2021 гг. Развитие процессов импортозамещения в молочном скотоводстве.

Этот период развития отрасли можно охарактеризовать как переходный от краткосрочных и импульсивных реакций на санкции и ограничения к системным мерам по замещению внешних ресурсов, технологий и племенного материала на внутренние (или импорт из дружественных стран). На этом этапе государство не только сохранило, но и расширило меры поддержки молочного скотоводства в рамках национальных программ «Развитие сельского хозяйства» и «Комплексное развитие сельских территорий». Активизированы государственные программы поддержки молочного скотоводства, локализовано производство оборудования, усилено развитие племенного дела и кормовой базы, что позволило несколько стабилизировать ситуацию в отрасли⁵.

Из реальных преобразований следует выделить создание в пяти регионах России генетических центров, в задачи которых входило обеспечение ферм племенным материалом и консультационной поддержкой по вопросам разведения. Это привело к повышению результативности воспроизводства дойного стада. Запуск новых и расширение существующих заводов по производству премиксов, аминокислот, витаминно-минеральных комплексов позволил снизить себестоимость кормления и повысить качество рациона. Появились государственные программы частичной компенсации затрат на приобретение отечественного оборудования. Внедрение цифровых систем учета надоев, кормов и показателей здоровья (ERP, CRM-системы для агросектора) дало возможность автоматизировать индивидуальный учет и контроль состояния животных. Аграрные курсы и онлайн-обучение для фермеров и специалистов способствовали повышению квалификации работников и снижению влияния ошибок в управлении.

³ Рентабельность и инвестиции в АПК: аналитика и обзоры. Москва: ООО «Агроинвестор», 2022–2024. URL: <https://agroinvestor.ru>

⁴ Статистика внешней торговли / Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org>; Аналитика по рентабельности и себестоимости молочного производства / Институт конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР). URL: <https://ikar.ru>

⁵ Отраслевые исследования по АПК / Институт аграрного маркетинга. URL: <http://www.iam.ru>; Сельское хозяйство России: стат. сб. Москва: Росстат, 2015–2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>

Четвертый этап: 2022 год. Новая волна ограничений.

После начала специальной военной операции (СВО) и существенного усиления санкционного давления были введены новые строгие ограничительные меры, затронувшие практически все компоненты производственной цепочки отрасли.

Полное прекращение сотрудничества с иностранными компаниями практически остановило поставки современного доильного и холодильного оборудования, запчастей, ветеринарных препаратов, генетических материалов, техническую поддержку и доступ к новейшим технологиям. Отключение российских банков от SWIFT, валютные ограничения, заморозка и разрыв действующих контрактов затруднили импорт даже из стран, официально не поддерживавших санкции. Перебои с поставками через порты недружественных стран и переориентация на железнодорожные маршруты через Китай увеличили сроки поставок и усложнили доступ к критически важным компонентам.

Среди компенсационных мер можно выделить разработку ускоренных программ импортозамещения, направленных на локализацию производства оборудования для животноводства, медикаментов и кормовых компонентов, а также сотрудничество с производителями из Китая, Индии, Турции и Бразилии для поставки альтернативных аналогов; активизацию программ ускоренного воспроизводства племенного поголовья, гранты и субсидии на генетические лаборатории, открытие ряда новых племенных центров; расширение государственной поддержки в виде субсидий на покупку отечественной техники, компенсации процентных ставок и т. д.

Этот этап подтвердил важность национальной технологической независимости и необходимость долгосрочного планирования развития молочного скотоводства в условиях глобальной турбулентности.

Пятый этап: 2023–2024 гг. Переход к устойчивому функционированию в условиях санкционного режима.

После периода интенсивных внешних ограничений и внутренних изменений этот этап стал временем стабилизации и адаптации молочного скотоводства к новой реальности. Появились признаки устойчивого развития отрасли

в условиях ограниченного доступа к внешним ресурсам. Основным направлением государственной политики стало завершение процессов локализации критически важного производственного оборудования и технологических решений.

Племенные центры в Татарстане, Вологодской, Новосибирской, Орловской областях начали самостоятельное производство эмбрионов и спермы быков-производителей, что полностью обеспечило потребность в племенном материале молочных пород. Запущены программы дистанционного обучения и переподготовки специалистов-животноводов при поддержке Минсельхоза и РАНХиГС. За счёт открытия собственного производства существенно снизилась импортозависимость от вакцин и препаратов. В 12 субъектах реализованы региональные программы поддержки «умных ферм» и малых молочных кооперативов⁶.

Государство сосредоточилось на создании устойчивой финансовой базы для развития молочного скотоводства. Была пролонгирована программа льготного кредитования под 5% на 7 лет, предусматривающая закупку оборудования, строительство ферм, внедрение ИТ-систем, также предусмотрены специальные гранты на внедрение цифровых решений и освобождение от налога на имущество сроком до 5 лет при строительстве новых молочных комплексов и ферм⁷.

В итоге за счёт активной государственной поддержки, локализации оборудования, генетической независимости и внедрения цифровых решений отрасль существенно повысила рентабельность, снизила импортозависимость и укрепила устойчивость.

Влияние российского эмбарго на молочный сектор экономики стран ЕС

Экономические санкции, введенные против РФ в 2014 году и ответные контрсанкции привели к серьёзным проблемам в молочной отрасли стран ЕС, т. к. после введения российского эмбарго импорт в Россию европейских молочных продуктов был полностью запрещён, что вызвало кризис внутреннего перепроизводства.

⁶ Государственный доклад о состоянии и перспективах развития агропромышленного комплекса Российской Федерации. Москва: Минсельхоз России, 2022–2024.

⁷ Там же.

Следует отметить, что ЕС оперативно принял комплекс антикризисных мер, включающих субсидирование хранения избытков сухого молока и масла (программа Private Storage Aid); компенсацию потерь фермерским хозяйствам (более 1 млрд евро); компенсацию издержек, вызванных добровольным сокращением производства (программа Milk Reduction Scheme); экспортные субсидии производителям для выхода на новые товарные рынки.

В результате уже к 2016 году ЕС смог частично стабилизировать внутренний молочный рынок, а к 2018 году полностью восстановить объемы экспорта молочной продукции, сменив географию поставок (Bojnes, Ferto, 2017; Balkytė, Tvaronavičienė, 2019).

Санкции против России стали поворотным моментом в развитии молочного сектора экономики ЕС. Потеря крупного торгового партнера в лице РФ вначале вызвала кризисные явления, но затем привела к экспортной переориентации на азиатские и ближневосточные рынки, технологической модернизации отрасли, росту эффективности производства и повышению качества выпускаемой продукции. Пример ЕС показал, что при грамотной финансовой политике санкции могут стать не только фактором падения и деградации уровня производства, но и стимулятором развития и экономического роста.

Влияние экономических санкций на молочный сектор экономики Республики Беларусь

После 2014 года Республика Беларусь, потеряв доступ к европейским рынкам, воспользовалась возможностью занять освободившуюся в результате санкций часть продуктового рынка РФ. В 2015 году доля белорусской продукции в импорте молочных продуктов России достигла 80%. Такая ситуация сделала молочную отрасль Беларуси зависимой от внешней политической конъюнктуры, но именно торговля с Россией стала и в настоящее время остаётся основным источником валютной выручки для большинства местных предприятий.

Расширяющееся сотрудничество с РФ является фактором и стимулом масштабной модернизации производства. С 2015 по 2023 год в Республике Беларусь было реконструировано более 400 молочно-товарных ферм, а производство молока выросло с 6,8 до 7,8 млн тонн.

Государственное регулирование остаётся основой белорусской модели экономики. Государство определяет закупочные цены на молоко, субсидирует закупку кормов и техники. Экономические санкции стали для страны не только проверкой на прочность, но и возможностью для расширения производства, модернизации оборудования, развитию рынков сбыта и т. д. (Ley, Tochitskaya, 2021; Belyaeva, Kharitonova, 2022).

Влияние экономических санкций на молочный сектор экономики Исламской Республики Иран

Санкции, ограничившие доступ к иностранным технологиям и капиталу, довольно своеобразно повлияли на развитие молочного сектора экономики Исламской Республики Иран. Под их воздействием сформировалась изолированная и самодостаточная модель молочного производства, сочетающая государственное планирование и элементы самостоятельного регионального развития.

В 2010 году была принята стратегия экономики сопротивления, направленная на импортозамещение и укрепление внутреннего производства, а также ряд государственных программ по поддержке фермеров и развитию племенного дела. В результате к 2020 году страна стала полностью обеспечивать себя молочными продуктами собственного производства⁸.

В настоящее время реализуется национальный план «Iran Dairy Vision 2030», направленный на модернизацию ферм и улучшение генетического потенциала поголовья; расширение возможностей экспорта молока и молочной продукции в соседние страны; расширение производства сухого молока и сыворотки для кондитерской промышленности (Pourkhanali, Saleh, 2021).

Таким образом, молочная отрасль Исламской Республики Иран смогла не только адаптироваться к условиям жёстких внешнеэкономических ограничений, но и стать одним наиболее стабильных направлений развития национальной экономики.

⁸ Iran Economic Monitor: Navigating the Perfect Storm. The World Bank Group, 2022; FAO-STAT Database. Available at: <https://www.fao.org/faostat>

Влияние экономических санкций на молочный сектор экономики Корейской Народно-Демократической Республики

В условиях постоянной изоляции страны молочная отрасль КНДР остаётся на очень низком технологическом уровне, а молочная продукция производится в объёмах, достаточных лишь для удовлетворения нужд лечебных и детских учреждений. Некоторые позитивные сдвиги наблюдаются в отношениях с Китаем и РФ, которые поставляют базовое оборудование и организуют обмен специалистами.

В отличие от России, Беларуси или Ирана, где экономические санкции стимулировали процессы импортозамещения (табл. 2), в КНДР они лишь замедлили технологическое развитие и усилили продовольственную зависимость (Frank, 2019).

Анализ последствий экономических санкций для молочного сектора России, стран ЕС, Беларуси, Ирана и КНДР показал, что эффективность адаптации к изменению внешних условий напрямую связана с качеством институционального управления, уровня технологической зрелости, доступа к инновационным технологиям и экономической автономности.

Кроме того, при наличии высокого инновационного потенциала и диверсификации рынков сбыта (ЕС и частично РФ) экономические санкции становятся стимулом развития; при замкнутой и централизованной экономике (Беларусь, Иран) экономический рост достигается за счёт мобилизации внутренних ресурсов; при условии полной изоляции (КНДР) санкции приводят к существенному замедлению в развитии и экономической стагнации.

Материалы и методы

Для оценки уровня воздействия санкций по ключевым параметрам были выбраны методики, сочетающие качественный и количественный анализ. Для повышения степени объективности и достоверности представленных исследований нами последовательно использованы три различных метода расчетов:

1) метод линейной свёртки (взвешенной суммы) с предварительной нормализацией каждого частного показателя, а затем их усреднением с учётом весов;

2) метод геометрической свёртки (мультипликативного индекса), т. е. способ построения интегрального показателя на основе геометрического среднего нормализованных значений,

Таблица 2. Показатели отрасли молочного животноводства до и после введения санкций

Показатель	Страна				
	Россия	ЕС	Беларусь	Иран	КНДР
Период до / после санкций, годы	2010–2013 / 2015–2024	2010–2013 / 2014–2024	2010–2013 / 2015–2024	2008–2011 / 2012–2024	2008–2011 / 2012–2024
Производство молока	+5%	-1,8%	+20%	+17%	-23%
Годовой надой на корову	+36%	+7%	+26%	+38%	-12%
Поголовье животных	-12%	-14%	-7%	-12%	-13%
Доля импорта	-19 п. п.	+3 п. п.	-6 п. п.	-10 п. п.	+10 п. п.
Экспортируемые страны	СНГ, Китай, страны Ближнего Востока	Африка, Азия, страны Ближнего Востока	Россия, Казахстан, Китай	Ирак, Афганистан, ОАЭ	нет
Господдержка	+130%	+10%	+66%	+120%	-75%
Основной эффект от санкций	Импортозамещение, рост переработки	Потеря российского рынка	Рост экспорта в РФ	Рост внутренних инвестиций	Зависимость от Китая
Ключевые проблемы	Импорт техники, генетики	Энергозатраты, падение цен	Ограниченные рынки	Недостаток технологий	Дефицит кормов, изоляция
Составлено по: Kuznetsova I, Yanbykh R. (2021). Russian food security and the import substitution policy: The case of dairy. Russian Journal of Economics, 7(3), 266–285; EU dairy farms report 2020. DG Agriculture and Rural Development (2020). European Commission; Impact of Sanctions on Agricultural Trade and Food Security in the Eurasian Region (2023). Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO); (Belyaeva M., Kharitonova M., 2022); (Pourkhanali A., Saleh A S., 2021); Final Report of the Panel of Experts Submitted Pursuant to Resolution 2345 (2017). United Nations, S/2021/211.					

при котором низкие значения одного фактора не оказывают решающего влияния на итоговый индекс;

3) методика с использованием функции желательности Харрингтона, позволяющая преобразовать каждый показатель в шкалу [0; 1] по степени желательности и чаще всего применяющаяся для оценки степени соответствия параметров нормативному или иному заданному уровню.

Для оценки устойчивости развития молочного скотоводства предлагается использовать разработанный нами композиционный индекс на основе четырех ключевых показателей (табл. 3).

Расчет индекса производится при нормализации показателей (min-max scaling для приведения к шкале 0–1) с учетом веса путем агрегации в итоговый индекс:

$$\text{Индекс}_{\text{устойчивости}} = 0.3 \times \text{Экон.} + 0.3 \times \text{Произ.} + 0.2 \times \text{Рынок} + 0.2 \times \text{СоцЭкол.} \quad (1)$$

Весовые комбинации определялись на основе нескольких методов. С помощью экспертного анализа были выявлены средние оценки значимости по ключевым факторам: экономические – 4,7, производственные – 4,5, рыночные – 3,8, социально-экологические – 3,5. Метод главных компонент на основе статистического анализа PCA выявил объясняющую способность условий в следующих пропорциях: экономические – 28% дисперсии, производственные – 27% дисперсии, рыночные – 19% дисперсии, социально-экологические – 16% дисперсии.

В работе для оценки влияния санкций использованы методы сравнительного анализа ПО: Python 3.10 (библиотеки: Pandas, Scikit-learn, Folium, Matplotlib); Google Colab для облачных вычислений. Картографическая визуализация произведена на основе интерактивной карты (Folium) с цветовой дифференциацией и статичных карт (Matplotlib) для отчетных документов.

Результаты

В процессе исследования в качестве исходных данных нами был использован цифровой материал, полученный исключительно из открытых источников информации. В случае отсутствия полного массива достоверной годовой статистики применялся логически построенный тренд, основанный на общих отраслевых данных с учетом выявленных в процессе исследований закономерностей.

Исходные данные для расчета интегрального индекса развития молочного скотоводства приведены в таблице 4.

Интегральный индекс методом линейной свёртки рассчитывался как среднее значение нормализованных показателей: производства молока, среднегодового надоя (положительное влияние), импорта оборудования, импорта кормов и себестоимости молока (отрицательное влияние). Нормализация проводилась по методу min-max. Интегральный индекс I_t по каждому году находили по формуле:

$$I_t = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n X_{i,t}^H, \quad (2)$$

где t – порядковый номер года;

$X_{i,t}^H$ – нормализованное значение i -го показателя.

Таблица 3. Показатели оценки устойчивости молочного скотоводства в условиях санкций*

Компонент	Показатель	Вес в индексе, %
Экономическая устойчивость	Рентабельность молочного скотоводства (%)	30
	Доля господдержки в выручке (%)	
	Зависимость от импорта кормов и техники (%)	
Производственная устойчивость	Надой на 1 корову (кг/год)	30
	Поголовье молочного стада (тыс. голов)	
	Доля автоматизированных ферм (%)	
Логистическая и рыночная устойчивость	Объем экспорта молочной продукции (тыс. т)	20
	Доступность альтернативных рынков сбыта (индекс диверсификации)	
Социально-экологическая устойчивость	Обеспеченность кормами местного производства (%)	20
	Кадровая обеспеченность (число ветврачей на 1000 голов)	

* Вес индекса определен на основании методов: PCA, критерия согласованности, регрессионного анализа.

Источник: составлено авторами.

Таблица 4. Исходные данные для расчёта интегрального индекса развития молочного скотоводства РФ, 2013–2024 гг.

Год	Производство молока, млн т	Доля импорта оборудования, %	Доля импорта кормов и препаратов, %	Среднегодовой надой, кг	Рентабельность, %
2013	30,5	70	60	4400	10,5
2014	31,0	65	57	4500	11,2
2015	30,8	60	55	4550	10,8
2016	30,2	55	53	4700	9,6
2017	30,7	50	50	4900	10,1
2018	30,9	48	47	5100	10,9
2019	31,6	45	43	5500	14,2
2020	32,2	42	40	5800	19,5
2021	32,6	40	38	6200	20,1
2022	32,8	38	35	6700	20,2
2023	32,9	36	33	7400	29,9
2024	33,1	35	30	7650	31,8

Источники: Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России: стат. сб. Москва: Росстат, 2023; Аналитический отчет о состоянии и развитии молочного животноводства в России за 2022–2024 гг. / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации: Москва, 2024; Глобальный обзор рынка молочных продуктов / ФАО. 2024.

В таблице 5 приведен расчет интегрального индекса развития молочного скотоводства и показана динамика его изменения за 2013–2024 гг. Согласно данным, за рассматриваемый период интегральный индекс развития молочного скотоводства в России демонстрирует устойчивый рост, что свидетельствует о переходе отрасли от состояния высокой зависимости от импорта и низкой продуктивности животных к фазе эффективного развития отрасли. Особенно заметный рост наблюдается с 2019 года, что объясняется адаптацией к внешним ограничениям и улучшением эффективности производства.

Метод геометрической свёртки с использованием z-нормализации позволил дать более чувствительную оценку интегрального индекса развития молочного скотоводства. Общая формула для расчета интегрального индекса I_t имеет следующий вид:

$$I_t = (\prod_{i=1}^n | \frac{X_{it} - X_{i\text{cp}}}{\sigma_i} |)^{\frac{1}{n}}, \quad (3)$$

где $X_{i\text{cp}}$ — среднее значение i -го показателя за весь период;

σ_i — стандартное отклонение показателя i .

Таблица 5. Расчёт интегрального индекса развития молочного скотоводства РФ методом линейной свёртки, 2013–2024 гг.

Год	Производство молока	Доля импорта оборудования	Доля импорта кормов и препаратов	Среднегодовой надой	Рентабельность	Интегральный индекс
2013	0,103	0,0	0,0	0,0	0,04	0,029
2014	0,276	0,143	0,1	0,031	0,071	0,124
2015	0,207	0,286	0,167	0,046	0,054	0,152
2016	0,0	0,429	0,233	0,092	0,0	0,151
2017	0,172	0,571	0,333	0,154	0,018	0,25
2018	0,241	0,629	0,433	0,215	0,063	0,316
2019	0,483	0,714	0,567	0,338	0,196	0,46
2020	0,690	0,811	0,667	0,431	0,442	0,606
2021	0,828	0,857	0,733	0,554	0,464	0,687
2022	0,897	0,914	0,833	0,708	0,464	0,763
2023	0,931	0,971	0,9	0,923	0,911	0,927
2024	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0

Составлено по: Сельское хозяйство России: стат. сб. Москва: Росстат, 2015–2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>

Рассчитанный по данной методике интегральный индекс развития молочного скотоводства РФ за 2013–2024 гг. представлен в *таблице 6*.

Использование z-нормализации позволило оценить силу и сбалансированность развития молочного скотоводства России в условиях санкционного давления. Следует отметить, что в период 2013–2017 гг. интегральный индекс имел разнонаправленную динамику, указывая на неустойчивый уровень состояния, а с 2020 года начинается постепенный рост показателя, отражающий начало позитивных процессов в отрасли.

Методика с использованием функции желательности Харрингтона предусматривает расчет каждого годового индекса D_t по формуле (4) с последующим сворачиванием в геометрическое среднее всех частных коэффициентов желательности:

$$D_t = \exp \left(- \exp \left(-b \frac{2X_t - X_{\min} - X_{\max}}{X_{\max} - X_{\min}} \right) \right), \quad (4)$$

где X_t – фактическое значение показателей;
 $X_{\max}$, $X_{\min}$ – допустимый диапазон значений показателей;

b – эмпирический коэффициент.

Все расчеты по данной методике приведены в *таблице 7*.

Таблица 6. Расчёт интегрального индекса развития молочного скотоводства РФ методом геометрической свёртки с использованием z-нормализации, 2013–2024 гг.

Год	Производство молока	Доля импорта оборудования	Доля импорта кормов и препаратов	Среднегодовой надой	Рентабельность	Интегральный индекс
2013	-1,099	-1,917	-1,552	-1,112	-0,804	0,256
2014	-0,603	-1,467	-1,24	-1,021	-0,711	0,152
2015	-0,801	-1,018	-1,032	-0,975	-0,764	0,058
2016	-1,396	-0,569	-0,824	-0,838	-0,924	0,148
2017	-0,901	-0,12	-0,511	-0,655	-0,871	0,286
2018	-0,702	0,06	-0,199	-0,472	-0,738	0,511
2019	-0,008	0,329	0,217	-0,107	-0,339	0,989
2020	0,587	0,599	0,529	0,168	0,392	1,445
2021	0,983	0,779	0,737	0,533	0,459	1,688
2022	1,181	0,958	1,049	0,99	0,459	1,912
2023	1,281	1,138	1,257	1,63	1,788	2,406
2024	1,479	1,228	1,569	1,859	2,054	2,622

Составлено по: Сельское хозяйство России: стат. сб. Москва: Росстат, 2015–2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>

Таблица 7. Расчёт интегрального индекса развития молочного скотоводства РФ методом геометрической свёртки с использованием функции желательности Харрингтона, 2013–2024 гг.

Год	Производство молока, млн т	Доля импорта оборудования, %	Доля импорта кормов и препаратов, %	Среднегодовой надой, кг	Рентабельность, %	Интегральный индекс
2013	0,0015	0,0001	0,0001	0,0001	0,0002	0,0001
2014	0,0458	0,0042	0,0013	0,0001	0,0005	0,0015
2015	0,0159	0,0520	0,0072	0,0002	0,0003	0,0031
2016	0,0001	0,1913	0,0248	0,0011	0,0000	0,0015
2017	0,0081	0,3749	0,0885	0,0054	0,0001	0,0100
2018	0,0281	0,4431	0,1972	0,0184	0,0004	0,0285
2019	0,2604	0,5308	0,3690	0,0931	0,0131	0,1438
2020	0,5075	0,5993	0,4844	0,1940	0,2080	0,3585
2021	0,6175	0,6351	0,5476	0,3528	0,2365	0,4477
2022	0,6557	0,6640	0,6211	0,5247	0,2365	0,5069
2023	0,6713	0,6871	0,6574	0,6679	0,6624	0,6692
2024	0,6968	0,6968	0,6968	0,6968	0,6968	0,6969

Составлено по: Сельское хозяйство России: стат. сб. Москва: Росстат, 2015–2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>

Расчеты с использованием функции желательности Харрингтона показывают, что, несмотря на значительное снижение желательности по ряду показателей в начале санкционного периода 2014–2016 гг., индекс начал расти и в 2024 году достиг наиболее высоких значений, что соответствует по шкале желательности оценке «хорошо».

Для удобства анализа полученных результатов была проведена графическая визуализация данных (рис. 1).

Характер диаграммы за исследуемый период подтверждает устойчивый рост интегрального индекса развития молочного скотоводства РФ по всем представленным методам расчёта. Несмотря на видимые замедления или плато, заметные в отдельные годы, общий вектор развития положителен.

Линейная свёртка показывает равномерное устойчивое улучшение индекса после 2017 года, и с 2020 по 2024 год наблюдается интенсивный рост, связанный с усилением государственной поддержки отрасли и активизацией процессов импортозамещения.

Геометрическая свёртка более чувствительна к высоким значениям частных показателей, и резкие изменения индекса в период 2018–2024 гг.

говорят о качественном скачке в условиях санкционного давления.

Кривая функция желательности Харрингтона демонстрирует относительное плато с ускорением после 2018 года, что свидетельствует о переходе от «плохого» состояния к «умеренному» и далее (после 2023 года) «хорошему» уровню.

Определим устойчивость отрасли на основе предлагаемых индексов. Для расчета были адаптированы веса из опыта ЕС в оценке последствий санкций 2014 года и индекса устойчивости молочного производства ФАО (2022 год). В качестве исходных данных выбраны 12 показателей по 85 регионам РФ за 2022–2023 гг. На основе метода PCA, rotated component matrix были определены факторные нагрузки (табл. 8, 9).

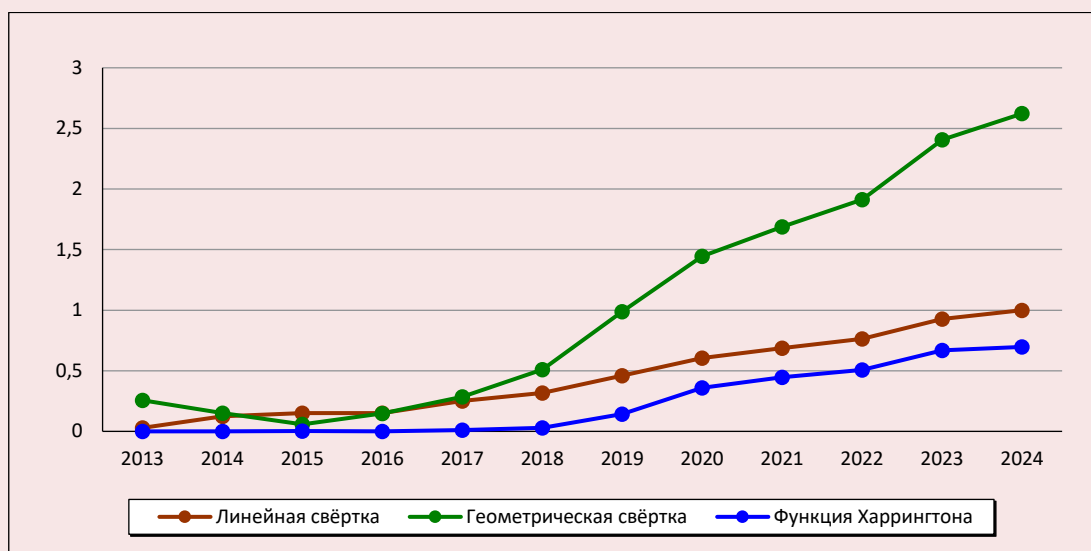
Компонент 1: «Экономическая устойчивость» (нагрузки на рентабельность и господдержку).

Компонент 2: «Производственная мощность» (нагрузки на надои и поголовье).

Компонент 3: «Рыночная активность» (нагрузка на экспорт).

Компонент 4: «Ресурсная обеспеченность» (нагрузка на корма).

Рис. 1. Динамика изменения уровня развития молочного скотоводства РФ, 2013–2024 гг.

Источники: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2023: стат. сб. Москва: Росстат. 2023; Сельское хозяйство России: стат. сб. Москва: Росстат, 2015–2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>

Таблица 8. Результаты PCA

Компонент	Собственное значение	% объясненной дисперсии	Кумулятивный %	Вес, %
1 Экономический	3,85	32,1	32,1	38,9
2 Производственный	2,97	24,8	56,9	30,00
3 Рыночный	1,76	14,7	71,6	17,8
4 Социально-экологический	1,32	11,0	82,6	3,3

Таблица 9. Факторные нагрузки (rotated component matrix)

Показатель	Компонент 1 (Экономический)	Компонент 2 (Производственный)	Компонент 3 (Рыночный)	Компонент 4 (Социально-экологический)
Рентабельность	0,92	0,15	0,08	0,03
Доля господдержки	0,87	0,22	0,12	0,09
Надой на корову	0,11	0,94	0,05	0,08
Поголовье	0,18	0,89	0,13	0,07
Объем экспорта	0,09	0,07	0,91	0,12
Обеспеченность кормами	0,05	0,11	0,14	0,93

Произведём расчет весов:

Вес_компонента = (Собственное значение)
/ (Сумма собственных значений выбранных
компонент)

Экономический: $3,85/9,90 \approx 0,39 \rightarrow$ Норми-
ровка до 30%.

Производственный: $2,97/9,90 \approx 0,30 \rightarrow 30\%$.

Рыночный: $1,76/9,90 \approx 0,18 \rightarrow 20\%$.

Социально-экологический: $1,32/9,90 \approx 0,13$
 $\rightarrow 20\%$.

На основе разработанной методики и уточ-
ненных весов составим таблицу рейтинга реги-
онов по индексу устойчивости молочного ско-
товодства (табл. 10).

Таблица 10. Рейтинг регионов по индексу устойчивости молочного скотоводства, 2023 г.

Рейтинг	Регион	Экон. (30%)	Произв. (30%)	Рынок (20%)	Соц-экол. (20%)	Итоговый индекс	Группа устойчивости
1	Республика Татарстан	0,85	0,90	0,75	0,80	0,83	Высокая
2	Краснодарский край	0,80	0,85	0,70	0,75	0,78	Высокая
3	Республика Башкортостан	0,75	0,80	0,65	0,70	0,73	Высокая
4	Белгородская область	0,78	0,72	0,68	0,65	0,72	Высокая
5	Воронежская область	0,70	0,75	0,60	0,65	0,68	Средняя+
6	Алтайский край	0,65	0,70	0,55	0,60	0,63	Средняя+
7	Ленинградская область	0,68	0,65	0,58	0,55	0,62	Средняя+
8	Свердловская область	0,60	0,65	0,50	0,55	0,58	Средняя
9	Кировская область	0,58	0,62	0,48	0,52	0,56	Средняя
10	Ростовская область	0,55	0,60	0,45	0,50	0,54	Средняя
11	Новосибирская область	0,50	0,58	0,42	0,48	0,51	Средняя-
12	Омская область	0,48	0,55	0,40	0,45	0,49	Средняя-
13	Тюменская область	0,45	0,52	0,38	0,42	0,46	Низкая+
14	Калининградская область	0,42	0,48	0,35	0,40	0,43	Низкая+
15	Челябинская область	0,40	0,45	0,32	0,38	0,40	Низкая+
16	Иркутская область	0,35	0,42	0,28	0,32	0,36	Низкая
17	Амурская область	0,30	0,38	0,25	0,28	0,32	Низкая
18	Республика Саха (Якутия)	0,28	0,32	0,22	0,25	0,28	Низкая-
19	Магаданская область	0,25	0,28	0,18	0,20	0,24	Критическая
20	Чукотский АО	0,20	0,22	0,15	0,18	0,19	Критическая
21	Вологодская область	0,60	0,78	0,70	0,65	0,68	Средняя+

Источник: составлено авторами.

Представленные данные демонстрируют высокие показатели по Республике Татарстан (0,83), Краснодарскому краю (0,78), Республике Башкортостан (0,73). Основные факторы успеха: высокая рентабельность (15–20%), обеспеченность кормовой базой более 85%, наличие развивающихся автоматизированных ферм и перерабатывающих предприятий. Средние значения у регионов с показателем устойчивости 0,5–0,7. Эти территории характеризуются ограничением экспортных возможностей, умеренной зависимостью от импорта кормов (30–50%). В качестве рекомендаций для них можно отметить развитие кормовой базы и модернизацию оборудования. Аутсайдеры среди регионов с индексом значения менее 0,4 – Магаданская область и Чукотский АО, испытывающие сильную зависимость от завозных кормов (> 70%). Для достижения оптимальных результатов им необходимо создавать логистические хабы и развивать тепличные кормопроизводства. Одним из лидеров в молочном скотоводстве является Вологодская область: итоговый индекс – 0,68, что свидетельствует о значениях выше среднего уровня развития отрасли. После введенных в 2022 году санкций в регионе появились проблемы, связанные с ростом себестоимости производства, дефицитом импортного оборудова-

ния. Однако активные меры господдержки помогли отрасли адаптироваться, добиться рекордных показателей продуктивности коров. Основные показатели развития молочного скотоводства в Вологодской области представлены на *рисунке 2*.

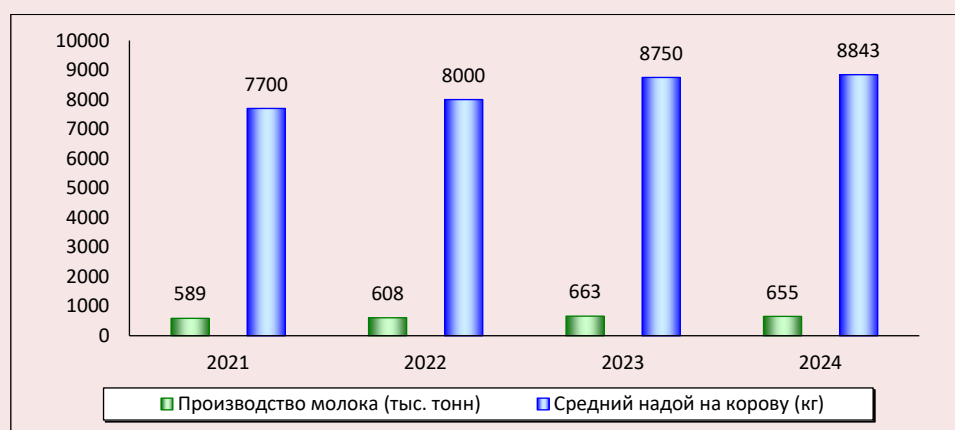
Несмотря на введение санкций, в 2022 году производство молока увеличилось на 3,2% за счет повышения производительности коров. Прирост данного показателя в 2023 году составил 9,2% к предыдущему. В 2024 году наблюдается стабилизация этого показателя на высоком уровне и достигнут исторический максимум продуктивности коров – 8843 кг на одну корову.

Картограмма распределения регионов по индексу устойчивости отрасли молочного животноводства представлена на *рисунке 3*.

Географическое распределение показало наилучшие результаты в регионах Центрального и Южного федеральных округов, особые меры требуются территориям Дальнего Востока и Севера.

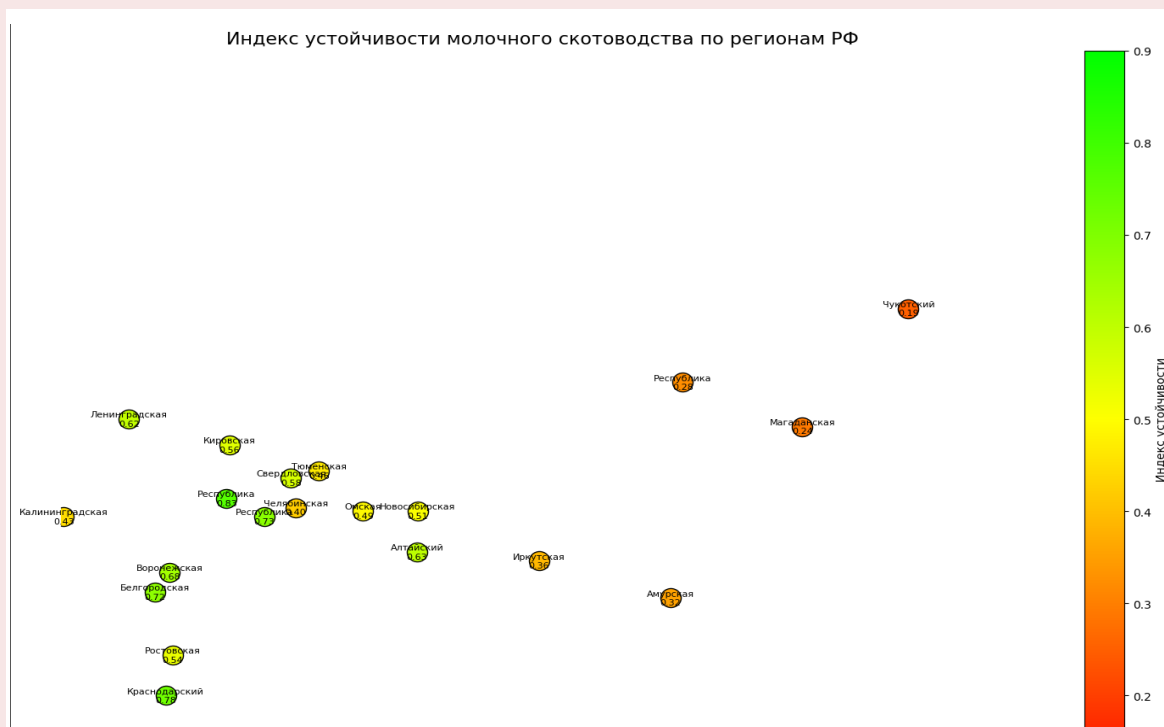
Средний индекс устойчивости за 2023 год возрос на 8,3% (*рис. 4*). Несмотря на запретные меры со стороны стран Запада, отрасль демонстрирует успешную адаптацию в большинстве регионов. Территории с диверсифицированной экономикой (Воронежская и Челябинская области) показывают минимальные изменения.

Рис. 2. Основные показатели развития молочного скотоводства в Вологодской отрасли за 2021–2024 гг.

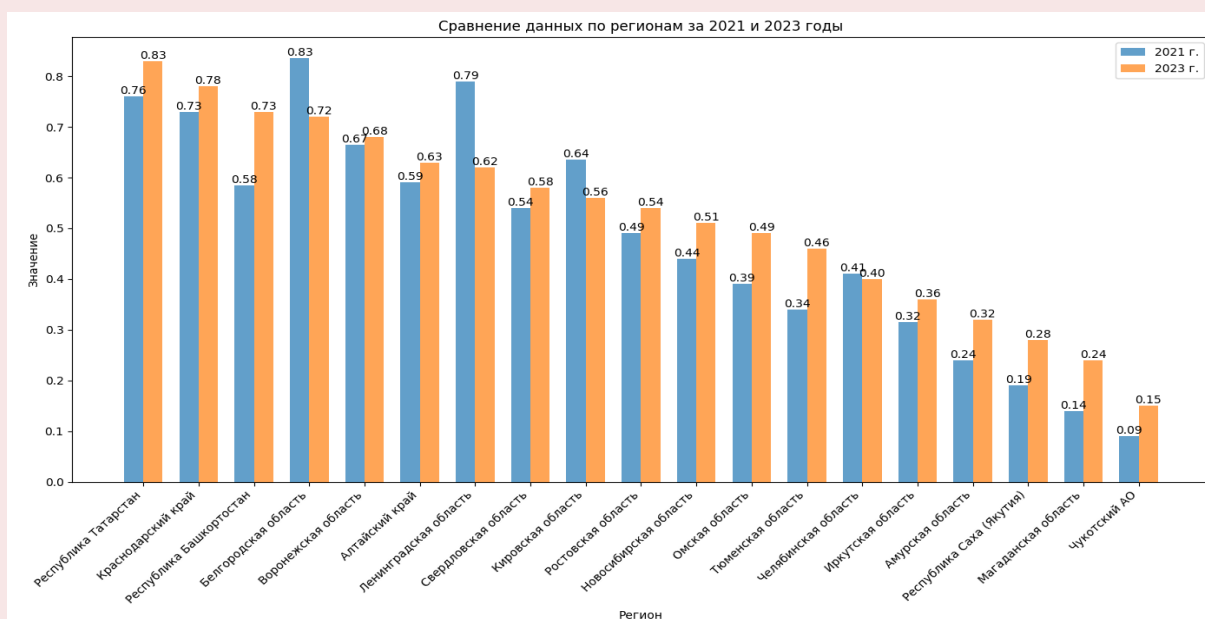
Источники: Поголовье скота в сельхозорганизациях Вологодской области: статистический отчет / Федеральная служба государственной статистики. Москва, 2024. URL: <https://35.rosstat.gov.ru> (дата обращения 13.11.2025); О поголовье скота и производстве молока в хозяйствах Вологодской области: статистический отчет / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат). Вологда, 2021–2024. URL: <https://35.rosstat.gov.ru> (дата обращения 13.11.2025).

Рис. 3. Картограмма распределения регионов по индексу устойчивости молочного скотоводства за 2023 г.

Источник: данные таблицы 8. ПО: Python 3.10, Библиотеки: Folium 0.14.0., GeoPandas 0.12.2, Matplotlib 3.7.1, Pandas 2.0.3 в облачной среде разработки Google Colab.

Рис. 4. Индекс устойчивости молочного скотоводства по регионам Российской Федерации за 2021, 2023 гг.

Источник: данные авторской методики расчета «Индекс устойчивости молочного скотоводства».

Прогноз развития молочного скотоводства позволит государству и бизнесу понять, к каким последствиям могут привести происходящие в экономике и других сферах процессы и заранее подготовиться к решению предстоящих задач. Моделирование условий дает возможность оценить сценарные последствия различных вариантов: инерционного развития, оптимистического (ослабление санкций и усиление господдержки), пессимистического (усиление санкций и сокращение помощи).

В условиях усиливающегося внешнего давления и необходимости адаптации государство, опираясь на прогноз, получит возможность обосновать объёмы субсидий и сформировать программы поддержки. Бизнес, в свою очередь, сможет оценить, насколько выгодны инвестиции в молочное скотоводство и какие риски следует учитывать в планируемых инвестиционных проектах.

В этом случае возникает острая необходимость разработки и применения инструмента прогнозирования, позволяющего учитывать не только внутреннюю динамику изменения показателей, но и воздействие на рассматриваемый объект ключевых макроэкономических регуляторов. Из всего разнообразия существующих методик анализа нами была выбрана модель ARIMAX, т. е. расширенная версия авторегрессии скользящего среднего (ARIMA), которая при построении прогноза учитывает не только внутреннее состояние самой системы, но и способна интегрировать в расчёты влияние управляемых факторов внешней среды (формула 5):

$$Y_t = c + \sum_{i=1}^p \phi_i Y_{t-i} + \sum_{j=1}^p \theta_j \varepsilon_{t-j} + \sum_{k=1}^p \beta_k Y_{k,t} + \varepsilon_t, \quad (5)$$

где Y_t — значение прогнозируемого показателя t ;

c — константа, отражающая средний уровень;

ϕ_i — весовой коэффициент, отражающий степень влияния предыдущего значения на настоящее;

θ_j — коэффициент среднего скользящего, зависящий от предыдущих случайных возмущений в предыдущем периоде;

ε_t — случайная ошибка прогнозного значения в момент времени t ;

β_k — коэффициент, отражающий степень чувствительности показателя к изменению фактора.

При построении прогнозной модели особое внимание было уделено обоснованию внешних факторов-регрессоров, оказывающих решающее влияние на изменение отраслевых показателей. После проведения предварительного анализа в качестве базовых внешних факторов были выбраны уровень санкционного давления (в шкале 0–10) и объём государственной поддержки (также в шкале 0–10), т. к. они обладают высокой степенью значимости и существенной изменчивостью во времени. Причём санкции выступали в модели как внешний деструктивный фактор, отрицательно влияющий на темпы развития, а государственная поддержка — как положительный показатель, компенсирующий негативное внешнее воздействие.

Горизонт прогноза (2025–2030 гг.) был выбран не случайно. Этот период охватывает среднесрочный цикл реализации государственной агропромышленной политики, до 2030 года планируется завершить ряд ключевых федеральных программ, что позволит соотнести прогноз с реальными инструментами бюджетного прогнозирования.

Для бизнеса семилетний срок совпадает с циклами окупаемости большинства инвестиционных проектов, и инвесторы получают возможность оценить перспективы рисков возврата вложений в зависимости от предложенных сценариев развития.

На основе представленной в формуле структуры были построены частные математические модели ARIMAX, учитывающие динамику изменения частных и интегрального прогнозных показателей, характеризующих степень развития молочного скотоводства:

— для зависимости от объёмов производства молока $Y_t^{\text{мол}}$:

$$Y_t^{\text{мол}} = 0,9 + 0,76Y_{t-1}^{\text{мол}} - 0,45X_{1,t} + 0,72X_{2,t} + \varepsilon_t; \quad (6)$$

— для зависимости от среднегодового надоя на одну корову $Y_t^{\text{надой}}$:

$$Y_t^{\text{надой}} = 170 + 0,85Y_{t-1}^{\text{надой}} - 0,45X_{1,t} + 0,72X_{2,t} + \varepsilon_t; \quad (7)$$

— для зависимости от рентабельности производства молока $Y_t^{\text{рент}}$:

$$Y_t^{\text{рент}} = 2,9 + 0,72Y_{t-1}^{\text{рент}} - 1,7X_{1,t} + 3,6X_{2,t} + \varepsilon_t; \quad (8)$$

– для зависимости от импорта оборудования $Y_t^{\text{имп1}}$:

$$Y_t^{\text{имп1}} = 3,2 + 0,64Y_{t-1}^{\text{имп1}} + 2,1X_{1,t} - 2,8X_{2,t} + \varepsilon_t; \quad (9)$$

– для зависимости от импорта кормов и препаратов $Y_t^{\text{имп2}}$:

$$Y_t^{\text{имп2}} = 3,7 + 0,81Y_{t-1}^{\text{имп2}} + 2,3X_{1,t} - 4,5X_{2,t} + \varepsilon_t; \quad (10)$$

– для расчета интегрального показателя развития $Y_t^{\text{инт}}$:

$$Y_t^{\text{инт}} = 0,94 + 0,61Y_{t-1}^{\text{инт}} - 0,032X_{1,t} + 0,057X_{2,t} + \varepsilon_t. \quad (11)$$

Анализируя выражение (11), необходимо отметить следующее:

– базовый уровень индекса больше нуля, что свидетельствует о внутренней способности системы к развитию без воздействия внешних факторов;

– значение, отражающее степень влияния предыдущего значения на последующее, равно 0,61 единицы, что говорит о достаточно высокой инерционности и устойчивости отрасли;

– отрицательное значение коэффициента β_1 (-0,032) подтверждает негативное влияние санкций на развитие отрасли;

– положительное значение коэффициента β_2 (+0,057) свидетельствует о благоприятном воздействии государственной поддержки, а так как абсолютное значение $|\beta_2| > |\beta_1|$, то, по нашим расчетам, поддержка вполне способна компенсировать потери отрасли от санкций.

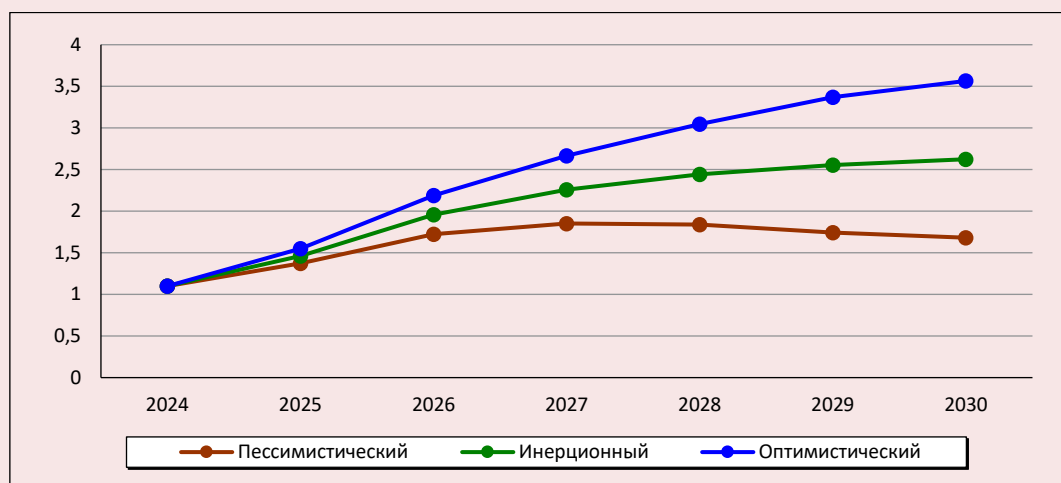
Динамика прогнозного изменения комбинированного интегрального индекса развития молочного скотоводства была рассчитана для трех сценариев – инерционного, оптимистического и пессимистического. Единица измерения балльная (0 баллов – минимальное развитие; выше 3-х баллов – высокая эффективность). Результаты расчетов представлены в *таблице 11*.

Для наглядности и облегчения восприятия результатов исследований была проведена их визуализация (*рисунок 5*).

Таблица 11. Комбинированный интегральный индекс развития молочного скотоводства России, 2025–2030 гг.

Год	Сценарий развития		
	Пессимистический	Инерционный	Оптимистический
2025	1,373	1,462	1,552
2026	1,724	1,957	2,189
2027	1,852	2,258	2,667
2028	1,837	2,443	3,048
2029	1,741	2,555	3,369
2030	1,682	2,624	3,565

Рис. 5. Кривые прогноза комбинированного индекса развития молочного скотоводства России, 2025–2030 гг.

Анализ результатов исследований позволяет сделать следующие выводы.

При оптимистическом сценарии развития, предполагающем последовательное ослабление санкционного давления и усиление финансовой поддержки отрасли, комбинированный интегральный индекс демонстрирует устойчивую положительную динамику, что указывает на высокий потенциал отрасли к росту при благоприятных условиях развития.

Инерционный сценарий, предусматривающий, что параметры санкционного давления будут оставаться на уровне 2024 года, показывает более умеренный рост комбинированного интегрального показателя, что подтверждает наличие внутренней устойчивости отрасли, но практически исключает возникновение прорывных изменений в условиях структурных вызовов.

Пессимистический сценарий, предусматривающий усиление внешнего давления и сокращение или даже прекращение помощи государства, свидетельствует о потенциальной стагнации отрасли.

Вывод

Таким образом, санкции оказали неоднозначное воздействие на развитие молочного скотоводства в период 2022–2024 гг. Можно выделить несколько тенденций:

1) зависимость от санкций снизилась за счет стимулирования собственного производства кормов (Центральный и Приволжский федеральные округа);

2) на 18–25 % возрос экспорт молока в страны ЕАЭС, Ближнего Востока и Китай, особенно в приграничных районах (Алтайский край, Калининградская область);

3) в Краснодарском крае и Татарстане за счет увеличения субсидий стало возможным полностью компенсировать потери от санкций.

Однако негативные последствия в виде дефицита высокотехнологичного оборудования, роста себестоимости и логистических услуг, запчастей и появления диспропорций между регионами требуют принятия дополнительных мер, направленных на развитие экспортных перспектив и формирование долгосрочной устойчивости развития молочного скотоводства территорий.

На основе полученных результатов и выводов можно предложить рекомендации, улучшающие позицию каждого региона в условиях продолжающихся санкционных мер (табл. 12).

Таким образом, проведенный анализ с использованием различных методов интегральной оценки подтверждает единый вектор движения молочного скотоводства России — от нестабильности и зависимости от импорта к

Таблица 12. Основные направления преодоления санкционных мер

Тип региона	Ключевые проблемы	Рекомендации	Примеры успешных мер
Лидеры (индекс > 0,7) Татарстан, Краснодарский край, Башкортостан	Риски перенасыщения локального рынка; зависимость от экспортных логистических цепочек	1. Диверсификация экспорта (страны Азии, Ближнего Востока) 2. Создание региональных брендов молочной продукции 3. Инвестиции в глубокую переработку молока	Татарстан: запуск кластера «От корма до сыра» с полным циклом производства; Краснодарский край: развитие экспорта в ОАЭ через новые логистические маршруты
Средний уровень (индекс 0,5–0,7) Воронежская, Ленинградская, Свердловская обл.	Дефицит местных кормовых ресурсов; устаревшая техника	1. Субсидии на модернизацию ферм (до 50% стоимости оборудования) 2. Развитие кооперативов по заготовке кормов 3. Внедрение энергосберегающих технологий	Ленинградская обл.: программа «Ферма 4.0» с роботизированными доильными системами; Воронежская обл.: создание 10 кормовых кооперативов
Отстающие (индекс < 0,5) Магаданская обл., Чукотский АО, Якутия	Экстремальные климатические условия; высокие логистические издержки	1. Развитие тепличных кормовых хозяйств 2. Спецпрограммы «Северный завоз» с господдержкой транспорта 3. Использование местных кормовых добавок (ягель, рыбная мука)	Якутия: эксперимент по выращиванию гидропонных кормов в условиях вечной мерзлоты; Магаданская обл.: льготные тарифы на авиадоставку ветеринарных препаратов
Составлено по: результаты исследования.			

устойчивости и интенсивному росту. Несмотря на начальный спад, вызванный санкционными ограничениями 2014–2017 гг., в 2022–2024 гг. отрасль смогла адаптироваться за счёт импортозамещения, повышения рентабельности производства и роста продуктивности животных. Стабильный существенный рост инте-

гральных индексов развития с 2020 года указывает на формирование самостоятельной и эффективной модели, способной при участии и поддержке государства противостоять внешнему давлению и внести вклад в обеспечение внутренней продовольственной безопасности России.

Литература

- Беспашотный Г.В., Крыласов А.С. (2020). Адаптация молочного животноводства России в условиях импортозамещения и санкционного давления: региональный аспект // Экономика региона. Т. 16. № 3. С. 944–958.
- Голубев А.В., Савкин М.А. (2021). Влияние продовольственных контрсанкций на развитие молочного скотоводства // АПК: Экономика, управление. № 5. С. 41–52.
- Дробот Е.В. (2022). Оценка влияния санкций на технологическую модернизацию в молочном скотоводстве регионов Центрального федерального округа // Вестник аграрной науки. № 2 (95). С. 116–125.
- Кузнецова И.А., Нечаев В.И. (2019). Молочное скотоводство России в условиях санкционных ограничений: проблемы и новые возможности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 8. С. 13–19.
- Ленкин С.А., Оболенская Т.Н. (2021). Региональная дифференциация в развитии молочного скотоводства в постсанкционный период // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 17. № 8 (389). С. 1522–1538.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2022). Молочное животноводство в российских регионах: изменение географии под влиянием внешних ограничений // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 1. С. 30–45.
- Петранева Г.И., Таранова Е.И. (2020). Продовольственная безопасность и санкции: инвестиции в молочный подкомплекс: монография / Министерство сельского хозяйства РФ. Москва: Росинформагротех. 187 с.
- Санкции и аграрная политика: направления трансформации молочного животноводства (2023): сборник научных трудов / под редакцией Р.Р. Гумерова. Санкт-Петербург: Проспект науки. 264 с.
- Тихончук О.Ю. (2022). Эффективность государственной поддержки молочного скотоводства в условиях санкций: анализ по регионам РФ // Международный сельскохозяйственный журнал. № 6 (390). С. 532–536.
- Шагайда Н.И. (2018). Аграрные санкции-контрсанкции и их последствия для рынка молока России // Вопросы экономики. № 5. С. 103–118.
- Balkytė A., Tvaronavičienė M. (2019). Sustainability of the EU dairy sector after the Russian embargo. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 7(1), 462–476.
- Bojnec Š., Ferto I. (2017). Impact of the Russian embargo on the European Union meat and dairy sectors. *European Review of Agricultural Economics*, 44(5), 785–809.
- Ley A., Tochitskaya I. (2021). The impact of sanctions on the Belarusian economy: A focus on the agri-food sector. *BEROC Working Paper Series*, 75.
- Belyaeva M., Kharitonova M. (2022). Adaptation strategies of Belarusian dairy enterprises under sanctions pressure. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*, 9(3), 456–468.
- Kruk D., Shimanovich G. (2020). Belarusian agricultural exports in the context of regional integration and sanctions. *Eastern European Economics*, 58(4), 331–349.
- Karbasi A., Mohamadi E. (2020). Effects of economic sanctions on production and consumption of milk in Iran. *Iranian Journal of Agricultural Economics and Development Research*, 51(2), 265–279.
- Pourkhanali A., Saleh A.S. (2021). Economic sanctions, exchange rate volatility, and food inflation: The case of Iran's dairy market. *International Review of Applied Economics*, 35(3-4), 456–475.
- Frank R. (2019). The impact of sanctions on North Korea's food security: A human security perspective. *Asian Journal of Peacebuilding*, 7(2), 287–307.

Сведения об авторах

Оксана Викторовна Тахумова — кандидат экономических наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Российская Федерация, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13; e-mail: takhumova@yandex.ru)

Игорь Александрович Бурса — доктор экономических наук, доцент, профессор, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Российская Федерация, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13; e-mail: bursaia@mail.ru)

Takhumova O.V., Bursa I.A.

Problems of Sustainable Development of Dairy Cattle Farming in Russian Regions under Sanctions

Abstract. The aim of this study is to assess the differentiated impact of sanctions on the socio-economic development of dairy cattle farming, taking into account its adaptation mechanism at the regional level. A systematization of factors was carried out, identifying seven levels with critical threshold values, an adaptation strategy matrix, and a methodological framework based on factor analysis, verified using Rosstat panel data for 2019–2024 and expert assessments. Due to the varying scales of input parameters and the temporal dynamics of the processes under study, an integral assessment system was employed, utilizing three complementary methodologies. The linear convolution method revealed stable long-term industry development trends based on averaged values of normalized indicators. The geometric convolution method, more sensitive to sharp changes in the industry's structure and development rates, highlighted the specific impact of transformations in the political-economic sphere after 2020. The use of Harrington's desirability function made it possible to interpret the assessment results in terms of the industry's functional sustainability. The modeling results showed that, despite the economic, technological, and logistical shocks of sanctions, there is steady growth in key indicators, and by 2024, signs of systemic stability and economic maturity are emerging. Based on the developed methodology for assessing the sustainability of dairy cattle farming, a rating result is presented, incorporating economic, production, market, and socio-ecological components with justified weights. This approach accounted for regional industry specifics, ensured comparability of results across territories, and reflected the significance of each factor for assessing development sustainability. The results can be used as a decision-making tool in agricultural production and for developing regional support programs. Differentiated recommendations for overcoming the consequences of sanctions have been developed for regions with varying levels of dairy farming sustainability: leaders (index >0.7); average level ($0.5-0.7$); low level (≤ 0.5). The research is of interest not only to specialists in the agro-industrial complex but also to a wide audience concerned with the processes of the Russian economy's adaptation to external challenges.

Key words: dairy cattle farming, economic efficiency, sanctions, sustainability index, regional differentiation, modeling, forecast.

Information about the Authors

Oksana V. Takhumova — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (13, Kalinin Street, Krasnodar, 350044, Russian Federation; e-mail: takhumova@yandex.ru)

Igor A. Bursa — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (13, Kalinin Street, Krasnodar, 350044, Russian Federation; e-mail: bursaia@mail.ru)

Статья поступила 07.07.2025.

Субъективный социальный статус россиян: взаимосвязь с имущественными характеристиками

Нина Дмитриевна

КОЛЕННИКОВА

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: kolennikova-nina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9458-8762; ResearcherID: H-1391-2017

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь субъективного статуса с уровнем потребления и объемом имущества в современном российском обществе. Показано, что ключевые различия как в доходах (материальной базе потребления), так и непосредственно в наборах товаров длительного пользования, объеме имущества и финансовом поведении формируются преимущественно по линии между идентифицирующими свои статусные позиции как низкие, составляющими меньшинство российского населения (14,5%), и большинством, объединяющим субъективные средние слои, а также тех, кто оценивает свой статус как высокий (85,5%). Анализ перечня товаров длительного пользования и разных видов имущества позволил выделить те из них, которые стали общепринятым стандартом для населения, а также те, которые за последние два десятилетия утратили свою дифференцирующую силу. К сравнительно новым «маркерам» субъективного статуса отнесены товары и имущество, связанные с обеспечением домашнего комфорта (например кондиционеры и посудомоечные машины), мобильности (иностраннные автомобили) и цифровой включенности (компьютеры и высокоскоростной доступ в интернет). Еще ярче различия проявляются в зависимости от новизны отдельных видов товаров длительного пользования и имущества у владельцев из разных статусных групп. Определены различия между статусными группами с позиции финансового поведения их членов: от распространенных потребительских кредитов на текущие нужды в группе с низкими оценками субъективного статуса до инвестиционного использования ресурсов в группе с высокими его оценками, в то

Для цитирования: Коленникова Н.Д. (2025). Субъективный социальный статус россиян: взаимосвязь с имущественными характеристиками // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 175–193. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.8

For citation: Kolennikova N.D. (2025). Subjective social status of Russians: Relationship with property characteristics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 175–193. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.8

время как те, кто оценивает свой статус как средний, придерживаются гибридной модели. Продемонстрирована низкая дифференцирующая сила жилищных условий в контексте субъективного статуса, хотя владение второй квартирой чаще встречается у представителей субъективных «средних слоев» и в группе россиян с высокими субъективными статусами, а проживание не в собственном жилье или в тесных условиях чаще сопутствует низким самооценкам статуса.

Ключевые слова: субъективный статус, статусные группы, имущественные характеристики, уровень потребления, субъективная стратификация, социальное неравенство.

Субъективная стратификация и потребление: современное состояние исследований

Исследование взаимосвязи между субъективной стратификацией и уровнем потребления имеет глубокие теоретические основания и богатую эмпирическую традицию. Хотя понятие субъективного статуса в науке было введено и операционализировано в 1950–1970-е гг., предпосылки к его изучению, в том числе в части его взаимосвязи с уровнем имущественной обеспеченности и особенностями потребления, появились в середине XIX века в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, указавших на особую роль потребления и доступа к определенным благам в капиталистическом обществе, имеющим в нем высокую символическую важность и становящимися механизмом социальной идентификации¹.

Дальнейшее развитие идея взаимосвязи социального статуса и потребления получила в трудах Т. Веблена и М. Вебера. В знаменитой работе Т. Веблена «Теория праздного класса» детально описана связь между социальным статусом и потреблением и введено в научный оборот понятие демонстративного потребления (Веблен, 1984). В ней также показано, что в условиях нарастающей социальной мобильности имущество и потребление становятся главными инструментами для демонстрации и подтверждения своего социального положения. В свою очередь М. Вебер еще подробнее раскрыл суть взаимосвязи между социальным статусом и потреблением в рамках предложенного им многомерного подхода к социальной стратификации, показав через концепцию статусных групп (одного из стратификационных измерений наряду с экономическим классом и политической

партией), что потребление не сводится только к демонстрации богатства, а является неотъемлемым элементом стиля жизни, который задает границы между статусными группами, основанными на социальном престиже (Вебер, 2016). Дальнейшее развитие тема получила в работах П. Бурдьё, который связал стили потребления и культурный капитал с воспроизводством классовых различий (Bourdieu, 1979). На значимость культурных и потребительских практик как элементов структурной дифференциации указывал также Д. Голдторп в исследованиях классовой мобильности (Goldthorpe, 1980).

Однако в указанных классических работах во многом шла речь все же о связи объективного статуса с объемом имущества и потребительскими практиками, а значение субъективного статуса резко возросло, как показывают современные исследования, именно с переходом развитых обществ к постиндустриальному этапу развития, для которого характерна глубокая трансформация структуры занятости, сопровождающаяся ростом роли знаний и технологий, а также изменением ценностей и моделей потребления (Белл, 1999; Кастельс, 2000). Кроме того, возможности для социальной мобильности в новых условиях постепенно сужаются, а институциональные возможности ограничиваются.

В этом смысле современные исследования концентрируются не столько на расширении, сколько на углублении трактовок взаимосвязи между уровнем потребления и самооценкой собственного статуса, конструкция которого многомерна и очень сложна. Это, в частности, ярко демонстрировалось в экспериментах Л. Фестингера, по итогам которых для какой-либо самооценки индивида значимым оказывалось сравнение своих способностей, конкрет-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. (2023). Манифест Коммунистической партии. Москва: Азбука. 384 с.

ных результатов или мнений с теми, которые свойственны или распространены среди представителей референтной для индивида группы (Festinger, 1954).

Современные исследования взаимосвязи субъективного статуса и потребления коррелируются с этим положением и показывают, к примеру, что низкий субъективный статус, независимо от реального дохода, коррелирует с так называемым «компенсаторным потреблением» (Walasek, Brown, 2016). То есть в контексте социального сравнения уровень потребления и обеспеченности имуществом становится не только инструментом сигнализирования о своем положении, но и реальным социальным маркером, на который может ориентироваться индивид, субъективно стремящийся к тем или иным оценкам собственного статуса. Проведенные в рамках масштабного исследования Whitehall II² работы показали, что низкий относительный доход и ограниченные потребительские возможности устойчиво коррелируют с низким субъективным статусом и ухудшением показателей здоровья даже при удовлетворении базовых потребностей. При этом субъективный социальный статус отражает когнитивное усреднение стандартных показателей социально-экономического положения и практически не зависит от психологических предубеждений. В связи с этим исследователи пытаются учитывать факторы влияния не только той социально-экономической среды, в которой находится уже взрослый индивид, но и его прошлый социально-экономический опыт, в том числе детский. Так, исследования показывают, что субъективный социальный статус во взрослом возрасте является результатом сложного процесса развития, связанного с приобретением социально-экономического самовосприятия, которое является неотъемлемой частью субъективного социального статуса и включает в себя текущий и прошлый опыт, а также индивидуальный и семейный опыт (Ferreira et al., 2018; Lindberg et al., 2021; Varghese et al., 2021).

В российском контексте, характеризующемся высоким уровнем социально-экономического неравенства и наследием трансформационного периода, взаимосвязь между субъективным статусом и потреблением приобретает особую остроту. Работы отечественных исследователей на этом фоне концентрируются как на стилевых особенностях потребления и его роли для формирования социальной идентичности, которые находятся за рамками этой статьи, так и на том, как в постсоветской России потребление из удовлетворения базовых потребностей превратилось в важнейший механизм социальной дифференциации. В частности, анализируется, как новые потребительские рынки создали основу для формирования «нового среднего класса», для которого определенный набор благ стал не просто атрибутом комфорта, а элементом групповой идентичности и подтверждением социального успеха. Наряду с этим обозначается важная теоретическая предпосылка о том, что потребительские практики не просто отражают, но и активно формируют российскую социальную структуру, а различия в доступе к благам и услугам становятся видимыми границами между социальными группами (Радаев, 2005; Радаев, 2025).

Результаты российских стратификационных исследований, которые сосредоточены во многом на потреблении и имущественной обеспеченности как критериях принадлежности к среднему классу (группе, создающей запрос на более высокий стандарт жизни (Овчарова, Попова, 2013)), также показывают, что для россиян оценка своего места в обществе тесно связана с возможностью поддерживать стандарт потребления, воспринимаемый как «нормальный»³ (Пишняк и др., 2020). Соответственно, неспособность позволить себе этот стандартный набор может вести к снижению субъективного статуса.

Наряду с этим на взаимосвязи субъективного статуса и потребления сказываются особенности российской модели развития, основанной на сращенности властных отношений с

² Исследование государственных служащих Лондона, для замера субъективного статуса использовалась 10-балльная самооценочная шкала.

³ Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований (2016) / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь МИР. 368 с.

отношениями собственности (Шкаратан, 2004). Например, даже при равных доходах занижать самооценку статуса может неформальная занятость (Зудина, 2013). На фоне этих особенностей и сложившейся многомерности социальной системы не каждый товар, услуга или иное имущество воспринимаются россиянами как показатели достижения, повышая тем самым субъективную оценку собственного статуса или понижая ее при отсутствии такового.

Примечательно в этом отношении развитие ситуации в России с отдельными видами имущества и товарами длительного пользования, к примеру с автомобилями, которые постепенно для массовых слоев превратились из предмета роскоши в средство передвижения, но их наличие не перестало сказываться на субъективных ощущениях россиян (Кононенко, 2011). Отличается неоднозначностью в России и ситуация с жильем, значительная часть которого наследуется, а не приобретается за счет собственных усилий (Zavisca et al., 2021), хотя основным инструментом улучшения жилищных условий для россиян в настоящее время является покупка жилья, доступная далеко не каждому (Коленникова, 2024a). Таким образом, в качестве гипотезы можно высказать предположение о том, что даже при доступе к благам, важным для субъективной оценки статуса, важно не только и не столько их наличие, сколько их качество и, вероятно, даже их происхождение и легитимность.

Вследствие этого в порядке развития дискуссии о меняющейся дифференцирующей силе потребления и имущества для самоопределения позиции индивида в условиях широкого потребительского выбора, отчасти продемонстрированной на данных крайней волны РМЭЗ НИУ ВШЭ, целью данного исследования стал анализ взаимосвязи субъективных оценок россиян с уровнем их потребления и набором имущественных характеристик, в том числе с учетом доступных параметров их качества. В частности, мы сосредоточимся, во-первых, на особенностях дифференциации россиян по их самооценкам статуса, то есть в фокусе исследования окажется именно субъективный социальный статус, операционализируемый через оценки индивидом

своего положения по шкале уважения. Объективный социальный статус, как правило, измеряемый через комплекс конкретных показателей по наиболее значимым в обществе статусным шкалам (см. например: Коленникова, 2019), останется за рамками данного исследования. Во-вторых, мы обратимся к анализу доходов (как материальной базы потребления) и ключевых статей расходов в контексте их распределения в рамках групп с разными самооценками социального статуса, в-третьих, проведем оценку динамики уровня потребления и имущественных характеристик, а также проанализируем их дифференцирующую силу применительно к группам людей с разными самооценками социального статуса. В качестве эмпирической базы используются данные 33-й волны (N = 12000) Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ)⁴. Для иллюстрации динамики использовались также массивы РМЭЗ более ранних периодов с похожим объемом выборки.

Особенности выделения статусных групп и динамика их численности

Субъективный статус является научным конструктом и вбирает в себя множество разнообразно измеряемых эмпирических индикаторов. В связи с этим вопрос о его операционализации в каждом конкретном исследовании заслуживает отдельного внимания. В данном исследовании понятие субъективного статуса операционализировалось через вопрос об определении своего места по шкале уважения⁵. Такая методология использована исходя из предпосылки прежде всего о статусе (объединяющем как коллективный престиж, так и индивидуальное уважение) как отдельном стратификационном измерении (Weber, 1978), а также

⁴ Сайты обследования RLMS-HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения 20.07.2025).

⁵ Данная одномерная 10-ступенчатая шкала часто используется исследователями субъективного социального статуса применительно к конкретному обществу (при междоанализе одномерные шкалы могут быть не инвариантны) и считается одной из наиболее надежных и валидных. Отчасти это проверяется и показывается в недавних методических научных работах, см. например (Raudenská, 2024).

с учетом общепринятой традиции измерения субъективного статуса посредством комплексной шкалы⁶, которая не сводится, к примеру, только к отражению финансового положения, как в случае с самооценками места по шкале «богатые — бедные». При этом для обозначения границ статусных групп учитывались взаимосвязи самооценок своего положения по шкале уважения с самооценками экономического и властного статусов⁷.

Как видно из *таблицы 1*, положение по шкале уважения тем выше оценивается человеком, чем выше его самооощущения собственных экономического и властного статусов и, соответственно, наоборот. Однако этот принцип соблюдается не жестко и в сравнении, например, с экономическим и властным статусом (средние и медианные показатели по ним совпадали и были равны 4 баллам). Положение по шкале уважения чаще оценивается россиянами как более высокое (соответствующие показатели составляли уже по 6 баллов). Таким образом, если показатель в 4 балла для самооценок экономического и властного статуса обозначает нижнюю границу субъективных средних слоев, то в случае со статусом по уважению это скорее верхняя граница субъективных низов. Это заметно также из картины общего распределения показателей по данному статусу, когда позиции с первой по четвертую выбирает меньшинство, а значит они не типичны для массовых слоев российского населения. Кроме того, среди тех, кто оценил свой статус по уважению с первой по четвертую ступень, свыше 90% аналогичным образом воспринимали свои экономический и властный статусы (хотя в среднем по стране с 1-й по 4-ю ступень эти статусы оценивает около 60% населения).

С учетом обозначенных теоретических, методических и эмпирических предпосылок нами были выделены три статусные группы, значимо различающиеся самооценками своего статуса по шкале уважения и условно обозначенные как группа с низкими статусными позициями (14,0% выбравших в качестве самооценки статуса с 1-й по 4-ю ступени), со средними статусными позициями (60,3% выбравших с 5-й по 7-ю ступени) и, соответственно, высокими⁸ (25,7% выбравших с 8-й по 9-ю ступени).

Рассмотрим подробнее динамику их численности и некоторые социально-демографические особенности, а затем перейдем непосредственно к доходам, специфике потребления в этих статусных группах и их имущественным характеристикам.

Итак, если обратиться к динамике трансформации субъективной стратификации российского общества 1994—2024 гг., то в первую очередь обращает на себя внимание изменение численности группы с низкими статусными позициями, которая практически вдвое сократилась в период с 1994 по 2004 год (*рис. 1*). Это происходило на фоне интенсивных трансформаций в российской социальной структуре и пока еще открытых каналах социальной мобильности. В следующее десятилетие (2004—2014 гг.) по мере позитивных экономических сдвигов тенденция сокращения доли группы продолжилась. Однако с 2014 по 2024 год произошел небольшой откат и ее численность выросла, хотя и не превышает пока уровня 2004 года. Отчасти это может свидетельствовать о реакции на стабилизацию сложившейся по итогам трансформационного периода модели социальной структуры (Тихонова, 2021a; Тихонова, 2021b).

⁶ См. например: MacArthur Scale of Subjective Social Status — Adult Version // Stanford University. URL: <https://spartools.org/mobility-measure/macarthur-scale-of-subjective-social-status-adult-version/> (дата обращения 08.08.2025).

⁷ Для этого была проведена статистическая проверка указанных взаимосвязей. Коэффициент корреляции Спирмена между самооценками по шкале уважения и экономическим статусом составил 0,351; властным статусом — 0,417. Коэффициенты значимы на уровне 0,01 (двухсторонние).

⁸ Названия групп условны и даны исключительно в контексте операционализации рассматриваемых эмпирических данных. Термин «статусные группы» используется как синоним понятия «группы с разным субъективным статусом» и только отчасти отражает классическую формулировку «статусных групп» по М. Веберу.

Таблица 1. Взаимосвязь оценок субъективного статуса по шкале уважения с самооценками материального и властного статусов*, 2024 г., %

Формулировка вопроса	Варианты ответа	Еще одна лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей – те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?									В среднем по массиву
		НИЗШАЯ СТУПЕНЬ	2	3	4	5	6	7	8	ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ	
Представьте себе лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	НИЗШАЯ СТУПЕНЬ	76,5	20,0	7,9	3,8	1,6	1,4	1,1	1,7	1,8	2,4
	2	8,8	57,3	29	18,2	8,5	6,4	5,2	4,1	4,5	8,6
	3	5,9	12,7	44,7	31,7	22,8	19,6	16,1	13,8	10,3	19,9
	4	8,8	5,5	13,4	38,6	23,9	32,9	25,8	19,9	19,1	25,5
	5	-	2,7	3,7	6,6	39,5	21,9	26,6	25,4	28,3	25,4
	6	-	0,9	1,0	1,2	3	15,9	14,6	17,9	16,6	11
	7	-	-	0,2	-	0,7	1,8	9,9	11,4	13,4	5,5
	8	-	0,9	-	-	0,1	0,1	0,8	5,6	3,8	1,4
	ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ	-	-	-	-	-	-	-	0,2	2,4	0,2
Представьте себе лестницу, из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	НИЗШАЯ СТУПЕНЬ	97,1	20,4	9,2	3,2	3,1	3,3	2,4	2,9	4,8	3,9
	2	2,9	67,6	26,4	20,9	11,3	9,3	6,2	4,7	3,6	10,2
	3	-	8,3	57,1	29,9	20,3	16	12,4	11,7	6,9	17,5
	4	-	1,9	4,7	41	20,4	24,1	18,9	14,6	14	20,2
	5	-	0,9	1,5	3,9	42,2	25,5	26	21,6	23,9	25,2
	6	-	0,9	0,5	0,5	2,1	19,9	18,3	18,4	12,9	12,1
	7	-	-	0,5	0,5	0,5	1,7	15	16,4	14	7,5
	8	-	-	-	0,2	-	0,2	0,8	9,2	11,8	2,6
	ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ	-	-	-	-	-	-	-	0,4	8,2	0,7
СТАТУСНЫЕ ГРУППЫ	Всего	0,4	1,1	4,2	8,8	21,7	18,0	22,0	16,2	7,6	100
		СРЕДНИЕ ПОЗИЦИИ							ВЫСОКИЕ ПОЗИЦИИ		
* Чем темнее фон в ячейке таблицы, тем выше соответствующий показатель, и наоборот. Составлено по: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.											

Рис. 1. Динамика численности групп с разным субъективным статусом (статусных групп), 1994–2024 гг., %

Рассчитано по: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Группа со средними статусными позициями на протяжении всего периода сохраняет статус наиболее многочисленной и устойчивой. Наибольшие колебания в ее численности произошли с 1994 по 2004 год, и с тех пор изменения были незначительными. Это подкрепляет тезисы о том, что именно условные «средние слои» составляют структурное ядро субъективной стратификации (Коленникова, 2024b). Важно отметить, что субъективные средние слои не стоит путать со средним классом, в том числе субъективным, поскольку для соответствия ему важна устойчивая идентичность с этой группой, которая, согласно данным имеющихся исследований, пока у россиян отсутствует (Тихонова, 2021a). Отдельного внимания заслуживает динамика численности группы с высокими статусными позициями. С одной стороны, с 1994 по 2014 год она существенно расширилась, с другой — в последующее десятилетие такой восходящей динамики уже не фиксировалось и даже наметилась слабая нисходящая тенденция. Сокращение

может быть связано с общей тенденцией «выравнивания» положения массовых слоев населения (Мареева, 2024), ростом социального неравенства⁹ и, как следствие, отражением в субъективных оценках россиян сужения доступа к престижным позициям.

Таким образом, в динамике статусных групп в России фиксируется две тенденции: стабилизация группы со средними статусными позициями при колебаниях разной интенсивности в разные периоды долей условных низов и верхов. Это указывает на высокую зависимость крайних сегментов стратификационной пирамиды от социально-экономических трансформаций и институциональной среды. В этом контексте анализ уровня потребления и имущественных характеристик особенно интересен не только с точки зрения их дифференцирующей силы, но и в связи с тем, какие материальные возможности, а также конкретные наборы имущества формируют условия сегодняшней «нормальности» и как в последние два десятилетия менялась эта норма.

⁹ Неравенство в России вернулось почти к «досанкционному» уровню // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2025/67c96f139a794702ed62e69a> (дата обращения 08.08.2025).

Прежде чем перейти к этим вопросам, кратко охарактеризуем портреты представленных статусных групп для понимания роли ключевых факторов, которые сказываются, в том числе, на уровне потребления и имущественной обеспеченности их представителей.

Анализ динамики корреляций субъективного статуса с социально-демографическими характеристиками за 1994–2024 гг. показывает, что набор значимых факторов остается относительно стабильным, но их приоритет меняется (табл. 2). Наиболее устойчивы взаимосвязи субъективного статуса с уровнем образования и профессиональной принадлежностью — после снижения тесноты связей в 2000-е годы (на момент активного формирования новой структуры социальных позиций) она вновь усилилась к 2024 году. Это может указывать на постепенное восстановление ценности институционализированных признаков стратификационного положения, хотя определяющими для субъективного статуса они не являются, что, в целом, соответствует особенностям взаимосвязей субъективного и объективного.

Важно обратить внимание и на то, что в 2010-е годы заметно усилилась и сохраняется примерно на том же уровне взаимосвязь субъективного статуса с властным ресурсом (замеряемым через наличие подчиненных). Это может отражать восприятие управленческих позиций в качестве одного из ключевых и стабильных объективных критериев социального престижа. При этом взаимосвязь субъективного статуса с уровнем дохода демонстрирует

скачкообразную траекторию, что может отражать нестабильность экономического контекста, в условиях которого доход оказывается менее надежным маркером субъективной социальной позиции, чем образование, профессия и власть.

В целом указанная динамика взаимосвязей субъективного статуса с социально-демографическими характеристиками соответствует общеевропейской картине, где доход и образование также коррелируют с субъективным статусом (Lindemann, Saar, 2014). Главное же отличие российской динамики состоит в большей ее изменчивости на сравнительно недолгом временном промежутке. Это отражает как период бурных трансформаций российской социальной структуры и ее постепенной стабилизации, так и особенности этакратической (или неоэтакратической) модели российского общества, в соответствии с которой символические и структурные ресурсы усиливают свою взаимосвязь с самоощущениями россиян относительно их положения по шкале уважения.

Указанные тенденции в динамике портретов групп с разным субъективным статусом позволяют предположить, что взаимосвязь субъективного статуса с имущественной обеспеченностью и потреблением в России имеет опосредованный характер: доход не имеет прямого влияния на статус, но сказывается на его восприятии через накопленные материальные ресурсы и формы потребления, служащие символическим подтверждением образования и профессии. Можно предположить, что в российском контексте имущественная обеспечен-

Таблица 2. Динамика взаимосвязей оценок субъективного статуса с различными социально-демографическими характеристиками, 2003–2023 гг., пункты

Характеристика	Коэффициент корреляции Спирмена с субъективным статусом (приведены по модулю)			
	1994	2004	2014	2024
Уровень образования	0,137	0,070	0,097	0,134
Профессиональная группа	0,110	0,097	0,120	0,133
Наличие подчиненных	0,097	0,078	0,131	0,129
Размер индивидуального дохода в месяц	0,050	0,089	0,140	0,108
Ранжировано по убыванию коэффициентов за 2024 г. Составлено по: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.				

ность в большей степени будет взаимосвязана с восприятием статуса, чем доход. В сочетании с растущим значением образования и профессии это может указывать на «гибридную модель», когда самооценки собственного положения формируются на базе институциональных достижений, а потребление и имущество выступают в качестве подтверждающих, демонстративных практик или важной части статусной идентичности индивида. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

Доходы и расходы как маркеры субъективного статуса

Обратимся сначала к динамике абсолютных показателей индивидуального дохода, который для большинства россиян формируется из заработной платы по месту работы (в случае с работающими) и из социальных трансфертов (в случае с неработающими)¹⁰.

Наиболее примечательным в контексте рассмотрения дохода как первичной потребительской базы для разных статусных групп является разброс его значений между теми, кто харак-

теризует свой статус как низкий и, напротив, оценивает его как высокий. Несмотря на общую тенденцию значимого превышения средних и медианных доходов в группе с высокими самооценками собственного статуса в сравнении со среднероссийскими показателями и соответствующим отклонением значений дохода в меньшую сторону в группе с низкими самооценками статуса, разрыв этих показателей остается крайне небольшим и колеблется от 1,2 раза в 1994 году до 1,4 раза в 2024 году (табл. 3).

Это заметно и при рассмотрении динамики численности доходных групп, выделенных уже с позиции относительно подхода¹¹. С 1994 по 2024 год наблюдается постепенное «сжатие» полюсов доходного распределения и концентрация большинства населения в «среднедоходной зоне», в том числе в контексте рассматриваемых статусных групп (рис. 2). Это позволяет предполагать однородность структуры потребления и снижение возможностей для демонстративного дистанцирования напрямую через доходы.

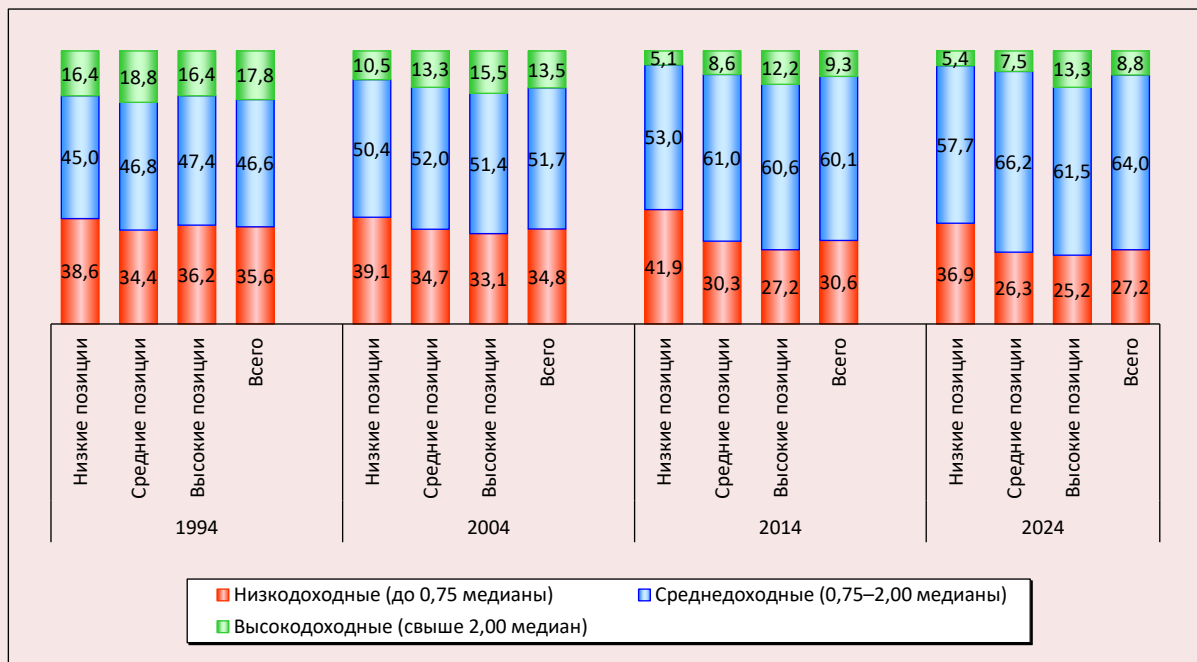
Таблица 3. Динамика среднего и медианного уровня индивидуальных доходов в группах с разными оценками субъективного статуса, 1994–2024 гг., руб.

Статусные позиции (субъективные оценки)	1994	2004	2014	2024
Индивидуальный доход (среднее)				
Низкие позиции	227193,0	4364,6	18597,3	40053,2
Средние позиции	276921,4	5316,3	21714,3	49740,1
Высокие позиции	268620,6	6088,5	26168,9	55169,9
В среднем по массиву (справочно)	265620,9	5384,8	22651,6	50109,6
Разрыв между группами с высокими и низкими позициями, раз	1,2	1,4	1,4	1,4
Индивидуальный доход (медиана)				
Низкие позиции	150000,0	3200,0	15000,0	35000,0
Средние позиции	190000,0	4000,0	18000,0	41000,0
Высокие позиции	180000,0	4100,0	20000,0	45000,0
В среднем по массиву (справочно)	180000,0	4000,0	19000,0	40000,0
Разрыв между группами с высокими и низкими позициями, раз	1,2	1,3	1,3	1,3
Составлено по: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.				

¹⁰ Росстат раскрыл структуру доходов беднейших и богатейших россиян // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/01/2024/659eb1429a79470c7c9a19c0> (дата обращения 08.08.2025).

¹¹ Используется медианный доход как типичный стандарт жизни. В данной версии учитывалось региональное доходное неравенство, использовалась региональная медиана индивидуальных доходов для выделения трех доходных слоев.

Рис. 2. Динамика численности лиц из разных доходных слоев в зависимости от их субъективного статуса, 1994–2024 гг., %

Рассчитано по: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Вместе с тем сохраняются как различия в доходах, так и различия в субъективном восприятии статуса в контексте дохода. Однако выражаются они прежде всего в разной вероятности для представителей каждой статусной группы попасть в категорию низкодоходных или удержаться в среднедоходной группе.

Таким образом, взаимосвязь субъективного статуса и уровня материальной обеспеченности в России становится более «плоской», хотя группа с низкими статусными позициями все еще сталкивается с повышенными рисками бедности, а оценивающие свой статус как высокий — со сравнительно частым доступом к зоне относительно высоких доходов.

Эти особенности раскрываются и в контексте финансового поведения представителей

разных статусных групп. Прежде всего это касается сберегательной активности — ее чаще проявляют группы с высоким субъективным статусом (24,2% против 19,6% в среднем по стране и 14,6% среди субъективных низов). Им же удавалось за последний месяц перед опросом «отложить» сравнительно большую сумму (26001 руб. против 23617 руб. в среднем по стране), нежели представителям субъективных низов (18123 руб.) и средних слоев (23507 руб.), хотя разрыв в суммах и в данном случае остается сравнительно небольшим. При этом кредитная нагрузка разных статусных групп значительно не различается, несмотря на то что представители группы с низким субъективным статусом немного чаще прибегают к кредитам и имеют невыплаченные кредиты¹².

¹² В течение последних 12 месяцев брали кредит 7,2% россиян (соответствующие доли составили: среди россиян с низким субъективным статусом — 8,5%, средним — 7,1%, высоким — 6,9%). На момент опроса имели невыплаченные кредиты 21,5% россиян (соответствующие доли составили: среди россиян с низким субъективным статусом — 21,5%, средним — 21,7%, высоким — 20,8%).

Однако разница заметна в виде кредитов, к которым обращаются представители разных статусных групп. К примеру, представители группы с низким субъективным статусом на фоне других групп сравнительно чаще прибегают к покупке конкретных товаров в кредит, вероятно, поддерживая текущий уровень потребления. Причем доля обращающихся к кредитам на покупку жилья среди них в разы ниже, чем среди представителей субъективных «средних слоев» и россиян с высокими оценками своего статуса (табл. 4). Наряду с этим в данной группе самый высокий процент кредитов на образование, хотя в целом этот вид кредита не популярен у россиян. Можно предположить, что такое отклонение является попыткой части состава этой группы инвестировать в будущее детей или свое собственное в надежде на позитивные изменения.

Россияне с высоким субъективным статусом на этом фоне демонстрируют инвестиционную модель использования кредита. Среди них высока доля кредитов на покупку жилья. Это не признак нехватки денег на жизнь, а свидетельство восприятия таких вложений как инструмента по наращиванию активов. Кроме того, в этой группе самый низкий процент имеющих потребительские кредиты без конкретной цели. Такая модель финансового поведения согласуется и со сравнительно высокой сберегательной активностью этой группы. Таким образом, потребление в ней прежде всего имеет цели, в том числе долгосрочные, и превращается в инструмент для улучшения своего благосостояния.

Наиболее массовая группа со средним субъективным статусом демонстрирует гибридную и наиболее активную модель финансового поведения. С одной стороны, у них есть возможность комбинирования стратегий по поддержанию текущего уровня жизни с более долгосрочными потребительскими целями. С другой стороны, в силу высокой кредитной активности на фоне других групп она создает довольно высокие финансовые риски.

Рассмотрим более детально некоторые статьи расходов россиян с разным субъективным статусом, углубляющие выводы о потребительских моделях и уровне потребительской активности разных статусных групп. В целом структура расходов, не характерных для большинства россиян, не очень разнообразна. Относительно распространены траты на поддержание текущего уровня жизни (содержание домашних животных, покупка косметики и парфюмерии), а также вложения в детское образование, культурный досуг и платежи по кредитам и налогам. Слабо распространены расходы на лечение, ипотеку (вероятно, ввиду ее ограниченной доступности), образование взрослых (довольно тревожный сигнал в условиях постоянно меняющихся требований на рынке труда) и страховые взносы.

Все это свидетельствует о неравенстве уже не только и не столько по признаку дохода, сколько по наличию различных возможностей для накопления социального и культурного капиталов. То есть на фоне слабых различий между статусными группами по размеру их

Таблица 4. Распространенность кредитов по целям среди россиян с разным субъективным статусом*, 2024 г., %

Вид кредита	Статусные позиции (субъективные оценки)			В среднем по массиву (справочно)
	Низкие позиции	Средние позиции	Высокие позиции	
Потребительский кредит в банке на любые цели	40,2	41,3	36,4	40,0
На покупку конкретного товара в магазине	32,5	22,9	28,6	25,8
На покупку автомобиля	17,9	23,6	21,4	22,2
Ипотечный кредит на покупку жилья, недвижимости	4,3	10,3	12,3	9,7
На оплату конкретной услуги в фирме	5,1	2,4	6,5	3,8
На оплату образования	2,6	1,4	1,3	1,6
* Фоном выделены самые высокие показатели по строке. Составлено по: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.				

доходов используются они представителями групп по-разному, что отчасти определяется самооценкой их статуса, а отчасти формирует ее. Наиболее значимые различия фиксируются между совокупным большинством (группами со средним и высоким субъективным статусом) и меньшинством — оценивающими свой статус как низкий (табл. 5).

Таким образом, субъективная низкая позиция на «социальной лестнице» действительно сопряжена с трудностями в части соответствия общепринятой статусной норме и по доходам, и по вовлеченности в эффективные модели финансового поведения (позволяющие не только поддерживать текущий уровень жизни, но и приумножать свои нематериальные возмож-

ности), а также в потребительские практики, имеющие не только более разнообразные, но и более долгосрочные цели. При этом высокий субъективный статус совсем не является подтверждением «оторванности» и качественно иного уровня жизни, а скорее свидетельствует о большей уверенности (в сравнении с группой, чьи представители оценивают свой статус как средний) в своих возможностях не только в поддержании текущих потребностей, но и наращивании дополнительных активов. Рассмотрим, насколько эти закономерности, выявленные в отношении доходов, финансового поведения и расходов, согласуются с данными о различных потребительских активах¹³ россиян с учетом их субъективного статуса.

Таблица 5. Распространенность ежемесячных трат на товары и услуги среди россиян с разным субъективным статусом*, 2024 г., %

Статья расходов	Низкие позиции	Средние позиции	Высокие позиции	В среднем по массиву (справочно)
Содержание домашних животных	32,2	37,3	39,3	37,0
Косметика и парфюмерия	24,9	31,1	34,4	31,0
Содержание и оплата занятий детей в дошкольных учреждениях, школах, секциях, кружках, на оплату частных уроков, репетиторов, в том числе подарки педагогам	21,2	26,7	24,7	25,5
Билеты в театр, цирк, кино, на концерты, в парки культуры и другие развлекательные мероприятия	18,7	23,8	24,3	23,2
Погашение кредита, возврат ссуд	17,1	17,0	17,6	17,2
Налоги на недвижимость и транспорт, лицензии, пошлины за оформление документов (кроме налогов на доходы и землю)	11,0	16,8	15,3	15,6
Лечение, протезирование зубов (исключая покупку лекарств)	8,2	11,2	8,4	10,1
Лечение, обследование в поликлиниках, амбулаториях (исключая покупку лекарств)	6,5	7,7	8,6	7,7
Погашение ипотечного кредита	4,7	6,1	7,1	6,2
Страховые взносы за страхование жизни, здоровья, машины, жилища и др.	4,1	6,5	6,3	6,1
Оплата занятий взрослых членов семьи в различных секциях, на курсах, у преподавателей	3,8	6,2	5,9	5,8
Лечение, обследование в стационарных лечебных учреждениях: больницах, госпиталях, клиниках (исключая покупку лекарств)	5,3	5,6	5,2	5,5
* Формулировка вопроса: «Тратила ли Ваша семья в течение последних 30 дней деньги на...?». Вопрос задавался применительно к 23 статьям расходов, для анализа были отобраны 12. В силу низкой дифференцирующей способности исключены из анализа 3 статьи, характерные для большинства россиян, и 8 статей, о которых заявили не более 3–5% населения. Фоном выделены самые высокие показатели по строке. Составлено по: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.				

¹³ Анализируются прежде всего потребительские активы (не приносящие владельцу прибыли, но требующие содержания и обслуживания), хотя не исключается, что некоторые виды таких активов могут иметь двойное назначение и в определенных условиях превращаться в инвестиционные активы.

Имущественные характеристики и жилищные условия различных статусных групп

Весь доступный для анализа в рамках инструментария РМЭЗ объем имущества и товаров длительного пользования с точки зрения их распространенности среди россиян можно условно разделить на три зоны. Первая из них объединяет товары, ставшие распространенной нормой и имеющиеся не менее чем у половины населения, вне зависимости от принадлежности к группе с разными самооценками статуса. Это товары, наличие которых само по себе значимо не дифференцирует российское население и не маркирует объективный или субъективный социальный статус. Хотя, во-первых, у

субъективных низов часть из этих товаров все же встречается сравнительно реже, а во-вторых, есть небольшие различия в среднем возрасте имеющегося набора таких распространенных товаров¹⁴, который снижается по мере перехода от низких оценок собственного статуса к высоким (табл. 6).

Исключение составляет доступ к высокоскоростному интернету, средняя длительность пользования которым наиболее велика среди тех, кто оценивает свой статус как средний (9,1 года против 8,6 в группах с низкими и высокими оценками собственного статуса), а медианная — наиболее низка именно в группе с высокими оценками собственного статуса (8,0 лет

Таблица 6. Объем имущества и товаров длительного пользования среди представителей разных статусных групп*, 2024 г., %

Имущество и товары длительного пользования	Низкие позиции	Средние позиции	Высокие позиции	Всего
Телевизор плоский – плазменный или жидкокристаллический	92,2	94,9	95,3	94,6
Стиральная машина-автомат	92,0	95,0	94,8	94,5
Микроволновая печь	76,6	82,8	85,7	82,6
Холодильник, не требующий разморозки	73,3	82,6	83,2	81,4
Компьютер стационарный или ноутбук?	64,6	73,6	77,7	73,3
Высокоскоростной выход в Интернет	55,9	71,2	75,8	70,1
Легковой автомобиль иностранной модели	22,8	36,0	40,6	35,2
Кабельное телевидение	32,7	32,6	38,9	34,1
Отдельная морозильная камера	21,5	26,9	31,1	27,1
Взрослый велосипед	25,3	25,7	28,1	26,2
Отечественный легковой автомобиль	19,9	23,6	22,6	22,8
Спутниковая антенна	18,0	22,5	22,6	21,9
Кондиционер воздуха	8,0	20,1	26,1	19,8
Дача или другой дом, часть дома, садовый домик	16,3	20,4	18,6	19,4
Газонокосилка	12,2	18,4	19,3	17,7
Другая квартира или часть квартиры	8,8	13,0	12,8	12,4
Низкоскоростной выход в Интернет	17,4	11,3	11,4	12,2
Посудомоечная машина	7,0	10,2	12,6	10,3
Грузовой автомобиль	1,5	2,9	2,8	2,7
Мотоцикл, мотороллер, моторная лодка, катер, снегоход	1,9	2,0	3,2	2,3
Трактор или минитрактор	1,9	2,3	2,6	2,3
Электросамокат	0,9	1,3	1,8	1,3

*Серым фоном в таблице отмечены товары длительного пользования, которые распространены не менее чем среди половины российского населения, розовым – встречающиеся не более чем у 3% его состава. Красным шрифтом выделены показатели, которые значимо отклоняются от среднероссийских в меньшую сторону (более чем на величину статистической погрешности в 3–5%), синим цветом – соответственно, отклоняющиеся в большую сторону.
Составлено по: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

¹⁴ Средний возраст набора товаров, включающего телевизор, стиральную машину-автомат, микроволновую печь, холодильник (no frost), компьютер или ноутбук, составил в среднем по массиву 8,7 года, соответственно, среди россиян с низкими оценками статуса этот показатель был равен 9,1, средними – 8,7, высокими – 8,6. Длительность наличия высокоскоростного интернета в этих значениях не учитывалась и рассматривалась отдельно.

против 9,0 в двух других статусных группах). То есть высокоскоростным интернетом раньше стали пользоваться скорее россияне из группы с низкими субъективными статусными позициями, нежели те, кто оценивает свой статус как высокий. Вероятно, это связано, во-первых, с широким охватом высокоскоростным интернетом молодежи (к примеру, среди тех, кому от 18 до 24 лет, эта технология есть у 83,5%, а в группе от 55 лет и старше — у 54,5%)¹⁵, во-вторых, с тем, что представители молодежи от 18 до 24 лет сравнительно чаще встречаются среди тех, кто дает низкие оценки своему статусу (10,2 против 5,2% в группе с высокими его оценками)¹⁶.

Вторая зона включает товары и имущество, встречающиеся среди россиян в разной степени, но не характерные для его большинства, то есть обладающие сравнительно высокой дифференцирующей силой и, при наличии значимых отклонений между группами, определяющие, в том числе, субъективную оценку собственного статуса. К таковым прежде всего относятся автомобили-иномарки, ярко выделяющие тех, кто оценивает свой статус как высокий (ими владеют 40,6% представителей этой группы против 22,8% у субъективных низов, при этом средний возраст машин в первой группе ниже — 9,4 против 10,8 года). В этом смысле субъективный статус маркируется и самим фактом владения иностранным автомобилем, и его новизной.

Также к этой зоне относятся товары, связанные с обеспечением комфортного быта: отдельные морозильные камеры, кондиционеры, газонокосилки и посудомоечные машины, которые сравнительно чаще встречаются у представителей групп с высокими субъективными статусными позициями и реже у оценивающих свой статус как низкий. Пока эти товары можно отнести к маркерам субъективного статуса, поскольку различия по группам довольно заметны, в том числе с точки зрения среднего возраста набора этих товаров¹⁷, но их

доступность постепенно растет во всех статусных группах. К примеру, в 2013 году кондиционеры были у 15% россиян с высокими оценками статуса и у 6,4% оценивших свой статус как низкий. Соответствующие доли на тот период составили для морозильных камер — 16,0 и 9,9%, газонокосилок — 12,7 и 7,8%, посудомоечных машин — 4,3 и 2,5%.

Третья зона объединяет редкие товары, встречающиеся не более чем у 1–3% россиян. Эти предметы не находятся в массовом использовании, но имеют нишевое значение, вероятно, связанное с образом жизни или, отчасти, с профессиональной деятельностью. К ним относятся грузовые автомобили, водный транспорт, тракторы и электросамокаты. В части их распространенности воспроизводится тренд с большим охватом группы с высокими и средними позициями и меньшим — с низкими.

Уникальна ситуация с электросамокатами, если обратиться к анализу не только их наличия, но и среднего возраста — он наиболее высокий у электросамокатов владельцев со средними и высокими субъективными статусными позициями (2,8 лет и 2,5 года соответственно), нежели в группе россиян с низкими оценками социального статуса (1,8 года). Вероятно, это свидетельствует, что именно представители субъективных «средних слоев» и группы с высокими статусными позициями стали первыми покупателями этой сравнительно новой для жизни россиян техники, а те, кто оценивает свой статус как низкий, медленнее включают в такую потребительскую практику.

Оригинальна и ситуация с недвижимостью, разница во владении которой минимальна между анализируемыми группами. Особенно это касается дач и домов. Невысока она и применительно к среднему возрасту такого имущества — средний возраст дач и домов превышает 20 лет во всех группах, а среди владельцев из группы с высокими субъективными статусными позициями он самый высокий и составля-

¹⁵ Коэффициент корреляции Спирмена составил 0,245. Значимость на уровне 0,01 двухсторонняя.

¹⁶ Хотя и значимой корреляции переменные возраста и субъективного статуса не демонстрируют.

¹⁷ Средний возраст набора товаров, включающий морозильную камеру, посудомоечную машину, отечественный легковой автомобиль, иностранный легковой автомобиль и кондиционер, составил в среднем по массиву 8,7 лет, соответственно, среди россиян с низкими субъективными статусными позициями этот показатель был равен — 9,1, средними — 8,7 и высокими — 8,6. Причем в отношении медианного возраста этого набора фиксировалась более яркая динамика и соответствующие показатели составили — 7,8 лет в среднем по массиву, 7,4 лет среди тех, кто оценил свой статус как высокий, 7,7 — в группе с его средними оценками и 7,8 — с низкими.

ет 24 года. Средний возраст дополнительных квартир ниже, но и он значимо не отличается в разных статусных группах, варьируясь в диапазоне от 15 до 16,5 года, хотя наличие таких квартир все же значимо реже встречается среди тех, кто оценивает свой статус как низкий, и в этом смысле второе жилье все же сильно сказывается на вероятности субъективно стремиться к более высоким ступеням социальной лестницы. Таким образом, наличие и возраст дополнительной недвижимости резко не разделяют рассматриваемые статусные группы, хотя дифференциация по наличию второй квартиры между ними имеется. Это может быть вызвано как культурной спецификой России (дача — многофункциональный атрибут российской жизни, сочетающий возможности для досуга, садоводства, огородничества и взаимодействия с природой), так и наследственным характером такого имущества (особенно в случае со вторым жильем) и его долгосрочной закрепленностью в собственности.

Высокая стабильность недвижимых активов наблюдается и в контексте анализа жилищных условий представителей групп с разными субъективными статусами. Так, свыше 90% состава каждой из них проживают в собственном жилье. Наиболее распространенным типом жилья является отдельная квартира (в них прожива-

ют свыше 60% россиян вне зависимости от их субъективного статуса), следующими по популярности выступают отдельные дома. Проживание в части квартиры или части дома для российского населения является скорее исключением, хотя представители группы с низкими субъективными статусными позициями чуть чаще встречаются среди последних (8,6% против 6,3 в среднем по массиву). Несмотря на то что в абсолютном большинстве случаев собственниками жилья, в котором проживают, являются члены домохозяйства, среди тех, кто проживает не в своем жилье, сравнительно чаще встречаются оценивающие свой статус как низкий (10,3% против 8,0 в среднем по массиву).

Невелики также различия в площадях жилья среди представителей разных статусных групп, однако на некоторые из них стоит обратить внимание. Из *таблицы 7* видно, что наибольшей общей площадью жилья характеризуются субъективные «средние слои», а в группе с высокими субъективными статусными позициями она немного ниже. Отчасти, как показывает проверка на данных РМЭЗ¹⁸, это может объясняться стремлением лиц с высокими самооценками собственного статуса проживать в крупных городах, где жилье дороже и, как правило, компактнее.

Таблица 7. Характеристики основного жилья у россиян с разными субъективными статусами, 2024 г., %

Вопрос	Значение	Низкие позиции	Средние позиции	Высокие позиции	Всего
Какова общая полезная площадь жилья у Вашей семьи, то есть сумма площадей жилых комнат, кухни, ванной, туалета, прихожей, кладовых и тому подобного в квартире (доме)?	<i>Среднее</i>	61,7	65,0	62,5	63,9
	<i>Медиана</i>	54,0	57,0	56,0	56,2
Какую жилую площадь занимает Ваша семья? Сколько квадратных метров составляет площадь только жилых комнат?	<i>Среднее</i>	41,6	45,3	42,8	44,2
	<i>Медиана</i>	36,0	38,0	38,0	38,0
Сколько жилых комнат занимает Ваша семья?	<i>Среднее</i>	2,5	2,7	2,6	2,7
	<i>Медиана</i>	2,0	3,0	2,0	3,0
Составлено по: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.					

¹⁸ Хотя переменная «тип населенного пункта» не имеет значимой статистической взаимосвязи с переменной субъективного статуса, она демонстрирует значимую связь с уровнем потребления, который повышается по мере роста численности населения в населенном пункте. Учитывая то, что сравнительно высокий уровень потребления фиксируется среди россиян с высокими оценками субъективного статуса, можно предположить косвенное влияние типа населенного пункта на самооценки социального статуса. Впрочем, для уточнения этой гипотезы требуется дополнительная проверка, выходящая за рамки данного исследования.

С точки зрения занимаемой площади жилья, с одной стороны, мы видим довольно равномерное распределение медианных его показателей, что указывает на наличие «базового стандарта» жилых условий. С другой стороны, все же группа со средними субъективными статусными позициями отличается максимальной средней величиной данного показателя. Интересно и то, что именно среди представителей субъективных «средних слоев» чуть выше показатель количества занимаемых комнат. Косвенно на этом могут сказываться особенности состава домохозяйств. Так, хотя прямой взаимосвязи между субъективными оценками статуса с брачным статусом и количеством членов семьи не обнаруживается, последние две переменные демонстрируют высокую взаимосвязь с уровнем потребления¹⁹. Исходя из этого, можно предположить, что официальные браки и большие семьи²⁰ будут с большей вероятностью встречаться среди россиян со средними и высокими оценками собственного статуса, но в силу стремления последних в крупные города их жилищные условия будут несколько уступать. Однако эта гипотеза нуждается в дополнительной проверке. Тем не менее хотя различия в жилищных условиях между статусными группами и выражены слабо, лидирующую позицию по площади занимает вовсе не группа с высокими позициями, а субъективные «средние слои». Это указывает как на то, что жилищные условия в России не всегда прямо коррелируют с субъективным статусом, так и на их зависимость от культурных, региональных и демографических факторов (Коленникова, 2024а).

Заключение

В современном российском обществе, которое совершило переход от модели массового субъективного аутсайдерства, характерного для трансформационного периода 1990-х годов, к более стабильной и сложно устроенной системе восприятия собственного благополучия (Тихонова, 2018; Сушко, 2025), потребление и объем имущества, как показало проведенное исследование, становятся важными факторами,

отражающими не только объективные характеристики положения индивида, но и его самооценки своего места в этом обществе.

При сложившейся структуре субъективной стратификации по уважению с доминированием субъективных средних слоев, значимой долей субъективных «верхов» и сравнительной малочисленностью субъективных низов в российском обществе доминирует модель базового потребления. Она включает прежде всего наличие в домохозяйстве таких товаров длительного пользования, как телевизор с плоским экраном, стиральная машина-автомат, холодильник, компьютер (или ноутбук), микроволновая печь и высокоскоростной выход в интернет, которые практически утратили свою дифференцирующую функцию, превратившись в общепринятый стандарт жизни, доступный подавляющему большинству населения, включая россиян, которые оценивают свой статус как низкий. Однако, когда мы переходим от анализа простого наличия к качественным характеристикам упомянутых товаров или менее распространенным видам имущества и товаров длительного пользования, все-таки проявляются значимые различия между статусными группами.

На смену старым маркерам субъективного статуса приходят новые, связанные с доступом к цифровым технологиям, комфорту и мобильности. Владение компьютером или ноутбуком, наличие высокоскоростного интернета, кондиционера и, в особенности, легкового автомобиля иностранной модели выступают сегодня как значимые индикаторы субъективного статуса, и «разрывы» между группами с субъективными низкими и высокими оценками статуса по этим позициям оказываются весьма существенными. Важен также не только сам факт обладания, но и «новизна» анализируемого товара или имущества, что особенно заметно по среднему возрасту автомобилей (прежде всего иностранных марок).

Это дополняется и анализом финансового поведения представителей разных статусных групп, который продемонстрировал существенные различия в моделях управления имеющи-

¹⁹ Коэффициент корреляции Пирсона между брачным статусом и общим объемом имущества и товаров длительного пользования составил 0,258. Коэффициент корреляции Спирмена между общим количеством членов семьи и общим объемом имущества и товаров длительного пользования составил 0,416. Корреляции значимы на уровне 0,01, двусторонние.

²⁰ Численность которых будет превышать медианную в 3 человека.

мися ресурсами между статусными группами. Среди тех, кто оценивает свой статус как низкий, чаще встречается потребительское кредитование, направленное на поддержание текущего уровня жизни, что свидетельствует о краткосрочном горизонте планирования и ограниченности ресурсов. Для представителей группы с высокими субъективными статусными позициями кредит чаще выступает инвестиционным инструментом, используемым для приобретения дорогостоящих активов, в том числе недвижимости. Их финансовое поведение в целом, включая более высокую сберегательную активность, носит стратегический характер и направлено на приумножение ресурсной базы. Условные субъективные «средние слои» демонстрируют гибридную, но и наиболее рискованную модель, активно используя кредиты для поддержания текущего стандарта потребления, не забывая и об инвестициях в здоровье, образование детей и недвижимость. Однако это ставит их в уязвимое положение в периоды экономической нестабильности. Таким образом, финансовые практики активно воспроизводят и углубляют существующее статусное неравенство, отражающееся, в том числе, в самооценках своего положения.

Эти выводы корреспондируют с данными о роли доходов в статусном самоопределении, которые не объясняют всей полноты различий, хотя доходы представителей группы с высокими субъективными статусными позициями в среднем выше, чем в двух других группах, но даже разрыв с оценивающими свой статус как низкий не является драматическим. Доход оказывается даже менее надежным маркером субъективной оценки статуса, чем образование, профессиональная принадлежность и наличие властного ресурса. Это указывает на формирование «гибридной модели» стратификации, где институционально закрепленные достижения (образование, профессия) предполагают их символическое подтверждение через определенные модели потребления. Имущество и доступ к определенным услугам (например, платное образование для детей, культурный досуг)

выступают видимым доказательством социального успеха, легитимируя более высокий статус в глазах как самого индивида, так и его окружения. Тем не менее в современных российских условиях раздел между статусными группами в контексте объема их имущества и уровня потребления пролегает скорее между группой с низкими субъективными статусами и совокупным большинством из субъективных «средних слоев» и тех, кто оценивает свой статус как высокий. Представители же группы с высокими субъективными статусами не отличаются кардинально с точки зрения имеющегося у них набора товаров длительного пользования и объема имущества, а скорее иначе распоряжаются им, исходя из более долгосрочных целей.

Отчасти это подтверждается и в контексте анализа жилищных условий представителей разных статусных групп, которые помимо обнаруженных различий соответствуют общей российской специфике, когда наличие дачи или второго дома (в отличие от многих западных обществ) не является четким маркером высокого (по крайней мере субъективного) статуса. В то же время владение второй квартирой обладает значимой дифференцирующей силой и чаще встречается у представителей субъективных «средних слоев» и в группе людей с высокими субъективными статусами. В целом же жилищные условия хотя и демонстрируют тенденцию к стандартизации, проживание не в собственном жилье или в стесненных условиях чаще сопутствует низким статусным самооценкам.

Таким образом, уровень потребления и объем имущества в современной России являются одними из ключевых механизмов конструирования и воспроизводства субъективной социальной структуры. В условиях, когда объективные экономические показатели (в частности доход) не всегда прямо коррелируют с самоопределением человеком собственной позиции, различия в потребительских практиках и имущественных характеристиках формируют видимые границы между социальными группами, делая абстрактное социальное неравенство отчасти осязаемым.

Литература

- Белл Д. (1999). Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia. 783 с.

- Вебер М. (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. Москва: Прогресс. 367 с.
- Зудина А.А. (2013). Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. Т. 14. № 3. С. 27–63.
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ГУ ВШЭ. 608 с.
- Коленникова Н.Д. (2024а). Специфика восприятия россиянами жилищных условий и жилищного неравенства: динамика и факторы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 247–263. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.14
- Коленникова Н.Д. (2019). Статусная консистентность занятого населения в современной России // Социологические исследования. № 11. С. 52–62. DOI: 10.31857/S013216250007450-8
- Коленникова Н.Д. (2024b). Субъективная стратификация российского общества: динамика и специфика // Социологические исследования. № 12. С. 74–87. DOI: 10.31857/S0132162524120071
- Кононенко Р.В. (2011). Автомобильность в России. Москва: Вариант. 155 с.
- Мареева С.В. (2024). Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. № 9. С. 3–16. DOI: 10.31857/S0132162524090012
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О. (2013). Доходы и расходы домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. № 3. С. 3–34.
- Пишняк А.И., Горайнова А.Р., Назарбаева Е.А., Халина Н.В. (2020). Инвестиции среднего класса в человеческий капитал: потребление платных услуг в области образования и медицины // Вопросы экономики. № 11. С. 69–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-11-69-85
- Радаев В.В. (2005). Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. № 1 (249). С. 5–18.
- Радаев В.В. (2025). Нестандартное потребление. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 216 с.
- Сушко П.Е. (2025). Структура массовых слоев российского населения по уровню субъективного благополучия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 143–163. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.8
- Тихонова Н.Е. (2018). Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. Т. 9. № 4. С. 11–43. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536
- Тихонова Н.Е. (2021a). Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад / под науч. ред. Л.Н. Овчаровой. Москва: НИУ ВШЭ.
- Тихонова Н.Е. (2021b). Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х // Социологические исследования. № 8. С. 22–32. DOI: 10.31857/S013216250014308-1
- Шкаратан О.И. (2004). Российский порядок: Вектор перемен. Москва: Вита-Пресс. 208 с.
- Bourdieu P. (1979). *La Distinction: Critique Sociale du Jugement*. Paris: Ed. de Minuit.
- Ferreira W. A., Camelo L., Viana M. C., Giatti L., Barreto S. M. (2018). Is subjective social status a summary of life-course socioeconomic position? *Cadernos de Saúde Pública*, 34(5), e00024317. DOI: 10.1590/0102-311x00024317
- Festinger L. (1954). A theory of social comparison processes. *Human Relations*. 7(2). 117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202
- Goldthorpe J.H. (1980). *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.
- Lindberg M.H., Chen G., Olsen J.A., Abelsen B. (2021). Explaining subjective social status in two countries: The relative importance of education, occupation, income and childhood circumstances. *SSM – Population Health*, 15, 100864. DOI: 10.1016/j.ssmph.2021.100864
- Lindemann K., Saar E. (2014). Contextual effects on subjective social position: Evidence from European countries. *International Journal of Comparative Sociology*, 55(1), 3–23. DOI: 10.1177/0020715214527101
- Raudenská P. (2024). Measurement invariance of subjective social status: The issue of single-item questions in social stratification research. *Research in Social Stratification and Mobility*, 92, 100953. DOI: 10.1016/j.rssm.2024.100953

- Varghese J.S., Hall R.W., DiGirolamo A.M., Martorell R., Ramirez-Zea M., Stein A.D. (2021). Socioeconomic position over the life-course and subjective social status in relation to nutritional status and mental health among Guatemalan adults. *SSM – Population Health*, 15, 100880. DOI: 10.1016/j.ssmph.2021.100880
- Walasek L., Brown G.D. (2016). Income inequality, income, and internet searches for status goods: A cross-national study of the association between inequality and well-being. *Social Indicators Research*, 129(3), 1001–1014. DOI: 10.1007/s11205-015-1158-4
- Weber M. (1978). *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press.
- Zavisca J.R. (2012). *Housing the New Russia*. Ithaca, London: Cornell University Press.
- Zavisca R., Gerber T.P., Suh H. (2021). Housing status in post-Soviet contexts: A multi-dimensional measurement approach. *Social Indicators Research*, 153, 609–634. DOI: 10.1007/s11205-020-02477-7

Сведения об авторе

Нина Дмитриевна Коленникова — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корпус 5; e-mail: kolennikova-nina@mail.ru)

Kolennikova N.D.

Subjective Social Status of Russians: Relationship with Property Characteristics

Abstract. The article analyzes the relationship between subjective status and the level of consumption and volume of property in contemporary Russian society. It shows that key differences in income (the material basis of consumption), sets of durable goods, volume of property, and financial behavior are formed mainly between the subjective lower classes, which constitute a minority of the Russian population (14.5%), and the majority, which includes the subjective middle classes, as well as those who assess their status as high (85.5%). An analysis of the list of durable goods and various types of property made it possible to identify those that have become the generally accepted standard for the population, as well as those that have lost their differentiating power over the past two decades. Relatively new “markers” of subjective status include goods and property related to home comfort (e.g., air conditioners and dishwashers), mobility (foreign cars), and digital inclusion (computers and high-speed Internet access). The differences are even more pronounced depending on the novelty of certain types of consumer goods and property among owners from different status groups. Differences between status groups have been identified in terms of the financial behavior of their members: from wide-spread consumer loans for current needs among the “subjective lower classes” to the investment use of resources among “high-status” groups, while the “middle classes” adhere to a hybrid model. The low differentiating power of housing conditions in the context of subjective status was demonstrated, although ownership of a second apartment is more common among representatives of the subjective middle classes and in the “high-status” group and living in rented accommodation or in cramped conditions is more often associated with low status self-esteem.

Key words: subjective status, status groups, property characteristics, consumption level, subjective stratification, social inequality.

Information about the Author

Nina D. Kolennikova — Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (24/35, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: kolennikova-nina@mail.ru)

Статья поступила 10.09.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.9

УДК 331.103, ББК 65.24

© Черных Е.С., Коровкина Н.В., Леонидова Г.В.

Неформальная занятость: проблемы баланса «работа — личная жизнь»

Екатерина Алексеевна ЧЕРНЫХ

Институт экономики РАН

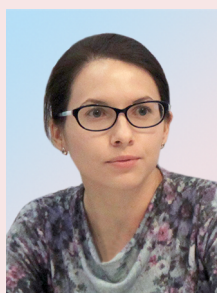
Москва, Российская Федерация

Уфимский университет науки и технологий

Уфа, Российская Федерация

e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6970-487X; ResearcherID: AAF-7310-2021

Наталья Владимировна КОРОВКИНА

Уфимский университет науки и технологий

Уфа, Российская Федерация

e-mail: korovkina-natalya@list.ru

ORCID: 0000-0003-1716-109X; ResearcherID: AAN-4937-2021

Галина Валентиновна ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

Уфимский университет науки и технологий

Уфа, Российская Федерация

e-mail: galinaleonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

Для цитирования: Черных Е.С., Коровкина Н.В., Леонидова Г.В. (2025). Неформальная занятость: проблемы баланса «работа — личная жизнь» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 194–210. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.9

For citation: Chernykh E.S., Korovkina N.V., Leonidova G.V. (2025). Informal employment: Problems of work-life balance. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 194–210. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.9

Аннотация. Исследование посвящено анализу влияния свободного графика работы на удовлетворенность и поведенческие стратегии платформенных работников, имеющих несовершеннолетних детей, с целью выявления преимуществ и рисков такой формы занятости для достижения баланса между работой и личной/семейной жизнью. Актуальность исследования обусловлена изменениями в структуре занятости, связанными с развитием цифровой экономики и ростом популярности платформенной занятости, подавляющая часть работников которой, несмотря на наличие регистрации в качестве самозанятых, являются неформальными. Основная идея заключается в том, что свободный график может способствовать улучшению баланса, но также несет риски самоэксплуатации и систематического нарушения границ между работой и личной жизнью. Исследование основано на качественных фокусированных интервью платформенных работников с детьми с использованием программ видеоконференции. Эмпирические данные выявляют парадокс гибкости этой формы занятости. Свободный график позволяет работникам самостоятельно регулировать объем занятости, но, согласно теории границ, эта автономия приводит к систематическому нарушению сегментации сфер жизни. Постоянное давление, связанное с необходимостью мониторинга заказов и поддержания репутационного капитала, стимулирует самоэксплуатацию, проявляющуюся в работе в нестандартное время (поздние часы, выходные) и даже в состоянии болезни, что провоцирует семейные конфликты и феномен «всегда на работе». Выявлена гендерная дифференциация в подходах к организации оптимального графика работы, отражающая гендерный контракт: женщины используют гибкость для сокращения оплачиваемых часов в пользу домашних обязанностей, тогда как мужчины, несущие финансовую ответственность, интенсифицируют свой труд. С позиции теории рационального выбора работники предпочитают высокий уровень автономии (возможность самостоятельно регулировать время и подстраивать его под семейные нужды) институциональной стабильности традиционного найма, считая стандартный график «рабством». Предложены возможные стратегии для минимизации рисков и улучшения условий труда для платформенных работников.

Ключевые слова: стандартный график, гибкий график, баланс «работа — личная жизнь», платформенная занятость, теория границ, рациональный выбор, гендерный контракт.

Благодарность

Статья выполнена при поддержке РНФ, проект № 23-18-00775 «Неформальная занятость в регионах России: социальные риски и возможности».

Введение

Человек распределяет свое время между различными видами деятельности, стремясь достичь как личных, так и общественных целей. Существуют определенные стандарты распределения рабочего и свободного времени, такие как продолжительность рабочего дня и перерывы для восстановления. Эти нормы были разработаны в условиях массового промышленного производства, когда большинство работников трудилось полный рабочий день, что позволяло эффективно использовать производственные мощности (Разумова, Серпухова, 2022). Переход к новому технологическому укладу, сопровождающийся изменениями в технологиях, цифровизацией, внедрением искусственного интеллекта, сдвигами в отраслевой структуре занятости, изменениями требований к работникам, влияет на распределение времени

между работой и другими видами деятельности. Увеличивается продолжительность обучения и профессиональной переподготовки, а работа становится не только источником дохода, но и возможностью для саморазвития и самореализации¹. По данным отчета Harvard Business Review за 2025 год, сотрудники, для которых характерен более здоровый баланс между работой и личной жизнью, на 21% более продуктивны и на 35% более вовлечены в свою работу². Эти данные подчеркивают важность исследований баланса между работой и личной жизнью как основы успешной жизнедеятельности человека.

¹ Work-Life Balance Statistics That Leaders Need to Know in 2025. URL: <https://www.runn.io/blog/work-life-balance-statistics> (дата обращения 20.10.2025).

² Employee Work-Life Balance in 2025: A Comprehensive Guide. URL: <https://vouchfor.com/blog/employee-work-life-balance> (дата обращения 20.10.2025).

Среди факторов труда одним из основных параметров, препятствующих гармонизации работы и личной, семейной жизни, выступает график работы. «Жесткий» или «стандартный» график (Пинчук и др., 2024), задаваемый для работников производственной необходимостью, законодательством и работодателем, выстраивается без учета их личных потребностей и возможностей, вынуждает подстраивать ритмы личной жизни под ритмы рабочего времени. К тому же на многих предприятиях и в организациях устойчиво существуют практики переработок за рамками официального рабочего времени, которые негласно поощряются и часто не оплачиваются работодателем. Работники, имеющие переработки, чаще, чем не имеющие таковых, говорят о том, что им не удастся сочетать работу и личную, семейную жизнь (Бурханова, Баймурзина, 2025, с. 294). Предоставление удобного графика работы для сотрудников с семейными обязанностями — эффективная социальная мера, содействующая поддержанию баланса, но мало практикуемая на предприятиях и в организациях. По данным исследования 2024 года такая мера используется на работе всего у 10,9% опрошенных (2020 год — 8,3%), среди них доля респондентов с хорошим балансом работа — личная/семейная жизнь составила 87,5% (2020 год — 83,6%), (Бурханова, Баймурзина, 2025, с. 297–298).

Альтернативой стандартному (жесткому) графику выступает «свободный» график работы — такой режим труда и отдыха, который позволяет самому человеку определять, сколько времени и когда работать, учитывая личные, семейные интересы и потребности. Дает возможность иметь такой график платформенная занятость — получение заказов на выполнение работ через цифровые интернет-платформы (Chernykh, 2021). Именно платформенная занятость будет определять вектор развития рынка труда в цифровой экономике России и других стран (Яновская, 2025, с. 80). Гипотеза исследования состоит в том, что свободный график выступает важнейшим фактором, позитивно влияющим на баланс «работа — личная/семейная жизнь» у платформенных работников, но в то же время он несет риски, негативно влияющие на жизненный баланс, которые сложно или невозможно устранить или преодолеть.

Обзор литературы

Проблематика баланса между работой и личной жизнью впервые появилась в зарубежной научной и деловой литературе в 1970-х годах и была связана с увеличением числа работающих женщин, столкнувшихся с трудностями совмещения семейных и профессиональных обязанностей (Тартаковская, 2019), а к середине 1990-х гг. прочно вошла в деловой и научный оборот, потому что в условиях высокой конкуренции и неолиберальной экономики сформировалась культура труда, требующая от людей высокой вовлеченности и практически неограниченного рабочего времени, что привело к проникновению рабочих обязанностей в личную жизнь, в том числе через электронные средства связи.

Анализ российских и зарубежных публикаций, корпоративных отчетов, а также диссертационных исследований подводит нас к выводу, что на сегодняшний день в научном дискурсе не сложилось единого подхода к определению, пониманию и концептуализации феномена баланса работы и личной жизни, а также не зафиксировано общепринятых подходов к его измерению.

В ряде исследований баланс работы/семьи/досуга описывает желаемое состояние человека, который успешно сочетает различные аспекты своей жизни («баланс» здесь подразумевает уже достигнутое равновесие). Например, баланс семья — работа понимается как «равная степень индивидуальной вовлеченности и удовлетворенности от выполнения своих трудовых и семейных ролей» (Greenhaus et al., 2003). Однако понятие баланса может использоваться для описания конкретных действий человека, стремящегося к этому балансу, или разновидностей социальной политики, направленной на поддержку работников с семейными обязанностями (Тартаковская, 2019). В статье (Greenhaus et al., 2003) операционализируются составляющие баланса: баланс времени, баланс вовлеченности и баланс удовлетворенности различными аспектами жизни.

В рамках метаанализа разбираются многообразные личные и организационные факторы, влияющие на качество баланса, и делается вывод, что длительное рабочее время, перегрузки и неуверенность в работе отрицательно связа-

ны с балансом, а экстраверсия, психологический капитал, автономия в работе, контроль над расписанием и поддержка коллег на рабочем месте влияют на него положительно (Vaziri et al., 2022).

Ж.Н. Greenhaus, Т.Д. Allen подчеркивают, что баланс — это не статичное состояние, а процесс, который требует постоянного внимания как со стороны работников, так и менеджеров по персоналу (Greenhaus, Allen, 2011).

Российские (Разумова, Серпухова, 2022) и зарубежные (Miri-Lavassani, Movahedi, 2014; Wayne, 2017) авторы обобщают и сравнивают различные теории, применимые для анализа баланса работы/семьи (теории сегментации, компенсации, интеграции, конфликтов, границ, ролей, распределения времени, побочных эффектов) и методы измерения баланса между работой и семьей (методы субъективной оценки, компонентные подходы, подход, основанный на измерении ролевого участия). Например, в работе (Greenhaus et al., 2003) измерение баланса семья — работа производится через определение степени ролевого участия с помощью оценки психологических (удовлетворенность от реализации и вовлеченности) и временных (удовлетворенность от распределения времени) затрат на реализацию в изучаемых жизненных сферах (цит. по: Разумова, Серпухова, 2022).

Отметим также, что исследователи по-разному расставляют акценты при анализе второй составляющей баланса. Чаще всего речь идет про оптимизацию профессиональных и семейных обязанностей, хотя для ряда работников более важным является балансирование работы и своих хобби и досуга. В первом случае это соотношение в жизни работника различных обязанностей, а во втором внимание акцентируется на работе и отдыхе (досуге). Иногда используется термин «личная жизнь», который включает в себя как семейные обязанности, так и время отдыха от них. Есть ряд исследований, где речь идет не о балансе, а о конфликте работы и семьи (Weer, Greenhaus, 2024).

Вопросы о том, какое значение имеет для работников свободный, то есть определяемый ими самими, график труда и отдыха, как он влияет на жизнь, на возможность достижения баланса между рабочей и личностной сферами,

ставятся в российских (Диалло, 2025; Сулейменова, Орынбеков, 2025; Мухамадиярова и др., 2024; Тартаковская, 2019) и зарубежных (Greenhaus et al., 2003; Wilson et al., 2007) исследованиях.

Возможность самостоятельного управления временем, планирования времени работы, свободный график труда и отдыха явились значимыми положительными аспектами труда работников (и мужчин, и женщин), которые имели дистанционную занятость в период пандемии коронавирусной инфекции (Тонких, Черных, 2022; Тонких и др., 2024). Однако совмещение работы и семьи при таком графике и занятости, по оценкам опрошенных, «не всегда дается легко и имеет свои нюансы» (Тонких и др., 2024, с. 369). У фрилансеров высокий уровень автономии в распоряжении собственным временем при гибком (свободном) графике не только имеет очевидные преимущества, но и может приводить к самоэксплуатации, проявляющейся в работе в нестандартное время: поздними вечерами и ночью, в выходные, праздничные дни, когда другие люди отдыхают (Стребков, Шевчук, 2019).

Методология, эмпирическая база

Объектом исследования выступают работники, получающие заказы на цифровой платформе «Профи.ру» (платформенные работники), имеющие несовершеннолетних детей. Метод сбора данных — качественное фокусированное интервью с использованием программ видеоконференции. Полевые работы проведены в июне — августе 2025 года. Приглашение пройти интервью рассылалось зарегистрированным на платформе работникам, которые имели стаж работы на платформе не менее года, при этом контролировалось место проживания, опрашивались откликнувшиеся³. Всего проинтервьюировано 70 респондентов, из которых 35 имеют несовершеннолетних детей (рис. 1). Они и вошли в нашу выборку. Женщин в выборке 21, мужчин — 14, состоят в браке 22 человека, не состоят — 13.

³ Белановский С.А. (2023). Репрезентативность качественных опросов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 15. № 1. С. 69–94. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.4>

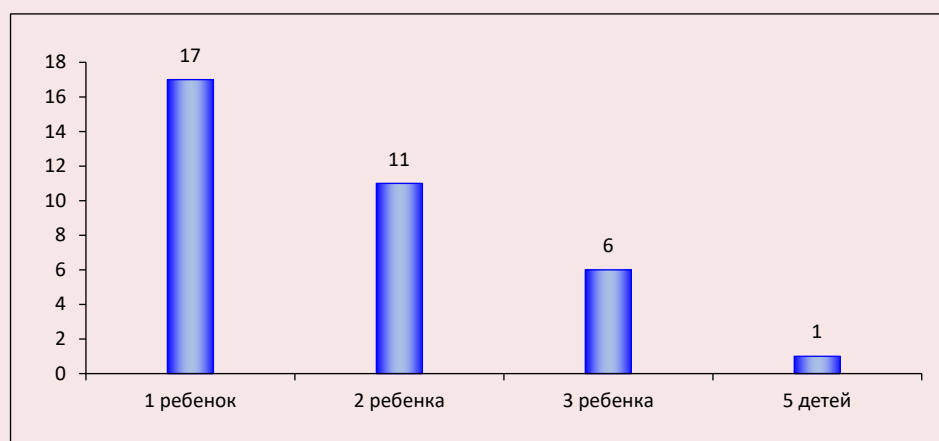
Места проживания опрошенных: г. Москва, г. Красногорск Московской области, г. Санкт-Петербург, г. Екатеринбург, г. Уфа, с. Буздяк Республики Башкортостан, г. Новосибирск, г. Краснодар, г. Ставрополь, г. Сочи, г. Аксай Ростовской области, г. Ростов-на-Дону.

Уровень образования опрошенных представлен на *рисунке 2*.

В статье использованы теоретические положения теории границ, теории гендерного контракта и теории рационального выбора, а также концепции нисходящей адаптации ожиданий.

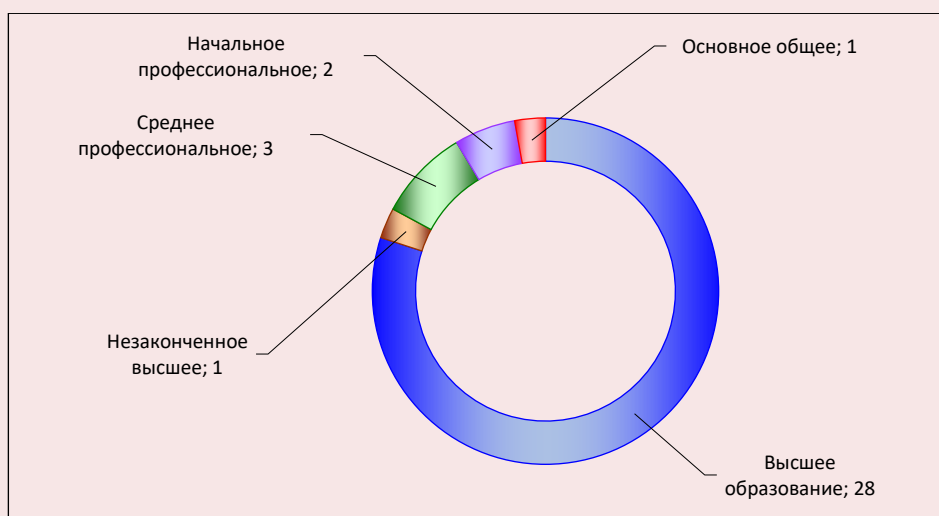
Ограничения исследования состоят в небольшом размере выборки и фокусе на платформенных работниках. Также мы понимаем, что на ответы респондентов могли оказывать влияние феномены «нисходящей адаптации ожиданий» и «эффекта выжившего», которые мы не можем контролировать. Концепция нисходящей адаптации объясняет, как индивиды, сталкиваясь с ограниченными структурными возможностями, снижают свои ожидания, для того чтобы сохранить уровень субъективной удовлетворенности (Черных, 2025).

Рис. 1. Распределение опрошенных по количеству детей, чел.

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Распределение опрошенных по уровню образования, чел.

Источник: составлено авторами.

Результаты исследования и их обсуждение

Один из исследовательских вопросов — как респонденты характеризуют свой график работы, действительно ли он является «свободным», что определяет время работы и отдыха. Какие возможности дает работа на платформе для семейных людей, имеющих несовершеннолетних детей?

Прежде всего, интервью показали, что работа на платформе позволяет самостоятельно регулировать занятость, и для опрошенных «свободный» график работы представляет собой важнейшую ценность.

«... Я сам себе регулирую занятость... То есть я захотел сегодня взять заявку — взял, не захотел — не взял. То есть, соответственно, отдохнуть мне было достаточно ... отведенного времени, так скажем. Понятно, отпуск ежегодно оплачиваемый, если брать официальное трудоустройство, он есть. Касаемо площадки Профи.ру, тут я сам регулирую свою занятость. ... Вот эта площадка мне дает, так скажем, очень гибкую возможность по выполнению задач от клиентов. ...И я тоже понимаю, что через две недели я захочу в отпуск или отдохнуть. Соответственно, я могу спланировать это все. За счет этого мне очень нравится эта площадка. Я сам себе нахожу клиентов, мы с ними обсуждаем все моменты, договариваемся и так далее. Нет какой-то категоричной срочности, что, если ты взял заявку ... сегодня, завтра ты должен обязательно ее выполнить и предоставить отчетность. Такого здесь нет» (м., 39 лет, электрик, г. Екатеринбург, 1 ребенок).

«В целом график работы, он ненормированный абсолютно. Он просто регулируется абсолютно как бы мной. Я его регулирую сам. Можно больше работать, можно меньше работать» (м., 47 лет, бизнес-консультант, г. Москва, состоит в браке, 3 детей).

«Я выбираю график для себя, как мне удобно, подстраиваюсь... То есть я выбрала для себя такую тенденцию, что не я подстраиваюсь под работу, а работу подстраиваю под свой образ жизни» (ж., 35 лет, веб-дизайнер, г. Краснодар, состоит в браке, 1 ребенок).

«Я могу любое время сама корректировать свой рабочий день и выбирать заказы, которые мне по душе» (ж., 37 лет, фото-видеооператор, г. Сочи, состоит в браке, 2 ребенка).

«Чтобы у меня был свободный график, чтобы я его сама выбирала, когда мне работать» (ж., 34 года, стилист, г. Санкт-Петербург, не состоит в браке, 2 ребенка).

«Я почему надеюсь на то, что со временем получится раскрутиться больше и на платформе работать больше. Потому что работа на платформе как раз позволяет соблюдать этот баланс работы и отдыха» (ж., 36 лет, репетитор, музыкант, Ростовская область, г. Аксай, состоит в браке, 2 ребенка).

«Ну вот это вот ощущение, когда ты можешь сам планировать свое время, оно бесценно» (ж., 37 лет, юрист, г. Москва, 1 ребенок, находится в отпуске по уходу за ребенком, в который ушла с офисной работы).

Ключевая возможность работы через платформу — работать меньше часов (или же больше), чем в офисе при полной занятости. Интервью показывают, что этой возможностью пользуются, как правило, женщины, сокращая число часов своей занятости ради выполнения семейных обязанностей.

«У меня трое детей, поэтому я работаю только в будние дни. И количество часов у меня не такое большое. Вот в этом тоже есть ограничение, что не так много заказов, как я говорю. Потому что я могу работать только в первой половине дня, максимум до двух часов. Потому что потом у меня другие дела, другая работа, дети, которых нужно забирать из садика» (ж., 34 года, копирайтинг, г. Екатеринбург, состоит в браке, 3 детей).

«Я сама себе выстраиваю график. Я, например, вот сегодня до 3 часов дня полностью свободна. Есть время заняться собой, спортом и вот я вам интервью даю. То есть времени хватает. И также я подстраиваюсь, вот у нас сейчас первый класс, и у меня сын пойдет. Я уже знаю примерно, во сколько у него будут уроки, то есть время, когда я его отдам в школу, время на прием клиентов у меня будет выделено, да. Потом какие-то там продленки, секции и так далее» (ж., 30 лет, бровист, г. Сочи, не состоит в браке, 1 ребенок).

«Поэтому я хотела бы чуть-чуть ракурс сменить. Тут сократить, тут наоборот увеличить. В том числе для того, чтобы дети растут, но у них время, им все равно еще и внимание нужно. Мало отвести, привести, накормить, нужно

же еще и пообщаться, что-то обсудить, сходить на родительское собрание, съездить в поездку. Ну, вот это все, конечно, нужно. И когда ты на основной работе загружен от и до, ты просто не в состоянии, у тебя ребенок, грубо говоря, с ключом на шее ходит, да? Он открывает дверь, сам себя кормит, поэтому тут вот этот баланс как раз на Профи.ру поддерживать проще» (ж., 36 лет, репетитор, музыкант, Ростовская область, г. Аксай, состоит в браке, 2 ребенка).

«Но я, честно говоря, у меня еще ребенок маленький. Я не стремлюсь к тому, что прям вот работать с утра до вечера... Я говорю, у меня ребенок маленький, и немножко акцента нет, не на то, чтобы много работать. Я мужа делегировала, говорю, зарабатывай, я в свое удовольствие» (ж., 35 лет, косметолог, массажист, г. Екатеринбург, состоит в браке, 2 ребенка).

«Ну, зимой, когда дети там, либо там, да, в основном, когда нужно сидеть с ребенком, не дай бог, если он заболел, то я вообще не беру никакие заказы» (ж., 44 года, клининг, г. Санкт-Петербург, состоит в браке, 3 детей).

Напротив, мужчины чаще говорят о возможности работать больше, так как «в зависимости от того, сколько времени ты тратишь, соответственно, и оплата такая» (м., 50 лет, водитель, состоит в браке, 1 ребенок).

Этот вывод про разные гендерные стратегии подтверждается и в крупных эмпирических исследованиях на больших выборках (Ощепков, 2020).

Работа на платформе позволяет подстроить график под ритм жизни семьи, выбрать для работы то время суток, которое удобно — учесть время занятий детей в школе, посещения дошкольных заведений, а также занятость других членов семьи.

Респондентка-юрист работает с 9 до 14 часов ежедневно, пока ребенок находится в школе: «...меня поэтому очень устраивает этот график, потому что, собственно, пока ребенок в школе, я отработала, и дальше со второй половины дня я уже ... могу заниматься домашними какими-то своими делами» (ж., 37 лет, юрист, г. Москва, 1 ребенок).

Респондентка, специалист в области графического дизайна, уволившись с работы, ушла на фриланс со свободным графиком труда и получает заказы через платформу, потому что «про-

ще дома поработать спокойно, нежели ездить по графику каждый день на работу. То есть это совместимо с ребенком» (ж., 39 лет, графический дизайнер, г. Санкт-Петербург, состоит в браке, 1 ребенок).

Отсутствие регламентированного графика как особая ценность артикулируется в интервью ориентированных на семью женщин-респондентов: «У меня нет определенного конкретного графика. Если, допустим, у меня ребенок болеет и я с ним на больничном, я, по большей степени, полностью посвящаю себя ему. Когда он спит, я сажусь работать. Также бывает, что в ночные часы работаю» (ж., 35 лет, веб-дизайнер, г. Краснодар, состоит в браке, 1 ребенок).

Время отпуска тоже может быть приурочено к потребностям семьи:

«Летний (*отпуск*), он точно привязан к школам..., к школьным каникулам детским. Ага, да. Привязано все (*два отпуска, которые респондент позволяет себе в год*), абсолютно верно. Либо к летним каникулам, либо к зимним каникулам, либо к майским праздникам» (м., 47 лет, бизнес-консультант, г. Москва, состоит в браке, 3 детей).

«Как правило, я подстраиваюсь под отпуск мужа» (ж., 35 лет, веб-дизайнер, г. Краснодар, состоит в браке, 1 ребенок).

Респонденты отмечают высокую значимость для них в условиях платформенной занятости возможности общения с семьей: «Благодаря этой работе я провожу больше времени с семьей, особенно с сыном. Потому что, когда я работал в доме культуры, у меня был максимально ненормированный график, особенно постоянные концерты, выезды. И я утром уходил, в восемь утра. Приходил в восемь-девять вечера, а бывало, еще позже. Вот и, то есть, ребенка я вообще почти не видел. А тут у меня есть возможность, например, в будние дни, там, с ребенком погулять, там, в выходные, там, грубо говоря, тоже провести время с семьей. Важно. Вернее, для меня это очень важно» (м., 36 лет, ведущий мероприятий, г. Уфа, состоит в браке, 1 ребенок).

Участники интервью отмечали и возможности географической мобильности в условиях платформенной занятости для достижения баланса отношений «семья — работа».

«Это возможность работать на коленке в любой точке, где бы ты ни находился, в транспорте, в самолете, в электричке, в маршрутке. Есть свободное время, есть заказ, который ты можешь выполнить и получить деньги» (ж., 37 лет, фото-видеооператор, Сочи, состоит в браке, 2 ребенка).

«...Допустим, родители мужа, они живут за городом, 100 километров от города. И уже родители довольно-таки пожилые, требуют, чтобы за ними ухаживали, мы очень часто туда ездим, я спокойно беру компьютер, поехали, тут же я могу и работать, и вроде я рядом с ними, там, где-то, что-то помогаю, абсолютно мне это не мешает совмещать. Есть даже такое, что, допустим, мы можем уехать на выходные куда-то там, за город, в горы, еще куда-то, на море. Я спокойно могу взять с собой компьютер и на отдыхе, так скажем, работать. Меня тоже это не смущает и не напрягает ни в коем случае» (ж., 35 лет, веб-дизайнер, г. Краснодар, состоит в браке, 1 ребенок).

«Свободный» график, дающий возможность самому регулировать свою занятость, может являться мотивом ухода с офисной наемной работы и выбора занятости на платформе: «Я уже сейчас не вижу себя там офисным сотрудником... к офисной работе я уже, наверное, не готова вернуться ... (ж., 37 лет, юрист, г. Москва, 1 ребенок, находится в отпуске по уходу за ребенком, в который ушла с офисной работы).

«А, слушайте, мне не нравится график: пять дней в неделю по восемь часов, а то и больше, это очень тяжело. А сейчас у меня свободный график» (ж., 34 года, стилист, г. Санкт-Петербург, не состоит в браке, 2 ребенка).

«Я уже давно определилась, что мне сложно работать в клинике-коллективе по ряду причин» (ж., 52 года, массажист, г. Москва, не состоит в браке, 2 ребенка).

«Мне было не страшно (*уходить с офисной работы*), потому что у меня это совпало с уходом в декрет. Я ушла в декрет и начала пробовать себя как репетитор» (ж., 43 года, репетитор начальной школы, г. Москва, состоит в браке, 3 детей).

Респондентка, работающая на условиях самозанятости, отвечая на вопрос о наличии готовности и желания устроиться на работу в ка-

кую-либо организацию, продемонстрировала крайнюю категоричность своей позиции: «Если честно, нет. Сама себе устраиваю график, сама себе могу устроить больничный, отпуск, выходной. Я не завишу ни от кого, никто от меня не зависит. Я получаю ровно то, что я хочу, и меня это устраивает. Зарплаты, которые здесь предлагают, даже в курортном городе, они за 10–12 часов работы просто копейки. Когда я иногда думаю, может быть, устроиться в найм, вроде бы там платят, я начинаю считать количество рабочих часов и норму, которую выплачивают за сутки, и понимаю, что я лучше возьму одного клиента, даже двух, и я не устану так сильно. Мне, в принципе, хватит. Поэтому я не хочу в найм вообще. Ни за должность, ни при какой зарплате мне не хочется» (ж., 30 лет, бровист, г. Сочи, не состоит в браке, 1 ребенок). Однако еще более категорично прозвучало следующее мнение о работе по найму: «Это как будто в тюрьму. Или в рабство» (м., 42 года, проектирование и монтаж инженерных систем в частных домах, сантехник, г. Щелково, Московская область, состоит в браке, 2 ребенка).

В «свободном» графике занятости на платформе имеются не только большие плюсы, но и риски. Они ограничивают свободу выбора времени и объемы работ, которые берут на себя респонденты, превращают свободный график в несвободный, по крайней мере, делают его ограниченно свободным. Как следует из интервью, среди всех обстоятельств сильно влияет на график занятости желание иметь определенные доходы и связанная с этим необходимость зарабатывать и поддерживать круг заказчиков (клиентов).

Первый риск состоит в том, что в начальный период работы на платформе или при полном отказе от офисной/производственной занятости и переключении на получение заказов через платформу работники вынуждены зарабатывать клиентскую базу. Это, в свою очередь, заставляет интенсифицировать трудовую нагрузку: приходится постоянно отслеживать заявки на услуги, откликаться на них и выполнять заказы при выборе заказчиком исполнителя. Приведем ответы респондентов, подтверждающие такой сценарий. Женщина, оказывающая

бухгалтерские услуги, имевшая свой офисный бизнес, перешла полностью на оказание услуг через платформу и в настоящее время крайне интенсивно формирует клиентскую базу:

Интервьюер: А с точки зрения времени вашего, у вас (после закрытия офиса) как-то изменился график?

Респондент: ... да, больше стало времени уходить на эту площадку, мне же нужно откликаться постоянно. Ну, практически я всегда сижу, смотрю, как новые есть заявки, я постоянно их мониторию, и где я квалифицирована, в этом вопросе, я откликаюсь у себя.

Интервьюер: Получается, вы стали не то что более свободны, наоборот, больше времени тратить стали?

Респондент: Ну, вообще, да. Я, как говорится, изначально знала, на что я иду, потому что мне же нужно увеличить число клиентов. Пока клиентов я не наработаю, я буду на этой платформе висеть. А уже когда будет, как говорится, аврал с клиентами, тогда можно быть на стопе. А сейчас пока забираю».

«Ну сейчас я прям в режиме таком напряженном, эти два месяца, ... я вот как встаю с утра, сразу начинаю мониторить вот эти заявки. И пока не лягу спать, как говорится, так периодически, периодически заглядываю, есть новые заявки или нет, но и свою работу выполняю. И, соответственно, сразу, если есть заявки, если клиент соглашается, я начинаю работать с ним (ж., 48 лет, бухгалтерские услуги, г. Санкт-Петербург, 3 детей).

Респондентка с сожалением делится своей историей о том, что недостаточное количество клиентов на платформе на текущий момент не позволяет ей полностью уйти в эту форму занятости: «Мне бы хотелось, чтобы это был мой основной вид деятельности, потому что мне это очень нравится. Но так как сейчас клиентов не настолько много, то я пока не могу полностью окунуться» (ж., 30 лет, стилист, г. Новосибирск, состоит в браке, 1 ребенок).

Некоторые специалисты вынуждены сначала снижать цены на свои услуги на платформе, чтобы привлечь клиентов и сформировать свою базу: «Ну, здесь, наверное, еще зависит от того, насколько специалист готов идти на какие-то уступки, потому что там первых клиентов

я брала, ну, либо там... бесплатно, либо прям за какие-то совсем там смешные деньги, но именно для того, чтобы заинтересовать человека, чтобы он ко мне пришел и оставил отзыв, чтобы дальше уже я могла как-то свои услуги продвигать. В принципе, я могла себе это позволить в тот момент, и поэтому я достаточно быстро, может быть, за месяца 3–4 у меня уже набралось определенное количество отзывов, было видно, что выполнены заказы, что люди довольны, и работать стало намного комфортнее» (ж., 37 лет, юрист, Московская область, г. Красногорск, не состоит в браке (в незарегистрированном), 1 ребенок).

В то же самое время респонденты отмечают, что позднее, имея уже свою базу клиентов и положительные отзывы от них, они получают возможность повышать цены на свои услуги: «Сейчас маленько поднабрал отзывов от людей довольных, и я теперь могу выпендриваться даже чуть-чуть. Смотрите, какой я молодец. А вы хотите меня задешево, что ли, использовать? Нет» (м., 34 года, сисадмин, г. Уфа, состоит в браке, 2 ребенка), что, соответственно, может позволить сокращать число отработываемых часов и больше пользоваться преимуществами свободного графика.

Второй риск — график работы, а именно число отработываемых часов, во многом определяется желаемым объемом доходов. Отсутствие «оклада» и стремление заработать столько, сколько необходимо для жизни, диктуют более активное поведение на платформе — постоянный поиск заказов и выполнение их. Особенно это актуально для мужчин, состоящих в браке и выполняющих роль «кормильца семьи», а также одиноких женщин с детьми. Так, респондент, осуществляющий бизнес-консультирование, работая, как он сообщил, по 4–5 часов в день (20–25 часов в неделю), считает это число часов недостаточным из-за невозможности при такой загрузке и имеющихся расценках на заказы иметь желаемый заработок: «Если работать 20 часов в неделю и зарабатывать достаточное количество денег, то тогда этого (20 часов в неделю) может быть достаточно. Нет соотношения количества клиентов и объема заработка. ... При таком же заработке, чтобы я вышел на те показатели, которые мне интересны, у меня

должна быть загрузка не 4 часа в день, а 6 часов в день» (м., 47 лет, бизнес-консультант, г. Москва, состоит в браке, 3 детей).

Мужчина, совмещающий работу на платформе и основную занятость, отмечает, что он доволен своим графиком примерно на 80%, так как «само собой приходится семью чуть-чуть отодвигать для того, чтобы не то чтобы была возможность, а для того чтобы эту семью обеспечить всем необходимым в финансовом плане. Потратить больше времени сейчас, сегодня на выполнение рабочих обязанностей обязательно для того, чтобы завтра... мы всей семьей могли сесть за стол и поесть не просто хлеб с маслом, но и запить чаем» (м., 38 лет, диктор, г. Сочи, состоит в браке, 1 ребенок).

Респонденты-мужчины довольно часто, даже при наличии основной занятости вне платформы, демонстрируют желание максимально загрузить свое свободное время работой на платформе: «Дело в том, что я работаю на основной работе 2/2. Два дня работаю, ну, два дня дома. Два дня, когда я работаю, и вечером, либо с утра, я могу тоже выехать к человеку, ну, либо что-то сделать удаленно человеку, то есть до работы. А те дни, когда 2/2 я работаю, ну, в смысле, когда нерабочие дни на основной работе, я, естественно, их очень сильно загружаю именно работой в профи» (м., 41 год, сисадмин, г. Ростов-на-Дону, состоит в браке, 1 ребенок).

Третий риск — выполнение заказов в выходные, праздничные дни, обусловленное боязнью потерять клиентов и/или желанием заработать, иметь от работы определенный доход. Отметим, что количественные исследования показывают распространенность такой практики, что не связано исключительно с платформенной занятостью. Почти каждому второму российскому работнику приходится хотя бы один или несколько раз в месяц выходить на работу в выходные или праздничные дни (Козырева и др., 2024, с. 36).

О работе в выходные и праздничные говорили практически все респонденты, и приведенный диалог является типичным.

Интервьюер: Вы работаете только в будние или в выходные дни тоже?

Респондент: Нет, бывает, что в выходные тоже.

Интервьюер: А в праздничные?

Респондент: Бывает. И сверх этого графика, бывает, что что-то срочное прилетело, там какой-то мой клиент и что-то просит сделать срочно (ж., 37 лет, юрист, г. Москва, состоит в незарегистрированном браке, 1 ребенок).

Иногда работники стремятся придерживаться своего правила — не работать в выходные, но это не всегда получается: «Ну, клиенты то просят (*поработать в выходные*), просто я в основном не работаю в выходные» (м., 47 лет, бизнес-консультант, г. Москва, состоит в браке, 3 детей); «То есть я напрямую общаюсь с клиентом, соответственно, мы договариваемся обо всем (*о сроках выполнения работы*). И это живые люди. Понятно, что если есть какая-то определенная срочность, аварийность, то... Все это делается» (м., 39 лет, электрик, г. Екатеринбург, состоит в браке, 1 ребенок); «... В последнее время я стараюсь работать по графику в будние дни и брать пару выходных, хотя бы один день выходной. Но у меня в основном работа, как я уже говорила, в вечерние часы, ночные часы. Если там какой-то срочный заказ, то я работаю вообще бесперерывно» (ж., 39 лет, графический дизайнер, г. Санкт-Петербург, состоит в браке, 1 ребенок).

Даже если в выходные не выполняется заказ, может идти отслеживание на платформе заявок на выполнение услуг/работ: «Сейчас я просто перестал работать по субботам, воскресеньям. ... Но я продолжаю отслеживать в субботу и воскресенье заказы. Потому что заказы приходят в субботу и воскресенье, ты можешь просто списаться с клиентом...» (м., 47 лет, бизнес-консультант, г. Москва, состоит в браке, 3 детей). И хотя данный респондент не воспринимает такую деятельность как работу («Работу я рассматриваю, когда ты работаешь с клиентом уже непосредственно. А что ты просто откликаешься на заказ, это не работа. Я просто нажал на кнопку...»), она все же требует времени, усилий и технических возможностей. И подобную позицию демонстрирует абсолютное большинство опрошенных: «Не важно, это выходные, не важно, это будние дни. Если у меня нет заявок, то я отслеживаю их» (ж., 35 лет, веб-дизайнер, г. Краснодар, состоит в браке, 1 ребенок); «А на Профи.ру я могу даже во время своего отпуска отслеживать какие-то заказы, писать клиентам, и мы договариваемся просто

на то время, когда я уже буду в городе, и всё» (ж., 34 года, копирайтинг, г. Екатеринбург, состоит в браке, 3 детей).

Следующий риск — выполнение работы в нездоровом состоянии, будучи больным, которое тоже диктуется опасениями потери клиента или необходимостью заработать желаемый доход: «Если честно, только один раз отменяла (занятия), когда у меня собака потерялась, и мне нужно было ее искать. Если плохо себя чувствую, с температурой, и в любое время я провожу занятия. Даже в роддоме находилась и проводила занятия» (ж., 32 года, маркетолог, преподаватель английского языка и журналистики, Свердловская область — регион работы, проживает в Нижнем Новгороде, состоит в браке, 1 ребенок). Респонденты работают в больном состоянии, потому что «бывает, иногда сроки горят, надо срочно сдать. Бывает, иногда нужны деньги...» (ж., 39 лет, графический дизайнер, г. Санкт-Петербург, состоит в браке, 1 ребенок).

Негативная трудовая практика работы в нездоровом состоянии характерна и для офисных/производственных работников, здесь она тоже может быть обусловлена не только стремлением не потерять заработок, но еще и негласными трудовыми нормами работодателя, коллектива. Почти каждый второй переносит болезнь «на ногах» из-за ситуации на работе; выходит на работу до окончательного выздоровления; каждый третий — отказывается от посещения врача из-за работы (Бурханова, Баймурзина, 2025, с. 291).

О том, что им приходится работать в нездоровом состоянии, говорили все опрошенные. Приведем один из диалогов.

Интервьюер: Бывает такое, что вам приходится выполнять заказы, несмотря на то, что вы себя плохо чувствуете, болеете, допустим, и вы все равно работаете?

Респондент: Бывает, конечно, да.

Интервьюер: Почему вы это делаете?

Респондент: Если я взяла заказ и если я клиенту пообещала выполнить в определенный срок, то я выполняю.

Интервьюер: То есть вы не хотите терять клиентов, ваша репутация в первую очередь?

Респондент: Да, конечно (ж., 37 лет, юрист, г. Москва, состоит в незарегистрированном браке, 1 ребенок).

Именно о репутации говорили занятые на платформе специалисты, объясняя необходимость работать во время болезни: «И даже если ты болеешь, всё равно ты закидываешься максимальным количеством таблеток и идешь работать. Потому что никак по-другому, потому что репутация очень большая» (м., 36 лет, ведущий мероприятий, г. Уфа, состоит в браке, 1 ребенок); «Как у меня муж любит выражаться, сначала мы работаем на имя, а потом имя работает на нас. Вот сейчас у меня та стадия, когда я работаю на имя» (ж., 35 лет, веб-дизайнер, г. Краснодар, состоит в браке, 1 ребенок).

Однако респонденты отмечают и другие факторы, например интерес к работе, желание как-то заполнить освободившееся время и, конечно, заработать деньги: «Если честно, я находилась, допустим, в больнице, мне было скучно, мне там было нечего делать. А тут я могу поработать, и человека я не отменяю, и деньги зарабатываю. И мне самой (*хорошо*), я просто получаю от этого кайф» (ж., 32 года, маркетолог, преподаватель английского языка и журналистики, Свердловская область — регион работы, проживает в Нижнем Новгороде, состоит в браке, 1 ребенок); «Вопрос цены. Если человеку очень срочно, очень нужно, можно поднапрячься и всё-таки сделать. Просто некоторым надо срочно и дешево, в основном всем так и нужно. Если человек готов платить за срочность, то почему бы и нет?» (м., 34 года, сисадмин, г. Уфа, состоит в браке, 2 ребенка); «необходимость зарабатывания денег» (ж., 39 лет, тренер по плаванию, массажист, ЛФК, г. Сочи, не состоит в браке, 3 детей); «Потому что можно лежать на кровати, если у тебя не болит голова и глаза, лежать и зарабатывать деньги» (ж., 37 лет, фото-видеооператор, г. Сочи, состоит в браке, 2 ребенка).

Причины работы в состоянии болезни некоторые объясняют по-другому — присущими поколению чувствами долга и ответственности. Респондентка, совмещающая основную и платформенную занятость, на вопрос, почему она работает в состоянии болезни, отметила: «Потому что мне 40 лет, и я всегда так делаю. Это надо пройти обучение у 25-летних выпускников университета, как не работать, когда ты заболел» (ж., 40 лет, управление персоналом, SMM-специалист, г. Уфа, не состоит в браке, 1 ребенок).

В интервью респондентам задавался вопрос, удается ли им достигать баланса между работой и личной/семейной жизнью. Большая часть опрошенных утвердительно ответила на вопрос, что позволяет говорить о положительном влиянии свободного графика на организацию жизни. Истории же неудовлетворенных балансом «работа — личная/семейная жизнь» показывают, что график работы, регулируемый самостоятельно, при выполнении работы дома, может приводить к стойкому нарушению границ работа — остальная жизнь и, как следствие, к острому конфликту между сферами жизни, и даже к решению о необходимости заменить работу из дома на работу в офисе.

Вероятно, в значительной степени это связано с еще одним риском платформенной занятости — формированием феномена «всегда на работе», при котором происходит размывание границ работы и личной жизни, что зачастую может приводить к недопониманию, обидам и даже острым конфликтам в семье.

История первая: женщина, 39 лет, графический дизайнер, состоящая в браке, выполняет заказы дома. Из-за 9-летнего сына вынуждена работать вечерами или ночами: «Я работаю из-за ребенка, в частности, больше по ночам... Потому что я не могу..., допустим, у меня дома ребенок находится, он как радио, и я не могу сосредоточиться, мне нужна тишина для работы». В результате — конфликт с мужем: «Я думаю, что у нас с мужем основной конфликт из-за работы, потому что, когда он дома, я сижу за компьютером. Так что, вероятно, не хватает (времени на семейные обязанности). Ну, это, возможно, просто неправильное распределение времени, но у меня по-другому не получается». Свою удовлетворенность распределением времени на работу, отдых и семейные обязанности оценивает так: «Ну, по десятибалльной шкале на три, наверное» (г. Санкт-Петербург).

История вторая: мужчина, 35 лет, за десять лет прошедший путь от репетитора до руководителя собственной репетиторской онлайн-школы для школьников и студентов, постоянно живет в ситуации нарушения границ между работой и семейной жизнью. Он осознает, что эта проблема характерна для многих работающих на фрилансе со свободным графиком, обсуждал ее с женой, чтобы выработать общее

поведение, однако не находит другого выхода, как перенести работу за пределы своего дома. Из интервью с ним:

Интервьюер: На данный момент времени вы можете сказать, что вы удовлетворены тем, как распределяется ваше время между работой, семьей и вообще всеми остальными сферами жизни?

Респондент: Если строго говорить, то скажу нет. Но я очень критичен к себе. Здесь, если правильно, иногда да, иногда нет, но если абсолютно говорить, абсолютно, то нет.

Интервьюер: А наибольшее беспокойство что вызывает? Где, как вам кажется, на что вас не хватает?

Респондент: Да, я уже много думал об этом, я понял. Из-за того что работаю дома, у меня нет конкретного графика. Мне нужен офис, я уже это понял, и конкретное расписание. Это не должно быть обязательно 8 часов в день. Главное, просто выделять какое-то количество времени в конкретном месте работы. Вот этого у меня нет, если я это решу, уже...» (г. Екатеринбург, состоит в браке, 1 ребенок).

История третья: мужчина-предприниматель, 37 лет, переехавший в Ставрополь из Москвы, где остался его офис, рассказывает о том, что это обстоятельство стало камнем преткновения в отношениях с его будущей женой: «Сейчас просто единственное, договорились на той неделе, буквально до того, что я снимаю офис, вот я уже нашел, завтра буду договор заключать, снимаю офис, чтобы работать из офиса, потому что чисто ... это не удобно, когда ты и спишь, и работаешь, ешь, и отдыхаешь, и всё в одном месте. И, как женщина, я думаю, вы поймете прекрасно, когда приходите домой, а ваш мужик никуда не уходил, и ощущение, что ничем не занимается» (м., 37 лет, сисадмин, г. Ставрополь, не состоит в браке, 2 детей).

Однако и среди респондентов, которые не говорили о необходимости аренды офиса для выполнения работы, получаемой на платформе, также прозвучало мнение о риске возникновения семейных конфликтов по причине высокой нагрузки и невозможности отказаться от очередного заказа: «Просто если я вижу, допустим, заявку, которую я могу быстро сделать, ну я бы вот так не отказался, мне ничего не мешает ее сделать. Получить за нее деньги, во-первых.

Во-вторых, добавить себе плюс, скажем, в профиль и плюс оставить о себе хорошее впечатление. Я знаю, что я смогу это сделать быстро и правильно. Я практически всегда отзываюсь на заявки, потому что я вижу, что я могу ее сделать быстро. Практически всегда отзываюсь, очень редко, когда не отзываюсь. Ну если поздно, я вот бывает, да, засиживаюсь, до часу, до двух, это проблема большая для меня, я никак не могу успокоиться от этих заявок... Бывает возникают. И проблемы, и конфликты возникают. Ну давайте, я не буду говорить...» (м., 41 год, сисадмин, г. Ростов-на-Дону, состоит в браке, 1 ребенок).

Выводы

Микроданные Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2024 год, которые Росстат опубликовал в сентябре этого года, свидетельствуют о росте удовлетворенности работающих граждан всеми аспектами своего труда, в том числе режимом работы: им довольны 87,55% работающих (в 2022 году 85,45%). При этом не наблюдается однозначной связи между режимом работы индивида (полный рабочий день, неполный рабочий день или гибкий график) и уровнем удовлетворенности.

Проведенный нами анализ подтверждает гипотезу о двойственной природе платформенной занятости. С одной стороны, свободный график работы, обеспечивая работникам высокий уровень автономии, является важным фактором, способствующим достижению баланса между работой и семейной жизнью, адекватно вписываясь в теорию рационального выбора. Однако он несет в себе определенные риски, которые могут негативно влиять на работников.

Положительное влияние свободного графика заключается в возможности самостоятельно регулировать занятость и выбирать удобное время для работы; гибкости в совмещении работы с семейными обязанностями и личными интересами; повышении удовлетворенности работой и улучшении качества жизни работников.

Отмечено, что никто из интервьюированных не рассматривает возвращение к работе по найму, даже при условии наличия социальных гарантий и большей надежности занятости. Основными причинами этого называются низкая зарплата и неудобный график работы. Предпочтение платформенной занятости, даже при

осознании ее структурных недостатков, может быть объяснено с позиций теории рационального выбора, которая рассматривает действие как результат расчета индивидами воспринимаемых издержек и выгод с целью максимизации личной полезности в социальном контексте. Платформенные работники, по сути, производят рациональный обмен: они отказываются от институциональной стабильности (социальных гарантий, фиксированного оклада и надежности занятости) в пользу функциональной гибкости и автономии. Для работников, обремененных семейными обязанностями и воспитанием несовершеннолетних детей, способность самостоятельно регулировать свою занятость во всех измерениях, т. е. во времени и пространстве — географическая мобильность («работать на коленке в любой точке»), и подстраивать ее под ритм жизни семьи (например, работая с 9:00 до 14:00, пока ребенок в школе) является критическим ресурсом, позволяющим эффективно управлять ролевым конфликтом «работа — семья» (Weer, Greenhaus, 2024).

Категоричность в отношении традиционного найма, выраженная в резких метафорах («это как будто в тюрьму или в рабство»), свидетельствует о том, что работниками, которые обрели субъектность и контроль над временем, жесткий график воспринимается как прямая потеря контроля. Стандартный график, появившийся в условиях массового промышленного производства и часто сопровождаемый неоплачиваемыми переработками, не учитывает современные потребности (например, возможность взять отпуск посреди недели) и семейные ритмы. Платформенная занятость, предлагая альтернативу, становится инструментом сопротивления принудительной стандартизации рабочего времени, что дополнительно усиливает рациональное предпочтение этого вида деятельности.

Риски свободного графика:

- необходимость интенсивной работы в начальный период для наработки клиентской базы;
- постоянный мониторинг заявок и выполнение заказов может привести к переработкам и нарушению баланса;
- работа в выходные и праздничные дни, а также в состоянии болезни негативно сказывается на здоровье и личной жизни;

— часто подразумевает отказ от карьерного роста;

— размывание границ между работой и личной жизнью⁴ (феномен «всегда на работе») может приводить к конфликтам в семье, хронической усталости и снижению качества жизни.

Платформенная занятость, особенно выполняемая удаленно из дома, неизбежно ведет к размыванию границ. В отличие от традиционного офиса, где рабочее время и место четко отделены от дома, работники на платформе постоянно находятся под давлением необходимости мониторинга заказов, который даже если не воспринимается как полноценный труд («Я просто нажал на кнопку»), требует времени и ментальной вовлеченности, нарушая свободное время и порождая феномен «всегда на работе».

Свободный график приводит к самоэксплуатации, проявляющейся в работе в нестандартное время — поздними вечерами, ночью, в выходные и праздничные дни. Отсутствие оклада и прямое влияние объема выполненных заказов на доход вынуждают работников интернализировать функцию контроля. Традиционные формы дисциплинарного контроля (менеджер, риск увольнения) заменяются алгоритмическим давлением, основным инструментом которого является репутационный капитал (отзывы и рейтинги). Страх потери рейтинга и, как следствие, будущего дохода становится ключевым императивом, вынуждая работников игнорировать физические потребности (выполнение заказов в состоянии болезни, при высокой температуре, одна из респонденток проводила занятия в роддоме). Репутационный императив на платформе может быть более жестким, чем негласные нормы в традиционном найме, требуя добровольного отказа от отдыха и здоровья.

Респонденты, успешно наработавшие клиентскую базу, могут себе позволить повышать

цены на свои услуги (это отмечается в интервью), поэтому они склонны идеализировать преимущества автономии, приписывая свой успех исключительно личной инициативе. Это может приводить к когнитивному искажению, недооценивающему системные риски precariousности, которым подвергаются менее успешные коллеги (Тартаковская, 2019).

Гендерные нормы и ожидания, глубоко укорененные в концепции гендерного контракта — негласного общественного соглашения, определяющего разделение оплачиваемого и неоплачиваемого труда между полами, влияют на трудовое поведение и выбор графика работы. Для женщин гибкость платформенной работы является механизмом компенсации структурного неравенства, поскольку традиционный рынок труда часто дискриминирует матерей с маленькими детьми (Калабихина, 2017; Ощепков, 2020). Платформа позволяет женщине оставаться на рынке труда, но за счет добровольного отказа от карьерного роста и снижения дохода. Этот механизм фактически консервирует традиционный гендерный контракт, облегчая женщинам выполнение социальных ожиданий в отношении домашнего труда.

Мужчины, особенно те, кто несет ответственность за финансовое обеспечение семьи, стараются работать больше стандартных 40 часов, совмещая платформу с основной работой или максимально загружая свободные дни, используя свободный график для максимальной интенсификации труда, что усугубляет их собственный дисбаланс «работа — личная жизнь».

Наблюдаемый рост спроса на гибкость со стороны работников вступает в противоречие с текущими российскими тенденциями на импортозамещение и развитие ключевых отраслей экономики, предполагающими усиление «индустриализации» занятости и стандартизации трудовых отношений в ключевых производственных секторах⁵.

Свободный график в платформенной экономике представляет собой один из парадоксов современного рынка труда. Он становится

⁴ Теория границ (Boundary Theory) — это набор концепций, объясняющих, как люди и системы устанавливают и управляют границами между различными областями жизни, например работой и личной жизнью, психикой и внешним миром или разными социальными группами. Границы регулируются через процессы сегментации (разделение сфер) или интеграции (слияние), исследователи анализируют влияние этих границ на поведение и благополучие человека.

⁵ Рост зарплат и «перепрыгивание»: какие тренды ждут рынок труда в 2025-м. URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/01/2025/6762a7c79a7947f86cbec72a> (дата обращения 21.10.2025).

мощным источником субъектности для работников, предлагая им необходимую автономию для управления семейными и личными обязанностями. Однако эта свобода является формой, за которой, возможно, скрывается новая прекарность, где внешний контроль со стороны менеджера заменяется интернализированным контролем через механизмы репутационного капитала и финансовой нестабильности.

Для преодоления негативных последствий «свободной» платформенной занятости работникам необходим постоянный контроль количества заказов и срочных задач. Платформенные работники должны научиться эффективно и осознанно управлять своим временем, чтобы избежать самоэксплуатации, выгорания, стресса и перегрузок. Им важно устанавливать чет-

кие границы между работой и личной жизнью, чтобы избежать семейных конфликтов и сохранить баланс, чтобы свободный график действительно оставался благом, а не механизмом компенсации структурного неравенства.

На данном этапе платформенная занятость не интегрирована в систему правовых отношений, регулирующих труд. Вместе с тем результаты исследования показали, что платформенные работники остро нуждаются в формировании системы социальной защиты. Учитывая, что в России объединения платформенных работников слабы и зачастую заняты не защитой трудовых интересов, а сводятся к разбору частных случаев, необходимо развивать альтернативные формы солидарности (кооперативные платформы, цифровые профсоюзы, гильдии).

Литература

- Бурханова Ф.Б., Баймурзина Г.Р. (2025). Негативные трудовые практики как причина дисбаланса «работа — личная, семейная жизнь» у наемных работников // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 21. № 2. С. 287–301. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_2_9_287_301
- Диалло М.У. (2025). Влияние гибких графиков работы на удовлетворенность и производительность труда сотрудников // *Гуманитарный научный журнал*. № 5-1. С. 111–116. DOI: 10.24412/2078-9661-2025-5-1-5.
- Калабихина И.Е. (2017). Родительские обязанности и дискриминация в сфере занятости // *Население и экономика*. Т. 1. № 1. С. 89–116.
- Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. (2024). Динамика продолжительности рабочего времени в постсоветский период // *Социологические исследования*. № 5. С. 28–38. DOI: 10.31857/S0132162524050021
- Мухамадиярова А.К., Бабичева А.С., Радченко Д.А., Шатохин Н.А. (2024). Влияние гибких графиков работы на производительность и удовлетворенность сотрудников в сфере услуг // *Human Progress*. Т. 10. № 4. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-4a-5
- Ощепков А.Ю. (2020). Отцы и дети: «премия» за отцовство на российском рынке труда // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. Т. 24. № 2. С. 157–190. DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-2-157-190
- Пинчук А.Н., Тихомиров Д.А., Куликова А.А. (2024). Баланс работы и личной жизни в восприятии государственных служащих столичного мегаполиса // *Вестник Института социологии*. Т. 15. № 1. С. 143–164. URL: <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.1.8> (дата обращения 19.10.2025).
- Разумова Т.О., Серпухова М.А. (2022). Теоретико-методологические основы формирования показателя баланса семья — работа // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 18. № 4. С. 466–476. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.4.4
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. (2019). Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 3. С. 86–102. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.06> (дата обращения 20.10.2025).
- Сулейменова А.А., Орынбекова Г.А. (2025). Влияние гибкого графика и удаленной работы на эффективность работы предприятия // *Вестник науки*. Т. 3. № 4 (85). С. 156–163.
- Тартаковская И.Н. (2019). Баланс жизни и труда прекарных работников: гендерные аспекты // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 3. С. 163–167. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.10.

- Тонких Н.В., Камарова Т.А., Черных Е.А. (2024). Влияние удаленной работы на параметры трудовой, семейной и личной жизни российских мужчин // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 20. № 3. С. 356–370. URL: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_3_356_370 (дата обращения 20.10.2025).
- Тонких Н.В., Черных Е.А. (2022). Качество трудовой, семейной и личной жизни при удаленной работе: мнения российских женщин // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 18. № 4. С. 477–490. URL: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.5> (дата обращения 21.10.2025).
- Черных Е.А. (2025). Библиометрический анализ факторов удовлетворенности работой // *Социально-трудовые исследования*. № 59 (2). С. 168–181. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-59-2-168-181
- Яновская А.А. (2025). Рынок труда в цифровой экономике: новые подходы и инструменты моделирования // *Социально-трудовые исследования*. № 59 (2). С. 71–81. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-59-2-71-81
- Chernykh E.A. (2021). Socio-demographic characteristics and quality of employment of platform workers in Russia and the world. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(2), 172–187. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.11
- Greenhaus J.H., Collins K.M., Shaw J.D. (2003). The relation between work-family balance and quality of life. *Journal of Vocational Behavior*, 63(3), 510–531. DOI: 10.1016/S0001-8791(02)00042-8
- Greenhaus J.H., Allen T.D. (2011). Work-family balance: A review and extension of the literature. In: *Handbook of Occupational Health Psychology, 2nd Ed.* Washington, DC: APA.
- Vaziri H., Wayne J.H., Casper W.J., Lapierre L.M., Greenhaus J.H., Amirkamali F., Li Y. (2022). A meta-analytic investigation of the personal and work-related antecedents of work-family balance. *Journal of Organizational Behavior*, 43(4), 662–692. DOI: <https://doi.org/10.1002/job.2594>
- Miri-Lavassani K., Movahedi B. (2014). Developments in theories and measures of work-family relationships: From conflict to balance. *Contemporary Research on Organization Management and Administration*, 2(1).
- Wayne J., Butts M., Casper W., Allen T. (2017). In search of balance: A conceptual and empirical integration of multiple meanings of work-family balance. *Personnel Psychology*, 70, 167–210. DOI: <https://doi.org/10.1111/peps.12132>
- Weer C., Greenhaus J.H. (2024). Family-to-work conflict. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Cham: Springer International Publishing.
- Wilson M.G., Polzer-Debruyne A., Chen S., Fernandes S. (2007). Shift work interventions for reduced work-family conflict. *Employee Relations*, 29(2), 162–177. DOI: <https://doi.org/10.1108/01425450710719996>

Сведения об авторах

Екатерина Алексеевна Черных — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики Российской академии наук (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32); ведущий научный сотрудник, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com)

Наталья Владимировна Коровкина — старший преподаватель, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: korovkina-natalya@list.ru)

Галина Валентиновна Леонидова — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а); ведущий научный сотрудник, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Chernykh E.S., Korovkina N.V., Leonidova G.V.

Informal Employment: Problems of Work-Life Balance

Abstract. The study analyzes the impact of flexible work schedules on the job satisfaction and behavioral strategies of platform workers with minor children, aiming to identify the advantages and risks of this form of employment for achieving a work-personal/family life balance. The relevance of the research is driven by shifts in employment structures associated with the development of the digital economy and the growing popularity of platform work. The central idea posits that while flexible schedules can facilitate a better balance, they also carry risks of self-exploitation and the systematic blurring of boundaries between work and personal life. The research is based on qualitative in-depth interviews with platform workers who have children, conducted using video conferencing software. The empirical data reveal a paradox of flexibility inherent in this employment form. A flexible schedule allows workers to autonomously regulate their workload; however, according to boundary theory, this very autonomy leads to a systematic breakdown in the segmentation of life domains. The constant pressure stemming from the need to monitor orders and maintain reputational capital fosters self-exploitation, manifested in working non-standard hours (late evenings, weekends) and even while ill, which in turn provokes family conflicts and the “always on” phenomenon. Gender differentiation in approaches to organizing an optimal work schedule is identified, reflecting the gender contract: women use flexibility to reduce paid working hours in favor of domestic responsibilities, whereas men, bearing financial responsibility, intensify their labor. From the standpoint of rational choice theory, workers prefer a high degree of autonomy (the ability to independently regulate time and adapt it to family needs) over the institutional stability of traditional employment, perceiving a standard schedule as “slavery”. Possible strategies to mitigate risks and improve working conditions for platform workers are proposed.

Key words: fixed schedule, flexible schedule, work-life balance, platform work, boundary theory, rational choice, gender contract.

Information about the Authors

Ekaterina A. Chernykh — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Center for Human Development, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation); Senior Researcher, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com)

Natalya V. Korovkina — Senior Lecturer, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: korovkina-natalya@list.ru)

Galina V. Leonidova — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation); Senior Researcher, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Статья поступила 30.10.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.10

УДК 314.373, ББК 65.24

© Тонких Н.В., Бегичева С.В., Камарова Т.А.

Влияние цифровизации занятости на родительские стратегии

Наталья Владимировна

ТОНКИХ

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: tonkihmv@usue.ru

ORCID: 0000-0003-2957-7607; ResearcherID: O-9705-2018

Светлана Викторовна

БЕГИЧЕВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: begichevas@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0551-1622; ResearcherID: AAY-7562-2020

Татьяна Александровна

КАМАРОВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: kta@usue.ru

ORCID: 0000-0003-0087-9310; ResearcherID: ABC-9312-2021

Для цитирования: Тонких Н.В., Бегичева С.В., Камарова Т.А. (2025). Влияние цифровизации занятости на родительские стратегии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 211–226. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.10

For citation: Tonkikh N.V., Begicheva S.V., Kamarova T.A. (2025). The impact of employment digitalization on parenting strategies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 211–226. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.10

Аннотация. Цель исследования заключается в проведении сравнительных оценок количества детей и времени, затрачиваемого на уход за ними, у россиян репродуктивного возраста, представляющих нецифровые и цифровые (включая дистанционные) форматы занятости. Материалом послужила база данных выборочного наблюдения Росстата за использованием суточного фонда времени населением ($N = 27082$). Методология исследования основывается на комплексном подходе изучения цифровизации занятости, ключевым признаком которой является применение в работе информационно-коммуникационных технологий. На основании Общероссийского классификатора занятий к цифровой занятости отнесены: IT-специалисты; специалисты, активно использующие информационно-коммуникационные технологии в своей деятельности. Выявление статистически значимых отличий по среднему количеству детей проводилось между группами цифровой и нецифровой занятости, дистанционными и не дистанционными работниками и представителями гибких и других форматов рабочего графика. Также проверялись гипотезы о том, что у респондентов время на уход за детьми будет отличаться в зависимости от цифровизации занятости. Проведенный дисперсионный анализ показал, что рождаемость в группе работников цифровой занятости ниже, чем у тех, кто работает без применения информационно-коммуникационных технологий. Дистанционный формат работы не оказывает статистически значимого влияния на количество детей, однако гибкость рабочего графика демонстрирует определенное влияние: цифровизация занятости положительно сказывается на количестве времени, уделяемом детям, причем как матерями, так и отцами. Основные выводы исследования заключаются в следующем: цифровизация содержания труда не оказывает прямого влияния на репродуктивное поведение; расширение доступа к дистанционным форматам работы может положительно сказаться на рождаемости при условии гибкости рабочего графика. Данный аспект необходимо учитывать при формировании корпоративных мер социальной поддержки работников с семейными обязанностями.

Ключевые слова: цифровизация занятости, дистанционная (удаленная) работа, IT-специалисты, баланс работы и личной жизни, рождаемость, время на детей, работающие родители.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

Введение

Цифровизация высокими темпами проникает в жизнедеятельность человечества, в том числе в социально-трудовые отношения. Растет доля дистанционной занятости и занятости в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Внедрение цифровых технологий в сферу труда открывает как новые перспективы, так и новые проблемы, связанные с поиском соответствующих подходов к социальному нормированию режимов труда, характеру работы, организации рабочего места и правовым нюансам заключения нестандартных трудовых договоров (Колесникова, Стребков, 2020, с. 63).

На текущий момент завершен этап осмысления итогов форс-мажорного перевода части персонала в дистанционное поле занятости. Опубликованы результаты международных,

национальных и региональных социологических исследований о самочувствии работников, переведенных на удаленный формат работы (Гурова, 2020). Сформировался каркас представлений о преимуществах и недостатках дистанционных и гибридных форм занятости, учитывающих мнение как работников, так и работодателей. К числу основных преимуществ чаще всего относят экономию времени на дорогу и возможность гибко управлять своим рабочим временем (Руденко, Долженкова, 2020, с. 52). Основные минусы в контексте удаленного формата: отсутствие должной организации рабочего пространства в домашних условиях, стирание границ между работой и личной жизнью, проблемы учета рабочего времени — вызывают сверхзанятость и постоянные переработки (Коновцев и др., 2019, с. 11–12).

Полученный пласт эмпирических знаний не дает полных ответов на вопросы, касающиеся будущего развития удаленной занятости и цифровых технологий. В частности, остается нерешенным вопрос о том, как будут изменяться социальные стандарты и трудовые права в условиях растущей цифровизации. Учитывая, что традиционные формы контроля и управления персоналом утрачивают свою эффективность в условиях удаленной занятости, возникает необходимость разработки новых подходов к оценке производительности труда, соблюдения трудовой дисциплины и защите данных (Звягинцева, Исаенко, 2019, с. 154).

С точки зрения работодателей, цифровизация приносит новые вызовы. В частности, возрастает необходимость в обеспечении информационной безопасности, особенно это актуально, когда сотрудники работают из дома с использованием личных устройств для доступа к корпоративным системам. Более того, работодатели сталкиваются с трудностями в поддержании корпоративной культуры и вовлеченности сотрудников, что может негативно сказываться на командном духе, снижать уровень взаимодействия среди коллег, влиять на общую эффективность работы (Минченкова и др., 2023).

Глобальное проникновение современных технологий в сферу труда актуализировало проблемы баланса между работой и семейно-личной жизнью, а также вопросы эффективного совмещения цифровой занятости с временем, уделяемым детям. В современных исследованиях начинается формирование нового направления в экономике народонаселения, посвященного влиянию цифровизации социально-экономических и трудовых отношений на демографические процессы и трансформацию репродуктивных установок (Баранова, Катаев, 2022; Мосакова, 2023). В немногочисленных работах рассматривается влияние доступа к высокоскоростному интернету в профессиональной деятельности на репродуктивное поведение женщин (Калабихина и др., 2020). Удаленная занятость дает возможность женщинам эффективнее совмещать семейные и профессиональные обязанности, что согласуется с контекстом национальных приоритетов. В то же время отсутствие четких границ между работой и лич-

ной жизнью, ощущение социальной изоляции и увеличение уровня стресса могут выступать в качестве негативных факторов, способствующих снижению рождаемости (Русанова, 2020).

Актуальность изучения влияния цифровизации занятости на демографическое поведение подчеркивается рядом современных исследований, направленных на выявление причинно-следственных связей между удовлетворенностью жизнью, в том числе количеством детей в семье. Полученные результаты требуют дальнейших исследований из-за их противоречивости. Так, согласно исследованию А.Р. Калинина и Д.В. Юстратова, выполненного на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), была выявлена в среднем отрицательная связь между наличием хотя бы одного ребенка и уровнем удовлетворенности жизнью. Однако в Северо-Западном и Уральском федеральных округах наблюдается обратная зависимость: вероятность более высокой удовлетворенности жизнью возрастает среди респондентов с тремя и более детьми (Калинин, Юстратов, 2025). В условиях низкой рождаемости и старения населения актуально выявление значимых факторов, влияющих на формирование репродуктивных установок населения в отношении увеличения рождаемости, что необходимо для дальнейшей корректировки государственной демографической политики.

Настоящее исследование продолжает цикл работ по изучению влияния цифровизации занятости на социальные и демографические процессы развития общества. Ранее авторским коллективом уральской школы были проведены исследования по проблемам цифровизации занятости на материалах RLMS-HSE за 2011–2020 гг., результаты которых продемонстрировали наличие положительных социально-демографических эффектов цифровизации в трудовой сфере: среди родителей, активно использующих интернет в работе, среднее количество детей младше 18 лет значительно выше в сравнении с теми, кто его не использует; в группах родителей, применяющих интернет-технологии, наблюдается более высокий уровень удовлетворенности жизнью, работой и благополучием (Акулова, Тонких, 2023). Однако была выявлена некая условность получен-

ных результатов, обусловленная спецификой открытых материалов RLMS-HSE. Доступная исследователям база данных позволила только косвенно оценить вклад роста дистанционных форм занятости в социально-демографическое благополучие общества. Данная работа посвящена проверке результатов анализа социально-демографических эффектов цифровизации занятости, выполненного авторами на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ.

Цель нашего исследования заключается в проведении сравнительных оценок количества детей и времени на уход за ними у работающих россиян репродуктивного возраста, представляющих нецифровые и цифровые, в том числе дистанционные, форматы занятости.

Теоретико-методологическая рамки исследования

Совмещение оплачиваемой трудовой занятости с домашними обязанностями включая уход за детьми представляет собой актуальную тему исследований в области социально-экономических и демографических процессов, а также вопросов гендерного равенства в семьях работающих родителей. В таких исследованиях в качестве теоретико-методологической основы применяются теория баланса работы и личной жизни (Work-Life Balance, WLB), а также положения теории социального конструирования гендера (Lorber, 2018), рассматриваемые через призму гендерно-ролевой концепции двойного «бремени ответственности» (burden of responsibilities), которое возникает между оплачиваемой занятостью и неоплачиваемым домашним трудом (Kucowska, 2020). Основной массив гендерных исследований разделения домашнего и родительского труда осуществляется с использованием социологических методов сбора эмпирических данных. Опросы и обследования проводятся как государственными статистическими организациями, так и инициативными исследовательскими группами.

Результаты выборочных статистических обследований населения в XXI веке показывают, что женщины по-прежнему берут на себя большую часть работы по дому и уходу за детьми. Например, в Индии женщины уделяют уходу за детьми и заботе о пожилых, больных или инвалидах в среднем 4,47 часа в неделю, тогда как

мужчины тратят на эти обязанности лишь 0,88 часа в неделю (Hirway, Jose, 2011). Исследование бюджетов времени австралийских родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями, показало, что забота о таких детях сократила время досуга работающих матерей, а у отцов время на уход за собой осталось неизменным (Brandon, 2007).

Однако в странах, где отмечается высокий уровень женской оплачиваемой занятости или ее динамичный рост, показатели времени, затрачиваемого женщинами и мужчинами на выполнение домашнего труда, сближаются. Факторами такого сближения являются также рост уровня образованности женщин и процессы трансформации гендерных ролей. Канадские исследования свидетельствуют, что затраты времени на уход за детьми у родителей обоих полов выросли в период с 1986 по 2015 год, несмотря на сокращение среднего числа детей в семье. Вероятно, это связано с переходом к более интенсивным методам воспитания. Тем не менее традиционное гендерное разделение домашнего труда сохраняется, женщины по-прежнему берут на себя большую часть работы по уходу за детьми (Frank, Frenette, 2021).

В выводах большинства исследований, проведенных в допандемийный период, утверждается, что работа на дому способствует облегчению совмещения профессиональных и семейных обязанностей. Это, в свою очередь, положительно сказывается на балансе между работой и семьей, поскольку отсутствует необходимость поездок на работу (Crosbie, Moore, 2004). Однако в ситуациях, когда родители работают из дома, у матерей, в отличие от отцов, увеличивается время, затрачиваемое на выполнение домашних обязанностей и уход за детьми (Hilbrecht et al., 2008). В некоторых исследованиях выявлены негативные последствия, такие как нарушение границ между работой и семейной жизнью, а также рост напряженности и стресса, обусловленный многозадачностью деятельности (Sullivan, Lewis, 2001). Тем не менее сторонники работы на дому подчеркивают главное преимущество данной модели занятости — гибкость в совмещении трудовых обязанностей не только с семейными и родительскими функциями, но и другими сферами жизни (Gregory, Milner, 2008).

Важно отметить, что пандемия COVID-19 способствовала росту интереса к проблематике баланса между работой и семьей в условиях дистанционной занятости. Сравнительный анализ последствий дистанционной работы из дома для родителей, имеющих на иждивении детей, в Польше и Швеции, отличающихся моделями гендерного разделения домашнего труда, показал, что мужчины в обеих странах обладают более высокими возможностями для сбалансирования работы с домашними и родительскими обязанностями по сравнению с женщинами. Однако разница между полами в Швеции менее выражена. В обществе с относительно равным распределением гендерных ролей (Швеция) негативное влияние работы на дому на способность сбалансировать профессиональные и личные обязательства затрагивает представителей обоих полов (Kurowska, 2020).

Кросс-национальные оценки ответов родителей, воспитывающих детей в возрасте до 12 лет, по данным онлайн-опроса 2021 года, проведенного в Канаде, Германии, Италии, Польше, Швеции и США, выявили положительную взаимосвязь между условиями дистанционной работы, балансом работа — семья и удовлетворенностью жизнью. Самооценка удовлетворенности балансом работа — семья у отцов и матерей была значительно выше в тех случаях, когда родители до пандемии работали в стандартном режиме и перешли на удаленную работу только в период пандемии. В группах респондентов, которые работали из дома и до пандемии, удовлетворенность балансом работа — семья была более высокой лишь в том случае, если они не работали сверхурочно (Kurowskaj, Cukrowska-Torzewska, 2025).

В России, где высокий интерес к дистанционной занятости возник в контексте пандемии (дистанционная занятость начала развиваться значительно позже, чем в развитых странах Америки и Европы), исследования также демонстрируют как отрицательные, так и положительные социальные и демографические эффекты (Логинов, Лопатина, 2021; Наберушкина, 2021). Гендерный анализ последствий перехода россиян на дистанционный формат работы в условиях пандемии показал, что многие мужчины и женщины, впервые столкнувшиеся с удаленной работой в этот период,

оценили дистанционные условия труда преимущественно положительно. При этом мужчины чаще, чем женщины, высказывали положительные оценки. Это может быть связано с тем, что у женщин сокращение времени на дорогу до работы отразилось на увеличении временных затрат на воспитание детей и организацию домашнего быта, в то время как у мужчин наиболее заметные улучшения наблюдаются в сегменте отдыха и общения (Тонких и др., 2025).

Пионерные исследования, посвященные влиянию наличия широкополосного интернета на рождаемость, выявили положительную взаимосвязь. В частности, в работе F.C. Billari, O. Giuntella и L. Stella на основе панельных данных опросов населения Германии было установлено, что среди женщин в возрасте 25–45 лет доступность широкополосного интернета оказывает положительное влияние на рождаемость в группе высокообразованных женщин, компетентных в сфере цифровой грамотности, что связывается с возможностью удаленной работы. Доступность широкополосного интернета в условиях низкой рождаемости, характерной для Европы, значительно увеличивает долю женщин, работающих удаленно или в условиях неполной занятости, кроме того, наблюдается увеличение времени, проводимого с детьми, а также рост уровня удовлетворенности жизнью (Francesco et al., 2019).

В работе И.Е. Калабихиной, выполненной на панельных данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) по схожей методике, выявлена подобная положительная связь. В группе женщин со средним и высшим профессиональным образованием, обладающих доступом к высокоскоростному интернету, рождаемость значительно выше, особенно в возрасте от 25 до 49 лет. Учитывая, что средний возраст первых рождений сдвинулся ближе к 28 годам, можно заключить, что техническая и профессиональная возможность работать удаленно положительно отражается на рождаемости (Калабихина и др., 2020).

Таким образом, при анализе цифровизации занятости исключительно в контексте дистанционного или гибридного формата работы можно выделить ряд исследований, подтверж-

дающих наличие положительных социально-демографических эффектов, связанных с увеличением удовлетворенности балансом между работой и семьей, а также с принятием положительных решений о рождении детей.

Однако рассматривать цифровизацию занятости исключительно через призму цифровых форматов работы означает игнорировать комплексный характер данного феномена. Библиографический анализ научных публикаций позволил выделить два укрупненных подхода к определению цифровой занятости: узкий, когда под цифровой занятостью понимается исключительно дистанционная / удаленная работа, и комплексный, в рамках которого к цифровому сегменту относится занятость с использованием ИКТ и цифровых платформ в процессе выполнения трудовых функций (Камарова, Тонких, 2023, с. 569).

Авторам настоящей статьи близка позиция ряда ученых и практиков, которые включают в понятие цифровизации занятости внедрение информационно-коммуникационных технологий в трудовые функции, что приводит к трансформации содержания труда и отражается на его рынке через рост востребованности цифровых компетенций у работников (Алексеева, Сазонов, 2019). Цифровизация занятости предполагает не только использование цифровых форматов работы, но и создание цифровых продуктов, а также трансформацию содержательной сущности трудовых функций в связи с применением ИКТ.

Настоящее исследование основано на теоретическом посыле, предполагающем комплексный подход, согласно которому ключевым признаком отнесения вида занятости к цифровому является использование цифровых технологий в процессе труда. Организация труда цифровых работников может быть стандартной или дистанционной. Данное понимание находится в русле зарубежных классификаций, в частности не противоречит методике Еврофонда¹.

Указанная теоретическая рамка обуславливает специфику требований к методологии

формирования эмпирической базы данных. Данные должны обеспечивать возможность оценки временных затрат на детей, а также позволять сгруппировать респондентов на категории цифровой и нецифровой занятости. Кроме того, необходимо выделить среди респондентов тех, кто воспитывает детей.

С учетом указанных требований наиболее подходящим информационным источником являются выборочные обследования населения, проводимые методом самонаблюдения и фиксации респондентами временных затрат на различные виды деятельности в течение суток (с использованием дневников наблюдений).

Подобные выборочные обследования домохозяйств в сравнении с традиционными методами опроса населения позволяют получать более достоверную информацию о затратах времени на оплачиваемую занятость и родительский труд. Дело в том, что при проведении анкетных опросов респонденты часто основываются на воспоминаниях, и это искажает реальную картину. Метод последовательной фиксации респондентами своей деятельности в дневники самонаблюдения основан на использовании краткосрочного периода воспоминаний (сутки), что способствует минимизации искажений в отчетах. Кроме того, классификация видов деятельности, по которым фиксируется время в дневниках самонаблюдения, более детальна. Например, сравнительный анализ обследований населения Индии по социально-трудовым проблемам, выполненных разными методами, показал, что применение метода заполнения дневников наблюдения за использованием суточного времени обладает преимуществами в сравнении с анкетным опросом в плане детализации и полноты данных о трудовой активности. Альтернативное обследование рабочей силы (опрос), проводимое в соответствии с рекомендациями Международной организации труда (МОТ) и ООН, фиксирует основную работу и одну или две вторичные работы, однако не учитывает мелкие работы, выполняемые за короткий срок в качестве наемного работника, а также неоплачиваемую деятельность для собственных нужд, не фиксирует затраты на родительский труд (Hirway, Jose, 2011).

Методология выборочных обследований суточного бюджета времени населения (Time Use

¹ Eurofound (2020). New forms of employment: 2020 update. New forms of employment series. Luxembourg: Publications Office of the European Union.

Survey, TUS) представляет собой широко распространенную международную практику. Заполнение дневников самонаблюдения за деятельностью в течение суток позволяет собирать информацию о затратах времени не только на оплачиваемую работу, но и на домашнее производство, социальную, общественную, родительскую и иную деятельность, включая отдых. Данные о том, как люди распределяют 24 часа в сутках, применяются для оценки влияния структуры затрат времени на доходы населения, финансовую безопасность, баланс между работой и личной жизнью, физическое здоровье, эмоциональное благополучие и общий уровень счастья.

Классификация и виды деятельности в течение периода бодрствования имеют национальную специфику. Например, в американской методологии обследования учитываются затраты времени на «пруды, бассейны и джакузи». Отметим, что время, затрачиваемое на уход за детьми, выделяется и детализируется в любых дневниках самонаблюдения. С помощью детализированных кодов TUS и персональной информации о респондентах возможно оценивать инвестиции родителей в детей, проводить агрегацию и детализацию использования времени по демографическим признакам, а также проверять гипотезы о ролях женщин на рынке труда и в домашних условиях (Hamermesh et al., 2025).

В заключение теоретико-методологического обзора отметим, что в настоящее время взаимосвязь между занятостью в профессиях с высоким уровнем использования информационных технологий и родительской сферой жизни остается недостаточно изученной и представляет собой лауну в существующих научных знаниях. Применение комплексного подхода обуславливает научную новизну данного исследования, направленного на выявление социально-демографических эффектов цифровизации занятости как в контексте дистанционных форматов работы, так и в контексте традиционных форматов труда, характеризующихся интенсивным использованием ИКТ в профессиональной деятельности.

Материалы, методы и гипотезы исследования

С учетом вышеизложенного эмпирическая база авторского исследования была сформирована на основе микроданных последнего на мо-

мент подготовки данной статьи выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением за 2019 год (предыдущее обследование проводилось в 2014 году). Методология организации выборочного наблюдения представлена на сайте Росстата в разделах «Описание наблюдения» и «Материалы наблюдения»². Согласно методологии проведения выборочного обследования, респонденты фиксировали в дневниках наблюдений свои основные занятия в каждом 10-минутном интервале с 19:00 до 22:00. Например, записи могли включать следующие фразы: «Отвожу детей в детский сад», «Будила детей», «Помогала детям одеваться» и так далее. При обработке данных из дневников наблюдений все виды деятельности, связанные с детьми, были суммированы. Таким образом, в рамках нашего исследования под временем, проведенным с детьми (в уходе за детьми), понимается время, связанное с воспитанием и общением, транспортировкой и уходом за детьми.

Для проведения исследования взаимосвязей между типом занятости респондентов и социально-демографическими параметрами родительства использован следующий методический подход:

1) экспорт данных «Индивидуального вопросника для лиц в возрасте 15 лет и более» (файл «IND.sav») и «Дневника использования времени для лиц в возрасте 15 лет и более» (файл «DIARYSVODO.sav») в формате sav; данные расположены на сайте Федеральной службы государственной статистики «Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением» в разделе «Микроданные»/«Политика доступа»;

2) объединение табличных данных по полю, содержащему индивидуальный код члена домохозяйства; для считывания и объединения данных были использованы следующие библиотеки языка R: библиотека Hmisc для загрузки файлов SPSS (файлы с расширением .sav); библиотека dplyr для объединения таблиц; при-

² Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html (дата обращения 06.09.2024).

менялось внутреннее объединение (тип объединения INNER JOIN), исключающее строки, которым нет соответствия в связываемой таблице;

3) отбор данных для проведения исследования осуществлялся с учетом следующих критериев: возраст респондентов — от 18 до 49 лет; участие в экономической деятельности — работающие/занятые в экономике.

Таким образом, в массив наблюдений были включены персональные характеристики и бюджеты суточного времени работающих мужчин и женщин в возрасте от 18 до 49 лет, занятых на условиях оплачиваемой трудовой деятельности. В общей сложности отобрано 27 082 наблюдения, что составляет 82% от общего числа участников в указанной возрастной категории.

Далее проводилась группировка респондентов по видам занятости в соответствии с комплексным подходом к пониманию феномена цифровизации занятости, отраженному в теоретических материалах данной статьи (табл. 1).

Перечень конкретных профессий первой и второй групп цифровой занятости соотносится с перечнем профессий, связанных с интенсивным использованием информационно-коммуникационных технологий, по группам занятий, которые ежегодно публикуются Высшей школой экономики в кратких статистических сборниках по цифровой экономике³. Отбор наблюдений проводился по кодам «Общероссийского

классификатора занятий», которые указаны в микроданных наблюдений. Код ОКЗ определялся специалистами Росстата на основе ответов на вопрос № 10 Индивидуального опросника: «Кем Вы работали? Укажите название Вашей профессии, должности».

В наблюдениях, относящихся к категории цифровой занятости (IT-специалисты и специалисты ИКТ), также выделялись подгруппы респондентов, работающих дистанционно, и тех, кто осуществляет трудовую деятельность в других форматах.

Отбор наблюдений в группу дистанционной занятости осуществлялся на основе ответов на вопрос № 12 К 10: «На этой работе большую часть рабочего времени Вы ...?» — с вариантом ответа «работаете дистанционно (с использованием сети Интернет)».

Выдвинутые гипотезы исследования представлены в таблице 2 с указанием проверочных групп респондентов. Для проверки гипотез Н3 и Н4 были сформированы мужская и женская подвыборки респондентов, имеющих детей младше 18 лет. В указанных подгруппах также выделялись женщины и мужчины, работающие в формате гибкого графика, а также в других режимах. Группировка проводилась на основе ответов на вопрос № 14 К 11: «Какой у Вас график работы?» — с одним из вариантов ответа «Работа в режиме гибкого рабочего времени».

Таблица 1. Принцип группировки и характеристика отбираемых наблюдений в группы цифровой и нецифровой занятости

Цифровая занятость		Нецифровая занятость
1 группа: IT-специалисты	2 группа: Специалисты ИКТ	3 группа: Нецифровая занятость
Принцип отбора		
Специалисты, чья профессия связана с информационными технологиями: разработка, внедрение, совершенствование и обслуживание программных продуктов и компьютерных систем	Специалисты, интенсивно использующие информационно-коммуникационные технологии (интернет-технологии) в работе, но не являющиеся IT-специалистами	Респонденты, работающие без применения ИКТ в трудовой деятельности
Примеры отбора		
Отбор по кодам ОКЗ: ОКЗ 251 – Разработчики и аналитики программного обеспечения и приложений ОКЗ 252 – Специалисты по базам данных и сетям	Отбор по кодам ОКЗ: ОКЗ 241 – Специалисты по финансовой деятельности ОКЗ 231 – Профессорско-преподавательский персонал университетов	В группу попали наблюдения, не включенные в категорию цифровой занятости (по остаточному принципу)
Источник: составлено авторами.		

³ Абдрахманова Г.И., Васильковский С.А., Вишневский К.О. [и др.] (2023). Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник / Высшая школа экономики. Москва: НИУ ВШЭ.

Таблица 2. Соотнесение выдвинутых гипотез с проверочными подгруппами выборки

Выдвинутые гипотезы	Проверочные подгруппы
Н1: Среднее количество детей до 18 лет в расчете на 1 респондента будет статистически значимо различаться в группах цифровой и нецифровой занятости	1. IT-специалисты; 2. Специалисты ИКТ; 3. Работники, не использующие ИКТ в работе (далее будут обозначаться как «нецифровая занятость»)
Н2: Среднее количество детей до 18 лет в расчете на 1 респондента будет статистически значимо отличаться в группе цифровой занятости у дистанционных работников и респондентов, работающих в других форматах занятости	1. IT-специалисты и специалисты ИКТ, указавшие дистанционный формат работы; 2. IT-специалисты и специалисты ИКТ, указавшие другие, не дистанционные форматы работы
Н3: Среднее количество детей до 18 лет в расчете на 1 респондента будет статистически значимо отличаться в зависимости от графика работы	1. IT-специалисты, специалисты ИКТ и работники группы «нецифровой занятости», указавшие гибкий график работы; 2. IT-специалисты, специалисты ИКТ и работники группы «нецифровой занятости», не указавшие гибкий график работы
Н4: Среднее количество времени, затрачиваемое работающими женщинами на уход за детьми в расчёте на одного ребёнка младше 18 лет, будет различаться в группах цифровой и нецифровой занятости	Женщины с детьми младше 18 лет в группах: 1. IT-специалисты; 2. Специалисты ИКТ; 3. Работники, не использующие ИКТ в работе / «нецифровая занятость»
Н5: Среднее количество времени, затрачиваемое мужчинами на уход за детьми в расчете на одного ребенка младше 18 лет, будет различаться в группах цифровой и нецифровой занятости	Мужчины с детьми младше 18 лет в группах: 1. IT-специалисты; 2. Специалисты ИКТ; 3. Работники, не использующие ИКТ в работе / «нецифровая занятость»
Источник: составлено авторами.	

Для проверки гипотез был применён дисперсионный анализ ANOVA, а для попарного сравнения — критерий Тамхейна. Статистическая обработка данных проводилась с использованием языка программирования R в среде разработки RStudio. При проведении сравнительных оценок не учитывался фактор перераспределения вре-

мени, затрачиваемого на уход за детьми, внутри семьи в случае, если респонденты принадлежат к одному домохозяйству. Это является ограничением для выводов данного исследования.

Представим половозрастную характеристику выделенных групп цифровой и нецифровой занятости (табл. 3, 4).

Таблица 3. Описательные статистики возраста респондентов в разрезе групп занятости

Группа занятости	Количество респондентов, чел.	Средний возраст, лет	Стандартное отклонение
1. IT-специалисты	519	33,67	6,505
2. Специалисты ИКТ	3 270	36,09	7,160
3. Нецифровая занятость	23 293	36,73	7,523
Всего	27 082	36,60	7,475
Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect			

Таблица 4. Структура наблюдений по полу в разрезе групп занятости, %

Группа занятости	Пол	
	Мужской	Женский
1. IT-специалисты	83,2	16,8
2. Специалисты ИКТ	35,7	64,3
3. Нецифровая занятость	46,7	53,3
Всего	46,1	53,9
Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect		

Средний возраст респондентов в группе IT-специалистов составил 33,67 года, что статистически значимо ниже, чем средний возраст работников в других выделенных группах (см. табл. 3). Наибольший возраст среди опрошенных респондентов наблюдается у тех, кто относится к категории «нецифровая занятость» (не используют ИКТ и интернет в своей профессиональной деятельности). В группе «IT-специалисты» наблюдается значительное преобладание мужчин (83,2% от общего числа специалистов в данной категории). В то же время в группах «специалисты ИКТ» и «нецифровая занятость» доминируют женщины, их доля составляет 64,3 и 53,3% соответственно. Различия в пропорциях мужчин и женщин статистически значимы для всех групп (см. табл. 4). Сравнение пропорций проводилось с использованием критерия χ^2 , результаты которого показали значимость различий на уровне $p = 0,000$.

Из 3789 наблюдений в сегменте цифровой занятости 6,5% работали преимущественно в дистанционном формате. Среди общего числа респондентов, имеющих детей младше 18 лет, в женской группе 8,8% участниц обследования трудились на условиях гибкого графика, в то время как в мужской подвыборке этот показатель составил 17,9%.

Результаты и обсуждение

В результате проверки гипотезы Н1 о наличии разницы в количестве детей у респондентов, представляющих цифровую и нецифровую

группы занятости, выявлены статистически значимые различия. При попарном сравнении с применением критерия Тамхейна было обнаружено, что среднее количество детей в семьях специалистов группы «нецифровая занятость» статистически значимо выше, чем в семьях групп «IT-специалисты» и «специалисты ИКТ» и группы 2 «использует интернет для работы» ($p = 0,014$ и $0,012$ соответственно). На *рисунке 1* визуализирован разброс среднего количества детей в разрезе видов занятости.

Статистически значимых отличий между количеством детей в подгруппах цифровой занятости не выявлено ($p = 0,294$). Таким образом, гипотеза Н1 была частично подтверждена. Разница в количестве детей в выделенных подгруппах может быть объяснена статистически значимым отличием в возрасте между представителями цифровой занятости и представителями нецифровой занятости. Современная демографическая статистика демонстрирует увеличение среднего возраста матерей при первых рождениях. Существует вероятность, что родители, работающие в сегменте цифровой занятости, в дальнейшем «догонят» представителей нецифровой занятости по количеству рожденных детей.

Для проверки гипотезы Н2 о наличии различий в количестве детей у респондентов в зависимости от дистанционного формата работы собраны и проанализированы данные по подгруппам цифровой занятости «IT-специалисты» и

Рис. 1. Среднее количество детей в семьях респондентов с разным видом занятости

Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

«специалисты ИКТ», в связи с тем, что у респондентов, представляющих нецифровую занятость, дистанционный формат работы невозможен.

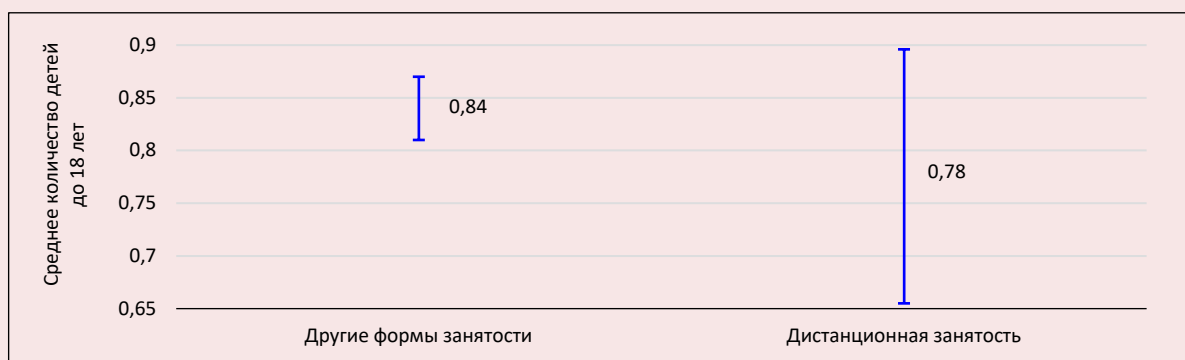
На *рисунке 2* представлено графическое соотношение среднего количества детей в семьях дистанционных сотрудников и всех остальных респондентов, относящихся к цифровой занятости.

Значение p -критерия, равное 0,279, указывает на то, что различия в количестве детей в семьях дистанционных сотрудников и всех остальных респондентов не являются статистически значимыми. Нулевая гипотеза не может быть отклонена, а альтернативная гипотеза H_2 не подтвердилась. Гипотеза о наличии отличий в зависимости от работы в дистанционном

формате проверялась также среди родителей, воспитывающих детей в возрасте до двух лет и в возрасте 3–6 лет. Статистически значимых отличий также не выявлено.

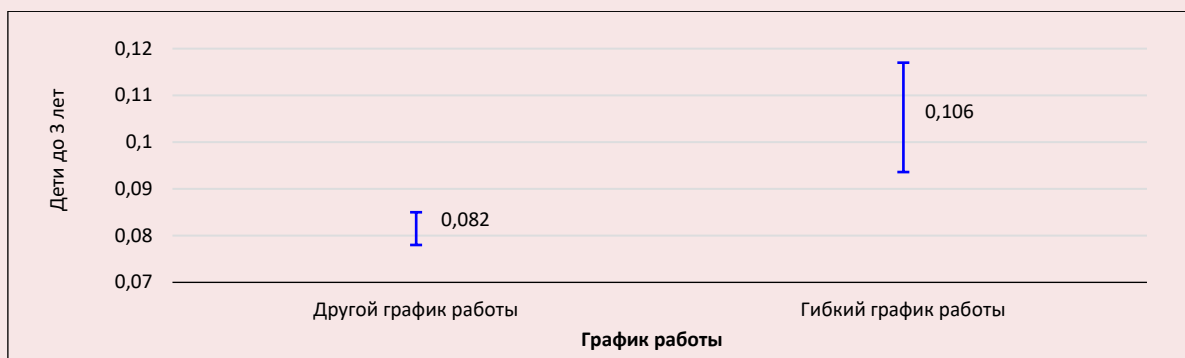
В ходе исследования была проведена проверка наличия статистически значимых отличий в количестве детей в зависимости от гибкости графика работы (гипотеза H_3). В группах родителей с детьми младше 18 лет статистически значимых отличий не обнаружено. Однако при сужении подвыборки до родителей, воспитывающих детей младше трех лет, такая разница была выявлена. В группе родителей с гибким графиком работы среднее количество детей в расчете на одного респондента статистически значимо выше (*рис. 3*).

Рис. 2. Среднее количество детей в группе цифровой занятости по формату работы

Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

Рис. 3. Среднее количество детей в возрасте от 0 до 3-х лет в среднем на одного респондента в разрезе графика работы

Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

Отметим, что проверка гипотезы в подгруппах цифровой и нецифровой занятости показала, что цифровизация содержания труда не оказывает влияния на количество малолетних детей в семьях. Указанная на рисунке 3 зависимость также наблюдается у представителей «нецифровой» занятости.

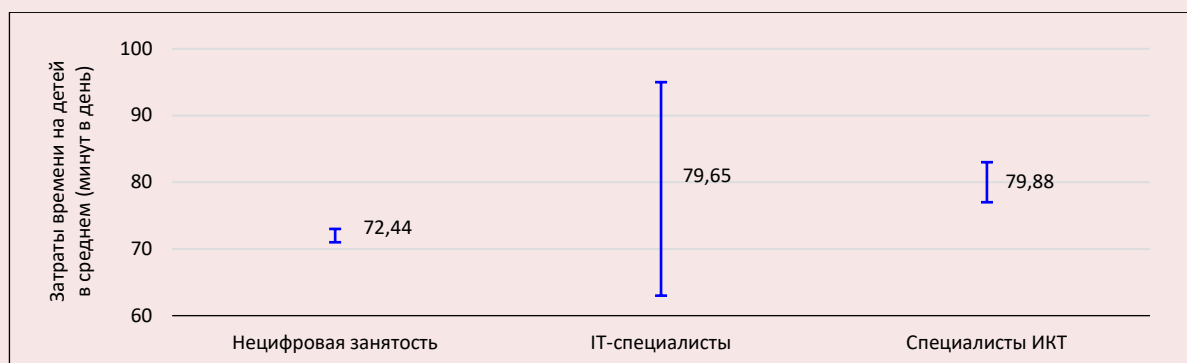
В рамках проверки гипотезы Н4 было создано графическое представление данных, которое визуализирует соотношение затрат времени на уход за детьми (в минутах в день) в расчёте на одного ребенка младше 18 лет у женщин с разным типом занятости (рис. 4).

При проверке нулевой гипотезы о равенстве средних затрат времени на уход за детьми в расчёте на 1 ребенка младше 18 лет у женщин с разным типом занятости был получен следующий

результат: женщины группы «специалисты ИКТ» проводят с детьми больше времени, чем женщины группы «нецифровая занятость» ($p = 0,06$). Статистически значимых отличий между средними затратами времени на уход за детьми в расчёте на 1 ребенка младше 18 лет у женщин группы «ИТ-специалисты» и группы «нецифровая занятость» не выявлено ($p = 0,114$). Статистически значимых отличий между средними затратами времени на уход за детьми в расчёте на 1 ребенка младше 18 лет у женщин группы «ИТ-специалисты» и группы «специалисты ИКТ» не выявлено ($p = 0,569$). Таким образом, гипотеза Н4 не подтвердилась.

Результаты проверки гипотезы Н5 о наличии отличий в количестве времени, уделяемом детям работающими отцами с разными типами занятости, графически представлены на рисунке 5.

Рис. 4. Соотношение затрат времени на уход за детьми (в минутах в день) в расчёте на 1 ребенка младше 18 лет у женщин с разным типом занятости

Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

Рис. 5. Соотношение затрат времени на уход за детьми в расчёте на 1 ребенка младше 18 лет у мужчин с разным типом занятости, мин. в день

Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

В ходе проверки нулевой гипотезы о равенстве средних затрат времени на уход за детьми в расчёте на одного ребёнка младше 18 лет у мужчин с различным типом занятости были получены следующие результаты: мужчины из группы «нецифровая занятость» тратят меньше времени на детей, чем мужчины из групп «IT-специалисты» и «специалисты ИКТ» ($p = 0,000$ для каждой пары сравнения). При этом статистически значимых различий между средними затратами времени на уход за детьми у мужчин из групп «специалисты ИКТ» и «используют интернет для работы» не обнаружено ($p = 0,511$). Таким образом, гипотеза H5 подтвердилась. Отцы, работающие в сегменте цифровых форм занятости, уделяют детям больше времени, чем те, которые работают без применения ИКТ.

Следует отметить, что в каждой из выделенных групп работающих родителей женщины тратят на уход за детьми в среднем в два раза больше времени. В группах «нецифровой занятости» и «специалистов ИКТ» это соотношение составляет 2:1, в то время как в группе «IT-специалистов» — 1,8:1.

Заключение

Результаты исследования подтвердили большинство выдвинутых авторами гипотез, в том числе гипотезу о взаимосвязи между рождаемостью и цифровизацией занятости. Однако характер этой взаимосвязи оказался отрицательным, а не положительным, как предполагалось по теоретическим материалам. Среднее количество детей до 18 лет у родителей в группе цифровой занятости статистически значимо ниже, чем у родителей, работающих без применения цифровых и интернет-технологий. При этом в рамках групп цифровой занятости (IT-специалисты и специалисты, активно использующие информационно-коммуникационные технологии в своей работе) статистически значимых различий в количестве детей не обнаружено. Объяснением выявленной разницы может служить статистически значимое отличие в возрасте респондентов: представители цифровой занятости, как правило, младше. Учитывая современную тенденцию к увеличению возраста матерей при первых рождениях, существует вероятность, что родители из сектора цифровой занятости в будущем «догонят» представителей

нецифровой сферы по количеству рожденных детей. Однако следует учитывать и риски сокращения рождаемости, связанные с дальнейшей цифровизацией. Эти риски обусловлены ростом квалификационных требований к работникам цифровых секторов, что приводит к необходимости увеличения сроков профессиональной подготовки, а повышение уровня образования женщин может оказывать отрицательное влияние на рождаемость.

Гипотеза о наличии различий в количестве детей у респондентов цифровой занятости в зависимости от формата работы (дистанционный или традиционный) не подтвердилась. Это касается как родителей, воспитывающих детей до двух лет, так и тех, кто воспитывает детей в возрасте 3–6 лет, где также не было выявлено статистически значимых отличий. Однако среди родителей с гибким графиком работы зафиксировано статистически значимое превышение среднего количества детей в возрасте 0–3 лет на одного респондента.

Результаты анализа бюджетов суточного времени работающих родителей свидетельствуют о сохранении в России традиционной гендерной модели распределения родительских обязанностей. Работающие матери в каждой из рассматриваемых групп занятости уделяют детям в два раза больше времени, чем отцы в тех же группах.

Выявлено положительное влияние цифровизации занятости на количество времени, уделяемого детям. Мужчины и женщины в группах цифровой занятости статистически значимо больше времени проводят с детьми, чем родители, работающие в традиционных секторах. Можно сделать вывод, что цифровизация занятости предоставляет больше гибкости в организации времени, что дает возможность совместно проводить время с детьми.

Полученные результаты не подтверждают выводы нашей предыдущей работы, основанной на материалах Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 2011–2020 гг., в которой было установлено, что среднее количество детей до 18 лет у респондентов, использующих интернет в профессиональной деятельности, статистически значимо выше, чем у тех, кто не использует интернет в рабочих

целях (Акулова, Тонких, 2023). Результаты нашего исследования не опровергают и не подтверждают выводы коллег о положительном влиянии доступности широкополосного интернета на рождаемость через опосредованную возможность работать удаленно (Francesco et al., 2019).

На наш взгляд, сравнительные оценки взаимосвязи дистанционного формата работы отцов и матерей со средним количеством детей, представленные в настоящей статье, обладают более высокой релевантностью, так как база данных выборочного обследования суточных затрат времени населением позволяет точно выделить группу работников, осуществляющих дистанционную работу. Выводы по RLMS-HSE за 2011–2020 гг. были сделаны с допущением, что респонденты, использующие интернет в работе, имеют возможность работать удаленно. Подобные допущения также были сделаны в работах, посвященных проведению сравнительных оценок рождаемости в зависимости от доступа к широкополосному интернету.

Таким образом, можно заключить, что цифровизация содержания труда не оказывает прямого влияния на репродуктивное поведение работников. Однако расширение доступа к дистанционным форматам работы мо-

жет положительно отражаться на рождаемости только при условии, если график работы будет гибким. Сам по себе удаленный формат не влияет на родительскую сферу. Именно гибкость графика работы является значимым фактором для успешного совмещения оплачиваемой работы с воспитанием малолетних детей и может положительно сказываться на репродуктивных планах. Считаем, что данный аспект необходимо принимать во внимание при разработке корпоративных мер социальной поддержки работников с семейными обязанностями. В рамках корпоративных социальных программ рекомендуется внедрять меры поддержки, такие как предоставление гибких режимов работы и дистанционных форматов трудовой деятельности. В качестве перспективных направлений исследований целесообразно рассмотреть проведение мониторинговых расчетов на основе материалов будущего выборочного обследования использования суточного фонда времени населением, а также осуществление «динамического» панельного анализа изменений формата занятости в контексте появления ребенка, используя данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ.

Литература

- Акулова П.Е., Тонких Н.В. (2023). Социально-демографические эффекты цифровизации занятости // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 73. С. 174–185. DOI: 10.17223/1998863X/73/15
- Алексеева Н.В., Сазонов А.А. (2019). Анализ степени влияния цифровой экономики на формирование основных трендов на рынке труда и социально-трудовых отношений в Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. № 2. С. 28–36. DOI: 10.18384/2310-6646-2019-2-28-36
- Баранова Н.В., Катаев В.А. (2022). Вынужденная цифровизация и рождаемость: обзор дискуссий и статистики // Human Progress. Т. 8. № 3. С. 1–17. DOI: 10.34709/IM.183.1
- Гурова И. М. (2020). Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 11. № 2. С. 128–147. DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.2.128-147
- Звягинцева О.С., Исаенко А.П. (2019). Особенности коммуникации и мотивации дистанционных работников // Известия Дагестанского ГАУ. № 4 (4). С. 150–155.
- Калабихина И.Е., Абдуселимова И.А., Клименко Г.А. (2020). Влияние высокоскоростного интернета на репродуктивное поведение в России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 6. С. 90–103. DOI: 10.38050/01300105202065
- Калинин А.Р., Юстратов Д.В. (2025). О взаимосвязи между удовлетворенностью жизнью и количеством детей в семье // Экономика и управление. Т. 31. № 7. С. 882–892. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-7-882-892
- Камарова Т.А., Тонких Н.В. (2023). Цифровизация занятости: понятийный аппарат // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 14. № 4. С. 554–571. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.4.554-571

- Колесникова О.А., Стребков А.А. (2020). Расширение практики применения дистанционной занятости: проблемы, решения, перспективы // Социально-трудовые исследования. № 4 (41). С. 57–67. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-57-67
- Конобевцев Ф.Д., Лаас Н.И., Гурова Е.В., Романова И.А. (2019). Удаленная работа: технологии и опыт организации // Вестник университета. № 7. С. 9–17. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-7-9-17
- Логинов Д.М., Лопатина М.В. (2021). Дистанционная занятость в период коронакризиса: масштабы распространения и результативность внедрения // Народонаселение. Т. 24. № 4. С. 107–121. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.9
- Минченкова О.Ю., Федоров А.С., Минченкова А.М., Федорова Н.В. (2023). Преимущества и риски новых форм занятости в условиях применения ИТ-технологий // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. № 1. С. 43–55. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-1-43-55
- Мосакова Е.А. (2023). Эра covid-19: как пандемия повлияла на гендерное неравенство и рождаемость (на примере стран БРИКС) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 23. № 2. С. 284–293. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-284-293
- Наберушкина Э.К. (2021). Эмпирический замер отношения к дистанционной форме занятости в эпоху пандемии // Общество и экономика. № 7. С. 62–72. DOI: 10.31857/S013216250014446-3
- Руденко Г.Г., Долженкова Ю.В. (2020). Дистанционная занятость: современные тенденции трансформации // Социально-трудовые исследования. № 4 (41). С. 50–56. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-50-56
- Русанова Н.Е. (2020). Рождаемость после пандемии: «бэби-бум» или «демографическая яма»? // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. № 4. С. 151–159.
- Тонких Н.В., Швецова А.В., Вербенская А.В. (2025). Субъективные оценки влияния дистанционного формата работы на трудовую, личную и семейную жизнь мужчин // Экономическая социология. Т. 26. № 3. С. 11–33. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-3-11-33
- Billari Francesco C., Giuntella O., Stella L. (2019). Does broadband Internet affect fertility? *Population Studies*, 73(1), 1–20. DOI: 10.1080/00324728.2019.1584327
- Brandon P. (2007). Time away from “smelling the roses”: Where do mothers raising children with disabilities find the time to work? *Social Science & Medicine*, 65(4), 667–679. DOI: 10.1016/j.socscimed.2007.04.007
- Crosbie T., Moore J. (2004). Work-life balance and working from home. *Social Policy and Society*, 3(3), 223–233. DOI: 10.1017/S1474746404001733
- Frank K., Frenette M. (2021). *Couples' Perceptions of the Division of Household and Child Care Tasks: Are there Differences between Sociodemographic Groups?* Ottawa: Statistics Canada. _
- Gregory A., Milner S. (2008). Work–life balance: A matter of choice? *Gender, Work and Organization*, 16 (1). 1–13. DOI: 10.1111/j.1468-0432.2008.00429.x
- Hamermesh D.S., Frazis H., Stewart J. (2005). Data watch the American time use survey. *Journal of Economic Perspectives*, 19(1), 221–232. DOI: 10.1257/0895330053148029
- Hilbrecht M., Shaw M.S., Johnson L C., Andrey J. (2008). ‘I’am Home for the Kids’: Contradictory implications for work–life balance of teleworking mothers. *Gender, Work and Organization*, 15(5), 454–476. DOI: 10.1111/j.1468-0432.2008.00413.x
- Hirway I., Jose S. (2011). Understanding women’s work using time-use statistics. The case of India. *Feminist Economics*, 17(4), 67–92. DOI: 10.1080/13545701.2011.62228
- Kurowska A. (2020). Gendered effects of home-based work on parents’ capability to balance work with non-work. Two countries with different models of division of labour compared. *Social Indicators Research*, 151(2), 405–425. DOI: 10.1007/s11205-018-2034-9
- Kurowskaj A., Cukrowska-Torzewska E. (2025). Life and work-life balance satisfaction among parents working from home: The role of work-time and childcare demands. *Applied Research in Quality of Life*, 20(3), 1315–1338. DOI: 10.1007/s11482-025-10467-5
- Lorber J. (2018). The social construction of gender. In: *Inequality in the 21st Century*. Routledge. DOI: 10.25365/phaidra.46
- Sullivan C., Lewis S. (2001). Home-based telework, gender and the synchronization of work and family: Perspectives of teleworkers and their co-residents. *Gender, Work and Organization*, 8(2), 123–145. DOI: 10.1111/1468-0432.00125

Сведения об авторах

Наталья Владимировна Тонких — кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: tonkihnev@usue.ru)

Светлана Викторовна Бегичева — кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: begichevas@mail.ru)

Татьяна Александровна Камарова — кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: kta@usue.ru)

Tonkikh N.V., Begicheva S.V., Kamarova T.A.

The Impact of Employment Digitalization on Parenting Strategies

Abstract. The aim of this study is to conduct a comparative assessment of the number of children and the time spent on childcare among Russians of reproductive age working in non-digital and digital (including remote) employment formats. The data source is the Rosstat sample observation database on the population's use of daily time budgets (N=27,082). The research methodology is based on a comprehensive approach to studying the digitalization of employment, the key feature of which is the use of information and communication technologies (ICT) at work. According to the All-Russian Classifier of Occupations, digital employment includes: 1) IT specialists; and 2) specialists who actively use ICT in their activities. Statistically significant differences in the average number of children were identified between groups with digital and non-digital employment, between remote and non-remote workers, and between representatives of flexible and other work schedule formats. Hypotheses that the time spent on childcare would differ depending on the level of employment digitalization were also tested. The conducted analysis of variance showed that the fertility rate in the group of workers with digital employment is lower than among those who work without using ICT. The remote work format does not have a statistically significant effect on the number of children; however, the flexibility of the work schedule demonstrates a certain influence: the digitalization of employment positively affects the amount of time devoted to children, both by mothers and fathers. The main conclusions of the study are as follows: the digitalization of job content does not have a direct impact on reproductive behavior; expanding access to remote work formats can positively affect fertility, provided there is flexibility in the work schedule. This aspect should be taken into account when developing corporate social support measures for employees with family responsibilities.

Key words: digitalization of employment, remote work, IT specialists, work-life balance, fertility, time for children, working parents.

Information about the Authors

Natalia V. Tonkikh — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of laboratory, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: tonkihnev@usue.ru)

Svetlana V. Begicheva — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: begichevas@mail.ru)

Tatyana A. Kamarova — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: kta@usue.ru)

Статья поступила 11.09.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.11

УДК 502, ББК 20.1

© Акин Ф., Озгюн Ф.

Гипотеза экологической кривой Филлипса для России: взаимосвязь между уровнями загрязнения окружающей среды и безработицы

Фатих АКИН

Эрзинджанский университет Бинали Йылдырым

Эрзинджан, Турция

e-mail: fatih.akin@erzincan.edu.tr

ORCID: 0000-0002-7741-4004; ResearcherID: LZH-7776-2025

Фергюль ОЗГЮН

Стамбульский университет Нового Века

Стамбул, Турция

e-mail: fergul.ozgun@yeniuyuzil.edu.tr

ORCID: 0000-0003-0633-7045; ResearcherID: KYA-5658-2024

Аннотация. Экологическая кривая Филлипса описывает обратную зависимость между уровнем безработицы и загрязнением окружающей среды. В исследовании проверялась справедливость гипотезы экологической кривой Филлипса для России. При анализе данных, охватывающих период с 1992 по 2022 год, был применен метод авторегрессии и распределенного лага, дополненный рядами Фурье. Выбросы CO_2 , рассматриваемые в качестве показателя загрязнения окружающей среды, являются зависимой переменной модели. Независимыми переменными выступают показатели уровня безработицы, экономического роста, совокупного объема энергоснабжения и уровня урбанизации. Согласно результатам анализа, в России существует обратная зависимость

Для цитирования: Акин Ф., Озгюн Ф. (2025). Гипотеза экологической кривой Филлипса для России: взаимосвязь между уровнями загрязнения окружающей среды и безработицы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 227–247. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.11

For citation: Akin F., Özgün F. (2025). The environmental Phillips curve hypothesis for Russia: The relationship between the levels of environmental pollution and unemployment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 227–247. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.11

между уровнем безработицы и уровнем загрязнения окружающей среды. Исходя из полученных результатов, гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается для России. Однако оказалось, что при увеличении темпов экономического роста уровень загрязнения окружающей среды снижается. Совокупный объем энергоснабжения и уровень урбанизации имеют положительную корреляцию с уровнем загрязнения окружающей среды. Однако влияние уровня урбанизации на загрязнение окружающей среды статистически незначимо. Полученные результаты показали, что в России следует совершенствовать единую политику в области занятости и охраны окружающей среды. Необходимо увеличить долю возобновляемых источников энергии и совокупный объем энергоснабжения, а также стимулировать политику создания зеленых рабочих мест. Расширение возможностей трудоустройства в секторах, использующих экологически чистые технологии, позволит снижать уровень загрязнения окружающей среды, избегая при этом возможных негативных эффектов, вызываемых существующим уровнем безработицы.

Ключевые слова: экологическая кривая Филлипса, безработица, загрязнение окружающей среды, Россия.

Введение

Промышленная революция, произошедшая в конце XVIII века, повлекла за собой множество экономических и социальных перемен (Philbeck, Davis, 2018). С началом промышленной революции производство товаров и услуг быстро возросло, повысились темпы экономического роста и уровень благосостояния населения, ускорился научно-технический прогресс, произошло увеличение численности населения, а жизнь сосредоточилась в городах (Dogaru, 2020). Промышленная революция привела к позитивным эффектам, однако нельзя отрицать, что были и негативные изменения. Увеличение производства товаров и услуг способствовало не только быстрому истощению природных ресурсов, но и накоплению вредных для окружающей среды отходов производства (Dimanov, 2024). Страны долгое время игнорировали экологический ущерб, чтобы добиться высоких темпов экономического роста за короткое время. Однако со временем ущерб, наносимый окружающей среде экономической деятельностью, достиг огромных масштабов (Smolovic et al., 2023). Рост загрязнения окружающей среды угрожает здоровью человека, приводит к уменьшению биологического разнообразия, ухудшает качество почвы и воды и повышает степень загрязнения воздуха (Li et al., 2025). Это обусловило необходимость достижения новой цели развития. Страны приступили к разработке политики, направленной на сокращение загрязнения окружающей среды (Winter, 2024). Появились новые концепции, такие как устойчивый рост, устойчивое развитие, зеленая

экономика, зеленый рост и циркулярная экономика (экономика замкнутого цикла). Все они основаны на взаимосвязи между экономикой и окружающей средой и направлены на преобразование производственных систем таким образом, чтобы не увеличивать загрязнение окружающей среды (Adamowicz, 2022).

Поскольку ключевой причиной роста загрязнения выступает человек, появилось множество работ, посвященных влиянию экономических показателей на загрязнение окружающей среды (Osuntuyi, Lean, 2023). Многие исследования основаны на концепции экологической кривой Кузнеця, гипотезе «гаваней для грязных производств» (Pollution Haven Hypothesis) и гипотезе «ореола загрязнения» (Pollution Halo Hypothesis), которые относятся к числу таких теорий (Abbass et al., 2022).

Экологическая кривая Кузнеця — усовершенствованный вариант кривой Кузнеця (Kuznets, 1955). В своем исследовании С. Кузнец пришел к выводу о существовании обратной U-образной зависимости между доходом на душу населения и неравенством в доходах (Rayhan et al., 2020). Неравенство в доходах увеличивается по мере увеличения дохода на душу населения. Однако со временем доход на душу населения достигает порогового значения, и после него, по мере увеличения дохода на душу населения, неравенство доходов начинает уменьшаться. Г. Гроссман и А. Крюгер (Grossman, Krueger, 1991) обнаружили обратную U-образную зависимость между доходом на душу населения и загрязнением окру-

жающей среды. По мере увеличения дохода на душу населения уровень загрязнения окружающей среды на душу населения повышается (Adhikari et al., 2024). После достижения определенного уровня дохода на душу населения, по мере того как доход на душу населения продолжает расти, уровень загрязнения окружающей среды на душу населения снижается (Nica et al., 2025). Эта гипотеза называется экологической кривой Кузнеця, поскольку взаимосвязь между увеличением доходов и загрязнением окружающей среды аналогична взаимосвязи между увеличением доходов и неравенством в доходах (Wang et al., 2024).

Согласно гипотезе «гаваней для грязных производств», некоторые компании, расположенные в развитых странах, перемещают отрасли, загрязняющие окружающую среду, в развивающиеся страны (Murshed, 2025). Так происходит, поскольку в развивающихся странах, как правило, отсутствуют жесткие экологические стандарты и нормативы (Bagchi, Sahu, 2025). С увеличением прямых иностранных инвестиций в развивающиеся страны загрязнение окружающей среды также растет. Развивающиеся страны становятся «гаванью» для производств, загрязняющих окружающую среду (Niu, Wang, 2024). Согласно этой гипотезе, по мере увеличения прямых иностранных инвестиций нагрузка на окружающую среду увеличивается (Sreenu, 2025).

Исходя из гипотезы «ореола загрязнения», увеличение прямых иностранных инвестиций приведет к снижению загрязнения окружающей среды (Mishra et al., 2025). Прямые иностранные инвестиции, поступающие из развитых стран в развивающиеся, приносят с собой новые технологии (Achu, Ojong, 2025). Благодаря передаче новых и более совершенных технологий производственные процессы в этих странах становятся более чистыми, а нагрузка на окружающую среду снижается. Таким образом, согласно гипотезе «ореола загрязнения», между прямыми иностранными инвестициями и уровнем загрязнения окружающей среды зависимость обратная (Ali, Wang, 2024).

В последние годы к описанным выше гипотезам была добавлена новая. Основываясь на гипотезе кривой Филлипса (1958), М. Кашем и М. Рахман выдвинули гипотезу, названную экологической кривой Филлипса (Kashem, Rah-

man, 2020). Согласно гипотезе кривой Филлипса, существует обратная зависимость между уровнем инфляции и уровнем безработицы (Rayhan et al., 2020). В исследовании, посвященном изучению взаимосвязи между уровнем загрязнения окружающей среды и уровнем безработицы, была обнаружена обратная зависимость между этими двумя переменными (Kashem, Rahman, 2020). Именно из-за отрицательной корреляции между безработицей и загрязнением окружающей среды эта гипотеза была названа экологической кривой Филлипса (Shastri et al., 2023).

Загрязнение окружающей среды и безработица — две глобальные проблемы, с которыми сталкиваются государства. Однако нельзя добиться сокращения одновременно и ущерба окружающей среде, и уровня безработицы. По этой причине страны должны выбирать, какую из этих двух задач решать. Экологическая кривая Филлипса чрезвычайно важна, поскольку она дает новый взгляд на традиционную кривую Филлипса и показывает отрицательную корреляцию между уровнем безработицы и уровнем загрязнения окружающей среды (Shang, Xu, 2022). С появлением в 2020 году гипотезы экологической кривой Филлипса число исследований, проверяющих ее обоснованность, быстро росло. Однако, поскольку гипотеза экологической кривой Филлипса является относительно новой, можно констатировать, что эмпирических исследований по этому вопросу все еще недостаточно и необходимо продолжать работу в этом направлении. Для того чтобы была возможность сравнить результаты и получить более точные сведения относительно конкретных стран, следует проводить исследования на примере разных стран или групп стран, причем для заполнения пробела в литературе следует анализировать те страны или их группы, которые ранее не рассматривались. Нами гипотеза экологической кривой Филлипса рассматривается на примере России, т. к. в ходе обзора научной литературы не было выявлено эмпирических исследований, проверяющих гипотезу экологической кривой Филлипса в российских условиях.

Россия — один из крупнейших эмитентов CO₂ и других парниковых газов. Наибольшим объемом выбросов парниковых газов в мире характеризуются Китай, Соединенные Штаты

Америки и Индия. Затем следует Россия, ответственная за 7% их мирового объема (Magazzino et al., 2023). По этой причине анализ российских показателей, связанных с загрязнением окружающей среды, важен с точки зрения разработки экологической политики. Необходимо подавлять факторы, усиливающие загрязнение окружающей среды, и содействовать улучшению ее качества. Если степень воздействия факторов, связанных с загрязнением окружающей среды, и направление воздействия будут определены правильно, появится возможность принимать более обоснованные решения в рамках будущей политики. В качестве зависимой переменной (индикатора загрязнения окружающей среды) использовался показатель выбросов CO_2 . Независимой переменной является показатель уровня безработицы. Также в модель в качестве независимых переменных включены различные индикаторы, влияющие на загрязнение окружающей среды: экономический рост, уровень урбанизации и совокупный объем энергоснабжения. Анализ охватывает период после распада СССР, с 1992 по 2022 год. Применяется метод авторегрессии и распределенного лага, дополненный рядами Фурье (FAARDL).

Обзор литературы

Несмотря на то, что в литературе представлено множество работ, проверяющих гипотезу экологической кривой Кузнеця, она вызывает научный интерес и сегодня (Biyase et al., 2024; Amankwa et al., 2024; Horobet et al., 2024; Rabbi, Abdullah, 2024; Khalid et al., 2025; Kolasa-Wiecek et al., 2024; Menegaki et al., 2025; Naqvi et al., 2025; Odei et al., 2025; Porto et al., 2025). Кроме того, растет число исследований, посвященных гипотезам «гавани для грязных производств» и «ореола загрязнения» (Gogoi, Hussain, 2024; Padhan, Bhat, 2024; Forson, 2024; Kumar et al., 2024; Balla, Lokonon, 2024; Holtbrügge, Raghavan, 2025; Al Numan et al., 2025; Ekesiobi et al., 2025; Dar et al., 2025; Soti et al., 2024).

Как отмечалось ранее, в статье (Kashem, Rahman, 2020) была выдвинута гипотеза экологической кривой Филлипса. При анализе опубликованных работ, проверяющих ее, выявлено, что в качестве индикаторов загрязнения окружающей среды исследователями используются различные показатели, такие как

выбросы CO_2 , экологический след и условный коэффициент нагрузки на биоемкость. Кроме того, в модели включаются различные независимые переменные: экономический рост, прямые иностранные инвестиции, использование возобновляемых источников энергии, рост населения, урбанизация и глобализация, их роль сравнивается с воздействием безработицы. Ниже представлена информация об исследованиях, посвященных экологической кривой Филлипса.

В работе (Bhowmik et al., 2022) проверяется справедливость гипотезы экологической кривой Филлипса для США. В качестве показателя загрязнения учитываются выбросы CO_2 . С помощью метода авторегрессии и распределенного лага (ARDL) была рассмотрена взаимосвязь между уровнем загрязнения окружающей среды и уровнем безработицы как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Для США гипотеза экологической кривой Филлипса оказывается со временем справедливой. Таким образом, представляется, что взаимосвязь между уровнем загрязнения окружающей среды и уровнем безработицы различается в краткосрочной и долгосрочной перспективе (Bhowmik et al., 2022).

В исследовании (Tanveer et al., 2022) изучается взаимосвязь между уровнями загрязнения окружающей среды и безработицы в Пакистане. Авторами использованы три различных экологических показателя: выбросы CO_2 , CH_4 и экологический след. В дополнение к показателю безработицы в модель в качестве независимых переменных были включены следующие индикаторы: потребление энергии, прямые иностранные инвестиции, экономический рост и глобализация. Согласно результатам анализа, охватывающего период с 1975 по 2014 год, гипотеза экологической кривой Филлипса справедлива для Пакистана. В долгосрочной перспективе прямые иностранные инвестиции положительно влияют на экологическую устойчивость, в то время как глобализация оказывает на нее отрицательное влияние (Tanveer et al., 2022).

В статье (Tariq et al., 2022) проверена гипотеза экологической кривой Филлипса для стран Южной Азии. Используются данные за период с 1991 по 2019 год. Анализировался такой по-

казатель, как экологический след, использовался метод авторегрессии и распределенного лага. Другими независимыми переменными в модели являются показатели роста населения, использования возобновляемых и невозобновляемых источников энергии и ВВП. Результаты анализа свидетельствуют, что гипотеза экологической кривой Филлипса справедлива для стран Южной Азии. Между уровнями безработицы и загрязнения окружающей среды корреляция отрицательная (Tariq et al., 2022).

В работе (Nasımoğlu, 2023) проверяется гипотеза экологической кривой Филлипса на основе изучения взаимосвязи между уровнем загрязнения окружающей среды и уровнем безработицы в странах Next-11. В качестве показателя загрязнения окружающей среды использовался экологический след. Выявлено, что в странах Next-11 между загрязнением окружающей среды и безработицей корреляция отрицательная. Таким образом, гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается.

В другом исследовании проверяется справедливость гипотезы экологической кривой Филлипса для стран БРИКС. Набор данных охватывает период с 1990 по 2020 год. Показатель выбросов CO_2 использовался в качестве индикатора загрязнения окружающей среды. В дополнение в модель включены показатели неопределенности экономической политики, использования возобновляемых источников энергии, финансового развития, технического прогресса и природной ренты. По результатам исследования определено, что занятость и развитие финансовой сферы в странах БРИКС увеличивают показатель выбросов CO_2 , а использование возобновляемых источников энергии и неопределенность экономической политики снижают (Durani et al., 2023).

В работе (Addison et al., 2024) изучается взаимосвязь между показателями качества окружающей среды и уровнем безработицы в Гане. Анализ методом авторегрессии и распределенного лага был проведен на основе данных, охватывающих период с 1990 по 2019 год. Согласно результатам анализа, влияние общего уровня безработицы, уровня безработицы среди женщин и безработицы среди мужчин на качество окружающей среды различно. Таким образом, гипотеза экологической кривой Филлипса была опровергнута для Ганы (Addison et al., 2024).

В работе (Yavuz et al., 2024) проверяется справедливость гипотезы экологической кривой Филлипса для Турции. Авторами использовался условный коэффициент нагрузки на биоемкость (load capacity factor; рассчитывается как отношение биоемкости к экологическому следу), а не выбросов углекислого газа или экослед. Таким образом, исследование было сосредоточено на качестве окружающей среды, а не на ее загрязнении. Набор данных охватывал период с 1982 по 2022 год. В качестве метода была применена модель авторегрессии и распределенного лага, дополненная рядами Фурье. Результаты анализа подтверждают гипотезу экологической кривой Филлипса для Турции (Yavuz et al., 2024).

В исследовании (Kinnunen et al., 2024) гипотеза кривой Филлипса рассматривается применительно к Финляндии. Данные, охватывающие период с 1990 по 2022 год, анализировались методом авторегрессии и распределенного лага. В дополнение к уровню безработицы в модель включены показатели потребления энергии от возобновляемых источников, урбанизации и ВВП на душу населения. Установлено, что гипотеза экологической кривой Филлипса для Финляндии неверна (Kinnunen et al., 2024).

В работе (Daştan, Eygü, 2024) проверяется справедливость гипотез экологической кривой Кузнеця и экологической кривой Филлипса для Турции. Метод авторегрессии и распределенного лага, дополненный рядами Фурье, был применен на данных, полученных в Турции за период с 1980 по 2018 год. Экологический след включен в модель в качестве показателя загрязнения окружающей среды. Согласно результатам анализа, обе гипотезы справедливы для Турции. Кроме того, в то время как урбанизация, которая является одной из независимых переменных модели, помогает улучшить качество окружающей среды, природная рента ухудшает его, поскольку увеличивает экологический след (Daştan, Eygü, 2024).

В исследовании (Golkhandan, 2024) изучается взаимосвязь между загрязнением окружающей среды и безработицей в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Проведен анализ, охватывающий данные по 11 странам за период с 2000 по 2022 год. В качестве показателя загрязнения окружающей среды взят условный коэффициент нагрузки на биоем-

кость. По этой причине в ходе исследования также была проверена гипотеза кривой этого коэффициента. Автор пришел к выводу, что гипотеза экологической кривой Филлипса не может быть опровергнута в рассматриваемых странах. Анализ причинно-следственных связей на панельных данных показал, что между уровнем безработицы и условным коэффициентом нагрузки на биоемкость существует двусторонняя причинно-следственная связь (Golkhandan, 2024).

В исследовании (Azimi, Rahman, 2024) с применением методов распределенного лага с коррекцией межпространственной зависимости (CS-ARDL), вейвлет-когерентности и вейвлет-причинности проверяется справедливость гипотезы экологической кривой Филлипса для стран G7. В качестве индикатора загрязнения окружающей среды использовался показатель выбросов CO_2 . Набор данных охватывает период с 1990 по 2022 год. Полученные результаты показывают, что гипотеза справедлива для стран G7.

Также гипотеза экологической кривой Филлипса для стран G7 рассматривается в исследовании (Ayad, Djedaïet, 2024). В нем, в отличие от (Azimi, Rahman, 2024), в качестве экологического показателя использовался условный коэффициент нагрузки на биоемкость. Соответственно, в ходе исследования строилась не только экологическая кривая Филлипса, но и кривая этого коэффициента. Согласно результатам анализа, проведенного методом объединенных групповых средних (PMG-ARDL) и методом распределенного лага с коррекцией межпространственной зависимости, обе гипотезы справедливы для стран G7 (Ayad, Djedaïet, 2024).

В работе (Sahin et al., 2025) используются данные 10 развивающихся стран с самыми высокими выбросами углекислого газа для проверки гипотезы экологической кривой Филлипса за период с 1990 по 2019 год. С помощью анализа методом авторегрессии распределенного лага авторы обнаружили обратную взаимосвязь между уровнем безработицы и ухудшением состояния окружающей среды. Таким образом, для рассматриваемых стран гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается (Sahin et al., 2025).

В исследовании (Koşuncu Çakmak et al., 2025) проверяется гипотеза экологической кривой Филлипса для развитых и развивающихся стран за 1990 по 2020 год. Согласно результатам анализа, гипотеза экологической кривой Филлипса опровергается как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе в странах с высоким уровнем дохода. Однако в странах с уровнем дохода выше и ниже среднего она подтверждается (Koşuncu Çakmak et al., 2025).

Результаты исследований, описанные выше, обобщены в *таблице 1*. Согласно представленным данным, гипотеза экологической кривой Филлипса в целом подтверждается, при этом сокращается число стран, где она опровергается.

Материалы и методы

В данном исследовании для анализа корреляции между показателями безработицы и загрязнения окружающей среды в долгосрочной перспективе в России был использован метод граничных значений авторегрессии и распределенного лага с преобразованием Фурье. Анализ охватывает период с 1992 по 2022 год. Показатели выбросов углекислого газа использовались как индикатор загрязнения окружающей среды и в качестве зависимой переменной. Независимой переменной является уровень безработицы. Кроме того, в качестве контрольных переменных в модель были добавлены показатели экономического роста, совокупного объема энергоснабжения и уровня урбанизации. При анализе производилось логарифмирование переменных. Модель, которая была создана на основе исследований (Kashem, Rahman, 2020; Kinnunen et al., 2024; Daştan, Eygü, 2024), представлена в уравнении (1).

$$CO_{2t} = \beta_0 + \beta_1 GDP_t + \beta_2 ES_t + \beta_3 URB_t + \beta_4 UNP_t + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где: CO_2 — выбросы углекислого газа (тонн на душу населения); GDP — экономический рост (ВВП на душу населения в постоянных ценах 2015 года, долл. США); ES — совокупный объем энергоснабжения (млн т. условного топлива); URB — уровень урбанизации (% от общей численности населения); UNP — уровень безработицы (% от рабочей силы); ε_t — случайное отклонение. В *таблице 2* приведено описание переменных и источников данных.

Таблица 1. Исследования, проверяющие гипотезу экологической кривой Филлипса

Автор, год	Страна	Метод	Результаты
(Kashem, Rahman, 2020)	30 развитых стран	Метод наименьших квадратов (OLS)	Гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается для развитых стран
(Bhowmik et al., 2022)	США	Метод авторегрессии и распределенного лага (ARDL)	Гипотеза экологической кривой Филлипса со временем подтверждается, но не в краткосрочном периоде
(Tanveer et al., 2022)	Пакистан	Метод авторегрессии и распределенного лага (ARDL)	Гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается для Пакистана
(Tariq et al., 2022)	Страны Южной Азии	Метод авторегрессии и распределенного лага на панельных данных (Panel ARDL)	Гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается для стран Южной Азии
(Hacıııımođlu, 2023)	Страны Next-11	Метод расширенных групповых средних (AMG), метод динамических общих эффектов корреляции (DCCE)	Гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается
(Durani et al., 2023)	Страны БРИКС + Турция	Полностью модифицированный метод наименьших квадратов (FMOLS), динамический метод наименьших квадратов (DOLS)	Гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается для стран БРИКС и Турции
(Addison et al., 2024)	Гана	Метод авторегрессии и распределенного лага (ARDL)	Гипотеза экологической кривой Филлипса опровергается для Ганы
(Yavuz et al., 2024)	Турция	Метод авторегрессии и распределенного лага, дополненный рядами Фурье (A-ARDL)	Гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается для Турции
(Kinnunen et al., 2024)	Финляндия	Метод авторегрессии и распределенного лага (ARDL)	Гипотеза экологической кривой Филлипса опровергается для Финляндии
(Dařtan, Eygü, 2024)	Турция	Метод авторегрессии и распределенного лага, дополненный рядами Фурье (A-ARDL)	Гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается для Турции
(Golkhandan, 2024)	11 стран Ближнего Востока и Северной Африки	Метод авторегрессии и распределенного лага с использованием метода объединенных групповых средних (PMG-ARDL), метод нелинейной авторегрессии и распределенного лага с использованием метода объединенных групповых средних (PMG-NARDL)	Гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается для исследуемых стран
(Azimi, Rahman, 2024)	Страны G7	Метод авторегрессии и распределенного лага с коррекцией межпространственной зависимости (CS-ARDL), вейвлет-когерентность, вейвлет-причинность	Гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается для стран G7
(Ayad, Djedalet, 2024)	Страны G7	Метод авторегрессии и распределенного лага с использованием метода объединенных групповых средних (PMG-ARDL), метод авторегрессии и распределенного лага с коррекцией межпространственной зависимости (CS-ARDL)	Гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается для стран G7
(Sahin et al., 2025)	10 развивающихся стран	Метод авторегрессии и распределенного лага на панельных данных (Panel ARDL)	Гипотеза экологической кривой Филлипса подтверждается для исследуемых стран
(Koyuncu Çakmak et al., 2025)	Развитые и развивающиеся страны	Метод динамической авторегрессии и распределенного лага на панельных данных (Dynamic Panel ARDL)	В странах с высоким уровнем дохода гипотеза экологической кривой Филлипса опровергается как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде. Однако она подтверждается для стран с уровнем дохода выше и ниже среднего
Источник: составлено авторами.			

Таблица 2. Описание переменных

Сокращение	Переменная	Единица измерения	Источник
CO ₂	Выбросы CO ₂	Тонн на душу населения	Всемирный банк
GDP	Экономический рост	ВВП на душу населения в постоянных ценах 2015 года, долл. США	Всемирный банк
ES	Совокупный объем энергоснабжения	Млн т условного топлива	ОЭСР
URB	Уровень урбанизации	Городское население (% от общей численности населения)	Всемирный банк
UNP	Уровень безработицы	% от рабочей силы	Всемирный банк
Источник: составлено авторами.			

При анализе временных рядов важно изучить характеристики стационарности ряда. Классические тесты на единичный корень (расширенный тест Дики – Фуллера, ADF) могут давать ошибочные результаты при наличии структурных разрывов в ряду. Объяснительная сила тестов при этом снижается, особенно если структурные разрывы не являются внезапными, имеют плавный переход или меняются с течением времени. Для того чтобы решить эту проблему, в исследовании (Christopoulos, León-Ledesma, 2010) был разработан тест на единичный корень в виде расширенного теста Дики – Фуллера, дополненного рядами Фурье. Данный тест является расширенной версией традиционного ADF-теста и направлен на более четкое отображение возможных структурных разрывов и нестационарных составляющих временного ряда. Тест гибко моделирует детерминированный тренд, используя члены ряда Фурье. Кроме того, он позволяет вносить структурные изменения в модель, не требуя предварительного знания количества, местоположения и формы разрывов (Enders, Lee, 2012). Ряды Фурье обладают высокой способностью выявлять потенциально сложные тенденции и сезонность. Таким образом, данный подход является более гибким, чем традиционные линейные или полиномиальные тренды (Gallant, Souza, 1991). Расширенный тест Дики – Фуллера, дополненный рядами Фурье, основан на приведенной ниже регрессионной модели:

$$\Delta y_t = \alpha_0 + \alpha_1 t + \sum_{k=1}^n \left[\gamma_1 \sin\left(\frac{2\pi kt}{T}\right) + \gamma_2 \cos\left(\frac{2\pi kt}{T}\right) \right] + \rho y_{t-1} + \sum_{i=1}^p \beta_i \Delta y_{t-i} + \varepsilon_t, \quad (2)$$

где: $\Delta y_t = y_t - y_{t-1}$ – первые разности авторегрессионного процесса первого порядка; t – временной тренд; k – определенная частота; T – количество наблюдений; $\sin\left(\frac{2\pi kt}{T}\right)$ и $\cos\left(\frac{2\pi kt}{T}\right)$ –

члены ряда Фурье; ρ – коэффициент авторегрессии; p – количество разностей с лагом, ε_t – случайное отклонение. Основная цель теста – проверить нулевую гипотезу $\rho = 0$. Если нулевая гипотеза отвергается, то делается вывод, что ряд не содержит единичных корней и, следовательно, является стационарным. В модель были добавлены члены ряда Фурье, чтобы учесть возможные структурные разрывы и нелинейные изменения в ряду. Количество частот (k) определяется эмпирически и обычно выбирается на основе информационных критериев или значимости критериальной статистики (Christopoulos, León-Ledesma, 2010).

Метод авторегрессии и распределенного лага, дополненный рядами Фурье, был разработан для анализа долгосрочных корреляций между переменными и направлен на преодоление некоторых ограничений традиционного метода авторегрессии и распределенного лага. Стандартный метод граничных значений авторегрессии и распределенного лага (Pesaran et al., 2001) может быть недостаточно надежен, особенно при наличии нестационарных структурных изменений, что затрудняет точное определение долгосрочной корреляции с помощью модели. Кроме того, традиционная авторегрессионная модель распределенного лага имеет существенные недостатки, например требует, чтобы зависимой была переменная $I(1)$, и игнорирует дегенеративные элементы и структурные разрывы, которые могут возникнуть при включении в модель большого количества независимых переменных. Преодолеть эти ограничения позволяет дополненный метод авторегрессии и распределенного лага, разработанный в исследованиях (McNown et al., 2018; Sam, 2019), способный выявлять дегенеративные элементы с помощью теста $F_{\text{в}}$ уровней независимых переменных с лагом. Помимо этого, существует метод авторегрессии и распределенного лага, до-

полненный рядами Фурье, который интегрирует в эту структуру члены ряда Фурье, позволяя моделировать структурные разрывы с особенно плавными переходами, что значительно повышает гибкость модели (Enders, Lee, 2012; Yilanci et al., 2020; Syed et al., 2023; Apergis et al., 2023).

Благодаря такой усовершенствованной структуре метод авторегрессии и распределенного лага, дополненный рядами Фурье, не только учитывает структурные разрывы, но и обеспечивает гибкость при работе с различными уровнями стационарности. Это очень полезная функция, особенно при анализе временных рядов в сложных экономических системах. Данный метод также позволяет эффективно решать проблемы, возникающие в традиционных авторегрессионных моделях распределенного лага, такие как малый размер выборки и низкая мощность критерия. Бутстреп-метод, используемый в модели с рядами Фурье, позволяет более надежно оценить значимость критериальной статистики и устранить неопределенности, возникающие в критериях, основанных на асимптотических критических значениях (Wu et al., 2022; Lin, Wu, 2022). Эта модель может дать более надежные теоретические и эмпирические результаты (Kumar, Patel, 2024).

В результате метод авторегрессии и распределенного лага, дополненный рядами Фурье, выделяется своими преимуществами, такими как способность гибко моделировать структурные разрывы, работать с рядами различной степени интеграции и обеспечивать высокую мощность критерия даже на небольших выборках (Nazir, 2024; Goh et al., 2017). Таким образом, при анализе временных рядов можно исключить потенциальную возможность наличия структурных разрывов, которые могли бы негативно повлиять на надежность стандартных тестов на коинтеграцию и результаты традиционной авторегрессионной модели распределенного лага, и проанализировать взаимосвязи между переменными на более устойчивой основе (Yilanci et al., 2020; Bozatlı, Akça, 2024). Метод авторегрессии и распределенного лага, дополненный рядами Фурье, отличается от аналогичных моделей своей способностью гибко представлять структурные изменения в модели, не требуя каких-либо предварительных знаний о времени этих изменений. Такая гибкость

позволяет исследователям проводить более точный и достоверный анализ, особенно в экономических системах, испытывающих внезапные изменения режима, что дает возможность создавать более точные прогнозы для лиц, ответственных за разработку политики и принятие решений (Georgescu, Kinnunen, 2024).

Модель, созданная в работе (Pesaran et al., 2001) на основе уравнения (1), выглядит следующим образом:

$$\Delta CO2_t = \alpha_0 + \sum_{i=1}^k \beta_i \Delta CO2_{t-i} + \sum_{i=1}^l \gamma_i \Delta GDP_{t-i} + \sum_{i=1}^m \delta_i \Delta ES_{t-i} + \sum_{i=1}^n \varphi_i \Delta URB_{t-i} + \sum_{i=1}^p \theta_i \Delta UNP_{t-i} + \lambda_1 \Delta CO2_{t-1} + \lambda_2 \Delta GDP_{t-1} + \lambda_3 \Delta ES_{t-1} + \lambda_4 \Delta URB_{t-1} + \lambda_5 \Delta UNP_{t-1} + \varepsilon_t \quad (3)$$

где: — постоянный коэффициент; Δ — первые разности; $\beta_i, \gamma_i, \delta_i, \varphi_i, \theta_i$ — краткосрочные коэффициенты; λ_i ($i = 1, 2, 3, 4, 5$) — долгосрочные коэффициенты; k, l, m, n, p — длина лага в соответствии с информационным критерием Акаике (Akaike, 1979); ε_t — случайное отклонение.

М. Песаран с соавторами (Pesaran et al., 2001) представил два теста на коинтеграцию.

Т-критерий для зависимой переменной:

$$H_0: \lambda_1 = 0 \quad (4)$$

F_A -критерий для всех переменных:

$$H_0: \lambda_1 = \lambda_2 = \lambda_3 = \lambda_4 = \lambda_5 = 0. \quad (5)$$

В работе (Sam et al., 2019) был предложен F_B -критерий для уровней независимых переменных с лагом в модели авторегрессии и распределенного лага, дополненной рядами Фурье, для подкрепления результатов t- и F-критериев.

F_B -критерий для независимых переменных:

$$H_0: \lambda_2 = \lambda_3 = \lambda_4 = \lambda_5 = 0. \quad (6)$$

В исследовании (Sam et al., 2019) были предложены данные три инструмента для определения коинтеграции, некоинтеграции и дегенерации (t-критерий, F_A -критерий, F_B -критерий). Если они опровергают гипотезу H_0 , существует коинтеграция. В дополненном методе авторегрессии и распределенного лага в модель была добавлена детерминированная составляющая в уравнении (7), чтобы учесть разрывы при плавных переходах. В итоге было получено уравнение (8) (Yilanci et al., 2020).

$$d(t) = \gamma_1 \sin\left(\frac{2\pi kt}{T}\right) + \gamma_2 \cos\left(\frac{2\pi kt}{T}\right). \quad (7)$$

$$\Delta CO2_t = \alpha_0 + \gamma_1 \sin\left(\frac{2\pi kt}{T}\right) + \gamma_2 \cos\left(\frac{2\pi kt}{T}\right) + \sum_{i=1}^k \beta_i \Delta CO2_{t-i} + \sum_{i=1}^l \gamma_i \Delta GDP_{t-i} + \sum_{i=1}^m \delta_i \Delta ES_{t-i} + \sum_{i=1}^n \varphi_i \Delta URB_{t-i} + \sum_{i=1}^p \theta_i \Delta UNP_{t-i} + \lambda_1 \Delta CO2_{t-1} + \lambda_2 \Delta GDP_{t-1} + \lambda_3 \Delta ES_{t-1} + \lambda_4 \Delta URB_{t-1} + \lambda_5 \Delta UNP_{t-1} + \varepsilon_t \quad (8)$$

В уравнении (8): $\pi = 3,14$ — постоянная величина; k — количество выбранных конкретных частот; t — тренд; T — количество наблюдений.

В ходе исследования сначала были проанализированы описательные статистические данные по переменным (табл. 3). Самое высокое математическое ожидание — у переменной GDP (8,901), самое низкое — у переменной UNP (1,931). Самое высокое стандартное отклонение — у UNP (0,317), самое низкое — у URB (0,007). Это говорит о том, что уровень урбанизации довольно стабилен по всей выборке. Значения коэффициента асимметрии указывают направление и степень отклонения от симметричных распределений переменных. Например, положительная асимметрия переменной URB (1,214) указывает на то, что распределение смещено вправо, в то время как отрицательная асимметрия GDP (-0,446) указывает на смещение влево. Величина коэффициента эксцесса GDP равна 1,594; следовательно, распределение плосковершинное. Тест Харке — Бера и Р-значение позволяют определить, имеют ли переменные нормальное распределение.

Низкое Р-значение у переменной URB (0,021) указывает на то, что эта переменная значительно отклоняется от нормального распределения. Поскольку Р-значения других переменных превышают 5-процентный уровень значимости, гипотеза о нормальном распределении этих переменных не может быть опровергнута.

Матрица коэффициентов корреляции (табл. 4) отражает взаимосвязи между переменными. Согласно матрице, между рассмотренными макроэкономическими переменными существуют значительные линейные зависимости. В частности, сильная положительная корреляция между совокупным объемом энергоснабжения и выбросами CO₂ ($r = 0,906$) подтверждает известную гипотезу о взаимосвязи развития энергетического комплекса и уровня загрязнения окружающей среды. Положительные корреляции между показателями ВВП и выбросов CO₂, а также между показателями ВВП и совокупного объема энергоснабжения (соответственно, $r = 0,563$ и $r = 0,725$) указывают на то, что экономический рост может оказывать воздействие на окружающую среду. Значительная отрицательная корреляция между уровнем безработицы и остальными переменными позволяет предположить, что существует вероятность снижения уровня безработицы по мере улучшения экономических показателей и

Таблица 3. Описательная статистика переменных

Переменная	CO ₂ (тонн на душу населения)	GDP (ВВП на душу насе- ления в постоянных ценах 2015 года, долл. США)	ES (млн т условного топлива)	URB (городское население, % от общей числен- ности населения)	UNP (% от рабочей силы)
Математическое ожидание	2,411	8,901	6,529	4,301	1,931
Медиана	2,422	9,034	6,534	4,298	1,883
Максимальное значение	2,581	9,231	6,712	4,319	2,585
Минимальное значение	2,295	8,415	6,377	4,295	1,352
Стандартное отклонение	0,067	0,284	0,088	0,007	0,317
Коэффициент асимметрии	0,32	-0,446	0,302	1,214	0,422
Коэффициент эксцесса	3,063	1,594	2,297	3,32	2,4
Значение статистики Харке — Бера	0,534	3,579	1,111	7,747	1,383
Р-значение	0,766	0,167	0,574	0,021	0,501

Источник: расчеты авторов.

Таблица 4. Матрица коэффициентов корреляции

	CO ₂	GDP	ES	URB	UNP
CO ₂	1,000				
GDP	0,563	1,000			
ES	0,906	0,725	1,000		
URB	0,458	0,751	0,749	1,000	
UNP	-0,829	-0,852	-0,915	-0,748	1,000

Источник: расчеты авторов.

увеличения потребления энергии. Полученные результаты подчеркивают необходимость более глубокого изучения потенциальных взаимосвязей и причинно-следственных связей между переменными с помощью эконометрического анализа.

Результаты

Для эмпирического определения стационарности рядов в исследовании в дополнение к традиционным тестам на единичный корень были применены современные подходы, учитывающие структурные разрывы. Для проверки рядов на стационарность и единичный корень использован расширенный тест Дики – Фуллера (Dickey, Fuller, 1981). Кроме того, для получения более надежных результатов за счет учета влияния возможных структурных изменений во временных рядах также применен тест Дики – Фуллера, дополненный рядами Фурье, предложенный в работе (Christopoulos, León-Ledesma, 2010). Результаты проверки на стационарность приведены в *таблице 5*.

Результаты теста Дики – Фуллера указывают на наличие нелинейных трендов в исследуемых рядах за все время, поскольку критерий Фишера превышает критическое значение в 5% (Becker et al., 2006). Однако результаты теста Дики – Фуллера, дополненного рядами Фурье, по этому же критерию показывают, что ни одна переменная не является стационарной на уровне, на котором учитывается критическое значение в 5%. Таким образом, переменные содержат единичный корень в их первоначальном виде, даже если учитывать слагаемые Фурье. Результаты традиционного теста Дики – Фуллера также подтверждают этот результат. Ни одна из переменных не является стационарной на уровне значимости 5%, но, когда берутся первые разности всех переменных, они становятся стационарными на уровне значимости 5%. Таким образом, результаты как теста с рядами Фурье, так и традиционного теста Дики – Фуллера показывают, что исследуемые переменные являются стационарными в своих первых разностях, т. е. I (1).

Таблица 5. Результаты тестов на единичный корень: расширенного Дики – Фуллера, дополненного рядами Фурье, и традиционного расширенного Дики – Фуллера

Переменная	Расширенный тест Дики – Фуллера, дополненный рядами Фурье			Расширенный тест Дики – Фуллера	
	Уровень			Уровень	Первая разность
	Частота (k)	Критериальная статистика	Критерий Фишера	Критериальная статистика	Критериальная статистика
CO ₂	1	-3,466	11,636	-2,499 (0,125)	-4,181 (0,002) ***
GDP	1	-0,944	63,820	-0,974 (0,748)	-3,332 (0,022) **
ES	1	-2,541	24,070	-1,345 (0,595)	-4,498 (0,001) ***
URB	1	-0,551	20,484	-2,354 (0,999)	-3,286 (0,025) **
UNP	1	-2,366	26,045	-0,729 (0,824)	-3,811 (0,007) ***
Критические значения	Статистика расширенного теста Дики – Фуллера, дополненного рядами Фурье			Критерий Фишера	
k: 1	%1 [4,43], %5 [3,85], %10 [3,52]			%1 [-6,730], %5 [-4,929], %10 [-4,133]	

Примечание: *** p < 0,01, ** p < 0,05, * p < 0,1.
Источник: расчеты авторов.

Следовательно, переменные подходят для анализа методом граничных значений авторегрессии и распределенного лага с преобразованием Фурье и можно изучить потенциальные долгосрочные взаимосвязи (коинтеграцию) между переменными.

Поскольку было определено, что ряды являются стационарными после взятия первой разности, при анализе долгосрочных корреляций между переменными использовался метод граничных значений авторегрессии и распределенного лага, дополненный рядами Фурье. Этот метод может применяться последовательно с разной степенью стационарности: $I(0)$ или $I(1)$. Более того, благодаря небольшим структурным разрывам, включенным в модель, можно получить более надежные результаты коинтеграции, учитывая влияние возможных экономических и политических изменений с течением времени (Aliyev et al., 2024).

В таблице 6 приведены результаты применения метода граничных значений авторегрессии и распределенного лага, дополненного рядами Фурье. Оптимальные значения лага, используемые в модели, указаны отдельно для зависимых и независимых переменных. В нашем исследовании показатель выбросов CO_2 выступает в качестве зависимой переменной, а все остальные переменные (ВВП, совокупный объем энергоснабжения, уровень урбанизации, уровень безработицы) являются независимыми. Частота Фурье (k) определяется как 1,3. Предполагается, что это значение отражает частоту возможных структурных разрывов и нелинейных перемещений в ряду.

В таблице 6 даны F_A -критерий (Narayan, 2005), t -критерий (Pesaran et al., 2001) и F_B -критерий (Sam et al., 2019). Значение F_A (45,543)

значительно превышает критические значения верхней границы (6,670, 4,774 и 3,994 соответственно) при уровнях значимости 1%, 5% и 10%, представленных как для $I(0)$, так и для $I(1)$. Исходя из результатов, нулевая гипотеза (об отсутствии долгосрочной взаимосвязи между переменными) решительно опровергается на всех уровнях значимости. Таким образом, существует долгосрочная взаимосвязь между показателями выбросов CO_2 и ВВП, совокупного объема энергоснабжения, уровня урбанизации и уровня безработицы.

T -критерий (-11,275) выходит за рамки верхних и нижних критических значений (соответственно, -3,43 и -4,60; -2,86 и -3,99; -2,57 и -3,66) при уровнях значимости 1%, 5% и 10% как для $I(0)$, так и для $I(1)$. Это означает, что коэффициент зависимой переменной (CO_2) не равен нулю и в значительной степени учитывается в долгосрочной модели.

F_B -критерий (49,809) — дополнительный F -критерий, примененный к независимым переменным с лагом для проверки дегенеративных состояний. Он также существенно превышает верхние критические значения (6,83, 4,70 и 3,84 соответственно) на всех уровнях значимости. Следовательно, в модели отсутствуют дегенеративные ситуации и полученные результаты коинтеграции являются надежными.

Таким образом, результаты применения метода граничных значений авторегрессии и распределенного лага с преобразованием Фурье доказывают существование статистически значимой и устойчивой долгосрочной взаимосвязи между показателями выбросов CO_2 и ВВП (GDP), совокупного объема энергоснабжения (ES), уровня урбанизации (URB) и уровня безработицы (UNP). Тот факт, что модель

Таблица 6. Результаты проверки на коинтеграцию модели авторегрессии и распределенного лага с преобразованием Фурье

Длина лага	Частота (k)			F_A			t -критерий	F_B
1, 0, 0, 0, 0	1,3			45,543***			-11,275***	49,809***
Табличные критические значения	Нижняя граница $I(0)$			Верхняя граница $I(1)$				
	%1	%5	%10	%1	%5	%10		
F_A	4,768	3,354	2,752	6,670	4,774	3,994		
t -критерий	-3,43	-2,86	-2,57	-4,60	-3,99	-3,66		
F_B	4,15	2,80	2,22	6,83	4,70	3,84		

Примечание: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Источник: расчеты авторов.

включает в себя ряды Фурье, означает, что при проверке существования этой долгосрочной взаимосвязи также учитываются возможные структурные разрывы. Высокие показатели F_A - и F_B -критериев означают, что результаты проверки на коинтеграцию надежны и в модели отсутствуют дегенеративные ситуации.

В таблице 7 приведены долгосрочные коэффициенты метода граничных значений авторегрессии и распределенного лага с преобразованием Фурье. Долгосрочный коэффициент ВВП (GDP) равен -0,241 на уровне значимости 1% ($p = 0,000$). Согласно полученным результатам, в России увеличение ВВП на 1% в конечном итоге приводит к снижению выбросов CO_2 примерно на 0,241%, при этом все остальные переменные остаются неизменными. Учитывая, что между показателями ВВП и выбросов CO_2 обычно ожидается прямая зависимость, полученный здесь отрицательный коэффициент вызывает интерес. Данная зависимость может быть вызвана такими факторами, как увеличение удельного веса менее загрязняющих отраслей в структуре промышленного производства по мере развития экономики, повышение энергоэффективности, развитие технологий или эффективность нормативно-правового регулирования в сфере охраны окружающей среды. Результаты отражают сложную зависимость между экономическим ростом и качеством окружающей среды и особенности ее динамики в отдельно взятой стране.

Долгосрочный коэффициент энергоснабжения (ES) составляет 0,663 на уровне значимости 1% ($p = 0,000$). Согласно модели, в долгосрочной перспективе увеличение совокупного объема энергоснабжения на 1% приводит к увеличению выбросов CO_2 примерно на 0,663%, при

этом другие переменные остаются неизменными. Учитывая, что производство и потребление энергии являются одними из основных факторов, определяющих выбросы CO_2 , эта положительная и значимая зависимость была ожидаема. Так как экономика России является энергоемкой, а производство в значительной степени зависит от ископаемого топлива, то увеличение объема энергоснабжения напрямую приводит к повышению выбросов CO_2 . Данный результат подчеркивает важность мер по сокращению выбросов CO_2 , направленных на энергетический сектор.

Долгосрочный коэффициент уровня урбанизации (URB) равен 2,654, но этот коэффициент не является статистически значимым ($p = 0,156$). Хотя коэффициент положителен, нет достаточных доказательств того, что уровень урбанизации оказывает статистически значимое влияние на показатели выбросов CO_2 в долгосрочной перспективе в рамках модели, используемой в исследовании. Воздействие урбанизации на окружающую среду часто носит комплексный характер. С одной стороны, уровень урбанизации может привести к повышению уровня потребления энергии и показателей выбросов от транспорта, с другой стороны – способствовать развитию более эффективной инфраструктуры и систем общественного транспорта.

Долгосрочный коэффициент уровня безработицы (UNP) составляет 0,108 на уровне значимости 1% ($p = 0,001$). В долгосрочной перспективе, согласно модели, увеличение уровня безработицы на 1% сокращает выбросы CO_2 примерно на 0,108%, при прочих равных условиях, что отражает ожидаемую отрицательную взаимосвязь между показателями экономиче-

Таблица 7. Долгосрочные коэффициенты авторегрессионной модели распределенного лага, дополненной рядами Фурье

Модель: $CO_2 = f(GDP, ES, URB, UNP)$				
Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-критерий	P-значение
GDP	-0,241	0,061	-3,970	0,000***
ES	0,663	0,104	6,402	0,000***
URB	2,654	2,008	1,470	0,156
UNP	-0,108	0,031	-3,547	0,001***
Уравнение коинтеграции (-1)	-0,945	0,056	-16,719	0,000***
Примечание: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$. Источник: расчеты авторов.				

Таблица 8. Диагностические тесты

Тест	Статистика	P-значение
Харке – Бера	0,396	0,820
Множителей Лагранжа – Бреуша – Годфри	0,286	0,753
Бреуша – Пагана – Годфри	0,492	0,830
Рамсея	0,494	0,626
Cusum-тест: стабильный результат		CusumSq-тест: стабильный результат
Источник: расчеты авторов.		

ской деятельности и уровнем загрязнения окружающей среды. Результаты анализа подтверждают гипотезу экологической кривой Филлипса для России. Согласно гипотезе экологической кривой Филлипса, зависимость между уровнем безработицы и уровнем загрязнения окружающей среды отрицательная. Экономический спад или замедление темпов экономического роста могут влиять на состояние окружающей среды. Вывод о том, что экологическая кривая Филлипса справедлива для России, согласуется с результатами проведенных ранее исследований (Kashem, Rahman, 2020; Bhowmik et al., 2022; Tanveer et al., 2022; Tariq et al., 2022; Naciimamoglu, 2023; Durani et al., 2023; Yavuz et al., 2024; Daştan, Eygü, 2024; Golkhandan, 2024; Azimi, Rahman, 2024; Ayad, Djedaïet, 2024; Sahin et al., 2025; Koyuncu Çakmak et al., 2025).

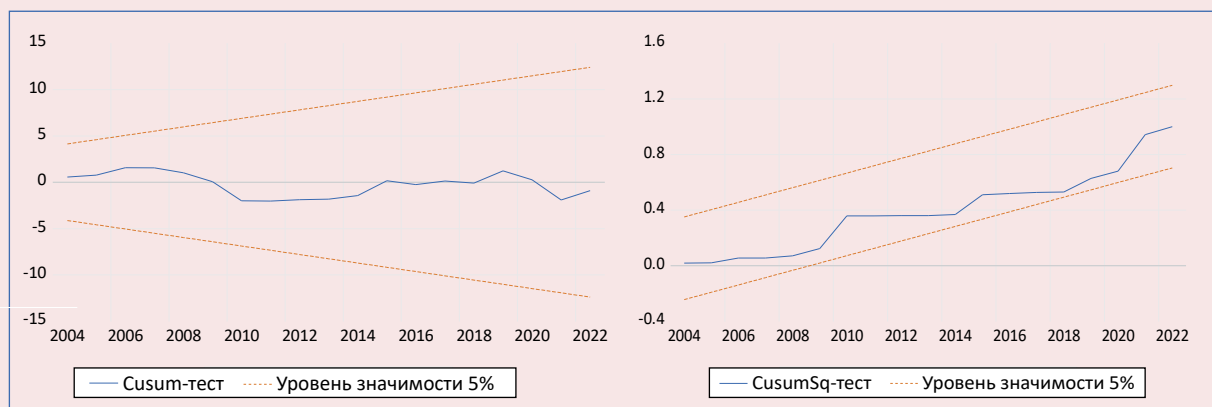
Коэффициент коррекции ошибок в модели равен -0,945 и является значимым на уровне 1%, т. е. между переменными в модели существует сильная долгосрочная взаимосвязь. Примерно 94,5% отклонений, возникающих в краткосрочной перспективе, корректируют-

ся в последующий период, и система быстро приближается к долгосрочному равновесию. Результаты исследования показывают, что в России необходимо добиваться устойчивого роста путем наращивания инвестиций в энергоэффективность и зеленые технологии в энергетической отрасли.

Результаты диагностических тестов, приведенные в *таблице 8*, свидетельствуют о надежности и значимости авторегрессионной модели распределенного лага, дополненной рядами Фурье. Тест Харке – Бера показал, что остаточные члены распределены нормально, тест множителей Лагранжа – Бреуша – Годфри говорит об отсутствии в модели автокорреляции, а тест Бреуша – Пагана – Годфри свидетельствует об отсутствии гетероскедастичности. Тест Рамсея показал, что спецификация модели правильная.

Стабильные результаты тестов Cusum и CusumSq (*рисунк*) указывают на то, что коэффициенты модели оставались постоянными с течением времени и структурных изменений не было. Таким образом, оцениваемая модель является статистически устойчивой и надежной.

Графики тестов Cusum и CusumSq

Выводы и рекомендации

Согласно гипотезе экологической кривой Филлипса, между уровнем безработицы и уровнем загрязнения окружающей среды существует обратная зависимость. В данном исследовании гипотеза экологической кривой Филлипса была рассмотрена на примере России с применением метода авторегрессии и распределенного лага, дополненного рядами Фурье. Использованы данные по стране, охватывающие период с 1992 по 2022 год. Зависимой переменной выступил показатель выбросов CO_2 , который используется в модели в качестве показателя загрязнения окружающей среды. Независимыми переменными являются показатели уровня безработицы, уровня урбанизации, совокупного объема энергоснабжения и экономического роста. Согласно результатам анализа, для России гипотеза экологической кривой Филлипса справедлива, то есть существует обратная зависимость между уровнем безработицы и уровнем загрязнения окружающей среды. Помимо этого, найдена обратная зависимость между темпами экономического роста и уровнем загрязнения окружающей среды. Согласно модели, ускорение экономического роста снижает уровень загрязнения окружающей среды, однако процесс урбанизации и увеличение совокупного объема энергоснабжения могут его повысить.

Снижение уровня безработицы и уменьшение уровня загрязнения окружающей среды являются приоритетными целями для многих стран. Однако, согласно гипотезе экологической кривой Филлипса, невозможно достичь двух этих целей одновременно. Наиболее оптимальным шагом в этом направлении является совершенствование политики в области занятости с учетом экологических целей. Среди возможных мер можно выделить увеличение инвестиций в возобновляемые источники энергии, особенно в регионах с высоким уровнем безработицы, расширение производства в тех секторах, которые не приводят к повышению уровня загрязнения окружающей среды. Возможно изменение структуры занятости благодаря перетоку кадров из секторов экономики, вызывающих сильное загрязнение, в более благоприятные для экологии сектора. Этот процесс требует времени и должен осуществляться постепенно.

Для его успешного завершения необходимо осуществлять долгосрочное планирование и четко прописывать этапы процесса.

В последние годы в соответствии с целями устойчивого развития, создания зеленой экономики появились новые профессии, называемые зелеными рабочими местами. Они обеспечивают соблюдение прав работника и возможность заниматься производственной деятельностью, в которой важное значение придается защите окружающей среды. В связи с этим разработка политики занятости, ориентированной на создание зеленых рабочих мест, в России может стать важным шагом в борьбе с загрязнением окружающей среды. Поскольку они требуют от работника определенной квалификации, экологической грамотности, технических знаний, умений творчески мыслить и работать в команде, способности быстро адаптироваться к новым условиям, может потребоваться приведение системы образования в соответствие этим требованиям. Производителей, создающих зеленые рабочие места, необходимо поддерживать, например, предоставлять компаниям, использующим экологически чистые технологии производства, налоговые льготы. Инвесторам, собирающимся вложиться в зеленые технологии и системы производства, следует оказывать финансовую поддержку, поскольку преобразование производственных систем и внедрение экологически чистых технологий в производственный процесс требуют больших затрат. Для покрытия этих расходов производителям могут быть предложены долгосрочные кредиты на приемлемых условиях. Поскольку предприятиям частного сектора трудно самостоятельно обеспечить необходимые инвестиции, следует разработать методы, способствующие расширению сотрудничества между государственным и частным секторами. Необходимо увеличить число компаний, для которых характерны высокая энергоэффективность, низкая природоемкость и широкое использование возобновляемых источников энергии. Так можно повысить качество окружающей среды и создать новые рабочие места.

Также в рамках политики устойчивого развития должна быть увеличена доля возобновляемых источников энергии в общем объеме энергоснабжения.

Хотя уровень урбанизации положительно коррелирует с уровнем загрязнения окружающей среды, зависимость статистически незначима. Несмотря на это, реорганизация городской политики и обозначение приоритета в области создания зеленых городов — чрезвычайно важные направления для устойчивого развития. Такие города более пригодны для жизни. В них возобновляемые источники энергии обеспечивают работу транспортной системы, накопленные отходы преобразуются в энергию, сокращено потребление воды, дождевая вода хранится и эффективно используется, растет количество электромобилей. Распространение зеленых городов может снизить негативное влияние процессов урбанизации на окружающую среду. В то же время в рамках осуществления проектов зеленых городов можно создать множество но-

вых рабочих мест и, вследствие этого, способствовать борьбе с безработицей.

Таким образом, обратная зависимость между уровнем безработицы и уровнем загрязнения окружающей среды в России, подтверждающая гипотезу экологической кривой Филлипса, может быть использована в интересах страны при принятии надлежащих мер. Иными словами, выстраивание политики в сфере занятости в соответствии с принципами устойчивого развития может помочь бороться с загрязнением окружающей среды без увеличения уровня безработицы. Необходимо осуществлять аналогичные исследования и по регионам России. Дальнейшие исследования гипотезы экологической кривой Филлипса будут способствовать более глубокому изучению данного вопроса и восполнению пробелов в литературе.

Литература

- Abbass K., Song H., Mushtaq Z., Khan F. (2022). Does technology innovation matter for environmental pollution? Testing the pollution halo/haven hypothesis for Asian countries. *Environmental Science and Pollution Research*, 29(59), 89753–89771. DOI: 10.1007/s11356-022-21929-w
- Achuo E., Ojong N. (2025). Foreign direct investment, economic growth and environmental quality in Africa: Revisiting the pollution haven and environmental Kuznets curve hypotheses. *Journal of Economic Studies*, 52(4), 673–691. DOI: 10.1108/JES-02-2024-0065
- Adamowicz M. (2022). Green deal, green growth and green economy as a means of support for attaining the sustainable development goals. *Sustainability*, 14(10), 5901. DOI: 10.3390/su14105901
- Addison R., Akutchah E., Debrah G. (2024). Does the environmental Phillips curve hypothesis hold within the Ghanaian context? *Scientific African*, 26, e02400. DOI: 10.1016/j.sciaf.2024.e02400
- Adhikari R., Niroula B., Singh S.K. (2024). Navigating Nepal's economic growth and carbon emissions: Insights into the environmental Kuznets curve (EKC). *Nature Environment and Pollution Technology*, 23(3). DOI: 10.46488/NEPT.2024.v23i03.001
- Akaike H. (1979). A Bayesian extension of the minimum AIC procedure of autoregressive model fitting. *Biometrika*, 66(2), 237–242. DOI: 10.2307/2335654
- Al Numan A., Tahrim F., Esquivias M.A., Biswas M.K., Pramanthi M.R. (2025). Testing the pollution haven and inverted N-shaped EKC hypotheses in the ASEAN Region: The impact of FDI and energy mix on environmental quality. *Environmental and Sustainability Indicators*, 100698. DOI: 10.1016/j.indic.2025.100698
- Ali M.U., Wang Y. (2024). Pollution haven or pollution halo? The role of global value chains in Belt and Road economies. *Review of Development Economics*, 28(1), 168–189. DOI: 10.1111/rode.13041
- Aliyev F., Eylasov N., Gasim N., Şahinler A.N. (2024). Impact of nuclear energy consumption on CO2 emissions in South Korea: Evidence from Fourier Bootstrap ARDL Bound test. *Journal of Sustainable Development Issues*, 2(1), 51–66. DOI: 10.62433/josdi.v2i1.23
- Amankwa R.F., Yiadom E.B., Acheampong E., Mawutor J.K. (2024). Climate change mitigation with Eurobonds: An Environmental Kuznets Curve analysis. *Cogent Economics and Finance*, 12(1), 2312782. DOI: 10.1080/23322039.2024.2312782
- Apergis N., Degirmenci T., Aydin M. (2023). Renewable and non-renewable energy consumption, energy technology investment, green technological innovation, and environmental sustainability in the United States: Testing the EKC and LCC hypotheses with novel Fourier estimation. *Environmental Science and Pollution Research*, 30(60), 125570–125584. DOI: 10.1007/s11356-023-30901-1

- Ayad H., Djedaïet A. (2024). Does the unemployment rate matter for environmental issues in the G7 nations? New testing for the environmental Phillips curve using the load capacity factor. *Environment, Development and Sustainability*, 1–31. DOI: 10.1007/s10668-024-04956-0
- Azimi M.N., Rahman M.M. (2024). Examining the environmental Phillips curve hypothesis in G7 nations: Critical insights from wavelet coherence and wavelet causality analysis. *Quality and Quantity*, 1–31. DOI: 10.1007/s11135-024-01909-7
- Bagchi P., Sahu S.K. (2025). The conundrum of porter hypothesis, pollution haven hypothesis, and pollution halo hypothesis: Evidence from the Indian manufacturing sector. *Clean Technologies and Environmental Policy*, 27(1), 205–217. DOI: 10.1007/s10098-024-02886-z
- Balla S.M.E., Lokonon B.O.K. (2024). Pollution haven or pollution halo: Evidence in forestry in developing countries. *Journal of Forest Economics*, 39(2), 187–204. DOI: 10.1561/112.00000577
- Becker R., Enders W., Lee J. (2006). A stationarity test in the presence of an unknown number of smooth breaks. *Journal of Time Series Analysis*, 27(3), 381–409. DOI: 10.1111/j.1467-9892.2006.00478.x
- Bhowmik R., Syed Q.R., Apergis N., Alola A.A., Gai Z. (2022). Applying a dynamic ARDL approach to the Environmental Phillips Curve (EPC) hypothesis amid monetary, fiscal, and trade policy uncertainty in the USA. *Environmental Science and Pollution Research*, 29(10), 14914–14928. DOI: 10.1007/s11356-021-16716-y
- Biyase M., Kirsten F., Mbatha S., Ataro B. (2024). Remittance and carbon dioxide emissions in the Southern African Customs Union region: Is there a modified environmental Kuznets curve? *Sustainable Futures*, 8, 100315. DOI: 10.1016/j.sfr.2024.100315
- Bozatlı O., Akça H. (2024). Does the composition of environmental regulation matter for ecological sustainability? Evidence from Fourier ARDL under the EKC and LCC hypotheses. *Clean Technologies and Environmental Policy*, 26, 4305–4323. DOI: 10.1007/s10098-024-02838-7
- Christopoulos D.K., León-Ledesma, M.A. (2010). Testing for Granger (non-) causality in a time-varying coefficient VAR model. *Journal of Forecasting*, 29(4), 436–453. DOI: 10.1002/for.1060
- Dar Y.A., Malik M.H., Rasool H. (2025). Exploring the load capacity factor and pollution haven hypothesis in India: Analyzing energy security risk and financial development in an asymmetric framework. *Environmental Quality Management*, 34(4), e70091. DOI: 10.1002/tqem.70091
- Daştan M., Eygü H. (2024). An empirical investigation of the link between economic growth, unemployment, and ecological footprint in Turkey: Bridging the EKC and EPC hypotheses. *Environment, Development and Sustainability*, 26(7), 18957–18988. DOI: 10.1007/s10668-023-04106-y
- Dimanov D.K. (2024). Social and human costs of industrialization: A review of some negative effects on society during the first industrial revolution. *Knowledge-International Journal*, 62(1), 123–127.
- Dogaru L. (2020). The main goals of the fourth industrial revolution. renewable energy perspectives. *Procedia Manufacturing*, 46, 397–401. DOI: 10.1016/j.promfg.2020.03.058
- Durani F., Bhowmik R., Sharif A., Anwar A., Syed Q.R. (2023). Role of economic uncertainty, financial development, natural resources, technology, and renewable energy in the environmental Phillips curve framework. *Journal of Cleaner Production*, 420, 138334. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.138334
- Ekesiobi C., Emmanuel P.M., Mgbemena E. et al. (2025). Reconsidering the pollution haven hypothesis: An investigation of international trade, foreign direct investment, and carbon emission nexus in Nigeria. *Journal of Chinese Economic and Business Studies*, 23(2), 233–257. DOI: 10.1080/14765284.2024.2435227
- Enders W., Lee J. (2012). The flexible Fourier form and Dickey–Fuller type unit root tests. *Economics Letters*, 117(1), 196–199. DOI: 10.1016/j.econlet.2012.04.081
- Forson J.A. (2024). Public sector corruption, FDI and sustainable development in Africa: Does the pollution halo or haven hypothesis hold in Ghana? *Scientific African*, 26, e02442. DOI: 10.1016/j.sciaf.2024.e02442
- Gallant A.R., Souza G. (1991). Fitting flexible functional forms via semiparametric methods. *Journal of Econometrics*, 47(2–3), 269–290.
- Georgescu I., Kinnunen J. (2024). Dynamic interactions between GDP, renewable energy, innovation, and CO₂ emissions in Finland: A Fourier-augmented ARDL analysis. *Letters in Spatial and Resource Sciences*, 17(1), 27. DOI: 10.1007/s12076-024-00391-x
- Gogoi N., Hussain F. (2024). Investigating the environmental Kuznets curve hypothesis and pollution haven hypothesis in India: an ARDL approach. *International Journal of Sustainable Economy*, 16(1), 16–44. DOI: 10.1504/IJSE.2024.135199

- Goh S.K., Yong J.Y., Lau C.C., Tang T.C. (2017). Bootstrap ARDL on energy-growth relationship for 22 OECD countries. *Applied Economics Letters*, 24(20), 1464–1467. DOI: 10.1080/13504851.2017.1284980
- Golkhandan A. (2024). Asymmetric effect of unemployment on load capacity factor (LCF) in selected MENA countries: Analysis of the environmental Phillips curve (EPC) hypothesis. *New Economy and Trad*, 19(64), 133–173. DOI: 10.30465/jnet.2025.49103.2145
- Grossman G.M., Krueger A.B. (1991). Environmental impacts of a North American free trade agreement. *National Bureau of Economic Research*, w3914. DOI: 10.3386/w3914
- Hacııııamoğlu T. (2023). A new approach to sustainable development: Analysis of the environmental Phillips curve hypothesis. *Sosyoekonomi*, 31(56), 11–25. DOI: 10.17233/sosyoekonomi.2023.02.01
- Holtbrügge D., Raghavan N. (2025). Environmental effects of foreign direct investment in India: Pollution haven or pollution halo? Critical Perspectives on International Business. DOI: 10.1108/cpoib-06-2024-0064
- Horobet A., Belascu L., Radulescu M. et al. (2024). Exploring the nexus between greenhouse emissions, environmental degradation and green energy in Europe: A critique of the environmental Kuznets curve. *Energies*, 17(20), 5109. DOI: 10.3390/en17205109
- Kashem M.A., Rahman M.M. (2020). Environmental Phillips curve: OECD and Asian NICs perspective. *Environmental Science and Pollution Research*, 27, 31153–31170. DOI: 10.1007/s11356-020-08620-8
- Khalid W., Nawaz A., Gadou L.M.A., Khan S.U., Aybudak H.G. (2025). Examining short-run and long-run nexus between economic growth, financial development, energy consumption and environmental degradation: Empirical evidence for the Environmental Kuznets Curve Hypothesis in Egypt. *Asia-Pacific Journal of Regional Science*, 1–33. DOI: 10.1007/s41685-025-00371-z
- Kinnunen J., Georgescu I., Nica I. (2024). Evaluating the environmental Phillips Curve hypothesis in the STIRPAT framework for Finland. *Sustainability*, 16(11), 4381. DOI: 10.3390/su16114381
- Kolasa-Wiecek A., Steinberga I., Pilarska A.A., Suszanowicz D., Wzorek M. (2024). Study of the environmental Kuznets curve in the EU27 countries taking into account socio-economic factors and GHG and PM emissions. *Energies*, 18(1), 68. DOI: 10.3390/en18010068
- Koyuncu Çakmak T., Beşer M.K., Alola A.A. (2025). Environmental effect of high-, upper, and lower middle-income economies' energy mix: Is there a trade-off between unemployment and environmental quality? *Energy and Environment*, 36(2), 851–869. DOI: 10.1177/0958305X231187034
- Kumar N.N., Patel A. (2023). Modelling structural breaks in the tourism-led growth hypothesis. *Current Issues in Tourism*, 27(5), 701–709. DOI: 10.1080/13683500.2023.2245954
- Kumar P., Radulescu M., Sharma H., Belascu L., Serbu R. (2024). Pollution haven hypothesis and EKC dynamics: Moderating effect of FDI. A study in Shanghai Cooperation Organization countries. *Environmental Research Communications*, 6(11), 115032. DOI: 10.1088/2515-7620/ad9381
- Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*, 45(1), 1–28.
- Li H., Yang Z., Chen J. (2025). The impact of environmental pollution on China's economic growth from the perspective of health damage. *Frontiers in Public Health*, 13, 1562342. DOI: 10.3389/fpubh.2025.1562342
- Lin M.C., Wu C.F. (2022). Transportation, environmental degradation, and health dynamics in the United States and China: Evidence from bootstrap ARDL with a Fourier function. *Frontiers in Public Health*, 10, 907390. DOI: 10.3389/fpubh.2022.907390
- Magazzino C., Mele M., Drago C. et al. (2023). The trilemma among CO₂ emissions, energy use, and economic growth in Russia. *Scientific Reports*, 13(1), 10225. DOI: 10.1038/s41598-023-37251-5
- McNown R., Sam C.Y., Goh S.K. (2018). Bootstrapping the autoregressive distributed lag test for cointegration. *Applied Economics*, 50(13), 1509–1521. DOI: 10.1080/00036846.2017.1366643
- Menegaki A.N., Türel M., Soyly Ö.B. (2025). The environmental impact of tourism in E7 economies: Testing the Environmental Kuznets Curve. *Energy Sources, Part B: Economics, Planning, and Policy*, 20(1), 2479180. DOI: 10.1080/15567249.2025.2479180
- Mishra M., Das D., Laurinavicius A., Laurinavicius A., Chang B.H. (2025). Sectorial analysis of foreign direct investment and trade openness on carbon emissions: A threshold regression approach. *Journal of International Commerce, Economics and Policy*, 16(01), 2550003. DOI: 10.1142/S1793993325500036
- Murshed M. (2025). The relevance of scaling technological innovation finances for evading the carbon curse of mineral resources: Insights from Latin America and the Caribbean. *Mineral Economics*, 38(1), 159–175. DOI: 10.1007/s13563-024-00466-7

- Naqvi R.A., Almohsen B., Sohail A. (2025). Modeling the environmental Kuznets Curve: A stochastic approach using economic and climate data. *Journal of Environmental Management*, 373, 123108. DOI: 10.1016/j.jenvman.2024.123108
- Narayan P.K. (2005). The saving and investment nexus for China: Evidence from cointegration tests. *Applied Economics*, 37(17), 1979–1990. DOI: 10.1080/00036840500278103
- Nazir S. (2024). From curse to blessing: A Fourier-augmented ARDL analysis of agriculture, geopolitics, and trade in South and Central Asia. *Letters in Spatial and Resource Sciences*, 17(19). DOI: 10.1007/s12076-024-00384-w
- Nica I., Georgescu I., Kinnunen J. (2025). Economic growth, innovation, and CO₂ emissions: Analyzing the environmental Kuznets curve and the innovation Claudia curve in BRICS countries. *Sustainability*, 17, 3507. DOI: 10.3390/su17083507
- Niu T., Wang P. (2024). The karmic debt of pollution haven hypothesis: Subnational environmental regulatory pressure and foreign divestment from an emerging market. *Journal of International Marketing*, 32(2), 33–48. DOI: 10.1177/1069031X231196254
- Odei S.A., Dunyo S.K., Anderson H.J. (2025). Research and development, economic growth, CO₂ emissions and environmental Kuznets curve. *Sustainable Futures*, 9, 100541. DOI: 10.1016/j.sft.2025.100541
- Osuntuyi B.V., Lean H.H. (2023). Environmental degradation, economic growth, and energy consumption: The role of education. *Sustainable Development*, 31(2), 1166–1177. DOI: 10.1002/sd.2480
- Padhan L., Bhat S. (2024). Pollution haven or pollution halo in the context of emerging economies: A two-step system GMM approach. *Environment, Development and Sustainability*, 1–21. DOI: 10.1007/s10668-024-05616-z
- Pesaran M.H., Shin Y., Smith R.J. (2001). Bounds testing approaches to the analysis of level relationships. *Journal of Applied Econometrics*, 16(3), 289–326. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2678547>
- Philbeck T., Davis N. (2018). The fourth industrial revolution. *Journal of International Affairs*, 72(1), 17–22.
- Porto N., Ciaschi M., Pitetti D., Camilletti C., Dal Bianco J. (2025). Tourism, exports, and the environmental Kuznets curve: New evidence from Latin America with implications for sustainable tourism. *Journal of Sustainable Tourism*, 1–21. DOI: 10.1080/09669582.2025.2484307
- Rabbi M.F., Abdullah M. (2024). Fossil fuel CO₂ emissions and economic growth in the Visegrád region: A study based on the environmental Kuznets curve hypothesis. *Climate*, 12(8), 115. DOI: 10.3390/cli12080115
- Rayhan I., Al Nahian M.A., Siddika A. (2020). Re-evaluating the environmental Kuznets curve and environmental Phillips curve in Bangladesh: An augmented ARDL bounds test approach with a structural break. *The Jahangirnagar Economic Review*, 31, 109–134.
- Sahin G., Naimoglu M., Kavaz I., Sahin A. (2025). Examining the environmental Phillips curve hypothesis in the ten most polluting emerging economies: Economic dynamics and sustainability. *Sustainability*, 17(3), 920. DOI: 10.3390/su17030920
- Sam C.Y., McNown R., Goh S.K. (2019). An augmented autoregressive distributed lag bounds test for cointegration. *Economic Modelling*, 80, 130–141. DOI: 10.1016/j.econmod.2018.11.001
- Shang L., Xu P. (2022). Can carbon emission regulation achieve a dual target of low carbon and employment? An empirical analysis based on China's provincial panel data. *Frontiers in Energy Research*, 10, 926443. DOI: 10.3389/fenrg.2022.926443
- Shastri S., Mohapatra G., Giri A.K. (2023). The Environmental Philips Curve from a gender perspective: Empirical evidence from India. *Environmental Science and Pollution Research*, 30(7), 17487–17496. DOI: 10.1007/s11356-022-23336-7
- Smolovic S., Zivanovic S., Abramovic N., Zivanovic M. (2023). Management of sustainable development and environmental protection. *Agora International Journal of Economical Sciences*, 17(2), 142–157. DOI: 10.15837/ajjes.v17i2.6452%0A
- Soti N., Kumar A., Gupta S., Batra V. (2024). Divergence or convergence: Trade globalization, regulatory and environmental quality in QUAD countries – a robust ARDL and decoupling index inquiry. *Management of Environmental Quality: An International Journal*, 35(7), 1650–1670. DOI: 10.1108/MEQ-10-2023-0374
- Sreenu N. (2025). Analysing FDI inflow effects on CO₂ emissions: A comparative study of OECD and BRICS nations with PHH and PHE models. *International Journal of Energy Sector Management*, 19(1), 80–100. DOI: 10.1108/IJESM-02-2024-0006
- Syed Q.R., Apergis N., Goh S.K. (2023). The dynamic relationship between climate policy uncertainty and renewable energy in the US: Applying the novel Fourier augmented autoregressive distributed lags approach. *Energy*, 278, 127383. DOI: 10.1016/j.energy.2023.127383

- Tanveer A., Song H., Faheem M., Chaudhry I.S. (2022). Validation of environmental Philips curve in Pakistan: A fresh insight through ARDL technique. *Environmental Science and Pollution Research*, 1–18. DOI: 10.1007/s11356-021-17099-w
- Tariq S., Mehmood U., Ul Haq Z., Mariam A. (2022). Exploring the existence of environmental Philips curve in South Asian countries. *Environmental Science and Pollution Research*, 29(23), 35396–35407. DOI: 10.1007/s11356-021-18099-6
- Wang Q., Li Y., Li R. (2024). Rethinking the environmental Kuznets curve hypothesis across 214 countries: The impacts of 12 economic, institutional, technological, resource, and social factors. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11(1), 1–19. DOI: 10.1057/s41599-024-02736-9
- Winter J. (2024). A historical perspective review of the environmental pollution. *Science Insights*, 44(2), 1253–1261. DOI: 10.15354/si.24.re916
- Wu C.F., Chang T., Wu T.P. et al. (2022). Impact of globalization on the environment in major CO₂-emitting countries: Evidence using bootstrap ARDL with a Fourier function. *Frontiers in Public Health*, 10, 907403. DOI: 10.3389/fpubh.2022.907403
- Yavuz E., Kilic E., Caglar A.E. (2024). A new hypothesis for the unemployment-environment dilemma: Is the environmental Phillips curve valid in the framework of load capacity factor in Türkiye? *Environment, Development and Sustainability*, 26(11), 29475–29492. DOI: 10.1007/s10668-023-04258-x
- Yilanci V., Bozoklu S., Gorus M.S. (2020). Are BRICS countries pollution havens? Evidence from a bootstrap ARDL bounds testing approach with a Fourier function. *Sustainable Cities and Society*, 55, 102035. DOI: 10.1016/j.scs.2020.102035

Сведения об авторах

Фатих Акин — PhD, доцент кафедры, Эрзинджанский университет Бинали Йылдырым, Профессиональная школа Рефахие (Турция, 24300, г. Эрзинджан, Рефахие, Район Бинали Йылдырым, 522-я улица, д. 5; e-mail: fatih.akin@erzincan.edu.tr)

Фергюль Озгюн — PhD, доцент кафедры, Стамбульский университет Нового Века (Турция, 34010, г. Стамбул, р-н Зейтинбурну, ул. Maltepe Caddesi, Yılanlı Ayazma Yolu, д. 26; e-mail: fergul.ozgun@yeniyuzyil.edu.tr)

Akin F., Özgün F.

The Environmental Phillips Curve hypothesis for Russia: The Relationship between the Levels of Environmental Pollution and Unemployment

Abstract. The environmental Phillips curve hypothesis reveals a negative relationship between unemployment and environmental pollution. In this study, we examined whether the environmental Phillips curve hypothesis is valid for Russia. In the analysis covering the period 1992–2022, Fourier Augmented ARDL approach was applied. CO₂ emissions, which are used as an environmental pollution indicator, are the dependent variable of the model. The independent variables are the unemployment rate, economic growth, total energy supply and urbanization rate. According to the results of the analysis, there is a negative relationship between the unemployment rate and environmental pollution in Russia. This result demonstrates that the environmental Phillips curve hypothesis is valid in Russia. Moreover, it was found that the increase in economic growth reduces environmental pollution. The effects of the total energy supply and urbanization on environmental pollution are positive. However, the effect of the urbanization rate on environmental pollution is statistically insignificant. Russia should harmonize its employment policies and environmental policies with each other. The share of renewable energy use and total energy supply should be increased, and green job policies should be established. By increasing employment opportunities in sectors that use environmentally friendly technologies, Russia can reduce environmental pollution without suffering high unemployment rates.

Key words: Environmental Phillips curve, unemployment, pollution, Russia.

Information about the Authors

Fatih Akin – PhD, Assistant Professor, Erzincan Binali Yıldırım University, Refahiye Vocational School (522nd Street, building 5, Binali Yıldırım Neighborhood, Refahiye, Erzincan, 24300, Türkiye; e-mail: fatih.akin@erzincan.edu.tr)

Fergül Özgün – PhD, Assistant Professor, İstanbul Yeni Yüzyıl University (26, Maltepe Caddesi, Yılanlı Ayazma Yolu, Zeytinburnu, İstanbul, 34010, Türkiye; e-mail: fergul.ozgun@yeniyyuzyl.edu.tr)

Статья поступила 19.05.2025.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.12

УДК 008:332.14(470)(510), ББК 71+65.14(2Рос)(5Кит)

© Шабунова А.А., Гань Гэньхуа, Калачикова О.Н.

Культура и традиции как драйверы развития территорий: опыт России и Китая

Александра Анатольевна

ШАБУНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: aas@volnc.ru

ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

Гань ГЭНЬХУА

Академия общественных наук провинции Цзянси

Институт местных архивов провинции Цзянси

Ассоциация местных архивов провинции Цзянси

Наньчан, Китай

e-mail: 1298620893@qq.com

Ольга Николаевна

КАЛАЧИКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: onk82@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4681-4344; ResearcherID: I-9562-2016

Для цитирования: Шабунова А.А., Гань Гэньхуа, Калачикова О.Н. (2025). Культура и традиции как драйверы развития территорий: опыт России и Китая // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 248–263. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.12

For citation: Shabunova A.A., Gan Genhua, Kalachikova O.N. (2025). Culture and traditions as drivers of territorial development: The experience of Russia and China. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 248–263. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.12

Аннотация. Работа раскрывает значимость культуры и традиций для развития территорий в ключевых проекциях интеграции культуры с туризмом и производством уникальной продукции, обладающей культурно-исторической и художественной ценностью. Доказано, что культурно-историческое наследие, которым обладает территория, способствует экономическому развитию через повышение ее туристической привлекательности и стимулирование потребительского спроса. Систематизированы актуальные примеры реализуемых в регионах России (Вологодская область) и Китая (провинция Цзянси) практик, основанных на культурном потенциале территории, не только способствующих экономическому развитию, но и обладающих социальным эффектом воспроизводства культурных образцов через социализацию, воспитание, знакомство с культурой с помощью вербальных и невербальных каналов трансляции информации. Анализ реализуемых направлений деятельности показал, что у Вологодской области и провинции Цзянси имеется значимый культурно-исторический потенциал для развития туризма и традиционных производств, большое внимание уделяется формированию традиционных ценностей, в том числе патриотизма, социальной консолидации и гражданской активности. В заключение очерчены общие для обеих территорий векторы государственной политики, ориентированной на дальнейшее развитие культурно-исторического потенциала и его реализации в экономике и при воспроизводстве национальных культур.

Ключевые слова: культура, связь культуры и экономики, культурно-историческое наследие, культурно-познавательный туризм, традиционные народные промыслы и ремесла, Россия, Китай, Вологодская область, провинция Цзянси.

Введение

Новый этап мирового развития, характеризующийся усилением ориентации на сохранение этнонационального суверенитета и идентичности на фоне значимых изменений, требует осмысления и поиска новых стартовых точек экономического роста и социальной стабильности. Е.В. Балацкий отмечает: «С 2022 года началась активная фаза деглобализации мира с присущей ей геополитической турбулентностью. В этот период многие страны, в той или иной степени находящиеся под давлением мирового гегемона (США), начинают использовать усиливающуюся неопределенность в целях отстаивания своего политического суверенитета и усиления своих геополитических и экономических позиций. Прежняя моноцентричность мира сменяется многополярностью, когда формируются новые региональные центры силы. Страны, которые смогут «оседлать» волну перемен, в дальнейшем перешагнут из периферии и полупериферии в группу государств ядра мирохозяйственной системы. И наоборот – некоторые страны ядра могут оказаться на обочине мировой истории» (Balatsky, Ekimova, 2023). В этих условиях особое значение приобретают научные исследования, обладающие релевантным теоретико-методологическим арсеналом

для выявления новых закономерностей и детерминант общественного развития.

Необходимость получения знания о новой социальной реальности исследователи связывают с созданием новых научных направлений и оснований общественного развития, таких как, например, социномика – наука о принципах и правилах конструирования социальных систем (Балацкий, 2022), ноономика – неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства (Бодрунов, 2018; Бодрунов, 2019).

В эмпирическом поле ведется поиск драйверов роста экономики среди малоизученных неэкономических факторов, определяемых в терминах «культура», «менталитет», «традиции» и т. п. Существует немало трудов о наличии связи экономики территорий и социокультурных особенностей населения с одной стороны и культуре как отрасли – с другой. Систематизацию таких исследований провела В.Ю. Музычук, которая отметила, что «в исследованиях экономистов культура выступает не в широком социокультурном контексте, а в узкопрофессиональном ключе: как она отражается на

экономическом развитии, экономических отношениях, экономическом поведении и т. д.» (Музычук, 2022), и выделила следующие подходы к культуре: культура как «остаточное явление», латентный фактор необъяснимых расхождений между теоретическими ожиданиями и реальными факторами, как регулятор экономического поведения и как предпочтение экономических агентов (Музычук, 2022). Отдельно В.Ю. Музычук отмечает роль экономики культуры как отрасли, отвечающей за приобщение к культурным ценностям широких слоев населения и совершенствование культурной составляющей человеческого потенциала в целом.

Не менее важен и вопрос причинно-следственных связей. «Все работы по культуре и экономике сталкиваются с проблемой, что причинно-следственная связь, скорее всего, действует в обе стороны — от культуры к экономике и от экономики к культуре» (Guiso et al., 2006). Большинство исследователей полагают, что культура влияет на экономическое поведение через нормы, ценности, традиции. Например, М. Вебер приходит к выводу, что именно такие протестантские ценности, как трудолюбие, аскетизм, рациональность, способствовали развитию западноевропейского капитализма (Weber, 2004).

Г. Хофстеде в своей модели культурных изменений выявил их связь с экономическим поведением, включая потребительские предпочтения, инвестиционные решения, трудовые отношения и предпринимательскую деятельность. По его мнению, культуры с высокой дистанцией власти могут быть менее склонны к предпринимательству из-за боязни риска и отсутствия инициативы. Культуры с высоким уровнем индивидуализма могут проявлять больший интерес к инновациям и новым технологиям (Hofstede, 1980).

Еще одно объяснение природы влияния культуры на экономику приводится в концепции социального капитала. Р. Патнэм, оценив уровень социального капитала, эффективность демократических институтов и экономическое развитие регионов Италии, показал, что в территориях с более высоким социальным капиталом выше и показатели экономики (Putnam, 1993). Методологию измерения социального капитала регионального сообщества разрабо-

тали Т.А. Гужавина, Д.В. Афанасьев, А.А. Мехова, показав его адаптивный потенциал при возникновении кризисов и определив управляемость данного нематериального ресурса социально-экономического развития (Афанасьев и др., 2016; Guzhavina, 2023).

Нидерландские исследователи выделяют четыре области применения культуры для объяснения экономических явлений: предпринимательство, доверие, международный бизнес и корпоративное управление (Бёгельсдаик, Масселанд, 2016). Интегрируют в концепт культуры такие категории, влияющие на экономическое и социальное развитие, как этика, уважение к закону, доверие, терпимость, и американские современные исследователи Л. Харрисон и С. Хантингтон (Harrison, Huntington, 2000).

В более узком смысле культура, особенно традиционная народная, выступает как источник приобщения к истории нации, сохранения и возрождения древних способов производства, ритуалов и обычаев, сопровождающих этапы природно-хозяйственного и жизненного циклов.

В.А. Ильин и М.В. Морев отмечают, что в России «Президент и Правительство и сегодня продолжают активно принимать меры, направленные на укрепление российской экономики, поддержку населения и наведение порядка в стране, что в конечном итоге позволяет России продолжать бороться за свой национальный суверенитет, а точнее за сохранение своей государственности, культуры и территориальных границ» (Ильин, Морев, 2024). Одним из знаковых решений стало принятие Указа Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Среди них — крепкая семья, патриотизм, уважение старших поколений и традиций своего народа.

Традиционная китайская культура является выражением мудрости народа на протяжении всей его пяти тысячелетней истории. Важным компонентом сохранения традиционной китайской культуры выступают местные архивы. Они служат источником исторической информации, политическим и образовательным ресурсом, играя огромную роль в развитии ки-

тайской цивилизации. Дж. Нидэм, известный британский ученый, однажды отметил, что ни древняя Греция, ни современная Британия не оставили архивов, похожих на местные архивы Китая. В контексте нашего исследования представлен опыт провинции Цзянси по использованию традиционной китайской культуры для содействия качественному экономическому развитию провинции.

Цель работы — сравнительный анализ опыта Вологодской области и провинции Цзянси по использованию потенциала традиционной культуры как драйвера социально-экономического развития территорий.

Научная новизна проведенного исследования состоит в обосновании перспективности использования культурного наследия, традиций и ремесел для экономического развития территорий. Практическая значимость заключается в систематизации опыта и разработке конкретных направлений и инструментов интеграции результатов научных исследований, посвященных традиционной культуре, в социально-экономическую политику территорий.

Дизайн исследования

В исследовании для достижения цели использован комплекс общенаучных методов, в частности сравнительный анализ и синтез.

Для обеих стран с учетом имеющихся данных проведен обзор источников, касающихся использования культурного наследия в отраслях экономики. Ключевой отраслью, использующей объекты культуры и восстановленные традиции и обряды, является туризм. В связи с этим проанализирован опыт Вологодской области и провинции Цзянси по интеграции культурного наследия и туризма. Второе направление — это создание уникальной продукции по старинным технологиям. В российской реальности они классифицированы как народные промыслы, в Китае на основе восстановленных производственных процессов созданы довольно крупные предприятия. Например, работа с архивными данными позволила восстановить древнекитайские рецепты изготовления керамики и наладить ее производство. Подобная деятельность нуждается в государственной поддержке, как и отрасль культуры в целом. Изучение и сохранение традиций и рецептов, технологий производств, культур-

ных практик является неотъемлемой частью не только развития экономики и повышения туристического потенциала территорий, но и важным источником воспроизводства традиционных национальных ценностей, формирования патриотизма и социальной консолидации. В связи с этим третьим этапом исследования стал анализ институциональной поддержки культуры в обеих странах.

Результаты исследования

Опыт России

Основные проекции интеграции культуры и туризма в Вологодской области

Разнообразие культурно-исторических ресурсов Вологодской области является основой развития культурно-познавательного туризма. В регионе насчитывается свыше 3500 объектов культурного наследия. Из них 759 занесены в официальные списки памятников истории и культуры и находятся под государственной охраной. Среди этих памятников 214 имеют статус федерального значения, а 545 объектов классифицируются как памятники регионального значения. Музеи федерального, областного или муниципального значения функционируют в большинстве районов области. Основной музейный фонд по состоянию на 2022 год насчитывал 1,7 млн единиц хранения, среди которых археологические находки; собрания рукописей и старопечатных книг, иконописи, живописи и скульптуры; предметы декоративно-прикладного и народного искусства.

К историко-культурному наследию региона относятся дворянские усадьбы XVII–XIX вв., 34 из них являются объектами культурного наследия федерального и регионального значения. Например, усадьба Брянчаниновых расположена в селе Покровское Грязовецкого муниципального округа Вологодской области. Это фамильное имение было построено в начале XIX века в стиле раннего классицизма, признано памятником истории и культуры федерального значения, а также памятником садово-паркового искусства. Архитектурный ансамбль усадьбы включает несколько элементов: дворянскую усадьбу с флигелями и галереями, церковь, семейный некрополь Брянчаниновых, а также парк с прудом и конюшню. Еще одна известная усадьба — имение Гальских, расположенное в Череповце. После реставра-

ционных работ оно функционирует как музей, включающий в свой ансамбль помещичий дом и хозяйственные постройки, такие как конюшня, амбары, мастерская и пр. Здание выполнено в стиле провинциального классицизма. Одним из крупнейших историко-архитектурных ансамблей усадебной культуры на Вологодчине является имение Спасское-Куркино. На его территории сохранилась большая часть построек: особняк, флигель, музыкальный павильон, деревянный дом богадельни, устроенной для инвалидов и сирот. Большую часть территории имения занимает имеющий конфигурацию двуглавого орла английский парк с каскадом прудов.

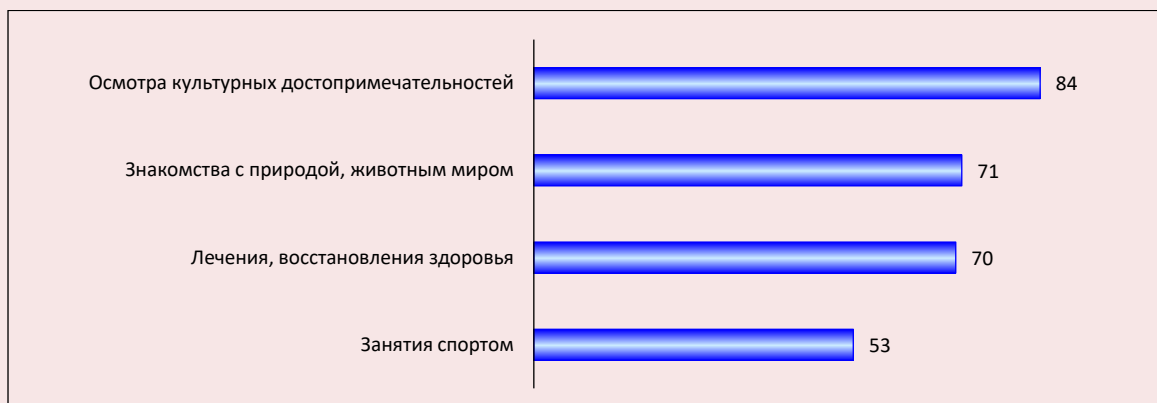
В исторических городах Вологодской области сохранились архитектурные ансамбли монастырей: в Вологде – Спасо-Прилуцкого Димитриева (XVI–XVIII вв.), Свято-Успенского Горного (XVII–XVIII вв.), фрагментарно Свято-Духова (XVII, XIX вв., частично два храма), Ильинского (XVII, XVIII вв., два храма) монастырей; в Великом Устюге – полностью Михаило-Архангельского, Свято-Троицкого Гledenского, фрагментарно Спасо-Преображенского (два храма) монастырей; в Тотьме – частично Спасо-Преображенского Суморина монастыря (XVIII–XIX вв.). На территории региона имеются объекты из Списка всемирного наследия ЮНЕСКО. Самое большое количество церквей и монастырей находится

в Вологде, а также в Великоустюгском, Череповецком, Кирилловском и Вологодском муниципалитетах (Структурно-технологические драйверы..., 2025).

Этот потенциал обеспечивает базис развития этнографического и усадебного туризма в Вологодской области. Отметим, что культурно-познавательный туризм в России, согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения, весьма популярен: 84% россиян отметили в качестве цели своих путешествий осмотр культурных достопримечательностей того или иного региона (рис. 1).

Еще одно направление интеграции культуры и путешествий – событийный туризм, который чаще способствует повторному посещению региона, чем, например, культурно-познавательный. По мнению специалистов, чем более уникальны культурно-исторические ресурсы, тем меньше шансов обеспечить приезд туристов в регион еще раз, поскольку их потребность в познании уже будет удовлетворена. В свою очередь программа событийного туризма с каждым годом может пополняться новыми развлекательными элементами, что предоставляет организаторам широкие возможности для создания туристского продукта вследствие неисчерпаемости ресурсной базы. Таким образом, событийный туризм выступает как универсальное направление, которое возможно развивать практически на любой территории (Леонидова, 2016).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Представьте, что у Вас прямо сейчас есть возможность поехать в любую точку России. В какой регион Вам было бы интереснее всего поехать с целью...?» (открытый вопрос, до трех ответов), %

Источник: данные Всероссийского центра изучения общественного мнения.

Нередко мероприятия опираются на местные традиции, отражающие специализацию территории проведения (табл. 1). Например, в Устье проходит праздник лодки, т. к. село находится на берегу реки Кубены и местные жители традиционно занимаются рыболовством. У стен Кирилло-Белозерского монастыря реконструируются битвы, состоявшиеся на этих землях, с участием исторических клубов и фолк-музыкантов.

Такие мероприятия позволяют участникам окунуться в атмосферу прошлых лет, познакомиться с традициями и обрядами родного народа, ощутить себя частью большой истории, поточками мудрых далеких предков.

Народные промыслы: сохранение старинных технологий для производства уникальной продукции

Для развития туризма значим потенциал народных промыслов и ремесел региона. Некоторые промыслы Вологодской области получили международную известность. Широко известны бренды «Северная чернь», «Шемогодская резьба по бересте», «Мороз по жести», «Вологодское кружево», «Великоустюгская финифть» (Структурно-технологические драйверы..., 2025). Сохранению технологии этих промыслов способствует наличие относительно небольших производств, имеющих статус юридиче-

ского лица, признанных экономически целесообразными и получающих государственную поддержку. В Великом Устюге работает завод по выпуску продукции с использованием технологий чернения по серебру – ЗАО «Великоустюгский завод «Северная чернь». Первые упоминания технологии датируются 1683 годом. Завод изготавливает около 2000 наименований изделий из серебра 925 пробы: предметы сервировки стола, интерьера, религиозного культа, а также украшения. Продукция имеет официально подтвержденный статус изделий «народного художественного промысла признанного художественного достоинства»¹.

В 30–40-х годах XVIII века в Великом Устюге появилась «устюжская финифть», отличающаяся уникальным художественным своеобразием. Поверхность изделий, выполненных обычно из меди, сплошь покрывалась эмалью одного, чаще белого, цвета и украшалась серебряными или золотыми фигурными накладками на последний слой эмали, которые при обжиге прочно спекались с ней. Были и другие разновидности техники. Так, в Устюге создавались изделия, сочетающие финифть (цветную эмаль) и филигрань (переплетение крученой двойной («сканой») серебряной проволоки), в которых сканый узор напайвался на поверхность изделия, покрываемого многоцветной

Таблица 1. Примеры событийного туризма в Вологодской области

Место проведения	Название мероприятия	Количество туристов, чел.
г. Великий Устюг	«Великий Устюг – родина Деда Мороза»	до 33 тыс. в зимние каникулы
г. Вологда	Фестиваль «Vita Lace»	100 000
	«Вологда – Новогодняя Столица Русского Севера»	200 000
	Фестиваль «Голос ремесел»*	100 000
	Фестиваль «Голоса истории»	4000
	Театральный кинофестиваль «VOICES»	5000
с. Устье, Усть-Кубинский район	Праздник лодки*	10 000
Кирилловский район	Военно-исторический фестиваль «Кирилло-Белозерская осада»*	5000
	Исторический фестиваль «Сугорье»*	4000
д. Ерофейка, Вологодский район	Праздник Коня*	5000
с. имени Бабушкина	Спасская ярмарка	Нет данных
* Мероприятия, имеющие в основе программ локальные культурные традиции. Источник: (Леонидова, 2016).		

¹ Официальный сайт ЗАО «Великоустюгский завод «Северная чернь». URL: <https://sevchern.ru/about/>

глазурью, что образовывало так называемую «перегородчатую эмаль», или эмаль по скани. Перегородчатая эмаль XVI–XVII веков имела характерные цвета: голубой, зеленый, коричневый по белому фону. Изделия «устюжской финифти», выполненные в стиле барокко, имеют богатую пластикой и живописными контурами форму, которая очень хорошо сочетается с рокайльными по форме накладками, иногда дополненными сценками. Устюжские мастера постепенно выработали свой стиль подобных произведений. Его отличают богатый растительный орнамент с лилиями-кринами, исполненный черной, зеленой и бирюзовой эмалями на белом фоне. Такой изящной миниатюрной мозаикой покрывались венчики и оклады икон, кресты, ладоницы и другие предметы церковной утвари². Возрождение эмальерного ремесла в Вологодской области началось на рубеже 1960–1970-х годов. В Великом Устюге на Кузинском заводе механических изделий Министерства оборонной промышленности был открыт цех сувенирных изделий и художественных промыслов, просуществовавший до 1985 года.

В 1970 году в Вологде при поддержке московского научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП) открылся Вологодский завод опытных и художественных изделий, где было решено сосредоточить работы по восстановлению древней технологии перегородчатых и живописных усольских эмалей. С этой целью была приглашена группа художников-эмальеров из Великого Устюга. Несмотря на то что художникам и мастерам много удалось добиться, завод не выдержал испытания рыночной экономикой.

В 2003 году создана творческая мастерская «Вологодская финифть»³, где сохраняется и развивается художественный промысел перегородчатых и расписных эмалей.

Технология «мороз по жести» — еще один промысел, который активно развивался в Великом Устюге. Самые ранние сведения о про-

мысле относятся к 1837 году, когда на Вологодской губернской выставке была представлена работа устюжанина Насоновского — 12 листов «луженного особым образом» железа, имевшего морозный, серебристый отлив. Своего расцвета «мороз по жести» достиг в XIX веке. Секреты промысла передавались по наследству⁴, однако он не был уникален: имеются сведения о производстве сундуков и шкатулок в данной технике на Урале (Пудов, 2022).

Технология шемогодской резьбы по бересте передается непосредственно от мастера к ученику, и на сегодняшний день осталось считанное число мастеров, владеющих этим промыслом. Из бересты в таежных областях России изготавливалась различная бытовая утварь, кора березы использовалась также в качестве материала для записей. Стремление украсить предметы быта, возможность получения тонких красивых листов бересты, ее податливость к обработке и относительно длительная сохранность послужили предпосылками для создания прорезных элементов, которые приклеивались на какую-либо основу (чаще изделия из мягкого дерева), иногда фон подкрашивали или подкладывали фольгу, создавая двумерный узор. Характерное устюжское народное художественное ремесло известно здесь с конца XVIII века. Местом его бытования был не город, а пригородные деревни, расположенные на противоположном берегу Северной Двины. По наименованию протекающей здесь речки Шемогода резьба иногда и именуется «шемогодской»⁵.

Самый известный бренд региона — вологодское кружево. Его художественные особенности сложились уже в XVII–XVIII веках. До XIX века кружевоплетение имело характер домашнего рукоделия. В 20-х годах XIX века в окрестностях Вологды была основана кружевная фабрика, на которой работали десятки крепостных девушек. В середине XIX века кружевоплетение на вологодской земле превратилось в промысел, которым занимались тысячи мастериц в разных

² Культура Вологодской области. URL: <https://cultinfo.ru/art/decorative-and-applied-art/enamel-enamel-ustyug>

³ ООО ТМ «Вологодская финифть». URL: <https://finift35.ru>

⁴ Ремесло «мороз по жести» было развито в Великом Устюге с конца XVIII века. URL: https://www.xn--blaqu.xn--plai/articles/culture/remeslo_moroz_po_zhesti_bylo_razvito_v_velikom_ustyuge_s_kontsa_xviii_veka

⁵ Культура Вологодской области. Шемогодская резьба по бересте. URL: <https://cultinfo.ru/art/decorative-and-applied-art/shemogodskaya-thread-on-the-bark>

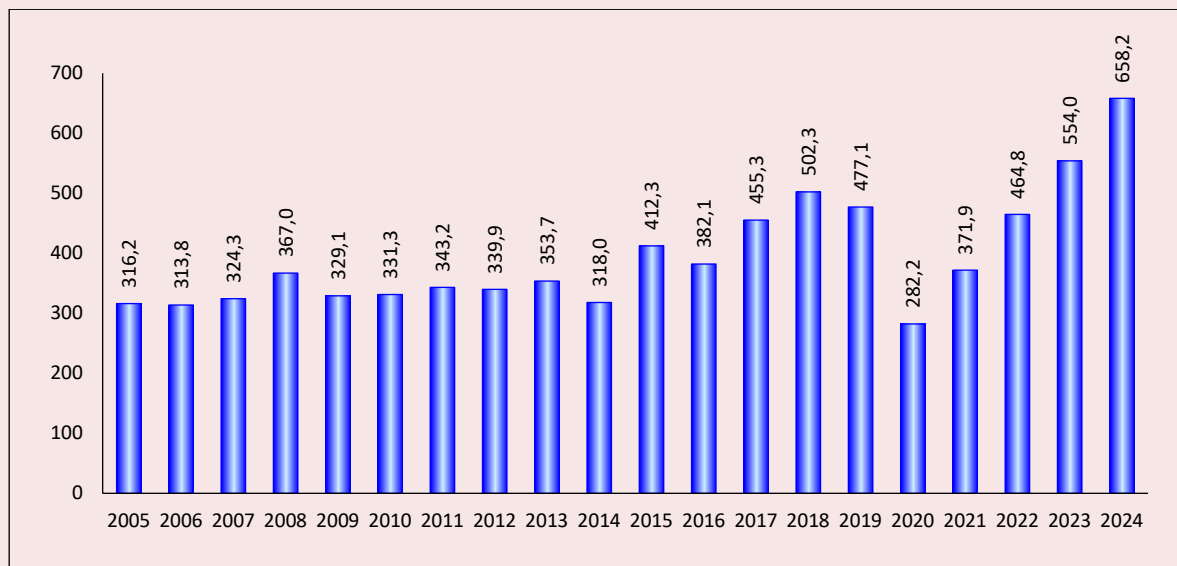
уездах. Кружевной промысел в Вологодской губернии достиг расцвета во второй половине XIX века. В 1893 году плетением кружев занимались четыре тысячи мастериц, а в 1912 году их было почти сорок тысяч. Известность вологодского кружева перешагнула границы страны. Мода на него охватила многие страны Европы. Отличительной особенностью традиционного вологодского парного кружева является четкое деление «строения» кружева на узор и фон. Сегодня вологодское кружево отличается разнообразием орнамента, монументальностью форм и преобладание цветочных мотивов⁶. В 2010 году в Вологде был открыт музей кружева. Экспозиция расположена в здании городской усадьбы XIX века, которое является объектом культурного наследия федерального значения. В настоящее время уникальное кружево создают Вологодская кружевная фабрика «Снежинка», музей кружева и различные студии кружевоплетения, например творческая мастерская кружевоплетения Центра народной культуры в Вологде.

Уникальность и самобытность, художественная ценность кружева позволили промыслу достичь высокого статуса в декоративном искусстве и выступать в качестве бренда Вологодской области, повышая ее узнаваемость и туристическую привлекательность.

В рейтинге туристической привлекательности среди регионов РФ в 2024 году Вологодская область заняла 43-ю позицию, тогда как в 2023 году субъект располагался на 38 месте. Это указывает на нереализованный в достаточной мере туристический потенциал региона, а также растущую конкурентную борьбу за потребителя между субъектами (Баландина, 2025).

Усилия государства и региона по развитию туризма отражаются в росте туристического потока в Вологодскую область. За период с 2005 по 2024 год количество туристов выросло вдвое, достигнув в 2024 году 658,2 тысяч человек (рис. 2). Это свидетельствует о значительном росте интереса к региону и подтверждает успешность принимаемых мер по развитию туризма.

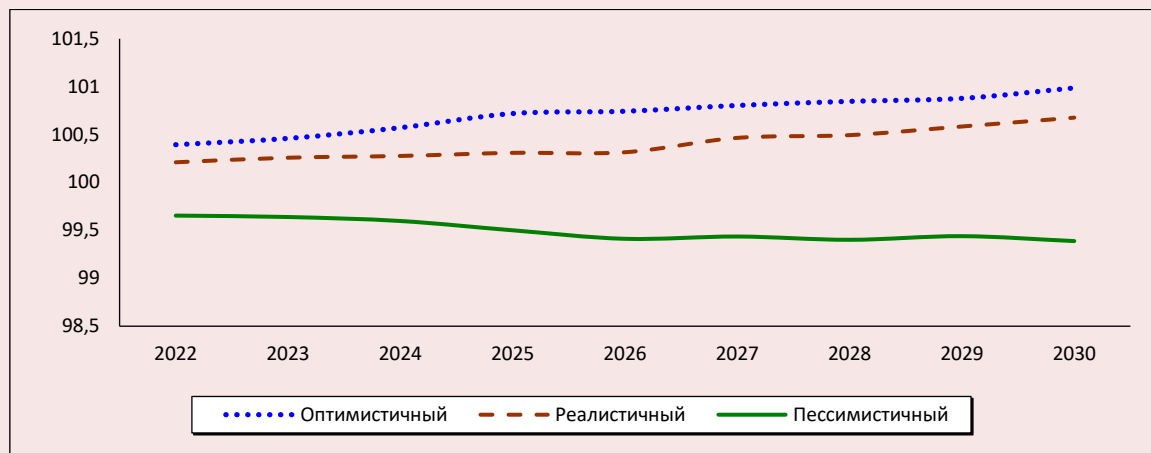
Рис. 2. Динамика туристического потока в Вологодской области, тыс. чел.

Источник: данные Росстата.

⁶ Культура Вологодской области. Вологодское кружево. URL: <https://cultinfo.ru/art/decorative-and-applied-art/vologda-lace/>

Рис. 3. Прогноз темпов изменения объема выпуска в российской экономике в зависимости от изменения объема внутреннего туристского потребления, % к предыдущему году

Источник: (Туризм как фактор..., 2023, с. 62.).

Влияние туризма на экономическое развитие региона оценено учеными Вологодского научного центра Российской академии наук. Е.Г. Леонидова (Leonidova, 2024) и Н.М. Румянцев (Leonidova, Rumyantsev, 2023) по авторской методике с использованием межотраслевого моделирования рассчитали эффект для экономики страны при реализации трех различных сценариев изменения объема внутреннего туристского потребления (рис. 3).

Расчеты, проведенные коллективом авторов монографии под руководством Т.В. Усковой на основе сформированной межотраслевой модели российской экономики с учетом мультипликативных эффектов, генерируемых туристской отраслью, дали возможность определить значимость стимулирования поездок граждан по стране. При наступлении условий для реализации пессимистичного сценария валовой выпуск продукции будет сокращаться в среднем на 0,5% ежегодно. В то же время активное развитие туризма в рамках оптимистичного сценария даст экономике дополнительный прирост объема выпуска валовой продукции на 0,7% в год. Это почти вдвое больше, чем при сохранении существующих темпов внутреннего туристического потребления в рамках реалистичного сценария (Туризм как фактор ..., 2023).

Таким образом, культурно-познавательный туризм является драйвером развития террито-

рии. Прогнозируется рост показателя расходов «событийных» туристов с 2700 тысяч рублей в 2014 году до 4728 тысяч рублей в 2030 году. Это, в свою очередь, приведет к увеличению туристских прибытий в Вологодскую область, стимулируя экономическое развитие региона (Туризм как фактор ..., 2023).

Институциональная поддержка культуры

Государственный курс на укрепление традиционных российских ценностей обретает программно-целевое оформление. С 2024 года в стране реализуется обновленный пакет национальных проектов. Его принципиальное отличие от предыдущих — включение ряда мероприятий просветительского характера, нацеленных на формирование и укрепление традиционных российских ценностей.

Федеральный проект «Семейные ценности и инфраструктура культуры» национального проекта «Семья» предусматривает развитие инфраструктуры культурной отрасли:

- обновление помещений и оборудования театров;
- создание виртуальных музеев;
- обеспечение возможности посещения спектаклей и концертов онлайн;
- оцифровка книжных фондов для обеспечения доступа читателей к редким и уникальным книгам;
- модернизация библиотечной сети.

Ежегодно благодаря национальному проекту «Культура», реализованному в 2019–2024 гг., по всей стране создаются модельные библиотеки. Их можно назвать библиотеками будущего, т. к. они представляют собой не просто хранилища книг, а современные культурные центры, где можно интересно провести время, получить новые знания, работать, учиться и бесплатно посетить цифровые ресурсы сферы культуры, например Национальную электронную библиотеку. В настоящее время в России открыто более 1080 модельных библиотек⁷.

В рамках национального проекта «Молодежь и дети» реализуется федеральный проект «Мы вместе», предусматривающий историко-патриотическое воспитание детей и молодежи.

На двух площадках молодежного историко-патриотического центра «Истоки» — в Печорах и Севастополе — встречаются тысячи школьников, студентов, активистов семейных клубов и объединений, педагоги, артисты и ученые. Для них в течение нескольких дней проводят лекции, командные конкурсы, экскурсии. В 2025 году сквозными темами в «Истоках» стали история России и достижения великих российских деятелей, а также 80-летие Победы в Великой Отечественной войне.

Детско-юношеские объединения знакомят с традициями народов России, ее историей и культурой, чтобы пробудить в участниках искренний интерес, уважение и любовь к своей стране. Так, программа «Орлята России» с 2021 года объединила более 5 миллионов школьников; «Движение первых» к весне 2025 года — более 10 миллионов детей и молодых людей от 6 до 25 лет и около 1,8 миллиона их наставников. Дети с удовольствием участвуют в спортивных состязаниях, в военно-патриотической игре «Зарница 2.0», в семейных фестивалях и походах.

Еще одна программа федерального проекта — «Больше, чем путешествие». Благодаря ей в России развивается полезный молодежный туризм: в поездках ребята помогают регионам, например участвуют в экологических акциях или создают необычные сувениры, кото-

рые имеют все шансы стать местным брендом. К 2025 году больше 235 тысяч молодых людей уже открыли для себя страну по семи тематическим направлениям⁸.

В Вологодской области созданы уникальные учреждения — центры традиционной народной культуры (ЦТНК)⁹, целью которых является ее сохранение, воссоздание отдельных ее элементов и явлений, введение их в современную культурную жизнь общества. Работа центров ведется по четырем основным направлениям: научно-исследовательское, экспериментально-опытное, научно-методическое, культурно-просветительское.

В результате многолетней экспедиционной работы сформированы фонды фольклорно-этнографических материалов, отражающих содержание и современное состояние народных традиций в районах области, а также музейные экспозиции, представляющие образцы уникальных промыслов и ремесел, традиционно-народного костюма (каталог «Традиционная керамика Ёрги», сборник «Сказки Вологодской области в записях конца XX — начала XXI веков», издания «Крестьянский костюм Кичменгской земли», «Хлеб на стол, и стол — престол» (традиционная кухня Кичменгской земли), «Не то дорого, что красного золота, а то дорого, что доброго мастера» (традиционные полотенца Кичменгской земли), методические материалы «Сохранение катаваленного промысла в Никольском районе», «Самобытность Никольского пивоварения», «Ручное ткачество льняных половиков на 4-х подножках»).

При ЦТНК работают мастера, которые не только производят уникальную продукцию, но и обучают ремеслу всех желающих. Например, в ЦТНК в г. Бабаево работает ткацкая мастерская, мастерские «Роспись по дереву», «Народная кукла», по пошиву и реконструкции традиционного народного костюма Леденгского края и изготовлению сувенирной продукции; в Кичменгском Городке обучают ткачеству (пестрядь, браное, ткачество половиков), вышивке, вязанию крючком и спицами, плетению из

⁷ ФП «Туризм и гостеприимство» // Официальный сайт национальных проектов РФ. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/new-projects/turizm-i-gostepriimstvo>

⁸ URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/new-projects/molodezh-i-deti/my-vmeste/>

⁹ Согласно данным Министерства культуры, на 2025 год работу ведут 20 центров, охватывающих практически все районы Вологодской области. URL: <https://cultinfo.ru/folk-culture/the-centers-of-traditional-folk-culture>

бересты и ивы, изготовлению традиционных кукол, лубочной картинки и глиняной игрушки, художественной обработке и росписи по дереву, лоскутному шитью.

Фольклорно-этнографические материалы активно вводятся в сферу образовательной и культурно-просветительной практики. Методические разработки, созданные сотрудниками центров, позволяют распространять имеющийся опыт освоения фольклорных и ремесленных традиций, воспитания и образования детей на ценностях народной культуры.

Таким образом, в регионе в контексте федеральной повестки и при поддержке государства сформированы очаги сохранения и трансляции традиций родного края, налажено производство традиционной региональной продукции, закрепленное брендами «Сделано на Вологодчине» и «Настоящий вологодский продукт». Сохранение народных промыслов — одна из важных задач. В этом аспекте необходимо наладить работу по передаче навыков мастерами, создать и развить школы народных промыслов, в том числе угасающих (шемогодская резьба по бересте) и уже не реализуемых (таких как мороз по жести). Например, в сфере кружевоплетения и росписи подготовка мастеров проходит на базе специально созданного губернаторского колледжа народных промыслов. Но важна и поддержка мастеров, которые в качестве культурно-досуговых практик обучают желающих без ограничения по возрасту. Знания и опыт предков, использование предметов, созданных руками народных мастеров, способствуют воспроизводству культурного кода, территориальной и в целом социокультурной идентичности, социальной консолидации. При грамотном управлении и стартовой поддержке интеграция культурного наследия в экономику с учетом выявленных мультипликативных эффектов (Leonidova, 2024) может выступить драйвером социально-экономического развития территорий.

Опыт Китая

В провинции Цзянси внедрено множество успешных практик для эффективной интеграции культуры и туризма

С целью продемонстрировать традиционную китайскую культуру и способствовать развитию экономики в провинции с прошлого

года проходит ежегодная Ярмарка отраслей культуры Цзянси. На второй ярмарке, проходившей с 30 апреля по 5 мая 2025 года, товары, представляющие как традиционную культуру, так и современное творчество, вызвали большой спрос у посетителей, напрямую способствуя росту потребления и экономики.

В павильоне Наньчан на ярмарке было организовано «коллекционирование марок». Посетителям предоставлялись марки с изображениями павильона Тенгван, Мемориального зала Наньчанского восстания, библиотеки Рузи и других культурных объектов. Посетители наклеивали их на свиток, испытывая чувство удовлетворения от большого количества марок с изображениями исторических и культурных достопримечательностей. В торговом зале павильона насчитывалось более двухсот популярных товаров, демонстрировавших интеграцию культуры и туризма. В частности, более 30 изделий, украшенных картинами Бада Шанрена из Мемориального зала Бада Шанрена в Наньчане, отличались мастерством исполнения, что оживило коллекции и привлекло внимание молодежи.

В павильоне Синьуй вышивальщица Гао Юйцин продемонстрировала технику вышивания на травяной ткани. Вышивка на травяной ткани является культурным наследием национального уровня, как и представленные в павильоне сумочки, веера, шляпы, коробочки для духов и другие экспонаты. Стоит отметить, что по сравнению с прошлым годом посетители выставки в 2025 году проявили значительно больший интерес к нематериальному культурному наследию. Каждый день выставлялись новые изделия, и их оборот заметно вырос.

Как внутри страны, так и за рубежом известна керамика провинции Цзянси. На ярмарке в павильоне Цзиндэчжэнь знакомство с керамическими предметами для повседневного использования из Таосичуаня позволило посетителям увидеть интеграцию древних ремесел и современного творчества. Один из участников выставки рассказал, что в этом году были привезены фарфоровые сервизы, выполненные в различных техниках, таких как фарфор с цветной глазурью, голубой и белый фарфор, а также фарфор с голубыми и белыми рисовыми зернами, чтобы продемонстрировать новые грани

традиционной китайской культуры. Таким образом, продолжается интеграция керамической промышленности и культуры изготовления керамики, что способствует развитию традиционной керамической промышленности, индустрии культуры и туризма. Многие товары были не только уникальными по дизайну, изысканными и функциональными, но и содержали элементы культуры провинции Цзянси. Каждое изделие, казалось, рассказывало частичку истории, погружая посетителей выставки в очарование традиционной культуры региона.

Можно видеть, что умелое сочетание творческого продукта с традиционной китайской культурой и функциональностью, а также интеграция культурных элементов в повседневную жизнь позволяют сделать традиционную культуру «трендовой», а местную экономику — процветающей.

Архивные службы провинции Цзянси в полной мере использовали свои преимущества для содействия местному экономическому развитию

Во-первых, составление сборников местных документов и исторических материалов повышает популярность местных отраслей промышленности. Институт местных архивов провинции Цзянси организовал подборку материалов о чайной культуре Цзянси, о культуре Хакка, о культуре керамики и культуре Академии, чтобы повысить их узнаваемость и способствовать экономическому развитию провинции Цзянси. Управление истории и архивов города Цзиндэчжэнь играет активную роль в реализации важной миссии по созданию национальной экспериментальной зоны по сохранению наследия керамической культуры и инновациям. Были опубликованы следующие материалы: «Краткая история цзиндэчжэньского фарфора», «История цзиндэчжэньского фарфора» и «72 шага в изготовлении цзиндэчжэньского фарфора». Вышла в свет книга «Записи о фитотерапии Дэсина», составленная в городском уезде Дэсин городского округа Шанжао. Это первая в провинции Цзянси книга о фитотерапии, которая значительно повышает узнаваемость местной индустрии фитотерапии и способствует развитию отрасли.

Во-вторых, изучение и систематизация местных элементов прекрасной традиционной китайской культуры вносит вклад в развитие

экономики и общества. Управление истории и архивов города Цзюцзян было признано лучшим автором заявки Цзюцзяна на присвоение статуса национального исторического и культурного города, а также предоставило подробную информацию о местных особенностях, истории и архивах для организации конференции по развитию культурной силы Цзянси в 2023 году, созданию Национального культурного парка реки Янцзы, строительству павильона Пипа и т. д. Управление местных архивов Ганьчжоу провело исследовательскую деятельность по генеалогии хакка. Управление истории и архивных исследований Луннаня на муниципальном уровне участвовало в подготовке выставки Meeting Ganzhou на 32-й Всемирной конференции Хакка, демонстрируя историю, культуру, географию, обычаи, развитие и достижения Ганьчжоу для представителей хакка со всего мира. Управление истории и архивов городского округа Ичунь улучшило карту расположения и дорожную карту руин Ичуня и предоставило исторические материалы для организации мер по их сохранению и рациональному использованию. Также осуществлялось сотрудничество с Муниципальным бюро культуры, радио, телевидения, прессы, издательского дела и туризма в целях признания, сохранения и развития древних городов, что способствовало изучению древних городов и комплексному развитию культуры и туризма в древних городах.

В-третьих, продолжается разработка культурных продуктов, связанных с местными архивами, с уделением особого внимания распространению традиционной китайской культуры. В последние годы отделы местных архивов в провинции Цзянси активизировали усилия по изучению, систематизации, обобщению и исследованию местных архивных материалов по региональной истории и культуре. Благодаря тщательному отбору они подготовили серию культурных материалов, связанных с местными памятниками, в различных формах и жанрах.

Например, было организовано издание ряда книг и исторических материалов о местных условиях и культуре, а также съемки соответствующих видеороликов. Опубликованы такие книги, как «Записи о нематериальном культурном наследии провинции Цзянси», «Введение в ди-

алекты хакка» и «В поисках мечты в Фуляне», а также завершены первые наброски таких книг, как «Знакомство с провинцией Цзянси через местные архивы», «История и культура Пинсяна», «Истории Юэху» и «Библиотека Юаньчжоу».

Предпринимаются усилия по составлению местных архивных книг, таких как «Китайская религия Нуо: история и храмы Нуо в Пинсяне». Кроме того, видеоролик «Родной город членов Академии Ханьлинь», снятый Управлением истории и архивов уезда Пэнцзэ, получил награду «Outstanding Winner» в конкурсе «Beautiful Countryside» провинции Цзянси, организованном отделом рекламы комитета Коммунистической партии Китая (КПК) в провинции Цзянси, что способствует возрождению сельских районов и экономическому развитию.

Профессиональные преимущества также используются для изучения местной культуры и содействия экономическому развитию. Управление истории и архивов городов Чжаншу и Ичунь совместно с отделом рекламы Муниципального комитета КПК и музеями создали специальную рубрику под названием «Чжаншу, который вы еще не знали» на канале Цзянси в приложении People's Daily. Они опубликовали получившие более 2,2 миллиона просмотров 25 статей, в которых исследовались культурные элементы, скрытые в местных летописях прошлого. В частности, нашлось свидетельство 1688 года в Записях префектуры Линьцзян времен династии Цин, которое свидетельствует о том, что Чжаншу (ранее — Цинцзян) был известен всеми видами китайских лекарственных трав, а китайские лекарственные травы, переработанные в Цинцзяне, обладали наибольшей эффективностью. Эта запись послужила основой для присвоения Чжаншу звания «единственной медицинской столицы Китая». В 2022 году ВВП Чжаншу составил 53,695 млрд юаней, что позволило ему войти в десятку крупнейших медицинских центров провинции Цзянси.

Исследование и продвижение культурных продуктов, основанных на местной истории и архивных данных в провинции Цзянси

Создание и публикация культурных продуктов в провинции Цзянси, Китай:

— публикация книг: например, издание таких трудов, как Записи об нематериальном культурном наследии Цзянси и Большой спра-

вочник хакка диалектов, направленных на сохранение и популяризацию местного культурного наследия;

— создание видео: производство коротких видео, например «Родина членов Академии Ханлинь», которые демонстрируют уникальные черты региона и способствуют развитию сельских районов и экономики.

Систематическая работа с местными историческими и культурными материалами:

— глубокое исследование: активный анализ и изучение местных записей в различных аспектах, включая экологию, обычаи, экономику и историю;

— систематизация информации: компиляция и организация исторических данных в читаемые и информативные форматы, такие как книги и видео, что способствует сохранению и распространению знаний о регионе.

Интеграция культуры и туризма для экономического развития:

— продвижение культурного туризма: использование культурных продуктов для привлечения туристов, что способствует экономическому росту региона;

— примеры успеха: Город Чжаншу успешно получил статус «Медицинская столица Китая» благодаря историческим записям, демонстрирующим богатство медицинских традиций региона.

Использование современных технологий и новых медиа:

— новые платформы для распространения информации: создание специальных колонок на платформах, таких как приложение People's Daily, позволяет эффективно распространять информацию о местной культуре среди широкой аудитории;

— высокая вовлеченность аудитории: например, колонка «То, чего вы не знали о Чжаншу» привлекла 2,2 миллиона просмотров, демонстрируя потенциал использования новых медиа для продвижения культуры и туризма.

Экономические выгоды от развития местной культуры:

— увеличение популярности города: привлечение внимания к уникальным культурным аспектам способствует росту узнаваемости города и привлечению туристических ресурсов.

— стимулирование экономического развития: развитие культурного туризма и связанных

с ним отраслей способствует общей экономической активности и процветанию региона;

- создание разнообразных, читаемых и информативных культурных результатов на основе местных записей.

Заключение

Исследовательский опыт показывает важность продвижения местной истории и традиций как ключевого фактора в сохранении культурного наследия, развитии культурного туризма и, следовательно, экономическом развитии региона. Приведенные примеры и успешные проекты демонстрируют, как комплексный подход к управлению местными культурными ресурсами может привести к существенным социально-экономическим выгодам.

Учитывая общий тренд государственной политики России и Китая на сохранение традиций и воспроизводство культурных ценностей с целью формирования сплоченной, патриотичной и здоровой нации следует продолжить начатую работу, что предполагает:

- во-первых, развитие научных исследований культуры и культурно-исторического наследия путем формирования государственного запроса, выделения грантов и субсидий;
- во-вторых, продолжение укрепления материальной базы учреждений культуры всех уровней;

- в-третьих, развитие новых форматов оказания услуг в сфере культуры для обеспечения широкого доступа к культурно-историческому наследию страны и региона проживания для всех социально-демографических групп населения;

- в-четвертых, приобщение детей и молодежи к исторической памяти и культурным ценностям нации;

- в-пятых, поиск и восстановление традиционных технологий производств продукции, обладающей культурным и художественным значением, развитие народных промыслов и ремесел путем создания школ, привлечение и поддержка мастеров и малых мастерских (гранты на приобретение оборудования, предоставление помещений, создание при центрах народной традиционной культуры ремесленных мастерских и школ);

- в-шестых, продвижение культурно-познавательного туризма, событийного туризма, основанного на традициях, позволяющих погрузиться в атмосферу национальной культуры.

Таким образом, учет культурных и традиционных особенностей территории в стратегическом планировании ее развития будет способствовать как социальному, так и экономическому благополучию населения, что в конечном итоге является целью политики каждого государства.

Литература

- Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А. (2016). Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (48). С. 110–125. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.6
- Баландина А.Ю. (2025). Анализ сезонности потенциального туристического спроса в регионе на основе поисковых запросов // Проблемы развития территории. Т. 29. № 4. С. 85–105. DOI: 10.15838/ptd.2025.4.138.6
- Балацкий Е.В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к социоэкономике // Социальное пространство. Т. 8. № 4. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29469>; DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.2
- Бёгельсдайт Ш., Маселанд Р. (2016). Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. Москва, Санкт-Петербург: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика: Монография. Москва: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С.Д. (2019). Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. Т. 20. № 1. С. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1
- Ильин В.А., Морев М.В. (2024). Убедительный «мандат доверия»: за V президентский срок В.В. Путина проголосовали 76 миллионов избирателей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 24.

- Леонидова Е.Г. (2016). Современное состояние и возможности развития событийного туризма в Российской Федерации // Социальное пространство. № 2 (4). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/1851>
- Музычук В.Ю. (2022). Культура и экономика: существующие научные подходы к отражению взаимосвязи // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 5. С. 50–67. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.03
- Пудов Г.А. (2022). «Мороз» по жести — техника русского сундучного производства. Обсерватория культуры. № 19 (3). С. 274–283. URL: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2022-19-3-274-283>
- Структурно-технологические драйверы стратегического развития региона (2025): монография / под ред. С.Ю. Глазьева, В.А. Ильина, А.А. Шабуновой. Москва: Проспект. 368 с.
- Туризм как фактор социально-экономического развития территорий (2023): монография / под науч. рук. Т.В. Усковой; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 149 с.
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2023). Identifying regional foci of potential geopolitical activity on the basis of demographic scale effect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 138–154. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.8
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2006). Does culture affect economic outcomes? *The Journal of Economic Perspective*, 20(2), 23–48.
- Guzhavina T.A. (2023). Social capital of the Russian region: State and dynamics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 254–265. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.14
- Harrison L., Huntington S. (2000). *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York: Basic Books.
- Hofstede G. (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.
- Leonidova E.G. (2024). Assessing the economic effects of tourism infrastructure development in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(4), 144–160. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.8
- Leonidova E.G., Rumyantsev N.M. (2023). Scenario modeling of tourism services consumption in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 35–51. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.2
- Putnam R.D. (1993). *Making Democracy Work: Civic Tradition and Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt7s8r7>
- Weber M. (2004). *Die Protestantische Ethik Und Der Geist Des Kapitalismus: Vollständige Ausgabe*. Verlag C.H.Beck. Available at: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv1168pnh>

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова — доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@volnc.ru)

Гань Гэньхуа — бакалавр, член Руководящей партийной группы, вице-президент, Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай, 330077, провинция Цзянси, г. Наньчан, ул. North Hongdu Avenue, д. 649; e-mail: 1298620893@qq.com); директор, Институт местных архивов провинции Цзянси (Китай, 330006, провинция Цзянси, г. Наньчан, район Дунху, ул. Dieshan Road, д. 511); председатель, Ассоциация местных архивов провинции Цзянси (Китай, 330006, провинция Цзянси, г. Наньчан, район Дунху, ул. Dieshan Road, д. 511)

Ольга Николаевна Калачикова — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Shabunova A.A., Gan Genhua, Kalachikova O.N.

Culture and Traditions as Drivers of Territorial Development: The Experience of Russia and China

Abstract. The study reveals the significance of culture and traditions for territorial development through key perspectives of integrating culture with tourism and the production of unique goods possessing cultural-historical and artistic value. It is proven that the cultural and historical heritage of a territory contributes to economic development by enhancing its tourist appeal and stimulating consumer demand. The article systematizes current examples of practices implemented in the regions of Russia (Vologda Region) and China (Jiangxi Province) that are based on the cultural potential of the territory. These practices not only foster economic development but also possess a social effect of reproducing cultural patterns through socialization, upbringing, and familiarization with culture via verbal and non-verbal channels of information transmission. The analysis of the implemented areas of activity shows that both the Vologda Region and Jiangxi Province have significant cultural and historical potential for developing tourism and traditional industries. Considerable attention is paid to the formation of traditional values, including patriotism, social consolidation, and civic engagement. In conclusion, the article outlines common vectors of state policy for both territories, aimed at further developing the cultural-historical potential and its realization in the economy and in the reproduction of national cultures.

Key words: culture, connection between culture and economy, cultural and historical heritage, cultural and educational tourism, traditional folk crafts and handicrafts, Russia, China, Vologda Region, Jiangxi Province.

Information about the Authors

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@volnc.ru)

Gan Genhua – Bachelor, member of the Leading Party Members' Group, vice president, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Nanchang, Jiangxi Province, 330077, China; e-mail: 1298620893@qq.com); director, Jiangxi Institute of Local Records (511, Dieshan Road, Donghu District, Nanchang, Jiangxi Province, 330006, China); chairman, Jiangxi Association of Local Records (511, Dieshan Road, Donghu District, Nanchang, Jiangxi Province, 330006, China).

Olga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Статья поступила 16.10.2025.

Логика развития направления исследований по проблематике гражданского общества в ВолНЦ РАН

**Ксения Евгеньевна
КОСЫГИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: sene4ka.87@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5875-8912; ResearcherID: K-7910-2018

**Татьяна Анатольевна
ГУЖАВИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: tanja_gta@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0636-7690; ResearcherID: R-4871-2017

Аннотация. В статье представлено становление и развитие научного направления по изучению гражданского общества в Вологодском научном центре Российской академии наук (ВолНЦ РАН, ранее – ВНКЦ ЦЭМИ РАН, ИСЭРТ РАН). Исследовательская традиция Центра, берущая начало в 1993 году с проведения мониторинга общественного мнения, позволила сформировать уникальную многолетнюю базу эмпирических данных. На этой основе в 2010-х годах под руководством доктора экономических наук, члена-корреспондента РАН, профессора В.А. Ильина было инициировано систематическое изучение гражданского общества в региональном разрезе. Формирование научного направления раскрывается через три ключевых исследовательских вектора. Во-первых, это анализ гражданского общества через призму социального капитала.

Для цитирования: Косыгина К.Е., Гужавина Т.А. (2025). Логика развития направления исследований по проблематике гражданского общества в ВолНЦ РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 264–278. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.13

For citation: Kosygina K.E., Guzhavina T.A. (2025). The logic of development of civil society studies at VolRC RAS. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 264–278. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.13

Научным коллективом была разработана и апробирована оригинальная индикаторная модель для его количественного измерения, что позволило изучать динамику, структуру и характеристики носителей данного ресурса. Социальный капитал регионального сообщества рассматривается как условие развития гражданского общества. Во-вторых, осуществляются мониторинг и оценка одного из ключевых институтов гражданского общества — некоммерческого сектора, исследуется его роль в социально-экономическом развитии региона. Разработаны методики оценки его вклада в валовой региональный продукт и сбалансированное развитие регионов, выявлены модели экономического поведения организаций и ключевые барьеры функционирования. В-третьих, концептуализируется феномен гражданского участия, идентифицируются внешние и внутренние барьеры для его реализации, предлагаются механизмы их преодоления, в том числе в условиях цифровизации. В целом исследовательский подход сотрудников ВолНЦ РАН к изучению гражданского общества можно охарактеризовать как прикладную, эмпирически насыщенную и регионально-ориентированную школу. Главная ценность научных работ коллектива заключается в переводе абстрактных философско-политологических концепций на язык конкретных социальных индикаторов и практик, применимых к российским реалиям, особенно на региональном уровне. Накопленный массив данных и разработанные методические инструменты оценки элементов гражданского общества создают основу доказательного анализа и разработки практических рекомендаций для органов власти.

Ключевые слова: мониторинг, регион, общественное мнение, научное направление, гражданское общество, социальный капитал, гражданское участие, некоммерческий сектор.

Введение

Создание и становление Вологодского научного центра Российской академии наук (ВолНЦ РАН) пришлось на 1990-е годы — эпоху кардинальных перемен, охвативших все сферы жизни общества, но особо ярко проявившихся в экономике и политике. На основе взятой тогда на вооружение либеральной модели управления переход к рынку был объявлен несовместимым с прежней, советской системой, базирующейся на плановой системе ведения хозяйства. Управление стало основываться исключительно на рыночных механизмах, что обернулось не просто усугублением кризиса, а глубоким системным спадом в экономике и социальной сфере страны и ее регионов (Ускова, 2020). Резкое снижение уровня жизни, рост безработицы, задержки зарплат и социальных выплат, а также криминализация общества вызывали у населения чувство безысходности и отчуждения от власти (Шабунова и др., 2015). В этих обстоятельствах возникла острая потребность в глубинном понимании реакции общества на происходящие трансформации. Как следствие, *в 1993 году в Вологодской области были начаты первые мониторинговые замеры общественного мнения по оценке политической и*

экономической ситуации в стране и регионе¹. Инициатором и организатором этого проекта стал доктор экономических наук, профессор В.А. Ильин. Так были заложены основы социологического направления исследований в ВолНЦ РАН, в становление которого значительный вклад внесли сотрудники Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) и лично его директор академик РАН Г.В. Осипов. Методологическая и методическая база, разработанная специалистами ИСПИ РАН, заложила прочный фундамент для организации и проведения собственных социологических мониторинговых исследований в регионе.

¹ Первые измерения общественного мнения были проведены в 1993 году на территории городов Вологды и Череповца и трёх муниципальных районов области. С 1996 года стала строиться областная выборка: регулярно, один раз каждые два месяца (6 раз в год), опрашивается 1500 человек в возрасте старше 18 лет. Опросы проводятся в Вологде, Череповце и восьми округах и районах области. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. В год опрашивается около 9 тысяч жителей региона.

В ВолНЦ РАН под руководством доктора экономических наук, профессора В.А. Ильина сформировался целостный, системный подход не только к проведению исследований по изучению общественного мнения населения области, но и к публикации данных мониторинга. Начиная с 1994 года результаты опросов населения представлялись в виде печатного издания «Мониторинг общественного мнения». С 2013 года по настоящее время на регулярной основе шесть раз в год публикуется информационно-аналитический бюллетень «Эффективность государственного управления в оценках населения». Его выпуски, подготовленные по итогам каждого опроса населения, содержат иллюстративные материалы и анализ динамики общественного мнения в Вологодской области по тем или иным актуальным вопросам. Популяризации результатов мониторинга способствует их регулярное размещение в журналах ВолНЦ РАН: «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», «Проблемы развития территории» и «Социальное пространство».

В соответствии с требованиями времени и исследовательскими задачами инструментарий мониторинга постепенно расширялся, пополняясь новыми тематическими блоками. На сегодняшний день исследование охватывает более десяти ключевых тем, предполагающих оценку населением политической и экономической ситуации в стране и регионе; уровня поддержки федеральных и региональных властей, органов местного самоуправления; уровня социальной напряженности и потенциала протестной активности. Регулярные замеры общественного мнения позволяют понять, как граждане воспринимают актуальные социальные проблемы, свое материальное положение, каков характер существующих в обществе настроений. Вместе с тем осмысливается состояние социального капитала и потенциал развития гражданского общества, анализируется работа институтов правопорядка и чувство личной безопасности, а также выявляется отношение населения к СМИ и определяются преобладающие культурные ориентации.

Благодаря многолетнему опыту проведения мониторинговых исследований сегодня становится возможным многоаспектный анализ общественной жизни в регионе в ретро-

спективной динамике более чем за тридцатилетний период наблюдений. При этом важно подчеркнуть, что срез социологической информации, получаемый в результате исследования, анализируется в разрезе 14 социально-демографических категорий населения. Возможность изучения социального самочувствия и социального восприятия в отдельных социальных слоях позволяет ВолНЦ РАН в концентрированном виде предоставлять органам власти информацию о наиболее актуальных проблемах, волнующих представителей той или иной категории, об их реакции на различные события, происходящие в жизни страны и региона.

Формирование обширных баз данных опросов, накопленных за продолжительный период наблюдений, стало импульсом для выделения новых самостоятельных направлений исследований. Одним из таких востребованных направлений стало комплексное изучение феномена гражданского общества и его институтов. Однако интерес к этой теме вызван не только уникальной эмпирической базой, но и запросом со стороны общества и государства. Можно наблюдать уникальное сочетание научного и общественного интереса, а также внимание со стороны властных структур различного уровня, что и создало благоприятные условия для глубокого научного анализа.

В статье представлен обзор исследований по различным аспектам развития гражданского общества, осуществляемых учеными Вологодского научного центра РАН.

Эволюция осмысления феномена гражданского общества

Прежде чем обратиться к вкладу вологодских ученых в изучение гражданского общества, необходимо проследить эволюцию этой идеи. Будучи одной из центральных и наиболее дискуссионных в общественных науках, она представляет собой не единую догму, а «подвижное понятие», чье содержание менялось в зависимости от исторического контекста и политических вызовов (Дискин, 2024). В России эволюция изучения гражданского общества — это не просто смена академических парадигм, а прямое отражение глубоких политических, социальных и экономических трансформаций страны, что отмечают в своих работах ученые ВолНЦ РАН (Ильин, 2012).

До 1990-х годов в российской науке практически не использовался термин «гражданское общество» в его западном либеральном понимании, как сферы частной жизни, автономной от государства, что, безусловно, связано с историей развития российской государственности. В имперский период обсуждались понятия «общественность», «земство», «община». Русская философская и общественная мысль (например, споры западников и славянофилов) вела дискуссию об отношениях между государством и обществом. Преобладала парадигма сильного, патерналистского государства. В советский период это понятие почти не применялось, так как считалось атрибутом буржуазных отношений (Шамшура, 2017). Однако существовала реальная общественная активность в двух формах: официальные структуры, такие как профсоюзы, комсомол, добровольные народные дружины, которые были частью государственного аппарата, и неформальные практики, диссидентство (несанкционированные литературные, правозащитные и экологические кружки).

Распад СССР и переход к рыночной экономике и демократии вызвали взрывной интерес к теме. 1990-е годы можно обозначить как «золотой век» или либерально-демократический идеализм в исследованиях гражданского общества. В исследованиях появилась эйфория от «освобождения» от государства, вера в скорое построение демократии по западному образцу. Гражданское общество рассматривалось как неотъемлемая и безусловно позитивная часть демократического транзита. Это был «импорт» западных теорий без серьезной адаптации к российским реалиям. Изучение сводилось в основном к анализу роста «третьего сектора» — некоммерческих организаций (НКО), которые считались и считаются главными акторами гражданского общества (Косыгина, 2022а). К середине 1990-х годов исследователи стали отмечать, что предсказанный бум гражданской активности так и не наступил. Среди основных причин этого явления называется, во-первых, историческое наследие, выразившееся в отсутствии традиций самоорганизации и распространении патерналистских настроений. Во-вторых, ключевую роль сыграл экономический кризис, заставивший людей сосредоточиться на проблемах выживания в ущерб общественной деятельности (Горшков и др., 2018). Нако-

нец, многие НКО того периода существовали на гранты зарубежных фондов, что зачастую отрывало их деятельность от реальных потребностей населения.

В 2000-е годы с приходом к власти В.В. Путина и началом политики «укрепления вертикали власти» контекст начал кардинально меняться. На фоне стабилизации экономики, усиления роли власти во всех сферах жизни произошла смена парадигмы в исследованиях гражданского общества. Стал превалировать государственно-центричный подход (Ильин, 2012). В 2000–2010 гг. в России и ее регионах начали создаваться такие «новые» общественные структуры, как общественные палаты. Кроме того, на всех уровнях при органах власти формировались общественные советы, общественные государственно ориентированные движения (например, «Молодая Гвардия Единой России»), некоммерческие организации стали более активно финансироваться государством.

В ВолНЦ РАН систематическое изучение проблем развития гражданского общества было инициировано доктором экономических наук, профессором. В.А. Ильиным в 2010-х годах. Началу этих исследований способствовали два ключевых фактора: во-первых, солидная эмпирическая база социологических опросов, накопленная вологодскими учеными с 1993 года, во-вторых, активное включение ВолНЦ РАН в анализ состояния регионального гражданского общества. Важную роль в этом процессе сыграл личный опыт В.А. Ильина, занимавшего с 2009 по 2013 год пост председателя Общественной палаты Вологодской области. При его непосредственном участии сотрудники Центра на протяжении пяти лет ежегодно участвовали в подготовке докладов о развитии гражданского общества в регионе. Эти документы представлялись федеральным и региональным органам власти, а также Общественной палате РФ.

Одни из первых работ по теоретическому осмыслению феномена гражданского общества были выполнены сотрудниками лаборатории социально-экономических исследований (г. Череповец) *в сотрудничестве с кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета*. В 2011 году Т.А. Гужавиной, сотрудником лаборатории, на базе данных мониторинга общественного мнени-

ния ВолНЦ РАН была подготовлена и защищена кандидатская диссертационная работа «Социально-философские основания гражданского общества (общетеоретические подходы и региональная практика)» по социальной философии. Гражданское общество рассматривается в ней как определенное социальное пространство, в котором индивиды взаимодействуют в качестве независимых друг от друга и государства акторов, объединенных на принципах свободы и добровольности, самоорганизации и самоуправления. В работе на основе глубокого анализа теоретических моделей вводится понятие «*региональное гражданское общество*», которое представляет собой поливариантную систему взаимодействий и взаимосвязей, возникающих между социальными, экономическими, идеологическими и культурными субъектами и институтами данного региона². В ряде публикаций обосновывается вывод о том, что гражданское общество в его современном варианте активно формируется прежде всего в регионах (Гражданское общество..., 2015).

Важным шагом в исследовании гражданского общества в региональном аспекте стала коллективная монография вологодских ученых «Региональное гражданское общество: динамика развития» (В.А. Ильин, А.А. Шабунова, Д.В. Афанасьев, Т.А. Гужавина, Т.П. Кожина, И.Н. Дементьева, Д.А. Ластовкина). Несомненным достоинством работы стал тот факт, что в ней была представлена комплексная характеристика гражданского общества на региональном уровне (на примере Вологодской области). В работе использованы данные официальной статистики и социологические измерения, что позволило провести анализ деятельности общественных институтов, определить категории населения, составляющие ядро и периферию гражданского общества, показать специфику институционального и межличностного доверия, выявить особенности протестного поведения населения. Отмечается, что характерными чертами гражданского общества в России и ее регионах являются несовершенство законодательной базы; плохая информирован-

ность большинства населения о деятельности различных общественных организаций; отсутствие убежденности в эффективности такой деятельности; невысокий уровень межличностного доверия между гражданами, не считающими себя способными существенно влиять на общественное развитие; отсутствие чувства ответственности за происходящее вне пределов семьи. Авторы приходят к выводу, что институционализация новых форм и механизмов деятельности гражданского общества в России на современном этапе развития происходит в основном «сверху» (Региональное гражданское общество..., 2015).

Очередным результатом исследования регионального гражданского общества стала коллективная монография «Гражданское общество — общество граждан», подготовленная коллективом ученых и сотрудников ВолНЦ РАН *под научным руководством члена-корреспондента РАН, доктора экономических наук, профессора В.А. Ильина*. Основная мысль, которую стремился отразить авторский коллектив книги, заключается в том, что главным фактором развития, фундаментом гражданского общества являются прежде всего гражданское самосознание и гражданская активность широких слоев населения, а не количество и разнообразие действующих институтов гражданского общества. В связи с этим повышенное внимание авторы уделили проблемам современного, постсоветского общества: психологическим, социально-экономическим, культурно-нравственным и другим (Морев и др., 2018).

Значительное место в исследованиях ВолНЦ РАН занимает анализ гражданского общества как фактора *социальной консолидации*. В монографии «Социальная консолидация регионального сообщества», подготовленной *под научным руководством д.э.н. А.А. Шабуновой коллективом авторов (М.В. Морев, О.Б. Молодов, Т.П. Кожина, И.Н. Дементьева, Е.О. Смолева, В.С. Каминский)*, был сделан важный вывод о том, что в российском обществе параллельно протекают два разнонаправленных процесса: с одной стороны, наблюдается улучшение социального настроения и рост удовлетворенности жизнью, а с другой — сужение интересов граждан до частных, семейных проблем. Эта двойственность лежит в основе социальной атомизации. В итоге в обществе с высоким уровнем

² Гужавина Т.А. (2011). Социально-философские основания гражданского общества (общетеоретические подходы и региональная практика): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск.

атомизации и деконсолидации проблемы социального неравенства и несправедливости становятся ключевым фактором, формирующим высокий уровень латентной социальной напряженности (Морев и др., 2017).

Продуктивным оказался взгляд на гражданское общество через призму социокультурного анализа, основы которого были заложены еще П. Сорокиным. Это позволило рассмотреть гражданское общество как форму организации социальной жизни и как результат процесса системообразования, совершаемого эволюционным путем при активном участии различных субъектов. С позиции данного подхода гражданское общество можно рассматривать как особую область социального пространства, возникающую на стадии индустриального развития стран Запада и Востока и создающую реальные культурные, личностные и социально-организационные предпосылки для динамического, сбалансированного взаимодействия «системного» и «жизненного» миров современного социума. Метафора пространства дает возможность выделить рамки гражданского общества и дистанцировать его от других сфер, что весьма продуктивно для анализа данного феномена³.

Важным аспектом в рамках изучения гражданского общества стали исследования, посвященные феномену *доверия*. Исследования доверия проводятся в мониторинговом режиме начиная с 1996 года и продолжаются в настоящее время. Феномен доверия является важнейшим основополагающим элементом для самого факта существования гражданского общества. На основе проводимых наблюдений и анализа накопленных данных был сделан вывод о том, что «важнейшей характеристикой состояния гражданского общества является степень доверия населения органам власти» (Ильин, 2012, с. 9–10). Говоря о возможных в тот период перспективах развития гражданского общества, В.А. Ильин отмечал: «Становление эффективно функционирующего гражданского общества обеспечивается только в том случае, если его элементы структурно

организованы и по вертикали, и по горизонтали, когда оно сильно и государством, и гражданским основанием» (Ильин, 2012, с. 11). Развивая это направление, Т.А. Гужавина рассматривает проблему роли и значения доверия для развития и функционирования гражданского общества. Определив в качестве приоритетного доверие к абстрактным системам, на основе анализа данных мониторинга общественного мнения автор выделяет те институциональные структуры, которые пользуются наибольшим доверием среди жителей Вологодской области (Гужавина, 2012).

В исследованиях относительно доверия изучалась и его роль в модернизационном развитии региона. Показано, что доверие формирует экономическую среду, влияет на экономические процессы и служит основой для выработки государственной политики (Гужавина, 2014). Доверие (как на институциональном, так и на межличностном уровне) является неэкономическим фактором развития. В кризисные периоды его роль возрастает (Шабунова и др., 2015а).

Анализ состояния доверия в региональном социуме позволил выявить факторы, его порождающие, а также дать характеристику групп индивидов, дифференцированных по уровню доверия. Особый интерес привлекала группа «недоверяющих», выделенная в ходе эмпирических исследований ВолНЦ РАН. Для ее характеристики была разработана специальная методика написания социологического портрета, позволившая выделить существенные черты ее представителей (Гужавина, Силина, 2018).

В целом исследовательский подход ученых ВолНЦ РАН к осмыслению гражданского общества можно охарактеризовать как прикладную, эмпирически насыщенную и регионально-ориентированную школу. Главная ценность научных работ коллектива заключается в переводе абстрактных философско-политологических концепций на язык конкретных социальных индикаторов и практик, применимых к российским реалиям, особенно на региональном уровне. Среди ключевых индикаторов развития гражданского общества, которые получили наибольшее внимание в исследованиях ВолНЦ РАН, выделяются социальный капитал, оценка деятельности некоммерческого сектора как института гражданского общества, а также потенциал и реальные практики гражданского участия.

³ В 2014, 2016, 2022 годах результаты исследований ВолНЦ РАН, касающиеся состояния регионального гражданского общества, были представлены на Международной научной конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения)».

Гражданское общество и социальный капитал

Исследование гражданского общества, его структуры, функций, субъектов, понимание его как социального пространства, где пересекаются поля и образующие их габитусы, породило интерес к изучению более глубоких структурных оснований регионального социума. Ученых заинтересовала тема социального капитала, которая начала проследиваться в научных публикациях с начала 2000-х годов и вылилась позднее в полномасштабное научное направление с грантовыми исследованиями и уникальными мониторинговыми замерами в социуме, тем более что понятия гражданского общества и социального капитала занимают особые позиции в попытках описать и определить неформальные и зачастую нематериальные социальные структуры и взаимосвязи, которые могут помочь закрепить демократические практики. *Социальный капитал — необходимое условие нормального функционирования гражданского общества, демократии и экономических взаимоотношений.*

Аналитическое исследование теоретической направленности по проблематике социального капитала дало возможность исследователям внести определённый вклад в концепцию, предложив свой авторский подход к измерению социального капитала. В его рамках была разработана и методологически обоснована индикаторная модель измерения социального капитала. Индикаторная модель представляет собой совокупность индикаторов, сформированную на определенном концептуальном основании и позволяющую получить в систематизированном виде информацию об изучаемом явлении, выявить взаимосвязи между его составляющими (Афанасьев и др., 2016).

При построении индикаторной модели принципиальным моментом с методологической точки зрения стало призвание его в качестве индикатора интегрального типа и как обобщающее понятие, в котором выделяются совокупность операциональных понятий, таких как доверие, сети, ценности и нормы, солидарность, возможность влиять на положение дел. Для измерения такого показателя, как доверие, использовались индикаторы, характеризующие состояние сознания респондентов относительно доверия окружающим их акторам и

институтам, с которыми они взаимодействуют. Данные виды доверия принято характеризовать как межличностное и институциональное. Индикатором включенности в социальные сети служат суждения, характеризующие состояние сознания респондентов относительно согласия, солидарности, готовности к объединению. Измерение сетевого взаимодействия возможно на основании индикаторов включенности, ответственности за состояние дел, солидарности. Достаточность выделенных индикаторов определена тем, что они позволяют оценить состояние выделенных показателей (доверие, сети, солидарность, влияние), характеризующих социальный капитал определенного типа.

При построении индикаторной модели социального капитала включаются в алгоритм следующие аналитические действия: выявление обобщающего понятия, содержащего совокупность операциональных понятий, выделение данных понятий, отбор необходимого количества показателей, определяемого на основании гипотезы исследования, применение аналитических математических методов (Гужавина, Воробьева, 2017). Эмпирической базой для первого анализа послужили данные опроса, проведенного в июне 2016 года в рамках гранта РГНФ «Региональный социальный капитал в условиях кризиса».

На основании индикаторной модели рассчитывается интегральный индекс социального капитала для каждого респондента, что позволяет выявить группы его носителей, оценить уровень накопленных социальных ресурсов. Все респонденты распределяются по пяти группам: от минимального уровня накопления социального капитала до максимального. Они достаточно стабильны, что дает представление не только о состоянии социального капитала и его динамике, подверженности влиянию внешних факторов, но и о структуре регионального социума, а это уже возможности для социального прогнозирования. Методика апробирована, показала свою валидность. Особо отметим актуальность изучения региональных аспектов социального капитала, что важно для стран, имеющих значительное территориальное и этническое разнообразие. По итогам исследования была опубликована коллективная монография «Региональный социальный капитал

в условиях кризиса» под редакцией Т.А. Гужавиной (Д.В. Афанасьев, И.Н. Воробьева, А.А. Мехова, М.В. Морев, И.Н. Дементьева) (Гужавина и др., 2018).

Разработанная методика позволила изучить и проанализировать состояние социального капитала различных социальных групп: городского населения (Гужавина, 2018а), сельского населения (Гужавина, 2018b), молодежи (Ясников, 2019). Через призму социального капитала удалось взглянуть на систему ценностей населения региона (Гужавина, Воробьева, 2018), волонтерские практики (Гужавина, 2019), социальное участие (Воробьева, Гужавина, 2022), цифровые практики (Гужавина, 2021) и ряд других аспектов.

Дальнейшее изучение социального капитала концентрируется на его взаимосвязи с коллективными действиями. В рамках этого направления был реализован грантовый проект РФФИ «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» (Т.А. Гужавина, К.Е. Косыгина, И.Н. Дементьева, Ю.В. Уханова, Д.В. Афанасьев, Н.Н. Ясников, Д.А. Ластовкина). Коллективные действия рассматриваются как основа социального взаимодействия, представляя собой систему организованных действий индивидов в группах. Практически каждый человек в той или иной форме в них вовлечен. При этом социальный капитал выступает ключевым фактором, определяющим интенсивность, результативность и массовость этих действий, а сам, в свою очередь, формируется и укрепляется под их влиянием. В ходе исследования на основе теоретического анализа была разработана индикаторная модель, измеряющая готовность акторов к коллективным действиям. Эта модель была апробирована на примере территориального сообщества Вологодской области, что позволило выявить динамические характеристики социального капитала и коллективных действий. Сравнительный анализ данных опросов в Калининграде, Мурманске, Петрозаводске, Вологде и Череповце помог определить территориальные особенности формирования коллективных действий. Важным результатом работы стала детальная характеристика субъектов и практик коллективных действий, а также анализ влияния на них пандемии. Итоги исследования представлены в монографии (Гужавина и др., 2022).

Гражданское общество в социально-экономическом измерении: роль некоммерческого сектора

В рамках исследований гражданского общества, проводимых в ВолНЦ РАН, с 2017 года осуществляются мониторинг и оценка одного из его ключевых институтов — некоммерческого сектора. Важным результатом этой работы стала успешная защита двух кандидатских диссертаций: в 2021 году — К.Е. Косыгиной «Развитие некоммерческого сектора в экономике региона» (рук. д.э.н. А.А. Шабунова); в 2025 году — А.С. Артамоновой «Социально ориентированные некоммерческие организации как инструмент управления сбалансированным развитием региональных экономических систем» (рук. д.э.н. Е.В. Базуева).

В исследованиях К.Е. Косыгина применяется комплексный подход, формируя системное видение роли некоммерческого сектора в региональной экономике. Центральным вкладом автора является предложенная трактовка некоммерческого сектора как хозяйственной подсистемы региона. Она определяется как совокупность негосударственных некоммерческих организаций, чья деятельность направлена на достижение общих целей социально-экономического развития. Основные результаты авторского подхода изложены в монографии «Некоммерческий сектор в экономике региона» под научной редакцией А.А. Шабуновой (Косыгина, 2022а).

В работах анализируются тенденции, особенности и закономерности развития данного сектора. В частности, выявлены значительная неравномерность его развития в российских регионах (Косыгина, 2018; Косыгина, 2019а), высокий уровень территориальной дифференциации представительства некоммерческого сектора в рамках одного региона, его сужение в малых территориях (Косыгина, 2023). Для количественного анализа автор адаптирует методологию бизнес-демографии, предлагая расчет коэффициентов рождаемости и смертности применительно к некоммерческим организациям (Косыгина, 2019b). В рамках исследования был разработан методический подход к комплексной оценке рисков и факторов развития некоммерческого сектора, основанный на сочетании экспертных опросов и массовых социологических исследований. Согласно опросу руководителей социально ориентированных

НКО Вологодской области, ключевыми проблемами являются недостаточная финансово-экономическая база организаций и дефицит квалифицированных кадров, внутренняя разрозненность некоммерческого сектора, дисфункции в системе взаимодействия с органами власти (Косыгина, 2018). Массовый опрос населения позволил идентифицировать дополнительные социальные барьеры: низкая информированность граждан о деятельности НКО; недостаточный уровень доверия к ним; слабая вовлеченность жителей в работу некоммерческих организаций (Уханова, Косыгина, 2019; Уханова и др., 2020; Косыгина, 2022b).

Особый практический интерес представляет разработанный методический инструментарий, позволяющий оценить роль социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) как субъектов хозяйственной деятельности и определить их вклад в экономику региона. В его основу положены три модели экономического поведения организаций: «СОНКО — объединенный благотворитель», «СОНКО — социальный предприниматель», «СОНКО — добровольческий центр». Определено, что вклад СОНКО в валовой региональный продукт субъектов СЗФО варьируется в пределах 1,5% (Шабунова, Косыгина, 2019a). Разработанный методологический инструментарий может использоваться в практике государственного управления. Его применение позволяет провести сравнительные замеры экономического вклада сектора на различных территориях, выявить, какая из трех моделей преобладает в регионе, а также может выступить основой для региональных органов власти в части разработки мер по поддержке и привлечению организаций некоммерческого сектора к решению проблем регионального развития.

Исследования в сфере гражданского общества и некоммерческого сектора были расширены за счёт анализа взаимодействий между государством, бизнесом и некоммерческим сектором. В результате были систематизированы основные формы межсекторных партнёрств и выявлена ключевая тенденция: сотрудничество активно распространяется на региональный и муниципальный уровень, что позволяет

эффективно объединять ресурсы всех сторон для развития территорий (Косыгина, 2020b). Показано, что государством в целом созданы правовые условия и организационно-экономические инструменты для привлечения в социальную сферу новых поставщиков услуг — социально ориентированных некоммерческих организаций, в том числе в регионах, при этом доля государственного финансирования незначительна. Доказано, что СОНКО не являются реципиентом государства, напротив, выступают донорами, аккумулирующими средства из разных источников на решение социальных проблем, что подтверждает их экономическую значимость (Шабунова, Косыгина, 2019a). На основе анализа разработаны практические инструменты для совершенствования государственного управления некоммерческим сектором в российских регионах через механизмы межсекторного социального партнерства (Косыгина, 2021b).

Вопросы роли СОНКО в обеспечении сбалансированного развития территорий рассматривались в работах к.э.н. А.С. Артамоновой и д.э.н. Е.В. Базуевой. Авторы приходят к выводу, что участие некоммерческого сектора в социально-экономических процессах способствует решению ряда ключевых задач, таких как снижение неравенства (вовлечение СОНКО позволяет уменьшить дисбаланс в доступности общественно полезных услуг для населения); повышение эффективности (деятельность СОНКО усиливает общую эффективность региональной экономики); сокращение дифференциации (в долгосрочной перспективе привлечение некоммерческого сектора ведет к смягчению пространственной дифференциации в рамках национальной экономики) (Артамонова, Базуева, 2022a). Анализ показал, что СОНКО фокусируют свою работу в таких приоритетных сферах, как образование, здравоохранение и социальная поддержка. Именно эти области формируют базовые потребности населения, которые государство не всегда в состоянии удовлетворить в полном объеме, особенно с учетом территориальной удаленности и индивидуальных запросов граждан. При оценке результативности своей деятельности СОНКО ориентируются прежде всего на ее социальную

значимость, применяя точечные механизмы для решения актуальных проблем целевых групп. В исследовании также идентифицирован и детализирован комплекс потенциальных социально-экономических эффектов от системной и долгосрочной работы СОНКО в их ключевых сферах деятельности (Артамонова, Базуева, 2022b).

А.С. Артамоновой и Е.В. Базуевой разработан и апробирован авторский подход к оценке влияния СОНКО на сбалансированное развитие региональной экономики. В отличие от существующих методов он рассматривает СОНКО как активного экономического агента, выполняющего широкий спектр функций. На основе модели экономического роста Мэнкью — Ромера — Уэйла были построены эконометрические модели. Моделирование с учетом пространственной структуры и временных лагов показало, что прямое влияние СОНКО на экономический рост снижается. Однако их вклад в социальную сферу значителен: в среднем они повышают индекс человеческого развития региона на 0,3 пункта. Поскольку анализ подтвердил высокую значимость человеческого капитала для роста экономики, можно заключить, что СОНКО оказывают на экономику опосредованное, но важное влияние (Артамонова и др., 2025).

На основе способности диверсифицировать бюджет и спектр решаемых задач были выделены условные типы СОНКО. Для их устойчивого развития предложены меры по оптимизации внешней и внутренней среды, а также организационно-экономический механизм. Его ключевые особенности: циклическое стимулирование и адаптация методов управления под стадию жизненного цикла организации (Артамонова, Базуева, 2024).

Несмотря на то, что некоммерческий сектор является неотъемлемым и экономически значимым институтом гражданского общества, вносит прямой вклад в региональную экономику и играет важную роль в обеспечении сбалансированного развития, снижая социальное неравенство, повышая эффективность экономики и способствуя развитию человеческого капитала, он еще выступает ассоциированной формой гражданского участия (Косыгина, 2020а).

Гражданское участие

Уровень гражданской активности и вовлеченности населения в деятельность институтов гражданского общества во многом зависит от модели ее формирования — «сверху» или «снизу». Как подчеркивает В.А. Ильин, для России особенно важен наметившийся тренд на развитие низовой *гражданской активности или гражданского участия*. Этот феномен находит выражение в широком спектре инициатив — от локальных проектов по благоустройству до участия в федеральных конкурсах (Ильин, 2017).

Активные исследования в этой области проводятся в ВолНЦ РАН с 2018 года. За это время группой исследователей был успешно реализован ряд проектов, поддержанных ведущими российскими научными фондами⁴. Данные проекты охватывают как фундаментальные теоретико-методологические аспекты явления, так и прикладные проблемы, включая цифровизацию гражданских практик и разрешение социальных противоречий.

В ходе реализации в 2020 году грантового проекта «Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования» (Ю.В. Уханова) осмыслены теоретико-методологические подходы к исследованию проблематики гражданского участия, представленные в трудах зарубежных и отечественных ученых. Гражданское участие трактуется как процесс, посредством которого общественные организации или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие) и другими социально-политическими институтами (горизонтальное взаимодействие) в целях решения общественно значимых задач (Уханова, 2020).

Выводы и результаты, полученные в работе над концептуализацией понятия «гражданское участие», послужили основой для новых иссле-

⁴ Проекты при поддержке научных фондов: «Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования»; «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне» (РФФИ, 2019–2021 гг.); «Диджитализация гражданского участия: прогресс в достижении социальных эффектов vs имитация общественно полезной деятельности» (РФФИ, 2021 г.); «Преодоление социальных противоречий малых территорий: участие местного сообщества» (РНФ, 2023–2024 гг.).

довательских проектов. Научный коллектив в рамках проекта «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне» (Ю.В. Уханова, К.Е. Косыгина, Т.А. Гужавина, Е.О. Смолева, И.Н. Дементьева, А.С. Артамонова) разработал и апробировал методологический подход к комплексному изучению гражданского участия с учетом специфики форм его проявления, а также барьеров реализации и путей их преодоления на региональном уровне. Осуществлено сравнение условий развития гражданского участия в России и зарубежных странах; изучены факторы участия граждан и общественных организаций в решении социально значимых проблем в мировой и российской практике; выявлены особенности среды гражданского участия на региональном уровне; оценено влияние практик гражданского участия на развитие городского пространства в изучаемых регионах. Сделан вывод о том, что для развития гражданского участия регионального сообщества представляется своевременным активное использование информационных ресурсов. Разработана комплексная методика измерения барьеров гражданского участия. В результате осуществления типологизации выделены внешние барьеры участия, которые имеют институциональную (нормативно-правовые, организационные, информационные, социально-технологические) и социокультурную природу, и внутренние, связанные непосредственно с ценностно-мотивационными и социально-психологическими ориентирами субъектов участия и межличностными коммуникациями при реализации общественно полезной деятельности. На основе типологизации барьеров гражданского участия разработаны механизмы для их преодоления на региональном уровне, внедрение которых будет способствовать повышению эффективности реализации потенциала гражданского участия в решении актуальных проблем населения на местах (Уханова и др., 2022).

В рамках проекта «Диджитализация гражданского участия: прогресс в достижении социальных эффектов vs имитация общественно полезной деятельности» (Ю.В. Уханова, К.Е. Косыгина, М.А. Груздева, А.В. Попов, Е.О. Смолева) было расширено исследовательское поле в отношении специфики граж-

данского участия. В ходе работы проведена оценка цифрового неравенства как ключевой угрозы цифровизации гражданского участия на региональном и муниципальном уровнях (Груздева, 2020); проанализирован потенциал адаптации зарубежного опыта цифрового гражданского участия к российским условиям (Попов, 2022); выявлены основные тенденции и региональные особенности гражданского участия в цифровом пространстве России (Смолева, Попов, 2022); оценены применимость и эффективность информационно-коммуникационных технологий в работе некоммерческих организаций как одной из форм гражданского участия (Косыгина, 2021a).

В фокусе следующего этапа исследования оказалось гражданское участие на муниципальном уровне в рамках проекта «Преодоление социальных противоречий малых территорий: участие местного сообщества», реализованного при поддержке Российского научного фонда (Ю.В. Уханова, К.Е. Косыгина, Е.О. Смолева, Е.Д. Копытова). Были не только систематизированы существующие методические подходы к изучению социальных противоречий малых городов и поселений в современном научном дискурсе, но и предложены авторские методы их диагностики. В рамках работы проведено комплексное измерение уровня социально-экономического развития малых территорий. Апробированная на 96 малых городах семи регионов СЗФО и ЦФО, авторская методика позволила выявить ключевые проблемы и определить потенциальные точки роста (Ukhanova et al., 2024). Скрупулезный анализ динамики индекса качества городской среды, подкрепленный данными социологических опросов, дал четкую картину основных социальных противоречий, в том числе увиденных глазами самих жителей (Смолева, Косыгина, 2024). В результате были обобщены действующие механизмы вовлечения местных сообществ в развитие малых территорий и детально проанализирован вклад такого участия в разрешение социальных конфликтов. Итогом исследования стала разработка индивидуальных траекторий развития для малых территорий, основанных на принципе активного включения местного сообщества в процессы преобразований.

О перспективах развития научного направления

В целом научный вклад ВолНИЦ РАН заключается в формировании целостной и доказательной картины развития гражданского общества в российских регионах. Комплексный междисциплинарный подход, объединяющий социологию, экономику, философию и политологию, позволил не только описать структурные компоненты и динамику гражданских институтов, но и разработать практические инструменты для их оценки и поддержки. Накопленный уникальный массив данных и разработанные методики создают фундамент для дальнейших исследований, в том числе в области взаимосвязи культуры, ценностей и гражданской активности, что определяет перспективные направления для будущей научной

деятельности в рамках изучения гражданского общества.

Особую значимость в этом контексте приобретает нравственная составляющая гражданского общества, исследование которой становится не просто одним из будущих направлений анализа, а ключевым элементом понимания его сути. Гражданское общество — это не только сеть институтов и организаций, но и, прежде всего, сообщество граждан, объединенных общими ценностями. К ним относятся солидарность, взаимное уважение, доверие, чувство личной и коллективной ответственности за происходящее в стране и регионе, а также приверженность принципам справедливости. По сути, гражданское общество — это среда, где рождаются и воспроизводятся нравственно-этические нормы и ценности.

Литература

- Артамонова А.С., Базуева Е.В. (2022a). Некоммерческий сектор региона как инновационный фактор нивелирования пространственной дифференциации экономики России // *Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы*. Т. 1. С. 212–224.
- Артамонова А.С., Базуева Е.В. (2022b). Эффективность деятельности некоммерческих организаций для региональной экономики: концептуальные основы идентификации // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 6. С. 215–231. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.13
- Артамонова А.С., Базуева Е.В. (2024). Сбалансированное развитие региона на основе активации деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 6. С. 152–166. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.8
- Артамонова А.С., Базуева Е.В., Радионова М.В. (2025). Влияние деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на сбалансированное развитие регионов // *Экономика региона*. Т. 21. № 1. С. 100–115. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-1-8
- Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А. (2016). Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 6. С. 110–125. DOI: 10.15838/esc/2016.6.48.6
- Воробьева И.Н., Гужавина Т.А. (2022). Социальный капитал как фактор социального участия: кейс Вологодской области // *Социологический журнал*. Т. 28. № 4. С. 82–101.
- Горшков М.К., Петухов В.В., Андреев А.Л. [и др.] (2018). Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. Москва: Весь Мир. 384 с.
- Гражданское общество в российских регионах (2015): монография / под ред. Т.А. Гужавиной; СибАК. Новосибирск. 140 с.
- Груздева М.А. (2020). Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 13. № 5. С. 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5
- Гужавина Т.А. (2012). Социальное доверие в гражданском обществе // *Проблемы развития территории*. № 6 (62). С. 115–122.
- Гужавина Т.А. (2014). Доверие и его роль в модернизационном развитии региона // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 5 (35). С. 156–172. DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.12
- Гужавина Т.А. (2015). Региональное гражданское общество: условия и факторы существования // *Проблемы развития территории*. № 3 (77). С. 58–71.

- Гужавина Т.А. (2018a). Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 4. С. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16
- Гужавина Т.А. (2018b). Социальный капитал сельского населения: к оценке состояния // Проблемы развития территории. № 4 (96). С. 136–152. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.9
- Гужавина Т.А. (2019). Волонтерство через призму концепции социального капитала // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Социология. Педагогика. Психология. Т. 5 (71). № 2. С. 3–18.
- Гужавина Т.А. (2021). Новые цифровые практики как внешний эффект социального капитала // Society and Security Insights. Т. 4. № 4. С. 95–109.
- Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Воробьева И.Н. [и др.] (2015). Региональное гражданское общество: динамика развития: монография / под науч. рук. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН. 170 с.
- Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Воробьева И.Н. [и др.] (2018). Региональный социальный капитал в условиях кризиса. Череповец: Череповецкий государственный университет. 220 с.
- Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Дементьева И.Н. [и др.] (2022). Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 228 с.
- Гужавина Т.А., Воробьева И.Н. (2017). Применение факторного анализа при измерении социального капитала // Социальное пространство. № 4 (11).
- Гужавина Т.А., Воробьева И.Н. (2018). Ценностные установки в контексте социального капитала населения региона // Siberian Socium. Т. 2. № 4. С. 20–29. DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-4-20-29
- Гужавина Т.А., Силина Т.А. (2018). «Недоверяющие»: социологический портрет группы (по результатам исследований в Вологодской области) // Вопросы территориального развития. № 1 (41). DOI: 10.15838/tdi/2018.1.41.4
- Дискин И.Е. (2024). Гражданское общество: в поисках сущности // Общественные науки и современность. № 4. С. 65–79. DOI: 10.31857/S0869049924040059
- Ильин В.А. (2012). На трудном пути к сильному гражданскому обществу // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (24). С. 9.
- Ильин В.А. (2017). Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 4. С. 9–40. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.1
- Косыгина К.Е. (2018). Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций // Проблемы развития территории. № 3 (95). С. 107–121. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.7
- Косыгина К.Е. (2019a). Социальная экономика: реалии и возможности развития в российских регионах // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. № 6 (79). С. 222–236. DOI: 10.21295/2223-5639-2019-6-222-236
- Косыгина К.Е. (2019b). Функционирование некоммерческих организаций в территориальном контексте // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. Т. 29. № 1. С. 27–33.
- Косыгина К.Е. (2020a). Барьеры гражданского участия в деятельности некоммерческих организаций: региональное измерение // Вопросы территориального развития. Т. 8. № 2. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28525>; DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.5
- Косыгина К.Е. (2020b). Межсекторное взаимодействие: типы отношений и тенденции развития в современном российском обществе // Проблемы развития территории. № 6 (110). С. 50–66. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.4
- Косыгина К.Е. (2021a). Вовлеченность населения региона в онлайн-участие: опыт некоммерческих организаций // Вестник университета. № 12. С. 157–167.
- Косыгина К.Е. (2021b). Инструменты развития некоммерческого сектора в регионе // Проблемы развития территории. Т. 25. № 6. С. 67–81. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.4
- Косыгина К.Е. (2022a). Некоммерческий сектор в экономике региона. Вологда: ВолНЦ РАН. 207 с.
- Косыгина К.Е. (2022b). Факторы развития регионального некоммерческого сектора: социологическая диагностика // Society and Security Insights. Т. 5. № 3. С. 87–102. DOI: 10.14258/ssi(2022)3-06
- Косыгина К.Е. (2023). Роль местных сообществ в развитии малых территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 210–229. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.12

- Морев М.В., Гужавина Т.А., Смолева Е.О. [и др.] (2018). Гражданское общество – общество граждан. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 206 с.
- Морев М.В., Смолева Е.О., Дементьева И.Н. [и др.] (2017). Социальная консолидация регионального сообщества. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 164 с.
- Попов А.В. (2022). Особенности цифрового гражданского участия в России и за рубежом // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. Т. 3. № 1. С. 87–101. DOI: 10.18334/social.3.1.114242
- Смолева Е.О., Косыгина К.Е. (2024). Развитие малых городов: от индивидуальных траекторий к стратегическому планированию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 169–183. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.9
- Смолева Е.О., Попов А.В. (2022). Особенности цифрового гражданского участия в ракурсе современных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 154–166. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.8
- Ускова Т.В. (2020). Проблемы устойчивого развития и стратегического планирования в исследованиях ВолНЦ РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 6. С. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.1
- Уханова Ю.В. (2020). Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 23. № 3. С. 25–50. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.2
- Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. (2019). Некоммерческий сектор в оценках населения региона: социально-демографический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 2. С. 29–38.
- Уханова Ю.В., Косыгина К.Е., Леонидова Е.Э. (2020). Тенденции и барьеры развития добровольчества в городе Вологде // Социальное пространство. Т. 6. № 1. DOI: 10.15838/sa.2020.1.23.2
- Уханова Ю.В., Косыгина К.Е., Смолева Е.О. [и др.] (2022). Гражданское участие: региональные особенности и барьеры развития. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 237 с.
- Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. (2015). Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. № 2 (76). С. 7–19.
- Шабунова А.А., Косыгина К.Е. (2019a). Методика оценки экономической значимости некоммерческого сектора в регионе // Проблемы развития территории. № 5 (103). С. 7–23. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.1
- Шабунова А.А., Косыгина К.Е. (2019b). Проблемы государственного управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 4. С. 86–103. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6
- Шабунова А.А., Морев М.В., Россошанский А.И., Белехова Г.В. (2015). Уровень жизни и социальная реальность: мониторинг перемен: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 122 с.
- Шамшура К.А. (2017). Концепт «Гражданское общество» в российской политической науке // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. №. 3. С. 390–396.
- Ясников Н.Н. (2019). Факторы формирования социального капитала молодежи // Социальное пространство. № 5. DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.4
- Ukhanova Yu.V., Kopytova E.D., Zhestyannikov S.G. (2024). Impact of Citizen Participation on Solving the Social Problems of Small Regional Towns in Russia. *Changing Societies & Personalities*, 8(1), 57–77.

Сведения об авторах

Ксения Евгеньевна Косыгина — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Татьяна Анатольевна Гужавина — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Kosygina K.E., Guzhavina T.A.

The Logic of Development of Civil Society Studies at VolRC RAS

Abstract. The article presents the formation and development of a research field dedicated to the study of civil society at Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolRC RAS; previously known as VSCC CEMI RAS, ISEDT RAS). The Center's research tradition, originating in 1993 with the launch of a public opinion monitoring, has allowed for the creation of a unique long-term empirical database. Building upon this foundation in the 2010s, under the leadership of Doctor of Sciences (Economics), RAS Corresponding Member, Professor V.A. Ilyin, a systematic study of civil society from a regional perspective was initiated. The formation of this research field is revealed through three key research vectors. First, the analysis of civil society through the lens of social capital. The research team developed and tested an original indicator model for its quantitative measurement, enabling the study of the dynamics, structure, and characteristics of the bearers of this resource. The social capital of a regional community is considered a condition for civil society development. Second, monitoring and assessment of one of the key institutions of civil society – the non-profit sector – is conducted, and its role in the socio-economic development of the region is investigated. Methodologies for assessing its contribution to the gross regional product and balanced regional development have been developed; models of economic behavior of organizations and key barriers to their functioning have been identified. Third, the phenomenon of civic participation is conceptualized, external and internal barriers to its realization are identified, and mechanisms for overcoming them are proposed, including in the context of digitalization. Overall, the research approach of VolRC RAS staff to the study of civil society can be characterized as an applied, empirically rich, and regionally-oriented school. The principal value of the team's scholarly work lies in translating abstract philosophical and political science concepts into the language of concrete social indicators and practices applicable to Russian realities, especially at the regional level. The accumulated body of data and the developed methodological tools for assessing elements of civil society create a basis for evidence-based analysis and the formulation of practical recommendations for public authorities.

Key words: monitoring, region, public opinion, research field, civil society, social capital, civic participation, non-profit sector.

Information about the Authors

Kseniya E. Kosygina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Tatyana A. Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophy) Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Статья поступила 14.10.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.14

УДК 316.4.066, ББК 60.74

© Башева О.А., Черникова Е.Ф., Ведунова М.В.

Междисциплинарные пересечения исследований детерминант старения

Ольга Александровна БАШЕВА

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: olgabasheva.ru@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1459-0091; ResearcherID: M-9640-2015

Екатерина Федоровна ЧЕРНИКОВА

Нижегородский НИИ гигиены и профессиональной патологии

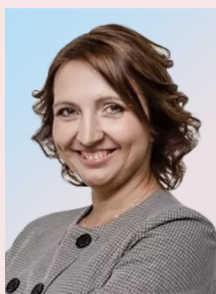
Роспотребнадзора

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: chernikova_ef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0565-4551; ResearcherID: ADO-9449-2022

Мария Валерьевна ВЕДУНОВА

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: mvedunova@unn.ru

ORCID: 0000-0001-9759-6477; ResearcherID: A-6773-2014

Для цитирования: Башева О.А., Черникова Е.Ф., Ведунова М.В. (2025). Междисциплинарные пересечения исследований детерминант старения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 279–295. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.14

For citation: Basheva O.A., Chernikova E.F., Vedunova M.V. (2025). Interdisciplinary intersections of research on the determinants of aging. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 279–295. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.14

Аннотация. В статье представлен обзор актуальных исследований, посвященных анализу социальных детерминант процесса старения, начинающегося уже в среднем возрасте и являющегося результатом индивидуального развития человека. Хотя в качестве его фундаментальных механизмов ученые в первую очередь отмечают биологические признаки, в последнее время обозначился тренд на понимание старения как многопланового процесса, включающего социальные и психологические признаки, а также подвергающегося влиянию средовых факторов, которые могут контролироваться волей субъектов. В связи с этим актуализируются вопросы междисциплинарности при исследовании старения как биосоциопсихологического процесса, а также выделения факторов, поддающихся моделированию. Существуют разные классификации факторов, влияющих на функциональные возможности пожилых людей. В большинстве случаев они делятся на три группы: индивидуальные, социальные и связанные с окружающей средой. Обычно факторы, не относящиеся к внутренним способностям и качеству здоровья, причисляют к социальным детерминантам здоровья, на которые можно воздействовать. В последние годы развивается идея о возможности конструирования старости, представляющего собой совокупность стратегий по созданию и реализации образа желаемой старости, что открыло позитивную перспективу исследований, а также новые векторы для развития социальной политики. Ее целью является формирование условий для успешного старения и здорового долголетия. Концепция успешного старения в XXI веке стала альтернативой идее упадка в старости и отражает социальный запрос, поскольку демографический сдвиг привел к тому, что число людей пенсионного возраста ежегодно увеличивается, и по прогнозам к 2030 году каждый шестой человек в мире будет старше 60 лет.

Ключевые слова: демографический переход, концепция успешного старения, моделирование старости, социальные детерминанты старения, траектории старения.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках проекта «Исследование когнитивного долголетия и способов его продления» (FSWR-2025-0009), руководитель М.В. Ведунова, директор Института биологии и биомедицины ННГУ имени Н.И. Лобачевского.

Введение: новый взгляд на процесс старения

Старение населения представляет собой уникальный демографический сдвиг, оказывающий воздействие практически на все аспекты общественной жизни. К 2030 году по прогнозам каждый шестой человек в мире будет старше 60 лет, к 2050 году число людей в этой возрастной группе удвоится до 2,1 млрд человек, а число людей старше 80 лет утроится, достигнув 426 млн человек¹. При этом ожидаемая продолжительность здоровой жизни может не измениться, что приведет к увеличению количества лет, прожитых с плохим состоянием здоровья, сниженными физическими и умственными способностями, а зачастую еще в бедности и отчуждении, что будет иметь негативные последствия для всего общества. Уже в 2017 году,

по данным мировой статистики, количество заболеваний, связанных со старением, составляло 51,3% от общего мирового бремени болезней (Chang et al., 2019). Особенно острой стала проблема роста нейродегенеративных расстройств, таких как болезнь Альцгеймера. Поэтому максимальное увеличение продолжительности здоровой жизни становится одной из основных задач общественного здравоохранения.

Процесс старения биологически сложен и неоднороден, ему свойственны значительные различия в жизненном опыте людей, включая физическое, социальное и психологическое функционирование (Cosco et al., 2017). Биологическое старение описывается как постепенное или прогрессирующее ухудшение здоровья, в том числе функциональное нарушение физиологических систем и болезни, что в конечном итоге приводит к смерти (López-Otín et al., 2013). Понимание биологических основ самого процесса старения и возможность «манипу-

¹ Ageing and health. World Health Organization. Available at: <https://who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (accessed: 14.08.2025).

лизовать» ими являются базой для геронауки, согласно которой фиксированной программы старения не существует; этот процесс можно контролировать (Kirkwood, 2017). Достичь старения можно с сохраненными резервами здоровья, а само долголетие есть не только залог сильной генетики, а результат целенаправленной борьбы с модифицируемыми факторами риска: средовыми, поведенческими, профессиональными, социальными и биологическими.

Таким образом, старение стало не только биологическим, но и социально-поведенческим феноменом. В отличие от биологического, социальное старение концептуализировано как процесс, который формируется социальными факторами и подвергается социальному конструированию (Kunkel, Settersten, 2021), иначе говоря, это процесс принятия на себя новых социальных ролей и поведенческих практик во взаимодействии между людьми и их физической и социальной средой.

Постепенно в геронтологические концепции стали включать данные, полученные психологической и социальными науками, которые расширили понимание процессов старения, и ученые теперь говорят о его разных векторах: патологическом, типичном и успешном. Для обозначения успешного старения чаще всего используют термин «активное» старение (Walker, 2002; Fritzell et al., 2021; Tajvar et al., 2022), а также и «здоровое», «продуктивное», «гармоничное». Они если и не синонимичны полностью, то очень близки по смыслу. Появление концепции успешного старения привело к поиску детерминант компенсаторных механизмов в пожилом возрасте, а также к борьбе со стигмой, связанной со старением. В России вслед за европейскими странами закрепился концепт активного старения и долголетия, который операционализируется и рассчитывается с 2010 года по методике Индекса активного долголетия (Active Ageing Index) (Синявская, Червякова, 2022).

В 1997 году Дж. Роу и Р. Кан определили успешное старение как высокий уровень когнитивных и физических функций, вовлеченность в жизнь и отсутствие болезней и инвалидности (Rowe, Kahn, 1997). Этот подход подвергся критике за узкую биомедицинскую направленность и нереалистичные ожидания отсутствия болезней в пожилом возрасте.

В 2015 году Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предложила более реалистичную концепцию здорового старения как непрерывного процесса развития и поддержания функциональных способностей, обеспечивающих благополучие в пожилом возрасте (Beard, Bloom, 2015). Это определение сместило акцент с подхода, основанного на болезни, на подход, основанный на функции. В то же время в русле современной гуманистической геронтологии стал развиваться взгляд на старение как на качество жизни в пожилом возрасте (Пашина, 2024). Эта концепция основана на субъективном восприятии людьми процесса старения; то есть в ее русле успешное старение определяется как состояние, в котором человек достигает чувства благополучия, высокой самооценки качества жизни и чувства самореализации даже в условиях болезни и инвалидности (Young et al., 2009).

Научные концепции, а также большое количество исследований о том, как способствовать здоровому старению, предложили оптимистичный взгляд на решение проблем старения, что привело к появлению политических инициатив, направленных на предотвращение ухудшения физического состояния с возрастом путем поощрения пожилых людей оставаться физически активными. Еще в 2002 году ВОЗ задокументировала понятие «активное старение» как «процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей»². При этом слово «активный» относится не только к способности быть физически активным, но и к поддержке перспектив участия людей в социальных, экономических, культурных, духовных и гражданских делах для повышения качества жизни. В том же году ООН был разработан Мадридский международный план по проблемам старения³, в рамках которого предложен поворот в понимании старости, свободной от обязательств и трудовой деятельности, к старости, где важная роль отводится участию на рынке труда и равному доступу

² Active ageing: A policy framework (2002). WHO reference number: WHO/NMH/NPH/02.8. P. 12.

³ Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml

пожилых людей к практикам потребления (Галкин, 2022). То есть Мадридский план, в отличие от более раннего Венского международного плана по проблемам старения (1982), не только предлагает меры для удовлетворения потребностей человека пожилого возраста, но и согласует процессы старения общества с его устойчивым развитием. А спустя двадцать лет ВОЗ назвала 2021–2030 гг. десятилетием здорового старения, в рамках которого планируется предпринять ряд координированных и совместных действий, направленных на улучшение жизни пожилых людей, их семей и местных сообществ, в которых они живут⁴. В России же с 2019 г. разрабатывается Концепция политики активного долголетия, а Федеральный проект «Старшее поколение» призван помочь в обеспечении пожилым гражданам благополучия и улучшения качества жизни⁵.

С точки зрения ВОЗ, здоровое старение — это развитие и поддержание функциональных способностей, которые обеспечивают благополучие в пожилом возрасте. Функциональные способности при этом определяются собственным потенциалом человека (т. е. совокупностью всех физических и умственных способностей человека) и средой (физической и социальной), в которой он живет. Данная концепция предполагает взгляд на человека как на активного субъекта, реализующего осознанный подход к своему образу жизни и профилактические меры с раннего возраста, но в то же время учитывает, что социально-экономические ресурсы и возможности, доступные людям на протяжении всей их жизни, сильно влияют на способность делать правильный выбор в отношении здоровья и получения поддержки при необходимости. Таким образом, здоровое старение тесно связано с социальным и экономическим неравенством.

Проблемы в сферах здравоохранения, образования, занятости и заработка усиливают друг друга и накапливаются в течение жизни. Культурная, половая и этническая принадлежность

являются важными факторами неравенства и приводят к совершенно разным путям старения, поэтому в данной статье мы хотим подчеркнуть важность включения социальных факторов в понимание проблемы старения наряду с биологическими и психологическими, а также акцентировать внимание на том, что старение является многогранным и индивидуальным процессом. А изучение факторов риска и защиты здоровья позволят реализовывать профилактику раннего старения. Остается проблема, как повысить социальную интеграцию для всех пожилых граждан и улучшить качество их жизни. Концепция здорового старения должна способствовать пониманию того, что готовиться к нему необходимо уже с третьей декады жизни, формируя здоровые привычки и установки.

В статье предложен обзор междисциплинарных работ, посвященных исследованиям процесса старения с акцентом на социальные детерминанты здоровья. В качестве метода выбран описательный обзор, который в зарубежной литературе обозначают как «narrative review» или же «state-of-the-art» (Sukhera, 2022). Он позволяет синтезировать различные точки зрения и подходы, чтобы сформировать и представить авторский взгляд на проблему в зависимости от контекста, в котором проводится обзор. В данном случае мы сфокусировали внимание исключительно на описании междисциплинарных исследований процесса старения, авторы которых придерживаются той точки зрения, что старение является конструируемым процессом, влиять на который можно в течение всей жизни, а не только в период самой старости, когда профилактику отклонений проводить уже поздно. Это сделано с целью определения социальных детерминант старения, на которые можно оказывать влияние в течение жизни и изменять их, а также доказательства возможности включения социологических аспектов в совместную (междисциплинарную) методологию анализа процесса старения, в частности когнитивного старения населения как многопланового процесса, на который влияет множество внутренних и внешних факторов, и которое, таким образом, становится не только медицинской проблемой, но и областью приложения усилий социальной политики. Источники, вошедшие в обзор,

⁴ Десятилетие здорового старения // ВОЗ. URL: <https://who.int/ru/initiatives/decade-of-healthy-ageing> (дата обращения 14.08.2025).

⁵ Вечная молодость: как Россия переходит на активное долголетие // Газета.ru. 13.09.2019. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/09/13/12647245.shtml> (дата обращения 21.07.2025).

были отобраны по ключевым словам, таким как «конструирование старения», «моделирование старения», «успешное старение», «здоровое старение» и проч. в научных библиотеках и базах данных Google Scholar, E-library, Pubmed, а также методом «снежного кома» (snowballing). Всего проанализировано порядка 200 работ, из них наиболее релевантными оказались 78. Для достижения поставленной цели использовались теоретические методы анализа: индукция, дедукция и синтез.

Поиск путей к здоровому старению

В 2010-е гг. распространенность здорового старения варьировалась от 12 до 37% в разных странах и регионах из-за отсутствия стандартизированного подхода к его оценке (McLaughlin, 2010; Arias-Merino et al., 2012; Meng, D'Arcy, 2014; Feng et al., 2021). И хотя указанная проблема актуальна для всего мира, лишь часть стран активно готовится к будущему, проводя массовые междисциплинарные исследования в попытке найти ключ к благополучному долголетию населения с учетом национальных особенностей. Масштабные исследования стареющего населения проведены, например, в Китае, где уже сегодня проживает пятая часть всех пожилых людей мира (Chen et al., 2022). Особый акцент сделан на когнитивный аспект процесса старения и его связь с социально-экономическими факторами, такими как социальная вовлеченность, активность (Fu et al., 2018; Zhou et al., 2020) и доход (Feng et al., 2020).

Результаты современных исследований показывают, что здоровье в пожилом возрасте является результатом кумулятивного эффекта поведения и событий в более раннем периоде, поэтому необходимо обратить внимание на практики и установки населения среднего возраста (начиная с третьего десятилетия жизни и до 59 лет⁶), у которого еще есть возможность заблаговременно подготовиться к старению (Lachman et al., 2015). В связи с этим междисциплинарные группы ученых развивают новое направление исследований для инициирования первичной или восходящей профилактики

старения, предоставляя ориентир для разработки эффективных медицинских и социально-экономических стратегий сохранения молодости, чтобы позволить большему количеству людей среднего возраста достичь долгой и здоровой жизни (Wang et al., 2024). Как показало китайское исследование, тенденция к здоровому старению среди населения среднего возраста может меняться со временем. Это означает, что, улучшив определенные параметры, можно повысить вероятность здорового старения.

Известно также об исследованиях старения населения в Kopee (Korean Longitudinal Study of Ageing), Великобритании (English Longitudinal Study of Ageing), Ирландии (The Irish Longitudinal Study on Ageing), Мексике (Mexican Health and Aging Study), Японии (Japanese Study on Aging and Retirement). В большей степени они основываются на социально-экономической статистике, а также информации о когнитивных функциях населения, поскольку целью таких исследований является создание базовых данных, необходимых для разработки и внедрения эффективной политики предвидения и проработки проблем, возникающих в процессе старения населения.

Конструирование процесса старения

В XXI веке одномерные модели старения, сконцентрированные на идее упадка в пожилом возрасте, уступили место моделям развития, охватывающим всю продолжительность жизни и рассматривающим, как конкретные процессы и стратегии способствуют адаптивному старению. Отчасти этот сдвиг был спровоцирован контрастом между результатами, ясно демонстрирующими снижение биологических, физиологических и когнитивных способностей, и данными, свидетельствующими о том, что люди в целом удовлетворены жизнью в пожилом возрасте и испытывают относительно высокий уровень эмоционального благополучия (Charles, Carstensen, 2010).

Хотя в качестве фундаментальных механизмов старения ученые в первую очередь отмечают биологические признаки, в последнее время в геронтологии обозначился тренд на понимание старения как многопланового процесса, включающего социальные и психологические признаки, а также подвергающегося влиянию средовых факторов. Поэтому актуализируются вопросы междисциплинарности при исследо-

⁶ В своей работе мы ориентируемся на градацию ВОЗ, согласно которой границы среднего возраста составляют 44–59 лет, но, поскольку исследования показывают, что когнитивный спад начинается уже в 35 лет (см. например, Hartshorne, Germine, 2015), считаем необходимым опустить нижнюю границу до 35 лет.

вании старения как биосоциопсихологического процесса. В связи с этим в последние годы развивается идея о возможности конструирования старости, представляющего собой совокупность стратегий по созданию и реализации ее желаемого образа, что открыло позитивную перспективу исследований в геронтологии (Белехова и др., 2024). Большой интерес уже долгие годы вызывает математическое моделирование старения (Яшин и др., 2007; Akushevich et al., 2023). Помимо изучения различных аспектов процесса старения, внимание уделяется механизмам адаптации к нему, различным его сценариям с учетом возможности ранней профилактики.

Существуют разные классификации факторов, влияющих на функциональные возможности пожилых людей (Zhang, Wang, 2025). В большинстве случаев факторы делятся на три группы: индивидуальные, социальные и связанные с окружающей средой. Индивидуальные факторы включают демографические данные (возраст, пол, семейное положение, уровень образования и уровень дохода), внутренние возможности (функцию активности, сенсорную функцию, когнитивную функцию, психологическое состояние, состояние жизне-способности и адаптивность и т. д.) и характеристики здоровья (физическое и психическое здоровье, заболевания, образ жизни, способы преодоления трудностей, физическую активность, массу тела, здоровые привычки и т. д.). К социальным факторам относят социальный статус, социальное участие и отношения, социальное обеспечение, государственные услуги и т. д. Факторы окружающей среды включают экономические условия, среду проживания, общественную и политическую среды и т. д. В исследованиях эти факторы группируются по-разному, но в большинстве случаев те, что не относятся к внутренним способностям и качеству здоровья, причисляют к социальным детерминантам здоровья.

Российские исследователи О.Ю. Стрижицкая и М.Д. Петраш рассмотрели биологические, психологические и средовые факторы с точки зрения их моделируемости, под которой понимают возможности создания, управления и исключения тех или иных механизмов в зависимости от их роли в конструировании старения (Стрижицкая, Петраш, 2022). Авторы по-

казали, что в основе возможностей конструирования старения лежат механизмы субъектности, а базой для формирования стратегий выступают адекватные и позитивные представления о собственной старости. Генетические и физиологические механизмы не являются безусловными предикторами старения и частично могут быть модифицированы, но не моделируемы, поскольку человек не может их полностью исключить или изменить. Психологические и социальные факторы поддаются лишь условному моделированию, а наиболее гибкими для моделирования представляются разнообразные средовые факторы, позволяющие существенно скорректировать тренды старения. Тот факт, что увеличение продолжительности жизни в XX веке стало возможным в первую очередь благодаря средовым факторам (образу жизни, медицине, социальному обеспечению и т. д.), подтверждает выводы авторов. И это позволяет предположить, что существуют разнообразные факторы и механизмы, которые человек может использовать с целью накопления ресурсов для продолжительной активной жизни, а активация подобных ресурсов требует инициативы самого человека.

Но возможности заниматься деятельностью, которая может повысить вероятность здорового старения, не всегда справедливы и могут зависеть от социальных и средовых факторов, находящихся вне контроля человека. Это может привести к неравномерному распределению кумулятивных преимуществ или недостатков на протяжении жизни человека и оказать сильное влияние на траекторию его старения. Следовательно, тщательное изучение того, как различные социально-экономические показатели, которые ВОЗ выделила в широкую группу социальных детерминантов здоровья (СДЗ), влияют на здоровое старение как многомерную концепцию, может иметь важные последствия для здравоохранения и социальной политики.

Поиски причин «неравного» старения привели к повышению интереса к взаимодействию между кумулятивным социально-экономическим неравенством и биологическим старением. П. Геллерт и Э. Алонсо-Перез предложили таксономию моделей старения, разделив их на четыре класса в зависимости от типа связи между биологическими и психосоциальными факторами и их влияния на здоровье: посред-

ничество, регулирование, взаимодействие, независимость (Gellert, Alonso-Perez, 2024).

Ниже подробнее рассмотрим модифицируемые факторы, а также их влияние на биологические признаки старения.

Социальные детерминанты здоровья и биологическое старение

В 2005 году ВОЗ определила СДЗ в качестве структурных факторов и условий повседневной жизни, в значительной мере обуславливающих несправедливость в области здравоохранения. СДЗ классифицируются по пяти доменам: доступ и качество здравоохранения, доступ и качество образования, социальный контекст, экономическая стабильность, а также район проживания и рукотворная среда (Zhang, Zhang, 2023). Таким образом, термин «социальные детерминанты» служит кратким обозначением социальных, политических, экономических, экологических и культурных факторов, влияющих на состояние здоровья.

С точки зрения ВОЗ, показатели здоровья подчиняются закону социального градиента: чем ниже социально-экономическое благополучие территории, тем ниже доходы, образовательные достижения, состояние здоровья и ожидаемая продолжительность здоровой жизни ее населения⁷.

Особую актуальность в связи с этим имеют исследования, посвященные влиянию СДЗ на когнитивные функции и интеллект (Marmot et al., 1991), который понимается как сложная иерархия навыков, отражающая взаимодействие между социальным контекстом и индивидом на протяжении жизни. Социально-экономические факторы служат одновременно в качестве факторов и защиты для когнитивного здоровья. Как правило, чем выше социально-экономическое положение человека, тем выше когнитивная производительность и тем медленнее когнитивный спад (Brunner, 2005). Например, отсутствие продовольственной безопасности (Portela-Parra, Leung, 2019) и неблагоприятные жилищные условия демонстрируют отрицательную связь с когнитивными показателями (Cobb-Clark, Kettlewell, 2021). Серьезным риском является ограниченный доступ к здраво-

охранению, что может задержать диагностику и лечение когнитивных расстройств (Mullins, 2021). Также выявлена пагубная связь между длительной безработицей и когнитивными показателями: снижением грамотности, памяти, исполнительных функций и скорости обработки информации (Vélez-Coto et al., 2021). Механизмы, лежащие в основе этих эффектов, многогранны и включают психологическое бремя безработицы, которое способствует стрессу и отрицательно влияет на здоровье мозга с течением времени.

Напротив, замедлить когнитивный спад в более позднем возрасте может доступ к зеленым зонам на протяжении всей жизни (Cherrie et al., 2018). Но решающую роль в состоянии когнитивного здоровья играет уровень образования. Люди с более высоким уровнем образования и доходов демонстрируют значительно лучшую когнитивную производительность: улучшенную рабочую память и исполнительную функцию (Nutakor et al., 2021), то же касается внимания (Pengpid et al., 2019) и отсроченных вербальных задач (Chen et al., 2021). Образовательный уровень в первую очередь формирует когнитивные навыки, способствуя индивидуальным различиям в памяти, исполнительной функции и скорости обработки информации, которые устанавливаются в раннем взрослом возрасте и сохраняются в пожилом, способствуя устойчивой когнитивной производительности с течением времени (Lövdén, 2020).

Большинство модифицируемых факторов риска и защиты от когнитивного снижения и деменции демонстрируют гендерные различия в их скорости и/или проявлении риска, причем эти различия часто более выражены в развивающихся странах. В. Гиллес и коллеги изучили, как возрастное снижение когнитивных способностей, оцененное с помощью видеоигры с пространственной навигацией, варьируется у участников из 39 стран (Gilles et al., 2024). Авторы обнаружили, что социальное, экономическое и экологическое благополучие пожилых людей, измеренное с помощью Индекса качества жизни пожилых людей, отрицательно связано с возрастным снижением пространственных способностей, а гендерные различия в навыках пространственной навигации увеличиваются с возрастом, особенно в странах с большим гендерным неравенством.

⁷ Социальные детерминанты здоровья / ВОЗ. URL: <https://who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/social-determinants-of-health> (дата обращения 15.08.2025).

Поведенческие факторы старения

Следующая группа подверженных изменениям факторов связана с поведением и образом жизни. Уже доказано, что поведенческие факторы, такие как физическая активность, здоровое питание и управление стрессом, являются модуляторами процесса старения и возрастных изменений в состоянии здоровья (Picard, 2011).

К поведенческим факторам относят в первую очередь питание и диетические пристрастия, которые на протяжении многих лет формируют структуру тела и обеспеченность в микро/макроэлементах; во вторую — физическую и спортивную активность, обеспечивающую необходимый уровень энерготрат, метаболическое здоровье и физический тонус; далее — соблюдение режимов сна, позволяющих восстанавливаться и отдыхать организму; а также приверженность вредным привычкам, несущим деструктивный вклад в уровень будущего здоровья.

Наглядный пример влияния образа жизни на качество здоровья обнаружен при исследовании связей между диабетом, СДЗ и когнитивными тестами. Люди, борющиеся с диабетом, обнаруживали лучшие когнитивные показатели по сравнению с участниками, не имеющими этого заболевания, что исследователи объясняют проактивным образом жизни первых. Такой образ жизни включает в себя здоровое питание, регулярные физические упражнения, контроль уровня глюкозы в крови и более частый медицинский мониторинг и лечение, что в совокупности может способствовать сохранению когнитивных показателей и смягчению когнитивного снижения (Dove et al., 2021).

Другим примером, связанным с поведенческими практиками, служит накопление когнитивного резерва (КР) (Lachman, Agrigoroaei, 2010), позволяющего сохранить когнитивные функции. В качестве механизмов, способствующих сохранению этих функций, выделяют физическую активность, обучение и образование, регуляцию эмоционального состояния, включенность в социальную деятельность (Agrigoroaei, Lachman, 2011). К сегодняшнему дню проведено множество исследований КР, и особый интерес представляют выводы о последствиях цифровой трансформации для когнитивных функций человека. В частности, есть

свидетельства того, что использование цифровых устройств для различных целей (чтение, доступ в социальные сети, игры и другие активности, требующие больших когнитивных усилий), а не только для общения, позитивно влияет на КР (Liang et al., 2023). Имеются данные о преимуществах использования цифровых устройств для пожилых людей, включая замедление когнитивных нарушений, укрепление социальных сетей, реализацию основных повседневных дел и поддержку услуг здравоохранения (Jin, Jing, Ma, 2019), что стало актуально в период пандемии COVID-19 и особенно заметно в динамично развивающихся азиатских странах, например в Малайзии (Pazim et al., 2021). Особенный интерес для нас представляет вывод о том, что качество и объем социальных сетей, в которые включен человек, сильно влияют на КР. Межличностные отношения предоставляют доступ к разнообразным социальным стимулам, что усиливает способность мозга справляться с повреждениями нейронов (Perry et al., 2022).

Социальные взаимодействия как фактор старения

Социальные отношения признаны ключевым элементом благополучия и оказывают кумулятивное влияние на здоровье на протяжении всей жизни человека, играя важную роль в адаптации и психическом благополучии (Bardhan, 2024). Тем не менее, актуальность социальных отношений для изучения старения не всегда была столь широко признана, как сегодня. Социальные отношения имеют эмоциональный или психологический компонент, определяющий их важность, а также истинную причинно-следственную связь с такими объективными результатами, как, например, развитие и течение сахарного диабета, болезней сердца и сосудов, исходы инсульта мозга, реакции иммунной системы, средняя продолжительность жизни, риск смерти, вызванной любыми причинами (Лебедев и др., 2024).

Основываясь на исследованиях, посвященных привязанности и социальным ролям, Р. Кан и Т. Антонуччи разработали модель социального конвоя (Kahn, Antonucci, 1980). Термин «конвой» используется для описания продолжительности и характера социальных отношений, а особое внимание уделяется эмоциональной близости (Antonucci, 2001).

Согласно рассматриваемой модели, люди окружены поддерживающими их другими людьми, которые движутся вместе на протяжении жизненного цикла. Социальные отношения различаются по близости, качеству (позитивному/негативному), функции (помощь, аффект, обмен) и структуре (размеру, составу, частоте контактов, географической близости). Структура, функция и качество конвоев зависят от личностных (например, возраст, пол) и ситуативных (например, ролевые требования, нормы, ценности) характеристик, оказывая при этом существенное влияние на здоровье и благополучие.

То, как процессы социального обмена связаны с биологическим старением, подробно изучено в исследованиях группы Дж. Киколта-Глейзера. Они исследовали, как социальная поддержка внутри супружеских пар связана с биомаркерами старения (Wilson et al., 2021), и описали потенциальные пути от хронического супружеского дистресса к проблемам психического здоровья, таким как депрессия, которые затем увеличивают риск ожирения, сердечно-сосудистых и кардио-метаболических заболеваний (Kiecolt-Glaser et al., 2019). Показано, что расторжение брака в среднем возрасте может негативно повлиять на когнитивные способности, особенно на память и ориентацию, увеличивая риск слабоумия в более позднем возрасте (Brown et al., 2021). Исследование, проведенное в Китае, свидетельствует, что люди, состоящие в браке, в среднем на 0,6 года моложе своих одиноких сверстников (с точки зрения биологического, а не хронологического возраста), а потерявшие супруга — на 0,3 года старше (Galkin et al., 2022).

Доказано, что социальные отношения (социальная поддержка и частота контактов) влияют на иммунную функцию, хронические заболевания и риск смертности (Holt-Lunstad et al., 2010). Люди, знающие, что друзья и члены семьи готовы оказать им поддержку в трудные времена, ощущают более выраженный смысл жизни (Krause, 2007). Кроме того, люди с развитыми социальными сетями сообщают о более высоком эмоциональном благополучии в повседневной жизни, а также в стрессовых ситуациях (Cohen, Wills, 1985). То есть и структурные (количество и тип социальных партнеров), и функциональные (воспринимаемое или фак-

тическое получение поддержки) аспекты социальных сетей способствуют эмоциональному благополучию.

Все чаще исследования показывают, что пожилые люди, находящиеся в крепких социальных сетях и поддерживающие высокий уровень социальной активности, реже, чем их менее вовлеченные в социальную жизнь сверстники, испытывают снижение когнитивных функций (Zunzunegui et al., 2003), как и пожилые люди, занимающиеся волонтерской деятельностью (Singh-Manoux et al., 2003). Просоциальное поведение в целом позитивно связано с благополучным старением (Sparrow et al., 2021).

Давно доказано, что увеличение со временем социальной поддержки и частоты контактов, особенно с близкими людьми, позитивно влияет на здоровье, снижая физиологические эффекты стресса (Carstensen et al., 1999). Особенно значимы для биомаркеров старения поддержка и контакты с друзьями (McHugh Power et al., 2019), поскольку отношения с ними обычно добровольны в отличие от отношений с членами семьи (Sharifian et al., 2019).

Положительные эмоции, испытываемые во время социальных контактов, считаются основной причиной того, почему социальные взаимодействия могут способствовать улучшению когнитивных функций (Blanchard-Fields et al., 2008). Люди, которые сообщают о меньшей удовлетворенности своими сетями, демонстрируют более выраженное снижение когнитивных функций с течением времени (Hughes et al., 2008). Эффект от развитых социальных сетей сопоставим с традиционными медицинскими показателями, такими как высокий уровень холестерина и курение.

Эмоциональные факторы, влияющие на качество старения

Доказано, что эмоциональная составляющая личности также серьезно влияет на качество старения. Включение социальных и поведенческих наук в поле зрения геронтологии, где традиционно преобладало внимание к биологическим процессам, привело к использованию социального конструкционизма при анализе процесса старения. С точки зрения конструкционизма, возраст — это социальный конструкт, встроенный в социальные нормы и культуру (Bytheway, 2011; Höpner, Urban, 2019; Twigg, Martin, 2014; Zhang et al., 2017).

Люди осмысливают старение по-разному в зависимости от контекста и доступных им дискурсов (Holstein, Gubrium, 2008). На формирование «здоровой старости» и долголетия влияет и позитивное самовосприятие, что подтверждают многолетние психологические исследования.

Согласно теории воплощения стереотипов, предложенной Б. Леви, позитивные и негативные стереотипы о возрасте в обществе воплощаются посредством процессов интернализации (Levy, 2009). Эти стереотипы могут быть осознанными или бессознательными, но становятся заметными через проявление социальных сигналов, которые и определяют «старость». Интернализованные стереотипы о возрасте, как предполагается, влияют на здоровье через поведенческие (например, малоподвижное поведение, соблюдение режима приема лекарств), психологические (например, ожидания, которые изменяют поведенческие реакции, такие как когнитивное и физическое функционирование) и физиологические (например, усиление сердечно-сосудистой реакции на стресс) пути.

Сравнительный лонгитюдный анализ влияния генетических (APOEε2) и средовых факторов (представлений о когнитивных функциях) на сохранность когнитивных функций показал, что позитивные представления о собственных когнитивных возможностях оказывают статистически достоверный усиливающий эффект на работу гена APOEε2, а негативные представления — отрицательный; при этом вклад позитивных представлений в уровень сохранности когнитивных функций в 15 раз выше, чем генетического фактора (Levy et al., 2020).

Главный же вывод состоит в том, что люди, позитивно относящиеся к старению, легче его переживают (Róin et al., 2021) и живут на 7,5 года дольше, чем те, кто воспринимает старение менее позитивно. Этот эффект частично опосредован волей к жизни (Levy et al., 2002).

Заключение

В представленном обзоре авторами приведено множество аргументов в пользу пересечения социально-экономических, поведенческих и средовых факторов с биологией старения, что демонстрирует междисциплинарность в вопросах изучения детерминант здорового старения и стратегий его конструирования. Примером такого успешного междисципли-

нарного взаимодействия является социогеномика, включающая социальные факторы в исследования биологического старения путем распутывания сложных взаимодействий между врожденной генетической восприимчивостью и воздействием социальной среды (Joo et al., 2022). Тенденции старения населения привели к появлению биодемографии, которая раскрыла новые знания о природе человеческого долголетия, включая отсрочку смертности и старения, здоровую продолжительность жизни и демографию здорового старения (Vaupel, 2010). Таким образом, становится понятно, что изучать вопросы постарения невозможно в рамках узкодисциплинарного подхода. Междисциплинарные барьеры ограничивают адекватное использование накопленных знаний о механизмах и факторах, влияющих на этот процесс (Яшин и др., 2007). Позиция ученых состоит в том, что междисциплинарная исследовательская программа должна основываться на согласовании центральных терминов, в частности того, что понимается под «нормальным», «успешным» и «патологическим» старением, а также предлагать практические рекомендации для индивидуальных стратегий поведения при формировании «желаемой» старости (Стрижицкая, Петраш, 2022).

В своем обзоре мы постарались сделать особый акцент на процессе старения как отложенном результате влияния выявленных детерминант в течение всей жизни. То есть мы сосредоточились не на самой старости, а на подготовке к ней, что позволило уйти от описания способов адаптации людей в пожилом возрасте и сконцентрироваться на профилактике в течение всей жизни с помощью учета подверженных модификации факторов, к которым исследователи в первую очередь относят социальные, поведенческие и средовые детерминанты здоровья.

Последние статистические данные показали, что уровень здоровья населения средней возрастной группы далек от идеального. Это означает ограниченность функциональных резервов, которые имеют низкие шансы создать высокое качество жизни в процессе постарения в будущем. То есть существует острая необходимость сосредоточиться на здоровье населения среднего возраста, особенно в уязвимых группах (т. е. среди лиц с более низким уровнем

образования, удовлетворенностью жизнью и уровнем ежемесячного дохода, проживающих в городских районах); на просветительской деятельности, профилактике неравенства в образовании и здравоохранении, и, как пишут О.Ю. Стрижикская и М.Д. Петраш, на создании позитивных представлений о старости и формировании субъектности населения для планирования своей старости (Стрижикская, Петраш, 2022). Особое внимание стоит уделить когнитивному старению как процессу, тесно связанному со средовыми и социальными факторами.

Понимая важность субъектности населения в формировании своей старости, на данный момент мы можем лишь привести небольшой срез всероссийских исследований о том, как наши сограждане готовятся к пожилому возрасту.

Тема старения в России так же актуальна, как и во всем мире. По данным Росстата, к 2046 году пожилые люди составят 27% населения, что, с одной стороны, несет риски кризисов в экономике и здравоохранении, а с другой — рост рынков товаров и услуг для пожилых, развитие технологий для продления активного периода жизни.

На 2024–2030 гг. в стране запущен нацпроект «Продолжительная и активная жизнь», нацеленный на увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году и до 81 года к 2036 году благодаря борьбе в первую очередь с сердечно-сосудистыми заболеваниями, гепатитом С и сахарным диабетом. В целях повышения качества здоровья населения планируется также расширить диагностику онкозаболеваний благодаря современным аппаратам для видеогастроскопии в регионах, модернизировать первичное звено здравоохранения, расширить возможности медицинской реабилитации, нивелировать нехватку врачей, развивать экстренную помощь и цифровые системы в медицине. В 2024 году был запущен нацпроект «Новые технологии сбережения здоровья», в рамках которого есть федеральный проект «Регенеративная биомедицина, технологии превентивной медицины, обеспечение активного и здорового долголетия». Но, как подтверждено многими исследованиями, вклад здорового образа жизни в формирование здоровья составляет до 50%, в то время как вклад доступности медицинских технологий, генетики и окружающей среды суммарно составляет

остальные 50%. В связи с этим именно здоровые привычки являются залогом долголетия и фундаментом успешного старения (Колосницyna и др., 2019).

В среднем при своем нынешнем образе жизни и в текущих обстоятельствах россияне планируют дожить до 79 лет (женщины до 80 лет, мужчины до 78)⁸. В ближайшей перспективе именно «серебряное» поколение станет основным потребителем во многих отраслях экономики⁹, хотя это группа, которой, по мнению россиян, приходится сталкиваться с серьезными проблемами: бедностью, низкими пенсиями (71%), ухудшением здоровья, различными болезнями (44%), а также ощущением ненужности, невостребованности (19%) и одиночеством (17%)¹⁰.

В России процесс старения проблематизируется через существующие в обществе негативные стереотипы о том, что вступление в пожилой возраст лишает человека каких-либо перспектив, а хорошая старость, как пишет Д.М. Рогозин, это всего лишь удержание молодости (Рогозин, 2012). Зарождающимся в обществе стандартом активного долголетия считают активность и молодость, при этом только 43% россиян отмечают, что необходимо прилагать усилия и бороться с возрастом. Как ни странно, за борьбу со старением чаще выступают именно молодые люди 18–24 лет (50%), имеющие высшее образование (50%), а также жители крупных и столичных городов (49%).

Каждый второй россиянин (48%) предпринимает какие-либо меры для продления молодости и замедления возрастных изменений. Чаще это женщины (54% против 40% среди мужчин). Среди тех, кто убежден в необходимости бороться со старением, лично принимают для этого какие-либо усилия 74%.

⁸ Жить долго, жить хорошо! // ВЦИОМ. 19.06.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-dolgo-zhit-khorosho> (дата обращения 17.07.2025).

⁹ Шопинг 50+: как, что и зачем? // ВЦИОМ. 11.10.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shoping-50-kak-cto-i-zachem> (дата обращения 24.04.2025).

¹⁰ Продолжительность жизни в России: желания и реальность // ВЦИОМ. 04.12.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-zhelaniya-i-realnost> (дата обращения 24.04.2025).

Хотя стратегии борьбы со старением у представителей разных социально-демографических групп разные, в основном для сохранения молодости россияне прибегают к помощи спорта (56% в группе предпринимателей), правильного питания (29%) и уходовых процедур (27%), здоровому образу жизни и закаливанию (13%). Каждый десятый в этой группе также назвал отказ от вредных привычек и прогулки на свежем воздухе (10%)¹¹.

Таким образом, мы можем сделать общий вывод о том, что идея о подготовке к успешной старости в России еще не очень распространена, но имеет тенденцию к развитию, поскольку государственная политика нацелена на повышение качества и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения, стимулируя их социальную активность и заботу о своем здоровье. В апреле 2025 года в стране утверждена Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2030 года¹².

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, процесс старения — многофакторный и сложный, неизбежный, но отчасти управляемый, что требует междисциплинарного подхода для его успешного изучения. Во-вторых, граждане недостаточно осведомлены о принципах и траек-

ториях здорового старения и, соответственно, недостаточно замотивированы на приверженность к нему, что требует большей просветительской деятельности специалистов медицинского и социологического профиля.

Старение — не безысходность или приговор, а закономерность жизни, к которой нужно готовиться заранее, сберегая свое здоровье и ресурсы, формируя стабильный «тыл», положительный настрой и активно прорабатывая вопросы сбережения ментального, когнитивного, физического здоровья через ведение здорового образа жизни, регулярное прохождение диспансеризации и своевременное лечение заболеваний. Социальное благополучие, социальная стабильность, социальная вовлеченность и активное социальное взаимодействие позволяют отсрочить наступление старости. Активная позиция государства в вопросах здоровьесбережения граждан поможет в сложившейся демографической ситуации «постарения населения» создать предпосылки и условия для формирования большого пласта экономически активного, трудоспособного старшего поколения с высоким уровнем здоровья, что, в свою очередь, снизит нагрузку на социальные и страховые службы, то есть позитивно скажется на внутриэкономической ситуации в стране.

Литература

- Белехова Г.В., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С. (2024). Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 17 (2). С. 220–238. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.12
- Галкин К.А. (2022). Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 15 (2). С. 239–252. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.15
- Лебедев Д.Т., Рукавишников А.С., Лупашко Е.В., Хохлюк Е.В., Сагинбаев У.Р. (2024) Медицинское значение одиночества и социальной изоляции в пожилом возрасте (обзор литературы) // Успехи геронтологии. № 37 (1–2). С. 130–137. DOI: 10.34922/AE.2024.37.1-2.017
- Колосницына М., Коссова Т., Шелунцова М. (2019). Факторы ожидаемой продолжительности жизни: кластерный анализ по странам мира // Демографическое обозрение. № 6 (1). С. 124–150.
- Пашина Л.А. (2024). Гуманистическая геронтология и осмысление феномена старения в социальной философии постмодернизма // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. № 3. С. 84–99. DOI: 10.35231/18186653_2024_3_84

¹¹ Старение: принять или бороться // ВЦИОМ. 13.03.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/starenie-prinjat-ili-borotsja> (дата обращения 24.04.2025).

¹² Правительство утвердило Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения до 2030 года // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/54753/> (дата обращения 04.09.2025).

- Рогозин Д.М. (2012). Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. № 4. С. 62–93.
- Синявская О.В., Червякова А.А. (2022). Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 94–121. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043
- Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. (2022). Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // Консультативная психология и психотерапия. № 30 (1). С. 8–28. DOI: 10.17759/cpp.2022300102
- Яшин А.И., Романюха А.А., Михальский А.И. [и др.] (2007). Геронтология In Silico: становление новой дисциплины. Успехи геронтологии. № 20 (1). С. 7–19.
- Agrigoroaei S., Lachman M.E. (2011). Cognitive functioning in midlife and old age: Combined effects of psychosocial and behavioral factors. *The Journals of Gerontology: Series B*, 66B(1), i130–i140. DOI: 10.1093/geronb/gbr017
- Akushevich I., Yashkin A., Kovtun M. et al. (2023). Forecasting prevalence and mortality of Alzheimer's disease using the partitioning models. *Experimental Gerontology*, 174, 112133. DOI: 10.1016/j.exger.2023.112133
- Antonucci T.C. (2001). Social relations: An examination of social networks, social support and sense of control. In: Birren J.E., Schaie K.W. (Eds). *Handbook of the Psychology of Aging (5th ed.)*. New York: Academic Press.
- Arias-Merino E.D., Mendoza-Ruvalcaba N. M., Arias-Merino M. J., Cueva-Contreras J., Vazquez Arias C. (2012). Prevalence of successful aging in the elderly in Western Mexico. *Current Gerontology and Geriatrics Research*, 460249. DOI: 10.1155/2012/460249
- Bardhan A. (2024). Biological, psychological and social perspectives of ageing. *Journal of Social Development*, 32(1), 113–129.
- Beard J.R., Bloom D.E. (2015). Toward a comprehensive public health response to population ageing. *Lancet*, 385(9968), 658–661. DOI: 10.1016/S0140-6736(14)61461-6
- Blanchard-Fields F., Horhota M., Mienaltowski A. (2008). Social context and cognition. In: Hofer S.M., Alwin D.F. (Eds). *Handbook of Cognitive Aging: Interdisciplinary Perspectives*. Sage Publications. DOI: 10.4135/9781412976589.n37
- Brown S.L., Lin I-F., Vielee A., Mellencamp K.A. (2021). Midlife Marital Dissolution and the onset of cognitive impairment. *Gerontologist*, 61, 1085–1094. DOI: 10.1093/geront/gnaa193
- Brunner E.J. (2005). Social and biological determinants of cognitive aging. *Neurobiology of Aging*, 26 (1), 17–20. DOI: 10.1016/j.neurobiolaging.2005.09.024
- Bytheway B. (2011). *Unmasking Age. The Significance of Age for Social Research*. Bristol.
- Carstensen L.L., Isaacowitz D.M., Charles S.T. (1999). Taking time seriously: A theory of socioemotional selectivity. *American Psychologist*. 54(3), 165–181. DOI: 10.1037/0003-066X.54.3.165
- Chang A., Skirbekk V., Tyrovolas S., Kassebaum N., Dieleman J. (2019). Measuring population ageing: An analysis of the Global Burden of Disease Study 2017. *The Lancet Public Health*, 4 (3), 159–167. DOI: 10.1016/S2468-2667(19)30019-2
- Charles S.T., Carstensen L.L. (2010). Social and emotional aging. *Annual Review of Psychology*, 61, 383–409. DOI: 10.1146/annurev.psych.093008.100448
- Chen G., Zhao M., Yang K. et al. (2021). Education exerts different effects on Cognition in individuals with subjective cognitive decline and cognitive impairment: A Population-based study. *Journal of Alzheimer's Disease*, 79, 653–661. DOI: 10.3233/JAD-201170
- Chen X., Giles J., Yao Y. et al. (2022). The path to healthy ageing in China: a Peking University-Lancet Commission. *Lancet*, 400(10367), 1967–2006. DOI: 10.1016/S0140-6736(22)01546-X
- Cherrie M.P.C., Shortt N.K., Mitchell R.J. et al. (2018). Green space and cognitive ageing: A retrospective life course analysis in the Lothian Birth Cohort 1936. *Social Science & Medicine*, 196, 56–65. DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.10.038
- Cobb-Clark D.A., Kettlewell N. (2021). Psychological, social and cognitive resources and the mental wellbeing of the poor. *PLoS ONE*, 16, e0258417. DOI: 10.1371/journal.pone.0258417
- Cohen S., Wills T.A. (1985). Stress, social support, and the buffering hypothesis. *Psychological Bulletin*. 98(2), 310–357. DOI: 10.1037/0033-2909.98.2.310
- Cosco T.D., Prina A.M., Perales J., Stephan B.C., Brayne C. (2013). Lay perspectives of successful ageing: A systematic review and meta-ethnography. *BMJ Open*, 3(6), e002710. DOI: 10.1136/bmjopen-2013-002710

- Dove A., Shang Y., Xu W. et al. (2021). The impact of diabetes on cognitive impairment and its progression to dementia. *Alzheimer's & Dementia Journal*, 17, 1769–1778.
- Feng Q., Son J., Zeng Y. (2015). Prevalence and correlates of successful ageing: A comparative study between China and South Korea. *European Journal of Ageing*, 12(2), 83–94. DOI: 10.1007/s10433-014-0329-5
- Feng Z., Cramm J.M., Jin C., Twisk J., Nieboer A.P. (2020). The longitudinal relationship between income and social participation among Chinese older people. *SSM – Population Health*, 11, Article 100636. DOI: 10.1016/j.ssmph.2020.100636
- Fritzell J., Lennartsson C., Zaidi A. (2021). Trends and inequality in the new active ageing and well-being index of the oldest old: A case study of Sweden. *Population Ageing*, 14, 5–22. DOI: 10.1007/s12062-020-09264-9
- Fu C., Li Z., Mao Z. (2018). Association between social activities and cognitive function among the elderly in China: a cross-sectional study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(2), 231. DOI: 10.3390/ijerph15020231
- Galkin F., Kochetov K., Koldasbayeva D. et al. (2022). Psychological factors substantially contribute to biological aging: Evidence from the aging rate in Chinese older adults. *Aging (Albany NY)*, 14(18), 7206–7222. DOI: 10.18632/aging.204264
- Gellert P., Alonso-Perez E. (2024). Psychosocial and biological pathways to aging. *Zeitschrift für Gerontologie und Geriatrie*, 57, 365–370. DOI: 10.1007/s00391-024-02324-1
- Gilles V., Salouhou S., Vallée R. et al. (2024). Social determinants of cognitive aging trajectories across 39 countries. *MedRxiv*. DOI: 10.1101/2024.12.05.24318553
- Hartshorne J.K., Germine L.T. (2015) When does cognitive functioning peak? The asynchronous rise and fall of different cognitive abilities across the life span. *Psychological Science*, 26(4), 433–443. DOI: 10.1177/0956797614567339
- Holstein J.A., Gubrium J.F. (2008). *Handbook of Constructionist Research*. London: Guilford Press.
- Holt-Lunstad J., Smith T.B., Layton J.B. (2010). Social relationships and mortality risk: A meta-analytic review. *PLoS Medicine*, 7(7), e1000316. DOI: 10.1371/journal.pmed.1000316
- Höpner G., Urban M. (2019). Editorial: Materialities of age and ageing. *Frontiers in Sociology*, 4, 14. DOI: 10.3389/fsoc.2019.00014
- Hughes T.F., Andel R., Small B.J., Borenstein A.R., Mortimer J.A. (2008). The association between social resources and cognitive change in older adults: Evidence from the Charlotte County Heath Aging Study. *The Journals of Gerontology: Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 63 (4), 241–244. DOI: 10.1093/geronb/63.4.P241
- Jin Y., Jing M., Ma X. (2019). Effects of digital device ownership on cognitive decline in a middle-aged and elderly population: Longitudinal observational study. *Journal of Medical Internet Research*, 21, e14210. DOI: 10.2196/14210
- Joo Y.Y., Cha J., Freese J., Hayes M.G. (2022). Cognitive capacity genome-wide polygenic scores identify individuals with slower cognitive decline in aging. *Genes*, 13(8), 1320. DOI: 10.3390/genes13081320
- Kahn R.L., Antonucci T.C. (1980). Convoys over the life course: Attachment, roles, and social support. In: Baltes P.B., Brim O. (Eds). *Life-Span Development and Behavior. Vol. 3*. New York: Academic Press.
- Kiecolt-Glaser J.K., Wilson S.J., Madison A. (2019). Marriage and gut (microbiome) feelings: Tracing novel dyadic pathways to accelerated aging. *Psychosomatic Medicine*, 81, 704–710. DOI: 10.1097/PSY.0000000000000647
- Kirkwood T.B.L. (2017). Why and how are we living longer? *Experimental Physiology*, 102(9), 1067–1074. DOI: 10.1113/EP086205
- Krause N. (2007). Longitudinal study of social support and meaning in life. *Psychology and Aging*, 22(3), 456–469. DOI: 10.1037/0882-7974.22.3.456
- Kunkel S.R., Settersten R.Jr. (2021). *Aging, Society, and the Life Course*. Springer.
- Lachman M.E., Agrigoroaei S. (2010). Promoting functional health in midlife and old age: Long-term protective effects of control beliefs, social support, and physical exercise. *PLOS ONE*, 5(10), e13297. DOI: 10.1371/journal.pone.0013297
- Lachman M.E., Teshale S., Agrigoroaei S. (2015). Midlife as a pivotal period in the life course: Balancing growth and decline at the crossroads of youth and old age. *International Journal of Behavioral Development*, 39(1), 20–31. DOI:10.1177/0165025414533223
- Levy B. (2009). Stereotype embodiment: A psychosocial approach to aging. *Current Directions in Psychological Science*, 18, 332–336. DOI: 10.1111/j.1467-8721.2009.01662.x

- Levy B.R., Slade M.D., Kunkel S.R., Kasl S.V. (2002). Longevity increased by positive self-perceptions of aging. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83(2), 261–270. DOI: 10.1037//0022-3514.83.2.261
- Levy B.R., Slade M.D., Pietrzak R.H., Ferrucci L. (2020). When culture influences genes: Positive age beliefs amplify the cognitive-aging benefit of APOEε2. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences & Social Sciences*, 75(8), 198–203. DOI: 10.1093/geronb/gbaa12
- Liang C., Subramaniam P., Mohd Ridzwan Goh N.S., Kok Wai T., Moustafa A.A. (2023). Digital device use, risk of cognitive impairment, and cognition in healthy older adults: The role of cognitive reserve. *Healthcare (Basel)*, 11(21), 2822. DOI: 10.3390/healthcare11212822
- López-Otín C., Blasco M.A., Partridge L., Serrano M., Kroemer G. (2013). The hallmarks of aging. *Cell*, 153(6), 1194–1217. DOI: 10.1016/j.cell.2013.05.039
- Lövdén M., Fratiglioni L., Glymour M.M., Lindenberger U., Tucker-Drob E.M. (2020). Education and cognitive functioning across the Life Span. *Psychological Science in the Public Interest*, 21(1), 6–41. DOI: 10.1177/1529100620920576
- Marmot M.G., Smith G.D., Stansfeld S. et al. (1991). Health inequalities among British civil servants: The Whitehall II study. *Lancet*, 337(8754), 1387–1393. DOI: 10.1016/0140-6736(91)93068-k
- McHugh Power J.E., Steptoe A., Kee F., Lawlor B.A. (2019). Loneliness and social engagement in older adults: A bivariate dual change score analysis. *Psychology and Aging*, 34(1), 152–162. DOI: 10.1037/pag0000287
- McLaughlin S.J., Connell C.M., Heeringa S.G., Li L.W., Roberts J.S. (2010). Successful aging in the United States: Prevalence estimates from a national sample of older adults. *Journals of Gerontology – Series B Psychological Sciences and Social Sciences*, 65B(2), 216–226. DOI: 10.1093/geronb/gbp101
- Meng X., D’Arcy C. (2014). Successful aging in Canada: Prevalence and predictors from a population-based sample of older adults. *Gerontology*, 60(1), 65–72. DOI: 10.1159/000354538
- Mullins M.A., Bynum J.P.W., Judd S.E., Clarke P.J. (2021). Access to primary care and cognitive impairment: Results from a national community study of aging Americans. *BMC Geriatrics*, 21, 580. DOI: 10.1186/s12877-021-02545-8
- Nutakor J.A., Dai B., Zhou J. et al. (2021). Association between socioeconomic status and cognitive functioning among older adults in Ghana. *International Journal of Geriatric Psychiatry*, 36(5), 756–765. DOI: 10.1002/gps.5475
- Pazim K., Mahmud R., Yee B.L.F. et al. (2021). The impact of COVID-19 pandemic on Malaysian senior citizens: A review. *International Journal of Aquatic Science*, 12, 186–192.
- Pengpid S., Peltzer K. (2021). Successful ageing among a national community-dwelling sample of older adults in India in 2017–2018. *Scientific Reports*, 11(1), 22186. DOI: 10.1038/s41598-021-00739-z
- Pengpid S., Peltzer K., Susilowati I.H. (2019). Cognitive functioning and associated factors in older adults: Results from the Indonesian Family Life Survey-5 (IFLS-5) in 2014–2015. *Current Gerontology and Geriatrics Research*, e4527647. DOI: 10.1155/2019/4527647
- Perry B.L., Roth A.R., Peng S. et al. (2022). Social networks and cognitive reserve: Network structure moderates the association between amygdalar volume and cognitive outcomes. *Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 77(8), 1490–1500. DOI: 10.1093/geronb/gbab192
- Picard M. (2011). Pathways to aging: The mitochondrion at the intersection of biological and psychosocial sciences. *Journal of Aging Research*, 814096. DOI: 10.4061/2011/814096
- Portela-Parra E.T., Leung C.W. (2019). Food insecurity is associated with lower cognitive functioning in a national sample of older adults. *Journal of Nutrition*, 149(10), 1812–1817. DOI: 10.1093/jn/nxz120
- Róin T., Skaalum Petersen M., Róin Á. (2021). Managing a positive impression: Self-presentation among octogenarians. *Journal of Aging Studies*. 59, 100968, DOI: 10.1016/j.jaging.2021.100968
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1997) Successful aging. *Gerontologist*, 37(4), 433–440. DOI: 10.1093/geront/37.4.433
- Sharifian N., Manly J.J., Brickman A.M., Zahodne L.B. (2019) Social network characteristics and cognitive functioning in ethnically diverse older adults: The role of network size and composition. *Neuropsychology*, 33(7), 956–963. DOI: 10.1037/neu0000564
- Singh-Manoux A., Adler N.E., Marmot M.G. (2023) Subjective social status: Its determinants and its association with measures of ill-health in the Whitehall II study. *Social Science & Medicine*, 56(6), 1321–1333. DOI: 10.1016/s0277-9536(02)00131-4
- Sparrow E.P., Swirsky L.T., Kudus F., Spaniol J. (2021) Aging and altruism: A meta-analysis. *Psychology & Aging*, 36(1), 49–56. DOI: 10.1037/pag0000447

- Sukhera J. (2022). Narrative reviews: Flexible, rigorous, and practical. *Journal of Graduate Medical Education*, 14(4), 414–417. DOI: 10.4300/JGME-D-22-00480.1
- Tajvar M., Yaseri M., Mahmoudi R., Zaidi A. (2022). Individual-level active aging index and quality of life of older people: A population-based survey in Tehran. *International Journal of Preventive Medicine*, 13(1), 2. DOI: 10.4103/ijpvm.IJPVM_358_20
- Twigg J., Martin W. (2014). The challenge of cultural gerontology. *The Gerontologist*, 55(3), 353–359. DOI: 10.1093/geront/gnu061
- Vaupel J.W. (2010). Biodemography of human ageing. *Nature*, 464(7288), 536–542. DOI: 10.1038/nature08984
- Vélez-Coto M., Rute-Pérez S., Pérez-García M., Caracuel A. (2021). Unemployment and general cognitive ability: A review and meta-analysis. *Journal of Economic Psychology*, 87, 102430. DOI: 10.1016/j.joep.2021.102430
- Walker A.A. (2002). Strategy for active ageing. *International Social Security Review*, 55(1), 121–139. DOI: 10.1111/1468-246X.00118
- Wang P., Lei L., Cui J. et al. (2024). Trend analysis and influencing factors of healthy aging in middle-aged population in China: A longitudinal study based on the China Health and Retirement Longitudinal Study. *Public Health*, 233, 108–114. DOI: 10.1016/j.puhe.2024.05.012
- Wilson S.J., Bailey B.E., Malarkey W.B., Kiecolt-Glaser J.K. (2021). Linking marital support to aging-related biomarkers: Both age and marital quality matter. *The Journals of Gerontology: Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 76, 273–282. DOI: 10.1093/geronb/gbz106
- Young Y., Frick K.D., Phelan E.A. (2009). Can successful aging and chronic illness coexist in the same individual? A multidimensional concept of successful aging. *Journal of the American Medical Directors Association*, 10, 87–92. DOI: 10.1016/j.jamda.2008.11.003
- Zhang L., Zhang Y. (2023). Social determinants of cognitive health: A scoping review. *Innovation in Aging*, 7(1), 186–187. DOI: 10.1093/geroni/igad104.0615
- Zhang W., Liu S., Wu B. (2017). Defining successful aging: Perceptions from elderly Chinese in Hawaii. *Gerontology and Geriatric Medicine*, 4, 1–7. DOI: 10.1177/2333721418778182
- Zhang W., Wang A. (2025). Functional ability of older adults based on the World Health Organization framework of healthy ageing: A scoping review. *Journal of Public Health*, 33, 1513–1531. DOI: 10.1007/s10389-023-02121-x
- Zhou S., Song S., Jin Y., Zheng Z.J. (2020). Prospective association between social engagement and cognitive impairment among middle-aged and older adults: Evidence from the China Health and Retirement Longitudinal Study. *BMJ Open*, 10(11), e040936. DOI: 10.1136/bmjopen-2020-040936
- Zunzunegui M.V., Alvarado B.E., Del Ser T., Otero A. (2003). Social networks, social integration, and social engagement determine cognitive decline in community-dwelling Spanish older adults. *Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 58(2), 93–100. DOI: 10.1093/geronb/58.2.s93

Сведения об авторах

Ольга Александровна Башева — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35); старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23; e-mail: olgabasheva.ru@gmail.com)

Екатерина Федоровна Черникова — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, Нижегородский научно-исследовательский институт гигиены и профессиональной патологии Роспотребнадзора (Российская Федерация, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Семашко, д. 20; e-mail: chernikova_ef@mail.ru); старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23)

Мария Валерьевна Ведунова — доктор биологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23; e-mail: mvedunova@unn.ru)

Basheva O.A., Chernikova E.F., Vedunova M.V.

Interdisciplinary Intersections of Research on the Determinants of Aging

Abstract. The article provides a review of current research analyzing the social determinants of the aging process, which begins as early as middle age and is the result of an individual's personal development. While scientists primarily note biological markers as its fundamental mechanisms, a trend has recently emerged toward understanding aging as a multifaceted process that includes social and psychological markers and is influenced by environmental factors that can be controlled by the will of the individual. In this regard, the issues of interdisciplinary approaches in studying aging as a bio-socio-psychological process, as well as identifying factors amenable to modeling, have gained relevance. Various classifications exist for the factors influencing the functional capacity of older adults. In most cases, they are divided into three groups: individual, social, and environmental. Factors not related to internal capabilities and health quality are usually classified as social determinants of health, which can be modified. In recent years, the idea of the possibility of constructing old age has developed, representing a set of strategies for creating and realizing an image of desired old age. This has opened a positive perspective for research and new vectors for social policy development, the goal of which is to create conditions for successful aging and healthy longevity. In the 21st century, the concept of successful aging has become an alternative to the idea of decline in old age and reflects a social demand, as the demographic shift has led to an annual increase in the number of people of retirement age. It is projected that by 2030, every sixth person in the world will be over 60 years old.

Key words: demographic shift, successful aging concept, modeling of old age, social determinants of aging, aging trajectories.

Information about the Authors

Olga A. Basheva — Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS (24/35, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation); Senior Researcher, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; e-mail: olgabasheva.ru@gmail.com)

Ekaterina F. Chernikova — Candidate of Sciences (Medicine), Senior Researcher, Nizhny Novgorod Scientific Research Institute of Hygiene and Occupational Diseases of Rospotrebnadzor (20, Semashko Street, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation; e-mail: chernikova_ef@mail.ru); Senior Researcher, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation)

Maria V. Vedunova — Doctor of Sciences (Biology), Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; e-mail: mvedunova@unn.ru)

Статья поступила 15.09.2025.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (декабрь 2025 г.), а также за период с декабря 2024 по декабрь 2025 г. (последние 7 опросов, то есть год измерений).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина), 2018 (первый год IV президентского срока), 2023 (последний полный год IV президентского срока) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2007–2025 гг.²

В октябре – декабре 2025 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился и составил 65–66%. Доля отрицательных суждений – 19–20%.

За последние 12 месяцев (с декабря 2024 по декабрь 2025 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства также не претерпела существенных изменений (65–67%).

В целом за 2025 год по сравнению со среднегодовыми данными 2024 года отмечается стабильность мнений по отношению к работе Президента РФ: доля положительных оценок составила 66–67%.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском, Шекснинском муниципальных округах области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

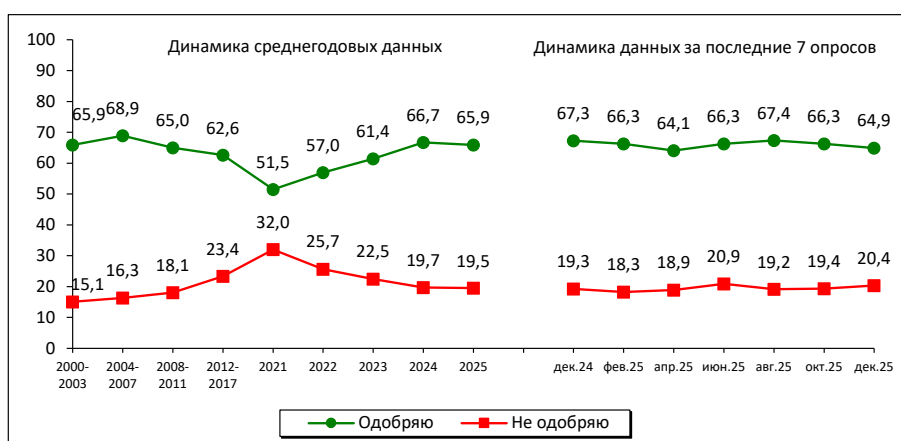
Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения Covid-19.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-)		
	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Изменение (+/-)			
																дек. 2025 к 2024	окт. 2025	к 2024	
Президент РФ																			
Одобряю	75,3	51,7	66,4	51,5	57,0	61,4	66,7	65,9	67,3	66,3	64,1	66,3	67,4	66,3	64,9	-2	-1	-1	
Не одобряю	11,5	32,6	21,7	32,0	25,7	22,5	19,7	19,5	19,3	18,3	18,9	20,9	19,2	19,4	20,4	+1	+1	0	
Председатель Правительства РФ																			
Одобряю	–	49,6	48,0	39,9	45,4	50,1	54,1	54,4	55,6	54,7	53,9	53,0	55,1	55,7	54,0	-2	-2	0	
Не одобряю	–	33,3	31,6	37,6	32,0	27,6	24,8	22,5	25,3	23,8	22,3	22,9	20,6	23,1	22,2	-3	-1	-2	
Губернатор области*																			
Одобряю	55,8	41,9	38,4	36,7	40,9	48,1	51,7	42,5	50,8	46,8	42,9	39,9	41,0	41,8	42,8	-8	+1	-9	
Не одобряю	22,2	33,3	37,6	40,5	35,8	30,9	28,4	37,2	29,8	31,4	34,6	37,2	39,1	41,3	39,3	+10	-2	+9	
Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом. Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?».																			
* 31 октября 2023 г. Указом Президента РФ временно исполняющим обязанности губернатора Вологодской области был назначен Георгий Юрьевич Филимонов. По итогам региональных выборов, состоявшихся 6–8 сентября 2024 г., Г.Ю. Филимонов набрал 62,3% голосов и стал избранным Губернатором Вологодской области.																			

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	дек. 2025 к 2024		2025 к 2024
	дек. 2024	окт. 2025	
Одобряю	-2	-1	-1
Не одобряю	+1	+1	0

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

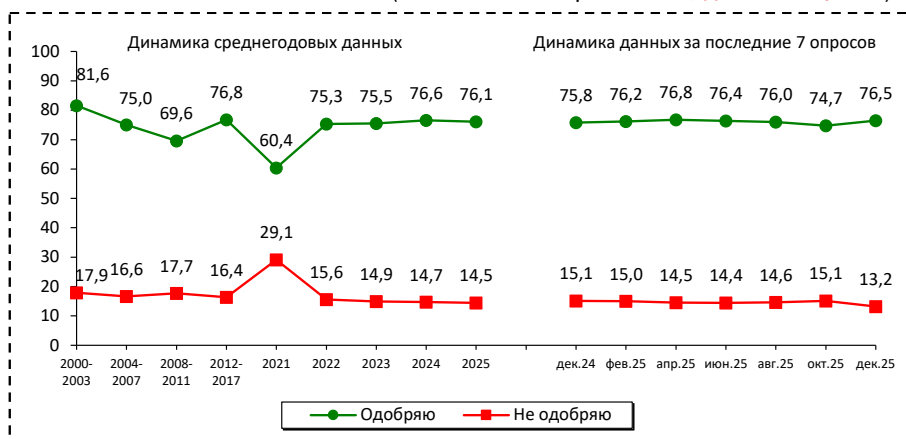
Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с октября по 1-ю половину декабря 2025 г. составил 75–76%. Удельный вес негативных отзывов – 13–15%.

Оценки населения в декабре 2025 г. идентичны оценкам декабря 2024 г. (уровень одобрения деятельности главы государства составил 76–77%).

Изменений по сравнению со среднегодовыми данными 2024 года в 2025 году не наблюдается.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	дек. 2024	окт. 2025	2025 к 2024
Одобрять	+1	+2	-1
Не одобрять	-2	-2	0

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

Данные за декабрь – за один опрос от 07.12.2025.

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

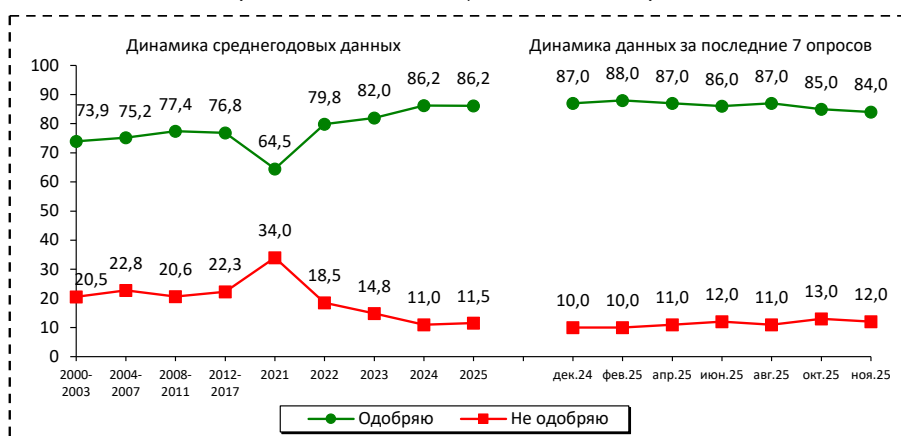
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в октябре – ноябре 2025 г. составил 84–85%; доля отрицательных характеристик – 12–13%.

С декабря 2024 г. по ноябрь 2025 г. уровень одобрения руководителя страны незначительно снизился (на 3 п. п., с 87 до 84%).

По сравнению со среднегодовыми показателями 2024 года в 2025 году существенных изменений не зафиксировано.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	нояб. 2025 к дек. 2024	окт. 2025	2025 к 2024
Одобрять	-3	-1	0
Не одобрять	+2	-1	+1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?».

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

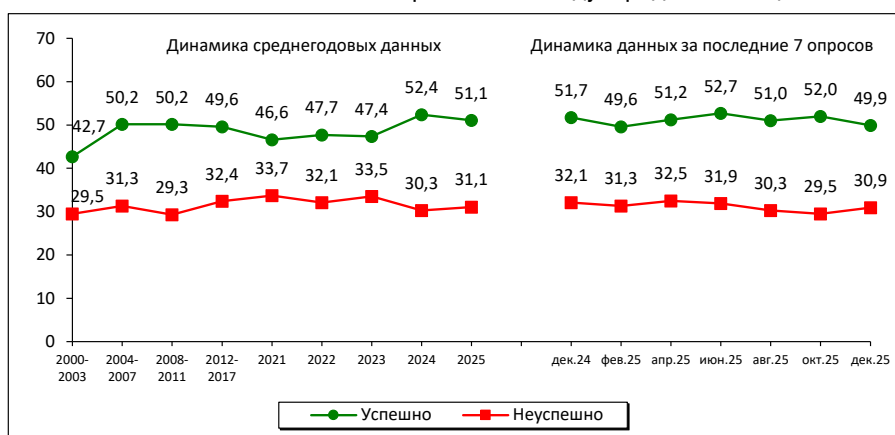
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, в октябре – декабре 2025 г. составила 50–52%. Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, значительно меньше (31%).

По сравнению с декабрем 2024 г., а также в среднем за 2024–2025 гг. оценки населения региона относительно успешности работы Президента РФ с проблемами в стране не изменились.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Укрепление международных позиций России

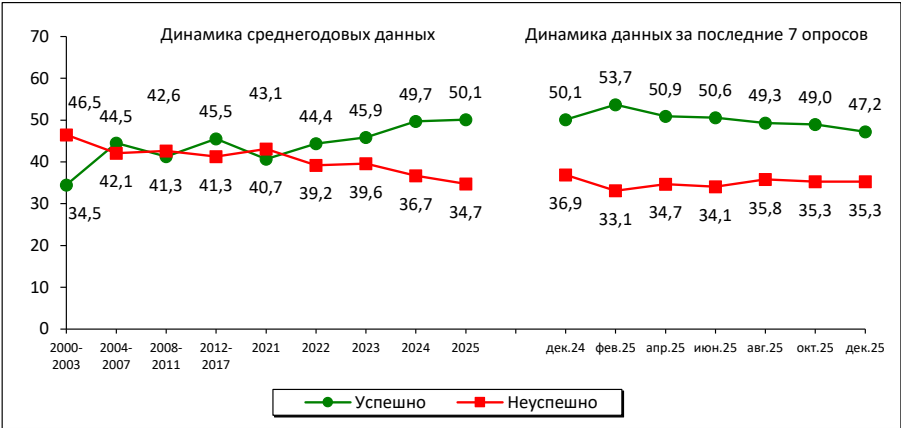
Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	дек. 2025 к		2025
	дек. 2024	окт. 2025	к 2024
Успешно	-2	-2	-1
Неуспешно	-1	+1	+1

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

За последние два месяца мнение жителей области о деятельности главы государства по наведению порядка в стране осталось прежним: доля положительных суждений составила 47–49%, отрицательных – 35%. При этом с февраля текущего года уровень поддержки снизился на 7 п. п. (с 54 до 47%).

За год (с декабря 2024 по декабрь 2025 г.) удельный вес положительных оценок деятельности главы государства по наведению порядка в стране незначительно снизился – на 3 п. п., с 50 до 47%. За период 2024–2025 гг. оценки населения сохранились на прежнем уровне.

Наведение порядка в стране

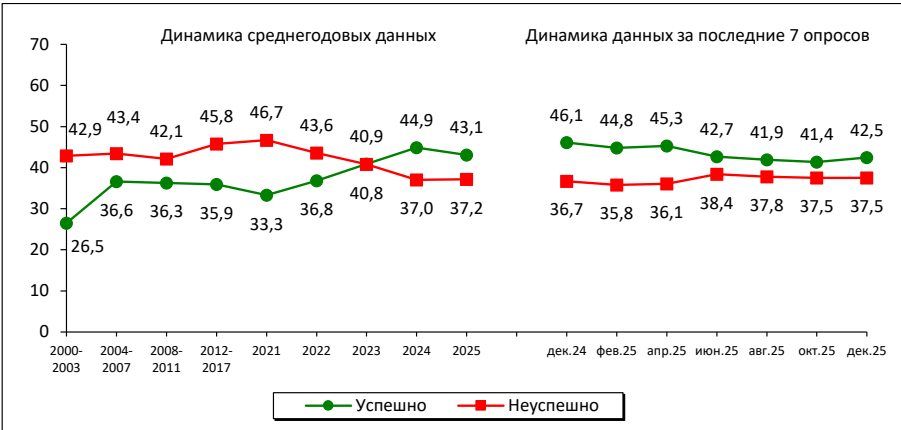

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

В октябре – декабре 2025 г. доля жителей области, позитивно оценивающих деятельность Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, составила 41–42%; удельный вес противоположных суждений – 38%.

С декабря 2024 г. по декабрь 2025 г. удельный вес положительных оценок снизился на 4 п. п., с 46 до 42%. Среднегодовые данные 2025 года соответствуют уровню 2024 года.

Защита демократии и укрепление свобод граждан

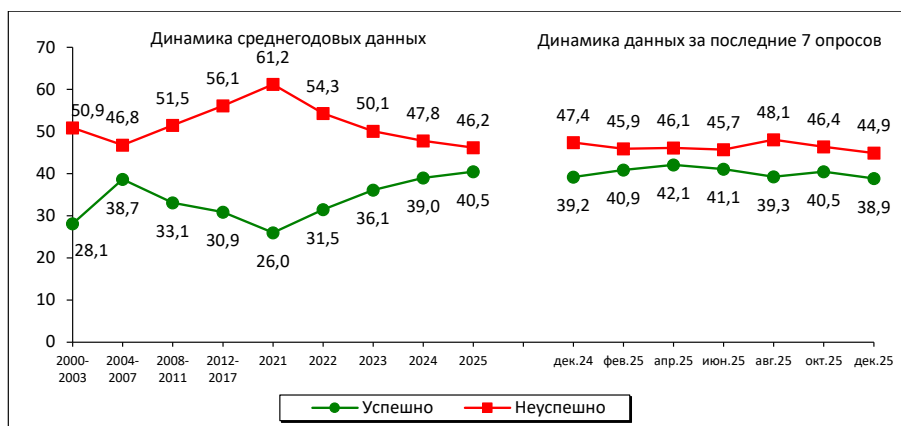
Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан за последние два месяца составила 39–41%.

За период с декабря 2024 г. по декабрь 2025 г. незначительно снизилась доля отрицательных оценок деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан – с 47 до 45%.

В среднем за 2024 год по сравнению с 2025 годом не отмечается существенных изменений.

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	дек. 2024	окт. 2025	2025 к 2024
Успешно	0	-2	+2
Неуспешно	-3	-2	-2

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Структура партийно-политических предпочтений жителей области в октябре – декабре 2025 г. оставалась стабильной. Доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 38–40%, КПРФ – 10–11%, ЛДПР – 8–9%, «Справедливая Россия» – 3–4%, «Новые люди» – 2%.

За год доля поддерживающих партию «Единая Россия» снизилась на 4 п. п. (с 42 до 38%). Аналогичная динамика характерна для среднегодовых данных: с 2024 по 2025 г. число сторонников «Единой России» сократилось на 3 п. п., с 43 до 40%. По остальным партиям не наблюдается существенных изменений в оценках.

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партии	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-)			
	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	2024	2025	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Дек. 2025 к		2025 к 2024
																					дек. 2024	окт. 2025	
Единая Россия	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	42,9	40,3	42,3	39,9	40,5	41,6	41,2	40,5	38,1	-4	-2	-3
КПРФ	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	8,9	9,6	9,1	8,8	8,0	9,1	11,5	10,5	9,7	+1	-1	+1
ЛДПР	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,1	8,2	8,8	7,5	7,1	9,4	8,7	7,8	8,6	0	+1	+1
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	3,5	3,5	4,4	2,3	2,9	3,9	4,2	3,4	4,1	0	+1	0
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,9	2,0	2,5	2,3	3,1	3,0	2,5	1,8	2,2	2,5	0	0	+1
Другая	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1	0,3	0,3	0,0	0,1	0,1	0,1	0,2	0	0	0
Никакая	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	26,5	25,2	25,8	26,3	28,4	27,7	24,9	23,3	24,3	26,1	0	+2	+1
Затрудняюсь ответить	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	11,1	10,3	10,0	6,5	9,7	10,8	8,5	9,2	11,3	10,7	+4	-1	0

* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

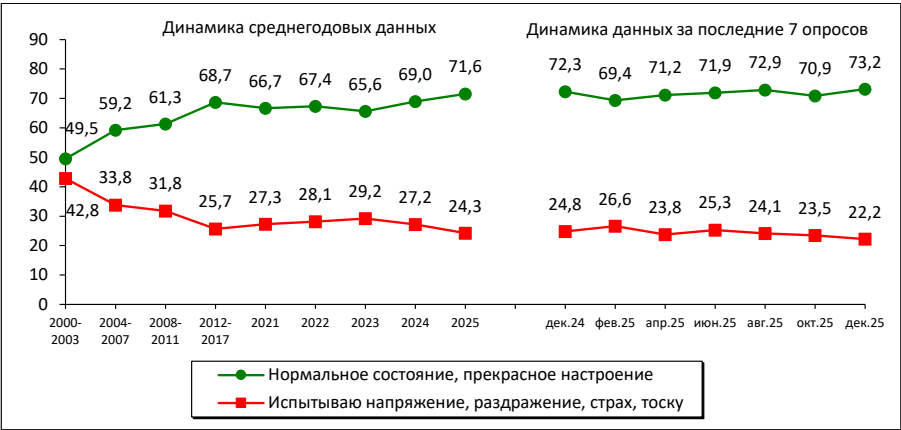
За последние два месяца удельный вес положительных оценок социального настроения составил 71–73%; доля негативных характеристик – 22–23%.

С декабря 2024 г. по декабрь 2025 г. доля людей, отмечающих, что у них «нормальное, прекрасное» настроение, составила 71–73% и не изменилась. Стабильным также остается удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску» (22–23%).

По среднегодовым данным за 2024–2025 гг. доля негативных оценок населением своего повседневного эмоционального состояния незначительно сократилась – на 3 п. п., с 27 до 24%.

Оценка социального состояния
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Социальное настроение

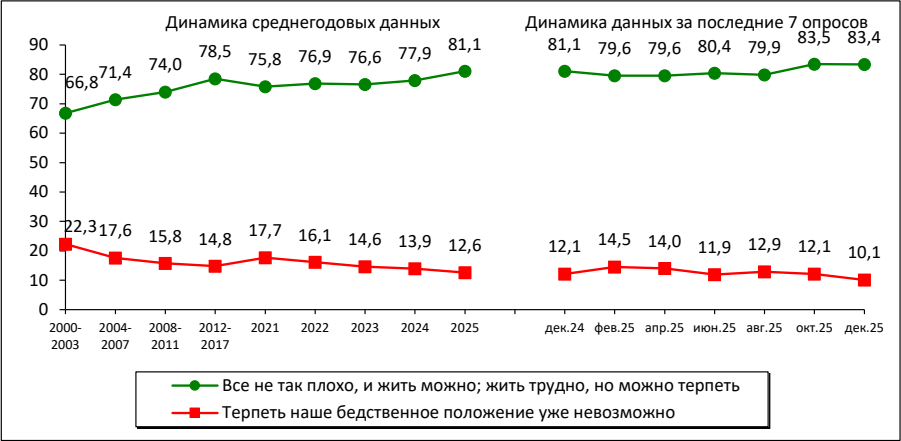
Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	дек. 2025 к		2025 к 2024
	дек. 2024	окт. 2025	
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+1	+2	+3
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-3	-1	-3

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Запас терпения сохраняется на стабильно высоком уровне: 83% жителей области в октябре – декабре 2025 г. отметили, что «всё не так плохо и можно жить». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», составила 10–12%.

Аналогичные оценки жителей области отмечались в декабре 2024 г., а также в среднем за 2024–2025 гг.

Запас терпения

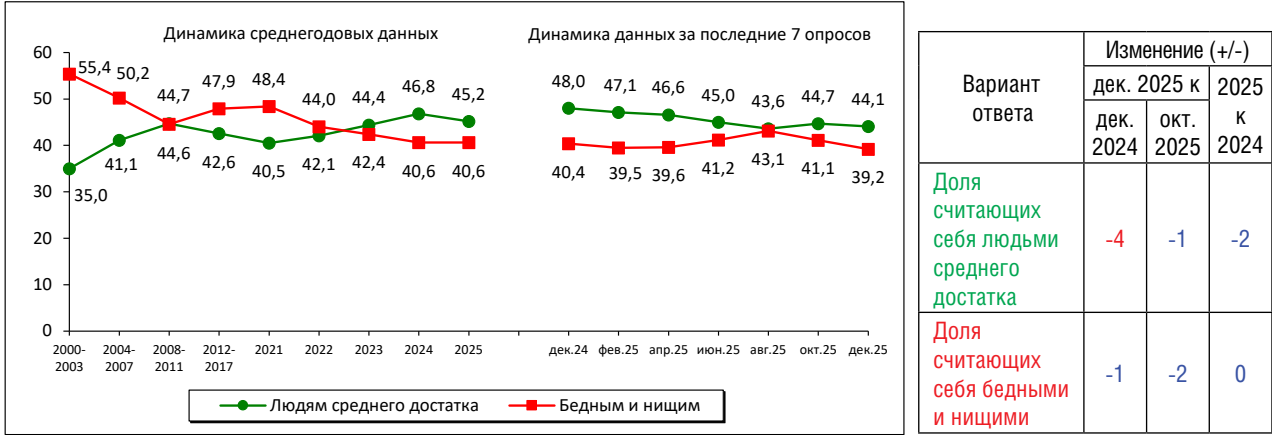
Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	дек. 2025 к		2025 к 2024
	дек. 2024	окт. 2025	
Всё не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+2	0	+3
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-2	-2	-1

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Как и в октябре, в декабре 2025 г. доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей «среднего достатка», составила 44–45%. Удельный вес «бедных и нищих» также не изменился (39–41%).

За последние 12 месяцев удельный вес людей, считающих себя людьми среднего достатка, сократился на 4 п. п. (с 48 до 44%). Особенно заметно это сокращение в группах респондентов с высшим образованием, среди 20% самых обеспеченных граждан и жителей Вологды. Доля относящих себя к «бедным и нищим» сократилась среди людей со средним специальным образованием и среди 20% наименее обеспеченных. В 2025 году ощутимых отклонений от среднегодовых значений 2024 года не наблюдается.

Социальная самоидентификация

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Доля людей «среднего достатка» в различных социально-демографических категориях населения
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-)		
	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	дек. 2025 к		2025 к 2024
																дек. 2024	окт. 2025	
Пол																		
Мужской	50,4	45,7	43,2	40,0	41,5	45,0	46,6	47,1	49,8	49,5	50,0	47,1	43,7	45,3	46,7	-3	+1	+1
Женский	46,4	43,9	41,5	40,8	42,6	43,8	46,8	43,7	46,5	45,2	43,9	43,3	43,5	44,1	42,0	-5	-2	-3
Возраст																		
До 30 лет	57,1	52,8	43,9	39,1	43,8	44,9	49,3	46,2	50,2	52,6	44,8	45,7	45,7	42,4	46,2	-4	+4	-3
30–55 лет	50,4	45,0	44,0	42,1	42,3	46,4	49,2	47,4	50,4	51,5	47,4	47,2	43,3	48,3	46,6	-4	-2	-2
Старше 55 лет	36,6	37,4	39,4	39,0	41,3	41,7	42,8	42,2	44,2	39,7	46,4	42,2	43,2	41,1	40,3	-4	-1	-1
Образование																		
Среднее и н/среднее	37,1	33,3	35,7	34,7	35,0	34,0	38,0	36,4	39,1	40,5	40,3	38,4	35,3	30,4	33,5	-6	+3	-2
Среднее специальное	50,9	42,7	46,2	43,0	45,1	47,8	48,5	48,1	49,4	47,6	47,4	47,2	46,5	48,8	50,8	+1	+2	0
Высшее и н/высшее	58,3	57,0	44,1	43,5	47,1	50,2	54,1	51,1	55,3	53,7	53,1	49,2	48,6	54,9	47,3	-8	-8	-3
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	25,7	20,8	24,7	28,4	24,3	23,0	24,8	22,4	25,6	25,4	21,3	15,1	23,6	24,4	24,6	-1	0	-2
60% средне-обеспеченных	46,3	42,6	42,7	37,3	41,5	42,1	44,3	44,1	45,4	44,6	45,7	44,6	41,2	44,6	43,6	-2	-1	0
20% наиболее обеспеченных	76,1	74,9	61,3	60,5	61,2	67,2	70,1	66,0	71,4	68,8	63,7	70,5	62,7	65,9	64,5	-7	-1	-4
Территории																		
Вологда	57,5	43,7	42,0	36,0	35,5	44,6	51,5	47,9	52,2	51,5	49,5	47,1	46,4	48,1	44,8	-7	-3	-4
Череповец	63,8	58,6	40,3	41,0	42,0	44,0	46,1	44,0	46,7	45,2	45,2	44,2	43,7	44,4	41,2	-6	-3	-2
Районы	36,2	38,1	43,6	42,7	45,9	44,4	44,4	44,2	46,3	45,7	45,6	44,2	41,8	42,7	45,3	-1	+3	0
Область	48,2	44,7	42,3	40,5	42,1	44,4	46,8	45,2	48,0	47,1	46,6	45,0	43,6	44,7	44,1	-4	-1	-2
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения																14: 0 / 5 / 9	14: 1 / 12 / 1	14: 0 / 12 / 2
Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.																		

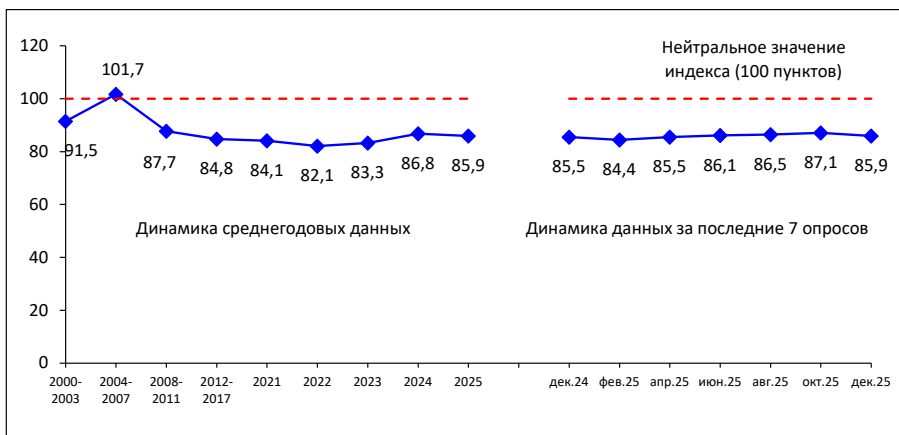
Доля людей, относящих себя к «бедным и нищим», в различных социально-демографических категориях населения (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-)		
	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	дек. 2025 к		2025 к 2024
																дек. 2024	окт. 2025	
Пол																		
Мужской	39,8	42,7	43,3	48,0	44,7	40,5	40,1	39,4	37,3	37,4	37,3	38,9	43,6	41,6	37,7	0	-4	-1
Женский	44,6	45,9	47,0	48,8	43,5	43,8	41,1	41,6	43,0	41,2	41,5	42,9	42,7	40,8	40,3	-3	-1	0
Возраст																		
До 30 лет	32,4	36,6	40,4	47,2	40,2	38,9	36,3	37,7	33,5	35,4	39,6	38,6	38,5	38,1	35,7	+2	-2	+1
30–55 лет	40,0	44,0	43,2	45,4	42,5	39,0	37,6	37,7	38,7	35,4	36,9	37,2	41,4	38,5	37,0	-2	-2	0
Старше 55 лет	55,5	51,9	50,6	52,5	47,4	47,9	45,9	45,1	45,0	45,9	42,8	46,8	46,6	45,4	42,9	-2	-3	-1
Образование																		
Среднее и н/среднее	52,6	56,0	53,5	55,4	50,2	50,7	48,4	48,8	47,7	46,8	46,6	46,4	50,5	52,5	49,9	+2	-3	0
Среднее специальное	39,9	46,4	42,0	46,0	41,5	39,3	39,3	37,0	39,9	38,6	38,1	39,6	37,9	38,2	29,5	-10	-9	-2
Высшее и н/высшее	33,1	32,3	41,1	44,0	39,7	38,1	34,0	36,1	33,7	32,7	32,9	37,5	41,6	32,5	39,4	+6	+7	+2
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	64,5	67,2	62,9	61,2	59,0	58,9	63,2	61,5	63,3	61,8	63,3	69,4	59,1	64,8	50,8	-13	-14	-2
60% средне-обеспеченных	45,0	48,0	46,5	53,0	46,6	46,0	42,9	42,7	42,2	41,7	41,4	43,3	45,9	42,1	41,6	-1	-1	0
20% наиболее обеспеченных	15,9	16,7	28,6	27,8	27,9	21,3	20,0	21,5	23,0	20,2	24,3	14,0	28,8	20,7	21,2	-2	+1	+2
Территории																		
Вологда	32,3	44,1	40,4	47,9	47,0	40,9	34,3	33,7	35,5	33,9	33,3	33,6	32,8	33,8	35,0	-1	+1	-1
Череповец	31,4	31,9	52,4	49,1	46,7	45,8	43,7	44,8	47,2	46,2	44,9	45,5	44,4	43,4	44,1	-3	+1	+1
Районы	52,5	51,1	44,2	48,3	40,8	41,2	42,6	42,4	39,4	39,0	40,4	43,3	48,6	44,3	38,7	-1	-6	0
Область	42,5	44,5	45,4	48,4	44,0	42,4	40,6	40,6	40,4	39,5	39,6	41,2	43,1	41,1	39,2	-1	-2	0
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения																14: 2 / 11 / 1	14: 4 / 9 / 1	14: 0 / 14 / 0
Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.																		

Индекс потребительских настроений (ИПН) в октябре – декабре 2025 г. составил 86–87 пунктов.

В декабре 2025 г. значение ИПН соответствует данным декабря 2024 г. (85–86 п.). По сравнению со среднегодовыми показателями 2024 года в 2025 году существенных изменений не зафиксировано.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	дек. 2025 к		2025 к 2024
	дек. 2024	окт. 2025	
Значение индекса, в пунктах	0	-1	-1

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Динамика индекса потребительских настроений в различных социально-демографических группах населения (в пунктах)

Категория населения	2023 г.	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	2024 г.	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	2025 г.	Изменение (+/-)		
																дек. 2025 к		2025 к 2024
																дек. 2024	окт. 2025	
Пол																		
Мужской	84,2	82,8	85,8	84,3	89,1	85,5	85,7	85,5	86,2	85,5	87,2	86,8	88,9	87,1	87,0	+1	-2	+2
Женский	82,6	85,8	87,6	89,2	88,7	88,4	85,5	87,5	83,0	85,4	85,4	86,2	85,8	85,1	85,2	0	-1	-2
Возраст																		
До 30 лет	89,9	90,9	90,2	96,8	98,4	95,5	91,8	93,9	95,2	87,9	93,1	94,5	92,0	88,9	91,9	-3	-3	-2
30–55 лет	84,5	85,2	88,4	85,9	91,2	88,3	87,1	87,7	87,3	86,7	89,3	87,2	89,4	87,8	88,0	+1	-2	0
Старше 55 лет	79,4	81,4	83,5	84,9	82,4	82,5	81,5	82,7	76,9	83,1	79,9	82,8	82,6	82,8	81,4	+1	0	-1
Образование																		
Н/среднее и среднее	79,8	80,0	83,6	86,9	85,4	86,3	82,1	84,1	82,7	83,1	82,9	85,5	88,4	85,4	84,7	+3	-3	+1
Среднее специальное	85,8	85,1	88,3	86,2	88,8	89,0	89,7	87,9	84,4	88,2	89,0	86,0	86,6	88,5	87,1	-1	+2	-1
Высшее	83,3	87,5	88,4	88,2	92,9	85,7	84,4	87,9	86,3	84,9	86,2	88,0	86,4	83,2	85,8	-1	-3	-2
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	70,3	71,7	72,3	74,2	69,4	79,0	76,6	73,9	69,2	66,2	63,0	74,8	76,8	69,2	69,9	-7	-8	-4
60% средне-обеспеченных	83,9	84,0	88,3	85,2	89,9	87,2	85,3	86,7	84,8	88,0	87,2	86,5	88,3	87,8	87,1	+3	-1	0
20% наиболее обеспеченных	95,4	97,7	97,9	101,9	99,7	97,6	91,2	97,7	96,9	94,8	104,7	94,7	93,9	97,1	97,0	+6	+3	-1
Территории																		
Вологда	73,2	76,7	79,7	78,8	80,8	77,3	76,5	78,3	75,2	77,7	75,8	71,9	73,4	74,5	74,8	-2	+1	-4
Череповец	87,0	90,4	92,4	93,0	93,0	93,0	92,0	92,3	91,5	93,8	94,7	98,3	99,5	98,0	96,0	+6	-2	+4
Районы	86,9	85,7	87,7	88,4	91,2	89,6	87,3	88,3	85,7	85,4	87,6	88,6	88,4	86,0	87,0	-1	-2	-1
Область	83,3	84,5	86,8	87,0	88,9	87,1	85,5	86,6	84,4	85,5	86,1	86,5	87,1	85,9	85,9	0	-1	-1
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения																14: 2 / 11 / 1	14: 0 / 13 / 1	14: 1 / 11 / 2
Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.																		

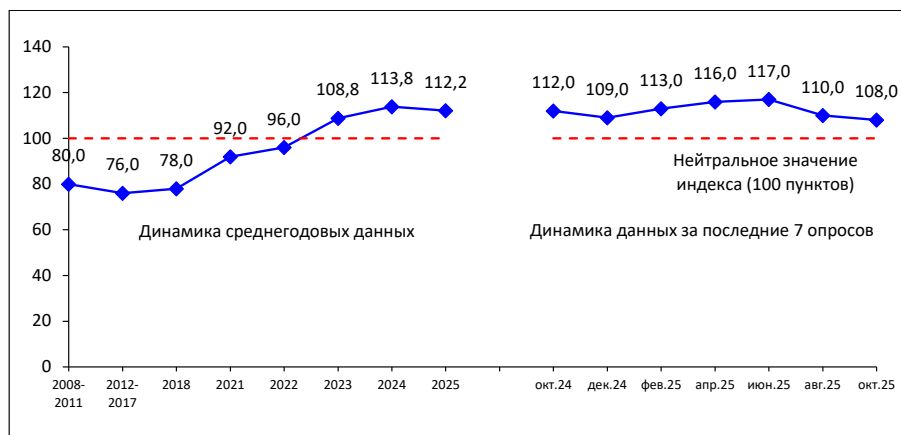
Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* (за период с августа по октябрь 2025 г.), индекс потребительских настроений снизился и составил 110–108 пунктов. Более значительный спад произошел с июня 2025 г. — на 9 п., с 117 до 108.

Негативные изменения наблюдаются за последние 12 месяцев (ИПН снизился на 4 пункта, с 112 до 108 п.). По среднегодовым данным 2024 и 2025 гг. существенных изменений не фиксируется.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России³)

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	окт. 2024 к окт. 2025	авг. 2025 к окт. 2024	2025 к 2024
Значение индекса, в пунктах	-4	-2	-2

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные — за октябрь 2025 г.

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой — негативные, синей — отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

За период с октября по декабрь 2025 г. существенных изменений в динамике доли позитивных оценок социального настроения в среднем по области не наблюдается. Однако в пяти социально-демографических группах фиксируются позитивные изменения. Доля положительных оценок возросла на 5 п. п. среди мужчин (с 68 до 73%), людей в возрасте 30–55 лет (с 74 до 78%), лиц с высшим и незаконченным высшим образованием (с 73 до 78%), по субъективным самооценкам уровня доходов относящихся к группе 20% наиболее обеспеченных граждан (с 84 до 89%); на 4 п. п. — среди лиц средним специальным образованием.

³ С марта 2025 года Левада-Центр* обновил данные по ИПН. ИПН в России рассчитывается с 1993 года на основе пяти вопросов, аналогично индексу, разработанному в 1940-х гг. Институтом социальных исследований при университете Мичигана. Индивидуальные индексы по каждому вопросу рассчитываются как разность долей положительных и отрицательных ответов плюс 100. Совокупный ИПН — среднее арифметическое индивидуальных индексов (диапазон 0–200, где >100 — преобладание позитивных оценок). В 2009 году была введена привязка ИПН к значениям марта 2008 года (база 100%), что было связано с изменением методологии опросов и экономическим кризисом. Однако это привело к тому, что индекс стал отражать изменения только относительно 2008 года. С марта 2025 года принято решение вернуться к оригинальной методике расчета ИПН, отказавшись от привязки к 2008 году, т. к. в 2023 году многие показатели превысили максимумы 2008 года и старая версия индекса перестала адекватно отражать текущую ситуацию. Возврат к исходной методике призван решить эту проблему. Источник: Обновленный индекс потребительских настроений: показатели февраля 2025 года. URL: <https://www.levada.ru/2025/03/26/obnovlennyy-indeks-potrebitelskihnastroenij-rokazateli-fevralya-2025-goda/>.

*Внесен в реестр иностранных агентов.

С декабря 2024 г. по декабрь 2025 г. в большинстве социально-демографических групп ощутимых изменений не наблюдалось. Доля позитивных оценок увеличилась только в трех категориях: среди мужчин, людей в возрасте 30–55 лет, а также относящихся к группе 20% наиболее обеспеченных граждан. Зафиксировано ухудшение настроения среди молодежи до 30 лет (на 7 п. п., с 81 до 74%) и в низкодоходной группе населения (на 5 п. п., с 56 до 51%).

В целом в 2025 году ситуация стабильная, оценки соответствуют среднегодовым данным предыдущего года.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-)		
	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	дек. 2025 к		2025 к 2024
																дек. 2024	окт. 2025	
Пол																		
Мужской	65,9	69,1	72,8	65,7	66,8	65,5	66,5	70,7	69,2	70,1	68,8	71,6	72,1	68,2	73,3	+4	+5	+4
Женский	61,7	65,8	69,8	67,4	67,9	65,7	70,9	72,3	74,7	68,8	73,1	72,2	73,5	73,1	73,1	-2	0	+1
Возраст																		
До 30 лет	71,3	72,3	79,9	73,5	77,6	75,0	76,6	76,8	81,3	79,9	76,7	76,7	78,1	75,2	74,3	-7	-1	0
30–55 лет	64,8	67,9	72,6	69,5	69,4	68,8	71,3	74,3	73,2	70,2	74,1	74,1	74,9	73,9	78,4	+5	+5	+3
Старше 55 лет	54,8	62,1	65,2	60,5	61,1	58,2	63,3	66,5	67,8	64,6	65,8	67,6	68,6	65,9	66,6	-1	+1	+3
Образование																		
Среднее и н/среднее	58,4	57,2	64,8	62,1	64,6	62,0	64,6	67,2	65,5	64,6	65,6	68,4	70,3	68,4	66,1	+1	-2	+3
Среднее специальное	64,6	66,7	72,1	66,7	68,3	66,1	70,3	73,6	76,5	71,8	74,8	74,1	73,6	71,4	75,6	-1	+4	+3
Высшее и н/высшее	68,6	77,0	76,7	71,5	69,5	68,8	72,3	73,9	74,2	71,4	73,4	73,0	74,7	73,1	77,6	+3	+5	+2
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	51,6	51,5	57,2	54,6	57,0	50,1	53,5	55,2	55,7	55,9	56,9	56,1	58,3	53,3	50,7	-5	-3	+2
60% средне-обеспеченных	62,9	68,7	72,1	67,3	68,1	67,4	70,7	73,2	74,2	70,5	72,6	74,4	73,1	73,1	75,2	+1	+2	+3
20% наиболее обеспеченных	74,9	81,1	82,4	79,9	78,3	73,9	77,6	83,6	80,6	77,9	81,3	84,1	83,8	84,8	89,4	+9	+5	+6
Территории																		
Вологда	63,1	73,6	71,0	60,3	59,8	59,6	66,0	70,2	69,6	66,7	68,6	69,5	72,9	71,4	71,9	+2	+1	+4
Череповец	68,1	76,2	75,7	71,0	71,2	68,1	69,8	73,1	73,0	69,9	71,5	72,5	75,0	73,2	76,3	+3	+3	+3
Районы	61,6	59,8	68,6	67,8	69,5	67,7	70,2	71,6	73,4	70,7	72,7	73,1	71,6	69,3	72,2	-1	+3	+1
Область	63,6	67,3	71,2	66,6	67,4	65,6	69,0	71,6	72,3	69,4	71,2	71,9	72,9	70,9	73,2	+1	+2	+3
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения															14: 3 / 9 / 2	14: 4 / 10 / 0	14: 3 / 11 / 0	
Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.																		

РЕЗЮМЕ

Данные мониторинга общественного мнения за декабрь 2025 года позволяют сделать вывод о стабильности оценок населением ключевых социально-политических и социально-экономических индикаторов в стране и регионе. Основные тенденции показывают консолидацию мнений на уровне, сложившемся за предыдущий период измерений — октябрь 2025 г.

Одобрение деятельности высшего руководства страны остается на стабильно высоком уровне. Поддержка Президента РФ в течение 2025 года колебалась в узком диапазоне 65–67%, что сопоставимо с показателями 2024 года и превышает уровень 2023 года. Одобрение деятельности Председателя Правительства РФ также сохранилось на уровне около 54%. При этом зафиксировано снижение оценок деятельности губернатора Вологодской области: доля одобряющих сократилась с 52% в 2024 году до 43% в 2025 году. Однако в краткосрочной динамике наблюдается замедление отрицательных тенденций: с июня 2025 года уровень одобрения его работы повысился с 40 до 43%.

В партийных предпочтениях доминирует «Единая Россия», хотя ее поддержка за год снизилась с 42 до 38%, что вызывает опасения перед выборами в Государственную Думу Российской Федерации IX созыва в 2026 году⁴. Другие партии (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Новые люди») сохранили свои позиции без существенных изменений.

Социальное самочувствие населения характеризуется устойчивым позитивным фоном. Около 71–73% жителей области оценивают свое настроение как нормальное или хорошее. Запас социального терпения («всё не так плохо и можно жить») демонстрирует высокий и стабильный показатель (83%).

Однако в субъективной социальной идентификации наметилась негативная динамика: доля причисляющих себя к «людям со средним достатком» снизилась за год с 48 до 44%, а доля относящих себя к «бедным и нищим» по-прежнему остается высокой (39–41%).

Индекс потребительских настроений (ИПН) в регионе остается ниже отметки в 100 пунктов, составив 86–87 пунктов, что свидетельствует о сдержанно-негативных ожиданиях населения в экономической сфере. При этом ИПН сохранил стабильность как в сравнении с 2024 годом, так и в краткосрочной динамике за два месяца.

Детальный анализ по социально-демографическим группам показывает, что позитивные изменения в социальном настроении за последний год в основном коснулись наиболее обеспеченных категорий (20% наиболее обеспеченных), мужчин и лиц среднего возраста (30–55 лет). В то же время ухудшение настроения отмечено среди молодежи до 30 лет и наименее обеспеченных граждан.

Таким образом, ключевой характеристикой состояния общества Вологодской области по итогам 2025 года является стабильность. Высокий уровень поддержки федеральной власти сочетается со снижением одобрения регионального руководства. Сохраняется высокий уровень базового социального оптимизма и терпения, однако экономические ожидания остаются сдержанными, а субъективное восприятие собственного материального положения демонстрирует тенденцию к умеренному ухудшению. Общественные настроения в целом консолидированы, а наблюдаемые изменения носят структурный характер, который заключается в расслоении социального самочувствия по доходному и возрастному признакам. Общий позитивный фон настроений маскирует растущую поляризацию: улучшение ситуации среди наиболее обеспеченных групп происходит параллельно с ухудшением настроений среди молодежи и наименее обеспеченных жителей региона.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

⁴ Выборы в Государственную Думу Российской Федерации IX созыва пройдут в Единый день голосования 18–20 сентября 2026 года.

Список статей, опубликованных в 2025 году

	№	Стр.
От главного редактора		
Ильин В.А., Морев М.В. 25 лет президентских сроков В. Путина: «Воин», «Правитель», «Творец»	1	9-45
Ильин В.А., Морев М.В. К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Враг не только по другую линию фронта»	2	9-38
Ильин В.А., Морев М.В. «Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма»: к чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии	3	9-39
Ильин В.А., Морев М.В. К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперёд идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом»	4	9-45
Ильин В.А., Морев М.В. Единый день голосования – 2025: очередной экзамен пройден, но доверие общества к политической элите продолжает вызывать большие вопросы	5	9-46
Ильин В.А., Морев М.В. В каком государстве хотят жить россияне? Какое государство построено?	6	9-45
Государственное управление		
Балацкий Е.В. Глобальные управленческие войны: генезис, специфика и значение	3	40-64
Балацкий Е.В. Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования	1	46-65
Левашов В.К., Великая Н.М., Савинков В.И. Социально-политическая устойчивость российского общества как критерий легитимности государства	2	57-75
Тощенко Ж.Т. Тернистые пути современного российского высшего профессионального образования	5	47-60
Вопросы теории и методологии		
Бахтизин А.Р., Макаров В.Л., Отмахова Ю.С., Сушко Е.Д. Агент-ориентированные модели эпидемий: международные тренды и реализация в российской практике	5	79-97
Волконский В.А. Эпохи пассионариев и консерваторов и образ будущего в исторических процессах	2	39-56
Вольчик В.В., Фурса Е.В., Маслюкова Е.В. Экономические реформы, модернизация и идеология особого пути в России	5	61-78
Огородникова Е.С., Плахин А.Е. Сравнительная оценка аллокативной эффективности функционирования государственных, коммерческих и некоммерческих организаций социальной сферы	3	168-182
Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Проблемы оценки нематериальных ресурсов при реализации политики развития сельских территорий	4	129-142
Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Рычихина Н.С. Профессиональный стандарт «Демограф»: от квалификации специалистов к эффективным решениям в области демографии	1	66-79
Региональная экономика		
Бухвальд Е.М., Бессонов И.С. Пространственные аспекты развития сектора малых предприятий в регионе	1	106-120
Дружинин П.В., Морошкина М.В., Седова К.Е. Влияние агломерационного фактора на развитие муниципальных образований Новосибирской области	1	121-134
Иванова Е.И. Выравнивание региональных различий в уровне жизни населения в Российской Федерации: оценки и факторы	3	114-135
Кайсина П.А., Шаклеина М.В., Светличная С.В. Проблема повышения качества жизни населения: роль социально-экономического генотипа в формировании стратегии развития регионов	6	71-89
Лаженцев В.Н. Социально-экономические проблемы Европейского Севера России и географический аспект их решения в современных условиях	1	80-88
Лебедева М.А., Чжан Дань Трансформация экономики угледобывающих моногородов Китая и России: опыт Пинсяна и Воркуты	3	136-152
Леонидова Е.Г. Туризм как возможный фактор роста экономики региона: оценка мультипликативных эффектов и сценарное моделирование	5	114-128
Малкина М.Ю. Факторы экономического роста Нижегородской области: моделирование ВРП с использованием данных регионов-двойников	2	76-89
Манаева И.В., Мельников В.В. Оценка потенциала агломерационных процессов в регионах Российской Федерации	2	90-106

Патракова С.С. Влияние автотранспортной связности на экономический рост регионов: эконометрическое моделирование	1	89-105
Румянцев Н.М., Лукин Е.В. Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России: структурный подход к мониторингу	6	46-70
Секушина И.А. Институты развития малых и средних городов Северо-Западного федерального округа	5	98-113
Ситковский А.М., Райсих А.Э., Гладкий А.С., Безвербная Н.А. Влияние агломерационного эффекта на демографическую политику территорий	6	90-109
Отраслевая экономика		
Глухих П.Л., Шкурин Д.В., Шевченко Н.Г. Административные барьеры роста микропредприятий: типология и эмпирическая оценка	1	152-169
Лаженцев В.Н. Организация и размещение новых производств в Республике Коми (экспериментальный подход)	3	101-113
Ма Х., Ли Ч., Чэн С., Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Развитие литиевой промышленности России и Китая в контексте энергетического перехода и достижения углеродной нейтральности	1	135-151
Наумов И.В., Никулина Н.Л., Бычкова А.А. Сценарное прогнозирование вероятности банкротства предприятий химической промышленности в Свердловской области	2	107-122
Петров С.П., Печенская-Полищук М.А. Адаптация цепей поставок черной металлургии России к геополитическим вызовам: от переориентации потоков к изменению финансовых результатов	6	110-131
Пьянкова С.Г., Макаренко Б.В. Предпосылки создания агробиотехнопарка как элемента инновационной инфраструктуры	6	132-155
Тахумова О.В., Бурса И.А. Проблемы устойчивого развития молочного скотоводства в российских регионах в условиях санкций	6	156-174
Тихонова А.В., Герасимова А.Е. Развитие налоговой поддержки сельского хозяйства в контексте повышения эффективности различных налоговых режимов	2	123-140
Файзуллин Р.В., Отоцкий П.Л., Горлачева Е.Н., Поспелова Е.А., Харитонов Е.С. Сценарии развития рынка труда России с учетом оценки влияния искусственного интеллекта: отраслевой разрез	1	170-189
Общественные финансы		
Климанов В.В., Тимушев Е.Н., Вантрусев В.А. Отражение расходных приоритетов в бюджетном планировании регионов	4	112-128
Левина В.В. Бюджетные параметры крупнейших городов и их влияние на экономическое развитие регионов	4	95-111
Шавалеева Ч.М. Оценка качества управления региональными финансами: проблемы методологии и направления совершенствования	3	153-167
Научно-технологическое и инновационное развитие		
Аверьянов А.О., Степуть И.С. Кадровое обеспечение инновационных процессов: проблематика и содержание	4	79-94
Домнич Е.Л. Экономическое значение неоднородности инновационного развития регионов России в условиях внешних шоков	4	46-61
Ма Х., Чеплинские И.Р., Румянцев Н.М. Модернизация промышленной системы в условиях цифрового интеллектуального преобразования и «зеленого развития»: опыт России и Китая	4	62-78
Социальное и экономическое развитие		
Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. Современный этап развития волонтерства в России: динамика и ресурсы социального капитала	3	236-252
Акин Ф., Озгюн Ф. Гипотеза экологической кривой Филлиппа для России: взаимосвязь между уровнями загрязнения окружающей среды и безработицы	6	227-247
Архангельский В.Н., Козлова О.А., Калачикова О.Н. Значимость исследований репродуктивных намерений населения для прогнозирования рождаемости	3	223-253
Белехова Г.В., Попов А.В. Возрастные особенности подготовки к старости: стратегии населения в контексте реализации госпрограмм для старшего поколения	3	203-222
Буданов И.А., Устинов В.С. Эффективность накопления основного капитала в России: тенденции и сценарии	1	190-205
Васильева Е.В. Проблемы трудовой и внутрисемейной деятельности старшего поколения	5	166-186
Груздева М.А., Гордиевская А.Н. Критерии цифрового благополучия населения: состояние и проблемы	5	187-199

Долбик-Воробей Т.А. Волонтерство в России: тенденции, региональные различия и влияние социально-демографических факторов	4	214-231
Калашников К.Н. Доступность и качество медицинской помощи для пожилого населения как особой социально-демографической группы	2	180-193
Коленникова Н.Д. Субъективный социальный статус россиян: взаимосвязь с имущественными характеристиками	6	175-193
Кулаков М.П., Мишук С.Н. Динамика и возрастная структура миграционных потоков регионов Дальнего Востока	1	220-242
Макарова М.Н. К оценке влияния социальных рисков на продолжительность жизни экономически активного населения	1	206-219
Мехова А.А., Воробьева И.Н., Вавилова А.С. Корпоративные демографические практики бизнеса: отношение российских студентов как будущих работников	2	163-179
Нацун Л.Н. Обоснование выбора показателей эффективности регионального здравоохранения	4	184-198
Нидергаус Е.О., Кеммет Е.В. Влияние межпоколенческих различий на вовлеченность персонала в деятельность организации	5	200-210
Одинцова Е.В. Уровень и качество занятости домохозяйств с детьми: (не)устойчивость положения и динамика в новых условиях развития России	5	129-142
Патракова С.С., Копытова Е.Д. Современное состояние продовольственной безопасности регионов Европейского Севера России	5	143-165
Ростовская Т.К., Ситковский А.М. Демографические ресурсы России: вариативность подходов и оценок	3	183-202
Смирнов А.В., Лыткина У.В., Чупрова Е.А. Рождаемость на Севере России: пространственные и этнические закономерности	2	194-211
Степанова Т.Д. Интегративная модель социально-экономического развития человеческого потенциала: адаптация к вызовам современной России	4	199-213
Сушко П.Е. Структура массовых слоев российского населения по уровню субъективного благополучия	4	143-163
Тонких Н.В., Бегичева С.В., Камарова Т.А. Влияние цифровизации занятости на родительские стратегии	6	211-226
Фролов А.А., Холина В.Н., Горбунов В.С. Человеческий капитал и институты его развития в условиях технологической трансформации: опыт России и стран ЕАЭС	2	141-162
Черных Е.С., Коровкина Н.В., Леонидова Г.В. Неформальная занятость: проблемы баланса «работа – личная жизнь»	6	194-210
Чижова Л.А., Тутыгин А.Г., Максимов А.М., Кошуняева Н.В. Экономическое поведение населения региона: роль социокультурных факторов в условиях Арктики	4	164-183
Шмидт Н.И. Значение корпоративных социальных услуг для устойчивого развития компании	4	232-249
Мировой опыт		
Ефимова Е.Г., Ши Ю., Скрипнюк Д.Ф. Влияние электронной коммерции на экспортную торговлю: модели пространственных панельных данных регионов Китая	2	212-229
Леонов С.Н., Заостровских Е.А. Китайская инициатива «Один пояс, один путь»: эволюция, возможности, противоречия	3	85-100
Сапир Ж. Экономический спад в странах Европы: глобальные причины и локальный контекст	3	65-84
Международный опыт		
Изотов Д.А. Торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР: эффекты интеграционных соглашений	5	211-229
Каро-Гонсалес А., Вальехо О., Альбала Х. Восстановительные преобразования на перепутье: опыт использования «живых лабораторий»	4	250-267
Тарасова О.В., Исупова Е.Н. Межрегиональная дифференциация и анализ результатов управления пространственным неравенством в КНР	5	230-248
Шабунцова А.А., Гань Гэньхуа, Калачикова О.Н. Культура и традиции как драйверы развития территорий: опыт России и Китая	6	248-263
Научные обзоры		
Башева О. А., Черникова Е. Ф., Ведунова М.В. Междисциплинарные пересечения исследований детерминант старения	6	279-295
Вегнер-Козлова Е.О. Обзор методик оценки экономики замкнутого цикла	4	285-302
Галкин К.А. Современные исследования села в России и Китае: научный обзор	5	249-263

Калачикова О.Н., Шматова Ю.Е., Разварина И.Н. Опыт поддержки многодетных семей: обзор успешных практик	1	243-272
Короленко А.В., Белехова Г.В., Косыгина К.Е. Экосистемы устойчивого развития локальных территорий: обзор теоретических подходов	2	230-246
Косыгина К.Е., Гужавина Т.А. Логика развития направления исследований по проблематике гражданского общества в ВолНЦ РАН	6	264-278
Рассохина И.И., Платонов А.В., Мазилев Е.А., Смирнова Ю.М. Проблемы использования биотехнологий в сельском хозяйстве: первые результаты работы лаборатории биоэкономики и устойчивого развития ВолНЦ РАН	3	253-269
Шубат О.М., Радишевская А.А. Корпоративная гражданственность: обзор научных публикаций	4	268-284
Мониторинговые исследования		
Косыгина К.Е., Бахвалова И.М. Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	1	273-284
Косыгина К.Е., Бахвалова И.М. Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	2	247-258
Косыгина К.Е., Бахвалова И.М. Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	3	270-281
Косыгина К.Е., Бахвалова И.М. Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	4	303-313
Косыгина К.Е., Бахвалова И.М. Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	5	264-274
Косыгина К.Е., Бахвалова И.М. Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	6	296-310

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание — по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание — по центру. Интервал — одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем — MS WORD, MS VISIO, для создания формул — MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем — англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы — не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала — 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо — Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина,
Т.В. Попова
О.В. Лебедева

Подписано в печать 24.12.2025.
Дата выхода в свет 29.12.2025.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 37,0. Тираж 500 экз. Заказ № 57.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru